

Е. И. ОВСЯНКИН
АРХАНГЕЛЬСК КУПЕЧЕСКИЙ
Архангельск
Издательство "Архконсалт"
2000

На основании различных источников автор рассказывает о становлении и развитии купеческого сословия древнего поморского города Архангельска.

Впервые в одной книге прослеживается судьба деловых людей Севера с конца XVIII века до 20-х годов XX столетия. Много внимания уделено показу жизни выходцев из Западной Европы, создавших в городе немецкую слободу.

Труд существенно переработан и дополнен в сравнении с первым печатным изданием. Предназначается для широкого круга читателей.

Редактор *Л. И. Климова*
Ответственный за выпуск *В. А. Губин*

ВВЕДЕНИЕ

Прошлое Архангельска издавна привлекает пристальное внимание российских историков. Рождение города и становление первого в Московском государстве морского порта, роль его во внешней и внутренней торговле России, казенное и частное судостроение – все эти и многие другие проблемы получили освещение в трудах как историков–архангелогородцев, так и ученых, живущих в разных регионах России и за ее пределами. И это неудивительно. В XVII и в начале XVIII вв. новый город на Северной Двине был своеобразным центром общероссийского рынка, и без него нельзя представить историю нашего Отечества.

Книги летописцев разных поколений остаются известными среди исследователей–профессионалов, краеведов, студентов, всех, кто интересуется прошлым уникального поморского города.

В большом потоке литературы достойное место занимают труды В.В. Крестинина, С.Ф. Огородникова, П.М. Трофимова, Г.Г. Фруменкова, А.А. Куратова, Г.П. Попова, Л.Д. Поповой и ряда других историков¹. Особого внимания заслуживают содержательные книги и статьи Н.Н. Репина, В.Н. Захарова, О. В. Овсянникова, В.П. Пузырева, коллективный сборник статей “Архангельск в XVIII веке” и др.² Существенно обогатил историографию Русского Севера многотомный труд профессора В.Н. Булатова³.

Между тем, в многообразном комплексе вопросов, характеризующих становление и развитие Архангельска, до сего времени, на наш взгляд, не получила должного отражения история архангельского торгово-промышленного сословия.

Сведения об архангельских купцах и предпринимателях, разбросанные в различных изданиях, пока еще довольно скудны. Наиболее важным исследованием этой темы являются книги С. Ф. Огородникова, не потерявшие своей ценности в наши дни⁴. Однако главная работа этого историка “Очерк истории Архангельска в торгово-промышленном отношении”, вплоть до издания нашего трехтомника, была библиографической редкостью. К тому же многие аспекты ее требуют дополнения и обогащения свежими данными, добытыми новыми поколениями историков.

Кроме того, в своей разработке проблем экономического развития автор ограничился в основном ранним периодом истории Архангельска. Оценивая рукопись труда ученого, Г.И. Минейко не без основания отметил: “Весь период времени, следующий за петровской эпохой, торговое развитие Архангельска занимает в очерке самое невидное место... Автор касается его как бы вскользь”⁵.

Активный сотрудник губернского статистического комитета, известный историк Г. Минейко оказался прав в том смысле, что вторая половина XVIII и даже XIX вв. остались как бы в тени эпохи петровских реформ. Кроме этого Минейко упрекнул автора в том, что, увлекшись анализом торгового значения города, он привел в рукописи крайне мало сведений о промышленном развитии города, непомерно много написал о засилье во внешней торговле иностранных купцов и т.д.⁶

Вне поля зрения последующих исследователей остался XX век. В трудах историков советского периода информация о северных купцах и промышлен-

никах представлена чрезвычайно скупо или же однобоко, тяготея к обличению русских и иностранных бизнесменов, обвинению их в варварской эксплуатации трудовых людей и богатств Севера. Суждения о неминуемой гибели капитализма и установлении в последующем диктатуры пролетариата, господствовавшие в то время, делали изучение истории предпринимательства, а тем более конкретный анализ деятельности отдельных предприятий, акционерных компаний и в особенности “личного состава” торгово-промышленного мира, делом бесперспективным.

Интерес к истории торгово-промышленного сословия Севера оживился в 80-е гг. XX века. Ряд публикаций, научно-практических конференций были связаны с 400-летием Архангельска, а затем – с переменами, которые стали происходить в нашем обществе в 80-90-е гг. Разнообразные статьи появились в краеведческих сборниках, в архангельской периодической печати. В этих изданиях содержались сведения о предпринимательской, благотворительной и общественной деятельности многих купцов. Среди авторов публикаций можно назвать имена профессора Ю.А. Барашкова, журналиста С.Н. Доморощенина, экономиста А.Ю. Вертячих и др. Т.С. Минаева защитила в то время кандидатскую диссертацию, посвященную истории морского порта в первой половине XIX века⁷.

Нельзя не отметить две характерные особенности статей и книг, посвященных этой теме. *Во-первых*, авторы по прежнему уделяли основное внимание раннему периоду истории города, главным образом, эпохе Петра I⁸. *Вторым* направлением разработки этой проблемы явился анализ процессов проникновения и функционирования на Севере иностранных предпринимателей. Среди других укажем на ранее упомянутый труд В.Н. Захарова, а также работы А.В. Демкина, кандидатскую диссертацию В.В. Тевлиной⁹.

Истории собственно архангельского русского купечества во всех названных работах, по нашему мнению, уделено явно недостаточно внимания.

Между тем, история российского бизнеса приобрела в наши дни не только теоретический, но и практический интерес. Логика социально-экономического развития России в конце XX века продиктовала необходимость возвратиться к осмыслению опыта общественно-экономической эволюции, прерванной в 1917 году.

Знакомство с этим опытом, как справедливо отмечается в одном из первых обобщающих трудов по истории российского предпринимательства, позволяет глубже уяснить такие важные проблемы, как “национальная ментальность и ее проявления в отношениях с практикой предпринимательства, общее и специфическое в истории российской коммерции в сравнении ее с западноевропейской и американской, суть национальных традиций в отношениях между трудом и капиталом, а также между капиталом и государством, национальный тип корпоративности российского предпринимательства, мера его способности реагировать на социальные и духовные запросы общества, на политические процессы, происходящие в нем”¹⁰.

Понятно, что дать обстоятельный ответ на эти и другие вопросы невозможно без изучения истории торгово-промышленного сословия отдельных регионов России. “Созданию истории русского купечества, – справедливо отметила историк Н.Б. Голикова, – должно предшествовать появление целой серии предварительных исследований”¹¹. Без решения этой многогранной проблемы,

подчеркнула далее она, нельзя считать раскрытым во всей полноте прошлое русского народа.

Архангельск, начиная со второй половины XVI века, являлся крупным центром складывавшегося общероссийского рынка, местом, где формировались крупные капиталы в торговле, а затем и в промышленности. Из Москвы на Север шел наряду с Новгородским, Поволжским, Сибирским, Смоленским и Украинским важнейший торговый путь – Сухоно-Двинской или Беломорский.

Длительное время этот речной маршрут, проложенный через Вологду по Сухоне и Северной Двине в Архангельск, а оттуда в зарубежные страны, как магнит, притягивал к себе крупнейших русских предпринимателей. К нему тяготели до 80 центров русских промыслов и торговли: Москва, Ярославль, Вологда, Кострома, Великий Устюг, Тотьма, города и посады Поважья и многие другие.

В торговых операциях в Архангельске принимал участие широкий круг людей: российские и иноземные купцы, русские вельможи А.Д. Меншиков, П.П. Шафиров, П.И. Шувалов. Свою торговлю имели здесь русские цари.

Исследования историков Б. Кафенгауза, Н.Н. Репина, Р.И. Козинцевой и др. свидетельствуют о том, что на архангелогородской (Маргаритинской) ярмарке начинали свою карьеру будущие крупные российские промышленники М. Г. Евреинов, И. И. Исаев и др.¹².

В Архангельске быстро сложился первый в Московском государстве центр военного и торгового судостроения, издавна прочно обосновались на временное и постоянное жительство купцы из западноевропейских стран, создав в черте города так называемую Немецкую слободу.

Свою уникальность и общероссийскую значимость Архангельск не потерял и в тяжелое для него время, когда Россия после победы над Швецией получила выход на Запад через Балтийское море, и северный порт утратил свое первенство во внешнеторговых связях страны.

В литературе, вышедшей в XX веке, пока еще не было специальной работы, посвященной истории архангельского купечества. В лучшем случае исследователи анализировали этот вопрос в связи с общими темами.

Книга, предлагаемая читателям, является кратким очерком истории формирования и развития архангельского купечества, исследованием его роли в экономической и общественной жизни города, губернии и всей России. Основное внимание уделено периоду с 70-х годов XVIII века, когда был законодательно закреплён статус российского гильдейского купечества, до 1920 года, т.е. до того момента, когда частное предпринимательство практически было ликвидировано.

Опираясь на сумму накопленных наукой знаний, учитывая бесценный труд поколений отечественных историков, собственные изыскания в архивах, автор стремился показать пути становления северного предпринимательства, его роль в развитии внутренней и внешней торговли через Архангельский порт. В поле зрения были такие вопросы, как численность архангельского купечества, участие его в создании промышленных заведений, развитии благотворительности и многие другие.

Значительное внимание уделено жизни и деятельности поселенцев иноземной или Немецкой слободы, роли иностранных купцов в становлении торговли и промышленности в Архангельске. Специфический опыт архангель-

ской экономики дает возможность взглянуть с позиций реальных фактов на такую важную проблему, как место и роль иностранных капиталов в процессе развития северного края и всей России.

Во второй части книги автор попытался рассказать и о конкретных людях, являвшихся душой архангельского торгово-промышленного бизнеса. Многие из них играли заметную роль в общественной жизни города. С этой целью публикуются популярные очерки о русских купцах и о тех выходах из западноевропейских стран, которые прочно вписали свои имена в историю Севера: династиях Бажениных, Поповых, Володиных, Беляевских, А.С. Чудинове, М.А. Ульсене, И.И. Буркове и ряде других. Хотя в XX веке Архангельск стремительно изменился, нельзя забывать о том, что облик и значение северного города долгое время определяло архангельское и российское купечество.

Автор стремился предельно объективно рассказать в доступной для широкого круга читателей форме о поколениях людей, деяниями которых в решающей мере определялось развитие Архангельска: строились заводы и корабельные верфи, велась торговля, возводились церкви и жилые дома, появлялись сотни торговых заведений, осваивались новые земли и в результате происходило становление одного из крупнейших рынков всероссийского значения.

Изложению истории северного купечества предпослана небольшая глава, повествующая о рождении предпринимательского мира всей России. По нашему мнению, историческая книга, в которой нет общероссийского фона, отсутствует понимание и ощущение общегосударственного масштаба изображаемого периода, не может считаться полноценной работой.

Основным источником явились документы государственного архива Архангельской области, архива Регионального управления федеральной службы безопасности Российской Федерации по Архангельской области, а также работы справочно-статистического характера, исследования российских историков и экономистов, пресса разных лет.

Убежден в том, что трезвое осмысление богатого и далеко не однозначного, противоречивого опыта минувшего, поможет глубже понять сущность и уроки предпринимательской деятельности прошлого, а также вернее оценить реалии, сложившиеся в нашей жизни.

Считаю своим приятным долгом засвидетельствовать искреннюю благодарность за помощь в работе над книгой работникам архангельских архивов: В.А. Волынской, Л.В. Гундаковой, О. И. Корнеевой, В.А. Радишевской, Т.А. Санакиной, Т.В. Титовой, С. Б. Хоровой, Н.Н. Паршиной, без содействия и консультаций которых не могли бы явиться на свет многие сведения, содержащиеся в этом труде.

Выражаю мою душевную признательность библиографам-краеоведам областной научной библиотеки имени Н.А. Добролюбова Е.И. Тропичевой, М.А. Смирновой, О. А. Соловьевой, З.В. Истоминой, Ф.С. Агапитову, а также сотрудникам архангельских музеев Е.П. Бронниковой и Т.В.Зелениной за эрудированные, дружеские советы и подбор старинных фотоснимков. Я искренне благодарю также профессоров В.Н. Булатова, В.И. Голдина, А.А. Куратова, А.В. Пластинина, Ф.И. Поташева, А.В. Репневского, историка-архивиста Н.А. Шумилова, издателя В.А. Губина, В.В. Телова, А. И. Серебренникова, а также уже ушедших из жизни журналиста Н.С. Федорова и фотографа Н.Г. Блохина

за внимательное знакомство с рукописью, ценные замечания и советы по ее доработке.

Самую глубокую благодарность за постоянную моральную поддержку и безграничное терпение я выражаю своей жене Лидии Ивановне Климовой – редактору книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792; Огородников С.Ф. История Архангельского порта. СПб., 1875; Очерк истории Архангельска в торгово-промышленном отношении (Далее: Очерк истории Архангельска...). СПб., 1890; Трофимов П.М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., 1961; Архангельск 1584 – 1984: Фрагменты истории / Сост. Е.Ф. Богданов, Ю.И. Калмыков; Науч. ред. Г.Г. Фруменков, А.С. Щукин). Архангельск, 1984; Куратов А.А. Историография истории и культуры Архангельского Севера. Вологда, 1989; Он же. Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера. Архангельск, 1992; Он же. История и историки Архангельского Севера: Вопр. источниковедения и историографии: Моногр. Архангельск, 1999; Попов Г.П. Ногою твердой стать при море... Штрихи к портрету Архангельского порта. Архангельск, 1992; Попова Л.Д. Архангельск: Очерк истории строительства: Конец XVI – нач. XX в. Архангельск, 1994.

²Репин Н.Н. Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVII в.: Арханг. и Петерб. порты. Омск, 1989; Он же. Торговля России с европейскими странами на отечественных судах: Конец XVII – середина XVIII в. // Исторические записки. 1985. № 112. и др.; Овсянников О.В. Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971; Он же. К топонимике и топографии старинного Архангельска // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск, 1991. С.55-112; Он же в соавт. С Фирсовой Л.Д. Архангельские гостиные двory // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С.108-123; Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. М., 1996; Пузырев В.П. Паруса над студеным морем: Судостроение, промыслы и торговое судоходство на Белом море в XVIII в. М., 1993; Архангельск в XVIII веке / Сост. и отв. ред. Ю.Н. Беспятых. СПб., 1997 и др.

³Булатов В.Н. Русский Север: [В 3 кн.]. Кн. 1: Заволочье: (IX – XVI вв.). Архангельск, 1997; Кн. 2: Встречь солнца: (XV – XVII вв.). Архангельск, 1998; Кн. 3: Поморье (XVI – начало XVIII в. Архангельск, 1999.

⁴Огородников С.Ф. История Архангельского порта.; Очерк истории Архангельска ...

⁵Архангельские губернские ведомости (далее: АГВ). 1888. 22 окт.

⁶Отчет комиссии о присуждении премии за составление истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. Доклад пред. Комиссии Г.И. Минейко. Архангельск. 1888. С. 4,5, 21 и др.

⁷См. Барашков Ю.А. Рубрика “Старый Архангельск” в еженедельниках Арханг. телекомпаний «Двинская хроника», “Газета АТК” и др. 1995 – 1998 гг. Эти публикации Ю.А. Барашков собрал воедино в книге «Двинская хроника», подготовленной совместно с Валинг Гортер-Гронвигом и изданной в Финляндии в 1999 г.; Доморошенов С.Н. Наследство: Ист. - краевед. сб. очерков о мезенской жизни в течение ста с лишним лет. Мезень, 1992; Вертячих А.Ю. Капитал в Архангельске: вчера, сегодня, завтра. М., 1994; Минаева Т.С. Архангельский морской порт в первой половине XIX века: Автореф. дис...канд. ист. наук. Архангельск, 1996.

⁸См. например, сборник: Архангельск в XVIII веке / Сост. и отв.ред. Ю.Н. Беспятых.

⁹Захаров В.Н. Указ. соч.; Демкин А.В. Западноевропейские купцы и их приказчики в России в 17 в. М., 1992; Он же. Западноевропейское купечество в России в 17 в. М., 1994; Тевлина В.В. Иностранное предпринимательство на Европейском Севере России во второй половине XIX – начале XX вв.: 1861 – 1917 гг.: Автореф. канд. дис. Петрозаводск, 1994.

¹⁰Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века (Далее: Предпринимательство и предприниматели в России...). М., 1997. С.3.

¹¹Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. / Отв. ред. Л.А. Тимошина. М., 1998. Т.1. С. 3.

¹²См. Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России: последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в. М.,1994; Репин Н.Н Указ. соч.; Козинцева Р.И. Внешнеторговый оборот Архангельской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.;Л., 1964. С.116-163.

Часть первая

ДЕЛОВОЙ АРХАНГЕЛЬСК

В ИСТОРИИ РОССИИ

Из истории российского купечества. – Рождение и становление архангельского торгово-промышленного сословия. – Сколько было в Архангельске торговых людей? – Наказ города Архангельска. – Для пользы делового мира Поморья (Из истории архангельских банков). – Первое окно в Европу (Внешняя торговля. Торговые пути-дороги. Торговля на русских морских судах). – От торговли - к производству. (Купцы и промышленность. История первой архангельской купеческой бумажной фабрики. Семейные фирмы, торговые дома, акционерные компании). – Ярмарки. – Немецкая слобода (У истоков иноземного поселения. Рождение Немецкой слободы. Дела торговые. Внедрение в промышленность. На службе общества. Репрессии против жителей Немецкой слободы). – На заре XX века. – В период интервенции. – “Обратить в достояние Республики”. – Трагедия деловых людей Севера

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Прежде всего, уточним некоторые понятия, которые автор намерен использовать в своей книге. Наиболее употребительными среди них являются наименования: гость, гостиная сотня, купец, торговец, предприниматель, гильдии, фирмы и ряд других.

Что означали эти слова, какое содержание вкладывалось в них на разных этапах истории России?

Российские исследователи справедливо отмечают, что понятийный аппарат в области торговли и промышленности вырабатывался длительное время и соответствовал достигнутому уровню развития экономической жизни государства.

В Древней Руси *купцами* называли горожан, которые занимались в основном торговлей, осуществляя от своего имени предпринимательскую деятельность с целью получения прибыли.

Первые упоминания о купцах относятся к X в. Однако, понятие “купечество” окончательно выкристаллизовалось в первой четверти XVIII века¹. Оно стало употребляться по отношению к посадским людям, занимавшимся торговлей. Причем принадлежность к этому сословию достигалась путем взятия купеческого свидетельства одной из трех гильдий и утрачивалась в случае его невозобновления в установленный срок.

Наряду с этим на Руси издавна употреблялось и понятие “гость”. Оно использовалось первоначально по отношению к людям, имевшим торговые отношения с зарубежными рынками, т.е. ездившим “погостить” в заморские государства, а также по отношению к лицам, приезжавшим продавать и покупать товары из других стран. Этот термин известен уже в памятниках X в. (договорах Олега и Игоря с греками).

С XIII века на Руси бытовал также более обобщенный термин “*торговец*”. В ходу было и слово “*гостинодворец*” – так называли купца или его сидель-

ца, продавца, торговавшего в рядах. Все эти слова сейчас устарели, в оборот введено понятие “предприниматель”, или “бизнесмен” (от английского слова *business*), означающее дело, занятия того или иного человека.

В современной литературе под предпринимателем понимают того, кто самостоятельно и под свою личную ответственность руководит предприятием и единолично принимает решения о планировании и осуществлении всех производственных процессов². И в этом смысле слово “предприниматель” сейчас нередко распространяют на все поколения российского купечества.

Термин “*гильдия*” в России был впервые упомянут в 1719 году в важном государственном документе – регламенте Коммерц-коллегии. Он происходит от немецкого слова *Gilde*, означавшее объединение купцов. Регламент Главного магистрата, появившийся в 1721 году, объявил обязательным создание гильдий во всех городах. Популярно объясняя смысл этого слова, В. Даль определил его как “торговые разряды”, на которые разделялись купцы по своим правам и платимым за это пошлинам³.

* * *

С понятием “*купец*” связана многовековая история России. Летопись русского торгового сословия хранит важнейшие страницы нашего Отечества. Она нашла отражение во многих государственных документах, богатых материалах регионального уровня, касается судеб династий самых именитых людей нашей страны, тысяч представителей русского народа. Как же происходило становление русского купечества, разворачивалась его практическая деятельность?

Торговые люди на Руси, начиная с XI–XII вв., постепенно объединялись в особые группы населения, которые выделялись имущественным положением и пользовались поддержкой княжеской власти.

Первая русская купеческая корпорация возникла в Новгороде в XII веке. Она вобрала в себя крупных оптовых торговцев воском и называлась Ивановская община (“Иванское сто”, появившееся при церкви Ивана на Опоках). Подобные корпорации торгующих людей имелись и в других городах Древней Руси (“Московское сто”, “Сурожане”⁴).

Именно в этот период расцвела торговля Великого Новгорода, ориентированная главным образом на внешний рынок. Основными партнерами новгородских гостей являлись представители северогерманской Ганзы, установившей торговую монополию на Балтике. Уже в XII – XV вв. обнаружилось намерение иностранцев не пускать русских купцов на свои внутренние рынки. Ганзейцы, используя накопившийся у них опыт мореплавания, силу капиталов и формы организации, стремились покупать товары на территории Руси и прибыль от их продажи в Европе сосредоточивали в своих руках. Новгородцы в лучшем случае ограничивались торговлей в ближайших зарубежных городах: Нарве, Риге, Ревеле, лишь изредка прорываясь на небольших судах в Швецию и другие страны⁵. Эта особенность торговых отношений иностранных купцов с Россией четко проявлялась вплоть до второй половины XIX века.

Естественный рост купеческого сословия на Руси был прерван татаро-монгольским нашествием, нанесшим тяжелый удар по всему укладу хозяйственной жизни страны. Он возобновился в полной мере лишь в XIV в. Постепенно богатые и влиятельные группы купцов появились в Москве, Новгоро-

де, Вологде, Н. Новгороде, Твери и других торгово-промышленных центрах древней Руси.

Заметный урон процессу развития купеческого сословия нанесла опричнина. В период правления Ивана Грозного многие представители торгового мира в ряде ремесленных центров, в особенности в Твери, Новгороде и других, были истреблены физически, их имущество пополнило казну царя и его “слуг”. На некоторое время купцы слились с другими слоями посадских людей, обязанных платить подати и отбывать казенную службу.

Однако в то же время от имени Ивана IV были даны первые жалованные грамоты торгующим людям⁶. Царь поддерживал этим актом ряд именитых торговцев, в числе которых были представители знаменитого предпринимательского рода Строгановых, развернувших свою деятельность в Сольвычегодске и положивших начало освоению русскими людьми Урала и Сибири.

В 1557 году Аника (Аникей) Строганов доказал царю необходимость этого шага России и получил от Ивана Грозного огромные массивы земель по Каме в Перми Великой. А наследники Аники явились инициаторами отправления за свой счет отрядов Ермака в поход за Уральские горы, сыграв, таким образом, огромную роль в присоединении к России Урала и Сибири.

К началу XVIII века владения Строгановых составили более 10 млн. десятин, что превышало территорию Голландии, Бельгии и Дании, вместе взятых. У них было до 50 тыс. вольных и крепостных крестьян. Имея поташные промыслы и солеварни, они делали крупные торговые обороты, значительная часть их товаров шла через Архангельск на Запад. Как один из богатых торговцев своего времени, Аника Строганов по указу царя наблюдал за торговлей англичан на Севере. В 1570 г. Аникей и его сын Яков основали в Соломбале судостроительную верфь⁷.

Со школьных лет по картинкам в учебниках нам знаком внешний вид дома, сооруженного Строгановыми в 1565 году в Сольвычегодске. Эти необычные по своему внешнему виду палаты, простоявшие более двух веков, имели высоту более 20 сажень и длину 34 сажени (около 70 метров) и символизировали богатство именитых людей Севера. Как установили историки, этот рисунок не соответствовал настоящему виду хором, но он завораживал своей необычностью⁸.

Строгановы не оставались в долгу перед властями. Только в момент междоусобицы и в правление Михаила Романова они пожертвовали около 840 тысяч рублей, а всего до конца XVII века выделили государству огромную сумму в 2,5 млн. рублей серебром⁹.

В отличие от всех знатных людей своего времени, Строгановы, как заметил известный русский историк Н. Устрялов, имели особенное, “исключительно им принадлежащее, звание именитых людей”. Имена Якова, Григория и Семёна – сыновей Аникия – особой статьёй были внесены в Соборное Уложение 1649 года¹⁰.

Строгановы ни с кем не смешивались и в других важных документах. Так, например, грамотой царя Михаила Федоровича 1616 года, объявлявшей чрезвычайный сбор денег повелено: “с дворцовых, монастырских и боярских отчин взять сотные деньги; с гостей и торговых людей пятую деньгу; а со Строгановых с вотчин, промыслов и животов 40 000 рублей”¹¹.

Григорий Дмитриевич (1656 – 1715) не раз выручал деньгами Петра Великого, за что три его сына (Александр, Николай и Сергей) в 1722 году удо-

стоились баронского титула, а внук Александр Строганов (1733 – 1811) стал графом, президентом Академии художеств и членом Государственного совета.

В более поздние годы один из потомков Строгановых – граф Сергей Григорьевич (1794–1882) был воспитателем наследника российского престола цесаревича Николая Александровича. Он основал знаменитое впоследствии Строгановское училище живописи, ваяния и зодчества.

А его брат – граф Александр Григорьевич (1795 – 1891) стал видным государственным деятелем: министром внутренних дел, членом Государственного совета, новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. Свою громадную библиотеку он завещал после себя Томскому университету.

* * *

Между тем, в конце XVI в. российские купцы объединялись, в зависимости от размеров капиталов, в привилегированные корпорации – гостей и торговых людей гостиной и суконной сотен.

Самое почетное место принадлежало *гостям*. Этот термин стал названием высшей категории привилегированного купечества. Подобное звание получали от царя самые крупные торговцы с оборотом от 20 до 100 тысяч рублей в год (очень большая по тому времени сумма). Как правило, высший слой купечества состоял в основном из жителей Москвы. Особенности корпорации заключались в том, что она была оформлена как замкнутое сословное образование: гости не имели права передавать свой чин по наследству, а возможность получения его целиком зависела от воли властей, от которых они получали особый правовой статус, который сохранялся вплоть до царствования Петра I.

Численность гостей в XVII веке колебалась от 25 до 40 человек. В целом за все время существования этой категории торговых людей в ее составе побывало 172 человека¹². Будучи приближенными, к царю, они отличались от других торгующих людей не только размерами капиталов, но и особым родом повинностей.

Гости были обязаны исполнять казенные финансовые поручения в пользу государства: выезжать, в частности, в портовый город Архангельск и нести там таможенные и кабацкие службы, собирать непопулярную соляную пошлину. Одним словом, как бы ни был велик капитал торговца, но, если он не исполнял казенного поручения, то не мог носить звание гостя.

В XVII веке, например, должность таможенного головы в Архангельске исполняли московские гости Василий Шорин, Аникей Чистый и Василий Федоров¹³.

Чести состоять гостями удостоились, кроме Аники Строганова и его потомков, холмогорцы Феофан Макаров, Михаил Косицын и Иван Кобелев, потомок семьи Савиных из села Лодьмы, расположенном в 50 верстах от Холмогор¹⁴.

В 1680 году архангелогородский купец Филатьев, ставший московским гостем, удивил столицу тем, что возвел храм на Ильинке – Никола Большой Крест. Построенный в несколько этажей, на подклете, он служил не только церковью, но и товарным складом.

За гостями следовал торговый разряд *гостиная сотня*. Эта корпорация родилась в 60-е годы XVI века¹⁵. Первоначально она также формировалась из москвичей. В соответствии с российскими традициями делить посадских тяг-

ловых людей на три разряда, гостиная сотня делилась на “лутчших”, “средних” и “молодших”. Она отличалась от гостей размерами капиталов. Сообразно с этим на нее падали менее тяжелые казенные службы: члены сотни избирались на должности целовальников или голов на кружечные и таможенные дворы в городах.

Само название “сотня” имело только номинальное значение: в них бывало менее и более 100 человек. Очевидно, на первых порах была попытка определить их количество сотней человек, но позднее, когда появившееся определение вошло в житейскую практику, оно стало традиционным и сохранялось, независимо от роста числа членов корпорации. В 1649 году, например, в гостинной сотне состояло 158¹⁶, а в первой четверти XVIII века в ней было уже 2100 купцов¹⁷.

Члены этих сотен пользовались привилегиями, имели самоуправление, т.е. выборных голов и старшин, вершивших общие дела торговых людей. В гостинной сотне в разное время состояли создатели первой в Московском государстве лесопильной мельницы на Вавчуге близ Холмогор братья Осип и Федор Баженины, а также выходцы из крестьян Кеврольского уезда Щепоткиных Иван и Богдан Семеновичи. Последний стал с 1649 года даже гостем¹⁸.

В новых исследованиях выявлены представители северных купцов, удостоенных этого звания и в более ранний период. В списках гостинной и суконной сотен в первой половине XVII века было немало выходцев из Соли Вычегодской, Устюга и других северных городов¹⁹.

Гостинная сотня, пополнявшаяся богатыми людьми с мест, представляла собой привилегированную группу торговцев, ориентированных в основном на внешний рынок. Но что еще более существенно, корпорации привилегированного купечества насаждались властью с той целью, чтобы наиболее рационально использовать влиятельную и богатую часть торговой верхушки страны в системе государственного аппарата, возложить на них круг обязанностей и определенную меру ответственности за успешную деятельность ряда важных хозяйственных и финансовых органов.

По меткому выражению известного историка В.О. Ключевского, эти разряды торговых людей являлись “финансовым штабом московского государя”, своеобразным “орудием правительства в управлении провинциальным торгово-промышленным населением”²⁰.

Многие торговые люди гостинной сотни исполняли важные государственные поручения. Так, например, Богдан Щепоткин (который имел второе имя Елисей) являлся таможенным головой в Холмогорах, подобные обязанности исполняли в Архангельске Юрий Конкин и другие.

Эта верхушка посадского населения потеряла свой статус в начале XVIII в. В целом в купеческой корпорации гостинной сотни, просуществовавшей на Руси со времен царствования Ивана Грозного до Петра I, состояло, по последним данным, 2781 человек, а вместе с гостями через основные корпорации привилегированного российского купечества прошло 3036 человек²¹.

Однако вплоть до XVII в. в России не оформился самостоятельный “торговый класс”. Понятие “купечество” в то время означало лишь род занятий, а не специальную сословную категорию населения. В то же время можно сказать, что купеческие разряды, возникшие в далеком прошлом, являлись своего рода предшественниками деления торгующего сословия на гильдии.

* * *

Постепенный рост городов и увеличение числа людей, занимавшихся торговлей и промыслами, вынудили правительство более четко определять обязанности и права торгового сословия.

При царе Алексее Михайловиче появился ряд законов, отразивших рост экономического значения купцов. Среди них Уложение 1649 г., а также Торговый (1653) и Новоторговый (1667) уставы. Был создан особый государственный орган – Приказ большого прихода. В обязанность последнего входило наблюдение за тем, чтобы соблюдать разумное налогообложение, которое способствовало бы пополнению казны и в то же время не разоряло до конца плательщиков налогов.

Однако в целом в XVII веке процессы первоначального накопления в России находились в зачаточном состоянии. Обладатели капиталов вкладывали средства не в производство, а туда, где они обращались быстрее – в торговлю.

* * *

Наиболее заметные изменения в судьбе российского предпринимательства произошли в XVIII веке. Петр I, начав крупные преобразования в стране, постоянно искал средства для их осуществления и, в особенности для проведения активной внешней политики, а также для строительства флота, содержания и вооружения армии, создания отечественной промышленности.

В XVII веке русский народ стал подразделяться на сословия, которые отличались друг от друга закрепленными законом казенными повинностями. Главной обязанностью *дворянства* являлась военная служба, обязанностью *посадских людей* и *государственных крестьян* – платеж податей и общественная служба по сборам налогов. *Крепостные крестьяне*, кроме податей, вносили оброк и отбывали барщину в пользу землевладельцев. Сохраняя сложившийся характер сословий, Петр осуществил в каждом из них значительные перемены.

Меры, принятые реформатором относительно купцов, состояли в том, чтобы укрепить их положение, или, как говорилось в ряде петровских указов, собрать воедино “всероссийское купечество, яко рассыпанную храмину”²².

На деле это означало попытку оживить хозяйственную жизнь России. В начале XVIII века с этой целью царь издал ряд указов, рассчитывая на то, что торговля и промышленность будут способствовать обогащению государственной казны. В 1709 году купцам было запрещено переходить в другие сословия, чтобы “государевым податям умаления не учинилось”.

13 февраля 1720 года Петр I дал Сенату указ, которым объявлялось о назначении князя Ю. Трубецкого обер-президентом Главного Магистрата. Его товарищем был определен известный купец Илья Исаев. 16 января 1721 года был издан регламент Главного магистрата.

Главный магистрат был обязан устроить магистраты во всех городах, дать им инструкции и всемерно покровительствовать торговле и промышленности. В частности, ему предписывалось “всех купеческих и ремесленных людей, выбывших из посадов в крестьяне и другие “разные чины”, собрать и записать “в те же слободы и в тягло, из которых они отбыли”. Представители всех сословий, в том числе дворяне, получили право записываться в купечество и торговать всеми товарами везде “невозбранно”. Это право приобре-

ли также крестьяне и “всякого рода разночинцы” при наличии у них промыслов на 500 рублей оборота. Такая норма позднее была распространена даже на беглых крестьян. Вследствие этих мер термином “купечество” стало обозначаться посадское население определенной состоятельности.

Петр I предоставил купцам ряд льгот, положивших начало выделению их в постоянное сословие. Как уже отмечалось, в допетровские времена посадские люди делились по своей состоятельности на три статьи: лучших, средних и младших.

В 1721 году регламентом Главного магистрата объявлялось обязательным разделение всех городских жителей), исключение составили иностранцы, шляхетство, духовенство и “подлые” люди – чернорабочие и поденщики) на две гильдии.

В состав *первой гильдии* вошли “банкиры, знатные купцы, которые имеют большие отъезжие торги и которые разными многими товарами в рядах торгуют, городские доктора, аптекари и лекари, шкиперы купеческих кораблей, золотари, серебрянники, иконники, живописцы”.

Ко *второй гильдии* были отнесены все торгующие мелочными товарами и харчевыми припасами, а также резчики, токари, столяры, портные, сапожники и им подобные”. Регламент Главного магистрата, объявлявший новое деление граждан, выделял особый разряд. В состав его вошли чернорабочие и лица наемного труда, “которые хотя и почитаются гражданами, но нигде между знатными и регулярными гражданами не счисляются”²³.

Этот документ разрешал купцам покупать крепостных крестьян, если последние после приобретения их будут приписаны к фабрикам или заводам. Петровские реформы, введя новую систему деления городского населения на гильдии, положили конец существованию привилегированных корпораций гостей и гостиной сотни²⁴, т.к. с того времени эти старинные разряды высших торговых чинов, стоявшие ранее вне посадской организации, вошли в состав купцов. Петр I прекратил пожалования этими чинами, а затем, в соответствии с указами 1722 – 1728 гг., произошло их включение в состав купеческих гильдий и обложение подушной податью.

Все посадские ремесленники, помимо этого разделения, были расписаны еще в цехи, т.е. в союзы людей, занимавшихся одним ремеслом. Деление горожан на цехи и гильдии Петр I позаимствовал из стран Западной Европы.

Следует отметить, однако, что деление, установленное регламентом Главного магистрата, вскоре подверглось существенным изменениям. В 1742 году “подлые люди” по сути дела были переименованы в купцов *третьей гильдии*. При этом слово “купец” стало применяться с того времени по отношению ко всем посадским тяглецам, т.к. городское купечество стало распределяться не по видам их торговой деятельности, а по размерам промыслов, т.е. капиталов. В конце концов, посадское население стало четко делиться на три экономические группы: купечество трех гильдий, цеховые ремесленники и подлые люди, т.е. чернорабочие.

Царь внес также существенные перемены в устройство посадского самоуправления. До реформы посадский сход избирал земского старосту, ведавшего городскими (посадскими) делами. При Петре были учреждены магистраты, состоявшие из нескольких выборных горожан, число которых определялось размерами посада. Город, где насчитывалось более 2000 посадских дворов, состоял из президента, четырех бургомистров и 8 ратманов (советни-

ков). Все эти люди избирались из числа горожан на посадских сходах. В соответствии с положением, магистраты заведовали сбором податей с посадских людей и производством суда над ними. Городовые магистраты подчинялись Главному магистрату, учрежденному в столице и призванному заботиться о благосостоянии посадского населения.

Регламент Главного магистрата утвердил текст присяги, который должны были принимать все бургомистры и ратманы. В ней особое внимание уделялось клятве царю Петру I верно «споспешествовать всему, что служить будет пользе и приращению к поправлению городского дела, особливо коммерции и мануфактуры».

Усовершенствование государственной машины, поощрение правительством наиболее зажиточной активной части горожан способствовало расширению социальной базы купечества, которое стало пополняться людьми из разных слоев общества и бывшими иностранцами. С этого времени купечество выступило как основная социальная прослойка в промышленной среде. А усиление роли государства в экономической жизни расширило контакты этого сословия с казной. Все эти меры служили тем широким целям, которые намечал преобразователь России.

Главным экономическим явлением в жизни страны в тот период явился переход от мелкого производства к крупному, нередко от частного к казенному или же пользующемуся государственной поддержкой. Только в первой четверти XVIII в. в России появилось до 400 новых предприятий-мануфактур, куда впервые в истории страны перекачивался торговый капитал²⁵.

Отечественные предприятия производили железо, военное снаряжение, оружие, канаты, ткани, паруса и многое другое, столь необходимое для быстро увеличивавшейся армии и морского флота. Однако почти все купцы, заводившие мануфактуры, продолжали вести торговые операции.

* * *

Положение торгового сословия постепенно усложнялось. Государство, в поисках новых доходов, увеличивало налоги, многие купцы и торговые люди при Петре I по царским указам были вынуждены совершить разорительное переселение из Архангельска и Москвы в Петербург. Так, по предписанию царя в 1710 году полагалось выслать из Архангелогородской губернии в столицу на вечное жительство 555 семей, в том числе 23 семьи из Архангельска, в 1712 губерния должна была поставить на работу в Петербург 703 человека и 1739 рублей²⁶.

В пору начавшихся преобразований страны страдали не только купцы. Тяжкие испытания выпали и на долю крестьян. Только за три года (1707 – 1709) в будущую столицу на временную работу было послано 10 010 северян²⁷. Это привело к тому, что в Архангелогородской губернии, занимавшей в то время огромное пространство, с 1678 по 1710 г. убыль крестьянских дворов составила 40% (с 99,5 тысяч дворов до 59 тысяч – в 1710 г.).

«Убылые двory и в них люди, – гласил один из документов той поры, – взяты в рекруты, в солдаты, в плотники, в СПб работники, в переведенцы, в кузнецы»²⁸.

Окончательное оформление купеческого сословия завершилось сословно-податной реформой 70–80 годов. Манифест от 17 марта 1775 г. провозгласил начало преобразования городского управления.

Прежнее податное сословие городов делилось на две части – на купцов и мещан. К первым относились все члены прежнего сословия, объявившие за собой капитал не менее 500 рублей. Их освободили от подушной подати, заменив ее 1-процентным налогом с объявленного капитала. В мае того же года последовал новый указ, согласно которому купечество делилось на три гильдии: к первой причислялись купцы, объявившие капитал более 10 тыс. руб., ко второй – от 1 тыс. до 10 тыс. руб. и к третьей – от 500 до 1 тыс. руб.

Остальные горожане прежнего купеческого сословия стали именоваться мещанами и должны были платить подушную подать по 1 руб. 20 коп. с души.

В 1785 году было издано знаменитое Городовое положение (“Грамота на права и выгоды городам Российской империи”), уточнившее и закрепившее состав и привилегии гильдейского купечества²⁹.

Документ существенно увеличил нормы капитала для 2 и 3-й гильдий. А купцы с капиталом более 50 тыс. руб. были выделены в разряд “именитых людей”. Купцы каждой гильдии получили определенные права и обязанности. Этот документ освобождал купцов всех гильдий от натуральной рекрутской повинности, а членов 1 и 2 гильдий – от телесного наказания.

Городовое положение повысило социально-экономический статус купечества. Купцы первых двух гильдий не несли казенных служб, обрели право на устройство фабрик и заводов, а также на внутренний оптовый и розничный торг. Представители первой гильдии могли иметь морские суда и торговать не только в России, но и за рубежом. Купцы второй гильдии получили право строить или приобретать только речные суда, а пределы деятельности купцов третьей гильдии ограничивались мелочным торгом оптом и в розницу, содержанием постоянных дворов, бань и трактиров. Они могли также заводить малые речные суда, “станы и рукоделия” и действовать в пределах своего города и уезда.

При этом образ жизни купцов также жестко регламентировался. В частности, купцам первой гильдии разрешалось ездить по городу в карете парюю, второй – в коляске парюю, третьей – запрещалось ездить в карете и впрягать в простую повозку или сани более одной лошади.

Государство, вводя дифференцированные налоговые льготы, стремилось тем самым стимулировать объявление больших капиталов. Выгоды были настолько очевидными, что купцу, имевшему крупный капитал, стоило платить высокий налог, чтобы пользоваться ими. Власти надеялись на заинтересованность купцов. В Указе от 25 мая 1775 года подчеркивалось, что для объявления капиталов купцам предоставлялось «добровольное показание на совесть каждому», и поэтому «доносам и следствиям об утайке» «места иметь не должно»³⁰.

Таким образом, предпринимательство подвергалось жесткой и многосторонней регламентации, что в принципе не могло не сдерживать развития деловой активности. В соответствии с реформой городские жители четко разбивались на две категории: мещан и купцов. Отныне мещане, не располагавшие капиталом свыше 500 рублей, не имели права называться купцами.

Постепенно правительство ввело ряд других изменений в законодательство о российском купечестве. Манифест 1807 года поднял планку для первой гильдии до 50 тысяч рублей капитала, у второй она достигла 20 тысяч рублей и у третьей – доведена до 8 тыс. руб. Вот каким образом с годами в России

менялись размеры объявленного капитала для вхождения купца в ту или иную гильдию и размеры платы с него в казну³¹:

**Динамика роста государственного обложения купцов
(в ассигнациях)³²**

Год	Минимальный размер объявленного капитала (по гильдиям в тыс. рублей)			Процент с капитала	Плата в казну с минимального капитала, по гильдиям, руб.			Источники: ПСЗ. Том, № документа
	гильдии				гильдии			
	1	2	3		1	2	3	
1775	10	1	0,5	1	100	10	5	XX, 14 327
1785	10	5	1	-	100	50	10	XXII, 16188
1794	16	8	2	-	160	80	20	XXIII, 17 233
1797	-	-	-	1,25	200	100	25	XXIV, 18278
1807	50	20	8	-	625	250	100	XXIX, 22 678
1810	-	-	-	1,75	875	350	140	XXXI, 24 116
1812				4,75	2375	950	380	XXXII, 24 992
1818				5,22	2612	1045	418	XXXV, 27314

В последующие периоды государство пошло на дальнейшее поощрение купеческой деятельности. Купцам разрешалось покупать землю, создавать “товарищества”, для них вводилась “бархатная книга знатных купеческих родов” ради “увековечивания в потомстве памяти родов первостатейного купечества”.

Манифест 10 апреля 1832 года ввел в России звание почетного гражданина (личное и потомственное). Этой чести удостоивались за выдающиеся заслуги перед городом, наряду с чиновниками, учителями и врачами, купцы первой гильдии, которые смогли продержаться в ней не менее 10, а с 1863 года – 20 лет. Вопрос о причислении к потомственному гражданству решался по докладу Герольдии Сенатом.

Этот стимул способствовал удержанию купцов в гильдиях, т.к., кроме отмеченного выше, звание почетного гражданина пожизненно освобождало людей от рекрутской повинности, телесных наказаний и даже гильдейских сборов. Еще раньше, при Павле I, для наиболее активных купцов вводился чин “Коммерции Советника”, соответствовавший VIII классу Табеля о ран-

гах. Эти люди могли также ходатайствовать о причислении их к “почетным гражданам”.

Преобразования петровского периода, реформы Екатерины II и последующие меры окончательно утвердили сословное деление населения России на дворянство, духовенство, купечество, мещанство и крестьянство. Каждое из сословий обрело права и обязанности, передаваемые по наследству. Это деление с небольшими изменениями просуществовало до 1917 года.

Гильдейская организация купечества, уже изжившая себя в Западной Европе, насаждалась в России сверху в интересах казны. Объективно она противоречила свободному предпринимательству, чуждому всяких ограничений. В то же время в условиях самодержавной власти “сословность” ограждала предприимчивых людей от произвола чиновников.

Эта во многом архаичная система постепенно приспособливалась к изменявшимся в стране порядкам.

* * *

После отмены крепостного права началось быстрое развитие капитализма, на путь предпринимательства становились тысячи активных людей, главным образом крестьян. Это вынуждало правительство менять законы, регламентирующие условия для занятий торговлей и промыслами.

Вхождение крестьян в городскую жизнь являлось в России сложным процессом. Долгое время бывшие землепашцы, уже переселившиеся в города и даже приписанные к городскому сословию, числились по-прежнему жителями деревни и платили двойные подати. Эта практика вызывала естественное недовольство крестьян.

Не менее сложной являлась и проблема вступления крестьян в купечество. До 1861 года правительство проводило непоследовательную политику в ее решении. Начиная с 1723 года земледельцы, за счет которых в основном росло население городов России, имели право записываться в купеческое сословие при наличии у них ценза в размере 500 рублей. Однако они должны были иметь при этом отпускные свидетельства от помещиков или от сельского общества и весьма значительный капитал. В течение ста лет (с 1762 по 1861 гг.) запись крестьян в купеческое сословие без таких документов и увольнительных писем от властей была запрещена.

С 1863 года доступ в купечество открылся для всех сословий. Для этого достаточно было ежегодно платить гильдейский сбор (1-я гильдия – 500 руб., 2-я гильдия – 150 руб., 3-я гильдия была ликвидирована) и промысловые налоги. Эти меры открыли широкий доступ для вступления в купечество крестьянам, занимавшимся предпринимательской деятельностью, а также мещанам и евреям, так как принадлежность к купечеству давала им право на свободу перемещения, получение бессрочных паспортов, возможность со временем быть причисленными к категории почетных граждан и т.д.

Преобразования, начавшиеся после 1861 года, привели к тому, что к концу XIX века сословная обособленность купечества утратила свое значение и превратилась в анахронизм. Этому в немалой степени способствовал принятый 8 июня 1898 года по инициативе министра финансов С.Ю. Витте новый закон о промысловом налоге. Главная цель его состояла в том, чтобы устранить неравномерность обложения налогом за право торговли и промыслов,

привести доходы в соответствие с уровнем развития в стране торговли и промышленности.

Вместо гильдейских и негильдейских были узаконены три группы предприятий и промыслов: предприятия торговые, предприятия промышленные и личные промысловые занятия. В свою очередь каждая из этих групп подразделялась на части в соответствии с признаками, указывающими на размер и доходность фабрик и заводов.

Закон сохранил сословные купеческие свидетельства, но право получения их предоставлялось только лицам, взявшим промысловые свидетельства: для первой гильдии – по первому разряду торговых или по 1-3 – промышленных предприятий, а для второй гильдии – по второму разряду торговых или по 4 или 5 разряду промышленных предприятий.

Отныне было отменено обязательное приобретение купеческих свидетельств для желающих заниматься коммерческой деятельностью, купечество перестало быть синонимом российского предпринимателя. В мир бизнеса могли свободно входить лица некупеческого звания – крестьяне, дворяне и т.д. Этими законами купеческое сословие сводилось на нет. В купцы стали записываться на основании соображений, посторонних торговой деятельности. Евреи, например, записывались в состав купечества потому, что таким образом они получали право повсеместного жительства, вне зависимости от так называемой черты оседлости. Для русского купца имело значение получение званий потомственного или почетного личного гражданина, которое давало некоторые традиционные привилегии.

Ряд правительственных мер привели к тому, что субъектом торговой и промышленной деятельности становился не “купец” с сословной точки зрения, а торговец или промышленник. Рост численности купеческого сословия во второй половине XIX века прекратился. Представители крупной торгующей и промышленной буржуазии переходили в категорию почетных граждан, в дворянское сословие. С другой стороны, значительная часть дворянского “благородного сословия” к этому времени обуржуазилась, становясь на путь промышленного и финансового предпринимательства.

Достаточно привести такие примеры: главой ведущего банка России – Русско-Азиатского – стал бывший товарищ министра финансов А.И. Путилов, дослужившийся до чина действительного статского советника, т.е. до гражданского генеральского чина. А сын министра финансов при Александре III, камергер двора его императорского величества А.И. Вышнеградский сделался одним из руководителей Петербургского Международного коммерческого банка. И таких примеров было немало³³.

Хотя до 1917 года все сословия в России формально сохраняли свои названия и некоторые права, но к началу XX века в стране в полной мере проявилась своеобразная сословная размытость. Купечество превратилось в составную часть российской буржуазии.

Рассмотрим теперь вопрос о том, каким образом происходило становление архангельского купечества.

Из истории российского купечества

¹См. Отечественная история. 1998. № 3. С. 14 –15.

²В современной литературе пока не установилось единого толкования понятия предпринимательства. Проанализировав многие точки зрения на суть этого явления, историк А.А. Галаган

дал ему такое определение: “Предпринимательство – экономически свободная новаторская деятельность, связанная с риском, ответственностью и конкурентной борьбой, имеющей целью достижение новых результатов, удовлетворение личных и общественных потребностей”. (См. Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. М.: “Ось-89”. 1997. С. 10).

³Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I. С. 350.

⁴Термин “сурожане” появился в XIV в., когда главным центром южной торговли стал Су-рож (Судак), вследствие чего за гостями – вначале выходцами из Крыма, а затем и русскими – закрепился бытовой термин “сурожане”.

⁵Историк С.В. Бахрушин в обстоятельной статье “Торги новгородцев Кошкиных” убедительно раскрыл многолетние торговые отношения купцов Кошкиных в конце XVII – начале XVIII в. со Швецией, куда новгородцы систематически вывозили лен, рогожи, солод и другие товары // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 174–223.

⁶См. Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 23.

⁷Быховский И.А. Архангелогородские корабли. Архангельск, 1988. С. 13.

⁸См. Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского Севера: Люди, события, даты. Архангельск, 1992. С. 316–317, 320.

⁹См. Рыжов К. Сто великих россиян. М., 2003. – С. 99; Устрялов Н. Именитые люди Строгановы. СПб., 1842. С. 22.

¹⁰Памятники русского права. М., 1957. С. 90; Устрялов Н. Указ. соч. С.4.(Соборное Уложение 1649 года, Глава X, ст. 94).

¹¹ Там же. С. 4.

¹²См. Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959. Т. VI. С.163; Деловой мир России. СПб., 1998. С. 133; Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 117, 150, 184 и др.

¹³См. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 88.

¹⁴ См. Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 35, 73.

¹⁵Там же. С. 218–220.

¹⁶Там же. С. 164.

¹⁷Деловой мир России. С. 131.

¹⁸ Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. / Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1984. С. 170–171; Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 283.

¹⁹См. Соловьева Т.Б., Володихин Д.М. Состав привилегированного купечества России в первой половине 17 века: По материалам росписей гостей, гостиной и суконной сотен. М., 1996. С.26, 28, 36 и др.

²⁰Там же. С. 12.

²¹ См. Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 451.

²²Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Далее – ПСЗ). Собр. 1. М., 1830. Т. VI. № 3520, 3708 и др.

²³Там же. Т. VI. № 3708.

²⁴Там же. Т. VIII. № 5300.

²⁵См. Предпринимательство и предприниматели России...С. 21; По данным С.М. Соловьева, к 1725 году в России насчитывалось 233 фабрики и завода. См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IX: История России с древнейших времен. Т. 17–18. М., 1993. С. 472.

²⁶ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VIII: История России с древнейших времен. Т. 15–16. М., 1993. С. 453.

²⁷Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века: К вопр. об эволюции аграр. отношений в Рус. государстве. Вологда, 1976. С.249.

²⁸Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. СПб. 1905. С. 186; Сотни крестьян мобилизовывались на работу и на вечное жилье в Петербург и другие места даже из таких отдаленных уездов, как, например, Мезенский. См. Новиков А.В. Лешуконье. Архангельск, 1999. С. 40–50.

²⁹ПСЗ. Т. XXII. № 16 187.

³⁰Там же. Т. XX. №14327.

³¹Там же. Т. XXVI. № 19 347.

³²См. Рындронский П.Г.. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 42, 167. В стоимость торгового свидетельства купца входили пошлины с капитала (по 4% с купцов

1-й и 2-й гильдий и по 2,5% с купцов 3-й гильдии, платящей наивысший оклад), сбор на подержание путей сообщения (по 10% от размера пошлины с капитала для купцов всех гильдий). Купцы 1-й гильдии – евреи платили не 600, а 540 р. за гильдейское свидетельство (они первоначально могли жить лишь в черте оседлости).

³³См. Бурьшкин П.А. Москва купеческая: Мемуары /Вступ. ст., коммент. Г.Н. Ульяновой, М.К. Шаццлло. М., 1991. С.21.

РОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ АРХАНГЕЛЬСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Архангельск создавался как первый морской порт Русского государства, крайне нужное для него “окно в Европу”. Начальные сведения об основании города содержатся в грамоте Ивана Грозного от 4 марта 1583 года, направленной двинским воеводам. Ознакомившись с чертежом будущего поселения, царь повелел: “как наша грамота придет... город делати наспех”¹. О немедленном начале строительства города напоминало окончание указа: «О наряде о городовом и о железе, указ вам учиним часа того». Иначе говоря, царь повелевал приступить к стройке немедленно, сразу же после получения воеводой этого документа.

Историки Севера не раз дискутировали вопрос о причинах основания Архангельска².

Точное и глубокое понимание проблемы возникновения городов встречаем в работах известного русского историка Ивана Забелина. Он писал, что города рождаются “не по прихоти счастливого капризного случая, но силою причин и обстоятельств более высшего или более глубокого порядка, для очевидности всегда сокрытого в темной, мало еще разгаданной дали исторических народных связей и отношений, которые вынуждают и самих князей-строителей ставить именно здесь, на известном месте тот или иной город. Главным двигателем в создании таких городов является всегда народный промысел и торг, ищущий для своих целей добрых сподручных путей или доброго пристанища и который, повинаясь естественным географическим путям и топографическим удобствам международного сообщения, всегда сам указывает, сам намечает, сам избирает место, где и устраивает узел своих работ и действий, именуемый городом”³.

Мы полагаем, что это соображение ученого можно целиком отнести к Архангельску.

Однозначный ответ на вопрос о причинах “к строению города Архангельского” давали видные отечественные историки В. В. Крестинин и С. Ф. Огородников, отмечая, что таковыми явились “заведенные на Двине Российские с Англичанами и Голландцами торги, посредством мореплавания сих иноземцев, как место для новой торговой пристани”⁴.

Разумеется, верно, что город на Двине в духе традиций того времени ставился и как передовая сторожевая крепость для защиты Руси от иноземных захватчиков и грабителей. Для этого были все основания: постоянная угроза военного нападения со стороны скандинавских государств, набеги шведских, норвежских и иных ватаг требовали усиления северных границ Московского государства. Только в XVI веке были сооружены Сумский острог, крепости в Коле и в Соловецком монастыре.

Внешняя опасность для Русского Севера со стороны неприятеля существовала и в более позднее время. В своем послании Екатерине II, направленном в 1779 году, генерал-губернатор А.П. Мельгунов после анализа состояния Архангелогородской губернии и ее центра справедливо заметил: “Город сей пограничной, то в предосторожность неприятельского нападения с моря надлежит иметь знатные воинские команды”⁵.

И, тем не менее, определяющей причиной, вызвавшей к жизни новый город, явилось развитие экономики, стремление Русского государства быстрее завязать выгодные торговые отношения с европейскими странами, т.е. “прорубить окно в Европу”.

Крепостные орудия архангельских укреплений не сделали ни единого выстрела по вражеским кораблям. Правда, инженерная защита города, несмотря на частые пожары и естественные разрушения крепостных сооружений, длительное время поддерживалась государством на должном уровне. Восстанавливались стены, привозились новые пушки взамен пострадавших в огне.

Во второй половине XVII века в крепость превратилась часть Гостиных дворов, занявших одно из центральных мест на набережной Северной Двины. Но, воздвигая этот комплекс, строители главное внимание уделяли сооружению купеческих и царских складов – хранилищ товаров. При этом они действовали по прямому указанию Москвы. В царских грамотах не раз упоминалось о том, что “наперед города велено строить гостиные дворы”.

Характерно, что архангелогородский губернатор С.М. Козьмин, обосновывая в 1765 году необходимость ликвидации шести башен гостиных дворов, писал о том, что надобности в них “более не предвидится”, да и сам тот город (губернатор имел в виду крепость – *Е.О.*) “никакой защиты не имел и не имеет, да и не для того строен”⁶ (выделено нами – *Е.О.*) Иначе говоря, губернатор четко понимал, что комплекс гостиных дворов “строен” был и оправдал себя лишь как *хранилище товаров* торговых людей.

Таким образом, новое сооружение имело скорее не военное, а торговое, дипломатическое и даже политическое значение, превратившись со временем в некий символ морской России. Изумленные иноземные купцы, знакомясь с ним, разносили по всему миру вести о растущей мощи великой державы.

Появление нового города на Северной Двине потребовало от высших и местных властей решения ряда проблем, важнейшей из которых было привлечение в него людей на постоянное местожительство.

* * *

Для несения военной службы в крепости из Холмогор и других мест было прислано 200 стрельцов (так назывались до конца XVII века воины русской армии). Они составили гарнизон города и стали его первыми жителями.

Однако новое поселение по замыслам его основателей являлось, прежде всего, местом для морской пристани, для деловых сношений с иностранцами. Поэтому для него требовались не только воины, но и предприимчивые люди, способные основать здесь промышленные заведения и торговать. Для создания и становления в Архангельске предпринимательского сословия понадобилось длительное время.

Государство, кровно заинтересованное в развитии торговли в Архангельске, вместе с возведением города, строит в 1587 году Гостиные дворы. Первые помещения для хранения товаров были деревянными, их не раз переносили с места на место из-за частых пожаров, но они всегда делились на две части – Русскую и Немецкую.

Писцовая книга, составленная Мироном Вельяминовым в 1622-1624 гг., сохранила детальное описание этих дворов. «На посаде ж, – говорилось в писцовой книге, – двор государев гостиный: на том дворе государевых 84 анбара верхних и исподних, 32 лавки, на том же дворе московских и разных городов гостей и торговых людей 15 анбаров... Государев двор гостин немецкой, а на нем верхних и нижних 86 анбаров государевых да немецких заморских гостей 32 анбара, да подизбных 2 анбара»⁷.

Кроме этого, значительная часть торговых помещений стояла непосредственно на посаде, т.к. мест на Гостином дворе не доставало, амбары многих иноземных купцов располагались по всему берегу. В 1634 году голландцы Петр ван Колен и Ян Палекорн просили отвести им под амбар порожнее место «против таможи, на берегу, идучи от Немецкого двора», сроком на четыре года для складирования бочек с икрой. Три года спустя голландский купец Елисей Ульянов (Меррик) просил о месте для амбара в городе на Жабьем болоте для хранения смолы⁸. И это не единичные примеры.

Вскоре после упомянутой выше переписи гостиные дворы сгорели. В этой обстановке и появился указ царя Алексея Михайловича от 26 июня 1667 года возвести выше упомянутые просторные каменные Гостиные дворы.

* * *

Каковы пути формирования архангельского купечества?

Материалы обывательских книг, а также сведения, почерпнутые из различных источников, позволяют выделить *четыре* основных канала пополнения этой самой активной в то время категории населения Архангельска. Среди них: запись в купеческое сословие иностранцев и последующий затем переход их в русское подданство, переезд в северный город торговцев из других территорий России. Но чаще всего северными купцами становились разбогатевшие крестьяне губернии и выходцы из местного, т.е. городского мещанского сословия. Рассмотрим кратко механизм этого сложного, длительного и непрерывного процесса.

Первой попыткой властей привлечь в город будущих торговцев явилось насильственное переселение властями в 1587 году в Новохолмогоры, как первоначально назывался Архангельск, 133 “жильцов” из окрестных двинских деревень, а также деревенского люда из-под Холмогор, из Емецкого стана и других, сравнительно отдаленных от нового поселения мест⁹.

Судя по грамоте двинского воеводы князя Василия Андреевича Звенигородского, “переведенцы” в Новохолмогорский посад, учрежденный в 1587 году, не были рядовыми бедными крестьянами. Все они являлись членами 26 купеческих товариществ (складничеств): 6 – из двинских посадов и 20 – из черных волостей. Так, из Холмогорского посада в новое поселение были направлены: из Верхней половины – Иван Иванов сын Косицын “с товарищи”; из Глинок – Степанко Фролов да Нестерко Яковлев “с товарищи” и т.д. Поскольку всего было переведено 133 человека, то, следовательно, в каждом из купеческих товариществ состояло в среднем по 4–5 “купцов-складников”¹⁰.

Переселенцы получили льготу: на пять лет освобождались от налогов, т.е. обретали “свободу”. Но за это время они должны были “дворы себе поставить и огородити и жить на посаде, в новом Колмогорском городе торговати”.

Однако попытки властей заставить торговых крестьян приспособиться к новым условиям жизни и практической деятельности в первый период не увенчались успехом. Большинство бывших сельских жителей сбежало из посада, явочным путем возвратившись в родные деревни. Во всяком случае, к 1606 году, т.е. всего 19 лет спустя после переселения, на месте осталось только 30 “переведенцев”¹¹.

Оценивая злосчастия первых архангелогородцев, историк В.В. Крестинин отметил, что одни из крестьян просто сбежали, другие поступили мудрее, заявив о том, что они “одолжали и осиротели”, хотя позднее оказалось, что “они де люди прожиточные”. Третьи ухитрялись “всякие подати” платить как архангелогородцы, но жить все-таки “по посадам и по деревням в старых своих дворах, верст за сто и за полтора” от Архангельска.

Можно согласиться с выводами исследователей о том, что на первых порах даже бывшие зажиточные крестьяне считали условия своей прежней сельской жизни более благоприятными для занятия торгово-промышленной деятельностью, чем пребывание в посаде, где царили “великие поборы” и посадское ярмо¹². Потребовалось немало времени, чтобы на новом месте поселения появилось все необходимое для ведения успешной торговли и того или иного промысла.

В 1613 году центральные власти, учитывая жалобы населения на тяжесть налогов, отделили архангельский посад от холмогорского, обязав воеводу тем же указом возвратить всех беглецов, а вместо умерших привести их детей. В то же время в город Архангельский (название появилось в 1613 году) было зачислено около 80 крестьян, которые жили в городской черте без тягла¹³. Но и эти меры не повлияли существенно на рост купечества. Перепись Фонвизина, проведенная в 1678 году, зарегистрировала всего лишь 223 посадских жителя. Таким образом, за столетие число основных обитателей города не увеличилось даже в два раза.

В целом почти два века архангельское русское торговое сословие было маломощным и не проявило “искусства в коммерческих делах”. Оценивая деяния своих отцов и дедов, 15 видных архангельских купцов в своем прошении на имя Екатерины II, направленном в мае 1768 года, отметили, что “город Архангельский, для коммерции основанный в 1584 году, ... был не в состоянии, за малолюдством своим и недостатком, распространить знатным образом собственное купечество в последовавшем столетии”. Представители торговой общественности, среди которых были Иван Баженин, Антон Бармин, Петр Крылов, Александр Фомин и историк Василий Крестинин, констатировали, что годовой оборот городских купцов составил в тот момент всего 11 тысяч рублей, в то же время как приезжие торговцы выручали за свои товары от шести до семидесяти тысяч каждый¹⁴.

Это не значит, что за первые два века своего существования на Севере не появилось крупных предпринимателей из местных жителей. Чего только стоят дела холмогорцев Бажениных, которые первыми в России соорудили в Вавчуге пильную мельницу, оснащенную по последнему слову техники той поры, основали известную судостроительную верфь, предприняли смелые попытки проникнуть со своими товарами в западные страны!

Примеру предприимчивых северян последовал их земляк, бывший “карбасник” Н.С. Крылов. Он, нажив капиталы в Холмогорах, по указу Коммерц-коллегии от 5 мая 1732 года, построил знаменитую Быковскую судо-

верфь в пяти верстах выше Архангельска, имел салотопню, канатные и лесопильный заводы, вел торговлю в Амстердаме и Гамбурге. Как отмечала позднее губернская газета, при помощи “природных дарований, трудолюбия и опытности из бедного карбасника вышел муж остроумный, искусный и твердый купец в делах внутренней и внешней торговли”¹⁵.

Однако основная масса архангельских посадских людей долгое время ограничивалась мелким розничным торгом.

* * *

Между тем, объективные обстоятельства, а также и политика государства побуждали крестьян все решительнее приобщаться к торговым и промысловым делам.

Участие деревенских жителей в торговле наблюдалось в России издавна. Это в особенности касалось земледельцев Севера, где очень часто случались неурожаи, и необходимо было находить дополнительные источники для содержания семей, для уплаты все возраставших государственных податей, восстановления некоторых орудий труда и т.п. Крестьянин реализовывал часть своей продукции путем обмена или продавал ее. Тем более что долгое время торговая деятельность в стране не ограничивалась.

Во всех описаниях Архангельской губернии важное место занимала проблема крестьянской торговли. “В каждое ж лето, – говорилось, например, в подобном документе за 1768 год, – приплавляется из верховых деревень немалое число и з хлебом, рогатым скотом и смолою плотов елового леса”¹⁶. Заметно были втянуты в товарно-денежные отношения крестьяне Архангельского уезда и всего Беломорья. Здесь издавна развивались такие промыслы, как солеварение, рыболовство и добыча зверей.

Жители деревень поставляли на рынок продукты сельского хозяйства, а также соль, рыбу, шкуры и сало морских зверей. Часть из поморов имела свои морские суда, некоторые из крестьян нанимались кормщиками, матросами, во время ярмарки работали на погрузке и выгрузке кораблей. А “женский пол, – отмечалось в том же описании губернии, – упражнялся в выработывании из лну пряжи и ниток простых и золотничных, а из пряжи тонких полотен и салфеток и тому подобного, которые и продают как для внутреннего продовольствия, так и для заморского отпуска”¹⁷.

В этом же описании указывалось на большое значение в жизни северного крестьянства отходничества, т.е. заработка в других городах России: “Некоторые (крестьяне – *Е.О.*) отходят в Санкт-Петербург, Москву и другие города и выработывают портным, сапожным, столярным, плотничным, медным, каменщицким и купорным мастерствами, извозами, услугою кучерами, лакеями и тому подобным немалое число денег. А иные в Санкт-Петербурге, будучи на иностранных конторах, находятся артельщиками, которая из прочих работ за наивыгоднейшую почитается”.

В 1788 году в губернии было выдано крестьянам 5976 паспортов, которые давали право быть в отлучке из своей деревни до трех лет¹⁸. Все эти процессы получили еще большее развитие в последующее время. Достаточно отметить, что за 1860 – 1900 гг. в Архангельской губернии было выдано более 1 259 тыс. паспортов и краткосрочных свидетельств на жительство¹⁹.

Только торговля, промыслы, заработки в других городах позволяли крестьянам кормить семьи и платить налоги. Как отмечала газета “Архангель-

ские губернские ведомости”, “смолокурение (в Шенкурском уезде – Е.О.) составляет почти единственный промысел крестьян, с помощью которого только и уплачиваются все подати и денежные повинности”²⁰.

* * *

С течением времени обстановка в государстве обострилась: началась острая конкуренция между купечеством и торгующими крестьянами. Перед правительством возникла дилемма – или упорно противиться развитию торговли сельских жителей под влиянием купцов, или же использовать это явление в собственных интересах. Избранная политика не отличалась последовательностью, но главная ее направленность состояла в том, чтобы перетянуть наиболее состоятельное крестьянство в города и сделать их купцами.

Уже в XVII – XVIII вв. с этой целью началось ограничение крестьянской торговли. В указах от 14 ноября 1699 и 11 марта 1700 гг. говорилось о взятии крестьян, которые живут в городах на тяглых землях, в посады, а тех, которые “не похотят”, им в городе не жить и не торговать и лавок и кожевенных промыслов и откупов не держать. Лавки и мастерские им предписывалось продать. Одновременно указы обязывали крестьян привозными товарами торговать “оптом с возов и стругов, а не врозь и не из их наемных лавок”²¹.

Петр I спустя всего 12 лет попытался решить эту проблему в соответствии с требованиями жизни. Указ 1711 года повелел: “позволить всякого чина людям всеми товарами торговать невозбранно, с платежом всех обыкновенных пошлин”. На основе этого Правительствующий сенат объявил свободу торговли под условием платежа пошлины²².

Позднее, в 1745 году, крестьянская торговля была ограничена “знатными селами и деревнями, состоящими по большим дорогам и не в ближнем от городов расстоянии”. При этом резко сужался круг товаров, которые крестьянин имел право реализовывать. В их числе были лишь сохи, серпы, косы, топоры, овчинные шубы, телеги и т.п. продукция. Эти стеснения устанавливались с той целью, чтобы “купечеству обиды и в торгах их умаления не было”²³.

Таможенный устав 1755 года несколько расширил узкие рамки этого закона, разрешив крестьянам торговать хлебом и другими съестными припасами²⁴. Новые льготы государство ввело в начале XIX века, предписав местным властям не чинить препятствий крестьянам в торговле хлебом и другими продуктами, дозволило вести их и оптом, и в розницу. Манифест 1801 года разрешил крестьянам свободно торговать даже “с заморскими странами”²⁵.

Принципиальное значение для развития крестьянской торговли имели указ 1815 года, разрешивший земледельцам вести розничную торговлю не только в собственной, но и во всех соседних губерниях, и манифест 1824 года, который резко снизил размеры повинностей в целях “поощрения торговли, мануфактур и всякого рода промышленности”²⁶.

Одна из глав последнего закона была целиком посвящена торгующим крестьянам, которые разделялись на шесть категорий в соответствии с объявленным капиталом. По сути дела этот закон приравнивал крестьян к купечеству.

Крупные крестьянские предприниматели приобретали купеческие права первой и второй гильдий, т.е. имели возможность вести оптовую торговлю и сооружать крупные промышленные предприятия. Остальные крестьяне обрели права купцов третьей гильдии, или мелких торговцев. Еще в 1806 году богатые крестьяне получили право строить собственные мореходные суда²⁷.

Расширение крестьянской торговли позволяло наиболее предприимчивым сельским жителям Севера скапливать капитал и переселяться в город, записываться в мещанство или купечество. Особенно сильный приток крестьян в Архангельск произошел в конце XVIII века.

Историк В. Крестинин, отмечая рост посадского населения в период между III и IV ревизиями (1763 –1782 гг.), писал: “Сие умножение посада (на 541 душу мужского пола) последовало при открытии Вологодского наместничества вступлением в гражданство 280 семей крестьян, обсевшихся в городе...”²⁸. Согласно данным обывательской книги 1786 –1788 гг., недавние крестьяне составляли 37% жителей посада.

* * *

Первые списки архангельских купцов свидетельствуют о том, что значительная масса их являлась выходцами из деревень. Заметим, что процесс вхождения в купечество был довольно длительным и сложным. Он являлся примерно одинаковым для всех категорий людей, желавших войти в это сословие, но больше всего формальностей приходилось преодолевать крестьянину. Юридически правительство обосновало эту процедуру еще в начале XVIII века, установив, что “записываться в посад крестьянам и прочим... вольно”, но в то же время оно обязывало их платить подати не только по купечеству, но и по своему сельскому состоянию.

Практически вплоть до 1861 года, т.е. до отмены крепостного права, житель деревни, принявший решение записаться в городское сословие (мещанское или купеческое), должен был, по крайней мере, соблюсти пять правил.

Крестьянин имел право подать прошение о переводе его в город при условии, если он уже “приобык к свойственным купечеству и мещанству промыслам или какому-либо употребительному в городах рукоделию”. *Во-вторых*, от него требовалось, чтобы до подачи заявления он “проживал или совсем обзавелся в городе”. Он должен был, *в-третьих*, обеспечить обработку земли, которой распоряжался до переезда в город. *В-четвертых*, будущий мещанин или купец обязывался представить в городскую думу документ от сельского общества о том, что на нем не было “поселянских повинностей” и “недоимок”, а также обязательство, что бывший крестьянин будет уплачивать до следующей ревизии все подати на месте его прежнего жительства. И, наконец, *в-пятых*, крестьянин должен был в момент вступления в городское гражданство внести авансом трехгодичную подать по тому и другому состоянию²⁹.

Эти рогатки, установленные высшими властями, практически означали, что в гильдии могли вступать весьма состоятельные крестьяне. И такие на Севере находились во все времена.

Уже в 1710 году шести хозяевам-крестьянам из важских дворцовых деревень удалось перейти в купечество. А за время с 1722 по 1764 гг. в это со-

словие было записано 205 дворов, входивших в Архангелогородскую дворцовую контору³⁰.

По данным за 1786 год, в Архангельске значилось 18 купцов первой гильдии, т.е. деловых людей, объявивших свой капитал “по совести” в сумме более 10 тыс. рублей. Семеро из них были в недавнем прошлом торговцами крестьянами.

А.И. Попов, выходец из Заостровской волости, к 42 годам сумел приобрести морской корабль, имел салотопный и пековаренный заводы. Позднее он и его сын Василий избирались на должность городского головы. 46-летний кегостровец В. Сидоров владел двумя лавками, а также пивным и пековаренным заводами³¹.

Во второй гильдии, насчитывавшей 20 человек, состояли бывшие крестьяне: Я.К. Ваганов, П.А. Долгошеин, Г.Е. Сидоров, брат купца первой гильдии Василия Егоровича Сидорова, а также А.К. Егоров, И.А. Истомин, А.П. Окольников, Д. И. Попов – всего 7 человек³².

А в целом выходцы из крестьян составляли в тот момент четверть всех торговцев, около 40% владельцев фабрик и заводов, 45% цеховых ремесленников и до трети всех наемных работников³³.

Крестьяне пробивались в купечество всех гильдий и в более поздний период, когда размеры капитала для вхождения в ту или иную гильдию заметно выросли, составив 50 тыс. рублей при вступлении в 1-ю гильдию, 20 тыс. – во 2-ю и 8 тыс. – в 3-ю.

Иначе говоря, за 33 года (1775–1807) минимум капитала, нужного для вступления в 3-ю гильдию, был поднят в 16 раз, а для 1-й – в пять. Эта мера оградила купцов 1-й и 2-й гильдий от конкурентов и очищала гильдии от мелких, нередко разорившихся торговцев, пользовавшихся всеми правами купечества и принимавших участие даже в выборах в купеческое самоуправление.

Увеличение размеров гильдейского состояния не уменьшило наплыва в архангельское купечество предприимчивых людей из глубин губернии. Так, в 1829 году среди 17 купцов 2-й гильдии все, кроме англичанина К.Ф. Моргана и “старожилов” Н.А. Лугового и Я. В. Спиридонова, были недавними крестьянами или холмогорскими мещанами. Среди них: выходцы из Холмогорского уезда И.Я. Демидов, Я.А. Кустов, братья Онегины, Плотниковы, В.И. Карбасников из Лявли, П.К. Куйкин, сын архангельского мещанина Козьмы Дмитриевича, до 1780 года экономического крестьянина Сумского посада, А.Ф. Черепанов из-под Архангельска. К этому списку можно добавить имена недавних мещан: вологодца С.М. Рынина, холмогорцев М.М. и С.И. Чернышевых и С.И. Попова из Колы³⁴.

В 1863 году, после отмены крепостного права и ликвидации 3-й гильдии, среди 11 купцов 1-й гильдии значились пинежанин В.Ф. Браванов и холмогорец К.В. Шингарев. А среди 75 купцов 2-й гильдии их было 12 человек, в том числе будущий городской голова 38-летний пинежанин С.Д. Лемяхов, занимавшийся оптовой торговлей хлебными припасами³⁵. Как позднее отмечалось в его биографии, крестьянин Савин Данилович явился в город, не имея ни гроша в кармане.

Наибольшее число бывших крестьян входило в 3-ю гильдию, где они составляли более трети (45 человек из 122).

* * *

Значительный интерес представляет процедура зачисления в купечество третьей гильдии выходцев из отдаленных селений. Покажем это на примере холмогорской жительницы Ирины Васильевны Бедановой. Судя по документам, она скопила свой капитал за долгие годы.

Более десяти лет ее сыновья Гаврила и Алексей служили у видных архангельских купцов М. Чернышева и А. Пятунникова. В конце концов, они смогли купить дом в Архангельске, и в 1820 году Беданова подала заявление о принятии ее с сыновьями в состав купечества 3-й гильдии. Она объявила капитал по совести в размере 8 000 рублей, уплатила положенную пошлину в размере 418 рублей, имела на руках разрешение мещанского собрания села Холмогор, которое было подписано 28 мещанами. К заявлению было приложено ходатайство купцов, у которых служили сыновья Бедановой. Это была своего рода служебная характеристика молодых людей.

Характеризуя 25-летнего Алексея, купец Чернышев отмечал, что Алексей “вел себя, как надлежит доброму гражданину. Поручения по моим коммерческим делам исправлял всегда исправно, отдавал свои отчеты порядочно. В продолжение всего времени ни в чем неблагопристойном мною замечен не был”. Среди документов было и решение архангельского купеческого общества. Лишь только после всего этого городские власти приняли решение о записи Ирины Бедановой в обывательскую книгу в качестве купчихи 3-й гильдии³⁶. Таким же образом оформляли свое “купечество” в городе и все остальные.

Выявление более полных статистических сведений о числе крестьян, перешедших в купечество, потребует дополнительных усилий. Кроме того, статистика далеко не полно характеризует социальные сдвиги, которые происходили в России, в том числе и на Севере. Многие крупные предприниматели предпочитали оставаться в крестьянском звании. Подобное явление получило особенно широкое распространение после реформ 1860-х годов. Такие крупные представители делового архангельского мира, как А.С. Чудинов и Г.С. Щепоткин – основатели лесозавода в Цигломени, выходец из Патракеевки судовладелец И.И. Бурков, предприниматель из Вознесенской волости П.П. Амосов и ряд других весьма состоятельных северян навсегда остались в истории Архангельска торгующими крестьянами. Все эти и многие другие выходцы из деревень сумели создать крупномасштабное дело уже в конце XIX – начале XX вв.

* * *

Некоторая часть архангельских купцов в конце XVIII века и позднее учитывалась по группе, члены которой именовались “старожилами”. Этим понятием определялись люди, как правило, родившиеся в Архангельске или проживавшие в нем длительное время. В 1786 году среди купцов 1-й гильдии их насчитывалось шесть, а во 2-й гильдии – 8 человек. Многие из них владели своим богатством по наследству. Большинство лиц этой категории также имели свои корни в крестьянской среде. Иначе говоря, 14 человек из 18 самых состоятельных архангельских купцов являлись по своему происхождению крестьянами.

Колоритной фигурой в этой группе был, например, потомок известной на Севере фамилии, внук Федора Андреевича Баженина Иван Никифорович. В

1786 году он, объявив капитал в 11 600 рублей, имел наследственный дом, 11 лавок и амбаров, родовую деревню Вавчугу в Холмогорском уезде, неподалеку от которой располагались корабельная верфь, водяные мельницы, кузницы, сараи, амбары, фабрика парусных полотен, к которой была приписана по последней ревизии 91 мужская душа. Во владении Баженина были также пашенные и сенокосные земли и дома в Товре и Уемской волости³⁷.

* * *

Стремительное вхождение бывших северных крестьян в состав городского купеческого сословия имеет свое объяснение. Уже с середины XVI века в развитии Двинской земли проявлялись предбуржуазные отношения. В недрах черносошного крестьянства выделялась группа “лучших людей”, крестьян-богатеев, владельцев деревень, рыбных тоней, лавок, соляных варниц. Эти люди применяли наемный труд, владели морскими и речными судами, наживали солидные капиталы, которые вкладывали в дело. Задолго до основания Архангельска на Севере были известны фамилии Амосовых, Поповых, Шульгиных (Шуйгиных), Кобелевых, Дудиных, Косицыных, Болотных и других крестьян, успешно сочетавших занятия сельским хозяйством с промысловой деятельностью и скопивших значительные капиталы. Многие представителей из этих фамилий навсегда вошли позднее в историю архангельского купечества³⁸.

* * *

Портовый город манил к себе жителей многих регионов Русского государства. Поэтому в списках архангельских купцов заметное место занимали крестьяне, мещане и торговцы из столицы, Москвы, Вятской, Вологодской и других губерний. Приведем несколько примеров. В списке за 1786 год значатся А.М. Кентенус из Москвы, Х.Б. Родде из Ревеля, М.П. Прокопьев из Ярославля, И.И. Юренский из С.-Петербурга. Позднее в Архангельске оказались слободчанин А.В. Булычев, П.И. Вальстер из Нарвы, Н.К. Гартман из Риги, А.Д. Дьяконов из Вологды, Я.В. Догадкин из Костромской губернии, Е.И. Накрохин из Великого Устюга, С.И. Репин из Вятки, С.С. Спиркин из Рязанской губернии и многие другие.

* * *

Специфика архангельского купечества в сравнении со многими регионами России заключалась в том, что здесь почти с момента основания города значительную группу составляли выходцы из других государств. Причины появления этой категории деловых людей на Севере, их деятельность подробно рассмотрены в главе “Немецкая слобода”. Ограничимся здесь лишь некоторыми замечаниями.

В соответствии с российскими законами, которые не раз менялись и уточнялись, деловые иностранные люди могли заниматься своим бизнесом, записавшись временно в категорию иностранных гостей или же приняв подданство российского государства. Им разрешалось вступать в купеческие гильдии, если они принимали вечное подданство России. Только это обстоятельство позволяло выходцам из других стран пользоваться теми же правами и льготами в торговле, какие предоставлялись русским купцам. Юридически эти бизнесмены становились, таким образом, полноправными

гражданами России, хотя в ведении своих дел они во многом отличались от русских купцов.

Списки архангельского купечества позволяют отчетливо проследить динамику вхождения иностранцев в российский бизнес, постепенного наращивания ими своего влияния. Документы свидетельствуют о том, как, пользуясь собственными кораблями, знанием иностранных языков, связями с предпринимателями западных стран, навыками в торговых делах и более солидными капиталами, иностранцы вытесняли русских из всех сфер промышленно-торговой деятельности.

Уже в 1815 году среди купцов первой гильдии остался лишь один русский человек – коммерции советник Василий Алексеевич Попов. Все остальные десять человек были иностранцы (Х. Брюст, Ф. Кроп, В. Х. Грель, В. Брандт, Ф. Шольц, Ф. Морган, И. Гембри, Е. Гернет, А. Клефекер и Ф. Олдекоп)³⁹. А в 1824 году из общего списка купцов (124 человека) почти четверть – 29 – составляли выходцы из других стран. Характерно, что наибольшее число их состояло в первой гильдии. Среди 8 первогильдийцев к тому времени по-прежнему был лишь один русский А. И. Амосов. Остальные являлись иностранцами: В. Брандт, С. Беккер, К. Амбургер, Е. Классен, Ф. Клефекер, Г. Молво и Я. Гольбом⁴⁰.

Иностранцы составляли пятую часть общего списка 3-й гильдии (18 человек из 95). Количество их в этой гильдии значительно увеличилось к 1829–1830 гг. В обывательской книге за эти годы их значится уже 25 человек, в то время как общее число третьегильдийцев сократилось до 84 купцов⁴¹.

К 1859 году численность иностранных купцов еще более увеличилась, составив уже треть городского купечества (29 человек из 89)⁴². Правда, в 1892 году, т.е. в конце столетия, положение несколько изменилось: в состав купечества 1-й гильдии влились быстро набравшие силу видные местные предприниматели: А.В. Булычев, А.Ф. Беляевский, С.В. Ананьин и А.И. Жильцов. Но выходцы с Запада все еще преобладали. Среди 9 представителей этой торгово-промышленной прослойки их было пятеро, т.е. большинство: Э.В. Брандт, Э.Е., Ф.Е. и А.Ф. Линдес и Э.Э. Фонтейнес⁴³.

Неслучайно архангельский губернатор, подводя итоги развития торговли в Архангельске в конце XIX века, заметил: «Более значительная торговля – заграничная, находящаяся в руках здешних немцев и иностранцев»⁴⁴.

К середине XIX века в Архангельске сложились многочисленные кланы из бывших иноземцев и их потомков. Абсолютное большинство из них имели большие семьи. Семья Фонтейнесов насчитывала 12, Ф. Шольца – 13, Брандтов – 14 человек. Характерно и то, что из 78 человек, удостоенных за свои деяния высоких званий потомственных и личных почетных граждан, половину составляли выходцы из-за рубежа⁴⁵.

Но более всего влияние иноземцев проявлялось в их практической деятельности. Достаточно привести такие данные: в 1817 году в адрес Ф. Шольца пришло 85 кораблей с грузами из Западной Европы, фирма “В. Брандт и К^о” обработала в ту навигацию 88 кораблей, “Беккер и Амбургер” – 43 судна, Фанбрин – 62, Клефекер – 54 и т.д. Столько же судов с российскими товарами каждый из них направил за границу. В этом списке значится лишь пять русских купцов. Фирма “А. Попов – сыновья” сумела отправить 16 кораблей, а к ней прибыло 15 судов⁴⁶. Шесть кораблей пришло в ад-

рес Афанасия Амосова, пять – Якова Машковцева и по одному – Ф. Падорину и Ф. Ермолину.

Тут, как говорится, комментарии излишни. Русские купцы не имели в своем распоряжении достаточного количества судов и тем более специалистов морского дела, чтобы самим вывозить российские товары, т.е. вести дело с подобающим размахом.

Архангельск привлекал иностранных предпринимателей и в более поздний период. Уже в конце XIX века в городе появились норвежцы М. Ульсен и К. Стампе, основавшие в разное время три лесозавода, а также швед А.И. Андерсон. М. Ульсен и А. Андерсон быстро приняли русское подданство, стали архангельскими купцами 1-й гильдии. Норвежец Ф.Ф. Прютц совместно с подданным Великобритании Э.А. Ронассеном создал в 1913 г. “для экспорта леса и агентурно-комиссионного дела” товарищество “Прютц и Ко”⁴⁷. Через короткий срок англичанин вышел из учредителей фирмы и все активы перешли к Ф.Ф. Прютцу, как “единоличному владельцу с правом производства, торговли под той же фирмой”.

* * *

Что же представляло собой архангельское купечество с точки зрения его имущественного положения, грамотности, знания основ коммерческого дела? Сведения обо всем этом читатель найдет в следующих главах книги. В обобщенном виде планы его, требования к властям изложены, в частности, в главе “Наказ города Архангельска”. Здесь позволим себе очень кратко коснуться состояния этих проблем в начальный период оформления купеческого сословия – в 1785 году.

Пожалуй, наиболее обстоятельную характеристику архангельского купечества в последней четверти XVIII века содержит “Поименная ведомость о торгах, рукоделях и о промыслах каждого и всех Архангелогородского посада граждан купцов 1785 года”⁴⁸.

Документ включает перепись торгово-промышленного населения города и содержит сведения о 177 купеческих семьях, в которых насчитывалось 463 души мужского пола. Он примечателен тем, что содержит такие редкие данные, как знание иностранных языков и бухгалтерского дела, сведения о грамотности, о торговле, владении недвижимостью и т.д.

Среди общего состава купцов насчитывались: 381 торговец, 8 “рукодельников”, или ремесленников; 43 человека значились как промышленники⁴⁹. Они располагали в момент регистрации почти сотней различных судов, которые использовались в основном для местного плавания. Лишь купцы В. Лукичев, А. Стукачев и А. Менсендейк вывозили на своих судах товары в другие страны. А в целом заморский торг на своих и иностранных судах вели 12 купцов (А. Попов, А. Свешников, С. Башмаков, С. Дорофеев, А. Менсендейк, Н. Ширкин, И. Лыжин и др.) На местные пинежские, поважские и двинские ярмарки, а также в различные города товар, в основном заморского происхождения, вывозили 45 архангельских купцов.

Четыре семьи: Баженины, Лобановы, Алексей Свешников и Семен Крылов – владели корабельными верфями. Характерно, что значительная часть лавок, кузниц и других заведений не принадлежала купцам. Так, например, из 60 мучных лавок им принадлежало лишь 17, из 22 рыбных – 10, из 21 мясной – 7. Из 102 москательных купеческими были 43, из 17 ветряных

мельниц – только одна. Остальные находились во владении мещан, крестьян, церковей и монастырей. Эти данные свидетельствуют о том, что внутренняя торговля в то время в значительной мере осуществлялась самими производителями без участия купцов, что купечество еще не вытеснило из торговли непосредственных производителей.

Общая сумма объявленного купцами капитала составляла 150 415 рублей. Абсолютное большинство из них (153 торговых семьи) показали капитал от 500 до 1000 рублей. Лишь три семьи (братья Лобановы, Семен Крылов и вдова купца Голубина) объявили, что стоимость их имущества более 10 000 рублей. Правда, двумя годами позднее, в связи с введением более четких законов, эти же семьи купцов объявили общий капитал всех трех гильдий уже на сумму 420 915 рублей. 193 тыс. из них падали на 18 купцов первой гильдии, 102,2 тысяч – на 20 семей, входивших во 2-ю гильдию. Остальные средства приходились на долю купцов 3-й гильдии.

Впечатляют сведения о довольно высокой грамотности сословия: только 4 купца оказались неграмотными. Северные торговцы постепенно приобретали умение говорить и писать на иностранных языках. Показатель этот был пока еще скромн: лишь седьмая часть – 23 наиболее состоятельных дома – показали знание языка кем-либо из членов семьи.

Купец Семен Крылов знал английский и голландский языки, бухгалтерию. Свободно говорил на европейских языках Иван Баженин, получивший в юности образование за границей. У Алексея Свешникова языкам обучались дети, и сам он владел ими, у Андрея Ласкина сын Алексей (будущий генерал) говорил по-французски, а Яков обучался немецкому. Все дети бывшего крестьянина из Заостровья А.И. Попова изучали немецкий язык. Заметим, что интерес к иностранным языкам у архангельских предпринимателей пробудился значительно раньше. В частности, образование в Амстердаме получили отец Семена Крылова Петр Никитич, известный купец А.С. Башмаков и ряд других деловых людей города⁵⁰.

Отметим также, что решению этой проблемы стало уделяться внимание на самом высоком уровне. В делах архангельского государственного архива хранится личное письмо Екатерины II от 26 мая 1766 года архангельскому губернатору Е. Головцыну о выборе двух купеческих детей 11-12 лет “доброй надежды и не совсем испорченного воспитания” для обучения коммерции в Англии. После тщательного знакомства с детьми наиболее известных купцов губернатор остановил свой выбор на сыновьях известных купцов Баженина и Свешникова. Представляя императрице юношу Свешникова, Головцын заметил, что он обучался в здешней немецкой школе, превосходного воспитания, частично владеет немецким языком, неоднократно бывал с отцом на Ирбитской ярмарке и в других местах. Купеческие сыновья обучались за рубежом около трех лет: они возвратились домой в конце 1769 года⁵¹.

Архангельские купцы, будучи постоянно связаны с внешней торговлей, проявляли большую отзывчивость в ответ на правительственные решения об отправлении детей для обучения за границу. В то время как купечество многих городов решительно отказывалось от выполнения этих указаний, архангелогородцы охотно выезжали за знаниями в западные страны. Правда, уровень обучения был невысок. В частности за трехлетнее пребывание Степана

Баженина и Василия Свешникова в Лондоне дело свелось в основном к обучению языкам⁵².

Весьма невысокими были данные об овладении купцами счетным и бухгалтерским делом (о знании их заявили лишь главы 14 семей).

Таким образом, архангельское купечество пополнялось из разных источников: за счет северных крестьян, посадского населения, приезжих людей из различных городов России, а также торговцев из других стран. Но абсолютное большинство их составляли уроженцы и жители Архангельской губернии.

Вместе с увеличением суммы объявленных капиталов для вступления в гильдии, ростом количества купцов, быстро росло и их богатство. Как уже отмечалось, в 1785 общая сумма объявленного купцами состояния составляла 150 415 рублей, через два года равнялась 420 915 рублей. А в 1823 году у 131 предпринимательской семьи общий размер капитала составлял уже 1 673 тыс. рублей, в том числе 406,5 тыс. руб. – у 1-й гильдии, 340 150 – у 2-й и 832 105 рублей – у 3-й гильдии⁵³.

Накопление значительных капиталов создавало реальные предпосылки для вложения средств не только в торговлю, но и в производство: судостроение, сооружение первых фабрик и заводов.

Рождение и становление архангельского купечества

¹Акты археографической комиссии (Далее – ААЭ). СПб., 1836. Т.1. С. 380. № 318. Указ опубликован в хрестоматии «Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до марта 1917 года). – Архангельск, 2004. – С. 66-67.

²См. Куратов А. А. Ранняя история Архангельска в свете археографии и палеографии. Архангельск, 1984. С. 6; Анализ некоторых итогов этой дискуссии попытался дать историк В.Н. Булатов в своем труде «Русский Север». См.: Булатов В.Н. Русский Север. Кн. 3. Архангельск, 1999. С. 155 – 162.

³Забелин И. И. История города Москвы. М., 1995. С. 6.

⁴Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском. . С. 249; Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска ... С. 46.

⁵ Архангельск в XVIII веке... С.310.

⁶ Там же. С. 275.

⁷ Архангельский Север в документах истории... С. 96-98.

⁸ Морозов А. Родина Ломоносова. Архангельск: Сев.-Зап. Кн. изд.-во. – 1975. – С.83.

⁹Крестинин В.В. Указ. соч. С.162–165.

¹⁰ Там же. С. 168–175.

¹¹Там же. С. 169.

¹²Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 281–283.

¹³Там же. С. 170–175.

¹⁴Там же. С. 248 – 249.

¹⁵АГВ. 1853. 1 авг.

¹⁶Архангельск в XVIII веке. С.278.

¹⁷Там же. С 282.

¹⁸См. Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. Изд. АН СССР. М., 1953. С. 37.

¹⁹ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д.587. Л. 36об.; История северного крестьянства. Т. 2: Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Архангельск, 1985. С. 89.

²⁰АГВ. 1870. 9 дек.

²¹ПСЗ. Т. IV. № 1775.

- ²²Там же. Т. IV. № 2349, 2433.
- ²³Там же. Т. XII. № 9201.
- ²⁴Там же. Т. XIV. № 1048.
- ²⁵Там же. Т. XXVI. № 19812, 19943.
- ²⁶Там же. Т. XXXIII, XXXIX. № 25856, 30115.
- ²⁷Там же. Т. XXIX. № 22315.
- ²⁸См. Полякова У.М. Городовая обывательская книга Архангельска 1786–1788 гг. как источник для изучения социального строя северного города // Материалы по истории Европейского Севера: Север. археогр. сб. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 125.
- ²⁹ПСЗ т. XXVIII. № 21484. О правилах для записки крестьян в купечество 24 октября 1804 г.
- ³⁰Индова Е. И. Роль дворцовой деревни первой половины XVIII в. в формировании русского купечества // Исторические записки. 1961. Т. 68. С. 191–192.
- ³¹ГААО. Ф. 49. Оп. 4. Д. 1. Л. 79-98; Как установили историки А.И. Копанев и Н.Е. Носов, предки архангельских купцов Амосовых, Поповых, Дудиных и ряда других являлись богатыми двинскими крестьянами – владельцами многих деревень, рыбных тоней, соляных варниц, речных и морских судов. См. Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 257, 258, 263 и др.
- ³²ГААО. Ф. 49. Оп. 4. Д. 1. Л. 79-98
- ³³См. Полякова У.М. Указ соч. С. 148.
- ³⁴ГААО. Ф. 49. Оп. 4. Д. 30. Л. 114 и др.
- ³⁵Там же. Ф. 49. Оп. 4. Д. 46. Л. 144–262.
- ³⁶Там же. Ф. 49. Оп. 1. Т. 2. Д. 2230. Л. 10–35.
- ³⁷Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
- ³⁸См. Носов Н.Е. Указ. соч. С. 241, 256, 257.
- ³⁹ГААО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 127. Л. 2–7.
- ⁴⁰Там же. Ф. 47. Оп. 1. Т. 2. Д. 2367. Л. 18–22.
- ⁴¹Там же. Ф. 49. Оп. 4. Д. 30. Л. 129об. – 130.
- ⁴²Там же. Оп. 1. Т. 2. Д. 3252. Л. 42–44.
- ⁴³Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 747. Л. 9.
- ⁴⁴Игнатов Н.И. Наш Север. СПб., 1897. С. 273.
- ⁴⁵Там же. С. 4, 4об. и др.
- ⁴⁶Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 844. Л. 185, 185об.
- ⁴⁷Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1412. Л. 1.
- ⁴⁸Там же. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 68 Документ выявлен и впервые использован архивистом В.А. Волынской (См. сб.: Русский Север в документах архива. Архангельск, 1998. С. 7–11).
- ⁴⁹Там же. Л. 49об. – 50.
- ⁵⁰См. АГВ. 1853. 1 авг.
- ⁵¹ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6887. Л. 1–13.
- ⁵²См. Козлова Н.В. Организация коммерческого образования в России в XVIII в. // Исторические записки. 1989. № 117. С. 288–311.
- ⁵³ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 2354. Л. 1–11.

СКОЛЬКО БЫЛО В АХАНГЕЛЬСКЕ

ТОРГОВЫХ ЛЮДЕЙ?

Наряду с выявлением источников пополнения купечества, важной задачей является уточнение его численного и именного состава.

Как уже отмечалось, длительный период государство выделяло среди торгующих людей в основном две привилегированные группы: *гостей* и купцов *гостиной сотни*. В состав той и другой попадали, как правило, очень состоятельные торговцы, проживавшие главным образом в Москве и расположенных сравнительно неподалеку от столицы городах: Ярославле, Калуге, Твери и др.

В числе выходцев из Двинской земли чести состоять гостями удостоились Аника Строганов и его потомки, а также холмогорцы Феофан (Фофан, Иван) Макаров (Макарьев), Михаил Косицын и Иван Кобелев, наследники семьи Савиных из села Лодьмы, расположенного в 50 верстах от Холмогор. Потомки последнего, в частности, основали соляную варницу Кобелиха в Неноксе. Позднее они переехали в Вологду, породнились с богачами Строгановыми и местными помещиками Лихаревыми.

В состав гостиной сотни входили знаменитые холмогорцы: Осип и Федор Баженины. В конце XVII века в Архангельске насчитывалось 5 членов гостиной сотни. Но это была лишь капля в море на общероссийском фоне: в тот момент объединение этой категории предпринимателей насчитывало 1195 человек.

Выше отмечалось, что Петр I, стремясь оживить хозяйственную жизнь государства, предоставил купцам ряд льгот, положивших начало выделению их в привилегированное постоянное сословие. В 1721 году специальным регламентом Главного магистрата объявлялось обязательным разделение всех городских жителей (исключение составили иностранцы, шляхетство, духовенство и “подлые” люди – чернорабочие и поденщики) на гильдии. Термином “купечество” стало обозначаться посадское население определенной состоятельности.

Однако мера этой состоятельности некоторое время не была определена. К тому же названный документ впервые в истории освобождал купцов от личной рекрутской повинности при условии уплаты в казну по 100 рублей с человека. Это способствовало наплыву в состав торгующего сословия широкого круга людей, порой вообще не связанных с торговлей, но имевших деньги и заинтересованных в уклонении от воинской повинности.

Сведения о числе архангельских купцов, действовавших в XVIII веке, весьма разноречивы. Так, в известном “Наказе жителей города Архангельска в комиссию об Уложении”, составленном в 1767 году, в городе значилось 993 купеческих души. 98 из них состояли в первой гильдии, 452 – во второй и 413 – в третьей. Цифры эти на деле не отражали подлинного состояния торгово–промышленного состояния Архангельска.

По данным 3-й ревизии (1762 год), в городе была учтена 2 301 мужская душа. Иначе говоря, согласно этим сведениям, почти каждый второй горожанин занимался торговыми делами. Но эта версия опровергается самим

Наказом. В нем говорилось, что из 993 душ 277 являлись престарелыми, увечными и малолетними. Значительная часть была несостоятельной, а многие “разбрелись из города для пропитания в разные места”. Из 993 человек иметь какое-то “дело” могли лишь 342 человека. Очевидно, что только этих людей и можно считать активно действовавшими представителями торгово-промышленного мира.

Совершенно иные сведения о купечестве содержались в магистратском описании города 1779 года. Авторы его, спустя всего 13 лет после составления Наказа, отмечали, что “нынешнее архангелогородское купечество по капиталам купцов первой гильдии не имеет, но состоит из двух токмо гильдий: второй и третьей. Во второй гильдии считается 26, в третьей 120 семей, платящих капитальную подать”¹.

В то же время упомянутая выше “Поименная ведомость о торгах, рукоделиях и о промыслах каждого и всех Архангелогородского посада граждан купцов 1785 года” содержит сведения о 177 купеческих семьях, в которых насчитывалось 463 души мужского пола. Таким образом, разница в числе городских купцов, зарегистрированных в течение относительно короткого времени (всего за 18 лет), весьма существенна.

Подобное “разночтение”, на наш взгляд, объяснялось рядом причин: отсутствием до поры до времени четкой границы между купцами различных гильдий, их прав и обязанностей, системы налогообложения, обусловленного принадлежностью к гильдиям и т.д.

Об отсутствии такой четкости свидетельствует, в частности, упомянутое выше магистратское описание города 1779 года. “Прямых гуртовых купцов, – отмечалось в нем, – от протчих отделить, почитай невозможно. Ибо нынешняя архангелогородских купцов торговля есть смешанная и производится частью гуртовыми и негуртовыми товарами совокупно, частью мелочными товарами, лавошными и заводскими, а частью товарами ж, вырабатываемыми самих торгующих руками. *Первых* счисляется 40 с включением в сие число нотариуса и аукциониста, *вторых* 73, *третьих*, которые состоят из рукодельников, серебрянников, портных, сапожников и тому подобных, 17 семей. Достальные же 14 находятся в прикащиках у купцов, в таможенных досмотрщиках, в дрягилях, в извощиках и в других тому подобных промыслах под именем купцов”².

В купцы практически мог записаться любой горожанин, занимающийся торговлей, промыслом, ремеслом, имевший мастерскую или промышленное заведение.

Строго говоря, различие между гильдиями до реформы 1785 года было весьма условным. Эта условность особенно касалась размера объявленных капиталов. Как правило, он никогда не превышал минимума, который требовался для вступления в гильдию. Вследствие этого зафиксированный в документах капитал не отражал реального богатства того или иного предпринимателя.

Яркое представление об этой стороне дела дают упомянутая выше “Поименная ведомость...” и составленная почти в то же время Городовая обывательская книга Архангельска. Так, например, крупные торговцы А.И. Попов, С.П. Крылов, К.А. Амосов, А. Стукачев, В. Сидоров, А. Менсендейк и другие зафиксировали свой капитал в ведомости всего лишь в размерах от 1200 (К. Амосов) до 2500 (А.И. Попов) рублей, а в обывательской книге ка-

ждый из них, претендуя на звание купца 1-й гильдии, объявил “капитал по совести” уже в сумме свыше 10 000 рублей. И это делалось практически спустя всего один–два года.

Окончательное юридическое оформление купеческого сословия началось после выхода Манифеста 1775 г., провозгласившего начало реформы городского управления и завершилось Городовым положением (“Грамотой на права и выгоды городам Российской империи”), увидевшим свет в 1785 году. Этот документ повысил и более четко определил социально-экономический статус купечества.

В соответствии с новым законом, каждый житель города мог записываться в одну из трех гильдий при условии объявления капитала от 1 до 10 тысяч рублей и уплаты соответствующего налога. Купцы каждой гильдии получили определенные права и обязанности. Этот документ освобождал купцов всех гильдий от натуральной рекрутской повинности, а 1 и 2 гильдий – от телесного наказания.

С того времени сведения о количестве купцов, размерах их собственности и семейном положении стали регулярно регистрироваться в городских обывательских книгах и списках, ежегодно составлявшихся управами городской думы.

Приведем данные об изменениях в численности городского купечества, составленные на основании различных источников.

Численность архангельских купцов (по числу объявленных капиталов)

Годы	Гильдии			Всего	Источник
	1-я	2-я	3-я		
1765	98	452	413	963	Яковцевский В.Н. Указ соч. С.53
1775	1	24	89	114	ГААО. Ф.1.Оп.1.Т.6.Д.11585. Л.4об.
1779	-	26	120	146	Архангельск в XVIII веке. С. 295.
1786	18	20	115	153	ГААО. Ф. 49.Оп. 4.Д.1.Л.79-98.
1802	10	19	104	133	ГААО.Ф.49.Оп. 4.Д. 15.Л.154-165.
1810	8	17	66	91	ГААО. Ф.47.Оп.1..Д.80. Л.1 - 8.
1812	14	16	70	100	ГААО. Ф.47.Оп.1.Д.102. Л.2 - 12.
1815	11	18	58	87	ГААО. Ф.47.Оп.1.Д.127. Л.2об.
1829	6	17	84	107	ГААО.Ф.49.Оп.4..Д.30.Лл.114 и др.
1849	5	16	71	92	ГААО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л.114
1852	4	16	71	91	Пам. кн. Арх. губ. на 1852. С. 68.
1860	8	16	68	92	ГААО.Ф.49.Оп.

					1.Т.2.Д.3414.Лл.1.
1861	7	16	92	115	Справ. кн. Арх. губ. на 1864. С.31.
1863	11	76	-	87	ГААО.Ф.49.Оп. 4.Д. 46.Л.144-262.
1869	14	130	-	144	Справ. кн. Арх. губ. на 1870. С.107
1890	11	125	-	136	АГВ. 1891. 1 июня.
1912	10	36	-	46	ГААО. Ф. 97. Оп. 1. Д.6.Л. 1

Данные таблицы позволяют сделать некоторые выводы относительно численности северного купечества.

Во-первых, удивляет астрономическая цифра 1765 года. Как уже отмечалось выше, до реформы 1775 года определить подлинное число лиц этой категории представлялось весьма затруднительным. Поскольку в тот период отсутствовало налоговое обложение купцов, то в их число, и, прежде всего, в низшие гильдии, записывалось большинство населения города. Резкое сокращение числа таких людей произошло в 1775 –1785 гг., когда вместо так называемой подушной подати был введен налог в 1% с объявленного “по совести” капитала.

Заметим, что постепенно, в особенности с начала XIX века, центральные и местные власти стали бдительно следить за порядком взимания налогов и переходом торговых людей из гильдии в гильдию. Обычно в конце года все купцы обязывались объявить капитал на предстоящий год в городском магистрате и казенной палате.

Более того, министр финансов предписывал местным властям “неусыпно наблюдать за точным исполнением установленных правил, особенно усилить надзор перед наступлением срока объявления купеческих капиталов”. В середине 1823 года, например, он предупреждал местные власти о том, что “купцы часто перечисляются в мещане не потому, что не имеют капиталов или не производят торговли, но единственно для избежания платежа в казну процентных денег”³.

И это не было пустым звуком. Архангельская казенная палата, исследовав итоги объявления архангельскими купцами капиталов на 1824 год, выявила ряд конкретных нарушений. В частности, вдова Ф. Шольца, ведшего обширную торговлю, перешла без всякого предупреждения из 1-й гильдии в 3-ю. Купец Иван Демидов вместе с сыном записался в 3-ю гильдию, хотя имел лесопильный завод. А 10 купцов из 3-й гильдии перешли в мещанство.

Казенная палата строжайше потребовала устранить нарушения, а с виновными “поступить по всей строгости законов”. В частности, Демидов, согласно существовавшим правилам, должен был немедленно перейти во 2-ю гильдию. “В противном случае, – говорилось в решении палаты, – он должен продать свои заведения имеющим право владеть таковыми, в течение шести месяцев”.

В отношении всех остальных было указано, что “тот, кто не объявил своевременно о капитале и не уплатил следуемых с них процентных денег, исключить из купцов в мещанство и запретить им вести торг по купеческим условиям”. Палата распорядилась “взыскать однопроцентные сборы со всех

наследников купцов, умерших в течение года, взыскать деньги и с тех, кто перешел в мещанство”.

Министр финансов, предупредив о падении процентных сборов с купеческих капиталов, обязал губернские казенные палаты России “исследовать причины этого явления и освободить казну от понесенного ущерба”⁴.

Во-вторых, бросается в глаза относительная устойчивость общего количества купцов (от 90 до 144). Колебания в составе купечества, как уже отмечалось выше, обуславливалось до появления Указа от 17 марта 1775 года как нечетким определением его сословного статуса в государстве, так и общим состоянием экономики губернии, торгово–промышленная жизнь которой вплоть до последней четверти XIX века развивалась медленными темпами.

Всплеск деловой активности, особенно в торговле и судостроении, произошел в начале XIX века, в связи с чем увеличилось и число купцов.

Но этот период длился недолго. Рост размеров капитала “по совести”, необходимого для вступления в гильдии, повышение налога с него (вместо 1% в 70-х до 4,75% в 1812 году) привел к некоторому сокращению числа купцов, в особенности – 3-й гильдии (со 100 в 1803 году до 73 – в 1840).

Отмена крепостного права развязала свободу предпринимательской деятельности среди крестьян и мещан, и это обстоятельство вызвало новый приток в ряды купцов свежего пополнения. Резкое сокращение числа купцов к 1912 году объясняется преобразованиями после 1861 года, которые привели к тому, что к началу XX века сословная обособленность купечества утратила свое значение и превратилась в анахронизм.

Этому в немалой степени способствовал принятый 8 июня 1898 года новый закон о промысловом налоге, который ликвидировал подразделение предприятий и промыслов на гильдейские и негильдейские. Вследствие этого было отменено обязательное приобретение купеческих свидетельств для желающих заниматься коммерческой деятельностью. Купечество с того времени перестало быть синонимом российского предпринимателя. В мир бизнеса стали свободно входить лица некупеческого звания – крестьяне, дворяне и т.д. Этими законами купеческое сословие сводилось на нет.

В-третьих, наиболее устойчивым являлся состав 2-й гильдии, что, по нашему мнению, объяснялось более спокойным ведением дела этой категорией предпринимателей. Купцы 1-й гильдии, теснее связанные с внешней торговлей, имевшие морские корабли, чаще подвергались риску, были вынуждены переходить во 2-ю гильдию, а порой разорялись. Некоторая часть первогильдийцев, в особенности иностранного происхождения (а они с начала XIX века составляли большинство в этой группе), переезжала в другие города, а, получив звание почетных граждан, имела право вести свои дела, не записываясь в гильдии. Более других была подвержена различным переменам группа, принадлежавшая к 3-й гильдии. И это тоже понятно: наиболее предприимчивые из них переходили во 2-ю гильдию, другая часть, разорившись, переводилась в мещанское сословие.

В-четвертых, архангельское купечество с момента своего рождения было многонациональным по своему составу. Выше уже приводились сведения о включении в его состав выходцев из западноевропейских стран, которые иногда составляли около трети общего числа всех купцов.

В конце XIX - начале XX вв. возникло новое явление: в среде северных купцов заметно выросла еврейская прослойка. В 1912 году, например, среди них значились братья Данишевские, Ульяновские, Биндеры, а также А.Я. Бер и Г.М. Пейсахов – отец сказочника и художника Степана Писахова. Из 46 архангельских купцов в то время до 10 являлись евреями. Появление этой категории предпринимателей объяснялось тем, что евреи, записываясь в состав купечества, получали право повсеместного жительства, вне зависимости от так называемой черты оседлости.

И, наконец, исследователи давно подметили одну немаловажную особенность российского купечества: в нем фактически не сложилось династий, представители которых владели бы своим капиталом более двух-трех поколений⁵.

Автор популярной в свое время книги “Старый Петербург” М.И. Пыляев, оценивая практику, сложившуюся в российской столице во второй половине XIX века, не без основания отметил: “Имена старых купцов беспрестанно исчезают из списков купечества; насчитать много купцов, чей дед и отец были купцами 1-й гильдии, едва ли возможно; у нас купеческая фамилия почти всегда кончается со смертью основателя фирмы”⁶.

Это положение полностью относится к архангельскому предпринимательскому миру. Для выяснения причин этого требуется конкретный анализ деятельности каждой купеческой семьи.

Уже во втором поколении потерпело крах “дело” самого крупного предпринимателя Архангельска Алексея Попова, сын которого Василий разорился. Два поколения длилась успешная деятельность рода купцов более позднего периода Беляевских: Андрея Филипповича и его сына Якова. Продолжению их дела помешала революция, вынужденная эмиграция Якова Андреевича. Но эта династия пресеклась бы и без социальных потрясений: у наследника торгового дома “Андрей и Яков Беляевские” не было детей.

Пожалуй, дольше других, около двух веков, держалась на плаву династия холмогорцев Бажениных. По свидетельству историка В. Крестинина, только “строение кораблей на Вавчужской верфи продолжалось непрерывно более 80 лет”. Баженины, перебравшись в Архангельск, продолжали заниматься бизнесом, участвовали в общественной жизни посада. Но после смерти Никифора Степановича, праправнука Федора Андреевича, у них тоже пресеклась мужская линия.

Кроме того, начиная со второй половины XVIII века, потомки именитых членов гостинной сотни фактически отходили от торгово-промышленных дел, передав знаменитую некогда судоверфь в аренду купцам Лыжиным, а в 1785 году продали Вавчужскую верфь за 20 тыс. руб. Сам Никифор Степанович являлся лишь купцом 3-й гильдии, т.е. вел, по сути дела, мелкий розничный торг. Быстро пресекся род именитых купцов Крыловых, уже внук основателя династии Семен Петрович, проживший всего 40 лет, торговлей не занимался. Число подобных примеров можно умножить.

Тем не менее, есть одна общая, и, пожалуй, наиболее весомая причина сравнительно быстрого увядания российских купеческих родов. Купеческое состояние не было наследственной категорией. Наследники получали в свое распоряжение лишь богатство, нажитое одним из предков. Нередко этот капитал вследствие какого-то несогласия между продолжателями рода дробился на мелкие части, терял свою силу. Крупные недоразумения из-за

наследства начались, например, между потомками самых именитых на Севере купцов первого поколения Бажениных и Крыловых⁷.

Кроме того, в России богатство было индивидуальным, а не семейным, и поэтому наследодатель мог делать с ним все, что хотел: завещать большие суммы на благотворительные цели, сооружение церквей, школ, богаделен и т.п. Но главное состояло в том, что наследник должен был ежегодно подтверждать свое купеческое состояние, платить налоги и вести дело. Для этого требовались умение, предприимчивость и энергия. Только эти качества позволяли увеличивать капиталы, принимать смелые, нестандартные решения. А ими нередко не обладали наследники того или иного богатого предка, и поэтому потомки некогда именитого рода были вынуждены переходить в низшее состояние, как это случилось с наследниками дела Бажениных, многие же вообще прекращали предпринимательство.

В целом можно сделать вывод о том, что купечество Архангельска, как и всей России, окончательно оформилось в сословную группировку во второй половине XVIII века. Наиболее ярким документом, свидетельствующим о наличии у купцов северного города своих интересов и планов, явился “Наказ города Архангельска в Уложенную комиссию 1767 года”, о котором мы сочли возможным рассказать отдельно.

Сколько было в Архангельске торговых людей?

¹ Архангельск в XVIII веке. С. 295-296.

² Там же. С. 296.

³ ГААО. Ф. 49. Оп. 1.Т.2. Д. 2244. Л. 1об.

⁴ Там же. Л. 1; Д. 2367. Л. 49, 49об.

⁵ См., например: Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 142.

⁶ Пыляев М.И. Стапрый Петербург. Репринтное воспроизведение издания 1889 года. Л.: Титул. 1990. С.360.

⁷ ГААО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 75. Л. 1 – 6. Дело о наследстве Н.С Крылова.

НАКАЗ ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА

30 июля 1767 года в Москве состоялось торжественное открытие комиссии об Уложении. Среди 460 депутатов, съехавшихся со всех сторон государства, был архангельский купец Николай Алексеевич Свешников¹.

Вместе с представителем Архангельска в состав комиссии были избраны холмогорский купец Гаврило Рякшин, от Неноксы – купец Семен Коковин, от Усть-Цильмы крестьянин Иван Чупров, от ненцев Зиновий Ардеев и Выембой Пургин. В комиссии заседали и делегаты от других территорий Севера – всего одиннадцать человек².

Комиссия для составления проекта нового Уложения, как она официально называлась в манифесте от 14 декабря 1766 года, включала в себя представителей высших правительственных учреждений и депутатов от общественных классов. 39% всего состава являлись посланцами городов.

Манифест от 14 декабря ставил перед комиссией двоякую задачу: узнать от депутатов “нужды и недостатки населения” и подготовить проект нового Уложения (предполагалось, что оно заменит Соборное уложение 1649 г., которое к тому времени стало анахронизмом, т.к. не соответствовало действительному положению дел в государстве). Отметим сразу, что комиссия не исполнила своей задачи, не создала проекта нового документа. Это и не могло произойти по многим причинам.

Задача огромной государственной важности требовала труда специалистов, какими не было абсолютное большинство членов собрания. Но главным препятствием, помешавшим довести дело до конца, явились глубокие различия между интересами и нуждами разных классов общества. Наказы и выступления депутатов, по оценке видного русского историка А.А. Кизеветтера, “отразили на себе общественные язвы и общественные идеалы XVIII столетия”³.

Ценным историческим документом является “Наказ жителей города Архангельска в Екатерининскую законодательную комиссию”, который, по нашему мнению, долгое время не получал должного отражения в трудах историков Севера⁴. Между тем, по оценке историка В. Крестинина и первого комментатора наказа В.Н. Латкина, он по своему уровню “почитался между лучшими сочинениями сего рода”, представляя собой “нечто совершенно особенное в сравнении с другими наказами”⁵. Это признание является весьма ценным для свидетельства уровня составителей наказа северного города. Тем более что исследователям в настоящее время известно несколько сотен подобных документов, поступивших в разное время в Комиссию о коммерции 1764 г. и Уложенную комиссию 1767 г.⁶

Главным составителем документа был Александр Иванович Фомин (1773–1802), европейски образованный человек. Наказ активно обсуждался городским обществом, под подлинником его стояли подписи 185 купцов. Первой среди них значилась подпись городского головы Ивана Баженина, второй – составителя наказа А. Фомина. Как отметил позднее В.В. Крестинин, “...в расположении нужд общества, представленных в оном наказе, все лучшие граждане имели участие”⁷. Подлинник объемистого документа на 88 стр. имел, по сообщению приват-доцента С.-Петербургского университета

В.Н. Латкина (правнука последнего представителя мужского пола династии Бажениных), форму книги, и насчитывал 62 параграфа. В основу его легли послания, составленные А.И. Фоминым и В.В. Крестининым и направленные еще в 1764 году в Комиссию о коммерции. Он начинался кратким введением, своего рода изложением полномочий депутата города, которому купцы вверили свои “общественные нужды, недостатки и всенижайшие ... прошения для представления оных, где надлежит, и притом приложить старание принести именем всех нас о поправлении сих нужд и недостатков”⁸.

Представляет большой интерес структура наказа архангелогородцев. Документ тщательно продуман. Он состоит из двух частей: “Нужды и недостатки архангелогородского гражданства” и “Всенижайшие наши прошения о поправлении общих нужд и недостатков архангелогородского гражданства”.

Каждая из частей делилась на три главы. Названия первых глав таковы: “Нужды гражданства, происходящие от умаления народа”, “Нужды, оскудение гражданству причиняющие и следуемое от того худое кредита купеческого состояние” и “Нужды от недостатка в потребных гражданскому сожитию обучениях происходящие”.

Во вторую часть входили главы: “Прошение о поправлении нашего гражданства умножением народа”, “О поправлении нашего гражданства способами, отвращающими скудость капиталов” и “О поправлении архангелогородского гражданства заведением школ”.

В первой части содержался анализ ситуации, сложившейся в Архангельске. В суммированном виде наказ изложил общие нужды и недостатки “архангелогородского гражданства”: “1. Малолюдство купечества и уездных жителей; 2. Недостаток кредита и оскудение торговых промыслов и, 3. Недостаток в потребных гражданскому сожитию детских обучений”, т.е. отсутствие школ, где бы обучались как все дети горожан, так и в особенности сыновья и дочери купцов⁹.

Наказ детально расшифровывал эти трудности. В нем сообщалось, что на просторах Двинского уезда, “который расстояния в одну сторону около тысячи верст имеет”, согласно ревизии 1763 года, проживало 31 456 крестьян и 993 купца. При этом поблизости от Архангельска обитало не более 9 тысяч человек. После рождения новых портовых городов на Балтике заметно сократился приток населения в Архангельск. Если по первой ревизии 1719 года в городе было учтено 2 875 душ мужского пола, то по 3-й – (1762 год) – 2 301 душа¹⁰. Заметим, что учитывали в то время только лиц мужского пола.

Горожане сетовали на то, что малое количество жителей “не доставляет рукодельникам от их ремесла полного пропитания”. А сельские жители далеко не все приезжали в город “для покупки купеческих товаров и для продажи своих избытков”, так как они постоянно отлучались из мест проживания в Петербург, на торги в Холмогоры и Мезенский уезд, добывая “потребное себе ... способами, не зависящими от нашего города”.

Что касается купеческого сословия, то, как уже отмечалось нами ранее, из 993 душ 277 являлись престарелыми, увечными и малолетними. Значительная часть из них была несостоятельной, а многие “разбрелись из города для пропитания в разные места”. Из 993 человек заниматься делом могли лишь 342 человека. Согласно городской регистрации, 39 из них значились по первой гильдии, 179 – по второй и 124 – по третьей¹¹.

В наказе выделялись причины “упадка” промыслов и уменьшения доходов торговцев, а также общие проблемы развития города и торговли в нем.

Одна из главных причин снижения торгового значения Архангельска, по мнению составителей документа, заключалась в отнятии “от купечества сального и смольного промыслов в казенное содержание”¹².

Еще в 40–50 гг. известный вельможа П.И. Шувалов добился передачи ему на откуп добычи морского зверя. Переход в казну и отдача в откуп традиционных источников дохода привели к разорению многих купцов, так как кроме сала и смолы, в тот момент в Северной России не было никаких доходных продуктов.

Второй причиной бедности архангельских купцов являлась, согласно наказу, непомерная тяжесть различных повинностей: бесплатных и обременительных служб при казенных сборах, в полиции, в городском управлении (141 “должность” приходилась на 342 человека)¹³. Почти половина наиболее сильных и грамотных купцов бесплатно занималась этими делами, не имея возможности из-за этой причины как следует вести собственное торговое и промышленное хозяйство.

Жалобы на тяжесть этой повинности, ложившейся на плечи наиболее предприимчивой части крестьян, содержались в наказах многих волостей Двинского и Важского уездов. Так, в наказе Н.-Койдокурской волости выражалось требование освободить общество от ежегодного выделения людей в состав служб при казенных сборах, ибо, отлучаясь от своих домов на долгий период, они “приводили свои хозяйства в полное запустение”.

Малочисленность сельского населения и горожан не позволяла увеличивать масштабы лавочной торговли. Вследствие этого, отмечалось в наказе, купцы “принуждены содержать в своих лавках всякую смесь товаров и этим подрывать торговлю друг у друга”.

Особое внимание наказ уделял анализу недостатков в судостроении. Купцы жаловались на волокиту, которая сопровождала все хлопоты состоятельных торговцев, желавших соорудить свои суда. В документе подвергался обстоятельной критике адмиралтейский регламент 1765 года и ряд законов. В нем указывалось на такие недостатки, как отсутствие на Севере обученных шкиперов, трудности найма экипажей на купеческие суда, вынужденные, как правило, зимовать за границей. Наказ отмечал, что государственные узаконения затрудняли “российское купеческое мореплавание в иностранные государства” и даже приводили “оное плавание в невозможность”¹⁴.

Купцы сетовали на незаконную, по их мнению, торговлю иностранных и иногородних торговцев, которые вместо того, чтобы вести оптовую торговлю, занимаются розничной продажей своих товаров. В наказе подчеркивалось, что иностранцы торгуют в розницу тайно, используя наемных торговцев, скупают у крестьян для “заморского отпуска холсты – салфеточные и гладкие полотна, сверх же того за долги обедневших граждан и вдов себе в службу покупают за самую малую плату”.

Столь же непримиримо купцы были настроены против солдат и крестьян. Последние, отмечал наказ, “приплывая летом на плотках и судах, никогда не хотят продать своего привоза хлебных припасов и прочих деревенских припасов местным купцам оптом, а продают в розницу”. Многие из них подвозят часть своих товаров (весла, шесты, стяги, дрова и т.п.) непосредственно иностранцам на корабли. А некоторые живут в городских домах под чужими

паспортами и не только торгуют в городе, но и “завели правильные торговые сношения со всеми, построили малые заводы: мыловарни, пивоварни, ветряные мельницы и т.п., занимаются разными ремеслами, не неся никаких обязанностей и этим успешно конкурируя с городскими купцами-ремесленниками”.

Деловых людей города беспокоил крайний недостаток средств, вследствие чего торговцы, “не находя, где бы можно занять, хотя бы за немалый интерес денег, принуждены бывают от иностранных купцов забирать в годовой кредит товары с прибавкой против денежных цен не менее десяти процентов”.

В наказе проявился весьма критический подход к состоянию образования. Было указано на жалкое существование начальных школ, отсутствие каких-либо учебных заведений для купцов, нехватку в городе учебников и недостаток “школьных мастеров”, т.е. учителей. Следствием этого являлась неграмотность купцов, незнание ими бухгалтерии – “опоры и факела купечества”, иностранных языков, русского и иноземного права торговли и т.д.

Наказ подчеркивал, что до той поры, пока Россия не будет иметь просвещенных негоциантов, Европа “всегда успеет верх одерживать в своих прибытках”¹⁵. А тремя годами раньше В. Крестинин в составленном им “донесении” в комиссию о коммерции так охарактеризовал картину состояния грамотности и культуры архангельских купцов: “если по предыдущему описанию сравнить состояние нашего купечества с купечеством просвещенных народов, то с устыдением признать сию истину должно, по достопамятному изречению государя императора Петра Великого, что купечество наше “яко дети, неучения ради”¹⁶.

Ценность наказа состоит в том, что в нем предлагались средства “поправления нужд и недостатков”. Во *второй части* его, по сути дела, изложены идеалы и основные цели архангельского купечества.

Важными и неотложными признавались меры по “умножению жителей” города. Наказ предлагал правительству даровать ряд льгот лицам, пожелавшим поселиться в посаде: освободить их на десять лет от постоянной повинности и полицейской службы, платежа податей, а крестьян принимать в город без всяких разрешений местных властей. Городской магистрат соглашался вносить за каждого крестьянина, переведенного в посад, 50 рублей выкупа.

В случае если льготы не подействуют, правительству рекомендовалось применить принудительные меры: одновременно переселить из больших городов состоятельных людей и дать им упомянутые льготы, крестьян же насильно перевести из отдаленных мест и наделить землей поблизости от Архангельска. Увеличение населения позволило бы, по мнению составителей наказа, реорганизовать и управление городом.

Магистрат предполагалось разделить на четыре экспедиции, наделив каждую из них определенными функциями: управлять городской коммерцией, судебными делами, ведать казенными и подушными сборами, заниматься полицейскими обязанностями. При этом Наказ требовал, чтобы магистраты избирались только из состава купечества.

Верные сословному духу времени, авторы наказа добивались исключительных прав для купечества в сфере торговли и производства. В документе были сформулированы 12 конкретных “прав и привилегий”. Среди них: отмена телесных наказаний для купцов, наделение их правом ношения шпаги,

освобождение от всяких казенных служб и постоев, льготы при взимании пошлин “с отпускных товаров”, а также уменьшение “оброка” за хранение товаров в казенных палатах. Наказ решительно выступал за отмену государственной монополии на торг ворванным салом и кожами, требуя передачи ее в вечное пользование местным купцам. Столь же непримиримо составители документа выступали против своих основных конкурентов – иностранных и иногородних купцов, требуя запрета для них продавать и покупать товары в розницу и иметь в Архангельске заводы и фабрики. Высказывалась просьба, чтобы только купечеству “единственно пользоваться торгами, мануфактурами и фабриками с полною выключкою от сего права всех чинов в государстве под конфискациею”, т.е. под страхом конфискации¹⁷.

Властно заявляли о своих притязаниях и местные судовладельцы, требуя “узаконить положение о том, чтобы русские корабли имели предпочтение перед иностранными и не оставались без фрахта”¹⁸. Предлагалось также наладить страхование товаров, издать регламент о банкротах, “учредить для поправления кредита купеческий банк” и регулярную почту.

Особенно интересен раздел наказа, посвященный “заведению школ”. Архангелогородцы сетовали, что их дети “из-за скудости со стороны родителей неучеными остаются, особливо женский пол, коему вверяется по замужеству воспитание детей и домашняя экономия”¹⁹. А значит, нужно, чтобы “всех детей обоего пола все граждане учили грамоте в малых школах”.

Остро выдвигался вопрос о создании школы по обучению “купцов и служителей, приготавливаемых к торговому промыслу”. “Купецких детей” рекомендовалось учить правописанию и штилю купеческих писем, арифметике и знанию о весах и мерах других государств, бухгалтерии и купеческой географии, иностранным языкам, праву и навигации. Последний параграф Наказа напоминал о необходимости “учредить для купеческих детей и для способных из бедности большую школу”, каковая была представлена от архангелогородского гражданства в Комиссию о коммерции еще в 1764 году²⁰.

В целом наказ отразил жизнь Архангельского посада в 60-е годы XVIII в., его потребности, желания, те идеалы, к достижению которых стремилось торгово-промышленное сословие, наметил пути решения проблем жизни города. Этот документ родился не на пустом месте. Он органично впитал в себя большинство положений, которые содержались в описании городских нужд, направленном из Архангельска в 1764 году в Комиссию о коммерции-
21

Поэтому с полным основанием можно говорить о причастности к составлению наказа не только А.И. Фомина, но и историка В.В. Крестинина, который тремя годами раньше явился автором послания в Комиссию о коммерции и проекта об учреждении в Архангельске гимназии.

Наказы и депутатские речи, заслушанные комиссией, показали, что архангельский посад выдвигал такие же требования, как и другие города России. Среди них: об открытии банков на местах, о запрете крестьянам торговать в посадах, иметь фабрики и заводы, требование дворянского отличия – права носить шпаги и ряд других. Вместе с этим документ отразил и специфику торгового порта страны: в нем говорилось о насущных нуждах, касавшиеся развития собственного судостроения, нормальных взаимоотношений с иностранными предпринимателями и т.д.

Отдельные требования архангельского купечества были вскоре удовлетворены. В 1768 году власти ликвидировали государственную монополию на торговлю салом морских животных. Часть требований они учли при составлении Жалованной грамоты городам 1785 г. В частности, был отменен ряд обременительных для купечества служб, связанных с продажей соли, вина и других товаров, отменена и полицейская повинность.

В целом *“Наказ города Архангельска”* является наиболее обобщенным источником для уяснения состояния и нужд, а также и общественных идеалов посадского общества второй половины XVIII в. Более того, он был, по определению известного знатока истории Севера Г.И. Минейко, своего рода *“инструкциями, данными от общества выборным в Комиссию 1767 года”*²². Но нельзя не видеть и того, что, будучи формально документом, выражавшим интересы представителей всего города, он на деле выявил нужды и желания лишь одного сословия – купечества.

Заметим, что рядовые крестьяне Важского и Двинского уездов, в свою очередь, жаловались на притеснения архангельских купцов. Так, наказ крестьян Н.-Койдокурской волости Двинского уезда требовал *“дозволения крестьянам свой домашний скот, мясо, сало, свежую и сухую рыбу, все хлебные припасы, уродившиеся в деревне, продавать в городах Архангельске и Холмогорах в розницу с утра до вечера, дабы ... от своих трудов настоящее себе удовольствие могли получить, равно же подушные деньги и прочие государственные поборы во всякой исправности и свое время”* вносить могли. Крестьяне Кегостровской, Мудьюгской, Варзугской и ряда других волостей, поддерживая эти же наказания, просили разрешить им использовать свои суда для подвозки товаров на иностранные корабли, немедленно восстановить права крестьян на сальный промысел. Крестьяне приморских деревень сетовали на то, что им приходится кормиться только заработками в Архангельске, что их семьи *“находятся в великой бедности”*, *“едят хлеб с сосновой и березовой корой”* и не могут платить подати²³. Ни одно из этих требований крестьян не было учтено в общем Наказе города Архангельска.

Анализ документов, отражающих жизнь горожан конца XVIII – начала XIX в., показывает, что многие из упомянутых проблем *“перекочевали”* в более поздний период. Среди них традиционное соперничество между русскими и иностранными купцами, неприязненное отношение городских купцов к торгующим крестьянам и др.

Приведу лишь один пример. В конце 1825 года специально созданная губернатором комиссия в составе пяти самых заметных и наиболее влиятельных в городе купцов: А. Амосова, М. Чернышева, А. Сидорова, А. Очапова во главе с архангельским городским головой А. Долгошеиным – составила обстоятельный документ о путях улучшения жизни горожан.

Поддерживая на словах стремление правительства *“к облегчению перехода людей в города”*, деловые люди вместе с тем решительно отстаивали свое исключительное право на ведение торговли в Архангельске и во всей России. Они отметили в своем послании, что крестьяне, имея позволение вести торговлю по установленным свидетельствам, устремились только к оной, приезжая в Архангельск даже из далеких губерний. А местные крестьяне, по их мнению, *“получают торговлю себе немалые прибыли”*, приводя этим к упадку дел у купцов и мещан. Ссылаясь на то, что обработка земель может и без всякой торговли доставлять крестьянам *“безбедное пропитание”*,

что последние получают большие преимущества перед горожанами, т.к. не несут никаких обременительных городских служб, купцы настаивали на том, чтобы крестьянин пользовался “городским торговым правом” только в том случае, если он запишется “в то состояние, в которое он по роду промышленности может принять”²⁴.

Любопытно, что это решение, направленное против развития крестьянской инициативы, принимали бывшие крестьяне или их потомки во втором поколении. Купцы Амосовы являлись выходцами из Заостровской волости, Сидоровы – из Кегостровской, Чернышевы – из холмогорских крестьян, а Долгошеины – из кемских.

Иначе говоря, городское купечество, не располагая достаточными ресурсами для самостоятельной экономической самозащиты, стремилось всеми силами укрыться под охрану государственной регламентации народнохозяйственных отношений, пыталось установить полную монополию на торги и промыслы законодательным порядком. Как показала практика, искусственно создаваемые привилегии и монополии плохо сдерживали мощный напор жизненных обстоятельств.

Корпоративные привилегии купцов всех гильдий были подорваны лишь после отмены крепостного права, когда свободный доступ к предпринимательской деятельности получили все сословия России.

Наказ жителей города Архангельска остался в истории как наиболее обстоятельный документ, выражавший интересы северного купечества, намечавший своеобразную программу развития экономики края. Недаром современники и историки единодушно отмечали высокие достоинства этого своеобразного сочинения, резко выделявшегося среди обилия подобных ему наказов “систематичностью плана и литературного изложения”.

Наказ города Архангельска

¹Н.А. Свешников умер в мае 1771 года. Вместо него в состав комиссии избрали купца С. Башмакова. См. В. Крестинин. Указ. соч., С. 49.

² См. Архангельский Север в документах истории... С.185-186.

³ Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 209.

⁴ Исключение составляет статья “Наказ города Архангельска в Екатерининскую Уложенную комиссию 1767 г.”, опублик. в сб.: Человек и мир в культуре России XVIII века. Архангельск, 1997. С. 37-45.

⁵ Первые публикации этого документа см.: Наказ от жителей города Архангельска // Сб. Рус. Ист. О-ва. СПб. 1907. Т. 123. С. 444–480; Латкин В. Наказ города Архангельска в Екатерининскую законодательную комиссию 1767 года // Юрид. вестн. 1886. Т. XXIII. С.419–431 (Излож. содерж. с коммент.); Копия документа, на которую мы ссылаемся в своей книге (“Список с наказа избранному в комиссию для сочинения проекта нового уложения города Архангельского депутату Николаю Свешникову – купцу архангелогородскому” объемом 48 листов), хранится в Госархиве Архангельской области. (ГААО. Ф.1. Оп. 1. Т.4. д. 7251).

⁶ См. Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1964. С.216.

⁷ Крестинин В. Указ. соч., С. 32.

⁸ ГААО. Ф.1. Оп. 1. Т.4. д. 7251. Лл.1, 19 об.

⁹ Там же. Л.1-1об.

¹⁰ См. Материалы по истории Европейского Севера СССР: Север. археогр. сб. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 86; В. Крестинин приводит в своем труде иные данные: по первой ревизии – 1 118 душ, по третьей – всего 968. (Крестинин В. Указ. соч. С.251). Очевидно, в первом

случае в обсчет введены сведения по Соломбальскому селению. Крестинин же учитывал данные только по Архангелогородскому посаду.

¹¹ ГААО. Ф.1. Оп. 1. Т.4. д. 7251. Лл.2-3; В 1765 г. в городе значилось 963 купца, в том числе 98 – в 1-й, 452 – во 2-й и 413 – в 3-й гильдии.

¹² Там же. Л. 4–4 об.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 8, 9, 19.

¹⁶ Кизеветтер А.А. Исторические очерки. С. 97.

¹⁷ ГААО. Ф.1. Оп. 1. Т.4. д. 7251. Л. 22 об.– 23.

¹⁸ Там же. Л. 22, 28 об.

¹⁹ Там же. Л. 18 об.

²⁰ Там же. Л. 30–30 об.

²¹ См. Полякова У.М. В.В. Крестинин и общественная борьба в Архангельском посаде в 60 – 90-х годах XVIII в. // История СССР. 1958. № 2. С.82–83.

²² Минейко Г.И. Отчет комиссии о присуждении премии за составление истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. Архангельск, 1888. С. 23.

²³ ГААО. Ф.1. Оп. 1. Т. 4. Д. 7253. Л. 2, 123, 126 об., 128 и др.

²⁴ Там же. Ф. 49. Оп.1. Т.3.Д. 2545. Л.16 об.,17.

ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДЕЛОВОГО МИРА ПОМОРЬЯ

ИЗ ИСТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКИХ БАНКОВ

История банковского дела на Севере – почти незатронутая страница нашей истории. Между тем в ней есть немало ярких свидетельств служения деловых людей развитию своего края.

...7 мая 1817 года в экономической жизни России произошло крупное событие: император Александр I подписал устав С.-Петербургского коммерческого банка. В специальном манифесте, опубликованном по этому поводу, говорилось: “Желая открыть купечеству вящие способы к облегчению и расширению коммерческих оборотов, признали мы за благо вместо существующих ныне Учетных контор, коих действие по маловажности их капиталов и разным неудобствам, в образовании их замеченным, не приносит торговле ощутимой пользы, учредить Государственный коммерческий банк”¹. Уставной фонд банка определялся в 30 миллионов рублей.

Открытие Центрального коммерческого банка властно диктовалось велением времени: быстро набиравшее силу русское предпринимательство нуждалось в коренной ломке крепостнической структуры старых финансовых учреждений.

Попытки изменить в России денежное обращение, сделать возможным для купцов получение кредита начались еще в середине XVIII века. Тяжеловесная монета, применявшаяся в стране, стала серьезным препятствием для развития торговли. Перевозка денег с места на место, а тем более продвижение их в далекий Архангельск требовали громадных расходов. Достаточно привести такие примеры. Вес 100 рублей в медной монете был равен 6 пудам 10 фунтам, а 1000 – 62,5 пуда. Для доставки даже 1000 рублей требовалось две подводы. А в масштабах страны передвижение денежных масс являлось большой проблемой. В середине упомянутого века в Москву и Петербург ежегодно из внутренних районов России привозили до 11 млн. руб. в медной монете, общий вес которых составлял 625 тыс. пудов. Для перевозки такого груза требовались большая охрана и около 25 тыс. подвод².

Немалые расходы по перевозке денег несли купцы. Это обстоятельство существенно уменьшало их прибыли, так как передвижение тяжелых денежных грузов являлось издержками обращения.

Тяжелые медные деньги не отвечали запросам рынка, существенно затрудняли расчеты при ведении торговли. Подсчет значительной суммы требовал большой затраты времени. Для того, чтобы принять от купца 1000 рублей, требовалось пересчитать 20 тысяч пятаков, а 10 000 рублей – 200 тысяч и т.д.³. При подсчетах таких сумм допускались значительные ошибки и просчеты, что отрицательно сказывалось на торговле внутри страны.

Купеческое общество неоднократно обращалось к центральным властям с просьбой об усовершенствовании финансовой системы.

“Тяжелые медные деньги суть казне и народу убыточны, а для торговли разорительны, – отмечалось в одном из таких писем. – Торгующим те деньги полезны, которые скоры в приеме и в отдаче, легки в перевозках и способны к пересылкам по почте. Следственно золотые деньги выгоднее против серебря-

ной монеты, а государственная банковая бумага имеет знатное преимущество и против золотых денег”⁴.

Трудности с перевозками медных денег вызвали к жизни стихийное обращение частных векселей. Вмешиваясь в этот процесс, государство еще в 1729 году ввело вексельный устав, утвердивший формы векселей и порядок их выдачи. В частности, устав разрешал казначейским конторам принимать от купцов медную монету и выдавать им векселя с тем, чтобы они могли получить по ним необходимые деньги в других городах.

А в середине XVIII века в стране были учреждены Государственный банк для дворянства и купеческий банк при Коммерц-коллегии, выдававший ссуды купцам 1-й и 2-й гильдий, торговавшим в Петербургском порту. Но сфера деятельности последнего была ограничена, и банк, не оказав серьезного влияния на торговлю, был закрыт.

В соответствии с манифестом Екатерины II от 29 декабря 1768 года в России были выпущены первые бумажные денежные знаки – ассигнации. Манифест довольно подробно обосновывал необходимость их выпуска.

В нем, в частности, отмечалось: “Во-первых, удостоверились Мы, что тягость медной монеты, одобряющая ее собственную цену, отягощает ее же и обращение; во-вторых, что дальний перевоз всякой монеты многим неудобствам подвержен, и наконец, третье, увидели Мы, что великий есть недостаток в том, что нет еще в России, по примеру разных европейских областей, таких учрежденных мест, которые бы чинили надлежащие денег обороты и переводили бы всюду частных людей капиталы без малейшего затруднения и согласно с пользою каждого”⁵.

Перечислив причины введения в России ассигнаций, манифест подчеркнул большое значение денежного обращения, от положения которого во многом “зависят благоденствие народа и цветущее состояние торговли”.

В связи с быстрым ростом спроса на государственные ассигнации, правительство в 1771 году приняло решение о создании в ряде городов разменных контор. В числе других такое финансовое учреждение появилось и в Архангельске. Эти конторы имели право размена медных денег на ассигнации. Чуть позднее в Архангельске в числе шести крупных торговых городов империи появились также конторы по учету векселей и товаров. Однако десятилетний срок их работы показал малую эффективность этих заведений.

Между тем, острота проблемы нормализации денежного обращения и создания нормальных условий для торговли обуславливалась и тем, что в связи с серией войн, происходивших в начале XIX века, в России разразился длительный инфляционный процесс.

Министерство финансов России, характеризуя экономическую ситуацию в то время, в одном из официальных документов отмечало: “Цены товаров сильно повысились, имущественные отношения утратили прочность, кредитные сделки крайне затруднились, производительная деятельность приняла характер спекулятивный; все народное хозяйство потряслось в своих основах. Огромные убытки несло в то время и государственное казначейство, получившее свои доходы в обесцененных ассигнациях”⁶.

На фоне подобной ситуации учреждение Государственного коммерческого банка, в ведение которого передавались учетные конторы, призвано было нормализовать и оживить торгово-промышленную жизнь страны.

Создание нового банка позволило ввести более совершенную систему помощи купечеству. Существенно демократизировались формы управления этим учреждением: часть директоров банка назначалась из чиновников, а другая – избиралась “коммерческим сословием из купцов, имеющих достаточные сведения о положении и оборотах торговли”.

Манифест и устав банка четко определили основные его цели. Он получил право принимать вклады для обращения под проценты, для трансферта или для перевода внесенных частными лицами вкладов от одного лица другому и просто хранить вклады в золотой и серебряной монете, как русской, так и иностранной, а равно в слитках серебра и золота. Банк получал право выдавать ссуды “под учет векселей и под российские товары”⁷.

Манифест заверял коммерсантов России в том, что император берет создаваемый банк под личное покровительство и ручается своим словом “за целостность капиталов, какие ему вверены будут частными лицами за неприкосновенность по оным прав каждого”.

Создание столичного банка способствовало совершенствованию банковской системы всей России.

Одной из первых в стране была учреждена Архангельская контора коммерческого банка. 20 октября 1819 года Александр I подписал ее устав. Этим документом контора уполномочивалась осуществлять те же операции, что и центральный банк, т.е. принимать вклады, вести учет векселей и выдавать ссуду под товары, которые хранились в архангельском таможенном замке и в общественных буянах⁸.

Дирекция нового заведения приобрела у наследников известного архангельского купца Якова Ваганова двухэтажный каменный дом за 50 тысяч рублей. После переделки и ремонта в этом здании размером 22 на 40 саженей начал свою деятельность архангельский банк⁹.

В числе первых руководителей банка были управляющий, коллежский советник Г.Ф. Гусев, два директора от правительства: И.В. Ханьков и П.И. Смецкий, а также четыре директора от купечества: Е.И. Классен, Г.А. Давыдов, А.И. Плотников и Т.Е. Булычев¹⁰. При этом архангельским был только один купец – А.И. Плотников, остальные представляли другие регионы России.

Все служащие учреждения, в соответствии с обычаем того времени, вслед за своим управляющим подписали текст “Клятвенного обещания” – своего рода служебной присяги (ее чиновники писали собственноручно или же подписывали отпечатанный заранее в типографии текст).

“Я, нижепоименованный, – отмечалось в этом документе, – обещаюсь и клянусь всемогущим Богом и перед святым его Евангелием в том, что хочу и должен его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилоштивейшему Великому Государю Александру Павловичу – самодержцу Всероссийскому... верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови...”

Принимавший присягу обещал также: “Всякую мне вверенную тайность крепко хранить и положенный на мне чин... надлежащим образом по совести своей исправлять, а для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать... В заключение же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь”.

Скромными были первые шаги деятельности архангельских банкиров. При открытии конторы основной капитал составлял 2 млн. рублей. В отчете по итогам первого года своей работы руководство банка докладывало в столицу: “За свои товары купцы пока предпочитают платить наличными... В течение года открыто только шесть счетов на сумму 348 410 рублей, выдано 289 векселей на сумму 1990 рублей. Не получила развития и такая форма, как взятие товаров под залог...” И, тем не менее, уже за первый год работы банк получил свыше 17 300 рублей прибыли¹¹. Через два года она увеличилась до 242 669 рублей. Стремительно увеличивался и основной капитал: вместо двух млн. в момент основания банка к 1823 году она составлял 7 млн. руб.

Местные и иногородние купцы скоро поняли выгодность использования всех возможностей банковских операций. Уже через два года банк выдал 806 векселей на огромную по тем временам сумму 3 697 тысяч рублей¹².

Бизнесмены быстро усвоили азбуку вексельного дела, смело брали в банке крупные суммы. Сохранилась любопытная переписка, которая ярко свидетельствует о масштабах сделок северных купцов и повышении роли банка.

В начале 1830 года правление Петербургского банка потребовало от руководства Архангельской конторы объяснить причины выдачи крупных кредитов купцам Якову Грибанову, Ивану Плюснину и Андрею Долгошеину, сообщить о том, являются ли эти купцы кредитоспособными. А сумма долгов этих “гостей” была внушительной. Грибанов задолжал банку 490 тыс., Плюснин – 300, а Долгошеин – 280 тыс. рублей.

Архангельский банк констатировал, что все три купца “состоят в полном кредите”, что “...долгие годы они ведут крупную торговлю в Архангельске, отпускают товары за море”¹³.

В навигацию 1829 года, отмечалось в сообщении, великоустюжский 1-й гильдии, затем Никольский купец Я.Ф. Грибанов, например, доставил в Архангельск 19 485 четвертей пшеницы, 20 300 четвертей льняных семян, почти 92 тысячи пудов ржаной муки, 30 тысяч пудов говяжьего сала, много ржи, овса, льна, рогож и других товаров. Даже по самым умеренным ценам он имел в наличии товаров на сумму не менее одного миллиона четырехсот тысяч рублей. Таким же образом обстояли дела и у компаньонов Грибанова.

Особенно детально говорилось о делах архангельского купца Андрея Федоровича Долгошеина. Кроме наличного товара на сумму 373 200 руб. он имел в городе канатный завод, в 1829 году соорудил сахарный каменный завод. Произведенные 130 тыс. пудов сахара он быстро распродал в Архангельске, а часть направил в Москву и на Макарьевскую, т.е. Нижегородскую ярмарку¹⁴.

Видные маклеры, привлеченные для оценки ситуации, дали единодушное заключение о том, что все три купца имеют “благонадежный кредит” и что “состоящий на них долг по учтенным векселям нисколько не сомнителен”. В их донесении добавлялось, что все товары этих купцов российского происхождения и отменного качества.

Не менее охотно пользовались купцы кредитами банка и в последующее время. В 1884 году, например, банк выдал их на общую сумму 2 093 тыс. руб. Наиболее крупными заемщиками банка были экспортеры леса, хлеба, льняного семени, а также овса, сала, смолы пека и других товаров. Торговцы сме-

шанными товарами Фонтейнес и Линдес, например, взяли в том году кредит на сумму по 500 тыс. руб.¹⁵

Местные банки брали на себя нелегкие обязанности по борьбе с подделками денег и финансовых документов. В госархиве Архангельской области хранится несколько объемистых дел, связанных с этим явлением.

Центральный банк России регулярно рассылал во все свои местные конторы служебные ориентировки о появлении в обращении очередной партии фальшивок.

Финансовые службы империи напоминали всем банкам и службам, где принимались с рук крупные денежные суммы, приметы той или иной фальшивки для того, чтобы “дать возможность приемщикам отличать подделки от настоящих денег”.

10 апреля 1850 года центральный банк с тревогой сообщал на места: “С недавнего времени начали появляться в обращении нового рода фальшивые кредитные билеты 10-рублевого достоинства, подделанные литографическим способом, довольно искусно”.

Немало фальшивок попадало в архангельский край. В 1822 году местные финансисты выявили 6 поддельных банкнот, в 1823 – 8. Примерно такое же количество подобных знаков выявлялось и позднее. Их предъявили в банковские службы купец Дмитрий Ершов, офицер Иван Силов, купеческий сын Карл Ротерс и другие. Всего с 1821 по 1845 гг. было предъявлено более 120 фальшивок на сумму 2890 рублей.

Как же в империи боролись с этой серьезной бедой?

Естественно, что органы внутренних дел искали и находили виновников – производителей фальшивок. А банковские конторы в соответствии с предписаниями сверху действовали своеобразно: они довольно щедро платили за каждую доставленную в их распоряжение недоброкачественную купюру. За 25-рублевую фальшивку человек, доставивший ее в банк, получал 7 рублей 14 копеек, за 5-рублевую 1 рубль 42 копейки серебром. За 1822-1845 годы архангельская контора выдала подобных вознаграждений на сумму 755 рублей 74 копейки серебром. Получали вознаграждение все: и банковские работники и торговцы. Первым платили за бдительность в интересах казны, а вторым возмещали понесенный в ходе сделки ущерб.

* * *

Трудные обязанности выпадали в банке на долю купцов, избираемых от купеческого сословия в состав директората. В соответствии с уставом, из четырех директоров двое должны были присутствовать в конторе в положенные дни. Другие же два, гласил устав, “могут по собственным делам из Архангельска отлучаться, но не иначе как с согласия общего присутствия конторы, которая доносит о сем правлению банка”¹⁶.

Все кандидатуры на пост директоров от предпринимательского мира тщательно обсуждались на заседании купеческого общества. От директора – купца – требовались особые качества. Каждый из них помимо общей, государственной, должен был принести особую клятву, текст которой гласил, что “директор обязуется кредит каждого должника и вкладчика хранить в нерушимой тайне”. Кроме того, должность исполнялась на общественных началах. Вполне естественно, что за время пребывания на посту директора могло пострадать собственное дело.

Нередкими были случаи отказа купцов исполнять обязанности директора банка. Но история сохранила и другое – имена тех, кто, не считаясь со временем, вкладывал душу в становление нового дела на Севере. Добрый след оставили самые известные среди деловых людей города люди: А.И. Плотников, Е.И. Классен, Г.А. Давыдов, и в особенности Петр Кузьмич Куйкин.

Дважды, начиная с 1830 года, Куйкин избирался на должность директора. Это был опытный и влиятельный человек. К этому времени он уже исполнял обязанности ратмана городского магистрата, затем был бургомистром.

Вскоре после вступления в должность директора банка Петр Куйкин попал, говоря современным языком, в экстремальную ситуацию. Во время эпидемии холеры в Архангельске в 1831 году умерли управляющий банком и директор, назначенный правительством. И тогда все обязанности взял на себя Куйкин. Архангельское купеческое общество и директорат банка представили Петра Куйкина к монаршей награде – Золотой медали на Владимирской ленте для ношения на шее.

Отметив, что Куйкин “исправлял и исправляет должность с отличием, усердием и, будучи примерной нравственности, содействовал банковской конторе своими сведениями по коммерческим оборотам”, “считается в Архангельске почетнейшим купцом”, купеческое общество добавляло, что за семь лет директорства он не получил никакого вознаграждения. В духе времени в документе подчеркивалось, что Петр Кузьмич “предан совершенно Православной церкви и бывает ежегодно у исповеди и святого причастия, не принадлежит ни к одной вредной раскольнической секте (духоборцам, молоканам, иудействующим и т.п.)”.

Летом 1840 года купеческое общество и правление банка сердечно поздравили Петра Кузьмича с награждением Золотой медалью с надписью “За усердие” на Аннинской ленте для ношения на шее.

Более ста лет располагался архангельский коммерческий банк в бывшем доме купца Ваганова. Небольшой переулок, где находилась банковская контора, с той поры обрел название Банковский. Каменное здание на углу этого переулочка и набережной Северной Двины сохранилось до наших дней.

* * *

Открытие архангельского банка явилось лишь первым шагом на пути к становлению кредитно-финансовой системы в Архангельске. Заметный след в истории города оставил Архангельский городской общественный банк. Он был создан по инициативе купца Василия Попова в 1848 году и существовал вплоть до первых лет советской власти¹⁷.

Банк начал действовать 11 мая 1848 года. Это событие почтили своим присутствием военный и гражданский губернаторы, городской голова, гласные городской думы. Служащие банка приняли клятву, обещая “действовать во всех делах по совести и без лицепрятия, хранить в тайне все, касающееся вверяемых банку частных коммерческих дел и счетов, и неуклонно исполнять все возложенные на них обязанности”¹⁸.

Работа банка находилась под контролем городской думы. На ее заседаниях избирался учетный комитет, который определял благонадежность векселей, анализировал списки людей, кредитуемых в банке. Членами этого органа имели право быть купцы первой и второй гильдий или лица, имеющие право голоса на городских выборах. В правилах работы комитета оговарива-

лось, что в его состав не могли избираться городской голова, члены городской управы, все лица, служащие в городском управлении на жалованье. Не допускалось одновременное избрание близких родственников, а также участников одной торговой фирмы и людей, состоящих в родстве с директором банка или его товарищами – заместителями¹⁹.

Городской банк не мог похвастать размерами своих оборотов. На его уставной фонд городская дума смогла выделить всего лишь 50 тысяч рублей. За полвека эта сумма увеличилась втрое, составив на грани XIX и XX вв. чуть более 150 тысяч рублей.

Вплоть до 1864 года вся чистая прибыль, получаемая от операций банка, полностью причислялась к основному капиталу. А затем часть ее шла в доход города, другая – на покрытие убытков от неоплаченных векселей, а вся остальная сумма – в основной капитал.

К городскому банку потянулись те, кто намеревался завести небольшое дело, кому требовался срочный кредит под залог недвижимости – жилого дома, лавки или иных строений. Уже в XIX веке банк был вынужден не раз уточнять свой устав. В частности, в 1857 году мелкие торговцы возбудили перед начальником губернии вопрос о расширении вексельного дела. В 1859 году они добились права купцам 3-й гильдии брать векселя под учет до 2000 рублей вместо прежних 1000 рублей, а мещанам и ремесленникам – до 500 рублей. Проект этого решения предварительно рассматривался на общем собрании купеческого и мещанского обществ²⁰.

С этого времени банк быстро расширил вексельное дело. За первое десятилетие после упомянутого выше решения учет векселей удвоился (с 62,5 тыс. руб. до 118 тыс. руб. в 1869 году), а еще через десять лет достиг 573 тысяч рублей. Производились и такие операции банка, как выдача ссуд под вещи, под процентные бумаги, под недвижимое имущество²¹.

Все направления работы банка совершенствовались. Так, например, он выдавал сначала ссуды под залог имущества на 3 года. Число горожан, которые пользовались этой услугой, было значительно. В 80-е гг. XIX века их было около 70 человек. Размеры ссуд составляли от 100 до 8000 рублей. А купец К. Минаев однажды брал даже 45 тыс. рублей²².

Кратковременность ссуды не устраивала горожан, т.к. многие из них были малообеспеченными людьми и не успевали погасить свой долг за 3 года. Банк добился у городской думы увеличения этого срока до 10 лет с тем расчетом, чтобы человек, взявший деньги в банке, мог ежегодно погашать свой долг и проценты по нему и успевать за установленный срок постепенно рассчитаться с банком.

Одним словом, банк обслуживал, прежде всего, потребности средних слоев – мелких торговцев, приказчиков, рядовых обывателей.

Городской банк наряду с другими принял на себя еще одну важную функцию – на его счета поступали все благотворительные пожертвования от купцов и всех деловых людей города и губернии. Банк направлял выделенные средства на те цели, которые указывал тот или иной предприниматель в своем завещании. Здесь же скапливались также так называемые вечные вклады, т.е. средства, проценты с которых ежегодно отчислялись в адрес конкретных богаделен, учебных заведений, именных стипендиатов, церквей и т.д. В 1911 году сумма таких вкладов достигла достаточно внушительных размеров – 62 180 рублей²³.

* * *

Как уже отмечалось, конец XIX – начало XX вв. ознаменовались значительным оживлением экономики Севера. Этому способствовало сооружение железнодорожных линий Котлас-Вятка и Вологда-Архангельск и связанное с ним увеличение потока грузов на экспорт.

Усиление связей с иностранными государствами и предпринимателями, рост масштабов внешней торговли вызвали необходимость открытия новых банковских учреждений. Еще в 90-е годы в Архангельске открылось отделение Русского для внешней торговли банка.

25 октября 1909 года в доме известного бизнесмена Вальнева, расположенном напротив Гагаринского сквера, торжественно открылось Архангельское отделение С.-Петербургского международного коммерческого банка. На его открытие прибыли губернатор И.В. Сосновский, вице-губернатор А.Ф. Шидловский, городской голова Я.И. Лейцингер, видные коммерсанты, иностранные консулы.

Во вступительном слове директор нового банка Ф.Ф. Ландман четко определил свои проблемы. “Наша задача, – отметил он, – всеми силами способствовать развитию торгово-промышленных предприятий, обслуживанию их как здесь на месте, так и в остальной России и Сибири, равно как способствовать реализации продуктов экспорта на зарубежных рынках и таким образом принести свою частицу стараний, как на пользу отечественной торговли, так и на пользу северного края в частности, имея конечной целью дать в общую массу народного достатка и свою, хотя, быть может, скромную долю прибыли на народные сбережения, помещенные в акциях нашего банка”.

В состав учетного комитета банка вошли видные архангельские предприниматели: Алексей Васильевич Ананьин, Алексей Иванович Вальнев, Александр Александрович Люрс и Рудольф Карлович Пец.

Международный коммерческий банк сыграл заметную роль в оживлении внешней торговли через Архангельск в начале XX века.

* * *

После октября 1917 года банковское дело в Архангельске переживало острый кризис. Советские органы власти сразу же закрыли два частных банка, прекратили выплату процентов по вкладам. Из-за кризиса в экономике все банки испытывали острый недостаток денежных знаков.

Предприниматели всех рангов, рабочие комитеты, военные непрерывно требовали от властей присылки в свои коллективы комиссара финансов, угрожали забастовками.

“Во избежание голодных бунтов и других гибельных последствий, – говорилось в письме архангельскому губисполкому от командования военной флотилии, – необходимо отпустить немедленно два миллиона рублей, дабы можно было удовлетворить самые неотложные нужды...”. Такие письма в органы власти шли непрерывно²⁴.

Руководители города и губернии пытались решить проблему. Они добились поступления денежных знаков из центра, пускали в обращение запасы старых кредитных билетов. Применялись и принудительные меры. Так, в апреле 1918 года комиссар финансов обязал членов торгово-промышленного союза и купеческого общества немедленно внести на свои текущие банков-

ские счета 2 833 тыс. рублей. 178 состоятельных людей обязывались немедленно дать от 1 до 125 тысяч рублей “налички”²⁵.

Обстановка “денежного голода” породила совершенно новое явление в России – стихийное “деньготворчество”, т.е. печатание местных денег. Одной из первых в России официальное разрешение Государственного банка на право печатания собственных денег получила Архангельская губерния.

7 мая 1918 года в обращении в Архангельске появились знаменитые “моржовки”: на купюре 25-рублевого достоинства, оформленной известным русским художником С. Чехониным, были изображены различные северные атрибуты – снег, торосы, белый медведь и морж. Судя по документам, архангельские денежные знаки были отпечатаны на весьма внушительную сумму –100 миллионов рублей. До десятка вооруженных матросов ездили за ними в Петроград.

“Моржовки” оказались непопулярными в народе, так как печатались на обычной бумаге и быстро изнашивались, но прожили достаточно долгую жизнь. Они на какое-то время выручили не только советские власти города и губернии, но и использовались во времена белогвардейского правительства Н.В. Чайковского.

* * *

Особая страница в истории банковского дела на Севере – период иностранной интервенции.

Новое правительство – Верховное управление Северной области – с первых дней своего существования столкнулось с трудной проблемой: как наладить денежное обращение в Архангельске и на контролируемой им территории.

В специальном обращении правительство известило население: “Большевистская власть перед бегством из Архангельска успела вывезти денежные знаки на десятки миллионов рублей... Вследствие этого в распоряжении Верховного управления Северной области оказалось недостаточное количество средств на текущие расходы”²⁶.

В поисках выхода из создавшегося положения правительство приняло ряд шагов.

Вскоре после падения советской власти, наряду с Государственным, возобновили свою работу архангельские отделения Московского народного (кооперативного), Петроградского международного коммерческого, Русского для внешней торговли банков.

Регулируя работу банковских учреждений, власти ограничили выдачу средств в них мизерной суммой – не свыше 300 рублей в неделю. Выдачи, превышавшие эту норму, разрешались только финансовым отделом правительства. Ограниченные финансовые возможности сужали фронт действий для бизнесменов всех уровней.

Новое правительство обратилось за помощью к предпринимательскому миру. С этой целью 6 августа состоялось общее собрание губернского торгово-промышленного союза, на которое явились члены биржевого комитета и ряда других организаций.

В своих выступлениях перед собравшимися глава правительства Н.В. Чайковский и управляющий отделом финансов Г.А. Мартюшин призвали представителей делового мира поддержать идею выпуска Верховным управлени-

ем “Займа доверия” сроком на 6 месяцев на общую сумму 10 миллионов рублей. Собрание приняло решение: “Все свои свободные наличные денежные знаки обратить в краткосрочный пятипроцентный заем”. Предприниматели за короткий срок собрали полтора миллиона рублей наличными. Около двух миллионов – предоставили в распоряжение властей кооперативные организации.

А 8 августа Верховное управление приняло специальное постановление “О краткосрочном займе”. Обязательства выпускались купюрами в размере 100, 500, 5000 и 10 000 рублей за подписью председателя правительства. Последнее обязывалось после нормализации денежного обращения и появления настоящих денег выкупить эти “обязательства” через шесть месяцев²⁷. На деле же этого не произошло – купюры огромного размера спустя полгода превратились в денежные знаки, получившие название “чайковки”²⁸.

Однако эти денежные знаки, как и их предшественники “моржовки”, были крайне непопулярны. Союзное командование вообще не принимало их в уплату за свои поставки. Банки нуждались в более надежной и устойчивой валюте, которую можно было бы использовать при взаимных расчетах и осуществлении экспортно-импортных операций.

После сложных дискуссий русские власти согласились с предложением английских специалистов выпустить специальные “северные рубли”. В постановлении Временного Правительства Северной области от 11 ноября 1918 года отмечалось: “Выпустить государственные кредитные билеты Северной России достоинством в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 500 рублей и разменные знаки достоинством ниже одного рубля, под обеспечение иностранной валютой по курсу сорок рублей за один фунт стерлингов”²⁹.

Для выпуска новых знаков правительство учредило Государственную эмиссионную кассу. Билеты обеспечивались особым фондом в одном из лондонских банков (в фунтах стерлингов). Соглашение, заключенное между правительством и союзниками, предусматривало также, что “в качестве обеспечения гарантий союзников Верховное Управление Северной области предоставляет союзным правительствам, выдавшим гарантию, преимущественное право на эксплуатацию лесных богатств Северной области”.

За сравнительно краткий период (с 16 декабря 1918 года по 8 июля 1919 года) эмиссионная касса области осуществила 10 выпусков этих денег на общую сумму 29 миллионов рублей³⁰.

В целях борьбы с растущей инфляцией и учета денежных знаков весной 1919 года правительство приняло решение о перфорировании всех денег и ценных бумаг, находившихся в обороте в Северной области. На всех купюрах в банках особым штампом пробивался знак “ГБСО” (Государственный банк Северной области). Как отмечалось в постановлении Верховного управления, эта операция имела своей целью “предотвратить наплыв в Северную область печатанных большевистскими властями денежных знаков” и “установить количество находившихся в области денег”³¹.

Эта мера вызвала массовые протесты населения. Полевой военный прокурор Северной области С. Добровольский в своих мемуарах отметил: “В Архангельске эту меру встретили с большим возмущением, тем более что выполнение штемпелевки знаков было поставлено безобразно, так как она проводилась в кратчайший срок и вызвала скопление публики, которая, часами простаивая в хвостах, подвергала принятую правительством меру самой оз-

лобленной критике. Правда, вскоре обыватель нашел довольно простой выход из положения. Так как способ штемпелевки был очень простой и состоял в пробитии маленьких отверстий, то приступили к перфорации домашним способом при посредстве спилек и булавок, причем “перфорированные” таким образом деньги, даже при самой грубой подделке, имели свободное обращение”³².

Но ни примитивные “чайковки”, которые могла напечатать любая типография, ни “северные деньги”, поступавшие из Англии, ни штемпелевка денежных знаков не помогли правительству Северной области и его банкам создать нормально действующее финансовое хозяйство.

На выручку властям то и дело приходил печатный станок. В обращение, как и ранее, выпускались ничем не обеспеченные “чайковки”. Правительство уже не скрывало своих целей, осуществляя очередные выпуски “Займа Доверия!”. В его постановлении от 10 июля 1919 года о выпуске денег на огромную сумму в 60 млн. говорилось о том, что это производится с целью покрытия “расходов области общего и военного характера”³³. Цена этих денег равнялась стоимости бумажки, на которых печатались купюры.

* * *

Власти Северной области предпринимали самые различные меры для пополнения казны. Они предписали торговцам, которые вели заграничную торговлю, сдавать всю валюту в банки. Каждый из вывозивших товар за границу писал прошение наподобие того, какое сочинил в июле 1919 года К.И. Кротов. “Честь имею покорнейше просить, – обращался он в банк, – выдать мне разрешение на право вывоза из Архангельского порта в один из портов Англии на принадлежавшем мне на корабле “Святой Николай” смолы в количестве 3000 бочек. Вырученная от продажи смолы в Англии валюта поступит в Ваше распоряжение”³⁴. Десятки таких заявлений хранятся в архиве госбанка.

Однако подобный план получения правительством валюты практически не выполнялся. Нередко купец не мог сбыть свой товар быстро. Кроме того, он значительные суммы тратил на фрахт, на страховку, был заинтересован что-то приобрести для развития собственного хозяйства, иногда ему приходилось действовать за рубежом на бартерной основе. А часть наиболее заметных капиталистов оставляла вырученные средства в иностранных банках.

Порой тот или иной предприниматель и правление банка обменивались нелицеприятными “любезностями”. Так, известный промышленник Е. Могучий, пообещав немедленно перевести вырученную за 550 пудов пеньки валюту, сообщил банку, что он получил в Норвегии в обмен на свой товар 12 000 пудов рыбы. Управляющий банком в резкой форме ответил, что поскольку разрешение было дано не на компенсационную сделку, а по валютному обязательству, то: “Ваша сделка на рыбу никакого отношения к делу не имеет, и требование банка о сдаче валюты остается в силе”³⁵.

Но никакие угрозы правительства конфискацией имущества, арестом самих предпринимателей не действовали. Банк не получал требуемых средств.

Управляющий банком Репман искал валюту по всей России. В архиве сохранилось его письмо, направленное в 6 банков страны (Московский, Петроградский, Сибирский и др.). Архангельский банкир просил своих коллег: “В Вашем распоряжении за границей находится значительная сумма иностран-

ной валюты, принадлежащая Вам и Вашим клиентам, которые при существующих условиях им воспользоваться не могут.

Полагаю, что эта валюта могла бы быть предоставлена Вами в распоряжение Областного Государственного банка заимообразно или за наличный расчет, чем Вы оказали вы большую услугу правительству и области”³⁶. Это обращение осталось гласом вопиющего в пустыне.

* * *

Архангельские деловые люди предприняли самостоятельную попытку нормализовать финансовое обращение в области или, по крайней мере, улучшить расчеты друг с другом и финансировать заграничные сделки предприняли.

С этой целью уже в августе 1918 года они организовали новый Северный торгово-промышленный банк. Среди его учредителей были 12 крупных предпринимателей города: Я.А. Беляевский, И.Е. Володин, Г.Ф. Линдес, М.К. Кыркалов, Е.В. Могучий, А.С. Чудинов, М.А. Ульсен, М.В. Перешнев и др.

Новый банк преследовал цель “облегчить торговые сношения Северной области России с внутренними и заграничными рынками”. Он получил на основании своего устава право вести такие операции, как учет “русских и иностранных векселей, и всяких других торговых обязательств, назначенных к платежу не далее девяти месяцев”, а также “производство ссуд и открытие кредитов” на такой же срок, осуществлять другие операции.

Весь капитал банка в сумме пяти миллионов рублей внесли его учредители. Он составил из 20 000 акций по 250 рублей каждая³⁷.

За короткий срок у этого банка появилась иностранная валюта. Он сумел создать корреспондентскую сеть в ряде стран, что позволяло деловым архангельским людям, прежде всего, основателям банка, совершать экспортные и импортные торговые операции³⁸.

Несмотря на военные условия, развитие инфляции, банк сумел в течение довольно продолжительного срока осуществлять функции, определенные его уставом.

Таковы некоторые штрихи истории банковской системы на Севере в период до установления советской власти в феврале 1920 года.

* * *

Первые решения, принятые архангельским губернским революционным комитетом в начале 1920 года, касались деятельности банков.

Приказ губревкома от 14 марта 1920 года объявил о ликвидации 10 банковских учреждений, указав при этом на то, что “никаких обязательств по отношению к вкладчикам, поместившим свои капиталы в эти учреждения, РСФСР на себя не принимает”.

Для представления о масштабах потерь приведем данные по счетам Московского народного банка. По состоянию на 1 марта 1920 года архангельский союз кооперативов имел здесь около 4 млн. рублей, продовольственный отдел губернского земства – 12,5 млн. руб., Союз смолокурных артелей Важской области – более 107 тыс. руб., фирма А.И. Беззубикова – почти 157 тыс. руб.³⁹.

Ревком, аннулируя все вклады, известил, что право на получение своих денег будет предоставлено лишь лицам, вклад которых не превышал 10 000

рублей при условии, если эти лица не занимались спекуляцией и не эксплуатировали чужого труда и “по представлению соответствующего удостоверения из профсоюзов, отделов труда и местных советов”⁴⁰.

В эти же дни аннулировались так называемые “чайковки”. Приказ ревкома гласил: “Все денежные знаки, выпущенные белогвардейским правительством, с сего числа аннулируются и никакой силы и хождения на территории РСФСР не имеют”. Учреждения имели права сдавать эти знаки в банк лишь в порядке отчета без всякой компенсации. А “в целях оказания помощи трудящимся Архангельской губернии, служащим и рабочим выдавать пособие в размере полумесячного содержания”. Учитывая острый недостаток в денежных знаках, ревком спустя некоторое время пошел на уступки: его решением было временно разрешено “хождение и обязательный прием всех старых денег, которые когда-либо использовались на Севере в период интервенции, в том числе “моржовки”, керенки, думские и царские знаки. Исключение было сделано лишь для “чайковок”. И в этом проявился жесткий классовый принцип: непримиримость к «контрреволюционному» антисоветскому правительству⁴¹.

Для пользы делового мира Поморья

¹ГААО. Ф. 16. Оп.1. Д. 4а. Л. 22–24об.

²Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России / Изд. АН СССР. М., 1953. С. 39; Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 254.

³См. Юхт А.И. Указ соч. С. 254.

⁴Там же.

⁵ПСЗ. Т. XVIII. № 13219.

⁶См. Бумажные денежные знаки России и СССР/А.И.Малышев, В.И.Таранков, И.Н. Смирный; Под ред. В.И. Таранкова. М., 1991. С.17, 24.

⁷ГААО. Ф. 16, Оп. 2. Д. 4а. Л. 1-2.

⁸Там же.

⁹Там же. Д. 2. Л. 3.

¹⁰Там же. Д. 40. Л. 4.

¹¹Там же. Ф. 16. Оп. 2. Д. 5. Л. 1об.

¹²Там же. Л. 5.

¹³Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 114. Л. 1,2.

¹⁴Там же. Л. 2

¹⁵Там же. Ф. 13. Оп. 4. Д. 150. Л. 9.

¹⁶Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4а. Л.2

¹⁷Там же. Ф.49. Оп. 2. Д. 2947. Л. 1. Первое письмо “об учреждении Градского банка” В. Попов написал в декабре 1841 г.

¹⁸Там же. Ф.8. Оп. 1. Д. 1. Л.1

¹⁹Там же. Ф.50.Оп. 1.Д. 601. Л. 52.

²⁰Там же. Ф.49. Оп.1 Т. 2. Д. 3245.

²¹Справочная книга по Архангельскому Городскому общественному управлению 1870–1910 г. Архангельск, 1910. С. 440–448.

²²ГААО. Ф. 8. Оп.1.Д.60, Л. 6–10.

²³Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1246. Л. 1.

²⁴Известия Архангельского Совета. 1918. 27 марта.

²⁵ГААО. Ф. 221. Оп. 5.Д. 31. Л. 7.

²⁶Вестник ВУСО. 1918. 11 авг.

²⁷Там же. 1918. 11 авг.

²⁸Об истории этих денег рассказано в книге Е.И.Овсянкина “Денежные знаки Северной России 1918–1923 гг.” Архангельск, 1995.

²⁹СУР ВПСО, 1918. Ст. 198.

³⁰ГААО. Ф. 13. Оп. 4. Д. 498. Л. 161.

³¹Вестник ВПСО. 1919. 16 апреля.

³²Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Вып. II. /Составитель В.И. Голдин. – Архангельск, 1993. С. 129–130.

³³СУР ВПСО, 1919. Ст. 503.

³⁴ГААО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 44. Л. 2.

³⁵Там же. Оп. 6. Д. 73. Л. 4.

³⁶Там же. Ф. 13. Оп. 4. Д. 488. Л. 143.

³⁷Устав Северного торгово-промышленного банка. Архангельск, 1918. С. 3,4, 8.

³⁸ГААО. Ф. 13. Оп. 6. Д. Л. 17–57.

³⁹Там же. Ф. 221. Оп. 5. Д. 56. Л. 68.

⁴⁰Там же. Л. 68.

⁴¹Известия Архангельского губревкома. 1920. 14, 26 марта.

ПЕРВОЕ ОКНО В ЕВРОПУ

Проблема торгового значения города на Северной Двине имеет два основных аспекта.

Во-первых, Архангельск, сосредоточив в XVII – первой четверти XVIII вв. всю внешнюю торговлю страны, около 120 лет был единственным морским портом России, имевшим выход в Западную Европу. И это обстоятельство определяло судьбу сравнительно небольшого поселения, выделяя его как важный центр формирования общероссийского рынка, притягивавший к себе значительную часть всего русского купечества.

Во-вторых, в то же время Архангельск с момента своего рождения являлся значительным центром внутренней, т.е. городской, региональной и общегосударственной торговли. Край снабжал многие регионы страны не только заморскими, но и своими собственными товарами, среди которых важное место занимали соль, рыба, сало, меха, кожи морских зверей и т.п.

Рассмотрим обстоятельнее эти проблемы.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Профессор В.Н. Булатов в своем труде “Русский Север” привлек внимание читателей к небольшой, по его определению, но “важной и принципиальной дискуссии”. Историк напомнил о том, что еще в 1646 году шведский полководец Яков Делагарди назвал Архангельск “первыми воротами Российского государства”¹.

Однако позднее, ссылаясь на рождение Петербурга и потерю интереса правительства к беломорской международной торговле, ленинградский ученый В.В. Мавродин свел значение Архангельска лишь к роли небольшой “форточки” на берегах Белого моря².

Неправомерность подобной характеристики архангельского порта вполне очевидна. Как бы предвидя подобную дискуссию, российский министр финансов С.Ю. Витте в июне 1894 года, во время посещения Архангельска, заявил: “Говорят Петербург был первым окном, прорубленным из России в

Европу. Но город Архангельск может не без основания оспаривать такое сравнение и прибавить, что он – окно, сооруженное чисто в русском стиле»³.

Думается, что крупный государственный деятель России, каким являлся Сергей Витте, был, несомненно, более прав, чем историк В. Мавродин, попытавшийся умалить историческое значение архангельского морского порта.

О выдающейся роли северного корабельного пристанища в судьбах Российского государства убедительно свидетельствуют разнообразные документальные данные. Они позволяют выделить одну важную закономерность в истории торговли в России, на которую справедливо указал в свое время историк П.Н. Милюков. «Чем дальше мы углубляемся в историческое прошлое России, – заметил он, – тем более внутренняя торговля отодвигается на второй план, и тем заметнее преобладает над ней торговля внешняя»⁴.

Рождение Архангельска и превращение его в крупный внешнеторговый центр России обусловило ряд историко-политических и экономических факторов.

Судьба города на Северной Двине определилась, прежде всего, его *выгодным географическим положением*: через Подвинье Русь впервые установила регулярные торговые связи с Англией, Голландией и другими странами Запада, что помогло иностранному капиталу проникнуть в глубь страны, открыть неведомые ранее торговые пути, создать на Севере новые ремесла и промыслы.

В течение длительного времени Северный край играл роль своеобразного перевалочного пункта между двумя крупнейшими хозяйственными областями России: промысловой северо-восточной окраиной – важной сырьевой базой русской торговли – и поволжским земледельческим центром. Северная Двина с ее притоками – Вычегдой, Сухоной, Вагой и Пинегой – помогла связать внешний мир и Поморье с Московским краем. Сухоно-Двинской путь открыл выход на внешний рынок и богатства Сибири, Урала, Дальнего Востока

Водный путь позволял торгово-промышленному сословию десятков территорий и до 80 городов страны подвозить для продажи и обмена свои товары. А морские иноземные суда могли доставлять грузы буквально к центру города. Сюда же к началу ярмарочного времени приходили с рыбой и продукцией морских промыслов сотни мелких поморских судов с побережья Белого моря.

Россия с незапамятных времен располагала богатейшими возможностями для экспорта. Со всех градусов и весей к Архангельску по водным путям стекались лен, пенька, смола, юфть, продукция местных промыслов (рыба, звериное сало, шкуры моржей, тюленей, лесоматериалы, смола и т.п.). Российские купцы продавали и обменивали эти товары на дорогие ткани, предметы роскоши, вина, металлы, оружие, различные припасы для развивавшегося корабельного дела и т.д.

Оценивая роль Севера в экономике России, видный русский историк С.Ф. Платонов справедливо заметил, что в это время «Север из глухой окраины государства стал одною из самых оживленных его областей. Вся страна в сношениях своих с культурным миром обратилась, так сказать, лицом к Северу. К северным гаваням – законным (казенным) и незаконным (контра-

бандным) – потянулось население, торговое и рабочее. Ожили не только пути, по которым шло вызванное торгом движение, но и целые районы, работавшие на эти пути или от них зависимые в том или ином отношении”⁵.

“В течение длинного ряда веков, – вторил Платонову историк А.А. Кизеветтер, – этот край входил в состав русской земли ... не в виде неподвижной мертвой гири, привешенной к русскому государственному организму и своей тяжестью тормозившей свободное раскрытие внутренних сил этого организма, а в виде жизнеспособной питательной его клеточки, существенно содействовавшей его общему внутреннему преуспеянию”. И далее он добавлял: “Этот чисто торгово-промышленный район послужил необходимым дополнением к московскому преимущественно земледельческому югу, т.к. основа хозяйственной деятельности жителей Севера состояла в разработке промыслов, главным нервом которой являлась добыча рыбы, соли, пушнины, выработка смолы, пека, золы, дегтя и древесины”⁶.

Вместе с этим следует отметить, что русские и иностранные торговцы с момента рождения порта на Северной Двине сталкивались здесь с рядом серьезных объективных трудностей.

Главная из них состояла в том, что первый морской центр России был отдален как от русских промышленных городов, так и от западноевропейских стран. Иностранные купцы могли совершить за навигацию лишь один рейс на далекий Русский Север. В подобной же ситуации находились и русские торговцы. Суровый климат давал возможность осуществлять эти плавания лишь в весьма ограниченные сроки – в течение четырех-пяти месяцев. И это почти вдвое удорожало фрахт⁷.

В нелегком положении оказывались русские купцы и торгующие крестьяне, доставлявшие грузы к Архангельску. Они, начиная с осени, скапливали свои товары в Вологде, Великом Устюге, Верховажье и других торговых центрах на берегах рек, с тем, чтобы весной, после окончания ледохода на реках, сплавить их к устью Северной Двины и здесь на ярмарке продать или обменять на западноевропейскую мануфактуру, галантерею, бакалею, краски, металлы и мн. др. А затем большая часть приобретенных товаров по зимнему пути, частично по воде направлялась обратно для реализации в Москве, Ярославле, в Нижнем Новгороде, в Перми, в сибирских городах. Экстенсивный характер крупной торговли требовал участия в подобных мероприятиях большого числа людей и быстрого оборота товаров и прибылей, непомерных транспортных издержек, удорожавших товары.

Исследователи подсчитали, что провоз одного пуда груза по 1500-верстному пути от Москвы до Архангельска в конце XVII – первой половине XVIII в. стоил 19 коп. А цена пуда ржи в центре России составляла всего 1,25 коп. Достаточно сравнить эту скромную сумму с ценой доставки пуда ржи до северного порта, чтобы в памяти невольно всплывает известная поговорка: «За морем телушка – полушка, да рупь перевоз»⁸.

К этим обстоятельствам добавлялись такие моменты, как малонаселенность северной окраины России, слабость и медленный рост здесь купеческой прослойки, незнание ею на первых порах азов коммерческого дела и иностранных языков, отсутствие у местных негоциантов необходимых капиталов и своих морских судов.

Совокупность этих условий приводила к тому, что внешней торговле через Архангельск долгое время были свойственны преимущественный вывоз сы-

рья и привоз фабрикатов, пассивная роль, которая выпадала на долю русского купечества в оборотах внешней торговли, полной зависимостью его от иностранных посредников.

Внешняя торговля России через Архангельск, являясь проблемой общегосударственного значения, характеризовалась рядом взлетов и падений. С некоторой долей условности можно выделить несколько периодов в ее становлении и развитии.

* * *

В течение примерно 120 лет после своего основания Архангельск (до появления Петербурга), являясь единственным морским портом России, непрерывно увеличивал масштабы внешней торговли и играл в ее решении основную роль.

До 1720 года к причалам города ежегодно пришвартовывалось от 10-12 до 40-50 и даже 100 иностранных кораблей. Здесь же, в Соломбале, действовала основная российская казенная судостроительная верфь.

В продолжение *второго*, сравнительно краткого, периода деятельности порта (примерно с 1720 до 1762 года) происходило падение внешнеторговых оборотов. Это было обусловлено рядом ограничительных актов, введенных Петром I по отношению к северной торговле. В 1713, 1720 и 1724 годах царь издал жесткие указы, конечная цель которых состояла в том, чтобы обязать русских и иностранных купцов перевести основные потоки товаров из глубин России к Балтике и даже переселить часть архангельских купцов на постоянное жительство в город на Неве.

Третий этап развития внешней торговли на Севере длился около полувека. 31 июля 1762 года Екатерина II подписала указ, уравнивший Архангельск со столичным портом. Этот документ отменил запреты на доставку некоторых грузов в Архангельск, а также повышенные по сравнению с Петербургом пошлины на отпускные товары.

Следствием этих мер явилось оживление торговли в северном порту, увеличение числа иностранных судов, приходивших к нему. С двух-трех десятков численность их постепенно вновь перевалила за сотню и более кораблей.

А в начале XIX века политические обстоятельства, связанные с международным положением России в эпоху континентальной блокады, вновь на короткое время переместили центр русской внешней торговли к Архангельску. Крайнее расположение старинного порта на какой-то период превратилось во благо. Английские купеческие суда, не имевшие возможности идти к Петербургу, втайне от Наполеона совершали регулярные рейсы на север. Значительная часть кораблей приходила под американским флагом. Недаром архангельский историк С.Ф. Огородников назвал это краткое время “золотыми годами Архангельского порта”.

Четвертым периодом можно считать вторую половину XIX века. Временный бум “золотых” лет оказался преходящим: после некоторого взлета торговых отношений наблюдалось постепенное затухание практически всех сторон экономической жизни: торговли, промышленности. О Севере стали говорить как о заброшенном и забытом крае. Даже энциклопедический словарь, изданный в конце XIX столетия, давал читателю такие горестные сведения: “Город чиновничий и торговый, местного дворянства нет, иностран-

ные купцы издавна играют большую роль. Теперь они постепенно оставляют Архангельск, в котором торговля не развивается благодаря отсутствию путей сообщения”⁹.

Отставание Архангельска в своем экономическом развитии произошло вследствие того, что он остался на какой-то период за пределами развернувшейся в стране промышленной цивилизации. Долгое время его не касались развитие сети железных дорог, введение парового речного и морского транспорта. Такое состояние было обусловлено также мощной конкуренцией удобного для западных стран и более дешевого для части русских купцов прибалтийского торгового пути. В столице, а также в Риге, Ревеле, в отличие от Севера, рождались и действовали крупные торговые дома и акционерные компании. Столица империи к тому же вскоре стала крупным промышленным центром, поставлявшим часть своей продукции на внешний рынок.

Богатые природные ресурсы Северного края лежали под спудом, была забыта огромная роль, которую сыграл когда-то Архангельск в экономической жизни России. Единичные лесозаводы, возникшие в течение века и ориентированные в основном на экспорт, не делали погоды.

И лишь в конце XIX века начинается заметный подъем в развитии торгово-промышленной жизни Севера, продолжавшийся вплоть до революционных потрясений 1917 года.

Этот процесс характеризовался быстрым ростом числа лесозаводов, появлением первых акционерных компаний в лесной промышленности, на морском и речном транспорте, сооружением железных дорог Вологда–Архангельск и Пермь–Котлас, значительным увеличением внешнеторгового оборота.

* * *

Несмотря на все взлеты и крутые падения в развитии внешней торговли через Архангельск, это явление общегосударственного значения имело свои постоянные особенности. Рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего, отметим, что становление торговли через Архангельск происходило довольно медленно. Так, в навигации 1589 году приняло участие только 14 кораблей, в том числе 6 английских, 4 – голландских и 4 – датских. В 1600 году новый порт посетило 25, а еще через четыре года 29 судов. И лишь в середине века дело сдвинулось: в Архангельск стали ежегодно приходить до сотни кораблей. Стоимость русского экспорта через порт определялась в 1 264 675 рублей¹⁰.

Во-вторых, внешняя торговля через Архангельский порт проявила удивительную живучесть. Она, несмотря на всякие ограничения и вмешательство властей сверху, никогда не прекращалась и всегда имела активный баланс. Как только улучшалась внешняя конъюнктура, объемы внешней торговли через Архангельский порт резко возрастали. Приведем некоторые данные¹¹.

Товарооборот Архангельского порта в 1730 – 1900-е гг.

Год	Иностранные корабли		Стоимость товаров в руб.	
	<i>прибывшие</i>	<i>выбывшие</i>	<i>импорта</i>	<i>экспорта</i>
171	154	н.с.	1 606	3 672240

0			580	
173 0	38	43	108 779	288 252
174 0	114	120	94 704	570 955
175 0	47	49	178 954	310 492
176 0	32	37	177 325	530 866
177 0	68	72	336 420	878 779
178 0	131	143	321 398	1 474 592
179 0	101	104	923 141	1 844 414
180 0	141	147	164 156	3 367 973
181 0	309	368	904 695	11 361 677
184 1	244	245	284 842	2 749 793
188 7	243	240	877 000	6 087 000
190 0	518	509	2 157 640	12 591 728
190 8	733	653	2 664 618	17 932 792

Сведения, приводимые в таблице, позволяют сделать вывод о том, что в торговле через Архангельский порт сумма экспорта почти постоянно преобладала над суммой импорта.

Эта ситуация объяснялась тем, что в течение XVII–XVIII и в XIX вв. Россия проводила жесткую линию меркантилизма и протекционизма, возведенную Петром I на уровень государственной экономической политики. Император придерживался модной в то время теории, сущность которой состояла в том, что каждый народ для того, чтобы не беднеть, должен сам производить все, им потребляемое, а чтобы богатеть, должен вывозить как можно больше и ввозить как можно меньше. Это стремление нашло свое воплощение во многих законодательных актах, изданных в XVIII веке: царских и сенатских указах, указаниях Коммерц-коллегии и т.д.

Более того, именно в это время родился один из замечательных трудов, написанных экономистом-самоучкой И.Т. Посошковым и предназначенный для передачи царю – это “Книга о скудости и богатстве”.

Рассуждения первого русского экономиста можно свести к нескольким чисто меркантилистским положениям: 1. Необходимо стремиться к притоку денег в страну и к сокращению вывоза денег за границу; 2. В этих целях следует всемерно развивать внешнюю торговлю и отечественную промышленность для покрытия внутреннего спроса и, в особенности, для производ-

ства товаров на вывоз; 3. Для того чтобы деньги не уходили из страны надо ограничить потребление иностранных изделий, в особенности заграничных предметов роскоши; 4. Для расширения внешней торговли государство должно применять принудительные меры регулирования и поддерживать купечество посредством предоставления кредита, организацией компаний и т.п.

Защищая интересы купечества И.Т. Посошков писал в своем труде: «Купечества в ничтожность повергать не надобно, понеже без купечества никакое, не токмо великое, но и малое царство стояти не может. Купечество и воинству товарищ, воинство воюет, а купечество помогает, и всякие потребности им уготовляет.

И того ради и о них попечение неоскудное надлежит имети. Яко бо душа без тела не может быти, тако и воинство без купечества пробывать не может; не можно бо ни воинству без купечества быть, ни купечеству без воинства жить.

И царство воинством разширяется, а купечеством украшается, и того ради и от обидников велми надлежит их охраняти, дабы ни малыя обиды им от служивых людей не чинилось. Есть многие несмысленные люди, купечество ни во что ставят и гнушаются ими и обидят их напрасно. Нет на свете такова чина, коему бы купецкой человек не потребен был”¹².

* * *

Сводные данные об экспорте товаров через Архангельский порт убедительно подтверждают неуклонное следование царя политике меркантилизма. В течение всего XVIII века сальдо торгового баланса было в пользу России. Приведем несколько данных.

Если в 1730 году цена товаров, вывезенных за границу, превысила стоимость привезенных почти на 80 тысяч рублей, то в 1810 году перевес в пользу России составлял уже свыше 10 млн. рублей. Такое же соотношение наблюдалось и в другие годы¹³. Абсолютное большинство иностранных судов (до 80 процентов общего состава) шли в России пустыми. Так, в 1817 году, например, из общего числа 408 кораблей, прибывших в Архангельск, были: 5 – с товаром, 29 – с товаром и балластом, 37 – с рыбой, выменянной на хлеб, 2 – с углем, а 334 – с балластом, 1 – без товара и без балласта¹⁴. Такое положение во внешней торговле через Архангельск в значительном мере сохранялось и в последующие годы.

Исключение из этого правила составило время с 1807 по 1812 годы, т.е. сразу же после заключения Тильзитского мира. Архангельск в том момент, по мнению Г. Минейко, “сослужил великую услугу государству, сделавшись единственной открытою гаванью, как для вывоза наших, так для ввоза колониальных товаров, проникавших в этот отдаленный и безопасный от крейсеров порт под американским флагом”¹⁵.

В течение нескольких лет стоимость привозимых и отпускаемых из Архангельска товаров почти уравнилась, а в 1811 году она составила 13,8 млн. руб., в то время как вывоз – лишь 9 млн. руб. В последующий период отпуск товаров в несколько раз превышал ввоз¹⁶.

Объяснение этого феномена во внешней торговле следует искать в изменении конъюнктуры, в частности понижения торговых пошлин на ввозимые товары.

Рассматривая внешнюю торговлю как важнейший источник получения валюты и монетного сырья, высшие власти требовали, чтобы иностранные купцы покупали русские товары “на свои деньги, а не на русские”¹⁷.

Рядом царских указов запрещался ввоз из-за границы денег российской чеканки, с тем, чтобы избежать притока в страну фальшивых монет.

С точки зрения регулирования внешней торговли представляет большой интерес царский указ “О сборе таможенных пошлин у города Архангельского с приходящих кораблей и с торгующих на ярманке”, изданный 2 июня 1700 года. Этот пространственный документ, насчитывавший 69 тщательно продуманных положений, расписывал буквально все стороны коммерческих сношений иностранных и русских купцов, производимых в северном порту.

Указ строго предписывал “бурмистрам с товарищи” к городу Архангельскому кораблей “без таможенного досмотру не пускать”, собирать пошлины “вправду” со всех: “с русских людей мелкими деньгами, а с иноземцев золотыми и ефимками”. Все “неявленные” товары, как русскими, так и иностранными купцами брать “на великого государя бесповоротно”.

Указ обязывал таможенников бдительно смотреть за всем: принимать меры против провоза “морového поветрия”, фальшивых денег, розничной продажи вина, осуществлять контроль за весами, гирями, аршинами, пропускать к Москве только тех иноземцев, которые имеют жалованные грамоты и т.д. Предписания сверху обязывали таможенную службу особенно строго следить за валютой, вырученной за проданный товар и поступавшей из-за рубежа в специальной укупорке. Один из указов от 12 марта 1710 года строжайше обязал “ефимки и серебро принимать у города Архангельского на счет и на вес” и отправлять в Москву на денежный двор “для переделки на мелкие деньги”¹⁸.

В то же время целовальники должны были к “приезжим торговым иноземцам привет, бережение и ласку во всем держать, ни в чем их не жесточить и неправды им в торговле никакой не чинить”¹⁹.

Голландский художник и писатель де Бруин, посетивший Архангельск год спустя после выхода в свет упомянутого указа Петра I, со знанием дела осветил работу порта, и в частности таможенной службы. Он отметил, что таможенный начальник, избираемый из числа купцов гостиной сотни, имеет четырех помощников, а также необходимое количество местных людей, которые “обязаны трудиться в продолжение года без всякого вознаграждения и повиноваться приказаниям таможенных начальников и их помощников, по отношению ко всему тому, что касается доходов великого князя”. Эти люди имеют войско для того, чтобы препятствовать провозу запрещенных товаров.

Де Бруин узнал, что за навигацию 1701 года в Архангельск приходило 103 купеческих судна, в том числе 50 голландских, 33 английских, а также датские, бременские и т.д. По его данным, царь должен был получить за навигацию 130 тысяч рублей пошлин. Половину из них купцы платили иностранной валютой, а другую золотыми червонцами²⁰.

Итоговые данные о сборах пошлин в архангельском порту свидетельствуют о том, что таможня успешно справлялась со своими задачами. В течение почти всего XVIII века приход казны таможня вела по двойной бухгалтерии: в ефимках на вес и в рублях²¹. Причем первая доля превосходила вторую в десятки раз. В 1724 году, например, доход составил 38 пудов, 33 фунта и 94

золотника ефимок и всего лишь 1171 рубль. В 1728 году – 104 пуда, 27 фунтов ефимок и 4503 рубля, а в 1741 – уже 185 пудов, 5 фунтов, 47 золотников ефимок и 51 466 рублей. Подобное соотношение с некоторым увеличением сбора рублей сохранялось вплоть до последней четверти века. Таможня получала немало ефимок и в начале XIX века. Лишь в 1810 году рублевый сбор стал преобладающим, приблизившись к двухмиллионному рубежу²².

Если поддержание активного баланса внешней торговли, налаживание четкой системы таможенного учета можно считать мерой со знаком “плюс”, то целый ряд общегосударственных указов, изданных Петром I, нанесли северной торговле тяжкий удар.

* * *

Важной особенностью внешней торговли через Архангельск являлось постоянное и жесткое вмешательство в нее со стороны государства.

Это с особой силой проявилось во времена Петра I. Ставя главной целью получить с купцов как можно больше денег для казны, царь создал целую систему управления торговлей и промышленностью. Если до Петра Россия вообще не знала подобных органов, то в первом десятилетии XVIII века одна за другой появились Берг-, Мануфактур-, Коммерц-коллегии и Главный магистрат. Эти учреждения явились своеобразными институтами государственного регулирования национальной экономики, органами осуществления торгово-промышленной политики царя на основе идей меркантилизма.

Одной из форм вмешательства являлась торговля самой казны с иностранцами. Исследователи разделяют все товары, которыми торговало государство, на две группы: на одни оно присваивало себе монопольное право на продажу, а товары другой группы оно реализовывало, как обычный купец, иногда пользуясь с этой целью привилегией первоочередной продажи²³.

К праву продажи второй группы товаров власть прибегала лишь в тех случаях, когда испытывала нужду в деньгах или в иностранных товарах.

Иначе говоря, государство, стремясь получить максимум доходов от продажи ходовых товаров, действовало примитивным, но эффективным способом – введением монополии на заготовку и сбыт продуктов, пользовавшихся наибольшим спросом у зарубежных покупателей.

Для государства подобная система была выгодна тем, что казна, заключив договор с тем или иным откупщиком, сразу же получала значительный доход, не неся расходов по взиманию налогов и пошлин. А откупщики охотно шли на этот шаг, т.к. он сулил большие выгоды, позволял не только вернуть с лихвой откупную сумму, но и извлечь немалый доход. Таким образом, откуп становился своеобразным промыслом: между промысловиками или купцами Севера и государством появилась ватага людей, работавших на вельможу и на себя. Среди откупщиков, действовавших в разное время на Севере, были отдельные купцы, иностранцы и царские вельможи.

* * *

Не затрагивая все грани этой проблемы, отметим некоторые ее моменты, выявленные исследователями разных поколений.

Во-первых, на разных этапах развития северной торговли власть видела в продаже товаров, взятых казной в свое ведение, средство для решения общегосударственных интересов, связанных, в частности, с обороной страны.

Первый случай подобного рода зафиксирован еще в 1588 году, когда русское правительство объявило “заповедным товаром” воск, который царская казна повелела продавать иностранцам лишь в обмен за “зелье, ямчугу, серу и свинец”, т.е. товары, имевшие отношение к военному делу. Устанавливая такой порядок продажи воска, ставшего в то время дефицитным на Западе, русское правительство хотело тем самым понудить иностранных купцов доставлять в Архангельск товары, нужные для обороны страны. И это ему удавалось. Данные, сохранившиеся за 1604 год, свидетельствуют о том, что Россия в ту навигацию ввезла 4157 пудов меди, 1274 пуда “пищального зелья”, 303 пуда олова, 120 пудов свинца, а также некоторое количество железа, ртути и “горячей серы”²⁴.

Монополия казны на тот или иной товар находилась под неусыпным оком государевых служб. С этой точки зрения показательна царская грамота 1630 года гостю Тарakanову с товарищами, закупавшими хлеб для казны: “Велено вам покупать на нас хлеб на Вологде и в других городах: рожь, ячмень, пшеницу, крупу гречневую, просо толченое, семя льняное и ссыпать хлеб в амбары, а весною на судах везти к Архангельску и продавать немцам, амбары же, куда хлеб ссыпать, и суда велено вам делать деньгами нашей казны. Но теперь бил нам челом игумен Антониево-Сийского монастыря, что монастырь этот обыкновенно закупает хлеб на Вологде, потому что своею пашнею прокормиться ему нельзя, а вы, по нашей грамоте, хлеба ему покупать не велите. Так вы бы Сийского монастыря старцам покупать хлеб велели попрежнему; только бы берегли накрепко, чтоб монастырские приказчики, крестьяне и всякие люди немецким гостям, купцам и их уговорщикам, которые скупают хлеб на немцев, хлеба никакого не продавали, а которые станут немцам хлеб продавать, тех сажать в тюрьму, а хлеб отбирать на нас”²⁵.

Продажа товаров, взятых в казенное ведение, широко применялась в случае финансовых затруднений, которые возникали из-за недостатка средств для расчетов с иностранными поставщиками, а также сырья для монетных дворов. Эти обстоятельства особенно давали себя знать в период правления Петра I. Этой стороной внешней торговли в Архангельске увлекся даже сам царь. В 1703 году, например, из государевых товаров было продано 6302 пуда черной икры, 3307 пудов клея-карлука, 3334 пуда поташа и 2036 бочек смольчуги. Такой вид торговли продолжался 26 лет²⁶.

Характеризуя это направление деятельности реформатора, видный русский историк П.Н. Милюков отметил, что царь последовательно взял в казну продажу соли, табака, мела, рыбьего жира, ворванного сала, щетины, поташа, смолы и ряда других товаров.

Иногда Петр I давал архангельскому вице-губернатору разовые поручения о заготовке товаров для собственной потребности. Так, в письме из Амстердама 21 декабря 1716 года П.Е. Ладыженскому «изготовить чрез нынешнюю зиму и к будущей весне поставить к городу смолы... две тысячи бочек на некоторые наши собственные нужды в отпуск в Венецию, и за оную смолу смоляным промышленникам заплатить деньги из губернских доходов»²⁷. Указ был принят к немедленному исполнению.

Один из иностранцев, свидетелей этого явления в России, писал: “Здесь двор совсем превратился в купеческий: не довольствуясь монополией на лучшие товары собственной страны, например, смолу, поташ, ремень, клей и т.д. (которые покупаются по низкой цене и перепродаются с большим барышом

шом англичанам и голландцам, т.к. никому, кроме казны, торговать ими не позволяется), они захватывают теперь и иностранную торговлю. Все, что им нужно, покупают за границей через частных купцов, которым платят только за комиссию, а барыш принадлежит казне, которая принимает на себя и риск”²⁸.

Однако эта политика не приносила той выгоды, на которую рассчитывал царь. Установление жесткой монополии приводило к волюнтаристскому повышению цен на эти товары, а самое основное – к резкому ограничению торговой деятельности русских купцов. Следствием этого стала дезорганизация свободного, основанного на рыночной конъюнктуре торгового предпринимательства. Вольная продажа товаров купцами была, в конце концов, более выгодна для государства. Вице-губернатор А. Курбатов, например, доносил из Архангельска о том, что в губернии происходит запустение соляных варниц, так как казна не выплачивает промышленникам деньги, а добываемая ими соль становится дороже того, что им выплачивает казна²⁹.

Ограничениями в торговле тяготилась большая часть русского купечества. Президент Коммерц-коллегии П.А. Толстой докладывал в 1715 году о том, что откупы приводят к оскудению народа, который принужден отдавать откупщику свой товар за половинную цену, потому что он никому его свободно продать не может. Он доказывал, что только свободная торговля повысит благосостояние всех подданных, а государство может выиграть за счет увеличения пошлинных сборов и от умножения налогов³⁰.

Относительную пользу монополии царь наблюдал на примере передачи в пользование звериного промысла, издавна кормившего многие поколения северян.

20 января 1703 года Петр I подписал Указ о передаче промысла “ворваней, моржей и иных морских зверей и сала” в компанию А.Д. Меншикову вместе с другими перекупщиками “впредь бесперекупно”³¹. Сотоварищами “безродного баловня” стали братья Петр и Павел Шафировы, купцы И. Григорьев и С. Копьев.

10 июня появился еще один указ, которым компании передавались в полное распоряжение все промысловые угодья. Отныне ни один “сальный скупщик” не имел права покупать продукты промысла помимо компании. Компанейские приказчики, среди которых был известный архангельский купец Никита Крылов, откровенно эксплуатировали добытчиков зверей, скупая у них по самой низкой цене весь товар и тут же втридорога перепродавая его на иностранные корабли, добываясь при этом барыша размером до 300–400%. Промысел становился невыгодным и постепенно хирел, т.к. промышленникам было разрешено лишь одно: “для промысла ездить повольно”. А заинтересованности заготавливать больше не было никакой: весь товар отбирали по твердой цене агенты Меншикова. Компания стала добывать продукции в три раза меньше, чем это делали вольные промышленники.

Разгневанный Петр I, убедившись в невыгодности дела для казны, приказал передать его “в компанию купецким людям” для того, чтобы государство получило от него весомую пользу.

На призыв государя откликнулся известный московский купец Матвей Григорьевич Евреинов (его племянник Даниил Федорович Евреинов был зятем Осипа Баженина и владельцем Вавчуги), и стал добиваться предоставления ему северных промыслов “в вечное владение” на тех же условиях, каки-

ми пользовалась компания Меншикова. Именитый московский гость сумел получить промыслы сроком на 30 лет³².

И вновь северные промышленники попали в тяжкую кабалу: они были обязаны всю добычу продавать только новой компании. На удивление, царь быстро одумался, и компания действовала только в течение нескольких месяцев.

В январе 1722 года Петр приказал “промысел сала ворвань моржевого, китового и прочих морских зверей и рыбу ловить и сало топить и продавать и за море отпускать до нового указа всем промышленникам невозбранно”³³.

А еще раньше, 8 апреля 1719 года, повинувшись духу времени, Петр I издал указ, который гласил: “Милосердя к купечеству российского государства, указываем казенными товарами быть только двум: поташу и смольчугу (и то для бережения лесов), а прочие товары, которые продаваемы были из казны, уволить торговлю в народ, токмо с прибавочной пошлиной”³⁴.

Во-вторых, несмотря на то, что указ Петра от 8 апреля 1719 года стал своего рода государственной декларацией, напоминавшей о том, что впредь “никаким монополиям для всенародной пользы быть не велено”, наследники реформатора вновь раздаривали право на монопольное использование звериного промысла.

Столь лакомый кусок никогда не оставался без внимания царских “прибыльщиков” и именитых сановников. В разные годы возникали на правах откупа компании по ловле китов, семги и т.д.

После Меншикова и Евреинова в 40–50-х годах XVIII века монопольное право на добычу морского зверя на Севере сумел вырвать на 20 лет граф П.И. Шувалов с единовременной выдачи ему из казны 6000 рублей³⁵.

В 1760 году на откуп генералу Нарышкину была отдана важская смола, около 20 лет до этого находившаяся в свободной торговле.

В-третьих, Р.И. Козинцева, тщательно проанализировав состав купцов, бравших товары на откуп, пришла к выводу, что абсолютное большинство из них были иностранцами. Среди других фигурировали А.Р. Стейлс, И. Любс, Х. Брандт, К. Гутфель, О. Вилкинс, В. Вейд, Е. Меер и другие. Они приобретали исключительное право скупать у казны в разные годы поташ, смолу, щетину, лен, парусные полотна и многие другие товары³⁶.

Ряд из упомянутых выше лиц были представителями сильных западноевропейских компаний или купеческих объединений.

А. Стейлс и С. Рагузинский получали монополию за особые услуги, оказанные Петру I. Это положение откровенно афишировалось в царских указах. Так, например, в жалованной грамоте голландцу Гутману, дарованной 18 сентября 1702 года, отмечалось, что привилегия дается купцу “за его к нам службе и радение”. Последнее выразилось в том, что Гутман платил пошлины со 100 тыс. руб., поставлял России “лекарство дешевой ценой, покупал много русских товаров”. Поэтому царь разрешал “торговать и содержать дворы повольно” не только самому Ивану Гутману, но и его детям, зятям, братьям, сродникам и “их людям”³⁷.

О выгодах откупной системы для того или иного купца говорит такой пример. Во второй половине XVIII века Коммерц-коллегия отдала монополию на вывоз смолы через Архангельск иностранцу Карлу Ренгольдту. Согласно контракту, заключенному на 8 лет, казна должна была поставлять в Архангельск ежегодно до 30 тысяч бочек смолы (по 8 пудов в бочке) по це-

не 1 руб. 24 коп. бочка. Ренгольдт внес в казну задаток в сумме 5 тыс. ефимок. За пять лет ему было доставлено в порт 150 тысяч бочек, но 29 675 из них после сдачи на склад купца сгорели. За казной оставался долг 90 тысяч бочек. В 1762 году все монополии в государстве были отменены и вследствие этого поставка смолы прекратилась. Ренгольдт хлопотал перед Сенатом о возобновлении монополии, но ему было отказано. Тогда иностранец предъявил казне счет на общую сумму 147 505 рублей, включая убытки за сгоревшие бочки в сумме 53 440 рублей.

Завязалась длительная тяжба. Анализ переписки свидетельствует о том, что на каждой бочке смолы Ренгольдт наживал 95 копеек чистой прибыли. А по всему контракту за 8 лет он получил бы прибыли 228 тыс. руб. Норма его прибыли составила бы 76,5%³⁸.

Купцы – откупщики являлись своего рода фаворитами и в поставке для России особо дефицитных товаров: оружия, сукна для армии, меди и ефимок для монетных дворов, необходимых материалов для судостроения и т.д. Масштабы этих поставок были весьма внушительны.

Сошлюсь на данные, выявленные московским историком В.Н. Захаровым. В течение десятилетия (с 1701 по 1710 гг.) в Архангельск было доставлено почти 115 тысяч фузей и фузейных стволов, 2732 карабина, более 88 тысяч фузейных замков, почти 20 тыс. пар пистолетов, более 200 тыс. шпажных и палашных клинков³⁹. Казна скупила в тот год на ярмарке более 84% меди, чуть меньше свинца и около трети везенного иностранцами сукна⁴⁰. Понятно, что такое количество оружия, металла, сукна имело жизненно важное значение для успешного ведения войны со Швецией. И чтобы заставить иностранного купца пойти на такую небезопасную торговлю, его нужно было чем-то заинтересовать.

Справедливости ради надо заметить, что Петр I не жаловал тех иностранцев, которые не выполняли условий договора на предоставленный откуп. Так, своим указом от 1 февраля 1704 года царь, отметив, что Карлус Гутфель не вывез положенного числа бочек смолы и нанес этим казне утрату, отменил для него ранее установленные льготы и обязал “взять с него пошлинные деньги как с обычных купцов”⁴¹. Одним словом, крепкий на руку государь, нуждавшийся в средствах, не щадил не только русских, но и иностранных торговцев.

В-четвертых, система откупов являлась подлинным бедствием для архангельских купцов. Особенно резко они выступали против упомянутого выше монопольного права на добычу морского зверя.

Первые протесты северных купцов против этого вида откупа начались еще в XVII веке. В известной грамоте царю, написанной в 1646 году, говорилось, что Петр Марселис и Еремей Фелц “откупили ворванное сало, чтоб твои государевы торговые люди холмогорцы и все поморские промышленники того сала, мимо их, иным немцам и русским людям никому не продавали, а себе берут они в полцены, в треть и в четверть, потому что мимо их никому покупать не велят, и оттого многие люди холмогорцы и все Приморье, которые ходят на море бить зверя, обнищали и разбрелись врознь, и твоя государева вотчина, город Архангельский и Холмогорский уезд и все Поморье, пустеет; а когда этим салом позволено было торговать с разными иноземцами и всяких чинов людьми, то с этого сального торгу собирали таможенных пошлин тысячи по четыре и по пяти и больше; торговые люди этим промыслом кормились и были сыты, а теперь от этих откупщиков твои пошлины пропали, многие люди обнищали и податей не платят, и уезды по-

морские запустили, от этого промысла теперь не соберется и двухсот рублей в год”⁴².

О масштабах бедствия, постигшего промышленников позднее, из-за предоставления этой монополии графу Шувалову, свидетельствует данные, приведенные в свое время видным исследователем истории купеческих капиталов России В. Н. Яковцевским.

В год получения монополии Шувалов продавал “пуд ворванного сала, купленного им от 35 до 40 коп. по 80 коп., получая, таким образом, всегда двойную прибыль”. В 1748 году подручные графа скупили 2447 бочек сала за 12 235 руб., или по 5 рублей за бочку. Постоянное снижение закупочной цены привело к тому, что промысловики отказались от этого вида промысла ввиду его невыгодности. В 1767 году Шувалов смог закупить всего лишь 1811 бочек сала в среднем по 3 рубля за бочку. Но сразу же после отмены монополии в 1768 году заготовка сала составила 11 058 бочек по цене 6 руб. 84 коп. за одну бочку.

История сохранила сведения об общих масштабах заготовки сала. За 20 лет (1748–1767 гг.) Шувалов закупил 100 866 бочек на сумму более 403 тысяч рублей. В среднем закупщики графа скупали ежегодно более 5 тысяч бочек по цене 4 рубля за одну бочку. Первое десятилетие вольного торга (1768–1777) дало поразительное увеличение заготовки продукции: промысловики доставили на рынок более 87 000 бочек сала, или по 8700 в год по цене 8 рублей бочка⁴³.

Таким образом, монополия своими низкими ценами тормозила развитие промысла, доставляя в то же время громадные барыши перекупщикам и главному монополисту.

Откупная система, возникшая как метод организации торговой деятельности в России, превратилась в XVIII в тормоз развития торговли и ремесла. Она в корне подорвала основу внешней торговли архангельских купцов. Об этом убедительно говорила уже упоминавшаяся купеческая челобитная, направленная в 1768 году Екатерине II.

Подчеркнув, что шкуры и сало морских зверей всегда были “единственною подпорою архангелогородского купечества”, составители прошения на Высочайшее имя отмечали резкое падение торговых оборотов, что привело их “в неоплатные долги и убожество”, сокращение посадского населения между первой и второй ревизиями в полтора раза. По итогам торгов в 1767 году оказалось, что русские купцы первой гильдии смогли отправить за море товаров всего на сумму 99 466 рублей и получить “заморских грузов” на 11 243 рубля. И это в то время как 10 иностранных купцов, проживавших в Архангельске, отправили на Запад товаров на 427 870 рублей и получив оттуда – на 131 807 рублей. Иначе говоря, архангелогородцы отправляли “за море” в 4 раза меньше, чем иностранцы, а получали товаров в свой адрес – соответственно в 11 раз меньше⁴⁴.

Характерно, что эта челобитная была направлена сразу же после начала работы знаменитой Уложенной комиссии со специальным нарочным для вручения депутату от города Архангельска Н.А. Свешникову. Простение было рассмотрено в Комиссии о коммерции. Сенатским решением монополия на сальный торг была в 1768 году отменена, скупка продуктов северных промыслов объявлялась вольной, а вывоз – привилегией архангельского купечества.

Ликвидация монополии на торговлю ворванным салом вдохновила архангельских купцов. В 1778 году они предприняли попытку создания компании по торговле этим товаром. Проект компании, в частности, предусматривал, чтобы “каждый промышленник был бы принужден отдавать ей свой товар и натурально по той уже цене, какую компания предписать рассудит”⁴⁵. Нетрудно понять намерение крупных купцов захватить выгодный торг в свои руки и навязать рядовым промышленникам свои условия.

Столь же непримиримо архангельские купцы боролись и против других откупов, в особенности тех из них, которые предоставлялись иностранцам.

Система откупов превратилась в тормоз развития ремесла и торговли. Она утесняла своими монопольными ценами, как непосредственных производителей, так и массы средних и мелких купцов. Под давлением купечества правительство было вынуждено во второй половине XVIII века отменить не только монополию на сальный торг, но и всю систему.

Следует отметить, однако, что и сами архангельские купцы активно участвовали в различных откупах. Широкое распространение, например, получили так называемые питейные сборы.

Так, например, в конце XVIII века откупом архангельских питейных заведений 4 года владел Федор Лобанов, а затем Я.П. Никонов. Он значился старожилом города, имел пивоваренный завод и лесопильную мельницу в Великоустюжской волости.

Оптовый торговец, выходец из Холмогорского посада Иван Федорович Лыжин перекупил винный откуп у известного купца-иностранца А. Фанбрина. Откупами различных видов пользовались и другие купцы.

Правительство бдительно следило за своевременным поступлением средств от винных откупов и возобновлением платы за них. Так, министр финансов Е.Ф. Канкрин в своем отношении от 11 ноября 1830 года требовал от архангельского губернатора иметь “о сем деле особенное попечение и, если паче чаяния, какой-либо откупщик не явился и не взял... разрешения к открытию откупа с 1 января, по необходимости распорядиться к учреждению казенного управления без потери времени”⁴⁶.

Откупная система продажи вин была введена в России в 1767 году и с коротким перерывом просуществовала до 1862 года, когда она была заменена акцизной системой. Откупщик, как правило, заводил контору, на его содержании была специальная команда с отставным офицером во главе. Она имела право производить обыски, пускать в ход оружие при ловле тайных производителей вина – корчемников.

* * *

Следует отметить еще *одну особенность* внешней торговли России. Она касалась поведения русских купцов. Начиная с середины XVII века, они непрестанно жаловались на иностранцев, считая их действия в России главной причиной своей бедности и разорения.

С этой точки зрения особенно любопытна большая жалоба царю, поданная русскими купцами в 1646 году. В ней отмечалось, что все немцы стали на путь обмана. Многие из них, не имея жалованных грамот, нарушают правила торговли: едут со своими товарами в глубь страны, сами через своих агентов разъезжают по уездам и закупают товары, закабалия русских людей. “Немцы, – говорилось в жалобе, – построили и купили себе у Архангельского города, на Холмогорах... и в других городах двory многие и амбары,

построили палаты и погребка каменные и начали жить в Московском государстве без съезду... Русские товары, которые мы прежде меняли на их товары, теперь они покупают сами, своим заговором, рассылают покупать по городам и в уезды, закабаля и задолжа многих бедных должных русских людей, и закупя те товары, русские люди привозят к ним. А они отвозят в свои земли беспошлинно... Всеми торгами, которыми искони мы торговали, завладели английские немцы, и оттого мы от своих вечных промыслов отстали...”

Купцы буквально призывали царя: “Воззри на нас, бедных, и не дай нам, природным своим государевым холопам и сиротам, от иноверцев быть в вечной нищете и скудости, не вели вечных наших промыслишков у нас, бедных, отнять”.

Через три года после казни короля Карла I в ходе английской буржуазной революции голос купцов был услышан. Царь повелел англичанам “торговать с московскими торговыми людьми у Архангельского города; в Москву же и другие города с товарами и без товаров не ездить”. При этом царь сослался на то, что раньше английские купцы пользовались льготами по просьбе “Карлуса короля для братской дружбы и любви; а теперь великому государю нашему ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти: за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось”⁴⁷. Жалобы русских купцов на иностранных не прекратились и в более поздний период.

Подобные заявления имели под собой основание. Дело в том, что удельный вес иностранцев во внешней торговле России был весьма велик, так как, *во-первых*, в число российских купцов входили иностранные купцы, записавшиеся во “временное российское купечество”; *во-вторых*, многие русские купцы, порой в весьма отдаленных местах, торговали на капиталы иностранцев, т.е. были по существу их агентами.

К тому же, как это отмечали в своих жалобах купцы, иноземные торговцы всячески пытались обойти русские законы. Они проникали далеко за пределы портовой территории, занимались розничной торговлей, что им было запрещено. Для достижения этих целей они широко использовали также свое право записи во временное русское купечество, а после накопления капитала покидали Россию.

Рядом указов в 1724, 1740 и в 1755 гг. иноземцам разрешалось выезжать за пределы российского государства при условии уплаты десятой части своего капитала. Однако они обходили и этот порядок, заранее переводя свои капиталы за границу, что вызывало нарекания русских купцов.

Последние требовали от правительства решительного изгнания иностранцев с внутренних рынков. 20 июня 1805 года купечество в своем письме просило правительство “высочайшим указом повелеть... записывающихся на время иностранных, а равномерно и иногородних гостей существование совсем уничтожить, а пользоваться в городах торговлею одному коренному ... купечеству и мещанству, иностранным же товары свои продавать только у порта оптом, а не в розницу”. Запись иностранцев во временное русское купечество была отменена лишь в 1807 году.

Второй путь нарушения российских законов иностранцами состоял в том, что они привлекали на свои средства русских купцов, которые становились

агентами заграничного капитала в России. Это приобрело настолько широкие размеры, что также вызвало массовые протесты русских купцов.

В одном из коллективных доношений в Сенат они с тревогой писали о том, что иностранные торговые компании “приобрели в России права наравне с подданными и имеют в торговых городах России своих факторов или комиссионеров, кои, будучи временно записаны в гильдии, производят торговлю внутри государства иностранными товарами, обратили к распродаже оных преимущественно большую часть российского купечества... в настоящее время весьма немного осталось торговых домов, которые выписывали бы за свой счет иностранные товары”.

Разумеется, учитывая некоторые основания для подобных жалоб, следует ко всем этим требованиям русских торговцев подходить конкретно. Внутреннее состояние Московского государства долгие годы было неудовлетворительным: царская казна пустовала, народ, в том числе и купцы, томился под тяжестью налогов, частых неурожаев и различных бедствий. Но деловые люди внешнее явление принимали за причину и по-прежнему обвиняли в своей бедности и разорении иностранных купцов. Требовалось время для налаживания стабильного развития страны.

* * *

И, наконец, наиболее ощутимый удар по внешней торговле на Севере был нанесен искусственным прерыванием товаропотока к Архангельску из внутренних городов России. Система этих своеобразных карательных акций против торговли на Севере с особой силой проявилась во времена Петра I после основания Петербурга. Удары по первому порту России следовали по нарастающей.

Рядом строгих мер царь ограничивал экспортно-импортную торговлю Архангельска. В 1710 году было запрещено вывозить через Архангельск хлеб. Через три года последовало предписание: русские купцы должны были везти пеньку и юфть не в Архангельск, а в Петербург. Это распространялось также на икру, клей, поташ, смолу, щетину и ряд других товаров, составлявших предмет государственной монополии. В последующие годы стеснение Архангельской торговли продолжалось. В 1716 году купцам повелевалось вывозить через Петербург не менее 1/6 отправляемых в Европу товаров, в 1718 – уже не менее 2/3.

В октябре 1721 г. Петр дал указание Сенату решить вопрос о переводе торговли в Петербург с учетом того, чтобы “большая часть российских товаров вывозилась из Санкт-Петербурга, а к прочим портам определить некоторую часть из тех мест, которые по удобности пути и по близости к тем портам подлежат, и сделать расписание, из каких городов водяным путем и каким реками куда возить”⁴⁸.

Это указание на первых порах не встретило поддержки как со стороны многих видных деятелей из ближайшего петровского окружения, так и Коммерц-коллегии, которая заявила, что “всегда опасно и страшно весьма есть в материи купечества генеральную перемену учинить”. Адмирал Ф.М. Апраксин заметил, что царь “такими переменами разорит все купечество и возьмет себе на шею вечные, никогда не осушаемые слезы”⁴⁹.

Резкое недовольство этими мерами высказали и иностранные купцы, в частности обитатели архангельской Немецкой слободы. Голландский резидент

Деби во время неоднократных встреч с Петром I настаивал на том, чтобы не переводить торговлю из Архангельска в Петербург. Он выставлял при этом самые различные доводы: плохие помещения и дороговизну их на новом месте, недостаток рабочих для передвижения грузов, неизведанность морского пути к новому порту и т.п. Но Петр был неумолим. Сославшись на то, что “приложение принципов всегда трудно, но с течением времени все интересы примирятся”, он последовательно ограничивал деятельность Архангельского порта⁵⁰.

Люмая сопротивление купцов и даже большинства сенаторов, царь постепенно ввел ряд дискриминационных мер по отношению к торговле через Архангельск. Решающее значение имел указ “О трактах к портовым городам”, изданный 2 декабря 1721 года.

Круг купцов, получивших право торговать здесь, был по существу ограничен поморскими пунктами и селениями, прилегавшими к “водяному ходу Двины без переволок землею”⁵¹. Одновременно вводился запрет на вывоз из северного города в центр страны импортных товаров, а на экспортные грузы, производимые вне Поморья, добавлялась увеличенная против Петербурга пошлина, усиливался государственный контроль за всем, что везли к Архангельску. 6 апреля 1722 года последовал еще один указ, которым разрешалось пропускать к Архангельску товары “только для нужд местных жителей, а не для отпуска за море”⁵².

Ограничение архангельской торговли вызвало тяжелые последствия для населения. Перелом ее в пользу Петербурга произошел уже в 1722 году, когда в Архангельск прибыло только 60 кораблей, а в город на Неве – 119. Положение еще более резко ухудшилось через два года. Вот какими данными характеризовалась обстановка с приходом кораблей в русские портовые города⁵³:

Порты	1714 год	1720 год	1722 год	1724 год
Архангельск	165	122	60	22
Петербург	16	75	119	180
Рига	-	188	230	273
Ревель	-	49	67	97
Нарва	-	36	69	115

Сразу же после смерти Петра I Верховный Тайный совет, Комиссия о коммерции, Сенат несколько раз рассматривали вопрос об архангельской торговле и приняли ряд мер к смягчению условий торговли на Севере для русских и иностранных купцов. Поэтому объемы товарооборота в Архангельском порту, стали, начиная с 1730 года, возрастать, правда, очень непоследовательно. Приход судов колебался от 45 до 96 в 1741 году⁵⁴.

Однако притеснения внешней торговли через Архангельск продолжались и в дальнейшем. Это особенно проявилось в ходе таможенной реформы 1753-1757 гг. Важнейшей частью этого мероприятия была отмена внутренних та-

моженных пошлин, являвшихся серьезным препятствием на пути расширения и углубления внутреннего рынка. Ликвидация поборов с купцов и крестьян на дорогах, перевозах через водные преграды и т.п. создавала более благоприятные условия для внутренней торговли.

Пытаясь компенсировать потери от введения этой меры, правительство приняло решение вместо внутренних брать повышенные пошлины с ввоза и вывоза товаров. Одним словом – сбор 13 копеечных сборов с рубля был перенесен на внешнюю пошлину. Это нововведение, по мысли чиновников, поставило Архангельск в привилегированное положение: пошлины здесь стали собирать в меньшем размере, чем в Петербурге. Дело в том, что, добираясь со своими товарами в столицу водным путем, купцы платили пошлину за провоз товаров Ладожским каналом в размере 2% цены провозимой продукции. Вместе с 13-копеечной пошлиной размер взимания с них пошлины в Петербурге стал составлять 15% против 13% в Архангельске. Это нарушало прежние узаконения, которыми определялось в целях развития торговли через Петербург брать в Архангельске пошлины на 2% больше, чем в столице.

Поэтому специальным указом от 23 января 1754 года повелевалось взимать в Архангельске с товаров, поступавших из близлежащих городов (Вятка, Великий Устюг, Вычегда, Вага, Соликамск), по 15% внутренних пошлин, а с товаров, привозимых из более отдаленных районов, – по 17% пошлин. Всем остальным портовым и пограничным таможням, кроме Архангельской и Петербургской, предписывалось взимать по 13% внутренних пошлин⁵⁵.

Уравнение Архангельска в правах с Петербургом произошло лишь через пять лет, вскоре после очередного дворцового переворота. 31 марта 1762 года Екатерина II подписала указ, который гласил: “Для поправления коммерции... порт города Архангельского всеми теми преимуществами и выгодами снабдить, какими Санкт-Петербургской пользуется, и всяких товаров привоз и отпуск беспрепятственно позволить с равной против Санкт-Петербурга и прочих портов свободой и пошлиною”⁵⁶. Императрица лишь узаконила те тенденции, которые проявлялись в течение примерно двух десятилетий, и расширила права северного порта⁵⁷.

Указ Екатерины II имел важное значение для оживления работы Архангельского порта. Напомним, что после известных указов Петра I, затруднивших торговлю через северный порт, оборот Архангельска за 1718 –1726 гг. сократился с 2941 тыс. руб. до 321 тыс. руб., т.е. более чем в девять раз, а оборот столицы вырос с 487 тыс. руб. до 3953 тыс. руб., т.е. более чем в 8 раз⁵⁸.

Спустя 20 лет после принятия екатерининского указа картина существенно изменилась⁵⁹:

Внешнеторговый оборот России в 1783 г.

Порты	Привоз		Вывоз	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Архангельск	435,6	16,8	1439,0	38,7
Балтийские	601,9	23,2	1099,5	31,8
Всего	2491,5	100	3458,2	100

Данные таблицы свидетельствуют о том, что Архангельск, занимая шестую часть по импорту и почти сорок процентов по вывозу товаров, не сдавал своих позиций и даже превосходил прибалтийские порты в вывозе товаров.

И это притом, что он оставался сравнительно небольшим городом. В нем, как уже отмечалось выше, насчитывалось всего около 12 тыс. человек. Масштабы крупных торговых оборотов по-прежнему определялись тем, что к городу по Северной Двине спускались на плотках и других средствах передвижения по воде товары из российской глубинки.

* * *

В целом правительственное регулирование внешней торговли носило двойственный характер. С одной стороны, оно вызывало постоянное недовольство всего купечества, а с другой – порождало в нем веру в государственную, царскую власть как в силу, способную решить все насущные проблемы. История архангельского предпринимательства хранит десятки различных челобитных посадских людей и купцов с просьбами не только оградить их от засилья иноземных торговцев, но и о даровании различных льгот.

С просьбами к царям обращались первые насельники города, именитые холмогорцы Осип и Федор Баженины, другие архангельские купцы в более поздние времена. И эти просьбы не оставались без внимания, о чем уже говорилось выше. Выделим некоторые примеры положительного решения высшими властями ряда насущных проблем, связанных с развитием торгово-промышленной жизни города.

Так, одним из своих указов, изданных в 1700 году, Петр I, отметив “усердное и радетельное отношение” купцов Бажениных “к корабельному строению”, удовлетворил все их просьбы. Своим Указом царь повелел купцам “в вотчине своей у водяной пильной мельницы для отпуску от города Архангельского и за море указных товаров, корабли и яхты строить иноземцами и Русскими мастерами повольным наймом из своих пожитков; Бажениным разрешалось также “принимать и держать свободно шкиперов, штурманов и матросов как из иноземцев, так и из русских, которые “похотят у них на кораблях для науки морской службе быть”; царь разрешал держать на готовых кораблях “для опасения от воровских людей пушки и зелье”, ввозить беспошлинно из-за моря все нужные для корабельного дела припасы⁶⁰. Этими льготами потомки Бажениных пользовались не только в XVIII, но и в XIX веках. Только благодаря царским привилегиям Баженины смогли поддерживать деловую активность своей династии на протяжении около 80 лет.

Весьма ощутимые льготы предоставил архангельским купцам и обывателям вскоре после посещения Архангельска император Александр I. Император признал нужным “к вознаграждению невзгод, проистекающих от суровости климата и отдаленности мест, даровать Архангельскому городскому обществу некоторые льготы и облегчения”. В Указах, изданных в начале марта 1820 года, жители города были освобождены от обременительной повинности – воинского постоя. Навсегда получили освобождение от пошлинного сбора речные мелкие суда и плоты.

Особые привилегии выпали на долю купечества всех гильдий и мещанского сословия. Они обрели право в течение 20 лет не платить сборов и податей, установленных по сословному признаку. Это право распространялось и на тех, кто вновь записывался в это состояние⁶¹.

Принципиальное значение имело разрешение купцам нанимать крестьян в качестве приказчиков (“сидельцев купеческих из крестьян”) без установленных законом свидетельств, а с самих приказчиков не взыскивать никаких пошлин.

Очевидно, как и во все времена, губернские власти, в ожидании Высочайшего визита, готовили серию различных докладных с просьбами о неотложных нуждах города и губернии. В частности, среди других император рассмотрел развернутую записку архангельского военного губернатора А.Ф. Клокачева “О сахарном производстве в Архангельске”.

Суть проблемы состояла в том, что во время континентальной блокады, начиная с 1809 года, в Архангельск впервые стали прибывать американские корабли, на которых доставлялось от 100 до 120 тыс. пудов сахарного песка. По просьбе властей архангельские купцы Афанасий Амосов, Василий Попов и Вильгельм Брандт за короткий срок построили шесть сахарных заводов, истратив на эти цели до миллиона рублей. Купцы стали производить около 120 000 пудов сахара, который продавался в Архангельской губернии, а главным образом в соседних городах и на Макарьевской и Ирбитской ярмарках.

Но сахарное производство в Архангельске процветало очень короткий срок – около десяти лет. Вскоре завоз песка на Север почти прекратился, так как после ликвидации блокады сахарный песок стали ввозить в основном в порты Балтики.

Производство сахара в Архангельске стало практически невозможным из-за дороговизны его доставки на рынки сбыта и высокой таможенной пошлины. Военный губернатор в своей докладной просил императора снизить в Архангельском порту размер ввозимой пошлины в два раза для того, чтобы уравнивать архангельских заводчиков с петербургскими и возобновить производство.

Указом от 7 марта 1820 года император, “приемля в уважение затруднения сообщений и перевозок для распродажи их во внутренние губернии”, удовлетворил просьбу архангелогородских купцов⁶². Благодаря этой мере самый крупный сахарный завод, основанный Брандтом, производил продукцию до конца 50-х годов XIX века. Число подобных примеров можно умножить.

Объективно в этом сложном процессе сталкивались две тенденции: правительство стремилось получить от внешней торговли максимальные выгоды для государства; купеческое же сословие, со своей стороны, добивалось свободы действий и получения льгот. Постоянные челобитные северных торговцев в адрес царя были вполне объяснимы: северянам приходилось торговать в сложных климатических условиях, в обстановке острой конкуренции с иностранцами, под нажимом представителей откупщиков на местах, при отсутствии налаженной кредитно-финансовой системы. Это своеобразное противоборство шло с переменным успехом для той или иной стороны.

Внешняя торговля

¹ Булатов В.Н. Указ соч. Кн. 3. С. 155 – 156.

² Там же. С. 155.

³ Хорова С. Сергей Витте в Архангельске // Правда Севера. 1999. 22 июня.

⁴ Цит. по: Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. М.: Ось-89, 1997. С. 21.

- ⁵Платонов С.Ф. Проблема Русского Севера в новейшей историографии //ЛЗАК. Л., 1929. Вып. XXXV. С. 112–113; Он же. Москва и Запад в XVI – XVII вв. Л. 1925; Кизеветтер А.А. Русский Север: Роль Север. края Европ. России в истории Рус. государства. Вологда, 1919;
- ⁶Кизеветтер А.А. Русский север... С. 4.
- ⁷Некрасов Г.А. Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. М., 1984. С. 70.
- ⁸См. Галаган А.А. Указ. соч. С. 26.
- ⁹Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е. Андреевского. СПб., 1890. Т. III. С. 214.
- ¹⁰Флоря Б.Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельск //Средние века: Сб. М., 1973. Вып. 36. С. 143–144; По подсчетам ученых, русский рубль конца XVII в. был в 17 раз дороже конвертируемого царского рубля начала XX в., когда фунт хлеба стоил 0,5 коп., калач – 5 коп., лошадь – 15 руб., дом-пятистенок – 25 – 30 руб. По приблизительным подсчетам, рубль конца XVII в. равняется 10 млн. нынешних (конца XX в.) руб.
- ¹¹Источ.: ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 844. Л. 186 – 187; Ф. 1. Оп. 12. Д. 30. Л. 55–56; АГВ. 1902. 14 дек.; Сведения частично опубликованы: Некрасов Г.А. Указ. соч. С. 252.
- ¹²См. Книга о скудости и богатстве И.Т. Посошкова. Ред., вступит..статьи и примечания Б.Б. Кафенгауза. М., 1937. С.44, 192.
- ¹³ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 844. Л. 186–187.
- ¹⁴Там же. Л. 185 об.
- ¹⁵Отчет комиссии о присуждении премии за составление истории города Архангельска... С. 19.
- ¹⁶Памятная книжка для Архангельской губернии на 1861 год. Архангельск, 1861. С.45–46.
- ¹⁷ПСЗ. Т. 5. № 2793.
- ¹⁸Там же. № 3546.
- ¹⁹Там же. Т. IV. № 1795.
- ²⁰Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 41–44.
- ²¹Курс рубля по отношению к ефимку в XVIII веке был относительно устойчив – с колебаниями в 1707–1756 гг. от 90 до 107 коп. и даже 230 коп. – в 1799 г. Он не был единым во всех портах. См. Некрасов Г.А. Указ. соч. С. 238–239.
- ²²ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 844. Лл. 186–187.
- ²³Обстоятельное изложение этой проблемы дано в работе Р.И. Козинцевой “Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII века” //Исторические записки. 1973. № 91. С. 207–337; См. также: Троицкий С.М.. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966,
- ²⁴Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 137, 150.
- ²⁵Соловьев С.М. Сочинения. М., 1990. Кн. V. Тт. 9–10. С. 289–290.
- ²⁶Сидоров М. Картины из деяний Петра Великого. СПб, 1872. С. 14–15.
- ²⁷Архангельский Север в документах истории... С.135.
- ²⁸Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. С. 164.
- ²⁹Там же. С. 391.
- ³⁰Козинцева Р.И. Указ. соч. С. 335.
- ³¹ПСЗ.Т. IV. № 1988. 13 авг. 1704 г.
- ³²ПСЗ. N/ VI. № 3841. 30 окт. 1721 г.
- ³³Морозов А.А. Родина Ломоносова. Архангельск, 1975. С. 228–230.
- ³⁴ПСЗ.Т. V. № 3428.
- ³⁵Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Кн. XI. С. 484.
- ³⁶Козинцева Р. И. Указ. соч. С. 331.
- ³⁷ПСЗ. Т. IV. № 1911. 18.09. 1702 г.
- ³⁸См. Яковцевский В.Н. Указ соч. С. 122–123.
- ³⁹Захаров В.Н. Указ. соч. С. 108, 116, 225.
- ⁴⁰Козинцева Р.И. Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии Всероссийского рынка //Исследования по истории феодально-крепостнической России. М., 1964. С. 122.
- ⁴¹ПСЗ. Т. IV. № 1925.

-
- ⁴² Соловьев С.М. Сочинения. М., 1990. Кн. V. С. 457–458.
- ⁴³ Яковцевский В.Н. Указ. соч. С. 161.
- ⁴⁴ Крестинин В. Указ. соч. С. 248–253.
- ⁴⁵ Там же. С. 66.
- ⁴⁶ ГААО. Ф. 51. Оп. 1. Т. 4. Д. 48. Л. 1.
- ⁴⁷ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1990. Кн. V. С. 456, 459, 476.
- ⁴⁸ Репин Н.Н. От дискриминации к фритредерству: правительственная регламентация торговли через Архангельск в 20–60 годы XVIII в. и ее результат // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 229.
- ⁴⁹ Там же. С. 230–231.
- ⁵⁰ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Кн. VIII. Т. 15–16. С. 451.
- ⁵¹ ПСЗ. Т. VI. № 3860.
- ⁵² Там же. Т. VI. № 3930.
- ⁵³ Пузырев В.П. Указ. соч. С. 151.
- ⁵⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 844. Л. 186.
- ⁵⁵ ПСЗ. Т. XIV. № 10 179; Волков М.Я. Таможенная реформа 1753–1757 гг. // Исторические записки. 1962. Т. 71. С. 134–157.
- ⁵⁶ ПСЗ. Т. XVI. № 11630.
- ⁵⁷ Эти проблемы обстоятельно рассмотрены в упомянутой выше работе Репина Н.Н. От дискриминации к фритредерству...: // Архангельск в XVIII веке. С. 228–247.
- ⁵⁸ Яковцевский В.Н. Указ. соч. С. 65.
- ⁵⁹ Там же. С. 66.
- ⁶⁰ ПСЗ. Т. IV. № 1749.
- ⁶¹ Там же. Т. XXXVII. № 28188, 28289, 28193.
- ⁶² Памятная книжка Архангельской губернии на 1909 год. Архангельск, 1909. С. 42–45.

ТОРГОВЫЕ ПУТИ – ДОРОГИ

Во всех старинных отчетах архангельский магистрат выделял *три вида* торговли архангельских купцов: продажу и покупку товаров у иностранцев, поездки на ярмарки в другие посады и торг среди горожан.

Заметим сразу, что объемы упомянутых торгов были невелики. Это обусловливалось спецификой сравнительно небольшого города: даже к концу третьего века своего существования, т.е. к началу 1900 года, население его составляло чуть более 20 тысяч человек¹. А отсюда неизбежно следовала *вторая* слабость древнего посада: в нем не родилось сколько-нибудь заметной отрасли хозяйства, способной производить товары на продажу. Исключение составили лишь морские суда, которые сооружались на купеческих судостроительных заводах Баженина, Крылова, Брандта, других предпринимателей и пользовались некоторое время спросом у иностранных и русских купцов. Но этот вид товара могли производить только отдельные богачи и в сравнительно небольшом количестве. Возможность производства на экспорт второго ходового товара Севера – пилопродукции – появилась сравнительно поздно, после сооружения лесозаводов.

Подобная экономическая ситуация не позволяла до поры до времени создать сильное в экономическом плане городское купечество. В магистратском описании города 1779 года, подготовленном для генерал-губернатора А.П. Мельгунова, в частности, подчеркивалось, что в Архангельске имеются купцы только второй и третьей гильдий, в которых соответственно насчитывалось 26 и 120 семей, платящих “капитальную подать”. Составитель описания считал, что по состоянию дел в торговле невозможно отделить “гуртовых”, т.е. оптовых купцов, от всех остальных.

146 купеческих хозяйств магистрат делил на три группы. В состав *первой* (сорок человек) входили купцы, производившие смешанную (оптовую и розничную) торговлю. *Вторая*, наиболее многочисленная группа (73 человека) состояла из торговцев мелочными товарами. *Третья* часть лиц, записавшихся в купечество (17 человек), по сути дела, представляла собой мелких ремесленников, или “рукодельников”, как тогда их называли, т.е. сапожников, портных, серебрянников и им подобных мастеров.

Кроме того, под именем купцов действовали еще 14 семей, занимавшихся извозом, мелким промыслом, работавших приказчиками у состоятельных купцов². Это было время, когда статус купеческого звания не был еще установлен окончательно.

Поэтому роль более или менее состоятельного архангелогородского купечества сводилась в основном к посредническим функциям. Они перепродавали товары, закупаемые ими лично или через своих представителей в других регионах страны или поблизости от Архангельска. Среди товаров заметное место занимали смола, соль, рыба, сало гретое, продукция звериных промыслов, холсты местной выработки и т.д.

Упомянутые выше возможности архангельского купечества особенно заметно проявлялись в ходе внешней торговли.

Надо отдать должное северным торговцам. Уже в XVI веке они предприняли первые попытки продавать свою местную продукцию за границей. Ис-

тория сохранила удивительный факт: в 1556 году холмогорский городской голова Фофан Макаров, а также Михаил Косицын и 8 русских торговцев, погрузив на два английских судна товаров на 26 тысяч фунтов стерлингов, отправились вместе с русским послом Непеей для того, чтобы завести торговые связи с Англией³.

Объем и характер торговых сделок архангельских купцов с иностранцами представлен в данных об участии их в Архангелогородской (с1844 года – Маргаритинской) ярмарке. Так, в 1710 году они продали товаров на сумму 10 970 рублей, заняв по этому показателю лишь 23 место среди купцов 80 городов. Вологодские торговые люди продали товаров в 8 раз больше, чем их архангельские конкуренты. Даже каргопольцы доставили в город на Северной Двине товаров на 13 223, холмогорцы – на 3825, устюжане – на 7178 рублей.

Архангелогородцы, таким образом, занимали в то время весьма скромное место в продаже товаров, всего 0,8% от общей суммы реализованной продукции, составлявшей в тот сезон 1 398 094 рубля⁴. Среди 44 купцов, оборот которых составил на ярмарке свыше 5000 рублей, был единственный архангелогородец Дмитрий Филатов.

Однако другие сведения дают основания для вывода о том, что, имея весьма небольшую долю в продаже товаров, архангельские торговые люди активнее других участвовали в торгах с иностранцами. Продавая товаров на сумму, меньшую, чем один процент, они по числу заключенных сделок занимали 10,6%, по числу покупателей – 7,3%, а по доле в покупках – 3,3%. Архангелогородцы явно преобладали в мелкой торговле (до 100 рублей). Их доля в этой форме сделок в продаже составляла 69,8%, в покупке иностранных товаров – 71,6%⁵.

Подобная ситуация объяснялась тем, что условия портового города позволяла многим архангелогородцам, даже не располагавшим значительными средствами, непосредственно вступать в сделки с иностранцами и закупать необходимое небольшими партиями. Незначительность крупных сделок свыше 1000 руб. (около 1,1%) свидетельствует о слабых возможностях архангельских торговцев, отсутствии у них значительных капиталов. И, тем не менее, поведение северных торговцев в сравнении с тем, каким оно было в XVII веке, свидетельствовало об их деловой активности. Они постепенно учились торговому делу, запасались в меру своих возможностей необходимыми товарами для продажи их горожанам и для возможного обмена или продажи их в других городах.

Архангельск входил в число пяти пунктов (Вологда, Москва, Ярославль, Устюг), купцы, которых продавали наиболее разнообразный ассортимент товаров. Торговые люди севера реализовывали пеньку, холсты, воск, меха, веревки, пух и перо. Вместе с тем, они в то время специализировались главным образом на продаже продукции животноводства, т.е. мяса, сала говяжьего и кож. Этот вид товара составлял около 80% от общей суммы продаж. Его было реализовано на 3870 рублей. Все остальное продавалось в мизерных размерах. Учитывая, что в продаже участвовало только 14 крестьян из Двинского уезда, можно сделать вывод, что продавцами выступали посадские люди, закупавшие товары в окрестных деревнях.

Профессор Н. Репин установил, что таможенные книги Архангельска за 1725 год зафиксировали многочисленные факты продаж крестьянами хлеба,

пушнины, скота, дров, досок, смолы архангельским и холмогорским купцам. Следовательно, производство и частичная обработка экспортной продукции осуществлялась непосредственно в деревнях, жители которых очень рано стали втягиваться в товарно-денежные отношения.

Историк выделил три группы крестьян, так или иначе вовлеченных наряду с купцами в торговую деятельность.

Первая из них реализовывала часть своей продукции скупщикам для получения денег, которые требовались им на уплату податей. Именно эти крестьяне производили смолу, лен, щетину, говяжье сало и многое другое, что шло на экспорт и охотно приобреталось архангельскими торговцами.

Сошлемся в качестве примера на продажу смолы. Этот товар, долгое время пользовавшийся огромным спросом на международном рынке, в основном производился в Важской области. Уже с XVI века началась более или менее регулярная продажа северной смолы на рынках Лондона, Антверпена и Амстердама. Область занимала одно из первых мест по поставке этого вида продукции на мировом рынке.

В XIX веке из Архангельска за границу вывозилось ежегодно около 100 тыс. бочек смолы. Подобный уровень не снижался вплоть до начала XX века. В 1890 году, например, в 29 портовых городов Европы было отправлено 113 446 бочек смолы, а также 18 650 бочек пеку и 6 570 пудов скипидару. Львиная доля этой продукции вывозилась за границу тремя архангельскими фирмами: «Г. Линдес и К^о», «Грибанов, Фонтейнес и К^о» «А. и Я. А. Беляевские»⁶. До 60 процентов крестьянства Важской области имели доходы от этого занятия.

Крестьяне *второй группы* являлись скупщиками товаров, связывая тем самым непосредственных производителей и тех купцов, которые занимались экспортом.

Эта часть крестьянства справедливо требовала свободы торговли, предоставления равных шансов для всех конкурентов, что соответствовало объективному ходу развития производства. Однако в этой ситуации основная часть городской буржуазии – купечество – стала решительно на защиту своих социальных интересов и консервацию старых порядков.

Завязалась долгая и упорная борьба. Она давала знать себя в любом городе России, проявилась в крестьянских наказах в Уложенную комиссию 1767 года, в острых дискуссиях, которые развернулись во время ее работы, в ряде сенатских решений и высочайших Указов. По подсчетам исследователей, жалобы на конкуренцию крестьян содержались в донесениях купцов в Комиссию по коммерции 42 городов России. В Архангельске эта ситуация возникла даже в XIX веке, о чем говорилось ранее.

Третья группа крестьян сама совмещала свою внутреннюю торговлю с внешней. По данным Н. Репина, в 1710 году среди участников торговли с иностранцами в Архангельске принимал участие 91 крестьянин из 30 сельских пунктов, в том числе 35 из сел Поморья. Правда, на долю последних приходилось лишь 8% товарооборота торговцев из сел и деревень, но это был показатель приобщения наиболее зажиточной части северных крестьян к серьезным рыночным сделкам⁷.

С другой стороны, активизация поморских крестьян была обусловлена слабостью и малочисленностью местных купцов. Постоянно наступая на права крестьян, запрещая им торговать в городе в розницу, они в то же вре-

мя были не в состоянии обеспечить скупку товаров в окрестных деревнях. В этих условиях все попытки местных крестьян торговать самостоятельно, тем более с иностранцами, требовали определенной смелости и риска.

Напомню, что многочисленными указами, изданными в течение XVIII века, дворянам, фабрикантам и крестьянам запрещалась самостоятельная торговля. Они могли реализовывать ту или иную продукцию оптом и только купцам. Так, в указе от 1769 года, например, говорилось: “Крестьяне, привозя сюда в город сено, овес и солому, могут оное беспрепятственно и без всякого платежа целыми возами, а не мерою или весом в розницу продавать, но ежели будут они в розницу и попудно продавать, то до онаго их не допускать”⁸. Таможенный устав 1755 года запрещал крестьянам участвовать во внешней торговле: “крестьянство для торговли к морским пристаням не допускать”⁹.

Группа крестьян, занимавшаяся внутренней и внешней торговлей, являлась своеобразным резервом для пополнения архангельского купечества. Именно из этой среды вышли все наиболее видные архангельские купцы, делавшие позднее погоду в северной коммерции: Амосовы, Поповы, Крыловы, Бармины, Лыжины, Денисовы и многие другие.

Все они до вступления в посад и купеческое сословие являлись в своих селах крупными торговыми хозяевами, имевшими лавки, речные и морские суда, рыбные тони и даже деревни, широко использовали в хозяйствах наемный крестьянский труд.

Документы более позднего времени позволяют судить о том, что архангельские купцы не ограничивались торговлей с иностранцами на местной ярмарке, но вели масштабную торговлю со странами Запада в основном на заморских судах.

Так, в 1767 году они отправили на запад товаров на 99 466 рублей, в 1775 – на 28 395, а в 1777 – на 33 095 рублей. К ним из-за моря доставляли на несколько более скромную сумму – около 11 тыс. руб.

В упомянутой выше “Поименной ведомости о торгах... Архангелогородского посада граждан купцов 1785 года”¹⁰ отмечено, что заморский торг вели 12 городских купцов (А. Попов, А. Свешников, С. Башмаков, С. Дорофеев, А. Менсендейк, Н. Ширкин, И. Лыжин и др.).

Судя по документам, они не ограничивали свою торговлю узкой специализацией. Антон Менсендейк, например, отправлял за море льняное семя, говяжье сало, мягкую рухлядь, смолу, рогожи, свечи, щетину, а из-за границы привозил в основном свинец и олово¹¹. А.И. Попов с сыновьями торговал мукой, льняным семенем и рогожами.

Столько же архангельских купцов вело торг с иностранцами в 1797-1802 гг. Среди них Алексей Попов, вдова Егора Латышева, Михаил и Гаврила Плотниковы, Александр Башмаков, Антон Менсендейк и другие. В их адрес из-за границы приходило от 1 до 27 кораблей в сезон. Мы не располагаем сведениями о спецификации товаров, вывезенных и полученных ими в это время, но большинство из них торговали на весьма солидные суммы. Товарооборот фирмы “Алексей Попов с сыном” составлял от 50 до 230 тысяч рублей ежегодно. Примерно в таких же объемах производил торговлю Егор Латышев, а затем его вдова.

Антон Менсендейк, имевший лучшие связи со своими компаньонами за границей, торговал на сумму от 205 до 870 тысяч рублей. В течение 1797 по

1802 год он получал в навигацию товаров общей стоимостью от 7 500 до 83 600 рублей, а отправлял на сумму – от 60 до 628 тысяч руб.¹². Вполне возможно, однако, что столь значительный товарооборот включал стоимость грузов компаньонов Менсендейка, ибо он являлся российским подданным и имел значительные льготы в обложении пошлинами и большими возможностями в торговле на внутреннем российском рынке.

Архангельские купцы средней руки сами непосредственно реализовывали закупленные у иностранцев товары и сами же возили их на ярмарки, расположенные вдали от Архангельска. В ведомостях о торгах за 1785 год, например, отмечается, что купцы Г. Сидоров, И. Дружинин ездили с заморскими товарами – сукном, сахаром и другими – на Пинежскую и Благовещенскую ярмарки. Даже в наше время поездка в село Благовещенское, расположенное в 460 верстах от Архангельска, является нелегким делом. А организовать обоз с товарами в зимнее время и продвигаться в столь отдаленный край в XVIII веке – это сейчас даже трудно представить. Нет возможности судить о размерах товарооборотов таких купцов. Очевидно, они не были большими.

Как отмечалось в магистратском отчете за 1775 год, торговые люди из Холмогор и Архангельска ездили в декабре на Пинежскую-Никольскую ярмарку “с товарами невысокой цены для продажи их крестьянам и покупки у них деревенских товаров”¹³.

Весьма вероятно также, что архангелогородцы не только продавали свои товары, но искали там производителей смолы и другой дефицитной продукции и договаривались с ними о поставках ее в Архангельск.

Очевидцы сохранили колоритные описания подобных сделок на таких ярмарках. “Обычно цены на смолу устанавливаются около Евдокиевской ярмарки, происходившей в селе Благовещенском около половины ноября, – писал один из них. – В это время сюда съезжаются как скупщики, так и смолокуры. До установления цен скупщики стремятся раздать смолокурам побольше задатков. Кредитуясь по мелочам у скупщиков, забирая у них продукты... смолокур не только находится в постоянной кабале у скупщика, но никогда не может определить точно, сколько он еще должен”. Опыт конца XIX века свидетельствовал о том, что скупщик получал до 30% прибыли¹⁴.

Но подобным же образом действовали купцы и в более ранние времена. Широкие закупки товаров делал непосредственно у производителей Никита Крылов. В его биографии отмечается, что купец вел “предварительные закупки у мелких промышленников, предварительно ассигнуя их”. Так, в 1720-е годы он приобрел 1500 бочек смолы у верховажских и устьянских крестьян, солидную партию пряжи у вязниковцев Ф. Макарова и Я. Макарова. Жители Шуи обязались поставить Крылову 300 пудов “самого доброго” льна и 100 пудов юфти. Торговая книга купца сохранила записи о сделках в те годы с казанскими предпринимателями, которые высылали в Архангельск партии олова, красок, бумаги и других товаров.

Только в навигацию 1722 года Крылов получил по Северной Двине почти 40 тысяч аршин холста-хряща, более 1280 пудов ржаной муки, 60 мер ржи, 4010 рогож, 14 пудов толокна, 1750 белок и много других товаров. Эти данные свидетельствуют о широте связей архангельского купца и о том, что он не специализировался на продаже каких-то отдельных видов товаров, выступая как своего рода торговец-универсал¹⁵.

В документах нередко упоминаются и о том, что ряд купцов вели торг на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, проезд к которым также требовал немалой энергии и времени.

В целом выездную торговлю в городах Москве, Вятке, в поморских селениях, на всех северных ярмарках в 1785 году производили 45 архангельских купцов. Около 60 из них получали товары из других регионов России¹⁶.

Документы хранят сведения и о том, что купцы с малолетства возили на ярмарки своих детей, приучая их постепенно к торговым делам. Рекомендую сына купца Свешникова для учебы в Англии, губернатор писал Екатерине II о том, что он не раз бывал с отцом на Ирбитской ярмарке. Василий Попов, сын известного купца Алексея Ивановича, прошел азы торгово-промышленной жизни вместе с отцом на Никольской пристани, что располагалась на реке Юг в Вологодской губернии. Будучи еще подростком, он четыре года подряд приобретал здесь навыки хлебной торговли. Уже в 1789 году архангельская казенная палата дала разрешение совсем еще юному сыну купца «вести все его коммерческие дела, заключать подряды на поставку материалов и припасов, заключать контакты и договоры и подписывать их общей фирмой»¹⁷. Такие примеры были не единичны.

Попутно заметим, что подобная форма обучения будущих крупных предпринимателей была характерной даже в более позднее время. Отличный знаток купеческой жизни П.А. Бурышкин в своей книге «Москва купеческая» отметил, что в России для ведения низших форм торговли «никакой подготовки не требовалось». Тот или иной расторопный крестьянин, хорошо зная нужды села, при наличии некоторой инициативы и средств находил быстрый выход в торговлю, «набивал руку» и в случае удачи расширял масштабы своего дела. И предприниматели, и торговые служащие начинали обычно свою деловую карьеру «с мальчиков»¹⁸.

Анализ сведений об архангельских купцах за 1861 год подтверждает это наблюдение. Так, например, обитатели Немецкой слободы, известные в городе купцы П.К. Люрс, Ф.Ф. Шольц и К.И. Мейер получили образование в Архангельском евангелическом училище. А местные жители, потомки поморских крестьян И.Е. Торопов и А.А. Чертов имели только домашнее воспитание. Чуть выше было образование Е.А. Плотникова: он учился некоторое время в народном училище. И это не помешало им стать купцами 1-й гильдии, т.е. вести масштабное «дело», занимать высокие должности в магистрате, в городском общественном банке. Егор Андреевич Плотников в разное время побывал на самых различных постах, не раз избирался городским головой¹⁹.

Вплоть до начала XX века роль коммерчески профессионального образования для торговли почти сводилась к нулю. Подобная ситуация, заметил П. Бурышкин, являлась отчасти причиной, отчасти следствием слабого развития коммерческого образования в России. Купцы Архангельска указывали на необходимость специальной подготовки предпринимателей еще в наказе в Уложенную комиссию. Но дело сдвинулось с мертвой точки лишь в конце XIX века.

* * *

Одной из главных сфер деятельности городского купечества была внутригородская торговля. Здесь было обширное поле применения своих сил для

средних и мелких торговцев, хотя лавки, палатки и шалаши имели и крупные купцы. На этой почве сталкивались интересы посадских людей, крестьян, церковников и других категорий населения, пытавшихся добыть средства к жизни при помощи реализации продукции, произведенной лично ими или перепродажи иностранных товаров.

Как распределялись торговые и промышленные заведения в городе, сколько их было в разное время, кому они принадлежали?

Ответить на эти вопросы не так просто. Статистика тех лет скупа и весьма несовершенна. Данные о торговле скапливались в органах городского управления, в таможене, у губернатора. Но все они страдают неточностями и нередко противоречат друг другу.

Характерными с этой точки зрения документами являются уже упоминавшаяся выше “Поименная ведомость о торгах, о рукоделиях и о промыслах каждого и всех Архангелогородского посада граждан купцов 1785 года” и “Городовая обывательская книга Архангельска на 1786 – 1788 гг.”, которая дает наиболее ценные сведения о деятельности посадского населения Архангельска и его социальной структуре.

Как известно, Городовое положение 1785 года окончательно завершило в России городское устройство, разделив горожан на шесть разрядов, или состояний. Первыми из них значились “настоящие городские обыватели”, т.е. лица, имевшие в городе “дом, или иное строение, или место, или землю” (вносились в первую часть книги). Вторая часть книги предназначалась для внесения горожан, записавшихся в гильдии, т.е. купцов (в нее вносились “все те, какого кто бы ни был рода, или поколения, или семьи, или состояния, или торгова, или промысла, или рукоделия, или ремесла, кои за собой объявят капитал”). В третью часть документа заносились люди, “вписавшиеся в цехи”, т.е. ремесленники: мастера, подмастерья и ученики, “кои вписались в цех своего ремесла”. Четвертая часть сохранила имена “иногородних и иностранных гостей”. Для записи именитых граждан предназначалась пятая часть книги, в которой фиксировались имена городских голов, магистров и бургомистров, заседателей совестного суда, дважды прослуживших на городской службе. Сюда же вносились банкиры, оптовые торговцы и кораблевладельцы, а также ученые и художники, имевшие “чины академий или академические звания”.

В Архангельске последняя категория была малочисленной. Все остальные “посадские” записывались в шестую часть книги. К ним относились старожилы города, которые “кормились” “промыслом, рукоделием или работою”²⁰.

Магистратские описания города тех лет существенно различаются по количеству населения. Исследователи справедливо считают наиболее достоверными данные, приведенные историком В. Крестининым в “Топографическом описании города 1782 года”. Из 12 100 человек, учтенных им, 818 составляли члены всех купеческих семей и 2215 – лица мещанского сословия²¹. Остальная часть населения состояла из духовенства, военных и чиновников. Таким образом, из общего числа лишь 3033 человека, или 25% общего числа горожан, являлись своего рода хозяйственным ядром города.

Упомянутые документы дают возможность показать масштабы внутригородской торговли. Согласно различным данным той поры, в городе вели торговлю около 200 семей, что составляло 20% учтенного населения (“По-

именная ведомость... об архангельском купечестве за 1785 год” отметила, что торговлей занимался 381 человек). Как правило, документы указывали на наличие в городе семи–восми торговых рядов, на которых располагались 254 лавки и 5 шалашей.

Весьма своеобразна статистика распределения лавок по их принадлежности разным сословиям:²²

Название рядов	Количество лавок и шалашей, их принадлежность			
	купеческие	мещанские	церковные	всего
Мучной	17	13	30	60
Рыбный	10	11	1	22
Мясной	7	14	-	21
Кожевенный	-	-	20	20
Железный	17	-	-	17
Москательный	43	8	51	102
Серебряный	-	10	-	10
Медный	-	7	-	7
Всего	94	63	102	259

Данные таблицы и документы дают возможность сделать выводы о характере внутригородской торговли.

Во-первых, поражает число лавок, принадлежавших монастырям и церквям. Объясняя эту ситуацию, магистратское описание города за 1779 год разъясняло: “Монастырское и церковное владение лавками введено в прежние годы по недостатку в посадских людях знания прав церковных и гражданских, ибо по содержанию 19 главы Уложения владеть городскими лавками монахи и церковники права не имеют”²³.

Магистрат заключал: владение этими лавками должно быть возвращено законным хозяевам или “гражданству”, т.е. откровенно признавал незаконность торговой деятельности священнослужителей.

Во-вторых, на пятки купцам в городской торговле наступали посадские люди, т.е. мелкие торговцы: производители различных изделий или же их перекупщики. Они были на равных с купцами в продаже муки и рыбы, в два раза превосходили в реализации мяса, уступали лишь в продаже москательных товаров (к последним в русской торговле относили краски, пряности и аптекарские материалы). И в то же время магистрат жаловался на упадок и жалкое состояние мещанских лавочных торгов. В числе причин подобного состояния указывалось на “невежество посадских разумов”, т.е. незнание основ коммерческого дела, а также отсутствие возможностей получить банковский кредит.

Среди торгующих людей значилось большое число безлавочных торговцев, продававших товар с лотков или в разнос (более 40 человек).

В-третьих, магистрат в своих описаниях города, являвшихся официальными документами, особое недовольство выражал поведением жителей, живших в солдатских домах. Их обитатели, а в особенности иногородние купцы, поселявшиеся в этих домах во время ярмарки, нарушали, по его мнению, правила торговли: продавали товар в розницу, тайно, привлекая с этой целью людей военного чина.

Далее в документах немало говорилось о “безобразиях” в городской торговле: беспорядочном расположении рядов, близостью кузниц, бани и опасностью в связи с этим городских пожаров.

В целом же, как в конце XVIII века, так и в более позднее время внутригородская торговля обеспечивала горожан, прежде всего, продуктами питания, предметами первой необходимости: обувью, одеждой, красками, тканями, сахаром и т.п. товарами.

В отличие от крупных купцов, торговавших оптом многими товарами, мелкие торговцы (купцы и мещане) специализировались на продаже одного-двух товаров. Так, например, купец А. Опарин, объявивший в 1785 году капитал на сумму 500 рублей, вел мелочный торг сахаром. Вдова известного в прошлом купца Костогорова, имевшая капитал 600 руб., ограничивалась в конце жизни мелким лавочным торгом.

Старожил города М. Мякинин, как это значится в Обывательской книге за 1786 год, имея капитал в размере 100 руб., владел сначала лавкой и вел торговлю свежей рыбой. Через 10 лет его дом, очевидно, сгорел, а он вел лишь “мелочный торг”. Еще десятилетие спустя его вдова Устинья добывала себе средство к жизни “от пряжи льна”²⁴.

Одним словом, для абсолютного большинства купцов средней руки торговля была не средством разбогатеть, а образом жизни. Требовались долгие годы, чтобы купец третьей или второй гильдий, играя на различии в ценах, на удачных сделках смог скопить средства для того, чтобы перейти в более высокую гильдию.

* * *

...В конце XVIII века Архангельск посетила страшная беда: огромный пожар 26 июня 1793 года стер с лица земли большую часть города. Огонь уничтожил около 1000 домов, почти все лавки, банковскую контору, 4 церкви, три монастырских подворья.

И, тем не менее, Архангельск проявил удивительную живучесть. Горожане всех сословий – купцы и мещане – продолжали заниматься своим делом. Погорельцы восстанавливали жилища, купцы торговали хлебом, рыбой, различными припасами.

Не замерла и внешняя торговля. Уже в 1797 году, через четыре года после пожара, порт принял 107 иностранных кораблей, в 1800 – 141, в 1802 – 216, а в 1811 – даже 452. Соответственно столько же, а в некоторые годы и значительно больше кораблей уходило за границу. Если стоимость привезенных грузов в эти годы составляла в среднем от 264 до 614 тысяч рублей, то товаров, отправленных за рубеж, от 3 071 тыс. в 1797 году до 5 233 тысяч рублей – в 1802 году²⁵.

Торговая жизнь Архангельска продолжалась. Как уже отмечалось выше, в первой четверти XIX века, в особенности в годы континентальной блокады, город вновь стал первоклассным торговым портом России, возродив частич-

но, правда, на короткий срок, свою былую славу. Крайнее расположение Архангельска на какой-то период превратилось во благо.

Российское правительство сразу же после основания Архангельска и особенно после посещения его Петром I проявило стремление вести внешнюю торговлю на собственных российских кораблях. Расскажем об этом подробнее в следующей главе.

Торговые пути-дороги

- ¹ Архангельский Север в документах истории... С. 271.
- ² Архангельск в XVIII веке. С.296
- ³ Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865. С. 56; Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 282.
- ⁴ Козинцева Р.И. Указ. соч. С. 125.
- ⁵ Там же. С. 133.
- ⁶ Токарский М.А. Кустарное смолокурение в России. СПб., 1895. С. 88-89.
- ⁷ Репин Н.Н. Участие “разночинцев” во внешней торговле России XVIII века // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С.253-258.
- ⁸ ПСЗ. Т. XVIII. № 13247.
- ⁹ Там же. Т. XIV. № 10486.
- ¹⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 68.
- ¹¹ Там же. Л. 34-35.
- ¹² Пошман А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении. Архангельск, 1866. Т.1. С.106, 131,132 и др.
- ¹³ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т.6. Д.11584.Л. 16об.
- ¹⁴ Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX - начале XX вв. М., 1995. С. 189.
- ¹⁵ АГВ. 1853. 1 авг.
- ¹⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 68. Л. 3-52.
- ¹⁷ Там же. Ф. 51. Оп. 1. Т. 2. Д. 863. Л.2.
- ¹⁸ Бурьшкин П.А. Указ. соч. С. 105-106.
- ¹⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 714. Л. 4-20об.
- ²⁰ ПСЗ. Т. XXII. № 16188.
- ²¹ См. Полякова У.М. Указ соч. С. 124.
- ²² ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 62. Л. 49-53.
- ²³ Архангельск в XVIII веке...С. 292.
- ²⁴ Полякова У.М. Указ. соч. С. 133.
- ²⁵ Пошман А. Указ соч. Т. II С. 132-136.

ТОРГОВЛЯ НА РУССКИХ МОРСКИХ СУДАХ

Вопрос о рождении российского торгового флота привлек пристальное внимание историков С. Ф. Огородникова, Г. П. Попова и в особенности Н. Н. Репина. Опираясь на документальную основу и труды своих предшественников, исследователи дали анализ решения этого важного общегосударственного дела, как на Севере России, так и в Петербургском порту¹.

Значимость этой проблемы хорошо понимал Петр I. Уже во время первого посещения Архангельска в 1693 году он принял решение наладить здесь отечественное судостроение с целью прорыва русских купцов на рынки европейских государств.

Сохранились сведения о том, как молодой царь, будучи в Архангельске, в одежде голландского корабельщика часто посещал городскую биржу и за просто заходил в гости к иностранным купцам. Последние поведали молодому государю о секретах механизма коммерческих дел. «Мы берем хороший процент за свои хлопоты, – объяснял Петру один голландский шкипер. – И русские всегда будут находиться в руках у нас, потому что мы на своих кораблях приезжаем к вам и увозим ваш товар. Что положим за него по взаимному согласию между нами, по той цене и покупаем. Будь у русских корабли, да ездят они со своими товарами к нам, этот барыш достался бы им»².

Профессор Н. Н. Репин отметил, что выход в рейс «Святого Павла», спущенного на воду со стапелей Соломбальской судовой верфи 20 мая 1694 года, «можно считать началом русского торгового мореходства на более совершенных по тому времени судах»³.

Тогда же из Голландии в Архангельск пришел купленный царем 44-пушечный фрегат «Святое пророчество». Еще через пять лет, в 1701 году, под руководством Елизария Избранта в Соломбале было построено сразу шесть трехпалубных кораблей.

К этому времени царственный моряк удовлетворил просьбу купцов Бажениных завести собственную корабельную верфь для сооружения кораблей, пригодных для торговли с заморскими странами и каботажных перевозок.

Казалось, намерение Петра I стало осуществляться, или, во всяком случае, были созданы предпосылки для реализации его честолюбивых планов.

Однако первый опыт отправки русских судов в самостоятельное плавание окончился неудачей. Казенное судно «Святой Павел» захватили французские власти, поскольку оно пришло под враждебным в тот момент Франции голландским флагом. Корабль «Святое пророчество» зарубежные власти задержали из-за отсутствия паспорта, а позднее его продали голландским коммерсантам Гутманам.

В 1704 году в Амстердам и Лондон отправились еще три русских судна. И это событие явилось «последним свидетельством коммерческого предпринимательства казны в начале XVIII века»⁴.

И, тем не менее, почин был сделан. По отзыву современников, значение этого опыта состояло в том, чтобы возбудить соревнование среди своих подданных, «дабы сии впоследствии и сами заводили ... торговые сношения»⁵. Этот план частично удалось претворить в жизнь. С 1703 года на Севере началось заграничное частное судоходство, которое оказалось жизнеспособным.

собнее государственного. Первыми стали отправлять на Запад собственные корабли братья Федор и Осип Баженины, а в 1727 году ушло в Амстердам судно их земляка Никиты Крылова. Начиная с середины века, заграничную торговлю поддерживали от шести до 15 русских кораблей ежегодно.

Первые попытки прорваться в торговый мир западных стран встретили огромные трудности: откровенное нежелание правительств этих государств пустить русские корабли для свободного торга, а также нападения морских разбойников – пиратов. Только у Бажениных каперы за короткий срок захватили три корабля, два их судна пропали в море. Купцы понесли огромные убытки.

Несмотря на все трудности, жизнь на море не замерла. В 1715 году в море вышли уже пять баженинских кораблей. Около восьми десятилетий холмогорцы продолжали поддерживать связи со странами Европы. Живучесть дела расторопных братьев опиралась на два фактора: они умело пользовались льготами, предоставленными им Петром Великим, и опирались на мощь собственной судостроительной верфи⁶.

Систематически отправлялись на Запад и корабли других купцов. В упомянутой выше “Поименной ведомости о торгах... Архангелогородского посада граждан купцов 1785 года”⁷ отмечено, что трое из 12 городских купцов – В. Лукичев, А. Стукачев и А. Менсендейк – вывозили товары на своих судах. Причем, если А. Менсендейк имел лишь один морской корабль, пригодный для заморской торговли, то А. Стукачев – четыре.

В целом за девять лет (с 1782 по 1790 гг.) с товаром “за море” ушло 1088 кораблей, в том числе 416 английских, 180 гамбургских, 122 голландских, 104 датских, 48 бременских, 27 данцигских, 21 прусских и 122 русских. Русские корабли, таким образом, по общему их числу делили третье место с голландскими. В дальний путь уходило ежегодно 12-14 судов⁸.

Разумеется, это было пока еще каплей в море. Исследователи справедливо делают вывод о том, что “попытка казны извлечь выгоды от торговли на своих судах и вовлечь в это предприятие русских купцов не удалась ни в XVII, ни в XVIII в.”⁹

Эта проблема “перекочевала” в XIX век. Архангельские купцы и в новом столетии по-прежнему имели мало собственных судов. Даже в лучшие времена лишь самые крепкие архангельские русские и обрусевшие купцы из Немецкой слободы имели не более, чем по два десятка судов, но таковых были буквально единицы. 23 кораблями владел в XIX веке В. Брандт, 26 – имел в своей собственности купеческий дом Поповых. Однако после смерти В. Брандта его корабельное дело замерло, затем наследники покинули город, а торговый дом Поповых разорился.

В ежегодном отчете за 1841 год на имя императора архангельский губернатор, отметив, что население Приморского края, привыкшее к мореходству, “держится” в основном торговлею и промыслом, не без горечи констатировал, что “распространение внешней торговли требует не только опыта в мореходстве”, но и наличия собственных кораблей, которые “до сего времени по большей части заменяются иностранцами”¹⁰.

Этот вывод опирался на реальную основу. Так, за шесть лет – с 1797 по 1802 гг. – число русских кораблей, приходивших с грузами из-за рубежа, составляло в среднем от одного до семи, в то время как иностранных – от 100

до 200. В целом за это время в Архангельском порту пришвартовались 21 российский и 434 иностранных корабля¹¹.

Картина изменилась с годами, но несущественно. Вот официальные данные архангельской таможни, которые позволяют судить о числе кораблей, доставивших товары русским и иностранным купцам в 1817 году¹²:

Торговые дома, купцы	Корабли (кол-во)		Цена товаров (в руб.)	
	приход	отпуск	привоз	Отпуск
Б. Амбургер	43	44	426 831	3 454 356
В. Брандт и К°	88	89	247 144	3 566 886
Ф. Шольц	85	85	36 412	2 945 323
Г. Клефекер	54	54	49 191	2 767 924
Р.Фанбрин и К°	62	60	187 137	2 285 380
А.Попов-Сын.-я	15	16	81 850	1 387 400
Аф. Амосов	6	7	362	596 027
Я.Машковцева Сын.-я	5	5	68 996	281 895
Л. Штоп	4	5	26 737	319 472
Синцов	-	1	-	215 382
Я. Гольбом	5	5	3 750	115 363
Ф. Ольдекоп	2	2	4 218	114 618
Шкиперы и пассажиры	н.с.	н.с.	22 740	394 860
Остальные	39	3.	н.с.	н.с.
Итого	408	376	1 148 193	18 451 104
Общий оборот			19 599 297	
Таможня собрала различных сборов			1 526 430 рублей	

Из таблицы видно, что в продолжение навигации в порт прибыло 408 и отправлено с грузом 376 кораблей. Из-за позднего прихода часть из них осталась на зимовку в Архангельске. 37 судов, пришедшие в адрес “кольских и кемских судовщиков”, очевидно не прошли досмотра архангельской таможни. Это были суда малой вместимости, они, по-видимому, ходили в традиционные рейсы за рыбой в Норвегию. Показательно, что абсолютное большинство – 331 корабль – явилось в порт с балластом, только пять – с грузом, остальные с тем и другим. Из 408 кораблей 54 принадлежали архангельским предпринимателям, 210 являлись английскими, 58 – норвежскими, 15 – голландскими, 3 – американскими, 7 – датскими, 14 – прусскими, 9 – шведскими, 18 – гамбургскими и т. д.¹³ Российские суда, следовательно, даже с учетом мелких судов каботажного плавания составляли одну седьмую часть (около 14%) от общего числа всех кораблей, доставлявших товары на север.

На фоне пяти крупных иностранных предпринимателей весьма скромно выглядел торговый бизнес даже самых влиятельных в то время архангельских купцов. 16 судов с товаром на сумму 1,4 млн. рублей отправил за рубеж торговый дом А. Попова с сыновьями, семь – Афанасий Амосов с грузом общей стоимостью около 600 тыс. рублей¹⁴.

Оценивая ситуацию, сложившуюся в то время в Архангельском порту, архангельский историк С.Ф. Огородников отмечал: “Вообще иностранные фирмы так прочно овладели заграничною торговлею Архангельского порта, что совершенно заслонили собою местное русское купечество, которое, увы, к концу 30-х годов, из самостоятельных некогда деятелей превратилось, не по своей вине, в простых поставщиков товара на конторы, т.е. в то опять первобытное состояние, из которого только что были извлечены могучею волей Петра I и Екатерины II”.

Что же мешало русским купцам занять более достойное место в создании собственного флота и мировой торговле? Вопрос этот не так прост. Он до сих пор вызывает споры¹⁵.

* * *

Надо отдать должное действиям властей: правительство предпринимало немало усилий для решения этой сложнейшей проблемы. Однако Петр I, очевидно, недооценил на первых порах всех трудностей, которые поджидали его подданных на этом пути.

Уместно напомнить о том, что многие иностранные правители задолго до петровских времен всячески стремились помешать России установлению деловых связей со странами Запада и тем более завести ей собственное кораблестроение.

Ярым противником усиления своего великого соседа выступил в свое время польский король Сигизмунд. Под угрозой смертной казни он воспретил приезжать в Нарву западноевропейским купцам. В ряде писем королеве Англии Елизавете он сетовал на то, что начало торговли ее страны с Россией крайне опасно для всех государств Запада.

В послании от 13 марта 1568 года, например, король утверждал, что русский царь – москвит “враг всех свободных народов... Благодаря недавно заведенному мореплаванию, обильному снабжению не только оружием..., но еще более важнейшими вещами – художниками, которые не перестают выделывать для него оружие, снаряды и другие подобные вещи, до сих пор невиданные и неслыханные в этой варварской стране. Зная все это, мы полагаем, не должно надеяться, чтобы мы оставили такое мореплавание свободным”. В заключение король недвусмысленно подчеркивал: “До сих пор мы являлись победителями его только потому, что он дикарь в искусстве и невежда в политике. А если морские сообщения продолжатся, что останется ему неизвестным? С военными снарядами и кораблями он будет, – сохрани Бог – побивать или покорять всякого, кто станет ему противиться”¹⁶. Следует отметить, что подобные сетования не оставались без внимания: английская королева отпускала в Россию знающих людей крайне неохотно и в весьма ограниченном количестве.

Понятно, что энергичные меры, которые предпринял Петр I для развития флота в России, не на шутку напугали многих иностранцев.

Еще в 1703 году царь выразил пожелание о том, чтобы Голландия взяла с целью подготовки к мореплаванию на свою службу из Архангельска 4000 русских матросов. Однако голландцы под благовидным предлогом не пошли на это. Посол России в этой стране А.А. Матвеев, разъясняя смысл этой меры иностранцев, доносил на родину о том, что “им то зело ненадобно, чтоб наш народ морской науке обучен был”. Еще ранее посол сообщал государю:

“Очень неприятно им нынешнее строение у Архангельска ваших кораблей, от чего опасаются ущерба своему купечеству”¹⁷.

Более определенно высказались по этому поводу английские министры Вальполь и Гускидсон. Первый из них говорил в парламенте: “Если Россия возьмет себе в образец Данию, учредит, ободрит и поддержит торговые товарищества, то наша и голландская торговля в состоянии ли будут устоять от этого поражения? Если держава, которая не знает, куда и как употреблять своих людей, примется за умножение своих морских сил и купеческих кораблей, тогда пропадут Голландия и Англия. Возможность, какую имеет Россия к построению судов, оправдывает мое беспокойство”. “Нужно, – вторил Вальполю Гускидсон, – употребить все зависящие от нас меры, чтобы остановить в России развитие торгового флота и купечества”¹⁸.

Такой же подход иноземцы проявляли и позднее в ответ на просьбы русского правительства оказать помощь в обучении купеческих детей коммерческому делу. В делах Комиссии о коммерции хранится немало жалоб купцов о том, что иноземцы “всячески стараются содержать российских в неведении и удалении от непосредственной торговли с иностранными”¹⁹.

Подобный подход иноземцев не обескуражил реформатора: времена изменились, Россия стала иной. По указам Петра Великого в ряде западных стран создаются торговые консульства, которые должны были помогать продаже русских товаров. В частности, регламент Коммерц-коллегии предписывал: “в иностранные земли определять консулов и факторов в те места, где коммерция происходит”²⁰.

Стремясь приобщить русских купцов к современным методам торговли и противостоя иностранцам, Петр I издал указ, предписавший “Московского государства и городским всяким чинов купецким людям торговать так же, как торгуют иных государств торговые люди, компаниями, и чинить отпуск товарам в компаниях к городу Архангельскому...”²¹.

Северным купцам удавалось иногда создавать подобные объединения. Одно из них под руководством Федора Баженина действовало с 1707 года. После распада компании из-за потери кораблей именитые холмогорцы с 1710 года отправляли хлеб в “Дацкую землю” вместе с каргопольским купцом Михаилом Марковым и Яковом Неклюдовым²².

Однако широкого распространения русские купеческие компании не получили. Как правило, архангельские торговцы создавали небольшие торговые фирмы, в которых объединялись близкие родственники: отец с сыновьями, купеческие вдовы с детьми и т.д.

В начале XIX века в Архангельске были известны семейные объединения: “Алексей Попов с сыном”, “Кузьма и Афанасий Амосовы”, “Алексей и Гаврило Плотниковы”, “Вдова Егора Латышева с сыном”. Несколько семейных торговых дома имели в тот период вологодские купцы (три принадлежали купцам Митрополовым, один Осипу Ханжину с сыновьями и один – братьям Ягодниковым).

* * *

Возможности русских купцов в этот период были ограничены не только малым количеством кораблей, но и отсутствием собственных опытных мореходов и даже простых матросов. Перипетии решения сложной “кадровой” проблемы, сложившейся в русском торговом флоте, не раз затрагивались ис-

следователями, в частности – в упомянутых выше работах профессора Н. Н. Репина и историка архангельского порта Г. П. Попова.

Первым к решению этой проблемы приступил Петр I. В 1700 году, жалую известных купцов Бажениных рядом льгот, он дал им право брать “для морского хождения шкиперов, штурманов и матросов” из числа иностранцев и русских²³. Тогда же он приказал зачислять в команды первых кораблей, отправляемых с Соломбальской верфи, по 3-4 русских матроса “для спознания морского ходу, корабельной оснастки и немецкого языка”²⁴.

Чуть позднее царь проявлял явное нетерпение. Известен указ Петра о том, чтобы на кораблях, изготовленных в России, “были матросы русские”. Царь допускал использование иноземцев только в качестве шкиперов²⁵.

Однако решить эту проблему в то время было невозможно. Как установил Н. Репин, Баженины, например, лишь частично использовали русских крестьян в качестве матросов. В 1726 г. онипустили на своих кораблях лишь 5 русских, в 1727 – 4, в 1730 – 2. А в 1742 году Денис Баженин всю команду набрал из иностранцев. Через 20 лет к К. Баженину и Н. Крылову приехало 80 голландских матросов²⁶.

Вопрос об обучении купеческих детей морскому и торговому делу, выдвинутый Петром I, решался медленно. В 1703 году русский посол А. Матвеев писал из Амстердама о том, что он “пересмотрел” “русских робят”, которые учились голландскому и французскому языкам под надзором вице-адмирала Крюйса, находившегося на русской службе, и нашел их изрядно выученными как письму, так и порядку здешнему. Число учеников скоро пополнилось: в Голландию явилось 16 холмогорцев, отправленных по царскому указу на корабле, принадлежавшем Осипу Баженину. Корабль захватили французы, пассажиров нагло ограбили, но Матвеев, несмотря на это, доставил юных северян к Крюйсу, чтобы он “роздал их в науку, кто куда годится”²⁷.

Подобные меры не делали погоды на российском флоте.

Жители Поморья, издавна привыкшие к морскому делу, плавая в основном на небольших судах, могли, полагаясь на приобретенный с годами опыт, свободно действовать лишь в каботажном плавании, в крайнем случае, плавать вдоль берега в Норвегию. А штурманов, способных вести купеческий корабль в заморские земли, на Севере попросту не было. Российское правительство в течение XVIII – первой половины XIX вв. издало ряд указов, регламентирующих комплектование команд российских судов. В частности, оно разрешало нанимать на суда иностранцев, но не более четверти состава команды. Затем этот “потолок” был повышен, но это не меняло сути дела: русских шкиперов и штурманов не находилось.

Суть проблемы хорошо изложил директор архангельской таможни в 1781 году. Он рапортовал в Петербург своему начальству: “На отправляющихся от Архангельского города в чужестранные порты российских купеческих кораблях шхипоры бывают выписываемы теми российскими купцами из иностранных и иностранные обученные, а в норвежские гавани и местечки на небольших судах от здешних купцов отправляемые бывают шхипорами или кормщиками из здешних купцов и мещан, тако ж и из крестьян – навигации не обученные, а единственно по одной привычке, ибо в здешнем месте, за неимением для партикулярных людей навигаторской школы, на купеческие

корабли из российского народа в шхипоры и штурманы обученных навигации сыскать негде”²⁸.

Нанимая на свой корабль даже небольшое количество русских матросов, купец был вынужден искать их буквально по всему Северу. Яркое представление об этой стороне дела дает “Обязательство”, составленное купцом первой гильдии Алексеем Поповым в 1818 году.

На свое судно, отправляемое в заграничный рейс, он нанял отставного матроса Игнатя Колобова, архангельского мещанина Алексея Казакова, вятского мещанина Григория Бабинцова, крестьянина архангельской округи Григорья Тяпнина, вельской – Максима Пятина, сольвычегодской – Антипа Байбородина и яренской – Илью Козлова²⁹. Нетрудно представить себе масштабы купеческих поисков нужных матросов и хлопот, если Попов отправлял в отдельные годы до 20 и более кораблей.

Кроме того, весьма “отяготительным для купечества затруднением в составлении экипажа” из русских матросов было то, что наниматель должен был оплачивать за крестьянина государственные подати и общественные повинности. С купца строго взыскивалось за побег матросов, за их гибель и т.д. Достаточно отметить, что за “оставление матроса российской нации в чужих землях” купца ждал штраф 150 рублей и 3 года каторжных работ. А подобные случаи были нередкими.

Серьезный инцидент с русскими матросами произошел в 1818 году на корабле “Санкт-Петербург”, принадлежавшем В. Брандту. Представитель известного предпринимателя, жившего в то время в Гамбурге, нанял семь архангельских мещан и крестьян: Степана Чернышева, Демида Ильина, Дмитрия Герасимова, Никифора Панкратова, Федора Мишина, Степана Тетерина и Осипа Лукина.

После прихода судна в город Лит все моряки сбежали. Часть из них была найдена при помощи местной полиции. А двое явились в Лондон к российскому консулу Дубачевскому с жалобой на то, что во время рейса шкипер Кольман и его коллега Стирман жестоко издевались над ними, “довольствовались плохой пищей”. Между тем, корабль был нагружен и вышел в Америку с неполным экипажем. В Америке история повторилась: двое северян опять сбежали с корабля. При этом один из них, Никифор Панкратов, нанялся на работу, а второй вскоре попал в больницу и умер.

Более трех лет шла переписка по этому делу и обсуждение непростой ситуации.

Русская сторона: министр финансов, городской магистрат, губернское правление, военный губернатор – настаивала на тщательном расследовании инцидента и, в случае доказательства вины, привлечь шкипера Кольмана к ответственности.

Брандт и в особенности его компаньон в Архангельске Егор Классен, напротив, утверждали, что Кольман соблюдал все условия договора, заботился о матросах. Шкипер обвинил моряков в том, что они “утечку сделали из-за своих выгод”, “из-за более высокого жалованья на иностранных кораблях”. Причинами бегства матросов, заканчивал он свое объяснение в магистрат, являются “их распутство и надежда на то, что во время отсутствия их купец будет платить государственные и общественные подати их родственникам”.

Узнав о том, что Брандт уволил со своего судна шкипера Кольмана, магистрат почувствовал свою правоту и потребовал объяснения от купца. Но по-

следний объявил, что Кольман не прогнан, как это пытался представить магистрат, а “уволен по его собственному желанию, как вольный человек, который имеет право сам собой распоряжаться”³⁰.

Одним словом, длительное разбирательство закончилось ничем. Судя по документам, правительство затребовало от американских властей возвратить оставшегося в их стране матроса Панкратова, как самовольно сбежавшего. Жена последнего три года спустя, жаловалась на то, что она, получив от купца за мужа 175 рублей, пришла вместе с детьми “в самобеднейшее состояние”, т.к. с нее власти требовали подати за мужа. Купец Брандт, представив свидетельство о смерти погибшего матроса, остался при своем мнении.

Отголоски этого, как и других подобных инцидентов (а их было немало), нашли свое отражение в докладе военного губернатора А.Ф. Клокачева, представленном Александру I во время его пребывания в Архангельске летом 1819 года.

Губернатор, в частности, сообщая о многих трудностях для купцов при составлении экипажа своих судов, констатировал: “Ежели бы не было столь отяготительного для купечества затруднения... то, без сомнения, больше судов здесь строилось бы и отправляемо было за море, а тем более в частную и государственную пользу обращалось... и самый отвоз российских товаров в иностранные места производился бы несравненно больше тогда на российских судах, что в вящую обратилось бы государственную пользу”³¹.

Своим распоряжением от 7 марта 1820 года император в числе других льгот, дарованных городу, признал необходимым: “Не делать препятствия в отправлении от Архангельского порта российских купеческих судов, если на оных и не будет находиться определенного числа российских матросов, позволяя нанимать иностранцев в таком количестве, сколько потребно будет”. При этом Александр I отметил, что это право предоставляется лишь на 10 лет в надежде, что за это время “архангельское купечество приложит старание образовать для их мореходства достаточное количество матросов и шкиперов из подданных российских”³².

Разумеется, за срок, отведенный государем, ситуация не изменилась. 8 мая 1839 года министр финансов Е.Ф. Канкрин направил архангельскому военному губернатору прошение архангельских и петербургских купцов, в котором последние, как и их предшественники почти 60 лет тому назад, жаловались на то, что “по малозначительности корабельной промышленности (в России – *Е.О.*)...опытных шкиперов и штурманов сыскать нельзя”. Отметив, что в случае увеличения нормы набора русских матросов (с 1840 – до половины, а с 1850 – до трех четвертей состава команд и обязательности брать шкиперов только из русских), они во время зимовок в зарубежных странах будут вынуждены платить жалованье и содержать много русских матросов, что значительно ухудшит коммерцию российских купцов. В своем прошении купцы настаивали на том, чтобы они могли “вооружать свои корабли без положенной пропорции российских подданных”.

Архангельский военный губернатор контр-адмирал И. И. Сулима, проверив по поручению Министра финансов состояние дел в Архангельске, убедился в сложности ситуации.

Доклад таможни свидетельствовал о том, что в порту были взяты на учет 36 кораблей. 16 из них являлись судами, приспособленными для дальнего

плавания, а 20 – для каботажного, т.е. для организации рыбо-звериного промысла и хождения в Норвегию. 13 кораблей имела фирма “В. Брандт и сыновья”, 3 – принадлежало фирме “Грибанов, Фонтейнес, Люрс”. Экипажи кораблей, в зависимости от размеров последних, насчитывали от 9 до 28 человек. На этих судах плавало 180 иностранных и около 60 русских матросов. Два судна были полностью укомплектованы иностранными специалистами. Это означало, что архангельские купцы игнорировали предписанные правительством правила найма специалистов. На всех кораблях, занятых в каботажном плавании, экипажи целиком набирались из русских, в основном из архангельских крестьян³³.

Документы свидетельствуют о том, что только в 70-х годах XIX века в связи с ростом числа морских учебных заведений проблема набора специалистов на русские суда получила, наконец, желаемое решение. В 1869 году в составе экипажей всех видов судов Архангельской губернии плавало 717 русских шкиперов, 105 штурманов, 180 кормщиков, 3424 матроса. Среди них были лишь два иностранных шкипера и 3 матроса³⁴. Число русских моряков быстро росло. В 1872 году, т.е. всего через три года в губернии насчитывалось уже 914 шкиперов, 4501 матрос. Появились первые шесть машинистов. А всего на судах плавало свыше 5700 северных моряков.

И только в 1877 году губернские власти признали: “Все команды судов состоят из русских подданных – шкиперов и штурманов, а также матросов из мещан и крестьян, изучивших мореплавание с детства”³⁵.

Однако решение этой жизненно важной проблемы произошло с опозданием: экономика Севера в это время, в особенности внешняя торговля, испытывала кризис.

На первый взгляд, внешняя торговля продолжала функционировать. В среднем за десять лет (1845–1854 гг.) из Архангельского порта вывозилось товаров на сумму 4 832 000 рублей, а за пятилетие (1856–1860) – 6 138 000 рублей. На запад отгружались такие товары, как овес, льняное семя, лен, кудель, доски и смола. Архангельская таможня ежегодно приносила в казну до 1 600 тыс. руб. дохода.

И, тем не менее, начиная с 30-х гг. во многих губернаторских документах сквозило ощущение надвигающейся беды в экономике. Губернаторы сталкивались с сокращением добычи соли, прекращением морского судостроения и в особенности уменьшением объемов внешней торговли. В обозрении о состоянии губернии за 1885, в частности отмечалось: “Упадок архангельской торговли, преимущественно заграничной, замечается уже давно. Но никогда архангельская заграничная торговля не падала так низко, как в 1885 году”. В тот торговый сезон из порта на Северной Двине было вывезено товара только на 5 764 774 рублей, или меньше, чем в 1884 – на 1 525 368 рублей³⁶.

Назревшие нужды развития русского торгового флота потребовали немало усилий для их решения в XX веке.

Торговля на русских судах

¹См. Репин Н.Н. Торговля России с европейскими странами на отечественных судах: Конец XVII – середина XVIII в. // Исторические записки. № 112. М., 1985; Попов Г.П. Ногою твердой стать при море... Штрихи к портрету Архангельского порта. Архангельск: Сев. - Зап. кн. изд – во, 1992.

²Цит. по: Кучепатов Ю.Н. Архангельский морской порт. Архангельск, 1968. С. 25.

-
- ³Репин Н.Н. Указ. соч. С. 142.
⁴Там же. С. 144.
⁵Там же. С. 143.
⁶Там же. С. 163.
⁷ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 68.
⁸АГВ. 1853. 25 марта.
⁹Репин Н. Указ. соч. С. 143.
¹⁰ГААО. Ф.1. Оп. 12. Д. 30. Л. 61об.
¹¹Пошман А. Указ. соч. Т. II. С. 105.
¹²ГААО. Ф.2. Оп.1. Д.844. Л.185об.
¹³Там же. Ф.2. Оп.1. Д.844. Л.185об.
¹⁴Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 844. Л. 185.
¹⁵Так, например, В.Н. Захаров, признавая, что у русских купцов было мало кораблей и капиталов, что они встречали мощное противодействие иностранцев на Западе, в то же время высказал суждение о том, что основной причиной слабой внешнеторговой активности русских являлось их стремление охватить прежде всего внутренний рынок страны // Отечествен. история. 1998. № 6. С. 19.
¹⁶Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865. С.83,84, 85; См. также Цветаев Д. Указ. соч. С. 5.
¹⁷Соловьев С.М. Сочинения. М.,1993. Кн. VIII. Т. 15–16. С.46, 42.
¹⁸Сидоров М. Картины из деяний Петра Великого. СПб, 1872. С. 17.
¹⁹См. Исторические записки. 1989. Т. 117. С.300.
²⁰ПСЗ. Т. VII. № 4453.
²¹Соловьев С.М. Сочинения. М., 1991. Кн. VII. Т.14. С.571.
²²Репин Н. Указ. соч. С. 158–159.
²³ПСЗ. Т. IV. № 1749.
²⁴Огородников С. История Архангельского порта. С. 14.
²⁵ПСЗ.Т. VI. № 3863.
²⁶Исторические записки. 1985. Т. 112. С. 172–173.
²⁷Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Кн. VIII. Т.15–16. С. 48.
²⁸Попов Г.П. Указ соч. С. 251.
²⁹Там же. С. 255.
³⁰ГААО.Ф. 47. Оп. 1. Д. 153. Л.12, 27, 57 и др.
³¹Попов Г.П. Указ соч. С. 257.
³²ПСЗ. Т. XXXVII. № 28 187.
³³ГААО. Ф.2. Оп. 2. Т. 1. Д. 1834. Л. 14–15об.
³⁴См. Справочная книжка Архангельской губернии на 1870 год. Архангельск, 1870. С.117–118.
³⁵Попов Г.П. Указ соч. С. 278.
³⁶Обозрение Архангельской губернии за 1885 год. Архангельск, 1886. С. 11.

ОТ ТОРГОВЛИ – К ПРОИЗВОДСТВУ

КУПЦЫ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Прежде чем характеризовать промышленное развитие Архангельска, следует сделать несколько предварительных замечаний.

Во-первых, во всех официальных документах промышленные заведения города и губернии долгое время именовались заводами, независимо от их размеров. Так назывались судостроительные верфи. Заводами именовались и крошечные по масштабам производства и численности работающих на них людей канатные, пековаренные и иные, по сути дела, мелкие кустарные мастерские.

Во-вторых, долгие годы перелив торгового капитала в заводскую промышленность Севера вследствие ряда особенностей его развития осуществлялся медленно. Поэтому в Архангельске вплоть до второй половины XIX века не появилось крупных частных предприятий, кроме судостроительных верфей.

В-третьих, документы свидетельствуют о том, что почти вся промышленность северного города вышла из торговли. Первыми заводчиками чаще всего становились купцы, большинство из которых не прекращали своих торговых дел даже в случае удачной работы сооруженного ими того или иного промышленного заведения. Вместе с этим, часть заводов города и губернии создали выходцы из богатых промысловых крестьян.

Практически весь промышленный капитал городского купечества и разбогатевших крестьян находился в неразрывной связи с торговлей и со всей феодально-крепостнической системой хозяйства страны.

Так действовали известные на Севере владельцы лесозаводов Яков Макаров, Андрей Чудинов. Точно так же поступали пинежские богачи Володины: имея лесозавод и солидное пароходство, они фактически монополизировали всю торговлю в Пинежском уезде, осуществляли самостоятельно экспорт древесины.

Оценка общего состояния городской и губернской промышленности в отчетах, которые ежегодно направлялись губернаторами на имя императора, была почти одинаковой как в начале, так и в конце XIX столетия. В отчете за 1896 год, например, отмечалось: “Заводская и промышленная деятельность губернии находится на низком уровне развития, по недостатку, с одной стороны, предприимчивости и капиталов, с другой – технического образования в среде местного населения. И, наконец, вследствие неудовлетворительности путей сообщения. Собственно “заводов”, как это принято понимать в обычном смысле, т.е. заведений, действующих посредством механической силы и при значительном количестве рабочих, в губернии немного”¹.

Еще более выразительная характеристика состояния промышленности в городе давалась в энциклопедическом словаре, вышедшем в конце XIX века. В статье о городе на Северной Двине отмечалось: “Заводская промышленность незначительна, фабрик нет. Поэтому жизнь и движение в Архангельске замирают на 6-7 месяцев, когда замерзает река”².

Подводя итоги промышленного развития губернии, ее руководители не без основания делали вывод о том, что в сложившейся ситуации «развиваться заводской промышленности более или менее удовлетворительно здесь невозможно»³.

Несмотря на такую горестную оценку состояния архангельской торговли и промышленности, предпринимательская деятельность в городе не прекращалась.

Достаточно отметить, что в том году в губернии насчитывалось 4939 заводов и кустарных заведений, на которых трудилось более 11650 рабочих. На них выработывалось продукции почти на три миллиона рублей.

Из архангельского порта ушли за границу 1 157 кораблей и пароходов. Фирма «Грибанов, Фонтейнес и К^о» отправила в другие страны 56 кораблей, «Линдес и К^о» – 45, Русанова – 34, «Брандт и К^о» – 26, Я. Беляевского – 19 и т.д.⁴. Так что экономическая жизнь губернии при всех ее трудностях не стояла на месте.

* * *

В литературе утвердилось стремление характеризовать общее промышленное развитие страны или региона с помощью *трех* основных показателей: количества промышленных заведений, общей численности работников и стоимости произведенной продукции.

Видный исследователь истории акционерного дела в России Л.Е. Шепелев справедливо заметил, что все эти показатели относительны⁵. Сокращение числа заводов и мастерских, например, могло означать не только падение производства, но и его концентрацию. Уменьшение числа рабочих может являться показателем роста технической оснащенности промышленных заведений. Весомый недостаток имеет и третий показатель: увеличение стоимости продукции могло иметь в основе конъюнктурный рост цен на произведенную продукцию.

Если к этому добавить отсутствие налаженной статистики, то становится ясным, что определение уровня и темпов промышленного развития Севера, и в частности Архангельска, является довольно сложным делом. Объективными критериями для определения торгово-промышленного значения Архангельска и его порта могут быть сведения о количестве судов, приходивших в Архангельск с верховьев Северной Двины и из-за границы, обороте архангелогородской ярмарки и т.д.

Что касается определения уровня промышленного развития, то вышеприведенные показатели являются более адекватными для измерения масштабов производства города и губернии в конце XIX – начале XX вв.

Частное предпринимательство на Севере, как и во всей России, всегда встречало на своем пути серьезные препятствия. Северный крестьянин был крепко привязан к сельской общине, а городские жители – к посаду. Без разрешения сельского схода и городских властей ни те, ни другие не имели возможности изменить свой образ жизни и даже свободно передвигаться. Это стесняло мобильность населения, мешало его перемещению даже в пределах своей губернии. Кроме этого, вплоть до второй половины века в стране не существовало кредитной системы, позволявшей предпринимателю находить необходимые для начала или увеличения своего дела средства в банке, а страна, следовательно, не могла мобилизовать капиталы для инвестиций в народное хозяйство.

Как уже отмечалось, на Севере к этим факторам примешивались чисто местные обстоятельства: слабое развитие своего морского торгового флота и современных путей сообщения внутри губернии: железных дорог и пароходного движения на Северной Двине.

Компенсировавшую роль на Севере в создании и поддержании торгово-промышленной активности сыграли *два фактора*: правительственная политика и иностранные предприниматели, которые чаще, чем русские, обладали необходимыми коммерческими навыками, нужными капиталами и проявляли большую готовность к риску.

Одной из важных, если не самой значительной сферой приложения капиталов северных купцов долгие годы было судостроение, сыгравшее немалую роль в развитии международной торговли и обогащении формирующейся буржуазии.

* * *

Проблема казенного, купеческого и крестьянского судостроения издавна привлекает пристальное внимание северных и российских историков. Мы коснемся этого вопроса лишь в той мере, в какой он связан с темой нашей работы.

Сооружение больших и малых судов являлось жизненной необходимостью для предпринимателей Севера. Без них невозможно было заниматься рыболовством и звериным промыслом, перевозить соль, добытую в Неноксе, для реализации ее в Архангельске и Холмогорах, проникать к богатствам Сибири, заниматься торговыми делами.

Исследователи давно установили, что поморские промышленники бесстрашно осваивали промысловые богатства морей уже в XIV–XV вв.⁶. С этой целью искусные плотники под руководством кораблестроителей сооружали крупные суда-кочи, способные поднимать до 2-2,5 тысяч пудов груза и “малые кочи” грузоподъемностью 700-800 пудов.

Основание Архангельска, расширение масштабов внешней торговли сделало проблему судостроения еще более актуальной, выдвинув в порядок дня сооружение больших морских кораблей, способных ходить в западные страны. Поэтому, по нашему мнению, является несостоятельным утверждение известного исследователя Н. Носова о том, что в XVIII веке архангельские купцы переключили часть своих капиталов в судостроение только вследствие того, что не могли конкурировать с иностранными, московскими и вологодскими торговцами⁷.

Север располагал исключительно благоприятными условиями для развития судостроения. Обилие лесов позволяло сравнительно дешево приобретать лес. Здесь сложились веками накопленные традиции: жители Поморья издавна строили разнообразные речные и морские суда. Каждое лето в Архангельск стекалась масса людей, отлично владевших плотничьим ремеслом. А географическое положение губернии позволяло сразу же использовать новые корабли по прямому назначению: продавать их российским или зарубежным купцам, отправлять на звериный или рыбный промыслы, за границу, т.е. быстро получать коммерческую выгоду.

Сохранились сведения о том, что еще в 1581 году, т.е. до основания Архангельска, в устье Северной Двины было сооружено крупное морское судно. Через два десятилетия предпринималась попытка создания судоверфи в Соломбале⁸. Однако, дальше намерений дело не пошло.

Только масштабность начатых деяний и дальновидность Петра I позволили сдвинуть с места решение этой проблемы, быстро основать в Архангельске судостроительную верфь и в течение первого года ее работы построить торговый корабль. Известный русский просветитель И.П. Челищев, соратник А.Н. Радищева, в книге, повествующей об итогах своей поездки по Северу, писал: “Надлежит знать, что первый государев купеческий корабль, построенный на Двине, отправлен с русскими казенными товарами в Англию в 1694 году”⁹.

Соломбальская судоверфь стала важным центром купеческого и военного судостроения.

Стратегический замысел царя был верен: примеру государства последовали предприимчивые северные люди. Первыми среди них оказались уже упоминаемые нами холмогорцы Осип и Федор Андреевичи Баженины.

26 января 1700 года братья обратились к царю с челобитной, испрашивая разрешения “строить... корабли и яхты, для отпуску... досок и иных русских товаров за море, дабы в нашей Великого Государя Державе то корабельное строение множилось”¹⁰. Баженины обещали царю использовать свои корабли “для отвозу ...государевой казны хлебных запасов и вина в Кольский острог и для посылки на море китовых и моржовых и иных зверей промыслов”.

2 февраля 1700 года в свет появилась “Жалованная грамота гостям Бажениным...” Царь предписывал купцам “в вотчине своей у водяной пильной мельницы для отпуску от города Архангельского и за море указных товаров, корабли и яхты строить иноземцами и русскими мастерами повольным наймом из своих пожитков”.

В документе содержалось важное положение: царь выразил надежду на то, что “усердному радению в корабельном строении за Бажениными последуют иные всяких чинов люди и будут так же верно, как они, радение свое обретать и служить”¹¹.

За время существования Вавчужской верфи предприимчивые поморы спустили на воду около 120 торговых и промысловых кораблей грузоподъемностью от 15 до 400 ластов: флейтов, галиотов, пинков, лихтеров и гукаров¹².

Баженины не оказались одиночками. Их примеру последовал еще один холмогорец – Никита Савинович Крылов. По некоторым сведениям, он работал одно время на верфи у Бажениных, затем содержал карбасы для перевозки грузов от Архангельска до Холмогор и обратно. Нажив капиталы, он в соответствии с указом Коммерц-коллегии от 5 мая 1732 года построил знаменитую Быковскую судоверфь в пяти верстах выше Архангельска, имел при ней канатный и лесопильный заводы. В течение двух десятилетий Крылов ежегодно строил от одного до трех и даже шести судов.

В 1761 году в двух верстах от Быковской верфи появилась Гомовская, или Фразеровская, верфь, названная по имени ее владельцев Уильяма Гома (Хома) и Генри Фразера (Фрезера). Здесь также сооружалось ежегодно до 4 кораблей. Позднее, в 80-е годы, верфь была передана в аренду известному архангельскому купцу А.Н. Свешникову, который сумел при помощи опытного русского корабельщика С.М. Негодяева-Кочнева построить за 6 лет 13 кораблей¹³.

В эти же годы Прокопий Пругавин по указу Коммерц-коллегии от 1 марта 1766 года основал верфь в Маймаксе. Позднее судостроением занимались Амосов, Зыков, Бармин, Попов, Фанбрин, Голубин и другие.

Северные верфи в этот период напоминали невиданную до той поры строительную площадку. Достаточно отметить, что на казенной Соломбальской верфи работало более шести тысяч человек. С 1795 по 1813 год в Архангельске было сооружено 17 линейных кораблей, 9 фрегатов, 3 шлюпа, 12 канонерских лодок, 30 иолов и 4 плавающих батареи и яхта, т.е. 76 единиц различного типа боевых судов¹⁴. В оснащении этих кораблей и судов, подвозе к ним разнообразного снаряжения и продовольствия участвовали десятки частных поморских судов, сотни поморов, выполнивших огромную по своим масштабам работу. Боевая эскадра крупных кораблей, на каждом из которых было более чем по 500 человек, сумела дойти до Балтики – места своего назначения.

Не менее активно шла работа на купеческих верфях, на большинстве из которых работало до 200 человек. Ряд обстоятельств способствовал росту судостроения на Севере: льготные условия приобретения древесины, спрос на архангельские корабли со стороны западноевропейских торговцев и стремительный выход русских купцов на зарубежные рынки.

О крутом взлете архангельских купеческих домов свидетельствовал тот факт, что в конце XVIII века 8 из 12 (с оборотом от 350 до 700 тысяч рублей) явля-

лись русскими. Это были фирмы Алексея Попова с сыном, Козьмы и Афанасия Амосовых, Матвея Стукачева, Ивана и Якова Лыжиных, Гаврилы Ласкина и других. Заметную роль играли также иностранцы, принявшие российское подданство: Антон Менсендейк, Христиан Родде, Виллиам Блумребдер. Почти все они вели торг в компаниях со своими соплеменниками. Так, Менсендейк торговал вместе с англичанином Артуром Кейли и Эдуардом Блингендоком, Виллиам (Вильгельм) Блуменредер (архангельский купец из Саксонии) с датскими купцами А. Беккером и Карлом Лофтусом¹⁵.

В целом за время с 1777 по 1790 гг. на архангельских верфях было сооружено более 100 морских кораблей на общую сумму более 1 миллиона рублей. 23 из них было спущено на воду в 1782-83 гг. Причем около 80 кораблей купили иностранные купцы. Самым крупным покупателем была фирма Фанбриных (9 судов). 8 кораблей купил Эдмунд Егерс. По одному-три – А. Свешников, И. Чернышев, А. Менсендейк. Примечательно, что последний назвал один из своих кораблей именем начальника архангельской таможенной службы (“Моисей Радищев”). Корабль обходился купцам в 10-16 тысяч рублей¹⁶.

Особенно энергично сооружались корабли на верфях губернии с 1808 по 1816 гг. За этот срок было построено 62 больших корабля и 7 бригов. Пик пуска на воду купеческих судов пришелся на 1809–1810 гг. Флот города пополнился 42 судами. В последующие годы сооружалось по 4-5 кораблей. 10 из них сошли со стапелей Крыловской верфи, 6 – Фразеровской, 3 – Маймаксанской. Корабли успешно строились в Холмогорской округе. Только в районе Сии вошли в строй 6 судов, а три в – Пиньгише, отдаленной от Архангельска вверх по течению Северной Двины на 200 верст¹⁷.

Попутно заметим, что самым крупным заказчиком выступал купец Алексей Попов с сыновьями. За это время он купил на верфях 30 судов и два брига, израсходовав на эти цели, по данным магистрата, 925 тысяч рублей. 8 кораблей построил архангельский купец Ф. Ермолин, 5 – М. Куницын, 4 – С. Митрополов и т.д.

Всего за 145 лет (с 1700 по 1840-е гг.) на казенных и частных верфях, по подсчетам историков, было сооружено около 1000 различных кораблей¹⁸.

Однако корабельный бум начал постепенно стихать. Во второй четверти XIX века послания губернаторов в столицу все чаще стали констатировать полный “упадок кораблестроения”¹⁹.

В упомянутой выше переписке (сообщение от 9 августа 1840 года) Архангельский военный губернатор сообщал министру финансов о том, что в существующих трех верфях уже “с давнего времени не было построено ни одного корабля”, тогда как раньше эта промышленность приносила губернии большие выгоды. Архангельские торговые дома, отмечал губернатор, “занимались этим постоянно не только для себя, но и для купцов из других городов”. При этом он связывал упадок кораблестроения с отсутствием русских матросов, способных самостоятельно совершать рейсы за границу. Торговые суда в этой ситуации, подчеркивал он, были попросту не нужны ни архангельским, ни иногородним купцам²⁰.

А 20 лет спустя один из историков с горечью отмечал: “В настоящее время все бывшие в Архангельске верфи, стоявшие на Быку и на Маймаксе, пришли в конечное запустение, и на местах их виднеются одни лишь бранные остатки прежней, некогда славной тут деятельности: тлеющие фундаменты корабельных мастерских и эллингов, и груды щепы и брусяного леса, – так проходит земная слава!”²¹.

Причины упадка этой отрасли, очевидно, были более глубокими. В связи с изменившейся международной конъюнктурой резко упал спрос на корабли и со стороны зарубежных купцов, продажа их иностранцам прекратилась. Кроме того, на смену старому парусному деревянному флоту постепенно приходили более совершенные металлические корабли с механическими двигателями. И в этих условиях корабли старой конструкции потеряли свое значение.

* * *

Развитие судостроения вызвало к жизни ряд сопутствующих ему отраслей хозяйства: лесопиление, производство канатов и якорей, смолокурение и пековарение.

Историки уделили немало внимания созданию на Севере первой в России лесопильной мельницы, основанной братьями Бажениными в родовой вотчине в деревне Вавчуге, на речке того же названия, впадающей в Северную Двину в 13 верстах от Холмогор. Судя по документам, это заведение было создано “с немецкого образца”, однако “без заморских людей, собой”. “Немецкий” в данном случае, очевидно, надо понимать в его старом московском смысле, т.е. “европейский”.

Важно подчеркнуть, что лесопилением на Севере издавна пытались заняться голландцы, которые добивались позволения приезжать в Московское государство и “на Двине-реке и у Архангельского города самим лес рубить и у русских людей покупать лес большой, дубовый и сосновый, корабли из него делать у Архангельска, а другой лес возить к себе за море”²².

Но ни русские торговцы, ни иностранцы не сумели заняться в тот период лесопильным производством. Честь зачинателей его выпала на долю купцов Бажениных.

Баженинские пильные мельницы представляли собой сложное по тем временам техническое сооружение. На них имелись две рамы с пилами. Они были оборудованы подъемными приспособлениями, семисаженными санями с железными полозьями для распиловки бревен на доски, ворот для подъема древесины и многое другое. По описанию мельницы, в 1724 году на ней было 8 наемных рабочих.

Важным толчком для расширения начатого дела сыграло посещение Вавчуги Петром I в 1693 и 1694 гг. Петр I даровал предприимчивым братьям ряд льгот, в частности разрешил вырубать ежегодно до 4000 годных для кораблестроения деревьев. По приблизительным подсчетам, каждая из двух рам была способна распилить за год до 1500 бревен. Это были весьма высокие результаты в сравнении с вытесыванием досок топорами или при ручной распиловке²³.

Пильные мельницы возникли при верфях Н. Крылова. В 1728 году в Двинском уезде действовали две казенные «пильные мельницы». Одна из них, как сообщалось в отчете губернской канцелярии, была сооружена в 1721 году на окраине города на Бору вместо «обветшалой Моссевской мельницы, что располагалась на острове». (Это сооружение было построено в свое время иноземцем Артманом). Второе подобное казенное предприятие – водяная мельница располагалась, по сведениям того же источника, в 12 верстах от Архангельска на реке Ширше²⁴.

На нужды судостроения работали многие заводы самого Архангельска. С этой точки зрения представляют интерес общие сведения о промышленных заведениях года, численности работающих на них и размерах капиталов. В 1807 году, т.е. в начале XIX века, на заводах города в среднем работало от 187 до 272 человек, производивших продукции на 257 625 рублей²⁵.

Дадим сведения о некоторых заведениях в таблице:

Завод	Количество	Число рабочих	Годовая производительность (в рублях)
Сахарный	1	20-40	143 855
Канатные	5	30-45	45 550
Пековаренные	6	5-9	16 995
Прядиленные	7	34-66	13 825
Салотопные	5	3	В бездействии
Солодовенные	3	9	6 170
Кожевенные	5	13	4 270
Кузницы	19	19	н.с.
Красильные	6	8	20 000
Кирпичные	3	7-10	950
Глиняной посуды	6	13	н.с.

Как видно из таблицы, почти все заводы представляли собой мелкие мастерские, на каждом из них работало от 1-2 до 9 человек. Исключение составлял сахарный завод, где трудилось до 40 работников. Значительная часть заводов – около 30 – была связана с выработкой продукции для судостроения. К ним относились 5 канатных, 6 пековаренных, 7 прядиленных заводов и часть кузниц. За пределами нашей таблицы остались две лесопильных и 3 мукомольных мельницы, находившихся за чертой города. Лесопилки располагались, как правило, возле судоверфей.

Общее оживление торгово-промышленной жизни в начале века вызвало увеличение числа различных заведений. По данным военного губернатора, уже к 1816 году число сахарных заводов выросло с 1 до 6, кирпичных с 3 до 8, появилось 6 кожевенных заводов, 4 пивоваренных, 2 мыловаренных и т.д.²⁶

* * *

Особое значение для судостроения того времени имело канатное производство. Витые веревки, по мнению исследователей, издавна было исконным народным промыслом на Севере. Но делать канаты русские люди научились у англичан. Это случилось во второй половине XVI века, когда в Холмогорах был основан канатный завод. 7 мастеров в течение года перерабатывали на нем более 90 000 фунтов пеньки, ибо провоз сырой пеньки обходился дорого.

Уже в начале XVII века в Архангельске купцы П. Сорокин и Г. Бусин имели “канатный станок”, который сгорел в 1618 году.

Крупный казенный канатный завод в Архангельске был создан под руководством Е.Е. Избранта на рубеже XVII и XVIII веков. По данным П. Кротова, это было солидное сооружение, включавшее 4 постройки: огромный сарай длиной до 390 м., амбар – склад длиной 13 м., а также бани для сушки канатов и специальное помещение с медным котлом для смоления готовой продукции²⁷.

Этот завод, очевидно, являлся в тот период одним из самых крупных в России. Достаточно сказать, что он занимал территорию, расположенную напротив Соломбальской судоверфи, равную примерно 10 гектарам. На нем трудилось, включая мастеров и приказчика, около 100 человек. Любопытно, что завод по наказу Ф.М. Апраксина был передан в декабре 1706 года в частное владение Из-

бранта с повелением снабжать корабельное строение веревками и канатами “по той цене, по чему ему... станут”. В 1711 году, после смерти Избранта, завод был возвращен обратно в казну²⁸.

По условиям того времени, для работы одного прядильного колеса нужно было от 4 до 8 рабочих. Опыт казенного архангельского завода подтверждает это: на нем было 8 колес. Следовательно, все остальные имели по одному колесу. Не исключено, что прядиленные и канатные заводы работали в тесном контакте, т.е. прядиленные обеспечивали канатные заводы необходимым сырьем.

Крупные канатные заводы имели купец А. Голубин (под его началом трудилось до 50 человек), вдова купца Костогорова и др. На таких заводах производился ряд сложных операций: прядение льна, изготовление веревок и канатов, их смоление и сушка. На территории завода обычно размещались амбары для чески и прядения пеньки, для выделки веревок и канатов, для их хранения, пековарни и специальные пековые сараи, где смолили продукцию.

Число канатных заводов в 70-е годы XVIII века увеличилось в Архангельске с 7 до 12²⁹.

В одном из отчетов губернского магистрата отмечено, что купец Голубин на заводе его покойного тестя Ивана Татаурова изготовил и продал “за море” канатов и веревок 1720 пудов по цене 1308 рублей, вдова купца Ивана Костогорова – 2225 пудов на 2575 руб. Купцы Андрей Стукачев, Михаил Плотников, Иван Карпов и вдова Ф. Лебедева реализовали свою продукцию – веревки для звериных промыслов – общим весом 843 пуда на сумму 1150 рублей³⁰.

Очевидно, кроме архангельских заводов, изготавливавших продукцию для верфей и на экспорт, подобные предприятия имелись и в уездах губернии. Известен указ Петра I о разрешении “канатным прядильщикам на их заводы в Двинском и в Мезенском уездах смолы курить по 200 бочек, или сколько им в год на те заводы понадобится, своими работными людьми”³¹. Сведения о существовании этих заводов пока не введены в научный оборот.

* * *

Особую группу архангельских предпринимателей составляли судовладельцы. Деятельность владельцев крупных и даже мелких морских судов носила ярко выраженный товарный характер. Для отправки товаров за границу, на рыбный или звериный промысел, помимо кораблей, необходимо было иметь орудия лова, нанимать команды, расплачиваться с ними и реализовывать продукцию.

В 1775 году во владении архангелогородцев насчитывалось 58 кораблей, в том числе 8 гукаров грузоподъемностью от 25 до 70 ластов, 7 галиотов – от 40 до 60 ластов и более мелкие суда³². Десять лет спустя 46 судовладельцев владели уже 99 кораблями разных размеров и назначения. Небольшая группа купцов (А. Менсендейк и А. Стукачев) отправляли свои корабли с грузом за море. Остальные использовали их для проведения звериных промыслов, рыбной ловли, подвозки товаров для догрузки иностранных кораблей на Бар, для доставки богомольцев к Соловецкому монастырю и т. д.

Поименная ведомость на 1785 год содержит сведения о том, что купец Иван Ершов имел два морских судна, Алексей Свешников – четыре. По одному судну для ловли рыбы или местных перевозок имели Петр Шмаков, С. Болотный, А. Латышев, а купеческая вдова Голубина – 9 морских судов и одну кочмару³³.

XIX век Архангельск встречал, имея на своей территории, не считая морских судов, 80 заводов. Среди них три судоверфи, 12 канатных заведений, 8 пековарен и смольных печей, 10 кожевенных изб и 8 пивоварен. Абсолютное боль-

шинство из них – 69 заведений – принадлежали купцам и лишь 11 – ремесленникам города.

По подсчетам У.М. Поляковой, основная производственная прослойка города составляла 812 человек, или 80% от 1023 семейств, учтенных в обывательской книге 1786-1788 гг. Состав этой категории населения по ее имущественным признакам делился следующим образом³⁴:

Группы населения	Количество	%
Крупные торговцы-предприниматели (купцы I и II гильдий)	59	7
Средние и мелкие торговцы и производители товаров (купцы III гильдии и посадские с капиталами от 100 до 400 руб.).	179	22
Средние и мелкие предприниматели (купцы III гильдии и посадские с капиталами от 100 до 400 руб.).	99	12
Мелкие цеховые ремесленники и наемные работники	475	59
В том числе с капиталами от 20 до 50 руб.	(280)	(34)
Итого	812	100

Учтенная группа торгово-промышленного населения Архангельска четко делится на несколько прослоек. Крупное купечество составляло лишь 7% от общего ее числа, а вся торговая прослойка – 20% учтенного городского населения: 201 семья из 1023³⁵.

Значительную часть населения города составляли наемные работники (361 человек). Наиболее крупными группами среди них являлись, по наименованию того времени, прядильщики, мореходцы, торговые приказчики, а также горожане, занимавшиеся “черными работами” и находившиеся “в услужении” у городских жителей.

Основное пополнение наемных работников Архангельска происходило за счет крестьян. Среди прядильщиков они составляли до 60%, а среди мореходцев, работавших по найму, до 45%.

Развитие Архангельска в последней трети XVIII века характеризовалось притоком в него крестьянства. За 60-70 гг. в число посадских было зачислено почти 400 человек. Неудивительно поэтому, что недавние жители деревни существенно пополнили все основные категории торгово-промышленного сословия города. Среди владельцев заводов они составили около 40%, цеховых ремесленников – 45%, наемных работников – 32% и четверть всех торговцев³⁶.

Это был период, когда бывшие крестьяне сравнительно быстро создавали крупные купеческие состояния.

Ярким примером явилась судьба уже упомянутого выше крестьянина пригородной Заостровской волости Алексея Попова. Он вступил в посад в 1774 году и стал купцом 2-й гильдии.

Практическая деятельность этого смекалистого помора носила разносторонний характер. Он начал дело с торговли продукцией местных крестьянских промыслов: закупал и продавал говяжье и ворванное сало. Затем, расширяя объемы сделок, он переключился на торговлю хлебом, рогожами, смолой и пенькой. Подключив к делу подростшего сына Василия, купец создал фирму “Алексей Попов и сын”.

Уже в первой четверти XIX века фирма имела в своем распоряжении 26 кораблей, четыре завода: два сахарных, канатный, кирпичный, якорный и завод для обработки сукна. Сахарные заводы были довольно внушительными сооружениями. Трехэтажное здание одного из них имело размеры 16 на 7 сажень, т.е. примерно 33 на 14 метров. В его собственности имелось также несколько жилых домов с большими участками земли, 12 льяных и 22 амбара для пеньки-³⁷

В это же время успешно продолжали свою деятельность потомки знаменитых холмогорцев Бажениных. По данным обывательской книги за 1786 год, 56-летний Иван Никифорович Баженин имел в Архангельске наследственный дом, 11 лавок и амбаров. Ему принадлежала родовая деревня Вавчуга, возле которой располагались корабельная верфь, водяные мельницы, кузницы, многочисленные сараи, фабрика парусных полотен. Он владел также домами в Товре и Уемской волости, пахотными и сенокосными землями. Правда, Баженин, будучи занят на городской службе (10 лет он исполнял обязанности городского головы) и постоянно проживая в Архангельске, сдавал свою верфь по договору в аренду купцам Ивану и Якову Лыжиным, на дочери одного из которых был женат Степан Баженин.

Широкой известностью в Архангельске пользовалась купеческая семья Стукачевых. Основателю династии Андрею Ивановичу в 1786 году исполнилось уже 79 лет. Купцом первой гильдии стал его сын Матвей. Это были весьма состоятельные предприниматели. Они имели два дома в городе, один дом в деревне Мечке, возле которой располагались принадлежавшие им лесопильная и мукомольная мельницы, кузница для выковки якорей. Они были также собственниками 4 морских кораблей, один из которых ходил с грузами в заморские государства, остальные – на звериный промысел. Стукачевы имели в Архангельске 3 лавки.

Потомственным купцом являлся 40-летний Алексей Николаевич Свешников. Он имел собственную корабельную верфь (бывшую Фразеровскую), соляные заводы в Ненокском усолье, несколько кораблей, которые отправлял в Голландию и Англию с собственными грузами и на звериные промыслы. Корабли сдавал иногда во фрахт заинтересованным купцам. Был женат на дочери купца Д. Баженина.

Можно привести и другие примеры, показывающие состоятельность многих архангельских купцов. У всех богатых предпринимателей в конце XVIII века было нечто общее. Все они, как правило, вели оптовый торг. В то же время почти все они владели заводами или верфями и торговали с западными странами, т.е. были своего рода универсалами.

Характерно, что именно эти, уже не раз упомянутые выше купцы, были удостоены почетного звания именитых граждан. Среди 13 архангелогородцев, удостоенных этой чести, почти все были предпринимателями, проявившими себя в период промышленного оживления жизни города. Среди них: К.А. Амосов, С.П. Крылов, И.Н. Баженин, Г.А. Ласкин, А.Т. Менсендейк, А.И. и В.А. Поповы, А.Н. Свешников, М.А. Стукачев, А.И. Фомин.

Кстати заметим, что само звание именитых людей, введенное Жалованной грамотой городам 1785 года, действовало сравнительно короткий срок и было упразднено в 1832 году. По мнению исследователей, это произошло потому, что оно предполагало объединение разнородных групп³⁸.

Называться именитыми имели право: лица, дважды избравшиеся в высшие городские сословные должности, ученые, художники, капиталисты с капиталом более 50 000 руб., банкиры с капиталом от 100 до 200 тыс. руб., а также оптовые торговцы и судовладельцы, “отправляющие свои корабли за море”³⁹.

Назначение звания состояло в том, чтобы выделить богатую часть горожан, для которых, при условии сохранения этого звания в третьем поколении, открывался путь в дворянство. Но неоправданность этой меры было вынуждено вскоре признать и правительство: в 1807 году правительство отменило звание именитых для купцов. Поэтому никто из архангелогородцев – именитых граждан не воспользовался главной законодательной привилегией, т.е. не обрел дворянства. Более того, роды Бажениных, Крыловых, Свешниковых, Стукачевых, Фоминых, холостяка Менсендейка вскоре или пресеклись, или прекратили свою предпринимательскую деятельность. А Я.С. Шунгин уже в 1800 году разорился и перешел в мещанское сословие.

... Конец XVIII – начало XIX вв. было временем, когда купец или промышленник, имея в виду, прежде всего быстрое извлечение прибыли, совершал операции в самых разных сферах. Коммерческая сторона дела во всех видах деятельности была аналогичной, так что способный предприниматель мог управлять любым делом. Правда, постепенно усложнявшаяся сфера деятельности предпринимателей вынуждала их менять управление своим разрастающимся хозяйством. Этим и было вызвано появление таких форм использования своей собственности, как отдача в аренду верфей и кораблей.

* * *

...После краткого взлета торгово-промышленной жизни Архангельска к середине XIX века активность ее серьезно уменьшилась.

Общее состояние фабрично-заводского производства в 1841 году характеризовалось такими данными⁴⁰:

Фабрики и заводы	Число заведений	Произ.-во товаров (в руб.)	Число рабочих
Бумажные	1	2 970	7
Канатные и прядильные	7	34 299	87
Сахарные	1	119 585	45
Кожевенные	11	17 796	32
Замшевые	1	500	4
Салотопни	5	4 860	14
Пековаренные и дегтярные	12	31 555	29
Коптильные	2	186	2
Красильные	4	710	5
Кирпичные	4	1 843	36
Саженные	1	30	1
Пивоваренные	1	6 955	10
Размол костей	1	360	3
Лесопильные	2	33 453	106
Итого	53	255 105	381

Нетрудно заметить, что наиболее крупными во всей губернии были три завода: сахарный и два лесопильных, на которых работало в среднем от 45 до 53 человек. Они давали значительно больше половины всей продукции, производимой в губернии. Продукция первого реализовывалась в основном на Севере, частично вывозилась на ярмарки в другие города. На всех остальных заводах и

фабриках трудилось в среднем от одного до 12 человек. В основе их деятельности лежал ручной труд.

Оценивая ситуацию с развитием ремесел и промышленности в губернии, губернатор П. Степанов в своем послании за 1841 год отметил, что она “развита еще весьма мало. Причина незначительности ее заключается в том, что жители губернии достаточно обеспечены в содержании своим временными занятиями и промыслами... Многие горожане служат у купцов приказчиками, занимаются браковкой товаров, погрузкой и разгрузкой. Выручкой, полученной во время сезона, они обеспечивают себя на целый год”⁴¹.

Анализ не блещет глубиной выводов и не отражает всей сложности положения, и даже широты понимания губернатором важности проблем развития северной промышленности. Свообразными являлись и идеи губернатора о перспективах ее развития. В отчете, в частности, выдвигалось предложение о сооружении в Холмогорском уезде поташного и стеклянного заводов и о вывозе леса из Мезенского уезда за границу, так как он “остаётся без всякого употребления”. При этом руководитель губернии считал необходимым дать частным лицам, которые захотят заняться этими делами, максимум льгот, а еще лучше – “принять издержки на сооружение заводов за счет казны”⁴².

А следующий архангельский губернатор маркиз А.И. де-Траверсе, наоборот, высказался против государственной поддержки экономического развития Севера, посчитав, что следует “вообще развитие в северном крае промышленности оставить в настоящем положении, предоставляя лишь местным жителям способности улучшать и распространять их промышленность”⁴³. Тут, как говорится, не прибавить, ни убавить. Губернатор, чуждый интересам неизвестного ему края, не видел никаких перспектив его развития.

Целый комплекс причин привел к тому, что ситуация в экономической жизни города почти не изменялась. В 1862 году, т.е. 20 лет спустя, в Архангельске насчитывалось лишь 21 предприятие, на которых трудились 177 рабочих. Только два из них по статистике той поры считались “машинными”: водочный и один из пяти канатных заводов. Ни одно промышленное заведение не имело в своем составе более 20 человек. На сахарном заводе, например, осталось всего 13 рабочих, на пивоваренном 7 и т.д.⁴⁴.

* * *

Несколько иначе обстояло дело со строительством речных и морских судов в Поморье и приречных селениях губернии.

В 1860 году в губернии было выстроено 1427 различных видов морских и речных средств передвижения, в том числе 16 шхун, 35 лодей, 28 раншин, 39 шняк, 822 карбаса и 472 лодьи⁴⁵.

Если в 1850 году насчитывалось 756 кораблей, шхун, лодей и других судов, то к 1859 году их численность увеличилась до 1 294. В течение 10 лет количество судов и их тоннаж возросли почти вдвое, а число новоманерных шхун утроилось. Кроме этого, жители губернии владели в тот момент большим числом различных речных мелких судов. В 1861 году им принадлежало 11 268 речных судов. Число их, несмотря на значительные потери, практически не уменьшалось. За время с 1852 по 1861 гг. в среднем за год строилось около 1278 различного типа речных судов⁴⁶.

Вдвое – с 5912 до 11 846 – возросло за это время и число работников по найму у владельцев судов.

Поддержание на необходимом уровне количества различных судов являлось жизненной необходимостью для поморских жителей губернии. В 1861 году

почти 21 тысяча из них, или каждый седьмой взрослый человек, участвовал в зверином и рыбным промыслах, среди них – 2892 судохозяина⁴⁷.

Начиная с марта, жители Поморья отправлялись в становища, где занимались этим сложным и рискованным делом. После вскрытия Двины многие из них с рыбой отправлялись в Архангельск. Особенно много поморских судов скапливалось ко времени открытия Маргаритинской ярмарки. Ежегодно летом сюда приходило более 600 различных судов. Более 100 из них, как правило, побывали к тому моменту в Норвегии. Поморы отвозили в Варде, Тромсе и другие города хлеб, пеньку, крупу и другие товары, выменивали на них соль, треску, сайду. Часть из товаров, приобретенных за границей, они продавали в Архангельске, а остальные увозили домой, а на ярмарке запасались мукой и другими припасами с таким расчетом, чтобы их хватило на год.

Но в целом общее состояние фабрично-заводской промышленности в Архангельске и во всей губернии почти не изменилось вплоть до начала 80-х годов. В 60-е годы исчез последний сахарный завод, который поддерживал долгое время купец Брандт. В начале 1861 года (с учетом Архангельского уезда) действовало четыре лесопилки, на которых работали свыше 270 рабочих. Они принадлежали купцам Брандту, Фонтейнесу и Шольцу. На них распиливалось ежегодно до 75 000 бревен для отправки за границу. А в остальном все оставалось без перемен.

* * *

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ КУПЕЧЕСКОЙ БУМАЖНОЙ ФАБРИКИ

Переход бывших купцов-торговцев к созданию собственных промышленных заведений – заводов и фабрик являлось сложным и для многих из них не всегда удачно складывавшимся процессом. Очевидно, для промышленного предпринимательства требовались несколько иные деловые качества, чем для ведения торговых операций.

Оборачиваемость капитала в этой сфере происходила значительно медленнее, чем в торговых делах. К тому же требовался быстрый учет всех новинок, применявшихся конкурентами, чтобы держаться “на плаву”, не отставать от конкурентов.

Поэтому в конце обзора некоторых особенностей экономического развития города и всей губернии, а также деятельности отдельных предпринимателей того времени, хочу особо выделить, говоря современным языком, судьбу промышленного комплекса на реке Мечке, т.е. примерно в тех местах, где ныне действует акционерное общество Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат⁴⁸.

* * *

Примерно за полвека существования этого комплекса четко проявились три особенности деятельности архангельского купечества. Это, *во-первых*, проявление инициативы, поиск новых, необходимых для губернии видов производств; *во-вторых*, в то же время предприимчивые люди не всегда поспевали вовремя применить более эффективные методы работы и, *в-третьих*, энергичное вмешательство в частное предпринимательство (особенно в случае неудачного ведения хозяйства) органов государственной власти.

Длительное время, начиная с XVIII века, здесь, почти в 30 километрах от города, успешно вели свое дело известные архангельские купцы Стукачевы. Они имели на реке Мечке лесозавод, мукомольную мельницу и кузницу для выковки якорей. Однако в начале XIX века вследствие ряда причин купцы ликвидировали свое хозяйство.

В 1815 году землю, некогда принадлежавшую Стукачевым, выкупил архангельский купец 3-й гильдии, выходец из Кегостровской волости Архангельской округи Иван Яковлевич Демидов.

46-летний купец вел в то время значительную торговлю в Архангельске, имел в центре города большой каменный дом, был известным человеком: более 12 лет служил бургомистром в городском магистрате, исполнял обязанности городского старосты и пристава. Одним словом, он разбогател и обрел общественный вес.

Демидов решил заняться новым в городе делом – соорудить бумажную фабрику. Убеждая в необходимости этого шага губернатора Андрея Перфильева, он ссылаясь на то, что во всей губернии нет ни единой бумажной фабрики, и что бумагу в Архангельск завозят из-за границы и из Вологды. Купец был убежден в том, что можно “получать выгоды от продажи сего изделия”⁴⁹. 8 июня 1816 года архангельский губернатор предложил губернскому правлению всячески “благоволить” постройке бумажной фабрики и никаких препятствий ему в этом деле не чинить⁵⁰.

21 июня 1816 года Иван Демидов получил разрешение на постройку бумажной фабрики. Как видно из документов, дело о разрешении нового сооружения решалось очень быстро.

Что же представляла собой бумажная фабрика той далекой поры, какова была технология получения крайне дефицитного по тому времени продукта – бумаги?

Иван Яковлевич проявил на первых порах завидную изворотливость. Фабрика, сооруженная за короткие сроки, занимала до двух десятин земли. На этой территории размещались деревянные одноэтажные сооружения общей длиной более 12 саженей. В их состав входили три флигеля, два амбара для сушки и хранения бумаги. Внутри основного “цеха” стояли три котла для варки сандала и клея, четыре чана для производства массы.

К моменту пуска в строй на фабрике работали 17 человек, в основном бывшие крестьяне. В их числе был один мастер и 4 подмастерья.

В течение примерно 45 лет (с 1820 по 1865 гг.) это, единственное в своем роде, купеческое детище губернии снабжало своей продукцией различные конторы, сахарные заводы и учебные заведения губернии, вывозилось на торги в другие регионы.

Сырьем для приготовления бумаги, как и на всех фабриках той поры, являлось тряпье, которое собиралось в основном в Архангельске и его окрестностях. Клей, необходимый для производственного процесса, варился непосредственно на фабрике из обрезков кожи и оленьих рогов. Сандал для окраски бумаги закупали за границей. Для отбеливания массы, а также для удаления из нее грязи и жира использовались квасцы и известь.

Тряпичная масса тщательно разбиралась, варилась в воде с известью, затем измельчалась, опять варилась и так до той поры, пока не получалась однородная масса. Эта масса попадала далее в руки черпальщиков, которые брали ее определенной формой, равномерно распределяя по сетке. При помощи кусков сукна и пресса, в конце концов, получали прочные листы бумаги, которые пропитывали клеем, вновь сушили и прессовали.

Учетной единицей выпуска продукции служила стопа – 480 листов, которая в свою очередь, делилась на дести, содержавшие по 24 листа каждая. В 1824 году на фабрике Демидова было выработано 1450 стоп писчей и 450 синей, оберточной, сахарной и чайной бумаги. Бумага продавалась в специальном магазине в Архангельске, ее приобретали владельцы сахарных архангельских заводов.

Успешная работа бумажной фабрики вдохновила купца на строительство на той же речке двух лесопильных заводов и двух мукомольных мельниц. Лесопилением занимались один мастер и до 25 человек рабочих. Общая стоимость всего имущества и оборудования определялась к 1834 году в солидную сумму – 44 тыс. рублей⁵¹.

Механизмы всех трех производств приводились в действие водой. Вода крутила барабаны с ножами, рубившими тряпье, вращала жернова для размола зерна и помогала распиливать сосновый лес длиной около трех сажень, толщиной 8 вершков.

* * *

Как же сложилась судьба первой в губернии бумажной фабрики?

Во-первых, деятельность этого заведения продолжалась довольно значительный срок – около 45 лет. На нем производилось ежегодно около двух тысяч стоп различных видов бумаги. В 1824 году, например, на фабрике Демидова было изготовлено 1450 стоп писчей и 450 синей, оберточной, сахарной и чайной бумаги. Это означало, что здесь вырабатывалось ее до миллиона листов. Некоторое время спустя после пуска в строй фабрики Иван Демидов стал купцом 2-й гильдии с объявленным капиталом 20 000 рублей.

Во-вторых, фабрика на первых порах приносила некоторую прибыль ее владельцам. В течение 1851 года один из ее владельцев, купец В. Брандт получил доход от продажи бумаги около 12 тысяч рублей – немалый по тем временам капитал.

В-третьих, постепенно в районе реки Мечки сложился весьма внушительный промышленный комплекс. Помимо бумажной фабрики в его состав входили сооруженные на этой же территории, мукомольная мельница и два лесопильных завода, на которых было занято значительное количество северных крестьян. Только на бумажной фабрике работал мастер и до 20-25 человек вольнонаемных чернорабочих.

В-четвертых, нельзя не отметить, что выработка бумаги производилась крайне примитивным ручным трудом, без применения каких-либо машин. В ежегодных отчетах всех владельцев предприятия единодушно отмечалось, что “на фабрике никаких улучшений и изобретений сделано не было”. Единственным средством приведения механизмов в действие являлась сила воды, при помощи которой вращались барабаны для измельчения тряпичной массы, а также действовали пилы на лесопильных заводах. И так продолжалось в течение всего периода существования фабрики.

В-пятых, первой бумажной фабрике на Севере не повезло: она несколько раз меняла своих хозяев. Ее создатель Иван Демидов умер в 1833 году. Все его разросшееся к тому времени солидное хозяйство на реке Мечке: два лесопильных завода, мукомольня с двумя мельницами и бумажная фабрика перешли в вечное владение наследнику Демидова – его 23-летнему сыну Афанасию Ивановичу.

Новый хозяин имел большие планы. Свидетельством этого является водяной знак фабрики, который мы воспроизводим в нашей книге. На знаке сохранилась надпись: “Архангельского купца Афанасья Ивановича Демидова бумажная фабрика”, а также гербы России города Архангельска, вензель с инициалами купца “АД” и другими атрибутами.

Однако деятельность Афанасия Ивановича была краткосрочной: она продолжалась менее четырех лет. В 1837 году купец умер в возрасте 26 лет. После его кончины на наследниках остался крупный долг городской казне.

Наследникам Афанасия Ивановича, а ими оказались женщины (мать, жена купца и его сестры), пришлось заложить всю принадлежавшую семье недвижимость: строения на Мечке, каменный дом в центре города и флигель в Соломбальской гавани.

После этого фабрика перешла в руки родственника Демидовых, известного архангельского торговца и судовладельца Степана Попова, приобретшего право использовать ее до окончания арендного срока – до 15 ноября 1845 года.

После наступления этого срока все предприятия на Мечке на 15 лет взял в аренду могущественный предприниматель того времени Вильгельм Брандт. Его ежегодные отчеты о работе бумажной фабрики содержат по сути дела те же сведения, какими они были и при основателе фабрики.

“На фабрике, – гласил один из них, – особых машин не имеется, выработка бумаги производится посредством устроенного в одной механизма, приводящего в действие водою... Улучшений на фабрике произведено не было и особых изобретений не сделано. Фабрика размещается в одном деревянном строении. Число чанов для выпуска материи и черпания бумаги оставалось также прежним – четыре”. И, тем не менее, как уже отмечалось выше, Брандт получал доход от фабрики: в 1851 году он составил 11600 рублей.

В 1861 году новым владельцем фабрики стал архангельский купец Александр Чертов. Это был достаточно состоятельный человек, выходец из Емецкой волости. Он имел в центре города два каменных дома, вел торговлю, занимался частными и казенными подрядами. Чертов заключил с Архангельской палатой госимуществ контракт на владение всеми заведениями сроком на 12 лет на условиях ежегодного платежа в пользу казны 2032 рубля.

Согласно описи, составленной палатой госимущества, при заключении контракта 1 января 1861 года, в состав имущества входили два лесозавода, две мукомольных мельницы, бумажная фабрика, а также амбары, дома, флигели, кузница, баня, конюшня и ряд других строений⁵².

Однако купец оказался не в состоянии справиться со сложным и новым для него хозяйством. Ряд причин способствовал тому, что предприятия Чертова, в особенности лесопильные заводы, оказались неконкурентоспособными. Дело в том, что Архангельские лесопромышленники в то время сооружали лесозаводы, оснащенные паровыми котлами, т.е. использовали самые передовые методы обработки древесины. Мечкинские же заведения действовали по старинке: приводились в действие силой воды, которой из-за мелководья реки не доставало для нормальной работы. И они не могли конкурировать с новыми предпринимателями лесопильного дела.

К тому же мечкинские заводы требовали больших накладных расходов. Владельцам сложного хозяйства приходилось содержать каскад плотин. Четыре речных заграждения, шириной от 15 до 26 саженей требовали тщательного ухода и больших дополнительных издержек, значительного числа рабочих. Недостаток воды позволял распиливать в течение года не более 10 000 бревен. К тому же крайне неудобным был подвоз, как древесины, так и тряпичного сырья. Дорого обходилась и транспортировка готовой продукции в Архангельск, отстоявший от реки Мечки на расстоянии около 30 верст⁵³.

Все это привело к тому, что Александр Чертов обратился в палату государственных имуществ освободить его от содержания Мечкинских заводов. В августе 1865 года все заводы были остановлены. Однако отрешиться полностью от владения имуществом было не так-то просто. Начался длительный процесс описи всего имущества, составления акта и поиска желающих взять его в арендное пользование.

Архангельская губернская палата приняла, в конце концов, решение продать все недвижимое имущество. Трижды в течение 1866 года в газетах Архангельской, Вологодской, Костромской и Олонецкой губерний помещались пространные объявления о продаже имущества мечкинских заводов или отдачи их на содержание.

Но все было тщетно – деловых людей, пожелавших совершить эти действия, не нашлось ни на одной территории.

Перечислив упомянутые выше особенности заводов, Архангельская палата госимуществ сообщала в лесной департамент, что она не находит “способов продать заводы и строения с землей в частную собственность... ибо нельзя надеяться, чтобы здешние лесопромышленники, имея свои собственные и совершенно новые паровые заводы, пожелали взять в оброчное содержание Мечкинские лесопильные заводы”⁵⁴.

А тем временем, купец Александр Чертов, содержатель этого хозяйства, умер, оставив наследникам огромный долг на сумму свыше 14 тысяч рублей. В погашение долга жене Чертова пришлось продать два каменных дома и другое имущество.

В течение этих лет власти были вынуждены неоднократно производить переоценку мечкинского имущества. В 1866 году, например, цена ее составляла 7769, а через три года уже 2967, а без земли всего – 1777 рублей. В конце концов, власти приняли решение продать всю недвижимость “с землей или на снос, все вместе взятое или же по частям”.

Обосновывая необходимость подобного шага, управление государственных имуществ Архангельской губернии объясняло, что торги не имели успеха “по причине дурного устройства и невыгодного местоположения означенных заводов”. Указывая, что дальнейшее оставление этого имущества в ведении казны принесет ей одни неоправданные издержки, оно просило разрешения на продажу имущества “со всеми строениями... на снос, без земли в полном составе или по частям, не стесняясь оценкой, за возможную выгодную для казны цену”.

Вопрос о продаже всего имущества бывших заводов на снос решался на высшем уровне, т.е. для этого требовалось согласие царя. Директор лесного департамента министерства государственных имуществ с неким облегчением сообщил 3 апреля 1869 года управлению государственных имуществ Архангельской губернии: “Я имел счастье всеподданнейшим докладом испрашивать Высочайшего его Императорского Величества разрешения на продажу Мечкинских лесопильных заводов со всеми строениями, хозяйственным оборудованием на снос, без земли в полном составе или по частям, не стесняясь оценкой... В 31 день марта с.г. и последовало высочайшее соизволение. Предлагаю принять это к надлежащему исполнению и о результатах продажи своевременно доносить”.

Между тем, общая цена всех строений к этому времени упала до 2892, а на снос без плотин – всего до 1702 рублей.

В ответ на новое предложение дружно откликнулись крестьяне окрестных деревень: Мечки, Ширши, Чевакинской, Горки и ряда других. По сути дела все имущество пошло, как говорится “с молотка”, за гроши. Достаточно отметить, что Яков Пестов купил сарай за 30... копеек, а большое строение для рубки тряпок за полтора рубля. Две лесопильные рамы ушли всего за 27, а мукомольная мельница – за три рубля. Последним, уже в январе 1871 года, был снесен и увезен в деревню сушильный сарай бумажной фабрики. Общая выручка от подобной реализации бывшего комплекса составила всего 501 рубль. С того времени пространство общей площадью в 6 десятин 1266 саженой было вновь причислено в число Княжеостровской земельной площади⁵⁵.

Такова вкратце во многом поучительная история Мечкинской бумажной фабрики – этого своеобразного предшественника целлюлозно-бумажных комбинатов нашей области.

Тем не менее, опыт сооружения и работы первой бумажной фабрики не пропал даром. В июне 1864 года купец 2-й гильдии Иван Иванович Гернет обратился с письмом на имя императора Александра II, в котором он писал: «Состоя уполномоченным Беломорской компании, желаю устроить с ее согласия, на ее земле, находящейся в Архангельском уезде по реке Маймаксе, собственный свой бумажный паровой завод для выделки преимущественно бумажного толя и бумажных войлоков». Он просил «учинить» распоряжение о дозволении «устроить таковой завод»⁵⁶.

Губернское правление быстро прислало купцу ответ, в котором заявило: «никаких препятствий для сооружения завода оно не имеет». Правда, тем временем Гернет изменил решение. Значительную часть своего капитала он вложил в лесопиление, соорудив вместе с крестьянином Петром Амосовым лесозавод в Соломбале.

Несколько позднее подобный объект пытался построить в Архангельске или на территории нынешнего Плесецкого района купец первой гильдии А.Ю Сурков, но вследствие ряда причин он не смог претворить в жизнь свой план.

Идею о строительстве целлюлозно-бумажного предприятия вынашивал уже в XX веке владелец Цигломенского лесозавода Андрей Чудинов. Но окончательно этот замысел на территории бывшей Архангельской губернии удалось реализовать значительно позже, лишь в годы Советской власти. Она нашла свое воплощение в сооружении сначала Соломбальского, а затем Архангельского и Котласского целлюлозно-бумажных комбинатов.

Купцы и промышленность

¹Обзор Архангельской губернии 1885. Архангельск, 1886. С.8.

²Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е. Андреевского. СПб., 1890. Т.III. С. 214.

³АГВ. – 1887. – № 19, 7 марта.

⁴ Там же.

⁵Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг.: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 13.

⁶См Булатов В.Н. Указ. соч. Кн. 2. С.48-66.

⁷Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России...С. 275.

⁸Трофимов П.М. Указ. соч. С. 73.

⁹Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб, 1886. С. 98.

¹⁰Там же.

¹¹ПСЗ. Т. IV. № 1749.

¹²См. Архангельск 1584 –1984: Фрагменты истории. Архангельск, 1984. С.59.

¹³Пузырев В.П. Паруса над Студеным морем. М., 1993. С.36.

¹⁴Пузырев В.П. В период наполеоновских войн // Соломбальская верфь. Архангельск, 1993. С. 32-33.

¹⁵АГВ. 1853. 11 апр.

¹⁶Там же. 1853. 11 апр.; 1876. 21 апр. С. 4–5.

¹⁷ГААО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 63. Л. 1-17.

¹⁸АГВ. 1853. 15 авг.

¹⁹ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 23. Л.18 об.

²⁰Там же. Ф.2. Оп. 2. Т. 1. Д. 1834. Л.18 об.

²¹Памятная книжка для Архангельской губернии на 1861 год. Архангельск, 1861. С. 103.

²²Соловьев С. М. М., 1990. Кн. V. С. 140.

²³Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М., 1947. С.695.

- ²⁴ Архангельский Север в документах истории... С.153-154.
- ²⁵ ГААО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 64. Лл.11-12, 20.
- ²⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 844. Л. 308.
- ²⁷ См. Кротов П.А. Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 76.
- ²⁸ Там же. С. 84.
- ²⁹ Полякова У.М. Указ соч. С. 136-137.
- ³⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 6. Д. 11584. Л.18об.
- ³¹ ПСЗ. Т. V. № 30, 77.
- ³² ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т.1. Д.11584. Л. 19-20.
- ³³ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Т. I. Д. 68; Вольнская В. Указ соч. С.10.
- ³⁴ Таблица позаимствована у У.М. Поляковой. Указ. соч. С. 149.
- ³⁵ Там же. С. 130, 149.
- ³⁶ Там же. С. 148.
- ³⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 23. Л.2-16; Ф. 49. Оп. 1. Т.2. Д.2997. Л.2-5; Ф. 47. Оп. 1.Д. 153а.Л.1;
- ³⁸ См. Аксенов А.И. Происхождение, судьбы и семейные связи московских купцов – именитых граждан // Источниковедение отечественной истории. М., 1984. С. 211–213.
- ³⁹ ПСЗ. Т. XXII. № 16188.
- ⁴⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 30. Л.64. Данные в отчете губернатора именуются как сведения по всей губернии. На деле это показатели состояния экономики города Архангельска
- ⁴¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 30. Л.62.
- ⁴² Там же. Л. 95.
- ⁴³ Сидоров М. Север России. СПб., 1870. С. 71.
- ⁴⁴ Памятная книжка ...на 1862 год. Архангельск, 1862. С. 251
- ⁴⁵ АГВ. 1861, 11 марта.
- ⁴⁶ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Архангельская губерния. Составил Н. Козлов. СПб. 1865. С.90-91.
- ⁴⁷ Памятная книжка для Архангельской губернии на 1861 год. Архангельск, 1861. С.111, 112, 137; АГВ. 1861. 11 марта. С. 83.
- ⁴⁸ Для описания деятельности “Мечкинского комплекса” мы воспользовались публикацией новодвинского архивиста В. Аксеновской (См. Забытое – рядом, или история одного предприятия //Бумажник 19 июля – 23 августа 1997 года), “Первая на Севере бумажная фабрика” //Поморский летописец. Альманах. Вып. 1. — Архангельск: Поморский университет. 2002. С. 98-109. Нами привлечены также архивный материал, изученный в госархиве Архангельской области.
- ⁴⁹ ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 141. Л. 141.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 9. Д. 141. Л. 1-2.
- ⁵¹ Там же. Ф. 68ю Оп. 3.Т.1. Д. 104. Л.1.
- ⁵² Там же. Ф. 115. Оп. 7. Д. 200. Л. 2, 6.
- ⁵³ Там же. Ф. 115. Оп. 7. Д. 200. Л. 54.
- ⁵⁴ Там же. Л. 68.
- ⁵⁵ Там же. Л. 588, 647об.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 15. Т. 2. Д. 526. Л. 1.

СЕМЕЙНЫЕ ФИРМЫ, ТОРГОВЫЕ ДОМА,

АКЦИОНЕРНЫЕ КОМПАНИИ

Важную роль в развитии предпринимательства в России сыграли реформы, осуществленные в России в первой трети XIX века.

Во-первых, в это время значительно расширились возможности заниматься торгово-промышленной деятельностью для крестьян. Указами от 23 февраля 1806 года и 29 декабря 1812 года они получили право вести оптовую и розничную торговлю в городах, в том числе – импортными товарами. Для предпринимателей из крестьянства были введены шесть разрядов приобретаемых ими свидетельств. Первые три разряда давали соответственно права купцов 1-й, 2-й и 3-й гильдий. Это означало, что владелец свидетельства 1-го разряда мог вести любую торговлю на внутреннем и даже на внешнем рынках.

Во-вторых, в стране появилась законодательная основа для создания крупных торговых и промышленных объединений. По императорским указам от 1 января 1807 и 6 декабря 1836 в России начала развиваться акционерная форма предпринимательства. Акционерные общества, учреждавшиеся для эксплуатации торговых и промышленных заведений, позволяли соединять капиталы, увеличивать масштабы того или иного дела и, таким образом, обеспечивать более быстрый темп развития экономики. Постепенно в российском законодательстве были выработаны две основные организационные формы предприятия с коллективным собственником: торговый дом и акционерное общество.

Прежде чем анализировать конкретные виды северной торговли, обратим внимание на некоторые понятия, связанные с ее организационными формами. Среди них на разных этапах истории фигурировали складничество, фирма, торговые дома и акционерные компании.

Специфические условия края, использование речных и морских судов для добычи и доставки продуктов обмена на рынки издавна способствовали зарождению на Севере складничества, т.е. объединения той или иной группы людей для совместного ведения торговли и промыслов.

Складничество среди русских купцов, связанных с ведением промыслов и внешней торговлей, упоминается в источниках с XIII века. Торговцы-складники (чаще всего это были родственники или близкие люди) выступали как единое торговое объединение. Доход они делили из расчета внесенных каждым из них паев, т.е. количества товаров. Соглашения между складчиками могли быть разовыми или же длительными.

Резонно предположить, что эта народная, стихийно родившаяся форма объединения торговцев явилась своего рода предшественницей более совершенных, узаконенных государством торговых домов и акционерных компаний.

Петр I, изучив опыт западных стран, в своих указах (в 1706 и 1723 гг.) повелевал “купецким людям торговать так же, как торгуют иных государств торговые люди компаниями, и чинить отпуск товаров компаниями к городу Архангельскому”¹.

Подобные предписания, как будет отмечено ниже, северные купцы пытались претворить в жизнь еще при жизни реформатора, но, как правило, компании вследствие ряда причин медленно прививались на российской почве. Кроме того,

Высочайшие указания пока содержали лишь самые общие пожелания. Никаких узаконенных форм объединений торговых людей еще не было.

Среди упомянутых выше понятий выделяется понятие *фирмы*. Об этом следует сказать особо. Дело в том, что оно, в отличие от других, появилось еще в XVIII веке, широко употреблялось в документах и в обыденной жизни вплоть до революции 1917 года.

Строго говоря, под фирмой всегда понималось имя купца, которым он, вступая в коммерческие сделки, подписывался в торговых документах. Это слово происходит от иностранного глагола *firmare* – утверждать, ставить подпись.

Понятие “фирма” впервые появилось в Западной Европе в средние века и распространялось как на юридические лица, так и на единоличные торговые заведения. На деле понятие “фирма” означало замену имен многих “товарищей” одним – товарищем-распорядителем, если она объединяла несколько складчиков. Название фирмы становилось, таким образом, важнейшим признаком отличия ее от других. Под своим именем фирма становилась известной широкому кругу лиц, обретала в торговом мире определенную имущественную ценность, ограждавшуюся законом от посягательств третьих лиц, могла даже передаваться ближайшему родственнику. Понятие *фирма* выражалось в подписи, которую ставили не только на документах, исходящих из предприятия, но и на бланках бумаг; создатели имели право обозначать название фирмы на вывеске и на товарном знаке.

По мнению специалистов, российское законодательство “почти игнорировало не только понятие, но и само слово “фирма”. Однако вопреки всему, как уже отмечалось выше, это понятие широко использовалось в практике российского предпринимательства, с ним считались и власти. Приведу лишь два примера.

В 1795 году купец первой гильдии Михаил Иванович Плотников просил у императрицы позволения производить свои торговые дела “как при здешнем порте, так и в прочих Российской империи городах от общего с сыном имени *под фирмою* “Михайло Плотников с сыном Иваном”. Сообщая далее, что отныне все дела их будут совместными, глава фирмы просил разрешения сделать об этом соответствующее распространение в печати.

Поскольку в то время в Архангельске еще не было типографии, то 20 июня 1795 года в издательстве Московского университета было напечатано такое извещение: “Архангельское наместническое правление чрез сие объявляет, что архангельский первой гильдии купец Михайло Иванов сын Плотников, приняв к себе сына своего Ивана для произведения коммерческих дел товарищем, доверяет ему производить торговлю от общего имени *под фирмою* “Михайло Плотников с сыном Иваном”².

Подобным же образом утверждали свое новое торговое дело сыновья известного архангельского купца Алексея Попова – Иван и Василий, испрашивая после смерти отца, последовавшей в 1805 году, Высочайшее позволение вести его *под фирмою* “Алексея Попова сыновья”. Характерно, что когда в 1809 году братья решили разделиться и вести дела отдельно друг от друга, то старший сын Василий Алексеевич добился права сохранить прежнее название фирмы. Свое право на наследование ее имени он обосновывал тем, что в течение 16 лет состоял с отцом в одной фирме, был его старшим сыном и делал это, как он писал в своем заявлении, в знак “должного сыновнего почтения и незабвенной памяти родителя своего”.

После законодательного закрепления в России новых типов торгово-промышленных объединений в форме торговых домов и акционерных компаний

слово “фирма” в сочетании с именем ее владельца употреблялось, как название его заведения, хотя по своей юридической сущности оно могло быть торговым домом или акционерным обществом.

* * *

Понятие *акционерная компания* было известно российскому законодательству также с XVIII века. Но окончательно правовое оформление этого вида предпринимательства закрепил императорский Манифест от 1 января 1807 года “О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий”.

“Желаем, – говорилось в этом документе, – чтобы верноподданное наше купечество, особливо для преобладания во внешней торговле, впредь производило свой торг в образе товариществ”³.

Император придавал своему манифесту принципиальное значение. Отметив, что высшая власть в России всегда отмечала купечество, документ констатировал, что прежние отличия, тем не менее, пока еще “не могли возвысить целого состояния” и что “новый памятник должен означать бытие его в составе Государства, а новые выгоды и отличия, даруемые купечеству, должны утвердить “на вечные времена” новые способы, а также “распространить и усилить торговые предприятия”.

Манифест установил в качестве основной формы ассоциированных предприятий *торговый дом*, который мог быть двух типов (“*полное товарищество*” и “*товарищество на вере*”). В том и другом случае каждый партнер нес ответственность за долги фирмы всем “имуществом своим движимым и недвижимым”. Но между ними было и существенное различие. В “товарищество на вере” могли приниматься негласные компаньоны или вкладчики, финансовая ответственность которых за объединение ограничивалась только размером их инвестиций. Кроме того, последние “не имели права обязываться от имени торгового дома”. На деле подобный подход приводил к тому, что состоятельные коммерсанты, основывая свой торговый дом, ради безопасности следили за тем, чтобы лишь они одни или члены их семей являлись совладельцами фирмы.

По русским законам для создания полного товарищества требовалось: наличность торгового предприятия, общая фирма, в которой должны быть названы имена одного или нескольких товарищей с указанием на то, что в торговом доме принимает участие ряд лиц (“и К^о”) и установление коллективной ответственности за действия каждого из товарищей. Кстати, формула “и К^о” использовалась и в названиях фирм, у которых был единственный собственник.

Манифест 1807 года предусматривал обязательную регистрацию торговых домов в магистратах и городских думах, оповещение об этом всех купцов “печатными листами”. Этот закон оставался неизменным вплоть до октября 1917 года.

В манифесте 1807 года говорилось и о “товариществах по участкам”, т.е. об акционерных компаниях. Однако положение об этом виде объединений формулировалось пока в самой общей форме, а возможности их создания предусматривались как исключение, только с разрешения императора и с правом допуска в них “участников из всех состояний”, в том числе лиц, которые не принадлежат к купечеству⁴.

Уместно отметить, что манифестом 1807 г., было проведено четкое разграничение отечественных и зарубежных купцов. Последние должны были регистрироваться в качестве “иностранных гостей” (“заезжих купцов”), если они желали

пользоваться соответствующими правами. Возможность записаться в одну из трех купеческих гильдий имела только у российских подданных. Иностранцы не могли пользоваться гильдейскими привилегиями и лишь в виде исключения получали право на торговлю, производство или судоходство. В то же время, согласно указам более позднего времени (1826 и 1827 гг.), иностранные предприниматели, уже имевшие в России промышленные предприятия и не зарегистрированные в качестве иностранных гостей, должны были также записываться на срок до 10 лет в одну из двух высших купеческих гильдий (не будучи при этом обязанными принимать российское подданство). Но последнее становилось обязательным по истечении этого срока. Кто не хотел этого сделать, должен был продать свои предприятия. Нетрудно понять, что эти меры подталкивали иностранцев к ускорению принятия российского подданства, к обретению России в качестве второй родины.

Предприниматели России, руководствуясь этими законами, начиная с 1799 по 1836 г. создали 58 компаний, 41 из которых открыла свои действия. Первой среди них в XIX веке была Беломорская компания.

Оживление, начавшееся в промышленной сфере, вынудило правительство срочно разработать закон о создании акционерных компаний. 6 декабря 1836 года Николай I утвердил *“Положение о компаниях на акциях”*.

Закон явился выражением своеобразного государственного попечительства о развитии промышленности в России. Он, отметив, что *“учреждение компаний на акциях, общими законами дозволяемое, не было доселе определено положительными правилами”*, рассматривал компании как наиболее удобную форму использования свободных частных капиталов. Закон гласил, что отныне *“каждому раскрыт... свободный путь участия в выгодном помещении капитала на общих для всех единообразных правилах”*. В последующее время в закон вносились различные дополнения и уточнения, но в принципе он являлся главным документом, на основе которого происходило акционирование российских промышленно-торговых предприятий.

Что же конкретно вносил нового закон 1836 года? Кроме торговых домов, законодательство с этого времени предоставляло право основывать акционерные общества. Как и торговые дома, эти объединения также имели две формы: *акционерное общество и товарищество на паях*. *Товарищество на паях* давало возможность ограничить число пайщиков узким составом членов семьи и знакомых. *Акционерное же общество* могло иметь неограниченное число анонимных пайщиков. Как уже отмечалось, этот род объединения допускал к сотрудничеству в нем не только купцов, но и лиц *“всех состояний”*.

Основное различие между торговыми домами и акционерными обществами состояло в том, что участники торгового дома (*“товарищи”*) в случае несостоятельности фирмы могли лишиться не только средств, вложенных в дела фирмы, но и всего принадлежащего им имущества. Участники же акционерной компании (*“акционеры”*) или товарищества на паях (*“пайщики”*) несли ответственность в пределах их вкладов в основной капитал предприятия. Отсюда вытекало существенное различие, как в порядке учреждения, так и в регламенте деятельности этих предприятий. Для оформления торгового дома было достаточно засвидетельствования городской управой и извещения об этой акции в местной печати. А учреждение акционерной компании могло осуществляться только с разрешения царя или правительства. Указывая на это, закон оговаривал, что разрешение правительства *“не заключает ручательства его в успехе самого предприятия”*. Для нача-

ла деятельности компании требовалось создание и утверждение ее особого устава, т.е. внутреннего закона⁵.

Поскольку круг акционеров мог быть очень широким, то акции компании могли переходить из рук в руки, обращаться свободно на бирже. Поэтому размер основного капитала компании закреплялся законом как гарантия ее кредитоспособности. В этом смысле встречающиеся в литературе термины “*акционерное общество*”, “*акционерная компания*” и “*товарищество на паях*” (с 1836 года) трактовались как тождественные⁶.

Закон, подписанный Николаем I, установил именной тип акций. Он, в частности, гласил: “Во всех без изъятия компаниях, которые после издания сего положения учреждаться будут, дозволяются только именные акции, т.е. с точным обозначением на ней лица получателя: звания или чина, имени, отчества и фамилии”. Закон ввел ряд ограничений в размерах землевладения, а также для акционеров и членов правлений по национальным и вероисповедным признакам⁷. В частности, вводилось такое правило: учредителям разрешалось приобретать не более одной пятой части всех акций. Поскольку оба типа акционерных компаний вплоть до 1917 года находились под строгим надзором правительства, это давало бюрократии широкую возможность для вмешательства в предпринимательскую деятельность. Заметим также, что российские предприниматели средней руки предпочитали создавать торговые дома, так как этот вид объединения меньше, чем акционерное общество, подвергался государственному контролю и в то же время позволял успешно привлекать новые капиталы.

Исследователи пришли к выводу о том, что как для русских, так и для иностранных создателей акционерных компаний существовали три основные трудности, связанных с их основанием и деятельностью.

Первая из них состояла в сложности и длительности процедуры утверждения устава создаваемой компании или общества. Учредители были обязаны выработать проект устава компании, в котором следовало указать цель компании, название фирмы, под которой она будет действовать, размер основного капитала, органы управления, а также другие нормы, которые не противоречили закону. Устав акционерной компании в России и даже последующие изменения его обязательно утверждались императором.

Во-вторых, в России не были четко определены права акционеров на приобретение земли. Формально акционерным обществам разрешалось приобретать участки до 200 десятин за пределами городских территорий. Для покупки земли сверх этой нормы требовалось новое специальное разрешение, что также требовало немалых хлопот и отнимало массу времени.

И, наконец, в-третьих, в России действовали дискриминационные правила по отношению к иностранцам и лицам иудейского вероисповедания. Тех и других сначала запрещалось включать в состав правлений обществ, поэтому предприниматели действовали через обходные пути⁸.

Всего в течение XIX века в Архангельске зарегистрировано более 70 различных объединений. Это были в основном торговые дома, капиталы которых составлялись ближайшими родственниками или хорошо знакомыми между собой людьми. Многие из них создавались на короткие сроки, меняли названия в связи с вхождением в их состав сыновей создателей фирм и т.д.

Еще в начале века объявили о своем существовании фирмы “Менсендейк и К^о”, “Артур Кейли и К^о”, “Брандт, Родде и К^о”. Несколько новых фирм возникло в Архангельске в 20-е годы, после того как по указу императора Александра I го-

родское купечество получило ряд очень важных льгот. В 1823 году жители Архангельска, купцы первой гильдии, имевшие капитал по 50 тыс. руб., Ф.А. Клефкер (выходец из Гамбурга) и Г.Н. Молво (уроженец Нарвы) основали торговый дом “Клефкер и Молво”. Тогда же в Архангельске появился внук знаменитого Родиона Фанбрина. В 1789 году его дед стал российским подданным, был купцом 1-й гильдии, руководил фирмой “К° Родион Фанбрин – сыновья”. Внук же вследствие расстройства дел переселился из Петербурга в Архангельск и записался в 3-ю гильдию.

Заслуживает внимания достаточно сложная процедура вступления иностранцев в права иностранных гостей и получения ими права на создание своей фирмы. Покажем это на конкретном примере. 10 апреля 1829 года великобританский подданный Давид Морган обратился к “Господину архангельскому Градскому главе” с просьбой: “На основании Высочайшего манифеста 1 января 1807 года на сей текущий 1829 год имею [желание – *Е.О.*] производить торг в Архангельске по званию и по праву иностранного гостя, для чего объявляю капиталу 50100 рублей, доказываю свое состояние наличными деньгами. В семействе никого не имею. А мне 20 годов”. Молодой торговец, объявив далее об уплате положенной пошлины в размере 250 рублей, просил “записать в число иностранных гостей”.

Через две недели последовало разрешение генерал-губернатора С. И. Миницкого. Получив этот документ, Морган уже вместе со своим земляком, великобританским подданным Феликсом Кларком, 1 мая подали заявление в городскую думу с просьбой разрешить им открыть торговый дом “Кларк, Морган и К°”, заявив при этом, что торговать они будут одни и никто из живущих в России участвовать вместе с ними в торговле не будет.

Подобным же образом создавалась торговая фирма “Менсендейк и К°”. В октябре 1802 года архангельский военный губернатор предложил губернскому правлению “издать надлежащее постановление о приеме купцом Антоном Менсендейком товарищами в свою контору английского купца Ивана Гембри и архангельского временно записавшего купца Федора Олдекопа”. 23 октября был издан Высочайший указ об утверждении фирмы, а затем по своеобразной цепочке этим делом занимались городская магистрат, таможня, холмогорская, онежская полицейские власти и другие органы⁹. В это же время возникли фирмы “Гернет и Клефкер”, “Маккензи и К°” и др.

Окончательно вопрос об открытии деятельности фирмы разрешался только после указа императора, по сути дела издаваемого от Высочайшего имени местными органами власти. Многие документы свидетельствуют о гибкости в ведении коммерческих дел, быстроте реакции выходцев с Запада на все перемены в экономической жизни России, малейшие изменения в ее законах¹⁰.

В отличие от выходцев с Запада русские купцы действовали по преимуществу в одиночку. С некоторой долей условности архангельскими торговыми фирмами в начале XIX века можно считать семейные объединения “Алексей Попов с сыном”, “Кузьма и Афанасий Амосовы”, “Алексей и Гаврило Плотниковы”, “Вдова Егора Латышева с сыном”. Несколько семейных торговых дома имели в Архангельске в тот период вологодские купцы (три принадлежали купцам Митрополовым, один – Осипу Ханжину с сыновьями и один – братьям Ягодниковым).

* * *

Начало XIX века ознаменовалось первой значительной попыткой создания (в августе 1803 года) Беломорской акционерной компании с общим капиталом 444 тыс. рублей, 30 тыс. из которых составили собственные средства основателей де-

ла, 139 тыс. сумма от продажи акций, 150 тыс. дало правительство на 8 лет и 42 тыс. вложил известный государственный деятель граф Н.П. Румянцев. О важности события свидетельствовал тот факт, что император Александр I лично утвердил правила ее деятельности и даже приобрел в знак одобрения этого начинания 10 акций. В составе организаторов дела были русские купцы К. Анфилатов, А. Попов и иностранец К. Дорбекер, проживавший в Архангельске¹¹.

Получив ряд существенных льгот, компаньоны приступили к делу: ловле рыбы и развитию зверобойного промысла. Компания приобрела 5 различных судов, около двух десятков карбасов. Руководящее положение в ней занял помор Влас Ермолин. Начало работы было успешным: в течение первого года компаньоны смогли заготовить 3 тыс. пудов ворванного сала, 14,5 тыс. пудов трески и другой рыбы, 7,5 тыс. пудов семги и другой продукции.

Однако в последующие годы компанию постигла серия неудач: гибель судов от штормов и потери их от нападения французских и английских пиратов. Все это, а также недостатки организационного характера привели к банкротству компании, и в 1813 году она прекратила свое существование.

Историк В.П. Пузырев, исследовавший деятельность Беломорской компании, оценил ее создание как “первую попытку организации и использования на морском транспорте России акционерной, торгово-промышленной компании, первой судовладельческой компании капиталистического типа, действовавшей независимо от правительства на основе хозяйственного расчета”¹².

В отличие от первых объединений подобного типа, создававшихся крупными вельможами в XVIII веке, компания не ограничилась скупкой и перепродажей продукции морских промыслов. Она сама заготавливала морского зверя, организовывала ловлю рыбы, закупая с этой целью собственные суда и оборудование, пыталась осуществлять бартерные сделки с Норвегией, доставляя туда хлеб.

После краха ее деятельности долгое время на Севере не предпринималось подобных попыток. По-прежнему рождались мелкие семейные фирмы. Порядок учреждения их после издания законов в 1807 году в течение всего века был предельно кратким. Так, например, 18 декабря 1881 года И.М. Шубный известил городскую управу о том, что: “учреждено между собою полное товарищество торговать хлебом и другими товарами под фирмою торговый дом “И.М Шубный с сыном” и что все документы действительны за подписью И.М. или Д.И. Шубных¹³.

Еще более лаконичным было сообщение А.Ю. Суркова и Е.И. Шергольда, известивших 26 марта 1881 года городскую управу о том, что ими “учреждено между собою полное товарищество для производства винокурения под фирмою “Сурков и Шергольд”¹⁴.

Несколько пространнее сообщали 14 апреля 1887 года о начале своей деятельности братья Мерзлютины: “Честь имеем оповестить Вас, что между нами составлено товарищество полное и бессрочное для производства всех родов внутренней торговли, что мы, товарищи, архангельские 2-й гильдии купцы Яков, Григорий и Василий Максимовы Мерзлютины жительствоуем в г. Архангельске; на нашей печати изображено: “Торговый дом братьев Я.,Г., В. Мерзлютиных в Архангельске”. Уполномочие править и распоряжаться делами товарищества и выдавать, передавать и принимать векселя и совершать всякие договоры принадлежит каждому из нас”¹⁵. Далее следовали образцы подписей братьев.

Данные городской управы свидетельствуют о том, что за 1866-1898 гг. в Архангельске было зарегистрировано 17 торговых домов. Причем 14 из них были созданы, начиная с 1881 года¹⁶.

* * *

Анализ документов показывает, что все подобные торговые дома создавались сначала родственниками: братьями, отцом или купеческой вдовой и их сыновьями и т.д. Иногда складывание капитала происходило и в том случае, если один из создателей фирмы имел морской корабль, а другой был хорошо знаком с компаньонами в западных странах. На такой основе, например, сложилась фирма “А. Менсендейк и К^о”. Антон Менсендейк имел свой корабль, но он являлся уроженцем Архангельска, т.е. обрусевшим иностранцем, а его “товарищи” отлично знали рынок западноевропейских стран, имели там развитые коммерческие связи. В фирме “Грибанов и Фонтейнес” соединились морской корабль купца Грибанова и связи А.И. дес Фонтейнеса с иностранными купцами. К тому же Грибанов был женат на сестре своего компаньона.

Подобный тип объединения не обязывал “товарищей” извещать власти о размерах своего капитала, публиковать отчеты о своей практической деятельности. А в случае смерти главы фирмы его наследник, как правило, сообщая об этом событии, не менял названия фирмы. Так поступил, например, уже в начале XX века после смерти своего отца, купца первой гильдии А.Ф. Беляевского его сын Яков.

Не изменила своего названия известная фирма “Амосов, Гернет и К^о”. После смерти одного из основателей заведением управляли наследники крестьянина Петра Амосова и Д.И. Мейер, урожденная Гернет. Причем паи между ними распределялись поровну.

Иногда владельцы фирм передавали свои права ближайшим родственникам. Так, Фанни Линдес передала фирму “Г. Линдес и К^о” своим сыновьям Ф.Ф. и Э.Ф. Линдесам¹⁷.

Фирмой “Г. Шмидт” после смерти купца Геппа Шмидта владели его вдова Э.Ф. Шмидт и дети: сын Эрнест, дочери Эстер, Паула, Луиза. Делами товарищества управляли сын Г. Шмидта и Б.Ф. Пец – по доверенности семьи¹⁸.

Долгое время в городе действовала фирма, основанная В. Брандтом. К делу отца присоединились его дети, которые стали позднее совладельцами крупнейшей в России компании по изготовлению льняных изделий в селе Меленки Владимирской губернии на 6000 веретен, преобразованной в 1873 году в паевое товарищество с основным капиталом 2 млн. руб. Можно привести и многие другие примеры.

Значительно сложнее обстояло дело с регистрацией и работой товарищества на паях или акционерного общества. Извещение о создании подобного типа объединения содержало более пространную информацию. Забегая несколько вперед, сошлюсь на пример с созданием известного лесозавода “Стелла Поларе”.

20 октября 1903 года правление только что созданного предприятия извещало: “Для содержания и развития действия принадлежащего торговой фирме “Ульсен, Стампе и К^о” лесопильного завода в Архангельской губернии Печорском уезде учреждено товарищество на паях под наименованием “Товарищество лесопильного завода “Стелла Поларе” с основным капиталом руб. 564 000, устав коего Высочайше утвержден 10 мая 1903 года.

Товарищество, открыв свои действия, имеет честь довести до Вашего сведения, что первым собранием пайщиков членами правления избраны: Мартин Абрамо-

вич Ульсен, Рудольф Карлович Пец и Дмитрий Иванович Вальнев, кандидатами к ним Адольф Францевич Шольц и Карл Карлович Стампе”¹⁹.

Правление объединения регулярно публиковало годовые отчеты о своей деятельности и протоколы общих собраний пайщиков. Эти документы дают представление о многих сторонах работы лесозавода. К 1905 году капитал товарищества был разбит на 445 паев. Пайщиками состояли 12 человек. Среди них: М.А. Ульсен с сыном Михаилом, располагавшие 116 паями, 100 паев имел Д.И. Вальнев, 60 – В.В. Мейер, 30 – Р.К. Пец, 50 – А.Ф. Шольц, 25 – А.К. Кизель, 8 – А.М. Починков. 25 паев принадлежало известным лесозаводчикам Кыркаловым. Каждый из пайщиков ставил свою подпись под протоколом собрания²⁰. Первые успехи работы лесозавода обнадежили “товарищей”, и они вскоре увеличили основной капитал до 750 тыс. руб.

Нетрудно заметить, что члены правления (они же являлись и учредителями компании) владели более чем половиной всех паев, что позволяло им оперативно принимать необходимые решения, т.к. в соответствии с уставом они располагали большинством голосов. Кроме того, фирма (в данном случае лесозавод), на основе которой создавалось акционерное общество, действовала уже 20 лет. Иначе говоря, его учредители лишь расширяли масштабы производства, привлекая с этой целью капиталы богатых людей.

В состав его пайщиков и членов правления входили весьма состоятельные и влиятельные в промышленном мире русские предприниматели: Вальнев, Кыркалов и Починков. Это новое явление стало наблюдаться в конце XIX – начале XX вв. Экономические интересы оказывались выше былого противостояния между русскими предпринимателями и жителями Немецкой слободы.

Можно сказать, что вплоть до конца XIX века на Севере преобладали мелкие семейные фирмы и торговые дома. Для создания крупных акционерных компаний не было условий.

Один из историков Севера в середине XIX века отметил, что пока для северных торговцев приемлема только простая форма складывания капиталов. Но тут же он добавлял: “Когда поучимся, да поприсмотримся ко всему, что и как ведать и делать надлежит, ну, тогда другое дело, – тогда можно будет смело приподняться и до формы акционерных компаний”²¹.

Тем не менее, уже в XIX веке на Севере появились ряд крупных акционерных компаний.

* * *

Своего рода поворотным событием в этом деле явилось учреждение в 1858 году акционерной кампании Северодвинского пароходства. Одним из основателей ее был Афанасий Васильевич Булычев, ставший первым директором-распорядителем компании.

Первоначально Булычев являлся купцом 3-й гильдии, заявив свой капитал в сумме 2400 рублей²². Он прибыл в Архангельск из селения Слободского Вятской губернии. В числе учредителей компании были также родственник Афанасия Васильевича, купец 1-й гильдии Филипп Тихонович Булычев из города Орлова Вятской губернии и Коммерции советник, крупный никольский купец Илья Яковлевич Грибанов.

Первоначальный капитал нового объединения составил 150 000 рублей. 750 акций стоимостью по 200 рублей каждая приобрели 27 человек. 90 акций имел И. Грибанов, по 70 – Ф.Т. и А.В. Булычевы, по 54 – В. Брандт и М.В. Изергин. Крупные пай имели также К. Люрс, фирма “Грибанов, Фонтейнес и К^о” и другие.

Таким образом, состав акционеров позволяет судить о том, что значительную помощь русским купцам, выходцам из города Орлова Вятской губернии, оказали бывшие иностранцы. В частности, К.В. Брандт, располагая связями в Западной Европе, помог правлению безвозмездно перевести капитал бельгийскому заводу за два первых парохода, доставить последние в разобранном виде в Архангельск-²³.

Правление компании сумело собрать два парохода: “Юг” и “Двина”, собственными силами построить несколько барж грузоподъемностью от 15 до 50 тыс. пудов груза.

26 июля 1858 года через газету “Архангельские губернские ведомости” акционеры впервые заявили о планах своей практической деятельности. В объявлении говорилось: “Контора учредителей Северо-Двинского пароходного общества, предполагая не позже 25 числа будущего августа месяца отправить в первый раз пароход “Юг” с буксирною баржою из Архангельска в Устюг и попутные прибрежные селения и обратно имеет честь покорнейше просить желающих отправить свои грузы адресоваться заблаговременно в Архангельске в оную контору и в Устюге”.

Акционеры сдержали свое слово. 23 августа 1858 года пароход “Юг” вышел в первое пробное плавание вверх по реке. На борт первенца парового судоходства на Северной Двине поднялись военный губернатор Б.А. Глазенап, начальник губернии Н.И. Арандаренко, представители городских властей. Испытания вселили уверенность в новое дело: пароход шел со скоростью 15 верст в час, машины работали надежно. Испытания завершились торжественным обедом на судне. А на завтра, 24 августа, пароход с двумя баржами на буксире, грузом на них около 4000 пудов и 65 пассажирами под личным управлением А.В. Булычева отправился в рейс на Великий Устюг. Несмотря на многие трудности: отсутствие каких-либо знаков на реке, частые отмели, низкий уровень воды, плохую погоду, пароход прошел расстояние за 91 час²⁴.

В навигацию 1858 года пароходы доставили из Архангельска в Котлас 86 059 пудов груза и 487 человек пассажиров. Рейсы оказались удачными и принесли более 2700 рублей чистой прибыли.

2 января 1859 года на общем собрании акционеров Ф. Булычев, подводя первые итоги работы, с законным правом мог назвать учреждение Северодвинского пароходного общества началом “новой эпохи... в летописях края”. К этому времени правление, помимо двух пароходов, располагало 11 баржами, планом расположения будущих пристаней и т.д.

Собрание приняло ряд важных решений. Первую прибыль единогласно перевели в основной капитал, размер которого постановили увеличить на 450 000 рублей, выпустить с этой целью 2250 акций. Предвидя резкий наплыв заказов на перевозку грузов, акционеры решили удвоить число барж, купить еще 2-3 буксирных парохода. Выявились и первые сложности. Основной поток пассажиров выпадал на весну и осень. А летом пароходы нередко ходили полупустыми. Поэтому содержание пассажирских судов на линии являлось делом невыгодным. Акционеры склонились к той мысли, что необходимо пока ограничиться перевозкой на баржах. Как бы то ни было, но начало большому делу было положено: просторы Северной Двины летом 1858 года огласили первые пароходные гудки.

По уставу пароходное общество учреждалось для перевозки грузов и пассажиров от Соловецкого острова по Белому морю, Кубенскому озеру, рекам Северной Двине, Вологде, Шексне, Волге, Каме и Вятке. Обществу разрешалось строитель-

ство и приобретение пароходов как в России, так и за границей, возведение жилых, складских и конторских помещений, комплектование кадров, назначение агентов в тех местах, где будет признано нужным, прием грузов от казны и частных лиц для доставки их по назначению²⁵. Правление общества летом находилось в Архангельске, а зимой переводилось в Великий Устюг или в город Орлов Вятской губернии.

В 1859 году началось регулярное сообщение первых пароходов между Архангельском, Котласом и Великим Устюгом. Сообщения в печати о первом рейсе в ту навигацию поражали воображение. Для сравнения новой формы доставки грузов с прежней приведем лишь один пример.

2 мая архангельский купец И. Антуфьев приплавил к Буяновской дамбе старинным способом – на барке – большую партию муки. Он находился в пути 16 суток. А пароходы “Двина” и “Юг”, доставившие по 3 баржи, проделали этот же путь менее чем за трое суток. В обратный путь они забрали с собой, кроме груза, 720 пассажиров²⁶.

Три года спустя пароходы осуществили 11 рейсов, буксировали 15 барж с грузом 68 тыс. пудов, перевезли 3000 пассажиров. В 1868–76 гг. акционеры купили у той же фирмы “Коккериль и К^о” еще три парохода, а в 1883 – первый пассажирский пароход “Вычегда” для северных рек.

В это же время начало функционировать пароходство и на реке Вятка. С 1874 года по ней открылось пассажирское движение двумя пароходами: “Ф. Булычев” и “Почетный”. С открытием пароходного движения значительно расширилась предпринимательская деятельность Афанасия Булычева: он увеличил масштабы хлебной торговли, устраивал пристани на реках. В 1877–78 гг. акционеры приняли смелую попытку (правда, не смогли довести дело до конца) соорудить железную дорогу от Казани до Котласа для соединения Волжского и Северодвинского бассейнов.

Открытие пароходного движения стало крупнейшим событием в истории Севера. Известный общественный деятель того времени Г. Минейко справедливо писал, что начало деятельности этой кампании “составит эпоху в истории промышленности и торговли” Северного края²⁷.

И это действительно было принципиально новым событием на речном транспорте. Создание пароходства решало, по крайней мере, три важных задачи.

Во-первых, в течение всей навигации устанавливалось постоянное, удобное и дешевое сообщение между Архангельском и территориями, тяготевшими к Северной Двине.

Во-вторых, вместо громадных неуклюжих барок, которые служили купцам только для одного плавания вниз по реке и продавались в Архангельске по бросовой цене на дрова, на Северной Двине появились современные баржи. Они эксплуатировались не менее десяти лет. Тем самым достигалась экономия древесины, из которой изготовлялись ежегодно сотни плотов и громоздких барок, а само движение стало не односторонним, как в старое время, а двусторонним.

В-третьих, значительно ускорилась и удешевлялась доставка товаров в Архангельск и вывоз из него закупленных грузов, меньше становился риск предпринимателей во время плавания.

В-четвертых, пример Булычева оказался заразительным. Число паровых судов на Северной Двине стремительно росло. В 1880 году по ней ходили уже 23, в 1890 – 63, в 1900 – 119, а в 1909 – 289. А всего в начале XX века на реке работали суда 15 пароходств.

Успешный опыт деятельности речного пароходства побудил его основателя Афанасия Булычева положить начало морскому сообщению «На Белом море и Северном океане между Архангельском, промышленными берегами вообще и Норвегией».

Пространное обоснование своей идеи купец изложил в послании архангельскому губернатору 18 января 1867 года. «Потребности постоянных пароходных сообщений между Архангельском и норвежским берегом, – писал он, – сознаются здесь давно уже всеми жителями беломорских берегов и составляют весьма насущную потребность в настоящее время. Бесспорно, это подтвердил каждый, а в промышленном классе, встречающем нужду в содействии пароходов, беспрестанно слышится жалоба на этот важный недостаток. И сколько людей и капиталов погибло, может быть, по неполучении скорой помощи, которую бы по удаленности от населений могли бы оказать только пароходы».

Это ходатайство предпринимателя решительно поддержал архангельский губернатор С.П. Гагарин, отметивший в рапорте министру внутренних дел, что «Учреждение пароходства на Белом море... прослужит на пользу поднятия производительных сил Русского Севера – условие, которое по важности своего влияния на край уступает место разве только проведению железной дороги с Двины на Вятку»²⁸.

К сожалению, проект А.В. Булычева не был поддержан. Но в целом пример созданного им пароходства оказался заразительным. Вслед за ним стали появляться и морские суда с механическим двигателем.

* * *

Честь основателя пароходного движения по Белому морю принадлежит инокам Соловецкого монастыря.

В 1861 году монастырь купил у известного купца Брандта пароход «Волга», сразу же переименованный в «Веру». В течение года монахи переоборудовали грузовое судно в пассажирское и начали перевозить богомольцев и доставлять грузы при помощи новой техники. На следующий год священнослужители сами построили в собственном доке пароход «Надежда», оборудованный новым двигателем, доставленным из Шотландии.

Многие монахи тем временем прошли подготовку в архангельском порту, получив звание машинистов и шкиперов. Они успешно справлялись со своими обязанностями: летом плавали по морю, а зимой ремонтировали суда в собственном доке²⁹. Так возникло самостоятельное пароходство Соловецкого монастыря. Монахи быстро приспособили техническое новшество для своих сугубо земных дел.

За первые десять лет эксплуатации «Вера» и «Надежда» совершили около 200 рейсов между Соловками и Архангельском, перевезя более 50 тысяч паломников. Позднее монастырь приобрел другие пароходы.

В сентябре 1881 г. в Архангельск из Финляндии прибыл новый железный винтовой грузо-пассажирский пароход «Соловецкий». В 1886 г. монастырь заключил контракт на строительство в Швеции еще одного парохода – «Михаил Архангел», который прибыл на Север весной 1887 г.

Надежная работа монастырских пароходов, на практике подтвердила возможность успешного пароходства в северных морях. Она, естественно, привлекла к себе интерес поморских предпринимателей.

* * *

В 1870 году попытку основать собственное морское пароходство на Севере предприняли судовладельцы и рыбопромышленники западной части побережья

Белого моря. В январе 1870 года они обратились с просьбой к архангельскому губернатору Н.А. Качалову о разрешении создать “срочное морское пароходство” при условии правительственной поддержки. 16/28 мая Александр II утвердил устав нового акционерного общества – “Товарищества Беломорско-Мурманского срочного пароходства”.

Общество создавалось “для способствования развитию торговли и промыслов на Мурманском берегу и в Беломорье”. Среди 9 учредителей его были купцы Базарный, Митрофанов, несколько мещан, которые и собрали основной капитал в сумме 50 тысяч рублей, разделенный на пай по 500 рублей каждый.

Уставом предусматривалось, что пароходы будут совершать регулярные рейсы между Архангельском и норвежскими портами с заходом в ряд становищ. Акционеры приобрели два пассажирских парохода: “Качалов” и “Великий князь Алексей” и чуть позднее – морской буксир. Каждый из пароходов должен был совершать 12 рейсов в навигацию. Император, утверждая устав пароходства, предписал выдавать товариществу в течение 10 лет пособие из казны в виде порейсовой платы до 30 тысяч рублей в год³⁰.

Товарищество быстро наладило рейсы по мурманской линии и вдоль беломорского побережья. Но акционеров ожидали крупные неприятности. Один за другим пароходы терпели крупные аварии, компания понесла убытки. Все попытки вдохнуть душу в организованное дело не увенчались успехом. В начале 1875 года пайщики приняли решение о закрытии действий своего товарищества.

Однако жители Поморья уже почувствовали удобство нового вида транспорта. Кроме того, они воочию наблюдали регулярные рейсы пароходов, принадлежавших Соловецкому монастырю. Перспективность этой пароходной линии чувствовали и российские предприниматели.

В 1875 году группа москвичей-бизнесменов: надворный советник Ф.В. Чижев, инженер генерал-лейтенант барон А.И. Дельвиг, капитан 2 ранга К.Ф. Литке, коммерции советник Т.С. Морозов и потомственный почетный гражданин В.И. Смолин создали “Товарищество Архангельско-Мурманского срочного пароходства”. 6 мая 1875 года был утвержден устав новой компании. Правление товарищества находилось в Петербурге. В Архангельске открылась его контора.

Располагая сначала тремя пароходами: “Архангельск”, “Кемь” и “Онега”, преодолевая трудности, неся потери, пароходство начало свои действия. Большой пароход “Архангельск” работал на линии до норвежского города Варде, остальные обслуживали побережье Белого моря. С 1884 года компания стала получать прибыль. Позднее она открыла рейсы до устья реки Печоры и на Новую Землю. В начале XX века пароходство располагало уже 14 современными грузопассажирскими судами. Стоимость его имущества в 1911 году составляла 2 448 тыс. рублей, акционеры получали хорошие дивиденды – по 40-48 рублей на один пай³¹.

Важную инициативу проявили опытные северные бизнесмены Я. Беляевский, М. Криличевский и Ф. Линдес, основавшие “Северное пароходное общество Котлас–Архангельск–Мурман”. Уже через два года это пароходство имело в распоряжении 12 речных и морских пароходов, 55 барж и 20 различных судов³².

Вскоре общество стало крупнейшим на Севере. В начале XX века оно имело 600 тысяч рублей основного капитала, закончило сезон 1906 года с крупной прибылью – 93 341 рубль. Имущество его оценивалось в то время в 1 573 714 рублей³³.

Трудно переоценить значение для развития экономики Севера рождение современного речного и морского транспорта. Достаточно отметить, что в 1900 году

по Северной Двине в Архангельск пришло 1131 судно, доставлено более 3030 плотов. На речном транспорте в тот сезон трудилось 12504 человека³⁴.

Сильный речной флот на Севере сыграл важное стратегическое значение в годы Первой мировой войны, когда Черное и Азовское моря на юге, Балтийское – на северо-западе были блокированы немцами и турками, утратили международное значение и оказались пригодными лишь для внутренних перевозок. Значительную часть общей нагрузки приняли на себя Белое море, речной флот северного бассейна и Архангельск – единственный в то время порт, открытый для судов союзных с Россией держав.

* * *

Часть разбогатевших архангельских предпринимателей нашла применение своим капиталам за пределами Архангельской губернии. Наиболее ярко это проявилось в деятельности купцов 1-й гильдии Э.В. Брандта, Э.Е. Линдеса и А.Ю. Суркова.

В 1869 году Брандт и Линдес основали упоминаемую выше крупную фирму по изготовлению льняных изделий в селе Меленки Владимирской губернии на 6000 веретен. В 1873 году она была преобразована в паевое товарищество с основным капиталом 2 млн. руб. (400 паев по 5000 рублей).

Пять лет спустя акционеры приобрели льнопрядильную и ткацкую фабрики бывшего торгового дома “А.М. Волков с сыновьями”. О размахе дела свидетельствовали такие данные: в 1914 году товариществу принадлежали фабрики, которые производили продукции на 5 млн. руб. в год. Общий баланс предприятия составлял 6 375 850 руб., а чистая прибыль – свыше 351 тыс. руб. На предприятии было занято 4860 рабочих³⁵.

Известный архангельский купец Сурков в 1897 году учредил в Архангельске “Северное общество целлюлозного и писчебумажного производства”. Фирма создавалась “для устройства в вологодской губернии Кадниковского уезда фабрики для производства химическим и механическим способами древесной массы (целлюлозы) и изделий из нее, а также торговли предметами означенного производства”. Позднее предприятие называли “Сокол” по деревне Соколово Вологодской губернии. В состав учредителей, кроме А.Ю. Суркова, вошел торговый дом “А.Н. Беляев и К^о”. Директором-распорядителем акционерного общества стал сын А.Ю. Суркова Арно.

Архангельский губернатор, сообщая об этом факте в столицу, в своем отчете за 1900 год отметил, что А. Сурков был вынужден покупать землю для устройства своего завода в Вологодской губернии вследствие того, что в Архангельской губернии продажа земли, принадлежавшей преимущественно казне и царской фамилии, не разрешалась. Общество приобрело в собственность 3 участка земли в количестве 7193 десятины недалеко от станции Сухона Вологодско-Архангельской железной дороги. Основной капитал в момент его учреждения составлял 1 125 000 рублей, разделенных на 4500 акций по 250 рублей каждая³⁶.

Компаньоны добились значительных успехов. Предприятие ежегодно выпускало 700 тыс. пудов целлюлозы и около 100 – бумаги. Уже в 1903 году чистая прибыль составляла 32,8 тыс. руб. Вырос и основной капитал, составивший в 1913 году 2,25 млн. руб. (9000 акций по 250 руб.). Общий баланс его равнялся 6 036 тыс. руб. Акционеры получали ежегодный дивиденд до 12%. На выставке северной промышленности в Ярославле в 1903 году акционерное общество удостоилось почетной награды – большой золотой медали³⁷.

Общество (сокращенно “Сокол”) занимало третье место в России по размеру выпускаемой продукции (после известных целлюлозных фабрик Вальдгоф и Вискоза). Правление настойчиво стремилось к расширению своего дела. В 1912 году оно, в частности, возбудило вопрос о выделении ему без торгов для сплошной вырубki от 600 до 1000 десятин леса в год и разрешении ввоза машин без пошлин. Правление мотивировало свои предложения тем, что оно должно быть “конкурентоспособным с заграничными и финскими заведениями”³⁸.

* * *

В отличие от пароходных компаний, лесозаводы до начала XX века были сравнительно небольшими. Долгое время развитие лесопиления тормозилось из-за отсутствия механических и электрических двигателей. Сила ветра, которая первоначально использовалась для распиловки леса, или пилорамы, установленные на реках, были малопродуктивны. Слабыми были и первые паровые двигатели. Поэтому сначала лесозаводы, как правило, создавались силами одного-двух предпринимателей. Такими являлись, к примеру, заводы, созданные в Соломбале купцом Я.Е. Макаровым, а также норвежцем М.А. Ульсеном вместе со своим соплеменником К. Стампе. Невелик был сначала и лесозавод, сооруженный А. Сурковым и Е. Шергольдом. Продукция этих предприятий шла частично на строительство жилых домов и производственных объектов в городе. А большая часть производимой продукции с весомой выгодой для купцов вывозилась за границу.

Всплеск акционирования в лесной промышленности произошел уже в XX веке. Только крупный капитал давал возможность соорудить большой лесозавод, развернуть заготовку древесины, ее буксировку к лесозаводам. К тому же после появления железной дороги значительно расширились возможности реализации продукции лесозаводов: она могла направляться и в центральные губернии.

Несмотря на создание ряда больших по масштабам торговых домов, появление первых лесозаводов и даже акционерных компаний, промышленная деятельность архангельского купечества к концу XIX века не получила существенного развития. Оценка общего состояния промышленности, которая ежегодно давалась губернаторами в посланиях на имя императора, ничем не отличалась от суждений по этому поводу в начале XX века. Как уже выше было сказано, в отчете о состоянии губернии за 1896 года, например, отмечалось, что “собственно “заводов”, как это принято понимать в обычном смысле, т.е. заведений, действующих посредством механической силы и при значительном количестве рабочих, в губернии немного. К числу таких заводов можно отнести: лесопиление, водочное, пивоварение, канатные и некоторые другие; прочие виды производств носят характер кустарной промышленности”³⁹.

Как видим, этот анализ, по сути дела, дает почти такую же оценку ситуации, какой она была в отчетах губернаторов первой половины столетия.

* * *

Более весомых успехов в развитии промышленности и ее акционировании деловые люди Севера достигли в XX веке.

Этому в немалой мере способствовало решение острой для Севера транспортной проблемы – сооружение двух железных дорог: Пермь-Вятка-Котлас и Вологда-Архангельск.

Дискуссия о строительстве “чугунки” началась еще в 1868 году. Газета “С.-Петербургские ведомости” поместила пространную статью А. В. Журавского, который с глубокой тревогой за судьбу древнего Поморья писал: “Если Белое море

не будет немедленно соединено с Волгой железной дорогой, то Север разорится вконец, станет в тягость и русскому обществу, и русскому правительству. Казенные недоимки, и теперь уже громадные, дойдут до страшной цифры; казна и общество должны будут постоянно кормить голодный народ. Но это еще не главное: русская беломорская торговля, и ныне уже ничтожная, окончательно перейдет, с богатейшими морскими помыслами, в руки иностранцев; переселение с Севера, чему уже теперь видим начало, примет опасные для государства и общества размеры... На случай же войны Север, без железной дороги, окажется беззащитен”⁴⁰.

Решению транспортных проблем Севера во многом помог крупный государственный деятель России, министр финансов С.Ю. Витте. В своих воспоминаниях он рассказал о том, как летом 1894 года он вместе с художником А. Борисовым и чиновниками спустился на пароходе от Котласа до Архангельска и совершил плавание до Мурманска.

В середине июня 1894 года Архангельск торжественно встретил высокого гостя. Накануне прибытия в город городская дума “за сочувственное отношение и заботу о нуждах севера” присвоила С.Ю. Витте звание почетного гражданина г. Архангельска. В дни пребывания в городе министр финансов посетил многие лесозаводы, контору госбанка, казенную палату и ряд других учреждений. Он по достоинству оценил значение Архангельска в истории России⁴¹.

Витте решительно поддержал идею о сооружении железной дороги Пермь-Вятка-Котлас, просьбу архангельских купцов об открытии в городе коммерческого училища, об установлении телеграфной связи губернии с Мурманским берегом, выразил твердую уверенность в блестящем будущем Северного края.

Итогом поездки явился доклад министра императору Александру III. Витте решительно высказался за сооружение военного морского порта в Мурманской гавани и прокладке туда железнодорожной магистрали. В своих мемуарах Витте с удовлетворением отметил, что по его настоянию удалось провести железную дорогу от Вологды до Архангельска и проложить путь от сибирской магистрали через Пермь к Котласу, что позволяло доставлять сибирский хлеб на Север и в случае необходимости экспортировать на Запад⁴².

...Узкоколейная железная дорога от Ярославля до Вологды была введена в строй еще в 1872 году. А 2 декабря 1893 года председатель правления Общества Московско-Ярославской железной дороги Савва Иванович Мамонтов обратился к министру финансов С.Ю. Витте с ходатайством о продолжении железнодорожной линии до Архангельска. Витте немедленно представил эту просьбу Александру III. Император 3 декабря 1893 года повелел создать комиссию для изучения вопроса о сооружении стальной колеи на Север. В июне 1894 года он подписал дополнение к уставу Общества “О сооружении Вологодско-Архангельской железной дороги”. Этим актом предписывалось строительство железнодорожной узкоколейной линии в один путь от Вологды до Архангельска, Общество переименовывалось в Общество Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги⁴³.

В целях привлечения средств для сооружения дороги, приобретения подвижного состава общество выпустило шесть 4% облигационных займов, в том числе пять внутренних и один внешний. На облигациях первых четырех займов стоят подписи директоров С. Мамонтова, К. Арцыбушева и Н. Мамонтова.

Внутренние займы были реализованы в России с помощью Государственного банка и государственных сберегательных касс, внешний – размещен в Германии и отчасти в Голландии⁴⁴.

Займы гарантировались Российским правительством.

...В 1899 году вошла в строй магистраль Пермь-Вятка-Котлас, а двумя годами раньше, 17 ноября 1897 года, в Архангельск пришел первый поезд. А год спустя управление Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги известило, что “На Вологодско-Архангельской линии от станции Вологда до станции Архангельск-пристань взамен временного движения открыто с 22 октября 1898 года постоянное правильное движение для перевозки пассажиров, багажа и грузов большой и малой скорости”.

Протяжение линии от Вологды до Архангельска составило 596 верст в один путь шириной 0,5 сажени или 1,5 аршина. Пропускная способность дороги составляла 3-4 пары сквозных поездов в сутки. Перед началом движения по дороге на ней имелось 30 шестиосных поездов, 38 пассажирских, 6 багажных, 400 товарных вагонов, а также 10 платформ и 10 цистерн.

С 1 апреля 1900 года дорога была выкуплена в казну, а еще через два года передана в заведование Министерства путей сообщения на общих основаниях. С начала 1907 года соединенным Московско-Ярославско-Архангельской и Санкт-Петербурго-Вятской дорогам было присвоено наименование Северные железные дороги.

19 лет путь между Вологдой и Архангельском был узкоколейным. Лишь после начала первой мировой войны за короткие сроки эту дорогу пришлось “перешить” на широкую колею.

Архангельск получил, наконец, выход в центр России.

Семейные фирмы, торговые дома, акционерные компании

¹ ПСЗ.Т. III. №. 1706.

² ГААО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 231. Л. 1,3, 13.

³ ПСЗ. Т. XXIX. №. 22418. 1 янв.1807 г.

⁴ Там же. 2. Т. XI. № 9763; См. Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 17–18.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг.: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 197.

⁹ ГААО. Ф.4. Оп. 3. Д. 353. Л. 1–5.

¹⁰ Там же. Ф. 49. Оп. I. Т. 2. Д. 2264. Л. 1–1об.; Д.2324. Лл.1-6; Д. 2650. Л. 1–14.

¹¹ Пузырев В.П. Беломорская компания // Север. 1994. № 1. С. 151.

¹² Под флагом России: История зарождения и развития морского торгового флота. М., 1995. С. 164 –166; Пузырев В.П. Указ соч. С. 154.

¹³ ГААО. Ф. 50. Оп. I. Д. 455.

¹⁴ Там же. Ф. 50. Оп. I. Д. 455. Л. 4. 14 ноября 1902 г. Николай II утвердил новый устав этого завода, получившего название “Товарищество Архангельского пивоваренного завода Суркова”. (Основной капитал 300 000 рублей, разделенный на 300 паев). Создано “Для содержания и развития пиво медоваренного завода в Архангельске и для торговли продуктами его производства”. ГААО. Ф. 13. Оп. 5. Д. 127. Л. 52–55.

¹⁵ Там же. Ф. 50. Оп. I. Д. 619. Л. 2-3.

¹⁶ Там же. Ф. 50. Оп. I. Д. 902. Л. 59-62.

¹⁷ Там же. Ф. 8. Оп. I. Д. 126. Л. 2.

¹⁸ Там же. Ф. 50. Оп. I. Д. 902. Л. 58.

¹⁹ Там же. Ф.50.Оп.1. Д. 1058. Л.1.

²⁰ Неосновательным является утверждение П.М. Трофимова о том, что эта фирма возникла на шведский капитал (См. Трофимов П. Очерки экономического развития Европейского Севера России. с.130.

-
- ²¹Памятная книжка для Архангельской губернии на 1861 год. Архангельск, 1861. С. 128.
- ²²ГАОО. Ф. 49. Оп. 1. Т.2. Д. 3337. Л. 2.
- ²³АГВ. 1859. 21 февр. С. 54.
- ²⁴Там же. 1858. 30 авг.
- ²⁵Там же. 1859. 21 февр.
- ²⁶Там же. 1859. 9 мая.
- ²⁷Справочная книжка для Архангельской губернии на 1860 год. Архангельск, 1860. С.54.
- ²⁸Цит. по: Попов Г.П., Давыдов Р.А. Указ соч. С. 74—77.
- ²⁹АЕВ. 1911. 1 окт. С. 791.
- ³⁰ГАОО. Ф. 1. Оп. 5. Д.926. Л. 105—106об.
- ³¹Акционерно-паевые предприятия России. СПб.,1912. С. 9; Попов Г.П., Давыдов Р.А. Указ соч. С. 81—84.
- ³²Акционерно-паевые предприятия России. С.103; Обзор Архангельской губернии за 1900 год. Архангельск, 1900. С. 101.
- ³³ГАОО. Ф. 323. 1907. Д. 2-а. Л. 3, 4-а; Русское судоходство. 1901. № 1. С. 170.
- ³⁴Обзор Архангельской губернии за 1900 г. С. 51.
- ³⁵Деловой мир России. СПб., 1998. С. 243.
- ³⁶ГАОО. Ф.1.Оп. 5. Д. 127. Л. 65; Обзор Архангельской губернии за 1900 год. С. 9.
- ³⁷Деловой мир России. С. 338.
- ³⁸Лесопромышленный вестник. 1914. № 9. С. 126.
- ³⁹Обзор Архангельской губернии за 1885 год. Архангельск, 1986. С.8.
- ⁴⁰Цит. по: Попов Г. Рельсы идут на Север // Правда Севера. 1997. 13 нояб.
- ⁴¹Хорова С. Сергей Витте в Архангельске // Правда Севера. 1999. 22 июля.
- ⁴²Витте С.Ю. Воспоминания. М.,1960. Т. 1. С. 391—403.
- ⁴³ПСЗ 3-е. Т. XIV. № 10816. С. 480 – 486.
- ⁴⁴См. Теремов В.Н. 4% облигационные займы Общества Московско-Ярославско_Архангельской железной дороги (1895 – 1899). Саранск. 1998. С. 5.

ЯРМАРКИ

Повествуя об истории архангельского купечества, нельзя не рассказать хотя бы кратко о северных ярмарках. Ярмарки (от немецкого слова *Jahrmarkt* – ежегодный торг) являлись одной из древних и наиболее распространенных форм делового сотрудничества русских торговцев друг с другом и со своими потребителями. Сезонные виды обмена и торговля товарами возникли в далеком прошлом и развивались в рамках народных обычаев и традиций. В Древней Руси ярмарки были связаны с храмовыми или монастырскими праздниками и, как правило, проводились возле крупных монастырей или церквей.

Историки заметили, что традиция, когда церкви и торг располагались рядом, вызвала к жизни слово “погост”, т.е. место, где торговали купцы или “гости”. Лишь позднее слово изменило свою семантику и стало означать “кладбище при церкви”¹.

Задолго до рождения Архангельска успешно действовала знаменитая холмогорская ярмарка – своего рода центральное северное торжище, регулировавшее торговое движение по Северной Двине. Долгие десятилетия Холмогоры играли двоякую роль в развитии меновой торговли. *Во-первых*, эта ярмарка являлась экономическим центром для всего Севера, и, *во-вторых*, она помогала соединять Север с центральными областями государства. В Холмогоры свозились все товары, которыми промышлял северный край: соль, рыба, меха, кожи, ворвань, дичь. Сюда же с юга привозили для обмена товары, в которых нуждались жители далекого Поморья, прежде всего хлеб и сукна.

Подобные же торговые центры появились на побережьях северных морей. Сохранилось яркое описание ярмарочного дня, проводившегося летом 1557 года на Мурмане в районе Вайда-губы. Англичанин У. Бэрроу писал о том, что 29 июня в день Великого Петра он наблюдал “большое народное сборище по случаю торга; с одной стороны, были там русские, карелы и лопари, подданные могущественнейшего государя, царя России, а с другой, – норвежцы и люди из Финмаркена, подданные короля датского, они меняли рыбы на разные товары”.

Исследователи полагают, что подобные корабельные пристанища, к которым прибывали иностранные корабли для торговли с поморами, располагались и в районе устья Северной Двины².

После сооружения архангельской корабельной пристани властям России потребовались немалые усилия для того, чтобы централизовать всю торговлю, создать здесь единую для всего региона сезонную международную ярмарку. И эта цель, в конце концов, была достигнута.

Уже в 1585 году Кольский воевода объявил иностранным купцам о том, что его государь “Федор Иванович... в своей государевой вотчине, в Коле волости, торговати велел трескою и палтусом и салом трескиным и китовым, а за иными товарами ездить надо на Двину, где государем построен новый город”. В ответ на повторные запросы воевода, вновь указав на появление государевой пристани на Двине, решительно заявил: в Коле “торгу быть не пригоже, то место убогое”³.

Дело, очевидно, было не в “убогости” известного торгового центра. Власти явно покровительствовали новой корабельной пристани на Северной Двине, а, кроме того, весьма слабой была и защита тех отдаленных мест, о которых вел речь Кольский воевода. Известный авантюрист Г. Штаден, проживший в Коле

около двух лет, неслучайно заметил: “Кола сама по себе не защищена”, ее можно взять “отрядом в 800 человек, из них половина мореходцы, другая половина – стрелки”⁴.

Между тем, Архангельск, пользуясь поддержкой центральных властей, постепенно превратился в центральный пункт торговой жизни Севера, затмив собой не только торговлю на Коле, но и значение Холмогор.

Можно согласиться с мнением О.В. Овсянникова о том, что Архангельск стал административным и экономическим центром региона лишь сто лет спустя после своего основания. А до той поры он являлся своего рода “международным корабельным пристанищем” на время летней торговли, или, точнее говоря, мощной и долгое время единственной в России внешнеторговой ярмаркой.

* * *

Российские власти всемерно содействовали созданию и проведению ярмарок. Особое значение “большим и малым ярманкам” уделил Петр I. Регламент Главного магистрата, принятый по инициативе царя, ссылаясь на опыт других стран, напомнил, что ярмарки приносят огромную пользу

В специальной главе, посвященной “ярманкам”, говорилось, что они “умножают казенные сборы”, помогают “купцам и торговым людям в торгах и ремеслах” снабжать необходимыми продуктами жителей, живущих вдали от моря. Ярмарки, отмечалось далее в документе, развивают в государстве торги и промыслы, “а в народе происходит из того всякое довольство”.

Указ предписывал Главному магистрату приложить всяческое старание “об умножении ярманок и торгов в городах и уездах в пристойных местах, а больше в таких, к которым водяной ход есть свободный”⁵.

В связи со складыванием Всероссийского рынка развивались и другие сферы торговли: стационарная, развозно-разносная. Но значение ярмарочной формы торговли в России не уменьшалось и в более позднее время. Это были своего рода периодические съезды торговцев и потребителей в определенном месте. Они постепенно превратились в форму междугородного, межгубернского и межuezдного обмена товарами, выступали в то же время центрами спроса и предложения, а также и своеобразными регуляторами цен. В начале XX века в Российской империи числилось 18 452 ярмарки, 378 из них действовали в северном экономическом районе⁶.

Живучесть российских ярмарок объяснялась рядом специфических условий России. Наиболее обстоятельная характеристика природы этого организма сохранилась в хозяйственно-статистическом описании России начала 1860-х гг.: “Дробность производства, сосредоточение главных отраслей мануфактурной промышленности в немногих центрах, огромные пространства, редкость населения, плохие пути сообщения, недостаток капиталов – все это придает нашей торговле совершенно особый вид и характер. В России истинно коммерческими пунктами, в которых торговля получила вполне правильное развитие, можно назвать только Москву, Петербург, Ригу, Одессу и несколько других, уже менее важных внутренних и приморских городов. В остальных же местах постоянная торговля имеет большей частью незначительные размеры, а важнейшими проводниками торговой деятельности, как в городах, так и в селениях служат ярмарки, превращающие иногда, хотя и на короткое время, самые незначительные места в важные торговые пункты.

На ярмарках у нас совершаются почти все операции по оптовой торговле; тут товары переходят из рук фабрикантов и гуртовщиков в руки розничных торговцев; тут же фабриканты запасаются многими продуктами, необходимыми для их производства, тут совершаются всякого рода расчеты, сделки и другие биржевые операции; наконец, тут потребители могут входить в прямые непосредственные сношения с первыми руками и производителями”.

Отметив далее большое значение базарной торговли, этот документ подвел итог: “Таким образом, наша внутренняя торговля имеет характер торговли временной и кочевой, переносимой с одного места на другое громадные массы товаров и заставляющей наших купцов и их агентов находиться в постоянном движении”⁷.

Подобная оценка значения ярмарок для жизни Севера почти дословно повторялась в справочных книгах и обзорах Архангельской губернии в течение всего XIX и даже XX вв. В обзоре за 1910 год, например, подчеркивалось, что время не изменило сущности ярмарочной торговли. “Обособленность Архангельской губернии от центра России, трудность и медленность товарных движений, – говорилось в этом документе, – создают здесь неблагоприятные условия для постоянной торговли и тем самым сохраняют за ярмарками их прежнее значение главных, а местами и единственных рынков, где население может находить сбыт продуктов своих промыслов, удовлетворять покупкою насущные потребности своего хозяйства”⁸.

По масштабам своей торговли в России не знала себе равных Нижегородская ярмарка, оборот которой составлял от 125 до 170 млн. руб.

Одной из крупнейших являлась и архангелогородская (с 1844 года – Маргаритинская) ярмарка, работавшая в период с 1 сентября по 1 октября. По сообщению губернской газеты, она получила свое название в честь Святой Маргариты, так как память о ней праздновалась церковью 1 сентября⁹.

В официальном сообщении об этом событии губернская газета сообщила 4 октября 1844 года: «Вновь открытая в городе Архангельске, с 1 сентября по 1 октября, ярмарка, с согласия господина Архангельского военного губернатора *наименована ярмаркою Св. Маргариты*, так как память сея Святыне празднуется в день начатия этой ярмарки, то есть 1 сентября».

Можно сказать, что с возникновением Архангельска начался новый этап в истории внешней торговли России. Страна включилась в систему складывавшегося мирового рынка.

Северная Двина закипела торговым движением, которое во много раз превзошло все, что видел этот древний путь в предшествующие века. В европейские страны через пристань на Северной Двине шел экспорт сырья и продукции, предназначенной для дальнейшей обработки, а в нашу страну ввозились ткани, оружие, вина, бумага, краски и многое другое.

* * *

Рост объемов торговли возле новой пристани на Северной Двине происходил постепенно. Обратимся к некоторым данным.

Исследователи не раз обращались к анализу выписок Архангелогородской таможни за 1710 год, составленных на основании уже утраченных сейчас таможенных книг. Обработка этих сведений, проведенная Р.И. Козинцевой, В. Захаровым и Н.Н. Репиным дает возможность узнать об участниках ярмарки, о размерах их сделок с иностранцами и размерах товарооборота.

Общая сумма продаж западноевропейскими купцами составила в тот сезон 1 233 141 руб., а закупка 1 428 063 руб., товарооборот ярмарки, таким образом, был свыше 2 700 тыс. руб.

Заморские гости доставили в Архангельск более 500 наименований своих товаров. 38 голландцев, 27 гамбуржцев, 14 англичан, а также представителей других стран (всего 94 человека) продали различных тканей на 506 тыс. руб., в том числе на 218 тыс. руб. металлов, много сахара, вина, красок.

Представляют большой интерес данные и о масштабах торговых сделок русских купцов, доставивших свои товары на продажу в Архангельск из 80 городов и поселений. Из общей суммы продаж, равной более 1 428 тыс. руб., треть – 459 621 руб. – составила пенька, 537 790 руб. – юфть (около 40 процентов). Иностранцы приобрели также большие партии льна, канатов и веревок, сала говяжьего, меда, мехов и другой продукции¹⁰.

Ассортимент товаров, закупаемых обеими сторонами на Маргаритинской ярмарке, определялся потребностями того или иного государства. Англия и Голландия, как морские державы, приобретали материалы, необходимые для оснащения флота: пеньку, лен, холст и т.п. А Россия в начале XVIII века, находясь в состоянии военных действий со Швецией, активно закупала оружие, сукно для пошива солдатского и офицерского обмундирования. Казна, в частности, с этой целью скупала более 84% меди, чуть меньше свинца и около трети сукна.

Вот каким образом характеризовалась, например, поставка оружия в Россию (в основном через Архангельск) в начале XVIII века:

Поставки европейскими купцами оружия в Россию¹¹

Год	Фузеи, стволы к ним (шт.)	Карабины (штук)	Фузейные замки (шт.)	Пистолеты (пар)	Палашные клинки (шт.)	Шпажные клинки (шт.)
1701	2 786	796	3 723	124	84	1 672
1702	423	-	400	-	11 996	4 814
1703	9 511	-	9 438	-	5 098	40 762
1704	3 457	-	532	40	5 503	22 805
1705	6 814	-	3 562	1 918	1 241	24 228
1706	16 458	100	37 506	5 304	-	12 258
1707	28 101	743	21 919	7 177	14 820	26 289
1708	10 140	1 096	11 169	1 304	11 049	8 861
1709	1 788	-	-	3 677	12 815	148
1710	34 903	-	-	-	-	-
Всего	114 381	2 732	88 249	19 544	62 606	141 837

Данные свидетельствуют о том, что поставки основного вида оружия пехоты – фузей (кремневых ружей) были весомыми. Безусловно, это обстоятельство имело немаловажное значение для успешного ведения Петром I Северной войны.

В период своей работы ярмарка как бы выявляла все виды деятельности Архангельского порта: внутреннюю торговлю, масштабы привоза своих товаров поморами и, наконец, общие объемы внешнеторгового оборота.

Многие документы, а также рассказы очевидцев рисуют колоритную картину доставки в Архангельск грузов российскими купцами. Так, по словам иноземца Родеса, во время архангельской ярмарки даже в Москве замирала торговая жизнь: так много купцов выезжало оттуда на Север. Казна высылала сюда большое количество своих товаров. Коллинс свидетельствовал о том, что «царь ежегодно отправляет в Архангельск огромное количество мехов, мыла, пеньки, льна и меняет их там, на шелковые ткани, бархаты, парчи, атласы, сукна».

Но, пожалуй, самое яркое описание торговли в этом крае оставил А. Мейерберг, австрийский посол в России. В своей книге «Путешествие в Московию» он писал: «Северная Двина совсем завалена торговыми грузами, везут то выделанные воловьши кожи, то следующие еще к выделке лосиные, то коноплю и смолу, то льняное семя и сало, то воск, то приготовленную на Волге белужью, осетровую и других рыб икру, то липовую, ясеневою, вязовую и ивовую очищенную золу для суконного и мыловаренного дела, то медвежьи, волчьи, лисьи, беличьи, рысьи, хорьковые, куньи, соболя и другие меха; все для англичан и голландцев, приезжающих каждый год туда морем в известную пору лета. Они берут все эти вещи, да еще слюду, добываемую из гор на берегах Двины, и вытопленное из тюленьего жира масло и, либо, уговорившись сначала об обмене на свои товары, либо тут же сторговавшись в цене, отдают за то привезенные по Средиземному морю и океану: сахар, шафран, соленые сельди, мальвазию, испанские и французские вина, сукна разного рода и цвета, голландское полотно, зеркала, ножи, сабли, пистолеты, ружья, пушки, медь, свинец, олово, шелковые ткани, аксамит, камку, золотой и серебряный атлас, полотняные, бумажные и шелковые чулки, пряденое золото, жемчуг, перлы, рубины,....наконец, огромное количество золотых и серебряных денег. Все это отвозилось вверх по реке, к г. Вологде, а потом по зимней дороге в Москву в продолжение восьми дней пути»¹².

Размах ярмарочного дела в Архангельской губернии ясно виден из документа, составленного в губернском центре в конце 1779 года. Он получил довольно необычное название: «Описание торгов, которые бывают в Архангельской губернии, составленному по запросу Академии наук». Императорская Академия просила губернскую канцелярию для составляемого ею календаря прислать сведения «обо всех ярманках и торговых людей сорищах, бывающих в городах и других местах...», а также уточнить «в которое именно время и где оные бывают, сколь долго продолжатся, какие товары и из каких мест привозятся». Академия оставляла за архангельской канцелярией право на некоторую инициативу в сборе и подаче сведений, добавив в конце сообщения, что она может сообщить и о том, что ей «заблагорассудит присовокупить для лучшего публике об оных сведений»¹³.

В пространном обзоре содержатся данные о многочисленных торгах и ярмарках, имевшихся в то время на территории Архангельской, и даже в Вологодской губерниях.

Прежде всего, составитель документа секунд-майор Аникей Резанов отметил, что в городе Архангельском еженедельно круглый год бывают «торговые дни», на которые «собирается из ближних здешних деревень крестьяне», которые привозят на продажу «съестные и хлебные припасы», рыбу, птиц, ячневую муку, «земляные плоды, какие в здешней стороне водятся» и мн. др.¹⁴.

Но настоящая торговая жизнь в Архангельске разворачивалась летом. Резанов выделил потоки товаров, которые стекались в то время к городу на Северной Двине.

Естественно, что основное внимание составитель уделил показу размаха торгов в губернском центре. Он выделил два потока товаров, которые стекались летом к Архангельскому городу.

Первый из них шел с верховьев Северной Двины. «Вешним временем, по вскрытии реки, – говорится в документе, – начинают приплывать сюда из верхних городов и уездов на плотах и небольших крытых карбасах разной хлебной припас, а на плотах скот., а потом на барках и каюках и плотах всякий хлеб и прочий товар и продажа оного с тех судов продолжаетца все лето и осень...»¹⁵.

В специальном «известии» начальник торговой таможни детально описал многообразие товаров, которые доставлялись по реке. Он детально перечисляет поставщиков разнообразных грузов. Среди них купцы устюжские, вятские, вологодские, важские и многих других «внутренних российских городов». Они доставляли рожь, муку ржаную и ячменную, пшеницу, семя льняное, сало говяжье, лен, рогожи, юфть, воск, щетину, смолу, клей, мягкую рухлядь, а также китайские и азиатские товары.

Кроме чисто русских товаров по реке доставлялись и товары заграничные, приобретенные в Китае и азиатских странах.

Второй поток товаров поступал в Архангельск с моря, т.е. путем, по которому приходили на торги поморские и иностранные суда.

«Из поморских мест, – отмечалось в упомянутом документе, – летом временно на судах привозится морская соленая рыба, то есть семга, палтасина, треска и сельди, а в осеннее время особливо множество тех поморских же судов приходит с тою же соленой рыбою и с сухой треской и всякими сухих же тех же морских рыб головами и вязигою, и продажа продолжается во всю осень с тех судов».

Начальник портовой таможни упомянул также, что с Новой Земли и далекого Шпицбергена и других островов поморы привозили на судах «кость моржовую и тюленью», ворвань, шкуры песцов, кожи олени и «прочие промыслы».

Видное место в документе заняло сообщение о приходе в город иностранных судов «из аглинских, нидерландских, и лежащих на Северном море немецких, дацких, шведских и норвежских, а иногда и из французских, португальских и гишпанских гаваней». На этих судах иностранные купцы привозят «серебро в иностранной монете, разные вина, сахар, ткани, ртуть, олово, свинец, железо листовое, стекло» и многие другие товары»¹⁶.

Составитель документа Аникей Рязанов не забыл дать анализ работы местных ярмарок и торжков.

В числе других он называет Благовещенскую, Холмогорскую, Пинежскую, Важскую и Устьвашскую (в Мезенском уезде) ярмарки¹⁷.

Весьма любопытно, что определение ярмарка по отношению к архангелогородскому торгу в то время еще не привилось, и городской староста Иван Дружинин по этому поводу заметил: «Архангелогородские торги от вскрытия до замерзания рек, продолжающиеся пять месяцев, собственно ярманкою названы быть не должны, ибо оные состоят подобно портовому Санкт-петербургскому торгу»¹⁸. Наименования Архангелогородская, а затем и Маргаритинская ярмарка, как об этом говорилось выше, появились значительно позднее.

Важные сведения общего характера, сохранившиеся в сообщениях иностранцев и дошедших до нашего времени российских документов подтверждаются конкретными данными о количестве барок, плотов, баркасов, лодок, спускавшихся с верховьев Северной Двины и приходивших к началу торговых операций в Архангельске.

Возьмем, например, 1841, далеко не самый удачный для торговли год. По Северной Двине сверху в губернский центр пришло 2103 различных судов, в том числе 153 барки, 543 карбаса, 547 плотов и т.д. Они доставили в северный порт товару на 3 273 284 руб. На этих судах в город прибыли более пяти тысяч человек, в том числе 1196 крестьян и купцов из Архангельской губернии, 3820 – из других городов. В тот сезон из приморских населенных пунктов в Архангельск пришло более 850 судов¹⁹.

Если к этому добавить 244 иностранных корабля, бросивших свои якоря в порту на Северной Двине, то можно хотя бы частично представить себе шумное многолюдье, наблюдавшееся в то время в небольшом городе, размах торговых сделок, совершавшихся на пристанях, в лавках, палатках, а порой и прямо на судах.

Нельзя не сказать также о том, что Архангельск никогда не терял торговых связей с Сибирью. Большой торговый путь на Восток издавна шел от Великого Устюга. Устюжские и сибирские купцы постоянно обменивались своими товарами.

Причем эта торговая связь Сибири и Севера не ослабла и после того, как вследствие ряда причин торговые пути постепенно переместились в направлении к Петербургу, к Балтике. Еще долгое время сибирские транспорты с мехом по-прежнему шли к своему конечному пункту – портовому городу на Северной Двине.

* * *

Северные коммерсанты до появления пароходов проявляли размах и творчество в поисках средств доставки своих товаров. Так, родственник известного архангельского купца А.В. Булычева – основателя Северо-Двинского пароходства – вятский бизнесмен Егор Никитич Булычев с сыновьями, начиная с XVIII века, вел большой торг в Архангельске.

Всю зиму к пристаням Ношуль и Вымско-Быковской подвозили товары, здесь же строились деревянные барки длиной в 11,5 сажений. Затем сразу после прохода льда, когда на берегах рек еще лежал снег, владельцы караванов пускались в плавание. Они стремились использовать возможности весеннего разлива, чтобы быстрее достичь Северной Двины, так как реки Луза и Юг быстро мелели. Несмотря на холод, помещения для сна из-за боязни пожаров не отапливали. Для приготовления пищи на барках готовились особые места, обитые железными листами, на которых складывали кирпичные печки с котлом.

Один из наследников купца Филипп Тихонович предпринял смелый эксперимент. Вступив в наследование, он нашел вместимость прежних барок малой, и стал впервые сооружать барки длиной по 25 сажений, т.е. более 50 метров. Эта мера встретила сначала недоверие со стороны купцов. Но затем они быстро поняли преимущества этой инициативы. Караван Булычева из пяти новых барок отлично преодолел дальнюю речную дорогу. На каждой из барок находилось по 55 тыс. пудов сыпного груза и кудели и по 80 человек команды²⁰. Как уже рассказывалось выше, этот предприимчивый вятчик вместе со своим родственником

архангельским купцом Афанасием Васильевичем Булычевым учредили в 1858 году Северо-Двинское пароходное общество.

Кроме Маргаритинской, в Архангельской губернии издавна действовали Евдокиевская (с 25 февраля по 10 марта в селе Благовещенском Шенкурского уезда), Сретенская (со 2-го по 10 февраля в Шенкурске), Никольская и Алексеевская в Пинеге (первая – с 4 по 12 декабря, вторая – с 23 по 31 марта), Никольская в Онеге (с 6 декабря по 1 января), а также Крещенская в Мезени (с 10 по 20 января) и Рождественская – в Емецке²¹. Время проведения ярмарок имело свое объяснение: Маргаритинская действовала осенью, так как товары к ней доставлялись по реке и морям, а все остальные – зимой, когда замерзали реки и болота, а, значит, облегчался гужевой подвоз грузов и обеспечивалась их сохранность. Кроме того, как отмечалось в упоминаемом выше документе: «Описание торгов, которые бывают в Архангельской губернии, составленному по запросу Академии наук» (1779 г.), еженедельные мелкие торжки происходили возле всех монастырей Севера и многих церквей.

Многие документы отмечали, что каждая ярмарка на Севере имела товар, который являлся главной статьей их торговли. Таким товаром для Маргаритинской ярмарки, например, являлась рыба. В 1900 году, например, сделки на этот товар составили 88% всей ее торговли²². На Евдокиевской ярмарке преобладали мануфактурные товары, смола и лошади, Никольской – предметы оленеводства, рыбного и звериного промысла, Сретенской – бакалейная и в особенности хлебная продукция и т.д.

Вот некоторые данные об общих объемах продажи товаров на основных ярмарках губернии в 40-е и 70-е годы XIX века:

Среднегодовая продажа товаров на основных ярмарках Архангельской губернии (в рублях)²³

Ярмарки	1848–1850 гг.	1871–1873 гг.	Увеличение в %
Маргаритинская	377 384	1 588 500	320
Евдокиевская	335 823	670 530	99
Никольская	62 665	272 256	334
Алексеевская	30 407	50 373	65
Сретенская	4 834	22 056	356
Итого	811 203	2 603 715	220

Сведения, приведенные в таблице свидетельствуют о наличии двух крупных ярмарок: Маргаритинской и Евдокиевской. Долгое время (вплоть до 1851 года) обороты их были равны, достигали от 352 тыс. пудов в 1844 году до 525 тысяч – в 1851 г.²⁴

В целом же за 20 лет общее количество продаж выросло более чем в два раза. Даже на самой мелкой из всех ярмарок – Сретенской (в Шенкурске) – уровень реализации товаров увеличился в 3,5 раза. А торговый оборот Маргаритинской ярмарки в начале XX века составлял полтора – 2 млн. руб.²⁵. Вплоть до конца XIX века не сдавала своих позиций Евдокиевская ярмарка. Более того, в некоторые годы она по своим оборотам превосходила главную в губернии –

Маргаритинскую ярмарку. В 1877 году, например, в село Благовещенское было доставлено товаров на 931 855 рублей и продано на 785 тыс. руб. А на Маргаритинской – соответственно товарооборот составил всего лишь 695 и 537,7 тыс. рублей²⁶. В 1871, 1873, 1875, 1880 гг. на ярмарку было доставлено товаров более чем на 850 тыс. рублей. Дважды – в 1872 и 1876 гг. – этот уровень превысил 930 тысяч рублей²⁷.

На Евдокиевской ярмарке был представлен, говоря современным языком, весь северо-западный регион. В 1839 году ярославский купец Иван Горшков привез товара на 53 тысячи рублей, на пять тысяч рублей доставил добра шенкурский купец Гаврила Попов, на две тысячи – вельская мещанка Парасковья Потеряева. А рядом с ними успешно торговали мелкие ремесленники и посредники, доставлявшие различных изделий на сумму от 100 до 300 рублей. Заметное место среди этой категории торгующих занимали жители Каргополя²⁸.

Представляют интерес цены, которые складывались на той или иной ярмарке. Докладывая об итогах только что закончившихся торгов в селе Благовещенском начальнику губернии, шенкурский уездный исправник сообщал 23 марта 1879 года о том, что “из-за отсутствия у народа денег” цены на самый важный местный товар – смолу – были низкими: от 2,3 до 2,6 рублей за бочку. Для сравнения отметим, что цена лошадей, которых было доставлено на ярмарку 1700, составляла от 10 до 100 рублей за голову. Шкуры (волчьи, медвежьи, коровьи) стоили от 4 до 20 рублей штука, пуд ржи – 75-85 копеек, мука высшего сорта – 10-16 рублей мешок, сахар – 8,4 рубля пуд, масло коровье – 5-10 рублей пуд, говядина до 2 рублей пуд.

В селе Благовещенском силами удела был сооружен гостиный двор, насчитывавший 300 номеров, около 40 купцов обычно проживали во время ярмарок в домах крестьян²⁹.

Обстановка на местных ярмарках была далеко не идиллическая. Среди наиболее заметных происшествий во время торгов были кражи. Вот одна из многих картинок, оставшаяся в донесении Шенкурского исправника в 1870 году: “В ночь на 28 февраля во дворе крестьянина Благовещенского прихода Николая Павловского похищено с воза крестьянина Кадниковского уезда Матвея Денисова шорного товара на 122 рубля. В ночь на 2 марта неизвестно как ушла из двора пономаря Благовещенского прихода Павловского лошадь крестьянина Пинежского уезда стоимостью 90 рублей. Виновные пока не найдены”³⁰.

Своего рода феноменом Маргаритинской ярмарки служила, как уже это отмечалось выше, торговля, производившаяся на ней поморами. Этим именем на Севере издавна назывались люди прибрежного края Архангельской губернии, т.е. население, которое проживало в Архангельском, Мезенском, Кольском и Кемском уездах, а также в Сумском посаде. Поморы издавна пользовались рядом льгот. В частности, они могли без различия гильдий, начиная от рядового крестьянина-промысловика до купца, беспошлинно и в любом количестве вывозить из Архангельского порта на собственных судах хлеб, а также привозить соленую рыбу как норвежского, так и собственного лова. В этом случае они платили пошлину только за соленую сельдь и сушеную треску.

Начиная с марта, поморы двигались в становища, где занимались рыбным промыслом. А после вскрытия Северной Двины многие из них с рыбой собственного лова и закупленной у других промышленников направлялись в Архангельск. Некоторые из них совершали этот рейс не один раз. Абсолютное большинство поморских промышленников приезжали к Архангельску со всех стано-

вищ на раншинах (такое название судов происходит от слова ранний), лодьях, кочмарах и шхунах в период ярмарки. Часть поморов подходила в этот момент из Норвегии, куда они ежегодно возили хлеб, пеньковые товары, крупу, выменивая на них соль, треску, палтасину, олени шкуры и многое другое.

В течение XIX века в среднем ежегодно в Архангельск приходило более 600 судов из прибрежной территории и более 100 из Норвегии.

В начале октября все поморы на своих небольших торговых и промышленных судах возвращались с закупленными товарами к себе в родные поморские деревни.

В заключение заметим, что ярмарки на Севере действовали значительный период после событий 1917 года. Любопытное свидетельство о Сретенской ярмарке оставил в своих воспоминаниях ушедший из жизни в 2001 году полковник медицинской службы, выходец из Шенкурского уезда Григорий Андреевич Кулижников.

“Близилось Сретенье и с ним Сретенская ярмарка в нашем уездном городе Шенкурске, который отец именовал не иначе как Посадом... На эту ярмарку он решил съездить и меня взял с собой.

Собрались мы затемно. В пошевнях мешки с рожью и житом, прикрытые сеном. Отец в полушубке и тулупе, я укутан в мамину шубу... Дорога больше лесом, потом деревнями и длинным лугом и опять лесом. На речке перед Посадом водяная мельница... Отец уверенно правил к подворью Тонковых, где всегда останавливался. Тонковы – недавние крестьяне, перебравшиеся сюда вместе со своим домом...

Ночевали мы на полу, расстелив тулуп и накрывшись шубами. Утром поехали к Сретенской церкви. Возле нее на площади бесчисленное число подвод со всяким добром и скарбом. Чего только тут не было! Мешки с зерном и мукой, новые сани, телеги, колеса, конская сбруя, дуги, ушаты, бочонки, шайки, ведра деревянные, корзины-плетухи из соснового голтя и бересты, зобенки, туеса, прялки, щетки шерсть чесать, точила, лопатки для заточки кос, поковки разные: ухваты, ножи, копачи, заступы, вилы, косы-горбуши, серпы, топоры – всего не перечислишь. В торговых рядах на обочине овощи, мясо, масло. Целый день мы бродили и мерзли, не продав ни единого фунта ржи и жита. Отец молчаливым, сердитым поехал на ночь к Тонковым.

Но на завтра счастье ему улыбнулось: оптом все продал. Купил сушки, баранок, и мы, напившись, чаю со вкуснящими баранками, направились домой”³¹.

Но, разумеется, самым важным видом северной торговли являлся обмен товарами и продажа их иностранным купцам. Анализ этого вида деятельности дан в разделе “Внешняя торговля”. Здесь напомним лишь о том, что, начиная с 20-х годов XIX века, она не увеличивала своих объемов. Сказалось уменьшение у иностранцев спроса на товары Северо-восточной России. К тому же зарубежные потребители имели возможность дешевле и легче получать их из портовых городов Прибалтики, куда протянулись железные дороги, где был возможен более ранний и интенсивный подход судов, сосредоточились крупные торговые и промышленные капиталы.

Все это привело к тому, что архангельский губернатор сделал в 1886 году вывод о резком падении в Архангельске заграничной торговли. Как уже отмечалось выше, перспективы ее усиления были связаны с развитием речного и в особенности железнодорожного транспорта. В частности в материалах к отчету губернатора за 1898 год говорилось: «Только быстрота сношений и усовершен-

ствование путей сообщения, расширение паромства, сооружение железных дорог и устройством телеграфа можно вырвать этот обширный край из экономического застоя, в каком он долго находился, можно оживить промышленную и торговую деятельность, вызвать к жизни его естественные богатства»³².

Резонно предположить, что губернатор видел верную перспективу экономического развития северного края.

Ярмарки

- ¹См., например, Галаган А.А. Указ. соч., с. 14.
- ²См. Архангельск в XVIII веке. С. 108–109.
- ³См. Платонов С.Ф. Прошлое русского Севера: Очерки по истории колонизации Русского Севера. Пг., 1923. С.55.
- ⁴Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 69.
- ⁵ПСЗ. Т. VI. № 3708.
- ⁶Советская историческая энциклопедия. М., 1976. Т. 16. С.979.
- ⁷Военно-статистический сборник. СПб., 1871. Вып. 4: Россия. С. 528–529.
- ⁸См.: Справочная и памятная книга Архангельской губернии на 1875 год. Архангельск, 1875. С. 208; Обзор Архангельской губернии за 1910 год. Архангельск, 1910. С. 102.
- ⁹АГВ. 1844. 4 сентября.
- ¹⁰Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. М., 1996. С. 108, 116; Козинцева Р.И. Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии Всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.; Л., 1964. С. 116–163.
- ¹¹Захаров В.Н. Указ. соч. С.225.
- ¹²См. Кизеветтер А.А. Русский Север... С. 47.
- ¹³ГААО. Ф. 1. оп. 1. Д. 13263. Л. 1,1об.
- ¹⁴Там же. Л. 6об.
- ¹⁵Там же. Л.6.
- ¹⁶Там же. Л. 30.
- ¹⁷Там же. Л. 17, 33.
- ¹⁸Там же. Л. 18; Подобные суждения о наименовании Архангельской ярмарки «портовой», о сходстве ее с Петербургской «ярманкой» появлялись значительно раньше. См. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 6. Д. 11584. Л. 16.
- ¹⁹ГААО. Ф. 1 Оп. 12. Д. 30. Л. 55, 56, 56об.
- ²⁰1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. М.,1995. С. 370–371.
- ²¹Памятная книжка Архангельской губернии на 1907 г. Архангельск, 1907. С. 24–25
- ²²Обзор Архангельской губернии за 1900 год. Архангельск, 1900. С. 42; Маргаритинская ярмарка возродилась в октябре 2002 года. За три дня на ней побывало 20 тысяч человек, которые закупили товаров на 5,5 млн. рублей. В ней приняли участие 140 предприятий города и области. //Правда Севера. 2002. – 11 октября. Известия. 2002. – 11 октября.
- ²³Справочная и памятная книжка Архангельской губернии на 1875 год. Архангельск, 1875. С.212.
- ²⁴ АГВ. – 1852. - № 41. – 367-368; Общее количество всех ярмарок в губернии было значительно больше, чем указано в таблице. В ней не взяты во внимание мелкие ярмарки с оборотом от 2 до 14 тысяч рублей. В 1860 году в губернии насчитывалось 13 ярмарок, на которые купцы и крестьяне привезли товаров на сумму 1 936 023, а продали 1 703 109 рублей. См. Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 года). Архангельск. 2004. – С. 243.
- ²⁵Советская историческая энциклопедия. Т. 16. С.981.
- ²⁶АГВ. 1878. 18 февр.
- ²⁷ См. Крестьянская живопись Поважья. Каталог./ Сост. Т.М. Кольцова. – М., 2003. С.259; Сведения, приводимые в разных источниках, существенно расходятся.
- ²⁸ Овсянкин Е. Ярмарки на Ваге // Важский край. 1991. 25 июня.
- ²⁹ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1617. Л. 7.

³⁰Овсянкин Е. Ярмарки на Ваге // Важский край. 1991. 25 июня.

³¹Кулижников Г. Меты-зарубки. М., 1999. С. 55-57.

³²ГААО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 208. Л. 1-2.

НЕМЕЦКАЯ СЛОБОДА

Заметную роль в развитии торговли и промышленности в Архангельске, в становлении купеческого облика города на Северной Двине сыграли иностранные купцы, или “немцы” – так называли на Севере, как и во всей России, всех иноземцев¹.

Вскоре после основания порта здесь стала формироваться смешанная, в основном голландско-немецкая колония, получившая название Немецкая слобода. С той далекой поры вплоть до первых лет советской власти это понятие бытовало среди жителей города.

Иноземное поселение являлось, говоря современным языком, одним из городских микрорайонов. Слобода, располагавшаяся ниже древнего Гостиного двора, примерно от нынешней улицы Свободы до улицы Логинова (старое название Успенская), и врезавшаяся в глубь городского массива, сначала на один квартал от набережной Северной Двины застраивалась красивыми ухоженными домами, имела свои церкви, превратилась в своеобразный благоустроенный городок западноевропейского типа. Историк В. Крестинин не без основания называл слободу “вольным немецким архангельским посадом”². Слобода производила благоприятное впечатление на всех путешественников, посещавших Север. Доски добротных мостовых здесь не прогибались под ногами прохожих, а утопавшие в зелени особняки соперничали друг с другом в богатстве отделки.

К XIX веку Немецкая слобода расширилась и ограничивалась улицами Набережной Северной Двины, Обводным каналом, Свободы и Шубина. Следует отметить, что иноземное поселение в Архангельске никогда не имело формального статуса, и границы расселения иностранцев были весьма условны. В слободе находилось немало домов и русских купцов.

Архангельский военный губернатор, в частности, отмечал в одном из документов, что в Немецкой слободе проживают “большую часть торгующие иностранцы и архангельские капиталисты”³.

Прежде чем анализировать деятельность обитателей Немецкой слободы, коснемся двух общих проблем: историографии истории этого поселения в Архангельске и тесно связанной с ним роли иностранного капитала на Севере, а также периодизации существования слободы.

Богатое прошлое Немецкой слободы лишь сравнительно недавно стало предметом научной разработки. До сего времени в трудах историков, как на это справедливо указывал О.В. Овсянников⁴, были слабо отражены многие аспекты этой многоплановой проблемы: численный и национальный состав иноземной поселенческой структуры, взаимоотношения ее жителей с русскими купцами и “посажанами”, влияние первых на жизнь городской общины, масштабах их торгового и промышленного бизнеса и т.д.

В оценках деятельности бизнесменов – обитателей Немецкой слободы, как, впрочем, и вообще иностранного капитала в России – наблюдались крайние точки зрения, которые обуславливались конкретной социально-политической и экономической ситуацией в стране.

Немало негативных оценок в адрес иноземцев высказал в своем содержательном труде “Очерк истории Архангельска в торгово-промышленном отношении” С.Ф. Огородников. “Иноземцы, – отмечал он, – особенно англичане, платили русскому народу таким презрением, забылись до того, что принимали да-

рованные преимущества как должное, считали дозволенными всякие средства, ведущие к обогащению, лишь бы ослабить приютившее их государство и сделать берега его недоступными для кораблей других народов”⁵.

Противоположную точку зрения по вопросу о роли иностранных инвестиций занимал Г.И. Минейко. В своем отзыве на рукопись книги С. Огородникова он обвинил автора в “смешивании торговых интересов края с национальностью”, в том, что автор оценивал положение торговли “не по мере развития ее оборотов, открытия новых торговых путей, новых рынков, новых статей обмена, а по мере участия в этой торговле русского купечества”⁶. По сути дела Минейко выступил против политики государственного регулирования торгово-промышленной деятельности русских купцов, за абсолютную свободу торговли.

* * *

Региональный подход к анализу этой проблемы отразил общественное мнение, сложившееся в то время. Роль иностранного капитала в России всегда являлась одной из наиболее дискуссионных проблем отечественной историографии.

Впервые вопрос о работе в стране иностранных акционерных компаний и оценки их роли возник в 1863 году в связи с попыткой создания Англо-русского банка. Открытие банка не состоялось, но перед государственными чиновниками встали такие вопросы, как порядок утверждения подобных обществ, экономическое значение для страны иностранных капиталов и т.д.⁷.

Особенно жаркие споры вокруг проблемы иностранного капитала разгорелись в конце XIX – начале XX века, когда в России началось массовое создание акционерных компаний. В патриотической прессе преобладало враждебное отношение к иностранным инвестициям.

Не было единой точки зрения на эту проблему среди членов Государственной думы, т.е. уже в XX веке. Видный промышленник А.И. Коновалов, выступая на одном из ее заседаний в 1913 году, отмечал, что причинами слабого притока иностранных капиталов в Россию “является отсутствие правовых политических условий..., архаичность многих наших законов, недостатки нашего трудового законодательства и, отсутствие уверенности... в существовании твердой экономической политики”⁸.

Для подобного заявления российских парламентариев были основания. Дело в том, что формально порядок утверждения акционерных обществ в России по закону от 6 декабря 1836 года был одинаков как для русских, так и для иностранных подданных. Но этот закон не давал определения самого понятия “иностранное общество”, вследствие чего среди исследователей до сего времени не существует единой точки зрения об этой категории организации промышленного производства или торговли.

Изучение вопроса о роли иностранного капитала в советское время почти не велось, т.к. скудные данные о вложениях иностранцев служили лишь для обоснования распространенного в то время тезиса о полукOLONIALном характере экономики России. Иностраный капитал нередко изображался главным виновником отсталости нашей страны, выход из которой могла дать только социалистическая революция.

В работах архангельского экономиста П.М. Трофимова, например, отмечался хищнический характер иностранного капитала. Иностранцы на Севере, по его мнению, “разоряли и подрывали русские торговые и промышленные предприятия”, проводили здесь колониальную политику⁹.

Подобная тенденция дает о себе знать и в наши дни. Профессор О. Платонов во вступительной статье к объемистой книге “1000 лет русского предпринимательства...” отметил: “Большая часть иностранцев, приехавших в Россию в XVI–XVII веках, были люди авантюрного, а порой даже мошеннического склада, люди, которым нечего было терять, их цель была ловля “счастья и денег”. Причем на русских людей они зачастую смотрели, как на объект наживы, нередко пытались их надуть”¹⁰.

С другой стороны, как раньше, так и в наши дни некоторые историки и экономисты дают только панегирические оценки роли иностранцев в развитии российской экономики¹¹.

Не остались в стороне от освещения этой многогранной проблемы и иностранные исследователи. В отличие от русских историков, они отмечают исключительные трудности ведения торгового бизнеса в России. Среди них: отсутствие постоянных торговых партнеров, произвол чиновников, торговые сделки с необычным предпринимателем – государством и т.п. Как отметил один из иностранных историков, западноевропейский купец, рискнувший заниматься бизнесом в России, должен быть скорее “авантюристом”, чем обычным купцом¹².

В последний период вопрос о роли иностранного капитала стал вновь активно обсуждаться российским обществом, является предметом пристального внимания ученых.

Принципиальная позиция, сформировавшаяся в ходе дискуссий и занятая нашими исследователями по этой всегда актуальной проблеме, стала более взвешенной. Она состоит в том, что иностранные капиталовложения “сыграли важную роль в становлении некоторых отраслей промышленности”, что “иностранцы принесли с собой не только капиталы, но и складывавшиеся веками в более развитых странах навыки капиталистической организации промышленности, торговли и кредита, а также выработанные там технические идеи ...и способствовали установлению и развитию связей российской экономики с мировым рынком”. Но, с другой стороны, исследования убедительно показывают, что “не нужно идеализировать значение прямых иностранных капиталовложений. Они отнюдь не преследовали благотворительные цели”¹³.

Подобная оценка, однако, не означает полной ясности ситуации, которая имела место в экономике отдельных регионов. Как справедливо заметил один из первых исследователей этой проблемы А.Г. Донгаров, “то, что когда-то было коммерческой тайной для современников, сегодня остается в значительной степени тайной для историков”¹⁴.

Мы еще вернемся к этой оценке при конкретном анализе участия иностранного капитала в развитии экономики Севера.

Пока лишь отметим, что вплоть до недавнего времени на серьезное изучение проблемы иностранного капитала в России было наложено своеобразное “табу”¹⁵.

* * *

Что касается проблемы периодизации истории архангельской Немецкой слободы, то, упреждая изложение событий, отметим: накопленные сведения о ней позволяют выделить несколько этапов в жизни и деятельности ее поселенцев.

Первый из них длился с момента основания города до эпохи Петра I, т.е. около 120 лет. Это было время сравнительно стабильного развития внешней торговли в Архангельске, который являлся единственным в России центром при-

тяжения иностранных купцов. Шел процесс постепенного увеличения численности иноземных поселенцев на Севере и внедрения их в жизнь города на Северной Двине.

Вторым периодом жизни слободы следует считать эпоху Петра I. Великий реформатор, предельно упростив правила приезда иностранцев в Россию, оживил жизнь Немецкой слободы. Наряду с новыми поселенцами с Запада здесь оказалась также часть “московских немцев”, прибывших для работы на Соломбальской судовой верфи и для торговли.

Третий этап развития иностранной торговли и соответственно жизни Немецкой слободы длился более 40 лет (с 20-х годов XVIII века до 1762 г.). Этот отрезок времени можно характеризовать как период заметного упадка и затухания деловой жизни на Севере, вызванных рядом ограничительных мер по ввозу товаров в Архангельск из центральных регионов России. Он продолжался здесь до отмены ограничений на внешнюю торговлю. Значительная часть иностранцев в те годы покинула город. Некоторые из них перебрались в Петербург. В Немецкой слободе остались лишь самые стойкие купцы, наладившие крепкие связи со своими клиентами в провинции, а также купеческие вдовы.

Примерно с 1760-х годов торгово-экономическая жизнь в Архангельске характеризовалась заметным оживлением, продолжавшимся до конца первой четверти XIX века. В это время наблюдался взлет местного купеческого судостроения, быстрый рост могущества русских и иноземных торговых домов. Значительная часть иностранцев вступила в это время в российское подданство.

Все последующие десятилетия вплоть до конца века деловая жизнь Архангельска характеризовалась упадком. Обанкротилась значительная часть русских торговых домов. А выходцы с Запада безраздельно господствовали во внешней торговле, успешно внедрились в судостроение, стали заниматься лесопилением.

И, наконец, *в последней четверти XIX века* начался заключительный период в жизни Немецкой слободы. В 70-80-е годы на Север прибыла последняя волна иноземцев. В их числе были наиболее заметные архангельские предприниматели: А.А. Сурков, М.А. Ульсен, К.К. Стампе, А. И. Андерсон и другие.

Это было время начавшегося подъема промышленности и торговли Севера, что было обусловлено проведением железной дороги из центра до Архангельска, развитием речного парового судоходства и притоком капитала в ведущую отрасль хозяйства – лесную промышленность.

После революционных потрясений 1917 года, последовавшей затем гражданской войны Немецкая слобода прекратила свое существование. Часть бывших обитателей иноземческого поселения выехала на родину своих предков. Многие потомки “немцев” навсегда остались на Севере. И в настоящее время в Архангельске встречаются фамилии Шергольдов, Гувелякенов, Пецев и ряд других. Потомки некогда именитых фамилий давно обрусели и, как правило, забыли язык своих предков.

Немецкая слобода

¹Историк Д. Цветаев отметил, что первоначально московские власти всех людей, прибывших с Запада, называли “латинами” или “иноземцами”. Со времени Ивана IV протестанты

обрели наименование “лютеры” или “немцы”, а католики – “римляне” или “латины”. См. Цветаев Дм. Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований: Ист. исслед. М., 1890. С. 2.

²Крестинин В. Указ. соч. С. 3.

³Борисова Л. Тропинки к храму // Летописец Севера: Ист.-краевед. сб. Архангельск, 1990. С. 34, 38.

⁴См. Архангельск в XVIII веке. С. 124–126.

⁵Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска ... С. 88.

⁶Минейко Г.И. Отчет комиссии о присуждении премии за составление истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. Архангельск, 1888. С. 4.

⁷Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М., 1997. С. 102 (Далее: “Иностранное предпринимательство...”). Это издание является одной из первых серьезных работ, посвященных роли иностранного капитала в России..

⁸Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 195.

⁹Трофимов П.М. Указ соч. С.82.

¹⁰1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов / Сост., вступ. ст., прим. О. Платонова. М., 1995. С. 29.

¹¹Оценивая рукопись книги С. Ф. Огородникова “Очерк истории Архангельска в торгово-промышленном отношении”, Г.И. Минейко резко критиковал автора за “странные и наивные суждения” на преобладание иностранных торговых фирм в Архангельске, как будто бы это явление не было общим для всей внешней торговли России, как будто бы Архангельск был каким-то исключением. См. Минейко Г.И. Указ. соч. , с. 5.

¹²См. Захаров В. Н. Указ. соч. С. 10.

¹³См. Предпринимательство и предприниматели...С.102–103.

¹⁴Донгаров Г.А. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. С 19.

¹⁵См. Бовыкин В.И. Введение к книге “Иностранное предпринимательство...”. С. 14.

У ИСТОКОВ ИНОЗЕМНОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Процесс вхождения иностранцев в экономическую и культурную жизнь Архангельска и формирование здесь постоянного их обитания – Немецкой слободы – был длительным и достаточно сложным. Представителей диаспоры, смешанной из разных народов, объединяли в основном два фактора: экономика и религия.

Труды историков последних лет позволили установить, что понятие “Немецкая слобода” появилось в Архангельске в конце XVII века. А в постоянном обиходе и в деловых документах оно стало употребляться лишь в начале XVIII столетия¹.

Рождение и становление архангельской Немецкой слободы, судьбы ее поселенцев определялись, на наш взгляд, тремя факторами: *мотивами действий иностранных предпринимателей, политикой Российского государства и тесно связанным с нею ходом социально-экономического развития Севера.*

Не подлежит сомнению, что основным мотивом стратегии в деятельности иноземного купечества на севере Московского государства являлся поиск экономической выгоды.

По замечанию русского историка, академика С. Платонова, в основе мероприятий иностранцев по освоению Русского Севера лежали причины коммерческие, и поэтому “в результате всех изысканий англичан и голландцев явились не научные трактаты, а торговые договоры с московским правительством”. Иноземцы, по его мнению, стремились “использовать (и по возможности монопольным способом) исследованный край”².

Они были, – заметил один из краеведов – “не бескорыстными служителями..., а искателями счастья, влекомыми жаждой обогащения”³. «Это были люди исключительно личных расчетов и практических домогательств, – вторил этому утверждению другой исследователь. – Каждый из них хлопотал о своих выгодах, всякий гнался за наживой или почестью и немало не стеснялся подставлять другим ногу, если тот не принадлежал к его кружку»⁴. Иначе говоря, в Россию ехали различные люди с единственной целью: за хорошими заработками. Используя богатый опыт в бизнесе, они намеревались поправить здесь свои пошатнувшиеся на родине дела.

Верность этих слов вполне подтверждается анализом конкретных событий и фактов. Узнав о богатстве Севера России, иноземцы с поразительной быстротой проникали в неведомые им ранее земли, осваивались в новой обстановке, добивались до Мезени, Печоры и даже Сибири.

Голландский посол, юрист и географ в своей книге “Северная и восточная Тартария”, изданной в 1692 году, дал подробное описание Пустозерска с приложением детального плана города. Еще в начале XVII века здесь были представители английской торговой компании.

Сюда вслед за англичанами пытались проникнуть и другие иностранные купцы. Русское правительство, чтобы воспрепятствовать этому, в 1620 году закрыло морской путь в Сибирь. Знаменитый Пустозерский острог стал играть роль военно-сторожевого поста, способного воспрепятствовать проникновению иноземных предпринимателей в Северо-восточные районы и в Сибирь.

Первым местом, где нашли применение свои силы английские купцы на Севере, явились Холмогоры. Пользуясь льготными условиями, данными Ива-

ном Грозным, они уже в 1560-е гг. имели здесь, по свидетельству английского путешественника Томаса Рандольфа, не только склады для хранения товаров, но и “собственную землю и много хороших домов с конторами для собственного удобства”. Более того, английский купец Ричард Грей основал в Холмогорах канатную фабрику (канатный двор). Семь английских мастеров, используя силы свыше ста местных крестьян, плели канаты, которыми оснащались корабли Великобритании. Только в 1558 году здесь было изготовлено 70 тысяч пудов русских канатов и веревок⁵.

Английские специалисты высоко ценили холмогорскую продукцию. “Один здешний канат, – писал один из них в “Московскую компанию”, – стоит двух данцигских, потому что данцигцы пускают в дело старые канаты и гнилой материал, вследствие чего в непогоду канаты их оказываются недостаточно прочными”⁶.

Масштабы торговой деятельности “Московской компании”, созданной в Англии, непрерывно расширялись, и в 70-е годы XVI века она ежегодно направляла на Север России от 6 до 10 кораблей. Компания добилась права беспошлинной торговли во всем Московском государстве, монополизировала торговлю в Казани, Астрахани, в Нарвской гавани. Она стала владеть недвижимостью в этих городах, иметь канатные заводы не только в Холмогорах, но и в Вологде, искать руду, нанимать русских рабочих.

Однако, начиная с 1570-х гг., англичан потеснили голландские купцы. В 1578 году в Пудожемском устье Северной Двины появился корабль из Нидерландов Яна ван Валле. Вслед за ним на Двину пришли и другие голландские суда. А в 1580 году Ян ван Валле в обмен на колокол тоже приобрел у Антониево-Сийского монастыря двор в Холмогорах⁷. К 1600 году выходцы из этой страны, по утверждению голландского историка Я.В. Велувенкампа, стали “ведущей западной нацией в торговле с Московией”⁸.

Историк А.В. Демкин, скрупулезно проанализировав большой массив различных документов, впервые в историографии предпринял попытку определить численность западноевропейских купцов, которые поддерживали деловые связи с Россией в течение XVII века. В списках фамилий иностранных купцов и их приказчиков значится 1361 человек. Почти половину из них (644 купца) составляют нидерландцы. Многие из них торговали с Россией 10 – 30 лет. На втором месте по своей численности идут английские торговцы (319 человек). 210 купцов и их приказчиков являлись выходцами из Гамбурга. В качестве особой группы исследователь выделил так называемых московских торговых иноземцев, 113 из которых занимались внешней торговлей⁹.

Последняя группа купцов занимала особое положение. С одной стороны, московские иноземцы выполняли различные торговые и дипломатические поручения российского правительства, платили налоги и принимали присягу.

В то же время они, представлявшие нередко второе и даже третье поколение иностранцев, осевших в России, пользовались правами западноевропейского купечества: свободно торговали и передвигались в России при наличии проезжих грамот, не были подсудны местной администрации и обладали не тяглым статусом личных дворов.

По данным А.В. Демкина, некоторые фамилии западных купцов действовали в России в течение всего XVII века. Поскольку в течение столетия внешняя торговля России осуществлялась только через архангельский порт, то можно уве-

ренно говорить о том, что абсолютное большинство западноевропейских купцов начинали свой бизнес на Северной Двине.

Преобладание во внешней торговле с Россией небольшой страны было весьма внушительным. По сведениям Я.В. Велувенкампа, в Архангельск в течение XVII века ежегодно приходило 35 и более голландских судов, около 200 амстердамских купцов регулярно вывозили товары из города на Северной Двине. А общий ввоз грузов из России составлял около 7% от общего объема голландского импорта из Европы¹⁰.

Стремительное завоевание северного рынка голландцами было объяснимо. В дальний путь в Поморье отправились те же самые купцы, которые давным-давно торговали с Россией через Нарву и по достоинству оценивали выгодность торговых связей с этим богатым государством. Военная ситуация, сложившаяся на Балтике, потеря Россией прибалтийского плацдарма побудили бизнесменов быстро изменить место своей торговли. Они понимали, что такие дефицитные товары, как мачтовый лес, смолу, юфть, поташ, пеньку, можно выгодно закупить только на Севере России.

У истоков иноземного поселения

¹ Архангельск в XVIII веке. С. 120 – 121.

² Платонов С.Ф. Прошлое Русского Севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Пг., 1923. С. 67.

³ Минейко Г. И. Указ. соч. С. 5.

⁴ Цветаев Д. Указ соч. С. 9.

⁵ См.; Гамель И. Указ. соч. С. 39; Булатов В.Н. Указ. соч. Кн. 3. С. 103.

⁶ Готье Ю.В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 237-238.

⁷ См. Захаров В. Н. Указ соч. С. 10.

⁸ Архангельск в XVIII веке. С. 102.

⁹ Демкин А.В. Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М., 1992. С. 5, 6, 10, 11.

¹⁰ Там же. С.212.

Рождение Немецкой слободы

Сооружение в 1584 году нового города-порта в устье Северной Двины и постепенное сосредоточение здесь всего систематически возраставшего товарообмена поставило перед иноземными купцами ряд новых для них проблем, которые не возникали у них с такой остротой при торговле со своими соседями в Западной Европе.

Иностранцам нужно было найти пути продвижения своих грузов в центр России, иметь склады для хранения товаров и пристанище для собственного достаточно длительного проживания. Последние обстоятельства являлись особенно важными, т.к. торговля возле Архангельска носила сезонный характер. Ярмарка происходила в сентябре и длилась до октября, а иногда продлевалась до декабря. Кроме того, порой не удавалось реализовать в течение торгового сезона все товары, требовалось оставлять их на хранение.

Российские власти, централизуя торговлю возле Архангельского города и пытаясь навести порядок со сбором пошлин, хотели извлечь выгоду при помощи строительства складских помещений и взимания платы с купцов за хранение товаров. Так родились сначала наспех сооруженные деревянные сараи для складирования грузов “немецкими” и русскими купцами. А затем появился величественный каменный Гостиный двор (1668 –1684 гг.) с многочисленными помещениями.

Инициативу проявляли и предприимчивые иностранцы. Для проживания в Архангельске они покупали у местного населения дома и жили в них во время ярмарки. Тем более что российские законы того времени создавали благоприятные условия для поселения иностранцев.

Первые льготы для купцов западных стран, в частности, для англичан, предоставил еще Иван Грозный. Продолжая эту традицию, Петр I в манифесте о вызове иностранцев в Россию, изданном 12 апреля 1702 года и широко распространенном во всей Западной Европе, поставил стратегическую цель – обогащение страны путем торговли. В манифесте говорилось о необходимости “всячески улучшить и распространить торговлю... Чего ради мы все наипаче к споспешествованию торговли с иностранцами необходимые приказания, распоряжения и учреждения всемилостивейше учинили и впредь чинить намерены”.

Царь приглашал иноземцев в свое государство на льготных условиях: совершенно свободный въезд, содействие всякого рода в торговле и промышленности, свободное отправление веры и т.д. Преобразователь, продолжая сложившиеся к тому времени традиции, всемерно стремился к тому, чтобы русские люди учились у иностранцев быть искуснее “во всех торговых делах”¹.

Эта же мысль была основной в указе Екатерины II о приглашении немцев к переселению в Россию. Она, как и ее великий предшественник, рассчитывала, что переселенцы с Запада “могут приобретенным своим искусством, рукодельством, промыслами и разными неизвестными еще в России машинами открыть подданным легчайшие и кратчайшие средства к обрабатыванию земель, к распространению домашнего скота, к разведению лесов, к заведению собственных фабрик, к управлению всего крестьянского домоводства”².

Первыми из иноземцев в Архангельске обосновались купцы, которые уже имели в тот момент свои дома и хозяйственные сооружения в Холмогорах и смогли быстро перебраться на новое место, а за ними постепенно потянулись и другие.

Выяснение полных данных обо всех иностранцах, проживавших в архангельской Немецкой слободе, является непростой проблемой.

Дело в том, что среди ее обитателей было несколько групп. *Часть* из иноземцев, особенно в первый период, проживала в слободе только во время торгового сезона. *Другая* – задерживалась на более продолжительный срок, пользуясь так называемыми срочными годовыми свидетельствами, часто продлевая их на новые сроки. Постепенно в городе появлялись и *постоянные жильцы* – купцы, записавшиеся в вечное российское подданство и привезшие сюда свои семьи. И все эти категории попадали иногда в общий обсчет жителей слободы.

Более или менее четкий порядок появился в России после введения в жизнь Городового положения, изданного в 1785 году. Одна из частей этого документа предусматривала выделение графы “иностранные гости”. А иноземцы, принявшие российское подданство, естественно, считались уже отечественными российскими купцами, они отличались в этих списках лишь написанием фамилий.

Однако эта простота была кажущейся. Иностранец, как правило, вступал в российское подданство формально, имея расчет получить льготы, положенные по закону русским купцам. Нередко дети такого российского гражданина, привезенные в Россию, оставались иностранными подданными. И только потребности бизнеса, накопленный капитал, необходимость получения льгот в его использовании и наследовании понуждали такого купца вводить и их в подданство России. Естественно, что все обитатели Немецкой слободы, в том числе и принявшие российское подданство, долгие годы вели замкнутый образ жизни, имели свои церкви, школы, свой тип поведения.

Уже в начале XVII века зарубежные торговцы имели в Архангельске 7 своих дворов: 3 – голландцы и по 2 англичане и московские немцы. Их дворы стояли в конце посада, недалеко от реки, а к середине века в Немецкой слободе насчитывалось 24 иностранных двора, при которых находились: 21 амбар, прядиленный и канатный заводы, 10 кузниц и две мельницы. Эти сооружения располагались компактно по направлению от будущих Гостиных дворов к Боровской церкви, за которой стоял густой лес вплоть до Черной Речки³.

Давний исследователь истории города О. Овсянников сделал вывод о том, что на рубеже XVII – XVIII вв. Немецкая слобода занимала территорию, раскинувшуюся от северного окончания Немецкого гостиного двора до Успенской-Боровской церкви, т.е. до современной улицы Логинова. Но постепенно “немецкие” застройщики получали места для сооружения своих домов уже за пределами этой территории, т.е. ближе к так называемой “моховой” стороне и на Бору, на Сальном берегу. Сведения, сохранившиеся в переписных книгах, позволяют частично проследить процесс становления Немецкой слободы.

Как уже отмечалось, первоначально иностранцы, купив дом русского человека, проживали в городе лишь во время навигации и торговой ярмарки. В зимнее время в таком доме поселялись русские посадские люди, нанявшиеся на службу к приезжавшему купцу. Во всех документах той поры такие люди именовались “дворниками”.

В первой четверти XVII века значительное число дворов иноземцев стояли на посаде и владельцы их, как и прежние собственники, платили положенные по-

дати. А в конце на прежнем месте остался лишь один двор, а все остальные стояли компактно, севернее Немецкого гостиного двора. Обитатели слободы – в большинстве своем протестанты – на долгие годы стали олицетворять промышленную и торговую мощь города.

В конце XVII века иноземное поселение с его церквями заметно выделялось среди других сооружений, расположенных по берегу Северной Двины. Голландский художник и писатель де Бруин, посетивший Архангельск в 1701 году, зафиксировал с реки, с одного из кораблей, наряду с собором, кремлем, гостиным двором, лютеранскую и реформатскую церкви и немецкое подворье. А в описании города он отметил, что эти церкви “отстоят недалеко друг от друга на берегу реки. Проповедник (пастор) живет тут же возле церкви”⁴.

В 1708–1714 гг. уже более 30 голландских купцов владели домами и жили в Архангельске⁵. На первую четверть XVIII века, т.е. вплоть до ограничения торговых сделок в Архангельске, введенных Петром I после рождения Петербурга, и приходится наибольшее количество приобретений иностранцами земельных участков в Архангельске. К 1782 году в слободе насчитывалось 62 двора, принадлежавшего выходцам с Запада.

Документы, характеризующие этот процесс, свидетельствуют о том, что иноземцы стремились покупать земельные участки севернее Гостиного двора. С этим и связано быстрое формирование в начале XVII века обособленной слободы иностранных поселенцев. Источником удовлетворения потребностей иноземцев в земле были дворы посадских людей, попавших в нужду, и “пустые порозжие места”, расположенные как на берегу Двины, так и по направлению к “моховой” стороне города.

Пожалуй, наиболее характерной особенностью приобретаемых иностранцами земель был их *большой размер*. Если усадьбы рядовых посадских жителей составляли, переводя на современные язык и меру, от трех до десяти “соток”, то иностранцы, располагая денежными средствами, увеличивали размер дворов порой до нескольких гектаров.

Так, в 1710 году торговый иноземец Андрей Бодышка приобрел под свои строения территорию размером в двести сажен в длину и пятьдесят – в ширину, т.е. около четырех гектаров земли⁶. Не меньший участок имела и вдова Авдотья Балтысерева, жена Избранта, известного в прошлом приближенного Петра I. В 1711 году в ее владении на Сальном берегу, помимо двора, располагалось “дворовое пустое место”. На собственном дворе насчитывалось десять горниц, две поваренные и одна приворотная избы, баня, два “анбара”, сарай, пивоварня и “недостроенные каменные полаты”. В распоряжении вдовы, кроме этого, находились также купленный мужем у адмиралтейства канатный завод, возле которого располагались семь изб для рабочих людей, баня, сарай, восемь “смольных анбаров” и ряд других построек⁷.

А некоторые иноземцы годами распоряжались землей, которая вообще никогда не измерялась.

И даже позднее, в XIX веке, один из жилых домов и необходимые постройки потомков известного купца В. Брандта занимали большую территорию, располагавшуюся на углу улиц Дворянской (позднее Троицкий проспект) и Захарьинской (ныне – Попова). Брандты купили этот участок у разорившихся купцов Беккера и Амбургера за 183 рубля⁸.

Поражают не только масштабы, но и *количество* приобретаемых иноземцами земельных участков у посадских людей. В 1700-х гг. “галанской земли

иноземец Иван Михайлов сын Янблуд”, например, одно за другим купил на Сальном берегу дворовые места у посадских людей Карпа Фокина, Ивана Ваганова и у кегостровца Ивана Каржавина. Бывшие горожане, владевшие некогда скромными участками размером от 4 до 8 “соток”, получали за них от 20 до 30 рублей. На проданных участках, как правило, стояли маленькие избы на подполье, бани, сараи и другие сооружения⁹. Но иностранцам был нужен земельный участок, а не жалкие посадские постройки.

Территория Немецкой слободы формировалась не только за счет покупки иностранцами русских дворов, но и **освоения новых участков земли**. В 1711 году, например, били челом о приобретении “порозжих мест” иноземцы Павел Елизарьев, Ананий Пель с братом, Н. Ромсвинкель, К. Иевлев и другие¹⁰.

Процесс создания обособленной иноземной слободы, очевидно, объяснялся тем, что русское правительство, проводя неуклонный курс на изоляцию иностранцев от населения, выделяло специальные территории для поселения и деятельности приезжих иностранцев.

Это явление, в частности, наблюдалось в Москве. Немцы проживали компактно возле ручья Кукуй¹¹. А в селе Красном, расположенном в одной миле от города, жили агенты английских и некоторых голландских городов. Иностранцы были стеснены в своих передвижениях по городу и по стране.

* * *

Рождение и расширение Немецкой слободы протекали с немалыми осложнениями. Русских людей раздражал напористый захват иноземцами городских земель. Нередко они направляли свои челобитные на имя царя, жалуясь на утеснения посадских людей при сооружении выходцами с Запада дворов и хозяйственных сооружений.

Любопытным документом с этой точки зрения явилась челобитная, направленная царю Алексею Михайловичу посадскими людьми Архангельского города. Жители города жаловались на то, что “поставились они иноземцы своими выставочными дворами на наши тяглые места, чем заперли нашу искони мирскую дорогу, нет ни нам, ни скотам нашим ходу, а прохожий мост они разломали и разбросали”. В жалобе сообщалось также, что каждый из восемнадцати владельцев дворов с амбарами, погребами и выносными поварнями занял чересчур большую “меру” в сравнении с сооружениями русских людей¹². Эту челобитную подписал священник Спасской церкви Иван Романов “за посадских людей Архангельского города, детей своих духовных”, а также сотский и несколько посадских. Государь повелел 12 марта 1664 года двинскому воеводе удовлетворить челобитчиков: иноземные дворы, поставленные на тяглых местах без государева указа, приказал снести, а владельцев остальных дворов заставить платить тягло в мир.

Во второй половине XVIII века в городе поселились основатели династий, оставивших заметный след в жизни Архангельска. Среди них уроженец Гамбурга, пастор лютеранского прихода Иоганн-Генрих Линдес, портной Карл Люрс из Ганновера, саксонский хлебопек Август Пец и другие.

Следует отметить, что, несмотря на понижение торгового значения Архангельска в XIX веке, приезд иностранцев не прекращался. В 20-е годы в состав городского купечества разных гильдий и в российское подданство вступили бывшие петербургские купцы Франц Амбургер, Абрам Руссатъе, Соломон Фанбрин и Яков Гольбом.

А во второй половине XIX века в городе появилась последняя волна иностранцев, главным образом норвежцев. В их числе оказался мастер-строитель, норвежец Адольф Виклюнд, соорудивший в городе добротный дом. Его сын Арнольд оставил заметный след в истории города. Он родился в Архангельске, но не принял российского подданства. Здесь он женился на русской женщине, долгое время был секретарем консульства, а с 1937 года исполнял обязанности норвежского консула, выехал из города в мае 1938 года. Именем этого человека воспользовались в 1937 году архангельские органы НКВД, состряпав так называемое «Дело норвежского консула Виклюнда», по которому, как это будет показано ниже, пострадало более 60 архангелогородцев, в том числе обитателей Немецкой слободы.

В 70-х годах в город на Северной Двине прибыли норвежцы Мартин Ульсен и его друг Карл Стампе. Тот и другой стали крупными лесопромышленниками. На лесозаводе Ульсена – Стампе работал брат и сыновья Мартина Абрамовича. В те же годы в городе появились Я.И. Лейцингер, прусский подданный А.А. Сурков и ряд других.

Долгое время четкого учета иностранцев в губернском городе не было и в XIX веке. Если сведения о купцах и их семьях, принявших российское подданство, собирались ежегодно, то иноземцы, проживавшие по так называемым «срочным билетам», не всегда были в поле зрения властей.

Манифест от 1 января 1807 года, определяя гражданские и торговые права иностранного купечества, ввел три новых положения. Они гласили, что *отныне* вписываться в гильдии российского купечества имели право только «одни верноподданные». Это означало, что иностранец мог записаться в гильдию, только вступив «в вечное подданство России» и, *в-третьих*, иноземец, не вступивший в гильдии, не мог пользоваться никакими купеческими выгодами. Манифест провозгласил, что эти три правила будут «*навсегда общими коренными и непоколебимыми*».

С этого времени иностранец мог получить в России только права *гостя* или *заезжего купца*. Иностранец, вступивший в права *гостя*, приобретал неполное гражданство приморского центра. Он должен был платить сверх положенных таможенных сборов процент с четвертью с капитала, объявленного свыше 50 000 рублей. А права *заезжего купца* закон ограничивал лишь возможностью торга в таможенный черте или на бирже, а не внутри города. Он также должен был платить кроме таможенного сбора определенный процент с суммы капитала свыше 25 000 рублей.

При этом тем и другим под страхом строгого наказания запрещалось торговать друг с другом: они имели право продавать свои товары только русским купцам. Закон подтверждал право для иноземцев «заводить, приобретать и содержать фабрики, заводы и мануфактуры», но каждый «товарищ» иностранного торгового дома обязывался платить особую пошлину с объявленного им капитала¹³. Создается впечатление, что власти стремились этими ужесточениями правил побудить иностранцев быстрее вступать в российское подданство.

Это намерение властей подтверждается и тем, что с того времени городские и губернские власти стали активнее наводить порядок с учетом всех иностранцев. Суть требований властей (чаще всего это были предписания министра финансов) по отношению к иноземцам состояла в том, чтобы они, в случае длительного их проживания в России, быстрее проясняли свое отношение к вступлению в российское подданство и четче определяли свое состояние, платили положен-

ные в казну налоги. Указания сверху обязывали городские власти запретить иностранцам, не записавшимися в иностранные гости, заниматься в городе неположенными по закону промыслами.

Архангельская казенная палата, в частности, требовала от губернского правления, что если кто-либо из иностранцев «пожелает пользоваться присвоенными российскому гражданству преимуществами» (по промыслам, торговле или мореплаванию), то таковые «вошли бы в вечное подданство России, и избрали бы свойственное промыслам состояние, дабы от противного казна не лишалась бы принадлежащего ей дохода»¹⁴.

Вскоре после выхода упомянутого выше Манифеста городским властям стали регулярно поступать требования о регулярном составлении «именных списков» иностранцев, установления, кто из них, где проживает и «чем промышляет», а также предписания всем им, чтобы в срок до 20 декабря они возобновляли свои годовые билеты.

В ходе проверки выяснялась достаточно сложная ситуация, выхода из которой городские власти попросту не знали. Так, в 1818 году в Архангельске проживали иностранцы, носившие 38 фамилий. Девять из них были дети, родившиеся в городе, 19 человек работали по найму у купцов, в том числе пятеро в качестве мастеров сахарного дела трудились у русских купцов Попова, Амосова и Антуфьева. Бросается в глаза, что из 29 взрослых иностранцев лишь четверо заявили о своей готовности записаться в российское подданство. Среди них были и те, кто позднее сделал это и стал родоначальником династий в Архангельске (Е. Шергольд, И. Гувелякен)¹⁵. Чуть позже власти установили, что и те четверо, изъявившие желание вступить в российское подданство, не торопились это делать. И. Глазер работал сапожником, Е. Ротерс и Цехириус служили у купцов. Проследить дальнейшую судьбу этих иностранцев пока не удалось.

Министр финансов и генерал-губернатор требовали от городской думы тщательно сверять данные об иностранцах, постоянно напоминая о том, что по российским законам дети, родившиеся от лиц, принявших вечное подданство России, являлись российскими подданными.

Это предписание оказалось не лишним. Пользуясь слабым контролем городских властей, иностранцы прибегали к разным уловкам, чтобы избежать уплаты налогов.

В 1825 году казенная палата выявила факт сокрытия И. Шольцем своего российского подданства в течение 38 лет. Родившись в 1786 году, год спустя после вступления его отца в российское подданство, он по закону разделял гражданство отца и был обязан нести все городские повинности. Однако при проверке оказалось, что Иоганн Шольц вплоть до 1824 года записывался в обывательскую книгу как иностранец. Последовало энергичное вмешательство городских властей. Шольц признал свою вину и уплатил положенные налоги. Тем более что отец его еще в 1807 году перешел из купцов в мещанское сословие, представители которого были обязаны платить многие городские подати¹⁶.

Городская дума, пытаясь навести законный порядок, немедленно потребовала от пасторов церквей иностранного исповедания регулярно сообщать сведения обо всех случаях рождения и смерти обитателей Немецкой слободы. Заметим кстати, что рождаемость в слободе была весьма высокой: в 1824 году, например, на свет появилось 16 новых граждан ее, примерно по столько же рождалось и в последующие годы¹⁷.

Наплыв иноземцев из-за рубежа, высокая рождаемость привела к увеличению численности обитателей Немецкой слободы. В 1824–25 гг. городе проживало 139 иностранцев, не принявших российского подданства. Среди них было 72 немца, 33 англичанина, 12 голландцев, 9 датчан, 6 шведов, представители других национальностей¹⁸.

Абсолютное большинство этих людей и их семьи жили в домах своих земляков, выходцев из западных стран: Штутцера, Брандта, Руссатъе, Гернета и др. 12 из них работали в конторах, шестеро – на сахарном заводе Брандта и других заведениях. 12 человек занимались мелкой торговлей и ремеслами, трое были служителями церкви и четверо – учителями евангелической школы¹⁹.

Подведем итоги. Число жителей Немецкой слободы, учитывая небольшой масштаб города, было весьма ошутимым. Как уже отмечалось, спустя каких-то 30 лет после рождения города в нем значилось 2 двора английских купцов, 3 – голландских и 2 – немецких. Чуть позже число их увеличилось до 18, в 1693 году составило 29, а в 1782 – уже 62. В конце XVIII века в Архангельске жило 383 выходца из западноевропейских стран²⁰.

Немало иноземцев было здесь накануне XX столетия. Первая всеобщая перепись населения Российской империи зарегистрировала 97 иностранных подданных, в том числе 42 мужчины и 55 женщин²¹. 45 из них являлись уроженцами Архангельска. Еще более показательны данные о количестве русских подданных, принадлежавших к лютеранскому вероисповеданию. Таких в городе проживало 352 человека. Кроме того, 440 являлись прихожанами католической церкви. Численность тех и других резко увеличилась к 1916 году²². 205 жителей города в 1897 году считали родным языком немецкий, шесть – норвежский. По подсчетам А. Пецца, в 1913 году в Архангельске жило 464 тех, кого называли «немцами»²³. Они и составляли основное население иноземной слободы на грани двух веков.

Рождение Немецкой слободы

¹См. Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. Кн. VIII: История России с древнейших времен М., 1993.

Т.15 – 16. С. 73 –74.

²Вопросы истории. 1997. № 12. С. 102.

³Архангельск в XVIII в. С. 112.

⁴Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 41.

⁵Архангельск в XVIII веке. С. 126 –127.

⁶Там же. С.150.

⁷Там же. С. 169–170.

⁸АГВ. 1853. 28 марта .

⁹Архангельск в XVIII веке. С. 157 –159.

¹⁰Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север и история. Т. I. СПб, 1998. С. 315—316.

¹¹Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. М., 1982. С. 38.

¹²См. Цветаев Дм. Указ. соч. С. 261 –262.

¹³ПСЗ. Т. XXIX. № 22418. 1 янв.1807 г.

¹⁴ГАОО. Ф. 4. Оп.3. Д. 574. Л. 12.

¹⁵Там же. Ф. 4. Оп.3. Д. 574. Л. 40.

¹⁶Там же. Д. 2450. Л.50–52.

¹⁷Там же. Д. 2450. Л. 62–62об.

¹⁸Там же. Ф. 49. Оп. 1.Д. 2450. Л. 1–8.

¹⁹Там же. Д. 2643. Л. 61.

²⁰АГВ. 1902. 27 нояб.

²¹Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Тетрадь I. СПб., 1899.

²²См. ГААО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 12. Л. 34.

²³Пец А. “Немецкая слобода” в Архангельске // Красная пристань. 1998. № 2. С. 214.

Дела торговые. После основания Архангельска московские власти постепенно сосредоточили весь товарообмен с иностранцами в новом городе. С этой целью они, преодолевая сопротивление англичан и голландцев, запретили приход иноземных судов на Мурман и в Колу.

Как уже отмечалось ранее, царь Федор Иоаннович заявил иноземцам: “в Коле волости есмь быть не велим; занеже в том месте торгу быти не пригоже: то место убогое”²⁴.

Руководствуясь царским предписанием, кольские воеводы Григорий Васильчиков и Андриан Ярцев в июне 1585 года направили коменданту норвежской крепости Вардегус Лаврентию Крису письмо, в котором известили его о том, что отныне по царскому указу в г. Коле будут торговать только трескою, палтусом, тресковым и китовым салом, а для прочих товаров открыта новая пристань, куда и должны приходить все иностранные торговые суда²⁵.

Централизация торговых сделок упрощала русским властям взимание таможенных пошлин. Выгоды нового порта постепенно оценили и иностранцы. Скопление здесь русских торговцев со всех градов и весей Руси позволяло им быстрее осуществлять торговые сделки. Из года в год росло количество кораблей, приходивших в Архангельск. В 1658 году пристань на Северной Двине посетило 80 судов, в 1701 г. – 106, в 1702 г. – 149, а в 1716 г. к причалам порта пришвартовалось 233 иностранных судна²⁶.

Вместе с ростом грузооборота все щедрее пополнялась государева казна. В 60-е годы XVII века, например, таможенные сборы из поморских городов составляли до 100 тысяч рублей. 2/3 этой суммы давала архангельская таможня²⁷.

Появление в Архангельске иностранных складов, жилых домов, а затем рождение слободы несколько смягчило острую конкуренцию между англичанами и голландцами. В новой слободе селились на равных все: английские, голландские и собственно немецкие гости.

Богатые природные возможности края, отсутствие на первых порах российских конкурентов, льготы, которыми долго пользовались англичане – все это создавало благоприятный климат для торгового бизнеса на Севере.

Общие проблемы развития внешней торговли через архангельский порт рассмотрены в главе “Первое окно в Европу”. Коснемся в этой части лишь тех моментов, которые связаны с вхождением в мир северного торгового бизнеса иностранных торговцев.

* * *

Анализ документов показывает, что в Архангельск приезжали иностранцы разного имущественного состояния. Исследователи XIX века не раз отмечали, что западноевропейские правительства бдительно следили за тем, чтобы в Россию не уезжали “действительно полезные личности”²⁸. Но как бы то ни было, после приезда они решали свою судьбу, исходя из имевшегося у них опыта и конкретной обстановки. Некоторые из них, не имея никаких средств и даже практики ведения какого-либо дела, нанимались на работу к своим богатым землякам, уже сумевшим завести на Севере торговлю или завод, а затем годами трудились, скапливая капитал для самостоятельной деятельности.

Так, выходец из Амстердама Ф. И. Гувелякен, имея жену и двое детей, долгое время был конторщиком у купца Клефекера. Английский подданный Шергольд, вместе с 8 детьми, проживал в доме Брандта и длительный период “пропитание имел от разных рукоделий”²⁹. Многим из иностранцев требовалось не малое время, чтобы создать свое дело.

Сошлось на весьма показательный в этом плане пример известной купеческой династии Фонтейнесов. Ее основатель И. Фонтейнес прибыл в город в 1787 году и начал служить рядовым конторщиком, а в 1797 году занял место биржевого маклера³⁰. Но сам он развернуть собственное хозяйство не сумел, скончался в 1805 году в возрасте 48 лет, оставив вдову и шестерых детей без средств к жизни.

Крупных успехов в торговых делах смог добиться его младший сын Абрам Иванович, родившийся в 1802 году. Как и отец, он рано начал службу на самых простых должностях: сначала работал приказчиком в торговом доме своих земляков Франца Шольца и Феликса Кларка, а затем экспедитором иностранных кораблей.

Последнее место службы позволило молодому предпринимателю установить связи с иностранными купцами и завести самостоятельное дело: торговать съестными припасами, снабжать ими приходившие в порт корабли.

Достижения купца заметил видный никольский купец Илья Грибанов и убедил Абрама Ивановича открыть совместную заграничную торговлю. Переговоры завершились созданием торгового дома “Грибанов, Фонтейнес и К^о”. Становлению и постепенному расширению фирмы способствовала женитьба сына Ильи Грибанова Владимира на старшей дочери Абрама дес Фонтейнеса Анне и принятие Абрамом Ивановичем в 1831 году российского подданства.

От имени фирмы купец развернул активную торговую деятельность, проникнув даже в далекий от Архангельска Верховажский посад. Вельское уездное казначейство выдало ему временное свидетельство как купцу третьей гильдии этого посада. Вместе со своим приказчиком Дмитрием Извощиковым, который тоже стал позднее купцом, он привлекал на заготовку сырья и смолокурение сотни крестьян Кулое-Покровской волости. Он закупал у крестьян большие партии хлеба, льна, пакли и отправлял на рынок в Архангельск. С 1844 по 1857 год весной на Север из посада отправлялось от 33 до 315 плотов и от 3 до 15 полубарок. Все они везли для торговли с иностранцами и уже частично закупленный ими на месте пек, скипидар, деготь, сажу, лен, паклю и другие товары³¹.

Став гражданином России, Абрам Иванович получил широкий доступ к общественной деятельности и оставил добрый след в истории города. Долгие годы он возглавлял правление архангельского Государственного банка, шесть лет (1853-1859 гг.) занимал пост городского головы, присутствовал на коронации Александра II 26 августа 1856 года и был награжден большой серебряной коронационной медалью, встречал императора в Архангельске. В разное время он входил в попечительские советы реформаторского училища, Мариинской женской гимназии, детского приюта, открыл в последнем за свой счет отделение на восемь человек.

За безупречную общественную службу Фонтейнес был удостоен званий коммерции советника, почетного потомственного гражданина города, получил ряд высоких наград: три золотые медали на Аннинской, Владимирской и Андреевской лентах, имел ордена Святого Станислава 2-й и 3-й степеней, Святой Анны 3-й степени и другие награды.

Скупая на похвалы газета “Архангельские губернские ведомости” отметила в некрологе, посвященном памяти купца первой гильдии: “Абрам Иванович заслужил полнейшее уважение граждан не угодливостью и заискиванием, а бескорыстным соблюдением общественных интересов”. Автор публикации назвал покойного “достоинейшим гражданином” города³².

Дело Абрама Ивановича достойно продолжил его сын Эдуард Абрамович. В пятнадцатилетнем возрасте он принял русское подданство, с 1874 года стал купцом первой гильдии, совладельцем торгового дома “Грибанов, Фонтейнес и К^о”.

Как и его отец, Эдуард Абрамович участвовал в работе различных городских служб. В 1868 – 1870 годах был архангельским головой, а затем в течение 20 лет (1871 – 1891 гг.) – гласным городской думы.

Эдуард Абрамович был удостоен ряда наград: орденов Святого Станислава второй степени и Святой Анны второй степени, знака “Красного Креста”.

* * *

Еще более ощутимых результатов в бизнесе на Севере достиг клан Брандтов. Его основатель Вильгельм впервые появился в Архангельске в 14-летнем возрасте, начав свою трудовую жизнь в фирме “Беккер и К^о”. После получения наследства он создал фирмы “Брандт, Родде и К^о”, “Беккер, Брандт и Родде”, а затем “Вильгельм Брандт” и “Вильгельм Брандт – сыновья”. В начале 1800-х годов он принял российское подданство. В годы континентальной блокады Брандт соорудил сахарный завод, который действовал до конца 1850-х гг., приобрел Маймаксанскую судоверфь, при которой в 1822 г. появился первый на Севере лесозавод с применением паровой машины. В 1827 году купец учредил торговый дом в столице России. В адрес этого коммерсанта в отдельные годы приходило от 100 до 233 кораблей в сезон. К 1832 году у Брандта насчитывалось 23 собственных судна, часть из которых впервые в истории города побывала даже в Америке.

Успех ведения дела с подобным размахом обеспечивался рядом обстоятельств, *прежде всего*, наличием солидного капитала и знанием иностранных языков. *Во-вторых*, В. Брандт отлично знал потребности западного рынка, имел постоянные связи со своими партнерами. Приобретя российское подданство, Брандт в то же время, получив заграничный паспорт, на три года выезжал на жительство в родной Гамбург.

В 1820 году, например, архангельский городской магистрат настаивал на исследовании законности деятельности купца. Он, в частности, интересовался тем, как Брандт, будучи российским подданным, в то же время годами живет за границей, “нагружает и отправляет корабли в Россию”, по какому “злоупотреблению допущен до этого” и скрывает “противозаконный изворот”³³.

На деле же все было сделано законно. Как пояснил в пространном послании в городской магистрат его поверенный в делах Егор Классен, В. Брандт выехал по 3-х годовичному паспорту, выданному российскими властями, он ведет дело за границей не как гамбургский, а как архангельский купец. Егор Иванович был прав. Понятно и то, что в Гамбурге Брандт мог легко заключать выгодные сделки. Он отлично знал о том, какие товары пользуются спросом в России, помогал иностранным купцам отправлять корабли, нередко на свое имя или в адрес своего компаньона Классена. Ни один русский бизнесмен не мог пользоваться столь благоприятными условиями для ведения своих коммерческих дел.

Брандт, как и ряд выходцев из Западной Европы, в 1831 году избирался городским головой, с 1814 по 1817 гг. являлся бургомистром в городском магистрате, он был также попечителем одной из школ, ктитором церкви, в пользу которых он пожертвовал около 150 тыс. руб. На его средства была подготовлена экспедиция знаменитого исследователя Новой Земли П.К. Пахтусова³⁴. Дело Брандта достойно продолжили его потомки.

Заметим кстати, потомки В.И. Брандта были весьма многочисленны. В 1831 году, например, у него было 8 сыновей (Вильгельм, Александр, Эдмунд, Карл, Густав, Ричард, Роберт, Юлиус (от второго брака) и дочь Беция). Причем Вильгельм Иоаннович, преследуя цель использовать все преимущества русского купечества, последовательно “вводил” своих детей в российское подданство. С этой точки зрения характерно его заявление в городскую думу от 2 мая 1827 года с просьбой о принятии в число российских поданных 17-летнего сына Эдмунда.

“В 1809 году – писал он в заявлении, – имел я счастье быть принятым в вечное российское подданство. В то же время проживал я в иностранных городах и до принятия мною такового родился у меня в Гамбурге сын Эдмунд, который по причине отлучки моей не был прописан в моем семействе при объявлении капиталов. Я полагаю, что и он должен пользоваться счастьем быть российским поданным”³⁵.

В Архангельск на постоянное местожительство нередко перебирались иностранцы из других городов: из Москвы, Петербурга и др. С удивительной быстротой они угадывали экономически выгодное для них дело и спешно предпринимали соответствующие меры.

Так, после предоставления в 1820 году Александром I ряда серьезных льгот архангельским купцам, о чем говорилось выше, в состав городского купечества и в подданство России немедленно записались бывшие петербургские купцы Франц Амбургер, Абрам Руссатье, Соломон Фанбрин, Яков Гольбом и другие.

При этом ряд из них немедленно создавали в Архангельске свои торговые дома. В 20-е годы XIX века появились фирмы “Маккензи и К^о”, “Клефекер и Молво”, “Морган и К^о” и другие³⁶.

Некоторая часть иностранцев приезжала в Архангельск, уже имея на руках реальные капиталы. Располагая определенными навыками в коммерческих делах, знанием российских законов, договорами, заключенными у себя на родине с торговцами, они добивались удивительных результатов.

С первых шагов деятельности иностранцы демонстрировали свое превосходство в умении вести конкретное коммерческое дело. Главное преимущество иноземцев перед русскими торговцами наряду со знанием иностранных языков состояло в том, что они полагались на возможности торгового флота своих коллег, оставшихся в Англии, Германии и других странах, нередко покупали на Севере свои собственные морские и речные суда. Они хорошо знали о том, какие товары пользовались спросом на их родине. В соответствии с запросами русских торговцев они заказывали своим коллегам из других стран дефицитные для России товары. И, наконец, в отличие от русских купцов, иностранцы сразу же по приезде создавали свои торговые фирмы, т.е. объединяли капиталы для того, чтобы совершать более весомые сделки.

* * *

Документы позволяют проследить, как выходцы с Запада постепенно пополняли ряды архангельского купечества. В “Именной ведомости купцов и мещан города на 1775 год”, включавшей 114 человек, не было ни одного иностранца, принявшего российское подданство. Десять лет спустя, после того, как стало действовать Городовое положение 1785 года, среди наиболее состоятельных “первогильдийцев” все постоянные купцы также являлись русскими. Исключение составлял обрусевший голландец Антон Менсендейк, который был сыном пастора местной церкви Томаса Менсендейка, приехавшего из Амстер-

дама в 1757 году. Вместе с ними в составе этой группы впервые значились “временно проживавшие в городе иностранцы”: К.К. Дорбекер, Ф.А. Ольдекоп и Я.В. Родде.

Однако очень быстро положение существенным образом изменилось. Наиболее показательным с этой точки зрения явилось начало XIX века. В 1802 году в первой гильдии числилось 12 купеческих семей. В неё входили “временно вписавшиеся” иностранцы К. Дорбекер, К. Лофтус и А. Фанбрин. Двое иностранцев: А. Менсендейк и купеческая вдова Родде – считались уже русскими купцами.

Заметные подвижки произошли во второй гильдии. Из 19 семей “временно вписавшимися” иностранцами были: К.Ф. Морган, И. Фонтейнес и И.М. Шундер. Значительным оказалось пополнение иностранцами 3-й гильдии, где семей подобной категории числилось 15.

Таким образом, за короткий срок иностранные купцы значительно пополнили ряды архангельского купечества. Среди 128 семей они составляли одну шестую часть. Причем наибольшее число иностранцев (15 человек из 97) состояло в 3-й гильдии³⁷. Выходцы из Западной Европы как бы нащупывали пути к северному бизнесу, пробовали свои силы, накапливали необходимый опыт.

В 1815 году общая картина не изменилась: в числе 87 купеческих семей выходцы из Западной Европы составляли 25 семей. Но произошли качественные перемены: в 1-й гильдии из 11 человек осталась одна русская семья, остальные все были иностранцы, принявшие русское подданство. Полностью русской по своему составу была 2-я гильдия, а среди 58 купцов 3-й гильдии иностранцы составляли четвертую часть (15 семей). Качественные изменения состояли и в том, что капитал 1-й гильдии составлял почти 553 тысячи, а общий около 1 388 тыс. рублей³⁸. Иначе говоря, бывшие иностранцы обладали примерно 40% всех внешнеторговых средств.

Сильные позиции во внешней торговле выходцы из других стран сохраняли во все последующие годы XIX века. В 1823 году, например, в первой гильдии из русских остался только А.И. Амосов. Остальные семь являлись только что принявшие русское подданство иноземцы: К.Ф. Амбургер, С.А. Беккер, В.И. Брандт, Е.И. Классен, Ф.А. Клефекер, Г.Н. Молво и Ф.И. Шольц³⁹.

А в 1852 году в числе “первогильдейцев” оказались одни иностранцы: К. Брандт, А. Фонтейнес, П. Люрс и В. Вишау⁴⁰. К этому времени иноземцы заметно пополнили ряды и остальных гильдий. В 1859 году, например, в составе купцов **первой** гильдии выходцами из стран Западной Европы были 6 из семи, во **второй** гильдии – 4 из 14 и в **третьей** – 19 из 66 человек. Таким образом, ровно треть архангельского купечества составляли выходцы из других стран.

Ярким показателем возрастающего влияния иностранных предпринимателей являлся тот факт, что к середине века они составляли почти половину всех удостоенных звания потомственного почетного гражданина. Это звание носили 14 представителей клана Брандтов, 7 – Классенов, 6 – Молво и т.д.⁴¹

Преобладание купцов иностранного происхождения в архангельской торговле станет еще более очевидным, если сравнить количество российских и иностранных кораблей, которые прибывали в Архангельский порт. За 1797 – 1802 гг., например, из-за рубежа приходило в среднем от одного до семи русских судов, в то время как иностранных – от 100 до 230. В целом за это время, т.е. за шесть лет, в Архангельск пришли только 21 российский и 434 иностранных корабля⁴².

Столь поразительные результаты достигались иностранцами с немалым риском, с большим трудом и значительными сложностями.

Одной из таких сложностей было постоянное недовольство архангельских купцов теми привилегиями, которыми на первых порах пользовались англичане в продвижении своих товаров в России. Получив право торговать беспошлинно на всей территории России, устраивать свои гостиные дворы в Архангельске, Москве, Вологде и других городах, иностранные купцы, естественно, вызывали раздражение у набиравших силу русских торговцев. Нередко у архангельских корабельных пристаней по ночам или в пасмурную погоду, когда иноземные торговцы, во избежание пошлин, старались тайно сгружать или нагружать товары, случались ссоры и драки между ними и русскими, оканчивавшиеся даже убийствами⁴³.

В челобитной, направленной царю Алексею Михайловичу, архангельские торговцы жаловались: “иноземцы ... разъезжают по волостям за покупкою у крестьян скота, рыбы и всякого харча, тем пошлину обходят, не платят ее, и на посаде ничего не покупают, а у нас никаких больших торгов нет, кроме мяса, рыбы и всякого харчу, и мы от иноземцев в конец погибаем”⁴⁴. Жалобы были услышаны.

В 1649 году царь повелел английским купцам приезжать “токмо к Архангельску, за многие несправедливые и вредные их для торговли российской поступки, особенно ж за учиненное в Англии убийство короля Карла I”⁴⁵.

Однако, как заметил историк В.Н. Захаров, “не только чувство монархической солидарности Алексея Михайловича было главной причиной изгнания англичан”⁴⁶. Царь лишь воспользовался этим событием как поводом для того, чтобы отреагировать на многочисленные жалобы русских купцов. Курс на поддержку своего торгового сословия был закреплен в 1667 году в известном Новоторговом уставе, разрешавшем иностранным купцам торговать оптом только в портовых городах. Для продвижения же в глубь России иностранным торговцам требовалось специальное разрешение – жалованная грамота⁴⁷.

Громкие сетования архангельских купцов на засилье иностранцев и неприязненное отношение к ним продолжались и в более поздний период. Как уже отмечалось, они получили отражение в таком обобщенном документе, каким являлся “Наказ от жителей города Архангельска в Екатерининскую законодательную комиссию”, составленный известным купцом и общественным деятелем А. И. Фоминым в 1767 году.

Северные купцы и сто лет спустя указывали на незаконную, по их мнению, торговлю иностранцев, которые вместо того, чтобы вести оптовые сделки, занимались розничной продажей своих товаров. В наказе отмечалось, что иностранцы торгуют в розницу тайно, используя наемных торговцев, скупают у крестьян для “заморского отпуска холсты – салфеточные и гладкие полотна, сверх же того за долги обедневших граждан и вдов себе в службу покупают за самую малую плату”⁴⁸.

Архангельская таможенная служба часто уличала иностранцев в нечестной торговле, нарушении законов страны. Так, начальник Таможенной экспедиции М.Н. Радищев (брат первого русского революционера) в 1784 году резко выступил против подобных дел, которые водились за купцом Б.Т. Тиме. В своем представлении в Архангельскую казенную палату он писал: “Иностранец Тиме, приехав из другого государства в Россию и не утвердив себя на вечное, ниже временное российское подданство, не только дерзнул производить скорняжное

свое ремесло, но и отважился торговать, чем гражданству и причинил в торгах подрыв и убыток, в чем и сам чистосердечно признался; что же хотя и показывал якобы ему, Тиме, российские законы о запрещении торгового и производственного промысла в России неизвестны, однако ж сомнительно, потому что врученной нации, взрослому и воспитанному человеку непременно знать надобно истинные правила, по которым иностранцы равных природных жителей, не утвердив себя по надлежащему, правом не пользуются в торговле”⁴⁹.

М. Радищев решительно боролся против актов контрабанды, которой систематически занимались иностранные купцы. В частности, он затеял громкое дело против купца 1-й гильдии Абрама Фанбрина (сына Родиона – Рутгера), занимавшегося ввозом в Россию вина и водки. Этот человек, исполнявший к тому же обязанности голландского консула в Архангельске, пытался провозить водку тайно под видом провизии, которую можно было доставлять в порт беспошлинно. М.Н. Радищев приказал конфисковать партию вина. Завязалась тяжба, но начальник таможенной экспедиции проявил твердый характер. В другой раз он выявил крупную партию двойной французской водки, которую пытались выдать за обыкновенную (одинарную). И вновь Радищев вынудил иностранцев подчиниться закону – уплатить за ввезенный товар положенный двойной тариф-
50

Но дело было не только в этом. Городские власти, где большинство постов занимали купцы, добивались того, чтобы все иностранцы, проживавшие в городе, несли повинности в его пользу. Характерным с этой точки зрения явилось письмо городской думы в Государственный совет от 26 ноября 1826 года с просьбой решить этот вопрос в пользу города.

Заслуживает внимания мотивировка подхода думы к рассмотрению этой проблемы. В письме отмечалось, что многие иностранцы работают в купеческих конторах бухгалтерами, приказчиками и занимаются другими делами, получают высокие жалованья от 1000 до 5000 рублей, “приобрели хорошие себе состояния” и должны облагаться акцизами⁵¹.

Однако губернское правление и казенная палата, ссылаясь на приказ министра финансов, отказались удовлетворить эту просьбу. Еще в начале 1826 года министр разъяснил, что иностранцы могли по закону подвергаться только тем повинностям, которые сопряжены с торговыми и промышленными делами. Дума проиграла свое сражение с высшими органами власти: ей не удалось пополнить небогатую городскую казну за счет дополнительного обложения иностранцев.

Русских деловых людей беспокоил крайний недостаток средств, вследствие чего торговцы, “не находя, где бы можно занять, хотя бы за немалый интерес, денег, принуждены, бывают от иностранных купцов забирать в годовой кредит товары с прибавкой против денежных цен не менее десяти процентов”⁵². Русские торговцы, таким образом, становились на деле людьми, полностью зависевшими от иностранных купцов.

Неровную политику по отношению к иностранцам проводили и столичные власти. Заметные перемены в жизни обитателей архангельской Немецкой слободы были связаны с решением Петра I перенести основные торговые операции в Петербург. Этот процесс протекал с большими сложностями. Вопреки ожиданиям, иноземные купцы, издавна устроившись в Архангельске, не хотели вести свою торговлю на новом месте. Особенно усердно выступали против решения царя голландские торговцы.

Голландский резидент Деби во время неоднократных встреч с Петром I настаивал, чтобы не переводить торговлю из Архангельска в Петербург. Он выставлял при этом самые различные доводы: плохие помещения и дороговизну их на новом месте, недостаток рабочих для передвижения грузов, неизведанность морского пути к новому порту и т.п. Но Петр был неумолим. Сославшись на то, что “приложение принципов всегда трудно, но с течением времени все интересы примирятся”, он последовательно ограничивал деятельность архангельского порта⁵³.

Запрет на ввоз в Архангельск многих товаров, пользовавшихся спросом иностранных купцов, изменил характер экспорта через Север. По данным В.Н. Захарова, в закупках иностранцев резко возросла доля местных товаров: леса, продуктов морского промысла, смолы и т.п. Примерно от 2% в 1710 году она увеличилась к 1725 г. до 62%⁵⁴.

Сокращение торговли в Архангельске больно ударило по торговле иностранных купцов и деятельности обитателей архангельской Немецкой слободы. В 1719 году в Архангельске действовало 83 иностранных торговца, среди которых были 14 англичан, 38 голландцев, 20 гамбургцев, 2 датчанина и 9 из разных мест. А к концу царствования Петра в Архангельске (после указа 1721 года об ограничении беломорской торговли) осталось всего 47 иностранных торговцев⁵⁵.

Из 47 человек, обитавших в то время в городе, 26, или более половины, являлись голландцами. Сокращение количества купцов менее всего коснулось представителей этой национальности, т.к. они торговали более разнообразными товарами и, очевидно, имели основательные связи с русскими поставщиками. Несмотря на ухудшение торгового климата в Архангельске почти на полвека, голландская община в городе сохраняла высокую численность и продолжала пользоваться покровительством высших властей.

Голландцы, не покинувшие Архангельск, установили в это время более тесные отношения с местными перекупщиками, производителями смолы в Поважье, на Каргопольщине и Поонежье. Они не переставали добиваться снятия всяких ограничений торговли в этом крае. Вскоре после смерти Петра I последовал ряд мер в этом направлении. Уже 9 января 1727 г. появился указ, разрешивший купцам торговать в Архангельске “невозбранно”. Этим же документом с целью “умножения архангельского пошлинного сбора и народной пользы” разрешалось отправлять хлеб из Вятской провинции и городов, расположенных по Двине, Вычегде и Сухоне. Петербургский порт получил лишь незначительные преимущества: купцы платили там несколько меньшую, чем в Архангельске, пошлину (ниже на 4%). Это преимущество новой столицы было отменено лишь в 1762 году.

Указом от 2 декабря 1737 года императрица Анна Иоанновна “в целях умножения купечества” дала голландским торговцам, проживавшим в Архангельске, льготы, освободив от солдатских постоев в их домах – одной из самых обременительных повинностей горожан. Список лиц, приложенный к этому документу, насчитывал 35 человек. Очевидно, многие из них, если не все, являлись старожилками города (десять женщин поименованы как “вдовы” покойных купцов, умерших в Архангельске)⁵⁶.

Перенос Петром I торговли на Балтику имел государственный резон и был вполне оправдан. Значительно сократился путь в Западную Европу, сравнительно быстро сложился новый центр притяжения торгующего сословия России и

стран Запада. И этот процесс был необратим. Но и Архангельский порт не потерял своего значения. Медленно, с колебаниями, но число кораблей, прибывавших в город на Северной Двине, постепенно росло. Если в 1724 году сюда пришло всего 22 корабля, то в 1727 – уже 45, в 1735 – 60, в 1740 – 114, а, начиная с 1771 года, сюда являлось от 107 до 206 и даже 309 кораблей в 1810 году. Соответственно росли и таможенные сборы⁵⁷.

* * *

В течение всего XIX века купцам из Немецкой слободы пришлось решать в области торговли те же проблемы, что и в более ранний период.

Во-первых, российские торговцы по-прежнему выражали недовольство за счет иностранных предпринимателей, настаивая на ограничении деятельности последних в России. В одном из посланий в Сенат, направленных в 1805 году, наиболее видные представители российского купечества, отметив, что “в настоящее время весьма немного осталось торговых домов, которые выписывали бы за свой счет иностранные товары”, просили правительство “высочайшим указом повелеть... записывающихся на время иностранных, а равномерно и иногородних гостей существование совсем уничтожить, а пользоваться в городах торговлею одному коренному... купечеству и мещанству, иностранным же товары свои продавать только у портов оптом, а не в розницу”⁵⁸. Как отмечалось выше, Манифест от 1 января 1807 года частично удовлетворил это требование.

Во-вторых, Россия в течение более чем двух веков не смогла решить в Архангельском порту основной проблемы, связанной с внешней торговлей. Как и во время Петра I, она имела очень мало своих кораблей. Игра шла в одни ворота: иностранцы, располагая сильным флотом, сами привозили товар, диктовали цены и получали немалый доход.

Российские экономисты не раз подсчитывали возможные убытки страны от подобной торговли с западными странами. Так, за время с 1824 по 1862 год, по данным М.А. Терентьева, из оборота внешней торговли в 6985 млн руб. серебром доля иностранных фирм составил 6 390 млн руб., а русских – всего лишь 595 млн руб., или 9 проц. к общему обороту. Предполагаемая прибыль иностранных торговцев составила не менее 550 млн. руб., или от 10 до 15 млн. руб. в год⁵⁹.

Русское купечество отдавало себе отчет в том, что “от произведения в таком виде внешней торговли Россия безвозвратно теряет свое естественное богатство, народ не только не вознаграждается за свой труд, но и оскудевает”⁶⁰.

Однако выйти из подобной ситуации Россия не могла. Торговый флот ее оставался малочисленным и слабым, экономика не позволяла собственными силами обрабатывать продукцию, которая, по выражению одного из документов того времени, шла на экспорт “в перевозданном”, а, следовательно, в необработанном, дешевом виде.

В течение XIX века архангельские купцы смогли решить лишь одну проблему, связанную с развитием морского флота: начиная с 70-х годов, они стали обходиться собственными капитанами и матросами, отказавшись от услуг иностранцев.

Вопрос об усиленном развитии собственного флота не утратил актуальности и в XX веке. Несмотря на некоторые меры, предпринятые в конце XIX столетия, доля российских кораблей во внешней торговле Севера составляла менее 5 процентов от общего оборота. Оценивая столь печальную ситуацию, один из вид-

ных специалистов и предпринимателей города И. Данишевский отмечал в 1916 году: “Не владея своим собственным коммерческим флотом, мы вынуждены для нашей морской торговли прибегать к услугам заграничных соседей – арматоров и становимся в полную от них зависимость. Они диктуют нам не только цены на морские фрахты, но и условия перевозки... Единственный выход из этого – создавать свой сильный коммерческий флот”⁶¹.

В-третьих, XIX век не внес ничего нового и в соотношение между обитателями Немецкой слободы и русскими купцами. Как уже отмечалось выше, к 1859 году численность выходцев с Запада составляла в Архангельске треть всего состава городского купечества (29 человек из 89)⁶².

Лишь только к началу XX века в составе купцов 1 гильдии вновь появились местные предприниматели: А.В. Булычев, Я.А. Беляевский, А.И. Костогоров, Я.Е. Макаров и другие. Но по-прежнему как по количеству, так и по размерам капиталов первая скрипка в архангельской внешней торговле принадлежала бывшим иностранцам. Они занимали основательные позиции и в области местного производства.

Дела торговые

²⁴См. Платонов С.Ф. Указ. соч. С.55.

²⁵Нидерланды и Русский Север в XVI – XX вв.: Сб. тез. и докл. междунар. науч. конф. Архангельск, 1999. С. 18.

²⁶ГААО. Ф. 50. Оп.2. Д.1643. Л. 8.

²⁷Кильбургер И. Ф. Краткое известие о русской торговле... в 1674 году / Пер. с нем. СПб., 1820. С. 145.

²⁸См., например, Цветаев Дм. Указ. соч. С. 9; В.О. Ключевский заметил, что в Московской Немецкой слободе русские люди, в том числе и Петр I, «знались с отбросами» западноевропейского мира/См. Ключевский В.О. Сочинения. Т. IV. М., 1958. С. 26.

²⁹ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 2450. Л. 3-9.

³⁰Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 2698. Л. 2.

³¹См. Филипповский В.Н. Посад Верховажье: Зап. краеведа. Вологда, 1994. С. 13, 33.

³²АГВ. 1873. 3 окт.

³³ГААО. Ф. 47. Оп. 1.Д. 153. Л. 28.

³⁴См. Огородников С.Ф. Очерк истории Архангельска... С.285–287;

³⁵ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Т. 3. Д. 2574. Л. 1.

³⁶Там же. Ф. 49. Оп. 1. Т. 2. Д. 2285. Л. 1–2; Д. 2264. Л. 1об.

³⁷Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 23. Л. 1 –12.

³⁸Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 127.

³⁹Там же. Ф. 49. Оп. 1. Т.2. Д.2354, Л.7.

⁴⁰Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 год. Архангельск, 1852. С. 271.

⁴¹ГААО. Ф. 49. Оп.1. Т. 2.Д. 3252. Л. 4,5, 42,

⁴²Пошман А. Указ. соч. Т. II. С. 105.

⁴³Цветаев Дм. Указ. соч. С. 34.

⁴⁴Там же. С. 261–262.

⁴⁵ПСЗ. . Т.V. № 1830. С. 167.

⁴⁶Захаров В.Н. Западноевропейское купечество... С. 25.

⁴⁷Историк Севера Г.И. Минейко усматривал в жалобах архангельских купцов их несправедливые сословные притязания в ущерб общегосударственным интересам. См. Минейко Г.И. Указ. соч. С.6.

⁴⁸ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 7251..Л. 8.

⁴⁹См. Ориентир: Информ. бюл. адм. Арханг. обл. и обл. Собр. депутатов. 1997. № 9. С.151.

⁵⁰Там же. С. 152 –153.

⁵¹ГАОО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 2641..Лл. 61–63об.

⁵²Там же. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 7251..Л. 9.

⁵³Соловьев С.М. Соч. :В 18 кн. Кн. VIII: История России с древнейших времен. М., 1993. Т.15-16. С.451.

⁵⁴Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России... С. 135.

⁵⁵Архангельск в XVIII веке. С. 200 –202.

⁵⁶АГВ. 1875. 30 апр.

⁵⁷ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д.844. Л. 186,187.

⁵⁸Яковцевский В.Н. Указ. соч. С. 121,123.

⁵⁹Герентьев М.А. Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876. С. 195–196.

⁶⁰Яковцевский В.Н. Указ. соч. С. 124.

⁶¹Известия АОИРС. 1916. № 7 –8. С. 314 –325.

⁶²ГАОО. Ф.1. Оп. 1. Т. 2. Д. 3252. Л. 42-44.

Внедрение в промышленность. В XIX веке, особенно в пореформенный период, иностранцы стали постепенно, не прекращая торговых сделок, внедряться в сферу производства. Наиболее доходными в то время на Севере оказались судостроение, производство сахара (на короткое время) и в особенности лесной бизнес. Северная древесина всегда пользовалась повышенным спросом за границей.

Прежде чем хотя бы кратко рассмотреть проблему участия иностранцев в развитии экономики Севера, надо попытаться ответить на вопрос о том, что такое иностранный капитал, почему вокруг понимания его роли в истории России вот уже более ста лет кипят научные и политические страсти, отсутствует единое мнение среди исследователей и широкой общественности.

Это следует сделать и потому, что только в последние годы российские историки и экономисты стали более четко подходить к определению самого понятия иностранного капитала.

В юридическом смысле иностранным капиталом является любая собственность, которая принадлежит иноземным подданным, независимо от ее происхождения. Экономисты определяют ее как реальный капитал, импортированный из других стран. Однако эта сторона дела, – резонно заметил один из первых исследователей этой проблемы В.И. Бовыкин, – “не поддается даже приближительному ретроспективному исчислению”⁶³.

Более понятным и поддающимся подсчетам историков и экономистов параметром является номинальная стоимость размещенных за границей ценных российских бумаг, а также акций иностранных компаний, имевших предприятия в России.

Вплоть до конца XIX века Россия прибегала к государственным займам, первый опыт которых появился еще в 1769 году. А во второй половине века и начале XX столетия заметно проявилась *вторая особенность* – приток иностранных вложений в учреждаемые иностранцами акционерные общества.

Исследователи отмечают принципиальное различие между двумя видами упомянутых капиталов. В отличие от займов инвестиции являлись выражением предпринимательской деятельности. Обладатели акций, являясь совладельцами и даже владельцами предприятий, были кровно заинтересованы в успехе их деятельности. Но последние могли добиться реальных успехов лишь в случае, если иностранный капитал становился составной частью хозяйства страны, где действовало предприятие.

Для большей ясности отметим, что к 1917 году доля прямых заграничных инвестиций в общей сумме внешнего долга России составляла 2 243 млн. рублей из 15 677 млн. рублей общего долга страны, или 1/8 часть последнего⁶⁴.

Отсюда понятно, насколько важным является изучение роли иностранных вложений, реального поведения иностранных предприятий.

Иностранцы начали действовать в России, в том числе и в Архангельске, еще в XVI веке. Они могли заниматься торговлей и заводить фабрики или заводы, записавшись в “иностранные гости”. Это право предоставлялось высшими властями.

Но до начала XIX века иностранные предприниматели на Севере ограничивались почти исключительно сферой внешнеторговых связей. И перед таким предпринимателем было два пути. Пробыв некоторое время в России, он мог покинуть ее пределы. Но значительная часть промышленников и купцов, почувствовав выгоду от своей деятельности, вставала на второй путь: иностранные купцы принимали российское подданство, т.е. становились гражданами России со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Обстановка с возможностями применения иностранных капиталов обострилась, когда в стране появились законы о создании и правилах работы акционерных компаний. Поскольку российское правительство охраняло свою слабую еще промышленность системой пошлин, то иностранцам становилось выгоднее вывозить за пределы своих государств не товары, а технологические приемы, заводить свои предприятия в чужой стране. Это была новая проблема для иностранных капиталистов.

Деятельность иностранных обществ определялась не столько законом о деятельности акционерных компаний (1836 года), сколько так называемыми “условиями деятельности” подобных объединений. Долгое время эти условия были очень жесткими. В частности, заведование делами и управление недвижимой собственностью в России могли осуществлять только русские подданные, за исключением лиц иудейского вероисповедания. В “условиях” содержалась весьма одиозная статья, которая гласила: “Русское правительство оставляет за собой право во всякое время по усмотрению взять назад выдаваемое обществу разрешение на производство операций в России и потребовать прекращения оных без всякого объяснения причин”⁶⁵.

Эта статья исчезла лишь в конце XIX века, когда правительство проводило энергичную политику по привлечению иностранного капитала в Россию. Понятно, что предприниматели искали обходные пути для лучшего применения своих капиталов. Исследователями установлено, что масса иностранных предпринимателей шла в формально русские акционерные компании. Помощь русских капиталистов, знавших местные условия, являлась гарантией успешного функционирования иностранных вложений.

Поэтому прав видный исследователь истории российского предпринимательства В.И. Бовыкин, заметивший, что мелькание в старых справочниках об экономике России немецких фамилий ничего не объясняет при попытках разобраться в подлинной принадлежности капиталов. Более того, это лишь только затрудняет суть дела, ибо в России немецкие фамилии могли носить давным-давно обрусевшие иноземцы⁶⁶.

Следует подчеркнуть также, что российское правительство в ряде случаев применяло по отношению к иностранным предпринимателям чрезвычайные меры. Это с особой силой дало себя знать в годы первой мировой войны. Не-

мецкие, австрийские, турецкие и венгерские подданные лишились права владения и приобретения в собственность недвижимости, не допускались к занятию ответственных должностей в акционерных компаниях. Более того, они обязывались продать недвижимую собственность русским подданным.

Согласно подсчетам исследователей, из 611 акционерных обществ 96 подлежали ликвидации после начала войны. Значительная часть из них перешла в руки новых владельцев⁶⁷. Проблема воздействия на предпринимателей немецкого происхождения, как это будет показано ниже, имела громкий резонанс и в Архангельске.

* * *

Как же выходцы из Западной Европы создавали свои крупные заводы на Севере? Обратимся к анализу их практической работы.

Еще в 1822 году купец В. Брандт совместно с Е. Классеном построил первый в крае паровой лесопильный завод в Маймаксе.

В момент подачи своего прошения о сооружении завода Классен жил в столице России и имел почетное звание Советника коммерции. О значении его намерения заняться лесопилением свидетельствует тот факт, что решением этой проблемы занимался лично император Александр I.

В своем письме министру финансов от 22 января 1820 года император, “желая ободрить сие общепользное предприятие”, повелел разрешить купцу “из казенных дач Архангельской и Вологодской губерний... в продолжение 12 лет вырубать для распиловки в доски за обыкновенные деньги до 30 000 дерев”, а также отпускать 22 800 дюжин досок беспрепятственно из Архангельского порта за границу со взятием установленных тарифом пошлин⁶⁸.

Что же представлял из себя первый в губернии лесозавод с паровым двигателем? Владелец заведения Егор Классен в одной из ведомостей подробно описал его устройство и работу. Как уже отмечено выше, завод был пущен в строй в 1822 году. Он занял 13 десятин крестьянской земли на острове Бревенник. Строение длиною 12, шириной 11 сажен имело каменный подземный канал для подачи древесины. Возле завода располагалось два больших деревянных дома для проживания рабочих. Шесть сараев для поклажи досок занимали солидную площадь размером около 1000 кв. саженей.

Впервые в истории лесопиления на Севере механизмы приводились в движение паровой машиной мощностью в 35 лошадиных сил. Машина использовалась для привода в действие четырех основных и одной вспомогательной пилограм с циркульной пилой, а также токарный станок. На заводе был всего один мастер, два ученика, 100 человек рабочих и 30 лошадей.

В течение 1824 года удалось распилить 35 000 деревьев, выработать и продать за границу 94 000 досок и других видов пилопродукции.

Завод Классена положил начало сооружения в губернии лесозаводов с паровыми двигателями, которые быстро вытеснили слабосильные пильные водяные и ветряные мельницы⁶⁹.

Позднее лесопилением стали заниматься гамбуржец Е. Линдес, британский подданный Ф. Кларк, англичанин Е. Шергольд, норвежцы М. Ульсен, К. Стампе и многие другие. Энергией этих людей создавались лесозаводы в Архангельске, Онеге и на Печоре. Документы позволяют проследить, как небольшие товарищества постепенно превращались в сильные акционерные компании.

Ярким примером вхождения в северный лесной бизнес явилась энергичная деятельность на этом поприще выходца из Норвегии Мартина Ульсена. Приехав без гроша в кармане, он скопил небольшой капитал во время работы на лесозаводе Русановых и вместе со своим земляком Карлом Стампе, прибывшим в Россию в 1880 году, учредил в апреле 1884 году фирму “Ульсен, Стампе и К^о”. В состав фирмы в 1892 году вступил архангельский купец 2-й гильдии Александр Починков, состоявший в ней до ноября 1901 года. Цель фирмы состояла в том, чтобы торговать “лесными и другими товарами”⁷⁰.

С той поры начался долгий самостоятельный путь Мартина Ульсена в северной лесной промышленности. В 1889 году предприниматели увеличили число рам на заводе до трех. Еще через пять лет лесозавод имел, кроме пилорам, более 20 различных станков, общая стоимость его определялась в 73 385 рублей⁷¹.

Второй завод норвежцы соорудили в 1889 году в 12 километрах от губернско-го центра на острове Бревенник. Это было, в отличие от первого, крупное предприятие мощностью сначала в пять, а затем в девять рам. Став владельцем двух лесозаводов, фирма “Ульсен и Стампе” заняла видное место в лесном архангельском экспорте. В деле Ульсена участвовал его старший брат Алексей, а также два сына: Михаил и Конрад. В течение последующих 20 лет на редкость предприимчивый промышленник основал еще два лесозавода, в том числе соорудил в 1903 году знаменитый лесозавод в Заполярье “Стелла Поларе”, который действует и сейчас.

Наряду с созданием торговых и лесных кампаний, иностранцы вкладывали свои капиталы в целлюлозное, пивоваренное и винодельческое производства. Они открывали также небольшие пекарни, сыроварни, фотографии и т.п. заведения.

В. Брандт, например, почувствовав конъюнктуру, соорудил сахарный завод, на котором работало до 50 человек. Франц Амбургер, вступивший в 1825 году в архангельское купечество 3-й гильдии, сразу же попросил у городской думы разрешения заняться пивоварением⁷².

Швейцарский подданный И. Лейенбергер ежегодно в течение лета производил в селе Кехте 200 пудов сыра. Прусский подданный В. Швевке, привлекая на работу троих мужчин и двух мальчиков, выпекал по промышленному свидетельству 2-го разряда в своей булочной в Соломбале 2211 пудов различных кондитерских изделий на сумму 6220 рублей в год⁷³. Число подобных примеров можно умножить.

Всего в течение XIX века жители Немецкой слободы организовали в Архангельске более 30 различных фирм⁷⁴.

В отличие от русских купцов, выходцы с Запада нашли применение своим капиталам не только в Архангельске, но и в других губерниях России. Наиболее ярко это проявилось в деятельности купцов 1-й гильдии Э.В. Брандта, Э.Е. Линдеса и А.Ю. Суркова.

В разделе “Купцы и промышленность” уже приводились данные о том, что в 1869 году Брандт и Линдес основали крупную фирму по изготовлению льняных изделий в селе Меленки Владимирской губернии на 6000 веретен. В 1873 году она была преобразована в паевое товарищество с основным капиталом 2 млн. руб. (400 паев по 5000 рублей), а в 1914 году товариществу принадлежали фабрики, которые производили продукции на 5 млн руб. в год.

Известный архангельский купец Сурков в 1897 году учредил в Архангельске “Северное общество целлюлозного и писчебумажного производства”. Фирма

создавалась “для устройства в Вологодской губернии Кадниковского уезда фабрики для производства химическим и механическим способами древесной массы (целлюлозы) и изделий из нее, а также торговли предметами означенного производства”. Позднее предприятие называли “Сокол” по деревне Соколово Вологодской губернии.

Основной капитал в момент его учреждения составлял 1 125 000 рублей, разделенных на 4500 акций по 250 рублей каждая⁷⁵.

Компаньоны добились весьма значительных успехов. Предприятие ежегодно выпускало 700 тыс. пудов целлюлозы и около 100 – бумаги.

Крупных результатов добился один из потомков рода Брандтов. Вместе с бароном Л. Гауфом, Г. Елисеевым, Р. Клеменцем и другими известными предпринимателями он создал в 1864 году первый в России крупный частный Петербургский коммерческий банк и стал его директором (сокращенное название “Брандт и К^о”). В качестве корреспондентов нового банка выступили банкирские дома, находившиеся в Берлине, Лондоне, Амстердаме, Гамбурге, Париже и Вене⁷⁶.

В целях получения дополнительных льгот для ведения своего дела почти все упомянутые выше иноземцы приняли российское подданство. В разное время гражданами России стали Шергольд, Сурков, Гувелякен, Ульсен, Брандт, Фонтейнес и многие другие выходцы из западноевропейских стран.

* * *

Возвращаясь к принципиальной оценке роли иностранного капитала на Севере, отмечу, что исследователи этой проблемы не раз указывали на трудности при подсчетах размеров прямых инвестиций подданных западноевропейских стран в российскую экономику. Главная из них заключалась “в крайней текучести и неуловимости самого объекта статистической фиксации – денежного капитала, в его газовидности”⁷⁷. Эта особенность очевидна при анализе материалов, характеризующих процесс проникновения иностранных капиталов в промышленность Севера.

Северный экономист П.М. Трофимов один из первых привел сведения о том, что в 1912 году из 42 лесозаводов 24, или более 57%, принадлежали иностранным владельцам или компаниям со смешанным капиталом, который расширяли «сферу эксплуатации трудящихся и лесов Севера России». “Лесная промышленность Севера, – добавлял он далее, – была сырьевым придатком, спутником западноевропейского капитала”⁷⁸.

Эти же данные взял на вооружение молодой экономист А.Ю. Вертячих и многие другие исследователи⁷⁹.

Подобную позицию занимал историк Л. Киселев: “Особенностью промышленного развития Европейского Севера было то, что почти все наиболее крупные лесопильные предприятия принадлежали иностранному капиталу и работали на внешний рынок.... Из 52 лесопильных заводов, имевшихся в 1913 году на территории Архангельской, Вологодской и Новгородской губерний, 26 наиболее крупных принадлежали иностранным фирмам – английским, немецким, шведским, голландским, норвежским и др.”⁸⁰.

Более осторожную позицию, основанную на анализе банковских оборотов и прочих данных, заняла В.В. Тевлина, отметив, что “к 1913 году из 44 лесопильных заводов, действовавших в Архангельской губернии, 20 принадлежали иностранцам или обрусевшим иностранным подданным”. Она же попыталась под-

считать и сумму иностранного капитала, инвестированного в лесную промышленность Севера, определив ее в размере 16–18 млн руб.⁸¹.

Существенная разница, как в количественных данных, так и в определении национальной принадлежности владельцев акций (“иностранцы” и “обрусевшие иностранные подданные”), приводимых историками, лишь подтверждает ту “газовидность” иностранного капитала, о которой упоминалось выше. Совершенно очевидно, что “чистые иностранцы” и “обрусевшие иностранные подданные” – это далеко не одно и то же. С юридической точки зрения, капиталы последних, т.е. купцов, принявших российское подданство, нельзя считать иностранными.

Другое дело – конкретный анализ того, как накапливались средства, принадлежавшие этим людям, привлекались ли их соплеменники к реальным вложениям капиталов в дело. К сожалению, никто из историков не привел ни единого доказательства о засилье иностранных предпринимателей в лесной промышленности Севера, конкретном “раскладе сил” на этом поприще применения капиталов.

Заметим, что и в ту пору, когда учреждались и действовали те или иные заведения губернские власти не имели обобщенных сведений о числе иностранцев и тем более размерах их вложений в промышленность региона.

В обзоре Архангельской губернии на 1900 год губернатор А.П. Энгельгардт уверенно докладывал императору о том, что *“вся лесная торговля находится пока в русских руках. Большинство заводов пользуется солидной репутацией, завоевали известное положение в международном лесном рынке”*. Отмечая, что в последнее время “иностранцы предприниматели и капиталисты стараются в той или иной форме ворваться в лесное дело на Севере и захватить его в свои руки”, он указал на нежелательность этого явления⁸². И царь одобрил эту точку зрения.

Кстати заметим, что, по данным исследователей, молодой император Николай II на какой-то период попал под влияние сил, боящихся конкуренции иностранцев. По воспоминаниям современников, примерно с середины 1898 года он стал на уставах иностранных компаний класть резолюции о нежелательности допущения в Россию иностранных капиталов⁸³. Следствием этого явилось сокращение прилива иностранных предпринимателей, ищущих дела в России.

Министр финансов С.Ю. Витте немедленно подготовил для царя специальный доклад, в котором доказывал, что не следует “делать... никаких новых против существующих законоположений стеснений притоку иностранных капиталов”. Он убеждал царя, что, по крайней мере, до 1904 года ненужно ставить никаких преград притоку иностранных капиталов, не пугать западных капиталистов и “без того неохотно идущих в Россию”. По свидетельству очевидцев министр сумел переубедить царя⁸⁴.

В связи с началом мировой войны губернские власти пытались внести какую-то ясность в проблему масштабов иностранных инвестиций в промышленность Севера. Так, в секретном предписании губернатора полицмейстеру города, направленном 16 августа 1916 года, говорилось: “Предлагаю Вам немедленно представить мне списки всех находящихся во вверенном Вам районе иностранных акционерных обществ с указанием на их деятельность, членов правлений и служащих (до войны и ныне), так и капиталов”. А общая цель этой акции административных органов состояла “в выяснении участия в них (в торгово-

промышленных предприятиях – *Е.О.*) ...подданных враждебных нам держав, как в составе администрации, так и капиталами”⁸⁵.

После тщательной проверки в городе проверяющие составили “Список находящихся в городе Архангельске иностранных акционерных обществ и К^о с указанием капиталов, членов правлений и служащих в них, как до войны, так и в настоящее время”. В перечень предприятий вошли различные акционерные компании и отделения некоторых крупных объединений, правления которых находились в столице или других городах России, а также за границей: “Общество лесной торговли Альциус и К^о”, “Лесопильное акционерное общество “Норд”, “Беломоро-Балтийское общество П. и И. Данишевские”, мелкие отделения “Тергард и Гей”, “Р. Мартенс и К^о”, “Гельмсинг и Гримм”, “К^о Зингер” и ряд других.

Детальный анализ ситуации более четко вскрывал суть проблемы. Так, например, все было ясно с “Обществом лесной торговли Альциус и К^о”, устав которой в размере 600 000 рублей был утвержден 14 февраля 1912 года. Все десять акционеров-учредителей в момент проверки (голландцы по национальности) проживали в Амстердаме. В их руках было 306 акций, 190 из них имел некий В.Корталос Альтес, 70 – С.С. Клатте. В Амстердаме располагалось еще одно предприятие этой фирмы. Управляющим заводом являлся швед О.О. Вагер, а ответственным исполнителем – норвежский подданный И.И. Вульфсберг⁸⁶. Иначе говоря, это общество как по форме, так и по существу являлось иностранным. В тот момент на нем, кроме 750 рабочих, служило 53 служащих, в том числе шесть иноземных подданных.

Буквально накануне войны, в 1913 году, учредил свою лесопромышленную фирму в Архангельске норвежский подданный Ф. Прютц. Общая сумма вкладов всех пайщиков, привлеченных им, равнялась 8 млн. норвежских крон. Свои средства в компанию вложили 599 иностранных вкладчиков. Контрольный пакет акций находился в руках 22 человек, сумма паев которых составляла 4 803 000 крон. Пакет стоимостью в 395 тысяч принадлежал основателю фирмы, на 20 000 крон приобрел акции даже известный полярный исследователь Ф. Нансен. Свои средства вложили также хорошо известные в Норвегии лица: Виг, Вагер, Брок, Гендрихсен, Т. Мувинкель и другие⁸⁷.

Столь же ясной была картина с принадлежностью мелких транспортных посреднических фирм “Р. Мартенс и К^о”, “Нанкивель Доусон и Каллаган”, “К^о Зингер”. Все они появились в Архангельске в начале мировой войны. Первая являлась отделением английского акционерного общества, ее возглавлял великобританский подданный В.А. Хултон. Вторая также была отделением известного зарубежного торгового дома. Во главе его стоял англичанин Г. Дональд.

Широко известная фирма “Зингер” занималась продажей швейных машин. Столичная пресса патриотического направления после начала войны подняла резкую кампанию против ее деятельности в империи. Многие публикации на эту тему перепечатывали архангельские газеты. Они сообщали о том, что все служащие фирмы и члены правления являются германскими подданными, что ее агенты, распространявшие машины с правом уплаты за них в рассрочку, обманывают “наиболее обездоленных крестьян и рабочих”, зарабатывая на них до 200-300% прибыли⁸⁸.

Акционеры компании были вынуждены реагировать на эту критику. Во всей российской печати, в том числе и в архангельской, были напечатаны пространственные обращения руководства правления этого объединения и сотрудников (607

подписей). Они разъяснили, что основной капитал компании в сумме 50 млн. руб. полностью принадлежит США и Англии, что все детали машин в Россию приходят из этих стран и собираются на заводе в Подольске под Москвой⁸⁹.

Несколько сложнее обстояло дело с определением принадлежности других фирм. Так, например, устав наиболее заметного среди них акционерного общества “Норд” с капиталом в 500 062 рубля был зарегистрирован еще 2 июня 1900 года. Акционерами были прибалтийские немцы Отто фон Лиленфельд и барон А.В. Резен. До 20 июля 1914 года им руководил немецкий подданный Р.Г. Линденблат, затем высланный из России. Правление фирмы располагалось сначала в Ревеле. 31 июля того же года предприятие “из-за полной потери капитала” перешло в руки новых акционеров. Директором-распорядителем объединения стал В.В. Гувелякен. Он, как и М.А. Ульсен, Д.И. Вальнев, приобрел 200 акций этого общества. Еще более крупный пакет акций поступил в распоряжение Л.А. Яритца, как представителя архангельского отделения Русского для внешней торговли банка (757 акций)⁹⁰. 534 акции приобрел М. Ульсен от имени английской фирмы Бернер и Нильсен. По 20 акций купили также Э.Я. Клафтон, А.И. Костогоров, А.Я. Гусев из Петрограда и Э.К. Бройтигам. Вполне очевидно, что предприятие превратилось в русское, а капитал компании – в смешанный, и для определения размеров и роли его “иностранной” части требуются основательные уточнения.

Подобным же образом обстояло дело с национальной принадлежностью акционеров на лесозаводе Стелла Поларе. В отчете на требование властей правление товарищества информировало о том, что по состоянию на 1 января 1916 года из 24 пайщиков, владевших 734 акциями, лишь трое являлись иностранцами. 48 акций имели шведские подданные (Т. Олрог и Г.Т. Несе) и 60 – англичане Бернер и Нильсен. Обладая лишь седьмой частью акций, иностранные предприниматели не могли оказывать существенного влияния на дела предприятия. Решающую роль во всех делах играли российские подданные. Более 200 акций имел в своем распоряжении основатель фирмы М.А. Ульсен, 125 – братья Вальневы, более 40 – клан Кыркаловых⁹¹.

* * *

Подведем некоторые итоги.

В последний период удалось внести некоторую ясность в эту непростую проблему⁹².

О чем же говорят факты? В 1893 году, т. е. в конце XIX века, в Архангельской губернии лишь только два лесозавода из 20 принадлежали иностранным подданным. Причем сумма производства их составила всего 9,8% (424,3 тыс. руб. из 4393,6 тыс. руб.)⁹³.

Правда, в начале XX века приток иностранных капиталов в лесную промышленность Севера усилился. Как уже упоминалось в 1912 году был утвержден устав “Общества лесной торговли Альциус и К°”. В 1913 году учредил свою лесопромышленную фирму норвежский подданный Ф. Прютц.

Однако и в этот период никакого засилья иностранцев в лесной промышленности Севера не произошло. В 1913 году, например, выходцам с Запада принадлежало в Архангельской губернии лишь только 9 заводов из 45, или 20%; на этих предприятиях было выработано 14,7% пиломатериалов (281,1 тыс. куб. из 1907,7 тыс. куб). А сумма продукции составила всего 14,2%⁹⁴.

Подобными же данными характеризуются размеры иностранных вложений на территориях Архангельской, Вологодской и Новгородской губерниях. В 1913

году здесь действовало 103 лесозавода. Из них лишь 16, или 15,5% принадлежали иностранцам⁹⁵.

В своей работе мы не ставили целью раскрыть все аспекты вливания иностранных инвестиций в северную промышленность. Эта сложная проблема требует специального рассмотрения и анализа.

Совершенно ясно, однако, что лесной бизнес был прибыльным делом. Он позволял обходиться без всяких иностранных инвестиций. Так начинали и успешно вели дело все русские купцы: братья Кыркаловы, Рынины, Вальневы, пинежские Володины, Я. Е. Макаров, А.С. Чудинов и многие другие. Все они накопили средства благодаря торговле, частично – производству и продаже водки (братья Володины).

Не привез никаких капиталов в Россию упоминавшийся выше норвежец Мартин Ульсен. Свой первый лесозавод в Соломбале он соорудил благодаря торговле и хорошему жалованью, а затем расширял производство путем крупных банковских кредитов. А. Сурков сумел соорудить свой небольшой лесозавод, разбогатев на производстве и продаже пива и водки.

Вполне очевидно, что для адекватного применения термина “иностранный предприниматель” требуется конкретный анализ его практической деятельности, в частности выяснение данных о происхождении его исходного капитала, связях со своей родиной и сведениях о российском подданстве.

Безусловно, что тот или иной торговец, приехавший некогда на Север без каких-либо средств и начавший здесь свое дело с нуля и тем более принявший российское подданство, не может считаться иностранным капиталистом. Юридически он был полноправным российским гражданином. Многие из иностранцев прибывали в Архангельск, не имея за душой не только средств, но даже элементарных коммерческих или технических знаний, которые они приобрели в России по мере развития своего бизнеса.

Таким образом, по нашему мнению, до сего времени в исследованиях истории Севера господствовали некие суммарные данные, характеризующие присутствие заграничных инвестиций в общей массе капиталовложений. Порой для этой цели использовался простой подсчет лесозаводов, принадлежавших лицам, носившим иностранные фамилии, хотя абсолютное большинство из них являлись российскими подданными или потомками обрусевших иностранцев во втором и третьем поколении.

Понятно, что ни фамилии акционеров или директоров-распорядителей предприятий, ни даже высокий удельный вес их заводов не могут служить доказательством принадлежности их иностранцам или подчинения ими экономики края.

Все подобные положения, являясь отражением популярного в свое время тезиса о полукOLONIALном характере экономики России, мешают научному изучению вопроса о месте и роли иностранного капитала в экономике Севера.

...Опыт привлечения иностранного капитала советские власти пытались использовать в 20-е годы, в период НЭПа. В Архангельской губернии были созданы в тот период три смешанных общества: Руссанглолес, Руссголландлес и Русснорвеголес. Бывшие владельцы лесозаводов в Архангельске и в Онеге Ф. Прутьц, семейство Вагеров активно сотрудничали с трестом Северолес, помогая восстанавливать лесозаводы, разрушенные во время гражданской войны, обновлять станочный парк, налаживать лесной экспорт⁹⁶.

Однако тяжелое состояние лесной промышленности, сочетавшееся с политической нестабильностью, быстрое становление директивно-плановых методов руководства народным хозяйством, несовместимых с рыночной экономикой, делали Россию в то время крайне непривлекательным местом вложения иностранных капиталов. Все смешанные общества на Севере прекратили к 1930 году свое существование.

Внедрение в промышленность

⁶³Иностранное предпринимательство... С. 4.

⁶⁴Там же. С. 15. Табл.

⁶⁵Там же. С. 28.

⁶⁶Там же. С. 307.

⁶⁷Там же. С. 30–31.

⁶⁸ГААО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 65. Лл.1, 39; Ф. 4. Оп. 3. Д. 606. Л.1–3.

⁶⁹Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 года). Архангельск. 2004. – С. 204–205; Согласно данным Н.А. Шумилова род Классенов происходил из города Бобруй в Гольдштейне. Его родоначальник – Иоганн Георг (Егор Иванович) прибыл в Архангельск в 1797 г. В 1820 году записался в архангельское купечество, являлся компаньоном и представителем В.И. Брандта. Его средний сын – Егор Егорович стал почетным потомственным гражданином, коммерции советником (в 1838 г.), в 1840-х гг. переписался в ярославское купечество / Н.А. Шумилов. Выходцы из Германии в Немецкой слободе Архангельска в XVII–XX вв. В кн.: Немцы и русский Север. М., 2000. С. 209.

⁷⁰Там же. Д. 555. Лл.1–4.

⁷¹Там же. Ф.50. Оп.1. Д.827. Л.6.

⁷²Там же. Ф.49. Оп.1. Д.2422. Л.13.

⁷³Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 62. Л. 6,16 и др.

⁷⁴Выражаю благодарность научному сотруднику Госархива Архангельской области Н.А. Шумилову за предоставление мне составленного им перечня более 170 фирм, действовавших в XIX–XX вв. в Архангельске.

⁷⁵ГААО. Ф.1.Оп. 5. Д. 127. Л. 65.

⁷⁶Ананьич Б.В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг. Л., 1991. С.132–133.

⁷⁷Там же.

⁷⁸Трофимов П.М. Очерки по истории лесной промышленности Севера. Архангельск. 1947. С. 22.

⁷⁹См. Трофимов П. Указ. соч. 131. ; Вертячих А.Ю Указ. соч. С. 68.

⁸⁰Киселев Л. К. Север раскрывает богатства. М., 1964. С. 4.

⁸¹См. Тевлина В.В. Иностранное предпринимательство на Европейском Севере России во второй половине XIX - начале XX вв: (1861-1917 гг.): Автореф. канд. дис. Петрозаводск, 1994. С.12,17.

⁸²Обзор Архангельской губернии на 1900 год. Архангельск, 1901. С. 19–20.

⁸³Из дневника А.А. Половцева // Красный архив. 1931. Т. 3(46). С. 119–121.

⁸⁴См.: Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 183.

⁸⁵ГААО.Ф. 37. Оп. 1. Т.2. Д. 4192. Л. 335; Подобные предписания властей получили все акционерные компании. (См.: ГААО. Ф. 357. Оп 1. Д. 537. Л. 1. – Стелла Поларе).

⁸⁶ГААО.Ф. 37. Оп. 1. Т.2. Д. 4192. Л. Л. 380–383.

⁸⁷Репневский А.В. СССР - Норвегия: экономические отношения межвоенного двадцатилетия. Архангельск, 1998. С.28.

⁸⁸Архангельск. 1915. 11, 28 апр.

⁸⁹Архангельск. 1915. 2 сент.; Современные исследования подтверждают эти данные. С 1901 по 1913 гг. АО “Зингер” увеличило свой капитал в России с 5 до 50 млн. руб. А продажа швейных машин выросла за это время с 68 до 680 тысяч штук в год. // Иностранное предпринимательство... С. 256, 279.

⁹⁰ГААО. Ф. 37. Оп. 1. Т. 2. Д. 4192. Л. 380 –383.

⁹¹ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 557. Л. 1–4; Приведенные данные свидетельствуют о несостоятельности утверждения экономиста П.М. Трофимова о существовании лесозавода на шведские капиталы // П.М. Трофимов. Указ. соч. С. 130.

⁹² См. Овсянкин Е.И. Завод на Северной Двине. Изд.-во “Архконсалт”. Архангельск, 2001. С. 10-14.

⁹³ См. Новиков С.И. На передовых рубежах. Рукопись. Архангельск . 1981. С. 18.

⁹⁴ Подсчеты Новикова С.И. Указ. соч. С. 18-19.

⁹⁵ Там же; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб, 1914. С. 156-168, 727-769.

⁹⁶ См.: Овсянкин Е. Из истории треста “Северолес”: (1921–1925) // Историко-краеведческий сборник / Вологод. гос. пед. ин -т. Вологда, 1973. С. 3–14.

На службе общества. Жители иноземного поселения, втянутые в торгово-промышленный процесс, становились составной частью его населения, вносили значительный вклад в общественную жизнь города. Более чем трехвековой опыт сотрудничества их с Северной Россией свидетельствует: выходцы с Запада пользовались высоким авторитетом в деловых кругах города, у всех его жителей.

Пожалуй, наиболее заметным показателем их авторитета являлось избрание “архангельских иностранцев” на пост городского головы. С 1793 по 1910 год на этой должности побывало 32 человека, в том числе 9 жителей Немецкой слободы. Среди них А. Менсендейк, В. Брандт. Дважды доверяла городская дума этот пост А. Фонтейнесу, К. Мейеру, В. Гувелякену – даже трижды. Я. Лейцингер избирался четыре раза.

К началу XX века потомки “немцев” входили почти во все сферы общественной и экономической жизни Архангельска. Приведем факты. Потомственный почетный гражданин Адольф Шольц являлся членом губернского по городским делам присутствия и возглавлял архангельский комитет торговли и мануфактур; Эдуард Фонтейнес исполнял обязанности гражданского заседателя в приказе общественного призрения. В работе последней городской думы из общего состава 21 гласных 9 являлись потомками иностранных предпринимателей. Среди них: Рудольф и Эдмунд Пец, Георг Линдес, Эмиль Бройтигам, Вильгельм Гувелякен, Яков Лейцингер, Егор Шергольд, Эрнст Шмидт и Мартин Ульсен⁹⁷.

Много выходцев из иноземцев занимали заметные должности в финансовых сферах, в попечительских советах учебных заведений и благотворительных обществах. А женское попечительское общество о бедных наполовину состояло из жен с иностранными фамилиями. Среди них Мария Линдес, Мария Мейер, Эрнестина Шмидт.

Показателем признания заслуг выходцев из западных стран перед городом являлись различные виды наград. Одним из первых купцов, удостоенных в XVIII веке звания именитого гражданина (вместе с А.И. Фоминым, Г.А. Ласкиным и А.И. Поповым), был 37-летний обрусевший голландец Антон Менсендейк⁹⁸.

Напомню, что звание именитых граждан было введено Жалованной грамотой городам 1785 года. Этот документ определял семь групп обывателей, которые могли приобретать это почетное звание: лица, дважды выбиравшиеся в высшие городские сословные должности; ученые, художники; капиталисты, которые объявляли капитал свыше 50 000 руб.; банкиры с капиталом от 100 до 200 тыс. руб.; оптовые торговцы и судовладельцы, “отправляющие свои корабли за море”⁹⁹. Архангельские власти оказали бывшему голландцу Менсендейку столь высокую честь за успешное ведение “кораблехозяйства”.

Попутно замечу, что А. Менсендейк, сын пастора местной церкви, родился в Архангельске и оставил добрый след в истории города. В 1803 году он вел торговлю под фирмой “Менсендейк, Гембри и К^о”, имел собственный корабль и речные суда. В сезон 1801 и 1802 гг. в его адрес приходило из-за рубежа по 18 кораблей. По размаху своей торговли он уступал в тот момент лишь К. Дорбекеру, Артуру Кейли и купцам Фанбриным из Санкт-Петербурга, имевшим свою контору в Архангельске. Антон Томасович был авторитетным человеком в посаде. Как уже отмечалось, в 1796–99 гг. он избирался городским головой. В 1804 году Менсендейк, будучи сравнительно молодым, умер. Долгое время его

именем называлась одна из центральных поперечных улиц Архангельска (ныне улица Свободы).

По неполным данным, в Архангельске было около 80 архангельских предпринимателей, удостоенных с 1832 по 1917 гг. звания потомственного почетного гражданина. До 40 из них, т.е. половина, являлись жителями Немецкой слободы¹⁰⁰.

Еще более высоким статусом пользовалось звание коммерции советник. Оно было введено императорским указом от 27 марта 1800 года. Им жаловались купцы 1-й гильдии, пробывшие в ней не менее 12 лет. Коммерции советник имел право на чин 8-го класса и титул “ваше высокоблагородие”, а также на ношение дворянского мундира, шпаги и определение детей на государственную службу. Носитель звания мог причисляться к высшему городскому сословному разряду – потомственных почетных граждан. В разное время почетного звания коммерции советник были удостоены, наряду с архангельским купцом Василием Поповым, А.И. Фонтейнес и В. Брандт.

Есть еще один любопытный аспект, касающийся роли иностранцев в жизни города. В дореволюционное время потомки иностранцев, принявшие российское подданство, широко использовались “родными” государствами в качестве консулов. В 1860-е гг., например, консулами при Архангельском порте являлись жившие в городе, как правило, российские подданные, купцы: В.Х. Грель (бременский), И. И. Гернет (гамбургский), А.И.Фонтейнес (ольденбургский), Э.В. Брандт (нидерландский, датский, бременский, прусский и ганноверский), В.А. Руссагье (французский), Э.Е. Линдес (пруссский), В.М. Клафтон (мекленбургский), П.П. Дрезен (датский) и т.д. Подобная практика назначения консулов существовала в XX веке и даже в первый период советской власти.

Жизнь обитателей архангельской Немецкой слободы позволяет подтвердить правоту выводов русских исследователей о том, что Россия сумела на практике решить вопросы о правах иностранцев. В отличие от западных стран, где иностранца считали почти врагом, лишали его права наследования и свободы личного вероисповедания, здесь не допускалось насилия в делах веры, оставались в покое чужие религиозные вероисповедания.

Как отметил в одном из своих писем английской королеве Елизавете царь Федор Иоаннович, “в государстве (в Московском - Е.О.) ... все живут в своих верах, и от веры их не отводят. Кто как захочет, тот так и живет в своей вере”¹⁰¹. Подобное положение обуславливалось как политико-экономическими и культурными потребностями государства, так и органически проистекало из традиционной веротерпимости русских к иноверию.

Яркой иллюстрацией этого являлось сосуществование в Архангельске различных конфессий. В 1916 году, например, в городе наряду с 30 православными соборами действовали евангелическая, англиканская, римско-католическая церкви. Если добавить сюда еврейскую синагогу и магометанскую мечеть, то станет ясно, насколько была богатой палитра разных верований граждан в сравнительно небольшом провинциальном городе. Из 65,5 тыс. верующих в тот момент 1671 прихожанин посещал римско-католический собор, 2836 – лютеранскую церковь¹⁰².

⁹⁷Наличие в городской думе купцов с иностранными фамилиями не дает основания считать их “иностранцами”, как это сделал П. Трофимов (Указ. соч. С. 119). Многие из них к тому времени являлись архангелогородцами во втором и даже в третьем поколениях, все они были полноправными гражданами Российской империи.

⁹⁸ГААО. Ф. 49. Оп. 4. Д. 9. Книга городских обывателей за 1796 год.

⁹⁹ПСЗ. Т. XXII, № 16188. Ст. 132.

¹⁰⁰См. сведения Поморской энциклопедии. Т. “История”. Ст. “Почетные звания горожан”.

¹⁰¹Цветаев Дм. Указ. соч. С. 138.

¹⁰²ГААО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 12. Л. 34, 31об.

Репрессии против жителей Немецкой слободы. Вторая родина не всегда обходилась со своими приемными детьми так, как они этого заслуживали. Став гражданами России, десятки бывших немцев, голландцев и их потомков – обитателей архангельской Немецкой слободы – вместе с русскими людьми испили горькую чашу ничем не оправданных страданий.

Как уже отмечалось, определенные сложности, порой весьма существенные, в отношениях между “немцами” и русской общиной имели место еще в самые ранние времена существования архангельской Немецкой слободы. Источником напряженных, не всегда справедливых отношений являлись сначала привилегии, которыми жаловали иноземных купцов Иван Грозный, Борис Годунов, Петр I и другие самодержцы.

Выше уже говорилось о многих челобитных архангельских купцов на имя царей с требованиями отмены привилегий, дарованных иноземцам, жалобами на утеснения посадских людей при сооружении выходцами с Запада своих дворов и хозяйственных сооружений.

Власти удовлетворяли эти просьбы. Но в том случае, когда общегосударственный интерес расходился с выгодами местных торговцев, цари стесняли права родного купечества. Как резонно заметил Г. Минейко, “правительство шло впереди народа, сознавая, что без таких преимуществ трудно было бы заманить охотников искать счастья в страну столько отдаленную, неизвестную и о которой ходили даже запугивающие слухи в Западной Европе”¹⁰³.

Естественно, что соответствующие органы всегда интересовались настроением иностранных подданных, проживавших на территории России. Типичным с этой точки зрения являлся запрос архангельского губернатора к полицейским властям Архангельска, направленный в начале января 1893 года. Губернатор требовал представить ему список всех иностранных подданных старше 19 лет с указанием их национальности, рода занятий, а также сведениями о том, кто из них может “по роду своей деятельности и роду жизни внушать подозрение в передаче различных сведений о России в случае усложнения политических обстоятельств”. Власти требовали также от полиции немедленно информировать их в случае “одновременной убыли иностранцев в более или менее значительном числе”.

В полицейских сводках регулярно содержались подобные сведения. Так, по данным на 19 января 1893 года отмечалось, что 34-летний норвежский подданный Карл Стампе “в передаче каких-либо сведений о России замечен не был, поведения хорошего, а потому нет основания предполагать его как политически неблагонадежного”. Примерно такие же сведения содержались в донесениях о М. Ульсене, его брате Алексее и многих других иностранцах¹⁰⁴. Подобное наблюдение за иностранцами, очевидно, было естественной государственной нормой.

* * *

Документы свидетельствуют: наиболее острые недоразумения между обитателями Немецкой слободы и русской общиной возникали в период крупных общественных потрясений. Это с особой силой проявилось в XX веке. В течение четверти века (с 1914 по 1939 гг.) российские власти и торгово-промышленные круги предприняли против выходцев с Запада несколько репрессивных акций.

Резко неприязненное отношение к людям с иностранными, в особенности с немецкими фамилиями, дало себя знать во время Первой мировой войны.

В Архангельске получили широкую известность обращения Московского купеческого общества и напех созданной в 1915 году организации “Самодетельная Россия” во главе с редактором популярного журнала “Исторический вестник” Б.Б. Глинским. Тексты воззваний, констатировав, что “германцы... до войны наводнили нашу страну шпионами, покрыли сетью колоний и через свои торговые и фабричные предприятия переводили наши деньги к себе, обогащая Германию и разоряя Россию”, призывали русских людей “к всемерной борьбе с немецким торгово-промышленным засильем”, “к дружному бойкоту немецких товаров”, к принятию всех мер, содействующих переходу собственности “в русские руки”¹⁰⁵. Архангельское купеческое общество, обсудив этот документ на своих собраниях 5 апреля и 28 июля 1915 года, приветствовало “начинание” своих московских коллег.

Руководитель купеческого общества Х.Н. Манаков высказался “за эвакуацию отсюда тех экспортеров, которые вскормлены на немецкие деньги. Разве им дороги интересы России, раз они только вчера приняли русское подданство...”

Обсуждение этой проблемы на заседаниях общества вызвало резкие и в целом оправданные возражения со стороны купцов иностранного происхождения¹⁰⁶. Выступая от имени лютеран, В.К. Пец заявил, в частности: “Мы поселились здесь со времен Петра Великого и теперь, как истинно русские люди, желаем быть полезными. Только прикажите нам, что делать. Мы будем работать для того, чтобы зажать немецкую конкуренцию”.

Вскоре после начала военных действий большая группа немцев, не имевших российского подданства, была депортирована из города. В Архангельске распространялись антинемецкие листовки. После того, как в Ледовитом океане подорвался на mine пароход, шедший из Англии в Архангельск, шовинистически настроенная толпа грозила учинить погром в Немецкой слободе. Редактор архангельской газеты “Северное эхо” некто П.В. Сергеев, сообщая в Москву о намерении открыть в городе отделение общества “Самодетельная Россия”, писал о том, что “предстоит энергичная борьба с немецким засильем в городе”, что в городе не должно быть немцев и их контор¹⁰⁷.

На пивном заводе Суркова полиция произвела обыск. Поводом к этой акции послужил тот факт, что радиотелеграф, расположенный в районе станции Исакогорка, выявил присутствие в городе тайной радиостанции. Ротмистр жандармского корпуса, приехавший для расследования инцидента из Петрограда, произвел подобную акцию в ряде домов города.

Обнаружив на заводе Суркова подозрительные провода, власти обвинили его владельца в установке подпольной радиостанции для передачи сигналов немецким судам. Как показал архангельский полицмейстер С.П. Пржисецкий, российский подданный Шмидт был выслан из города, а несколько лиц (немецкого происхождения) – Вульстер, Бройтигам и Пауль – заподозрены в нелояльности в отношении к России и даже в шпионаже¹⁰⁸.

В ответ на запрос городского полицмейстера о существовании в городе обществ, состоящих из лиц немецкого происхождения, пристав 2-й части доносил 22 февраля 1916 года: “При местной кирхе существует общество под названием “Совет евангелического общества”. В числе его активистов-руководителей были: А.Ф. Шольц, Е.И. Шергольд, В.В. Гувелякен, Р.К. Пец и К.К. Стампе. В обществе значилось 138 членов, среди которых были также норвежские и датские подданные. До начала войны в него входили также 11 человек германских подданных, но все они были исключены из его состава”¹⁰⁹.

Сохранился любопытный анализ настроения обитателей Немецкой слободы, составленный в городском полицейском управлении в 1917 году: “Часть жителей Архангельска, населяющих так называемую “Немецкую слободу” и происходящих из выходцев и давно принявших русское подданство иностранцев, образует как бы особую колонию. Они имеют свой клуб, который официально именуется “коммерческим”, а неофициально “немецким”. Члены этого клуба почти исключительно состоят из лиц указанной категории. В конце прошлого, 1916 года, старшиной этого клуба на общем собрании был избран посланный почти два года назад Г.Н. Шмидт. И этот факт может служить указанием на нелояльность всех тех, кто участвовал в таком избрании, т.е. большинства самых видных жителей Немецкой слободы, а само избрание я считаю демонстративной выходкой”¹¹⁰.

По поводу этого события провели всестороннее расследование, рапорт о нем был представлен начальнику губернии. Коммерческий клуб закрыли. Замечу, что в состав его членов в тот момент входили 78 человек. В их числе были отец и сын Бройтигамы, Гильде, Шольцы, братья Шергольды, Ландманы, Линдесы, Люрсы, Пецы и многие другие¹¹¹.

22 февраля 1917 года руководители клуба А. Шольц, Э. и Р. Пец, подали губернатору заявление с просьбой “о снятии тяготеющего над коммерческим собранием позорящего его обвинения в антигосударственной деятельности и о разрешении открытия этого собрания”. С заявлением о снятии с мужа обвинения “в германофильстве” и возвращении его из ссылки обращалась к властям Л.Ф. Шмидт¹¹². Однако прошения были оставлены без последствий¹¹³.

Можно допустить, что антинемецкая пропаганда существенно повлияла на выборы в состав городской думы. В 1910 году в числе ее гласных 9 человек – почти половина всего состава думы – являлись жителями Немецкой слободы. Среди них Э.Ф. Пец, Г.Ф. Линдес, Э. К. Бройтигам, В.В. Гувелякен, Я.И. Лейцингер и другие. Выборы, проводившиеся в 1917 и 1918 гг., (состав кандидатов определялся по партийным спискам, а не по размерам недвижимого имущества, как это было раньше), дали совершенно иные результаты.

В августе 1917 года по пяти различным спискам были выдвинуты лишь три заметных промышленника с иностранными фамилиями: В.В. Гувелякен, М.А. Ульсен и К.Ю. Спаде. Все эти люди имели широкую известность. В.В. Гувелякен был не только предпринимателем, но и городским головой, а после февральской революции исполнял обязанности губернатора. Но ни один из них не был избран гласным.

Еще более поразительными оказались итоги выборов, проводившиеся осенью 1918 года, когда на Севере совершился антисоветский переворот и в городе существовал интервенционистский режим. В списке кандидатов по объединенному внепартийному списку “Национального возрождения” значилось 12 представителей торгово-промышленного класса, по преимуществу русских по национальности. Вновь баллотировался В.В. Гувелякен. Но этот блок потерпел сокрушительное поражение: в состав думы был избран лишь один предприниматель – И.И. Данишевский¹¹⁴.

Особенно крупные моральные и материальные притеснения жителей Немецкой слободы начались после освобождения Архангельска в феврале 1920 года от власти белогвардейского правительства. Состоятельные люди лишились своих заводов, судов и значительной части домов. В тюрьме и лагерях оказались В. Пец, Б. Шергольд, М. Ульсен, Г. Мейер, А. Шольц и ряд других.

Обвинения по отношению к “немцам“, как, впрочем, и к русским, применялись стандартные: служба в белой армии, контрреволюционная деятельность.

Типичной была судьба семьи 65-летнего лесопромышленника, бывшего купца 1-й гильдии Рудольфа Карловича Пеца. На допросе в губЧК по делу о торгово-промышленном союзе (в 1921 году) он показал, что до революции 1917 года имел в Архангельске два дома, был членом правления созданного им товарищества “Рудольф Пец“. Долгие годы до этого Пец работал управляющим лесозавода П. Амосова, состоял компаньоном этого предприятия. В собственном акционерном обществе его товарищами были два брата: Август и Вальтер. В ходе гражданской войны, по его признанию, сын Вильгельм и брат Вальтер в 1920 году были расстреляны, а фирма после освобождения Архангельска прекратила существование. Сам старший лесопромышленник служил во Внешторге, помогал этому органу установить деловые связи со странами Западной Европы.

Письмо бывшего жителя Архангельска А. Брауна, сумевшего в августе 1920 года выехать в Лондон, воспроизводит некоторые штрихи, которые характеризовали общую ситуацию в городе. Почти сразу после приезда за границу он сообщил своему родственнику А. Люрсу в Гамбург: “Незадолго до нашего отъезда репрессии стали особенно жестокими. Огласили имена расстрелянных”. Среди них он назвал имена В. Пеца, С. Александрова и других. Многие обитатели Немецкой слободы и просто общие знакомые были арестованы: В. Витт, А. Шольц, Е. Писляк, Б. Шергольд... Поведав своему адресату о неожиданной смерти Э.К. Пеца, автор письма философски заметил: “Эта чудная смерть избавила его от жалкого существования, которое и жизнью-то не назовешь”. Он сообщил также, что “никто из иностранцев не хочет здесь оставаться на зиму”¹¹⁵.

В последующие годы жителей Немецкой слободы ограничивали в переписке, стали отказывать им в визах на выезд за границу. В 1923 году, например, ОГПУ не разрешило выдать паспорта на выезд в другие страны А.А. Шольцу, А.Е. Горанской, А.Г. Магер и многим другим¹¹⁶.

Заметим кстати, что подобным же образом органы ОГПУ относились и к чисто русским по своему происхождению предпринимателям. Мотивируя отказ на выезд К. Перешневой к мужу М.В. Перешневу, покинувшему Архангельск по поручению городской думы для добывания городу продовольствия и угля еще в сентябре 1919 года, чекист заметил: «Перешнев М.В. проходил по делу архангельских кадетов... Состоит на учете как бежавший за границу при ликвидации Северной области. Поездка его жены кроме личного удовольствия не имеет для республики никакой пользы. По моему мнению просьбу надо отклонить»¹¹⁷. По сути дела власти относились одинаково как к русским людям, так и потомкам иностранных предпринимателей, ибо последние в то время являлись гражданами России.

В конце 20-х годов был закрыт центр духовного общения бывших иноземцев – протестантская церковь, которую до революции посещало, включая значительное число русских, до 1000 человек.

Но все эти утеснения не шли ни в какое сравнение с теми репрессиями, которые последовали по отношению к ним в 1937–39 гг. Крупным делом, затронувшим большую группу жителей Архангельска и области, явилось так называемое “дело норвежского консула А. Виклюнда”.

“Дело Виклюнда” возникло по прямому приказу наркома НКВД СССР Н.И. Ежова за № 00698 от 28 октября 1937 года. “В целях пресечения всей контрреволюционной, шпионской, террористической, диверсионной деятельности на

территории СССР личным составом посольств и консульств” ряда стран нарком предписал своим подопечным: “Применением широких репрессий пресечь все связи посольств и консульств этих стран с советскими гражданами, подвергая немедленному аресту всех советских граждан, связанных с личным составом этих диппредставительств”¹¹⁸.

Приказ наркома был исполнен. В телеграмме областного управления НКВД в Москву от 24 ноября 1937 года говорилось, что “в ночь на 23 ноября проведена операция по связям норвежского консульства...В ходе операции арестовано 54 человека”¹¹⁹. А в целом в причастности к связям с норвежским консульством были обвинены более 60 архангелогородцев. Наряду с профессором лесотехнического института В.И. Лебедевым, работником облисполкома П.С. Пузыревым, Е.А. и И.В. Жилинскими, сыном предпринимателя М. Ульсена Михаилом Мартиновичем, известным судовладельцем И.И. Бурковым, по делу проходили Эльза Бруновна Пец, Лидия Николаевна Крамаренко, сын известного лесопромышленника Егора Шергольда Борис, а также Эдуард Гернет, Герман Гувелякен, Александр Мейер, братья Виктор и Анатолий Бройтигамы, Борис и Георгий Витты, Аркадий и Иван Кольметы, сыновья бывшего городского головы, известного фотографа Якова Ивановича Лейцингера Вячеслав и Аркадий и многие другие. Все они обвинялись в шпионаже, абсолютное большинство из них были расстреляны¹²⁰.

Между тем, почти все эти люди пустили глубокие корни в местную среду, некоторые из них имели большие семьи. Типичной с этой точки зрения явилась судьба Бориса Шергольда, Он в момент ареста занимал должность бухгалтера, был женат на русской женщине Марии Александровне Пресняковой, имел шестеро братьев и сестер, взрослых сыновей: Георгия, Бориса, Сергея и Владимира. Еще в 1920 году Борис Егорович был арестован и отбыл почти 10 месяцев наказания в принудительных лагерях. В 1921 году, умер его отец, известный на Севере специалист лесного дела, Егор Иванович. В 1932 году Шергольд был вторично арестован и отсидел два месяца в тюрьме. И вот последовал новый арест. Арестованного вынудили признаться в том, что он был завербован норвежским консулом для шпионской работы, получал якобы секретные сведения от экономиста В.Я. Лейцингера, плановика П.В. Петрова, а также В.Э. Бройтигама и профессора В.И. Лебедева. 16 сентября 1938 года Борис Егорович был расстрелян. Лишь в 1956 году его сын Владимир Борисович узнал о напрасной гибели своего отца¹²¹.

Подобная участь постигла В.Э. Бройтигама. В момент ареста его 78-летние отец и мать находились в Германии, а жена осталась с тремя малолетними детьми. В письме к прокурору А. Вышинскому, написанному в середине февраля 1938 года, арестованный, отрицая вину, сообщил об ужасающих условиях ведения его дела. «С 4 по 11 декабря, – сообщал Бройтигам, – я находился на допросе без сна... Следователь 3 дня меня совершенно не кормил, мотивируя тем, что мое личное дело не поступило из тюрьмы № 1... Он обращался со мной грубо, ругал матом, кричал, страшил разными угрозами вплоть до расстрела и довел меня до состояния невменяемости, добившись ложных показаний. Под его диктовку я механически написал о том, что состоял членом шпионской организации»¹²².

В таком же положении оказались многие жители бывшей Немецкой слободы, попавшие в жернова репрессивной политики государства.

Таковы лишь некоторые сведения об одной из наиболее драматичных страниц истории Немецкой слободы в Архангельске.

Подведем итоги. Более трех веков иностранные предприниматели разной состоятельности занимались бизнесом на Севере России. Как вся внешняя торговля России в это время, так и деятельность иноземцев, поселившихся в архангельской Немецкой слободе, имела большое значение для государства, и тем более для развития Архангельска.

Долгие годы Беломорский морской путь оставался единственным возможным для правильных экономических сношений с Западной Европой. Этот путь являлся подлинно интернациональной торговой дорогой. Вне всякого сомнения, самым фактом своей разнообразной деятельности в Московском царстве сначала англичане, а затем голландцы, немцы и представители других национальностей внесли в жизнь Севера живую струю.

Русские цари, начиная от Ивана Грозного, получали от заморских стран значительное количество оружия и боевых припасов. Неслучайно польский король Сигизмунд неоднократно выражал крайнее недовольство тем, что его враг (Россия) “чрезвычайно преуспел в образовании и вооружении” благодаря торговле с англичанами. Германский император в свою очередь приписывал англичанам успехи русских над Тевтонским орденом¹²³.

Уже с XVI века московские власти, давая привилегии иностранным купцам, стремились получить при их посредничестве различных специалистов: судоводителей, судостроителей, врачей, опытных мастеров по самым различным специальностям. Чего стоит только один факт: в 1698 четыре корабля доставили в Архангельск 672 человека, среди которых были офицеры, матросы, а также кораблестроители¹²⁴. Все эти мастера учили ремеслам русских людей, а офицеры помогали крепить русские вооруженные силы.

Столь же многообразно было влияние на жизнь Архангельска обитателей Немецкой слободы. Иностранные купцы помогли быстрее набрать силы сметливым местным и восприимчивым торговцам. Создание общих торговых домов и акционерных компаний, общение с западными фирмами помогали русским купцам осваивать мировой опыт торговли, проникать на зарубежные рынки.

Иностранцы, поселившиеся в Архангельске, принесли с собой образцы более высокой культуры строительства и содержания жилья, территории своей слободы. Судя по документам, русские купцы В. Попов, Н. Крылов и ряд других строили свои просторные дома и усадьбы, заимствуя многое от иностранцев.

Одним словом, архангельские “немцы” постепенно вошли во все сферы жизни небольшого русского города, стали заметным явлением в его экономике, образовании и культуре.

Религиозная автономия, связи со своими родственниками на Западе, собственные школы и клубы помогали жителям Немецкой слободы сохранять свой язык и самобытность.

Очень долго иностранцы, проживавшие в Архангельске, держались особняком, жили своей отдельной от русских людей жизнью, особыми интересами.

Показательны с этой точки зрения наблюдения известного путешественника и литератора С.В. Максимова, приведенные в его книге “Год на Севере”. Архангельский трактирщик в момент приезда Максимова в Архангельск зимой 1856 года так передал суть отношений между русскими и жителями Немецкой слободы: “А первое: всю коммерцию отбили. В старину наших кораблей от русских шло много за границу, а теперь ни одного, все от немецких контор. Второе:

за русского они свою дочь не отдадут ни за что: образ сыму в поручительство. Третье: у них клуб свой, нашим дворянским брезгают... А затем они – опять – так скажу вам – русского духа не любят: из благодарности к тому, что мы им и место отвели и все сделали”¹²⁵. Даже в том случае, если Максимов придумал этот монолог, то все равно он отразил итог своих наблюдений над проблемами внутренней жизни горожан.

Своеобразным свидетельством обособленной жизни русской и иноземной общин в городе являлось почти одновременное создание двух клубов: так называемого Коммерческого собрания, или Немецкого клуба (устав был утвержден в 1858 году) и Русского соединенного клуба (устав утвержден в 1868 году).

Создатели Русского клуба считали главной его целью “сближение всех сословий и классов”, в том числе “с иногородними торговцами и промышленниками, прибывающими к здешнему порту во время навигации”. Устав его предусматривал, что все семь старшин, избравшихся для управления клубом, должны были принадлежать “исключительно к русскому торговому сословию”. В числе 51 учредителя новой организации наряду с купцами были 7 крестьян, 10 мещан: С. Лемяхов, М. Двойников, М. Ершов, Д. Морозов, С. Тарасов и другие. В коллективном письме от 20 апреля 1868 года губернатору С.П. Гагарину учредители, отметив, что “это благое дело возникло благодаря Вашего сиятельства”, просили руководителя губернии “принять звание первого Почетного члена клуба” и “осчастливить председательством” беседы членов клуба “о пользах и нуждах близкого отеческому сердцу Вашему нашего края и нашей торговли и продолжать руководить нами на пути соединенной деятельности и сближения личных сословий и интересов”¹²⁶.

Одна из первых исследовательниц отношений русских людей с иностранцами, в частности с англичанами, И. Любименко, на наш взгляд, справедливо заметила, что “весь уклад русской жизни был им настолько чужд, что должно было пройти много времени, прежде чем они могли обжиться в новых условиях”¹²⁷.

Жизнь подтвердила это. Более тесное сотрудничество и сближение русской и иностранных общин, на наш взгляд, началось в XX веке. Чаще стали заключаться смешанные браки. На архангелогородках были женаты немец Э. Бройтигам, норвежцы А. Виклюнд, М. Ульсен, швед А.И. Андерсен и ряд других иноземцев. Для участия в процедуре составления духовных завещаний бывшие иностранцы все чаще и чаще приглашали в качестве поверенных лиц русских людей. Все подобные документы заверялись русскими нотариусами.

Небезынтересен и такой факт: училище, существовавшее в Немецкой слободе, закончили известный архангельский купец А.В. Булычев и ряд других представителей северного предпринимательского мира.

Естественный процесс постепенного сближения общин был прерван экстремальными обстоятельствами: мировой войной и революционным потрясением.

* * *

В 20-е годы XX века понятие Немецкая слобода постепенно выходит из обращения. И это неудивительно: бывшая кирха превратилась в театр рабочей молодежи – ТРАМ, в национализированных советской властью особняках, расположенных на ее территории, поселились новые люди. Значительная часть состоятельных “немцев” выехала на родину. А потомки тех, кто остался в России, постепенно русифицировались и, как правило, забыли даже язык своих предков.

Репрессии против жителей немецкой слободы

- ¹⁰³Минейко Г.И. Указ. соч. С. 6.
- ¹⁰⁴ГААО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 716. Л. 6,8,9 и др.
- ¹⁰⁵Там же. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 33. Л. 1–5.
- ¹⁰⁶Там же. Ф. 97. Оп. 1. Д. 9. Лл.21, 26; АГВ. 1915. 29 июля..
- ¹⁰⁷Там же. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 33. Л. 21–24.
- ¹⁰⁸Там же. Ф. 37. Оп. 3. Д. 12. Л. 57, 222.
- ¹⁰⁹Там же. Ф. 37. Оп. 1.Т.2. Д.4192. Л. 15–17.
- ¹¹⁰Там же. Ф. 37. Оп. 3.Д.12. Л. 57об.
- ¹¹¹Там же. Ф.1866. Оп. 4. Д. 231. Л. 461.
- ¹¹²Там же. Ф. 97. Оп. 1. Д. 9. Л. 114.
- ¹¹³Там же. Оп. 1. Д. 62. Л.199.
- ¹¹⁴Данные составлены на основании списков кандидатов и гласных городской думы. См. ГААО. Ф.50. Оп. 110. Д. 4. Л. 181.
- ¹¹⁵Копию письма А. Брауна мне любезно предоставил научный сотрудник Госархива Архангельской области Н.А. Шумилов, за что выражаю сердечную благодарность ему и исследователю родословных немецких семей А.П. Пецу.
- ¹¹⁶ГААО. Ф. 4097. Оп. 4. Д. 49. Л. 5–78.
- ¹¹⁷Там же. Ф. 4097. Оп. 4. Д. 380. 1 – 3.
- ¹¹⁸Архив Регионального управления ФСБ по Архангельской области. Следственное дело В.И. Лебедева. П–6014.
- ¹¹⁹Там же. Следственные дела №№ 7117. Т. 1–3; П–3750, П – 7401,П–3748, П–6014.
- ¹²⁰История “Дела Виклюнда” освещена в статьях Е. Овсянкина: “Дело норвежского консула Виклюнда”, “За что расстреляли Игнатия Буркова” // Правда Севера. 1993. 19 марта, 2 апр.; 1994. 13 июля.
- ¹²¹Архив Регионального управления ФСБ по Архангельской области. Следственное дело П – 6006.
- ¹²²Там же. Следственное дело П – 6006. Л. 1, 10, 102.
- ¹²³См. Любименко И. История торговых отношений России с Англией. Юрьев, 1912. Вып. XVI в. С. 128.
- ¹²⁴См. Кондрескул А.М. Архангельск в русско-голландских отношениях в XVII – XVIII века/Нидерланды и Русский Север XVI – XX вв. Архангельск. 1999. С. 68.
- ¹²⁵Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 527.
- ¹²⁶ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1052. Л. 8–9.
- ¹²⁷Любименко И. Указ соч. С. 131.

На заре XX века

Важным этапом развития архангельского предпринимательства явился конец XIX – начало XX века. На Севере наблюдались заметные признаки оживления экономической жизни: ускоренное развитие ведущих отраслей хозяйства, усиление их акционирования, активное вовлечение в промышленность иностранных капиталов, появление опытных руководителей бизнеса из числа поморских купцов и крестьян.

Какие реальные процессы происходили в этот период в жизни архангельского купечества?

Прежде всего, наблюдалось сокращение его численности. Если в 1907 году в городе числилось 55 купцов, то в 1912 – лишь около сорока¹²⁸. За каких-то пять лет почти треть общего количества купцов или ушли из жизни, или пере-

шли в другие сословия. Часть из них приобрела звание Потомственных почетных граждан. Как правило, это были люди преклонного возраста, многие из них уже не брали торговых свидетельств. Почти всем, наиболее заметным предпринимателям: М.А. Ульсену, Я. Е. Макарову и ряду других – давно перевалило за 50 и даже – за 60 лет. А новое поколение бизнесменов не стремилось вступать в купеческое сословие.

Не спешили это делать и купеческие вдовы. В 1915 году формально женщины не значились в составе купеческого сословия, хотя среди владельцев крупных и мелких торговых заведений города они играли весьма заметную роль. Исторически сложилось так, что в коммерческие дела своего мужа на первых порах (в XIX веке) жена вступала вынужденно вследствие смерти мужа, когда купеческие дети были еще малы. А далее та или иная наследница действовала уже по обстоятельствам: иногда она владела заведением вместе с детьми, чаще передавала дело мужа в руки сыновей т.д. А нередко даже при взрослых сыновьях купеческие вдовы формально и фактически вели дела фирмы.

В 1915 году архангельские предпринимательницы содержали более 20 процентов хлебно-бакалейных магазинов, половину галантерейных, они преобладали в мелкой рыбной торговле. Среди горожан были хорошо известны имена Ольги Кротовой (сестры братьев Мерзлютиных) с сыновьями, А.И. Жильцовой, купеческой вдовы, а также А.П. Корицкой, Е.А. Латрыгиной, владелицы типографии Е.М. Павловой, хозяйка двух книжных магазинов – М.Г. Шашковской (сестры П.Г. Минейко) и А. П. Булычевой и др.

Отказу от формального вступления в купеческое сословие в немалой мере способствовало принятие Положения о государственном промысловом налоге 1898 года. После его появления, заметил в своей книге “Москва купеческая” П. Бурышкин, “купеческое сословие было обречено на несомненное вымирание. И действительно, его существование почти сводилось на нет. В купцы записывались на основании соображений, совершенно посторонних торговой деятельности. Например, евреи записывались в купцы первой гильдии потому, что таким путем они получали право повсеместного жительства, вне зависимости от так называемой черты оседлости. В столицах записывались для участия в управлении и руководстве крупными благотворительными и просветительными учреждениями, созданными купеческими обществами за счет тех огромных капиталов, которые поступали зачастую этим обществам по завещаниям их бывших сочленов. И, в сущности, говоря, деятельность купеческих обществ постепенно утрачивала свой профессионально-представительный характер...”¹²⁹.

Многое из этого описания отмечалось и в деятельности архангельского купечества. В этот отрезок времени значительно изменился национальный состав торгового сословия. Заметно выросла еврейская прослойка. В 1912 году, например, среди купцов значилось около десятка лиц этой национальности: братья Данишевские, Ульяновские, Биндеры, а также А.Я. Бер и Г.М. Пейсахов – отец сказочника и художника Степана Писахова. Появление этой категории предпринимателей на Севере объяснялось тем, что евреи, приезжая в Архангельск из разных мест и, записываясь в состав купечества, получали право повсеместного жительства, вне зависимости от так называемой черты оседлости.

Купеческое общество в Архангельске пока еще продолжало действовать: регулярно проводились его заседания, избирались руководящие органы, ежегод-

но издавался типографский отчет о его работе¹³⁰. Долгие годы руководителем общества был известный купец А.И. Вальнев. Его сменил на этом посту Х.Н. Манаков. На заседаниях общества регулярно обсуждались актуальные проблемы развития промышленности, торговли и транспорта на Севере. Общество активно поддерживало новые полезные начинания в этом деле, помогало учебным заведениям и т.д.

Приведем перечень лишь некоторых экономических мероприятий, выдвинутых по инициативе общества в начале XX века.

25 мая 1912 года участники общего собрания сочли целесообразным соорудить особый подъездной путь от основной железной дороги до складов на берегу Северной Двины и устроить в этом районе пристань Дамбу с развитой сетью пакгаузов и хороших причалов. Вскоре общество направило ходатайство с этой просьбой министру торговли и промышленности.

Купцы на своих собраниях не раз ставили вопрос о понижении железнодорожных тарифов, взимаемых с провозимых грузов на линии Вятка–Котлас. Столь же настойчиво они добивались введения добавочного поезда на железнодорожной линии Архангельск–Вологда.

Летом 1915 года купечество возбудило вопрос о сооружении грунтовой дороги от Архангельска до Мезени. В связи с военными обстоятельствами, с продовольственным кризисом, этот путь являлся жизненной необходимостью для жителей отдаленного северного уезда¹³¹.

По инициативе общества был поставлен в повестку дня вопрос о сооружении в Архангельске холодильника “между Пинежской и Оперной улицами на берегу Северной Двины”. Эта идея была очень быстро претворена в жизнь.

Много проблем экономического значения общество обсуждало в годы мировой войны. Общество создало даже специальную комиссию по вопросу о формах развития промышленности на Севере. Лидеры купеческого мира обратили внимание на необходимость нового подхода к морскому и речному транспорту, лесному промыслу, лучшее использование минеральных богатств Мурмана и Печоры. Они ставили вопрос о том, что необходим ряд правительственных мер для обеспечения притока капиталов на Север. Для быстрого развития Севера “нужны предприимчивые энергичные люди и деньги”¹³², – заявляло архангельское купеческое общество.

Естественно, что многие из проблем, объективно стоявшим перед экономикой Севера, не был решен: мешала нехватка средств и необходимых кадров, затем военная обстановка и, наконец, революционные потрясения. Но последующие годы показали, что купцы – люди практического ума и деловой хватки – пытались решить именно то, что позднее вновь вставало в порядок дня перед властями.

Торгово–промышленное сословие проявило заботу о развитии коммерческого образования, о поддержке талантливых студентов из народа и т.д. Приведем несколько примеров.

23 февраля 1895 года купеческое общество детально обсудило вопрос о создании в Архангельске коммерческого учебного заведения, выдвинутый в июне 1894 года во время посещения северного города министром финансов Российской империи С.Ю. Витте.

Витте пообещал городу выделить для этой цели государственное пособие в размере 100 тысяч рублей, но поставил условие: архангельская городская дума

и купеческое общество должны предоставить училищу соответствующее помещение и выделить для его содержания недостающую сумму.

Дело сдвинулось с мертвой точки. А. Шольц предложил обществу передать здание бывшей церковной школы. Городская дума выделила 5 000 рублей при условии, что училище будет не 3-го, как предлагал министр, а 2-го разряда. Подобную же сумму выделило и купеческое общество.

Характерно, что купеческое собрание также отвергло идею образования в Архангельске коммерческой трехлетней школы, как явно недостаточной для города. Оно сочло возможным создать “коммерческое училище такого типа, которое равнялось бы среднему образовательному заведению”.

Решением Государственного Совета от 2 июня 1899 года в Архангельске было открыто торгово-мореходное училище, которое стало готовить специалистов по мореходному и торговому делу. Председателем попечительского совета нового заведения был единодушно избран городской голова В.В. Гувелякен-¹³³

Училище разместилось в трехэтажном каменном доме. Рядом с ним стоял двухэтажный деревянный дом, в котором находилась квартира начальника, помещения для учеников. В числе первого набора, 48 учеников, было 3 лютеранина, 3 католика, 2 еврея, остальные православные.

Купеческое общество не стояло в стороне от важных общественных событий. Так, 19 июля 1912 года оно единодушно избрало своего представителя для участия в торжествах по поводу столетия Бородинского сражения. Для поездки в Москву на торжества был избран А.И. Костогоров, для которого общество выделило 150 рублей на расходы и приобретение венка для возложения к памятнику героям Отечественной войны 1812 года.

С истинно северным размахом общество отметило 200-летие со дня рождения великого северянина М.В. Ломоносова. В числе других мер было решено учредить в одном из вузов России стипендию имени М.В. Ломоносова. Средства для создания стипендиального фонда было решено собрать путем взимания средств со всех торговых документов, выбираемых торговцами в Архангельске.

В решении собрания было отмечено, что “стипендию следует предоставлять одному из беднейших уроженцев Архангельской губернии по представлению учебного начальства и по учреждению общего собрания архангельского купеческого общества”.

На собрании, состоявшемся 7 ноября 1911 года, решено было также просить соответствующие органы “о скорейшем открытии в Архангельске народного университета”, а старосте общества поручили возложить к памятнику Ломоносова венок с надписью: “Великому земляку Михаилу Васильевичу Ломоносову Архангельское купеческое общество. 1711–1911 г.”.

Вместе с тем, нельзя не отметить снижения активности абсолютного большинства представителей купеческого сословия. На общие собрания, как правило, являлось менее 10 человек. Дело с их посещаемостью приняло столь катастрофические размеры, что на одном из заседаний было принято решение о штрафовании всех, кто не являлся на собрания, а из штрафных денег составлять особый фонд, из которого впоследствии выдавать пособие лицам купеческого общества, впавшим в бедность.

Члены общества резко воспротивились этому решению. В своих объяснительных они, каждый по-своему, осудили это решение собрания. Причины неявки на собрания были разные, но все отказались платить положенный штраф.

Правда, сдвиг в решении этого вопроса был: купцы с той поры заранее стали присылать старосте уведомления о причинах возможной неявки на предстоящее собрание, а посещение собраний значительно улучшилось.

И, тем не менее, купечество играло важную роль как в решении экономических, так и общественных проблем. В начале века пост городского головы занимали почетный личный гражданин Я.И. Лейцингер и известный предприниматель В.В. Гувелякен. Купцы составляли до половины общего состава гласных городской думы.

Архангельские предприниматели находили и другие формы защиты своих интересов. В январе 1906 года министр торговли и промышленности Российской империи утвердил устав архангельских лесопромышленников.

Эта организация носила четко очерченный профессиональный характер. Целью союза была защита интересов лесопромышленников, как со стороны правительства, так и рабочих.

На первом собрании, состоявшемся 13 февраля 1906 года, председателем совета избрали обрусевшего норвежца Мартина Абрамовича Ульсена, а его заместителем Егора Ивановича Шергольда. На следующий год они поменялись ролями, и в течение десяти лет союз возглавлял Е.И. Шергольд.

Союз объединял 17 основных лесопромышленных фирм, действовавших на территории губернии: в Архангельске, Кемии, на Печоре, в Онеге. Среди них “Товарищество Кобылин-Лунд”, братьев Вальневых, Я.Е. Макарова, “Ульсена, Стампе и К^о” и другие.

В руководящем звене союза, состоявшем из 10 человек, только трое: Д.И. Вальнев, Н.О. Шарвин и Ю.Ф. Сусленников, т.е. менее одной трети, – были лесопромышленники с русскими фамилиями.

* * *

XX век принес заметное оживление в экономическую жизнь Севера.

Важным стимулом к усилению интенсивности промышленного производства и торговли в этом регионе явились такие общегосударственные меры, как завершение в 1899 году сооружения железной дороги Котлас-Пермь, связавшей Архангельск с Сибирью, и железнодорожной линии Москва-Архангельск (1897 год). В конце XX века вступило в строй пароходство “Котлас-Архангельск-Мурман”. Благодаря этим мерам архангельские товары получили выход на внутренний российский рынок, а в порт на Северной Двине стали в больших объемах, чем прежде, поступать товары из центральной России и из Сибири.

Но это были лишь первые шаги. В начале XX века с особой остротой встали проблемы модернизации лесной промышленности и дальнейшего развития водного транспорта.

Несмотря на некоторые меры, предпринятые в конце XIX века по развитию российского торгового флота, доля его во внешней торговле Севера составляла менее 5 процентов от общего оборота. Ситуация в этом деле оставалась такой же печальной, как и в предыдущие века. Оценивая ее, один из видных специалистов и предпринимателей в области северного коммерческого морского флота И. Данишевский справедливо отмечал: “Не владея своим собственным коммерческим флотом, мы вынуждены для нашей морской торговли прибегать к услугам заграничных соседей – арматоров и становимся в

полную от них зависимость... Единственный выход из этого – создавать свой сильный коммерческий флот”¹³⁴.

Значимость этой проблемы хорошо понимало правительство России. Оно приняло в начале XX века ряд законов, поощрявших развитие, как отечественного судостроения, так и мореплавания. Стали выплачиваться премии за каждое выстроенное в России морское судно в размере от 65 до 105 рублей за тонну. Но северные предприниматели, не удовлетворившись этим, предлагали правительству обеспечить более широкие возможности для становления отечественного морского флота: предоставлять русским судовладельцам долгосрочные кредиты под все морские суда, независимо от того, в каком государстве оно построено. С этой целью они вынашивали идею об учреждении специального “флотского банка” по примеру земельных банков. По мнению северных судовладельцев, в России по-прежнему слабо решались проблемы страхования пароходов, подготовки матросов и судовых механиков.

Они считали увеличение русских кораблей на Севере перспективным делом, ибо в этом крае были богатые запасы сырья, веками использовавшиеся для экспорта, были специалисты, традиционно связанные с морским судостроением. Начало XX века полностью подтвердило верность понимания этих проблем северными предпринимателями.

* * *

Как уже отмечалось, на Севере с 1875 года действовало “Архангельско-Мурманское срочное пароходство”. Это был своего рода монополист, долго не имевший никаких конкурентов. В 1912 году основной капитал общества составлял 1 312 000 рублей¹³⁵. Пайщики получали неплохие дивиденды – по 6 процентов на находящийся в деле капитал.

Правление общества находилось в столице, его возглавлял Г.А. Вейхардт, в состав руководящего органа входили представители от морского министерства, а также – финансов, торговли и промышленности, видные российские предприниматели. Членами правления пароходства были С.И. Мамонтов, барон М.Э. Нольде, Н.В. Терентьев и другие. Наличие большого числа чиновников правительственных учреждений в этом органе объяснялось тем, что общество пользовалось особым покровительством со стороны правительства, которое выступало важнейшим пайщиком этого общества. Только в 1896 году оно приобрело 775 новых паев на сумму 620 000 рублей¹³⁶.

Всесильные столичные чиновники умело использовали связи с могущественными людьми столицы. Новые пароходы приобретали имена особ из царствующего дома. Сразу же после коронации нового царя в составе пароходства появилось судно “Император Николай II”. К нему добавились “Великий князь Владимир”, “Королева Ольга Константиновна” и др. Летом 1894 года Север посетил министр финансов С.Ю. Витте. Моряки не ударили лицом в грязь: они подготовили для его путешествия по Северу пароход “Ломоносов”.

Как гласит отчет пароходства, “Его превосходительство вынес самое лучшее впечатление относительно состояния пароходов Товарищества, личного состава, команды и управления делами пароходства”. Министр признал особой заслугой то, что весь личный состав команды пароходов был исключительно из среды северных поморов. Весьма знаменательным было замечание о том, что “с тех пор Статс-секретарь Витте сделался покровителем нашего пароходства и ревностным поборником расширения этого предприятия – в зави-

симости от увеличившегося населения Мурмана и от возросших его потребностей»¹³⁷. А вскоре в пароходстве появился корабль «С. Витте».

В конце XIX века правление имело в своем распоряжении 10 пароходов, шхуну, 2 катера, 2 баржи и многое другое. Одной из причин сравнительно успешной деятельности пароходства являлись щедрые ассигнования правительства на его содержание. В первые годы существования ему выделялось 50-55 тысяч рублей в год казенных субсидий, в 1896 – 80 000, а в 1914 – уже 289 711 рублей.

В одном из отчетов правления компании в конце XIX века отмечалось, что «размер правительственной субсидии был увеличен с таким расчетом, чтобы обеспечить пайщикам не менее 5% на находящийся в деле капитал»¹³⁸. Как учредители, так и пайщики принадлежали, по выражению С.Ю. Витте, «к барам-промышленникам из дворцовой камарильи или к ней близким» людям, которые получали щедрые ассигнования из особых фондов казначейства¹³⁹.

Это обстоятельство не давало покоя всем остальным судовладельцам, настаивавшим перед правительством о введении такого же положения для всех вновь создаваемых пароходных обществ.

* * *

Но ситуация постепенно изменялась: у монополиста появлялись конкуренты в перевозке как пассажиров, так и грузов.

По-своему уникальным примером предпринимательства в области морского судоходства явилась деятельность рядового помора из села Патракеевки Игнатия Ивановича Буркова. Во второй части книги содержится обстоятельный очерк о судьбе этого незаурядного человека. Здесь лишь замечу, что, начав свой бизнес с нуля, Бурков сумел к 1915 году занять третье место по числу своих морских пароходов и был вне конкуренции в деле обслуживания пассажиров. Он смог к этому времени построить и приобрести пять парусников и 10 пароходов, имел свои склады и пристань на Северной Двине¹⁴⁰.

Начальник Архангельского морского порта в декабре 1913 года так характеризовал деятельность пароходства Буркова: «И.И. Бурков начал свое, ныне очень крупное дело как каждый заурядный помор, владея только двумя парусными морскими судами. Постепенно благодаря знанию края и его местных условий, личной инициативе и неустанному труду он достиг того, что его пароходное предприятие сейчас заняло первое место после товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства. Являясь дополнением последнего, пароходство Буркова, вместе с тем, совершенно свободно от всяких обязательств, и все его благополучие зависит исключительно от личной инициативы и трудов единственного своего руководителя господина Буркова...

Бурков благодаря своей инициативе не довольствуясь обслуживанием только давно известных и обследованных местностей пользуется всегда случаем развить свою деятельность в таких местах, где до него редко кто бывал... Польза пароходства Буркова для экономической жизни северного побережья громадна»¹⁴¹.

О размахе деятельности северного пароходовладельца свидетельствует тот факт, что на 1 января 1915 года в бассейне северных морей плавало 9 судов, а товарищество Архангельско-Мурманского пароходства имело в тот момент 16 пароходов¹⁴². Так что Бурков не только дополнял своего напарника, но и составлял ему серьезную конкуренцию.

Значительных успехов в развитии морского судоплавания добился торговый дом “А.И. Андерсон и Сын”. Небольшая фирма была зарегистрирована еще в 1876 году. Ее основателем был швед Андреас Юхан (Андрей Иванович) Андерсон из г. Кальмар. В Архангельске бывший моряк оказался благодаря случайности – кораблекрушению, происшедшему на Белом море. Будучи совсем молодым (родился в 1850 году), он завел дело – торговлю корабельными припасами. В 1874 году женился на русской женщине из торговой семьи и вскоре принял российское подданство. В 1884 году, ободренный ростом и успехами своего заведения, Андерсон приобрел два морских корабля для транспортировки леса за границу и организовал регулярные рейсы по маршруту: Архангельск–Англия–Америка, а также и в другие страны.

Годом позже он купил первый буксирный пароход и несколько барок для буксировки грузов между заводами. Далее бизнесмен стал владельцем самого мощного в Архангельске буксирного парохода “Рекорд”, затем по его заказу шведский завод построил еще один буксир, которому было присвоено имя “Губернатор Энгельгардт”.

Сохранились сведения о том, что этим актом предприниматель отблагодарил бывшего начальника губернии за то, что последний убедил Андерсона принять российское подданство. К 1913 году Торговый дом имел уже пять морских пароходов. В 1906 году совладельцем фирмы стал сын бизнесмена Александр, и фирма была преобразована в торговый дом “А.И. Андерсон и Сын”. Младший Андерсон, также принявший российское подданство, изучал коммерческое дело и языки в Англии и Швеции. К тому времени фирма, кроме экспорта и импорта древесины, занималась торговлей корабельными припасами и углем, фрахтовкой пароходов и рядом других дел.

О связях торгового дома свидетельствует тот факт, что фирма состояла агентом “Шведского пароходного страхового общества”, “Норвежской спасательной компании”, “Норденфельдского пароходного общества” и страхового общества “Россия”.

В трудное военное время – в октябре 1916 года – учредил свой торговый дом Карл Юрьевич Спаде. Целью товарищества являлось “производство всякого рода торгово-промышленных операций как внутри империи, так и за границей”. Основной капитал составил 100 тыс. руб., 80 тыс. из которых внес К. Спаде, а 20 – его жена Эльза Георгиевна. В момент учреждения товарищества фирма имела пять пароходов, склады, 2 пристани для разгрузки океанских судов и обоз 45 лошадей¹⁴³.

Мировая война доказала слабость русского торгового флота. Основная масса грузов от стран – союзников России доставлялась иностранными кораблями. Это обстоятельство побудило северных предпринимателей еще раз обратиться к насущным проблемам развития морского судоходства.

Архангельские бизнесмены наметили обширную программу развития северного торгового флота. Осенью 1916 года члены Архангельского общества изучения Русского Севера, заслушав доклад И.И. Данишевского “К вопросу об отечественном торговом флоте”, сформулировали концепцию создания крупной акционерной морской пароходной компании. Основной целью ее, по мнению комиссии, являлось “содействие всеми мерами установлению регулярных пароходных линий на отечественных кораблях между нашими и западноевро-

пейскими портами, чтобы тем самым обеспечить выход на иностранный рынок товаров и избавиться от мелких экспортеров»¹⁴⁴.

Дело не ограничилось словесными заверениями. С широким размахом создавалось «Северо-Океанское акционерное общество пароходства и торговли», или сокращенно пароходство «Северо-Океан». Общество ставило широкие цели: осуществлять перевозку грузов и пассажиров по внутренним и внешним водным путям, строить и содержать судостроительные заводы, приобретать и эксплуатировать леса, сооружать товарные склады и т.д.¹⁴⁵.

Уставной капитал определялся в размере 5 млн. руб. В число учредителей вошли известные архангельские предприниматели: почетный потомственный гражданин А.И. Костогоров, М.А. Криличевский, крестьяне Д.И. Вальнев и А.С. Чудинов. Все они приобрели крупные пакеты акций новой компании. Один из инициаторов «дела» И.И. Данишевский, например, имел пай на сумму 190 тыс. рублей.

Часть учредителей компании после окончания интервенции на Севере попала в трудное положение, о чем будет рассказано ниже в очерке, посвященном Я.А. Беляевскому.

Заметные изменения происходили на речном транспорте. К 1912 году окрепло «Северное пароходное общество Котлас-Архангельск-Мурман». За 15 лет основной капитал увеличился до 800 тыс. руб. Общество давало устойчивый доход своим пайщикам. Доходность предприятия определялась в 10%, а стоимость имущества приближалась к 3 млн. руб. Руководителями правления являлись опытные северные бизнесмены: Я. Беляевский, М. Криличевский и Ф. Линдес¹⁴⁶.

К 1915 году общество увеличило число акционеров: 5000 акций были распределены между 57 владельцами. По 310 акций имели А.И. Костогоров и М.А. Криличевский, 307 – принадлежали клану Люрсов, до 500 – семье Линдесов, 239 акций имели братья Хаминовы, 91 – Э.Ф. Пец, 70 – А. Сурков и его сын Арно. И в то же время были и мелкие держатели: одна акция, например, принадлежала И.И. Коржавину, 2 – М.М. Рослякову и т.д.¹⁴⁷.

Наряду с этим в перевозке грузов по Северной Двине принимали участие много мелких пароходств: Ившина, Гурылева, братьев Володиных, Вальнева, Альциуса, Варакина, Чудинова, Хаминова, Постникова, «Товарищество пароходства по Ваге и Двине» и ряд других.

В целом численность пароходов на Северной Двине с 1898 по 1916 годы возросла с 94 до 376, т.е. увеличилась в пять раз, а непаровых судов, т.е. в основном барж – в 8 раз (с 98 до 777). Резко поднялась за этот отрезок времени и грузоподъемность отдельных судов. В конце XIX века она составляла 25 – 50 тысяч пудов каждое, а в 1912 – уже 100 – 150 тысяч. Общее число судовладельцев в этом бассейне достигло 120 человек¹⁴⁸.

Однако и такого количества пароходов и барж явно не хватало. Особенно это почувствовалось в связи с начавшейся мировой войной.

* * *

Своеобразным символом обновления северного предпринимательства явился в начале XX века активный переход к более высокой ступени акционирования промышленных и торговых заведений. Семейные, сравнительно небольшие по

своим капиталам торгово-промышленные фирмы, уступали место более мощной форме – акционерным компаниям.

Достаточно отметить, что в целом в России к началу 1914 года действовало 2181 акционерное общество (без железнодорожных) с общей суммой капитала 4 538 млн. руб. Причем 663 из них с капиталом 1 718 млн. руб. были учреждены с начала 1910 года. Подобных темпов акционирования не знала мировая история. В это же время происходил небольшой рост числа иностранных обществ. К 1913 году их насчитывалось в стране 230, капитал вырос до 587 млн. рублей. Общая доля их составляла 10% по числу и около 13% по размерам капиталов¹⁴⁹.

Подобное явление наблюдалось и на Севере. Наиболее характерные процессы происходили в лесопильной индустрии. В 1912 году в России насчитывалось 37 акционерных предприятий в этой отрасли хозяйства. 11 из них с общим объемом около 8 млн. рублей действовали на Севере. Они составляли треть общего числа лесозаводов России, концентрировали до четверти всех капиталов отрасли¹⁵⁰.

Одно за другим возникают солидные объединения “Братья С. и М. Кыркаловы” (1891), “Кемские лесопильные заводы” (1900), “А. Чудинов и К^о” (1915), “Стелла Поларе” (1903), “Е. М. А. Братья Володиные” (1906), “Братья Пец”, “Братья В. и М. Чудиновы”, “Товарищество северных смолоторговцев” (1912) и др.¹⁵¹.

Часть из них по-прежнему, как и в XIX веке, являлась семейными, но реорганизовывалась в более крупные, привлекая пайщиков со стороны.

Известный бизнесмен Яков Ефимович Макаров стал пароходовладельцем еще в XIX веке. Увеличение масштабов перевозок побудило опытного купца, ставшего уже Потомственным почетным гражданином, 26 апреля 1907 года учредить акционерное общество “Архангельское речное легкое пароходство”. Устав общества определял основной капитал в сумме 100 тыс. руб., разделенного на 500 акций стоимостью по 200 рублей каждая. Учредителем нового объединения стал его владелец. В соответствии с уставом всеми делами общества стало руководить правление и три директора¹⁵².

Выше уже рассказывалось о создании и принципах формирования капиталов компании “Стелла Поларе”. Акционерами ее являлись как выходцы из западноевропейских стран, так и русские бизнесмены: Кыркаловы, Вальнев и др.

На таких же основах образовалось в январе 1900 года товарищество “Кемские лесопильные заводы”. Основной капитал в сумме 500 000 рублей, разделенный на 500 паев, внесла небольшая группа архангельских предпринимателей, потомков западноевропейских купцов. 118 акций приобрела семья А.Ю. Суркова, 101 – Гувелякенов, по 100 – Э.В. Брандт и Э.Е. Линдес и другие. Дирекцию заводов возглавил В.В. Гувелякен.

Эти и многие другие примеры свидетельствовали о том, что в Архангельске создавалась принципиально иная форма действия капиталов: кроме семейных торговых домов, принадлежавших, как правило, отцу и сыновьям, появились возможности для действия значительных по своим масштабам складочных капиталов видных промышленников и купцов Севера.

В Архангельске в 1909 году насчитывалось 132 крупных промышленных и торговых предприятия. Сюда следует добавить 23 предприятия, располагавшиеся в Архангельском уезде и принадлежавшие в основном архангельским

купцам и торгующим крестьянам: это лесозаводы братьев Вальневых, Кыркаловых, “Ульсена, Стампе и К^о”, Фонтейнеса Э. и ряд других. 39 из них официально значились как торговые дома, товарищества или акционерные компании-¹⁵³

* * *

Наиболее заметные изменения произошли в этот отрезок времени в лесопильной промышленности. От кустарного промысла, ручной распиловки, применения только силы ветра и воды, от небольших лесозаводов она постепенно, преодолевая многие трудности, переходила к машинному лесопилению, применению пара, электричества, созданию более крупных лесозаводов.

Напомним, что первые заведения с использованием приводов от паровой машины появились в Архангельске еще в XIX веке. В 1820–1822 гг. Е. Классен и В. Брандт соорудили такой лесозавод на острове Бревеннике.

Четырех рамный завод имел паровой двигатель мощностью 35 лошадиных сил. В течение 1824 года он распилил 35 тыс. бревен. На предприятии работало более 100 человек и 30 лошадей. Заводской оборот составил 185 000 рублей, купцы получили 21 000 рублей чистого дохода¹⁵⁴.

Чуть позднее, в 1856–1858 гг. там же появились паровые заводы, основанные купцами Кларком, Шольцем, Грибановым и Фонтейнесом.

Вскоре возникли и другие лесозаводы. В 1863 и 1871 годах появились предприятия Онежского лесного торгова. В 1870 году на острове Бревенник соорудил свое предприятие Э.Г. Брандт. В 1875 в Маймаксе появился завод Русанова, в 1881 году – на 6-й версте лесопилка Суркова и Шергольда, в 1883 г в Маймаксе установили первые пилорамы Амосов и Гернет, Ульсен и Стампе. Появились и другие заводы. Иначе говоря, в лесопилении произошел подлинный промышленный переворот.

Этот переворот был замечен по числу быстро создававшихся и растущих лесозаводов. Попробуем суммировать некоторые данные за XIX – начало XX вв.

Годы	Число заводов	Численность рабочих
1841	2	106
1863	11	356
1893	15	2 052
1900	32	8 815
1905	34	11 982
1909	36	14 432

Ист.: Памятные книжки Архангельской губернии на 1864, 1910, 1911, Архангельск. 1910, 1911. С.179; ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 30. Л. 64; Известия Архан. о-ва изучения Рус. Севера. 1913. № 16. С. 743–746.

Столь быстрый рост числа заводов объяснялся и техническими нововведениями: они в несколько раз повышали производительность труда. В конце XIX века паровое лесопиление стало основным, что позволило создавать многорамные заводы.

Если предприятие Суркова в момент создания (в 1881 году вместе с Шергольдом) насчитывало всего одну раму, то в конце века – уже 10. Подоб-

ный же процесс происходил на большинстве лесозаводов. К началу XX века все заводы имели электрическое освещение.

Только в губернском центре и Архангельском уезде в 1914 году насчитывалось 26 лесозаводов, на которых насчитывалось 133 рамы, работало около 13 тысяч человек. На них распиливалось около 5 млн. штук бревен, вырабатывалось продукции на 18 млн. руб. Удельный вес Архангельских лесозаводов по выпуску продукции составлял 65% от общероссийского¹⁵⁵.

Десять лесозаводов имели по шесть и более пилорам. Вот какими данными характеризовалась их работа в 1914 году¹⁵⁶:

Фирма	Число рам	Число рабочих	Изготовлено стандартов	Стоимость продукции
Норд	6	861	16 900	1 267 500
Стюарт К.А.	6	460	13 000	1 000 000
Арх. лесоп. завод	6	416	9 500	793 489
Маймакс. Лес. Т.-во	6	873	16 500	1 200 000
Н.Русанов – сын	8	500	13 161	652 225
Э. Дес Фонтейнес	8	915	21 234	1 560 000
Братья Вальневы	9	610	18 000	1 080 000
Ульсен, Стампе и К°	9	384	16 917	1 200 000
Удельное ведомство	10	800	22 118	1 636 000
Сурков и Шергольд	10	865	14 500	1 030 000

Всего накануне мировой войны в Архангельске действовало 45 предприятий, подведомственных фабричной инспекции. Стоимость выработанной ими продукции определялась в 19 281 496 рублей. В 1913 году был достигнут максимальный вывоз из Архангельска пиленого леса. Более 30 фирм экспортировали в тот сезон 287 823 стандарта этого вида продукции¹⁵⁷. В приложениях к нашей книге есть таблица (№ 22), показывающая размеры вывоза древесины отдельными фирмами.

Помимо упомянутых выше факторов, в частности внедрения механизации в лесное производство лесному буму на Севере способствовал ряд важных объективных обстоятельств.

Во-первых, Архангельская губерния всегда была исключительно богата девственными, нетронутыми запасами древесины, необходимой для строительства жилья, а также различных сооружений, морских и речных судов. К тому же леса располагались, как правило, вблизи рек, по которым бревна можно было легко сплавлять к местам их переработки и употребления.

Во-вторых, готовая продукция: доски, брусья, шпалы, мачты, круглый лес – издавна пользовалась огромным спросом не только в России, но и на иностранных рынках, с которыми Архангельск был связан морским путем. Более того, в связи с бурным ростом промышленности традиционный рынок малолесных государств Западной Европы рос более быстрыми темпами, чем производство пи-

ломатериалов. Поэтому предпринимателям Русского Севера не приходилось изыскивать новые возможности сбыта своей продукции.

К тому же в конце XIX века появились вместительные пароходы, приблизившие западноевропейский рынок.

В-третьих, на Севере всегда существовала огромная резервная армия труда, т. к. земледелие, находясь в зоне рискованного земледелия, не могло прокормить крестьянские семьи. Поморские крестьяне издавна занимались различными промыслами, десятки тысяч их ежегодно уходили во многие города России на отхожие заработки. Многие из них знали толк в лесном деле, владели навыками мастерства по работе с деревом и объективно представляли, таким образом, резервную армию труда для лесопильного производства.

В-четвертых, сооружение лесозаводов на первых порах не требовало крупных капиталовложений, так как они в то время оснащались сравнительно простым оборудованием. Не требовало солидных затрат и возведение простейших деревянных цехов, или “амбаров”, где оно устанавливалось.

Несмотря на довольно примитивный внешний вид, лесозаводы конца XIX века оснащались паровыми двигателями, что значительно повысило их выработку на одну пилораму. А рост спроса на пилопродукцию давал устойчивый процент прибыли.

Об этом убедительно свидетельствовал опыта работы большинства архангельских лесозаводов. В предвоенные годы почти все акционерные компании достигли заметного развития и получали достаточно высокие прибыли.

Приведем некоторые примеры. Так, общество “Стелла Поларе” имело баланс 1 821 тысячу рублей. За 1909-1911 гг. прибыль составила 120 914 рублей. Лесозавод “Сурков и Шергольд” за 1909 –1910 гг. получил прибыль 95 619 рублей, а баланс его хозяйства оставлял 2 841 626 рублей.

Устойчивую работу лесного хозяйства города можно проследить на примере торгового дома завода «Братья Вальневы». Это был один из наиболее крупных маймаксанских лесозаводов. В среднем в разгар сезона на нем трудилось от 600 и более человек. В архиве сохранился именной список всех работников, нанимавшихся на работу в период с 1899 по 1915 гг. В нем зарегистрировано 7072 человека¹⁵⁸.

Судя по этому документу, многие рабочие были жителями окружающих деревень, но большинство составляли приехавшие на сезонные заработки из Шенкурского, Холмогорского, Онежского и других уездов, а также из Вологодской губернии. Все они жили в заводских казармах.

Сохранились данные о финансовой деятельности этого предприятия за 1896-1916 гг., т.е. за 21 год. Приведем некоторые выборочные сведения о сумме валютных поступлений за реализованный товар.

Годы	Сумма выручки в фунтах стерлингов
------	-----------------------------------

1897	21 610
1900	44 042
1905	72.888
1910	115.262
1913	170. 596
1916	279 724

ГААО. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-40.

Данные таблицы позволяют сделать некоторые выводы. *Во-первых*, с момента пуска в строй завода наблюдался неуклонный рост суммы валютной выручки. За 21 год она увеличилась в 11 раз (с 24 652 в 1897 году до 279 724 в 1916 г.). *Во-вторых*, военные годы не повлияли на объемы вывозимой продукции. Более того, в 1916 году фирма отгрузила рекордное количество своего товара – 14 624 стандарта, выручив за него в переводе на российские деньги 4 028 035 рублей¹⁵⁹. В 1912 и 1913 гг. они вывезли соответственно только 10 021 и 10746 стандартов. Таким образом, за три-четыре года произошел весьма существенный прирост выпуска продукции. Он достигалось за счет того, что Вальневы наряду с досками стали больше продавать иностранцам дров, шпал и круглого леса.

А всего за 21 год на счета торгового дома «Братья Вальневы» поступило 2 221 339 фунтов стерлингов¹⁶⁰.

Многие товарищества работали так же устойчиво, получали хорошие доходы, строили планы дальнейшего развития своих заведений.

Стабильность работы лесной промышленности Севера была настолько очевидной, что она привлекла внимание крупнейших банкиров России братьев Рябушинских.

Уже после начала мировой войны Рябушинские разработали программу приобретения в свои руки лесной промышленности и лесного экспорта. Банкиры исходили из того, что послевоенная Европа будет нуждаться в лесных материалах для восстановления пострадавших районов, для нового строительства. В октябре 1916 года братья скупили паи наиболее заметного товарищества «Н. Русанов и сын», лесозаводы которого располагались в Архангельске, Мезени и Ковде (ими было приобретено 293 пая из 300 за 4 миллиона 834 тысячи рублей). Одновременно Рябушинские купили возле Котласа участок земли в несколько сот десятин для постройки писчебумажной фабрики, вели переговоры о получении в бассейне северных рек «концессии на лесные площади в несколько миллионов десятин».

Более того, в начале 1917 года банкиры зарегистрировали общество «Русский Север», целью которого являлась разработка и эксплуатация лесных дач, месторождений торфа и производство писчебумажных материалов. В своих воспоминаниях «Смутные годы», хранящихся в рукописном отделе Нью-Йоркской публичной библиотеки, М.П. Рябушинский писал: «Котлас соединен с Вяткой железной дорогой. От Вятки – с Россией. Три могучие реки обслуживают колоссальную неиспользованную площадь. С Архангельском связь через Северную Двину. Сухона снабдит нас лесом ... для Котласа для писчебумажной фабрики, крупный лес пойдет в Архангельск по Северной Двине для распиловки на наших заводах и экспорта. Решили привлечь друзей и постепенно на это дело вложить до ста миллионов рублей. Вот был наш план. Революция оборвала это»¹⁶¹.

Этот пример, как и ряд других, свидетельствовал о том, что Русский Север был привлекательным для вложения капиталов и развития перспективных отраслей хозяйства.

* * *

Существенные перемены в промышленную жизнь северного порта внесла первая мировая война.

В этот период Архангельск, как это бывало в прошлом, стал главным портом, связывавшим Россию с ее союзниками. В 1914 году в Архангельск пришло 696 пароходов с грузами, около 700 покинуло морской порт, грузооборот которого составил в тот сезон около 104,5 млн. руб.¹⁶²

Резко возросло поступление военных грузов морским путем. Центральные власти приняли ряд срочных мер для их отправки в центр. С этой целью железная дорога от Архангельска до Вологды была срочно перешита на широкую колею. По новой магистрали ежесуточно в центр страны из северного порта уходило до 300 вагонов. На левом берегу Северной Двины возник новый порт Бакарица, а в устье реки – сооружен аванпорт “Экономия”.

Для обеспечения перевозок морским путем спешно создается ряд новых транспортных объединений или отделений акционерных обществ. Среди них “Гергард и Гей”, “Р.Мартенс и К°”, “Гельмсинг и Гримм”, “Книп и Вернер” и др. Часть из них принадлежала иностранцам.

Объем перевозок грузов из Архангельска настолько возрос, что в навигацию 1915 года правительство привлекло на Северную Двину 16 пароходов с Волги из общества “Енисей”. Власти заключили контракт с этой фирмой на перевозку 4,5 млн. тонн угля¹⁶³. О масштабах перевозок по Северной Двине в том году свидетельствуют такие данные: всего в Архангельский порт по водной магистрали прибыло 567 пароходов, 923 баржи и более 2 200 различных мелких судов. Они доставили 107,8 млн. пудов грузов на сумму около 98 млн. рублей¹⁶⁴. А в навигацию 1915 года грузооборот речного флота бассейна превысил 136 миллионов пудов.

Губернские газеты пестрели объявлениями с предложением о перевозке грузов до Вологды, Котласа и Шенкурска. Свои услуги предлагали все, начиная от общества “Котлас–Архангельск–Мурман” и кончая маленьким Важским крестьянским коммерческим пароходством.

Газеты той поры сохранили колоритные описания пароходного движения. “По Двине в нынешнем году, – сообщала газета “Архангельск”, – как на Волге большое движение. В каждый момент вы видите несколько буксиров, тянущих баржи, каюки и другие суда...Много судов с Волги типа до сих пор невиданного на Двине. Замечается также обилие винтовых буксиров из Петрограда. Бросаются в глаза грузы лесных пиленых материалов, которые раньше направлялись в Петроградский порт. Пассажирский контингент – дельцы. По третьему классу – рабочие”¹⁶⁵.

Мировая война внесла перемены в привычные формы сотрудничества предпринимателей. Сложность обстановки, нарушение стабильного обращения финансов побуждала их объединять усилия для решения вопросов о займах и кредитах, продвижении своих товаров, о лучшем использовании капиталов и получении кредитов. В 1914–1916 гг. зарегистрировали свои уставы кооператив-

ное общество в Соломбале, губернское кооперативное общество, съезд судовладельцев и ряд других объединений.

Так, в положении “О съездах судовладельцев” подчеркивалось, что целью их является “объединение общих усилий судовладельцев, а также судовладельцев отдельных районов или их групп, быть представителем этих интересов перед правлениями и общественными учреждениями, содействовать установлению соглашений между судоходными предприятиями для улучшения и объединения условий перевозки пассажиров и грузов, хранение и их страхование разного рода...”¹⁶⁶.

Конкретным выражением этого положения явилось учреждение в январе 1916 года только на одну навигацию “Товарищества Северо-Двинского пароходства”, составленное 8 пароходствами и судовладельцами. Цель его была предельно простой: “для общей работы по перевозке грузов и пассажиров по рекам Северо-Двинского бассейна”. Объединение располагало 14 пароходами и 20 баржами. 2 парохода и 4 баржи предоставил в распоряжение товарищества И.И. Бурков. Такой же вклад внесло товарищество Важского крестьянского коммерческого пароходства. Общий капитал его составлял 534 500 рублей, и руководить всеми делами новой фирмы пайщики поручили трем опытным судовладельцам: И.И. Буркову, Г.А. Исупову и К.Н. Оконишникову¹⁶⁷.

Вследствие военной обстановки правительство приняло ряд мер для контроля над иностранными предпринимателями и в то же время проявило большую, чем раньше, заинтересованность в размерах иностранных инвестиций и деятельности предприятий, принадлежавших зарубежным владельцам. Материал об этом содержится в главе “Немецкая слобода”.

* * *

В разгар первой мировой войны Север, как и всю Россию, охватила волна мощных социальных потрясений.

Февральская и Октябрьская революции 1917 года положили начало глубоким переменам в положении представителей делового мира, наступлению на их, казалось бы, незыблемую до той поры ценность – собственность на заводы и фабрики, банки и транспорт, землю, торговые заведения, жилые дома, гостиницы и многое другое.

В основе этого сложного и противоречивого процесса лежали как объективные, так и субъективные факторы.

Прежде всего, военная обстановка резко ухудшила состояние дел в основной отрасли хозяйства Севера – лесной промышленности: сокращением производства и даже остановкой ряда лесозаводов.

Характеризуя сложность ситуации, лидер рабочих-лесопильщиков Архангельской губернии Н.В. Левачев с тревогой писал летом 1917 года об остановке работы на ряде лесозаводов: “Сегодня Ульсен, Беляев, Макаров и К°, завтра – Вальнев, Русанов и др., и мы станем перед фактом: все 40 лесопильных заводов прекратят распиловку, работа не будет производиться, промышленность, о которой так много кричат гг. лесопромышленники, упадет совсем, и 30-тысячная армия рабочих, занятых в этих предприятиях, будет вынуждена помереть с голоду... Удастся ли удержаться союзу в этой борьбе – трудно заранее угадать”¹⁶⁸.

Автор статьи, как и рабочие в выступлениях на собраниях своих профсоюзов и завкомов, всю вину за сокращение производства и угрозу безработицы возлагали на предпринимателей, которые, мол, “недостаточно энергично работают”. Между тем дело обстояло несколько иначе, и острота ситуации обуславливалась рядом других причин.

Первая и главная из них – резкое сокращение поставок древесины на лесозаводы. Объяснялось это тем, что северные деревни, заготавливавшие и доставлявшие заводам лес, из-за войны лишились рабочих рук. Кроме того, в губернии, как и во всей стране, не было денежных знаков для расчета с лесозаготовителями, да и сами деньги в то время настолько обесценились, что уже не являлись стимулом к труду.

Во-вторых, революционные события оживили активность рабочего класса. На промышленных предприятиях Архангельска после февраля 1917 года начали создаваться профсоюзные организации и завкомы. Достаточно отметить, что к августу 1917 года Архангельский совет профсоюзов объединял 40 тысяч человек¹⁶⁹.

С момента своего рождения профсоюзы города и губернии заняли жесткую классовую позицию. В частности, важнейшей целью первого руководящего профсоюзного органа – центрального бюро профсоюзов, появившегося еще 16 мая 1917 года, провозглашалось “содействие развитию профессионального движения архангельского пролетариата” и его классового самосознания. Бюро поставило своей задачей согласование деятельности всех профсоюзов, защиту их политических прав и усиление экономической борьбы рабочего класса¹⁷⁰.

В-третьих, вполне естественно, что, отражая настроение большинства тружеников лесозаводов, новые организации пытались, прежде всего, улучшить положение трудовых масс. И им многое удавалось. Крупнейшим событием в жизни рабочего класса Севера явилось, в частности, введение 8-часового рабочего дня. Эта акция по сути дела осуществлялась сначала самими фабрично-заводскими комитетами явочным путем.

Все началось с того, что 19 апреля 1917 года общее собрание 11 завкомов маймаксанских заводов вынесли решение установить 8-часовой рабочий день, а накануне праздничных и воскресных дней ограничить работу 7 часами¹⁷¹. По этому примеру стали действовать и коллективы других лесозаводов. Под давлением снизу архангельский Совет вместе с предпринимателями и членами союза лесопромышленников ввели эту норму на всех лесозаводах с 24 апреля.

Одновременно было принято решение о том, что проведение сверхурочных работ и перерывов на заводах должно согласовываться с рабочим комитетом. Принципиально важным явилось запрещение сверхурочных работ детям до 14 лет.

В решении отмечалось также, что “плата не должна уменьшаться сравнительно с существующей ныне”¹⁷². Понятно, что проведение в жизнь этой меры в сложнейшей экстремальной ситуации оказалось для предпринимателей делом весьма затруднительным.

Однако рабочие не остановились на этом. Добившись удовлетворения своего важнейшего требования, рабочие настаивали перед работодателями решения таких проблем, как увеличение заработной платы, введение контроля над наймом и увольнением рабочей силы и за деятельностью заводской администрации.

Летом 1917 года общее собрание завкомов архангельских лесозаводов, а затем и первая областная конференция профсоюзов лесопильщиков обязали местные комитеты расширить масштабы своего влияния на заводские дела и “вести строгий контроль над действиями капиталистов”¹⁷³.

Начавшееся наступление рабочих на предпринимателей сопровождалось откровенным нажимом и неприкрытыми угрозами в их адрес. В резолюции упомянутого выше собрания месткомов архангельских лесозаводов (состоялось в июне 1917 года) отмечалось, что всем, кто будет препятствовать их “борьбе с капиталом” и, в частности, с Союзом лесопромышленников, “объявляем заранее самую беспощадную борьбу”¹⁷⁴.

Об остроте столкновения между профсоюзом рабочих лесопильных заводов и советом союза лесопромышленников свидетельствует состоявшийся летом 1917 года обмен письмами между лидером архангельского рабочего класса Н. Левачевым и руководителем Союза лесопромышленников Е. Шергольдом.

От имени правления профсоюза Левачев требовал от лесопромышленников, чтобы ни один из них “не позволял проводить любые хозяйственные мероприятия без разрешения и ведома местного комитета”, а от заводоуправлений – посвящать рабочих во все свои дела. В письме также говорилось о том, что “без ведома завкома ни один рабочий не может быть принят или рассчитан”. Заканчивалось это письмо весьма категорично: “Наше требование вполне законно, и проводить его в жизнь мы будем всеми имеющимися требованиями”¹⁷⁵.

Союз лесопромышленников, обсудив требования профсоюза на специальном совещании, признал их незаконными и в ответном письме заявил, что “руководство предприятием и все хозяйственные распоряжки в нем всегда были и при правильном положении промышленности должны быть делом исключительно самих владельцев предприятий”¹⁷⁶. На это письмо Н.В. Левачев наложил резолюцию: необходимо заставить союз лесопромышленников безусловно выполнить требования рабочих.

Резко выступили против притязаний профсоюзов и, в частности против введения рабочего контроля представители трех иностранных фирм: английская “Карл Стюарт”, норвежская “Прютц и К^о” и голландская “Альциус и К^о”. Согласившись с некоторыми просьбами профсоюзов, они заявили, что их предприятия, действующие на основании трактатов и договоров “между нашими правительствами и российским правительством никакому рабочему контролю не подлежат, и потому подчиняться такому контролю мы принципиально согласиться не можем”¹⁷⁷.

Действия профсоюзов принимали все более самочинный характер. Их лидеры отвергли все попытки Временного правительства и местного совета ввести деятельность рабочих организаций в более цивилизованное русло. Понятно, что в таких условиях осуществлять управление тем или иным заводом становилось экономически невозможным делом.

Старший фабричный инспектор Архангельской губернии В. Гарин в донесении министерству торговли и промышленности бесстрастно свидетельствовал: “Все владельцы предприятий заявили, что они, сведенные на положение приказчиков от рабочих, принуждены будут, если только настроение рабочих будет продолжаться, воздержаться от заготовки материалов для производства в будущем году”. Один из заводчиков, сообщил далее инспектор, заявил, что “завидует недавно умершему крупному предпринимателю, так как смерть освободи-

дила его от тяжелой совместной деятельности с революционными рабочими»¹⁷⁸.

В этой сложной ситуации лесопромышленники были вынуждены или закрывать заводы, или сокращать производство. Об остановке своих четырех заводов заявил предприниматель Беляев. Замолкли лесорамы на предприятиях фирм “Норд” и “Прютц”. Тревожные вести поступали с многих заводов губернии.

Положение владельцев промышленных заведений еще больше усложнилось после Октября 1917 года. Действия завкомов получили законодательную поддержку нового – Советского правительства. 14 ноября 1917 года ВЦИК и Совнарком утвердили “Положение о рабочем контроле”.

Согласно этому документу контроль устанавливался над всеми предприятиями и охватывал отныне множество производственных вопросов. Не лишая пока предпринимателей права на собственность, новая власть требовала от них использования ее “в интересах трудящихся”.

Профсоюз рабочих и служащих лесопромышленных предприятий губернии разработал специальную инструкцию по контролю над производством. Инструкция предусматривала, что заводские комитеты должны установить контроль “по всем отраслям производства” – от приемки сырья до сдачи готовой продукции. С этой целью им предписывалось войти “в тесный контакт с заводоуправлением и совместными усилиями предотвратить могущий быть упадок производительности предприятий”. В документе далее подчеркивалось, что завкомы “вправе требовать от заводоуправления все сведения: о заготовке, выкатке, продаже и распиловке леса”¹⁷⁹. На деле это означало, что всякое распоряжение администрации завода относительно тех или иных производственных процессов не могло вступить в силу без ведома специальной контрольной комиссии. Более того, без согласования с завкомом предприниматели не имели права распоряжаться и денежными средствами.

Однако летом 1918 года лидеры профсоюза лесопромышленных предприятий пошли еще дальше: стали требовать перехода от контроля к национализации лесозаводов.

Н.В. Левачев, выступая на первом делегатском съезде профсоюза (июль 1918 года), отметил, что предприниматели имеют возможность почти во всех случаях обойти все преграды, который ставят на пути “их преступной деятельности” контрольные органы. Чтобы покончить с таким положением дел в отрасли, Левачев предложил вырвать из рук капиталистов “все нити экономического влияния”, т.е. национализировать предприятия, ибо, по его мнению, “только национализация, переход в общенародное достояние всей промышленности может.. возродить промышленность и спасти страну от гибели и развала”¹⁸⁰.

В целом советское государство не торопилось с национализацией лесной промышленности. В декрете Совнаркома от 28 июня 1918 года национализации подлежали лишь лесозаводы с основным капиталом не менее миллиона рублей.

Однако обстановка на местах порой складывалась так, что рабочие вопреки декрета высшей власти по собственной инициативе брали управление заводами в свои руки.

Так, еще 2 апреля на совместном заседании лесопильщиков и Маймаксанского Совета было решено отстранить от исполнения обязанностей руководство бывшего удельного завода, а управление делами передать в руки местно-

го заводского комитета¹⁸¹. Вслед за этим в ведение завкома перешел и Северо-Двинский завод удельного ведомства. Но в целом лесопильные предприятия губернии перешли в ведение государства только после окончания гражданской войны.

Более широкий размах на Севере приняла национализация торгового флота. Во исполнение декрета Совнаркома от 26 января 1918 года о национализации торгового флота исполком Архангельского совета образовал специальную комиссию для разработки проекта по проведению в жизнь этого мероприятия.

6 апреля был объявлен первый приказ, согласно которому “общенациональной неделимой собственностью Российской Федеративной Советской Республики объявлялись суда Беломорско-Балтийского акционерного общества Данишевских”¹⁸². Затем в руки государства перешли пароходства Куликова и Шапарова, суда торговых домов Шмидта, Спаде, Могучего и многих других.

Всего по Северо-Двинскому бассейну было национализировано 67 грузо-пассажирских и 175 буксирных пароходов, 707 барж и дебаркадеров¹⁸³. Кроме того, был национализирован Архангельский судоремонтный завод.

Естественно, что национализация промышленных предприятий встречала бурный протест представителей делового мира.

Однако органы советской власти, вооруженные марксистскими идеями об обобществлении средства производства, уничтожении эксплуатации человека человеком, действовали с неумолимой жесткостью.

Сошлемся лишь на один пример. Еще в феврале 1918 года архангельские рыбопромышленники резко выступили против национализации флота, заявив на состоявшемся тогда съезде, что эта мера “нежизненна” и “недопустима”. В то же время они потребовали для себя права самостоятельного выхода в Норвегию за рыбой, передачи им для этой цели валюты и т.п. А три месяца спустя, на июньском съезде, рыбопромышленники присоединили к этим требованиям ряд новых и настаивали на проведении их в жизнь “в кратчайший срок”. (Примечательно, что каждое требование начиналось словами “немедленно и срочно”). Съезд постановил довести решение съезда “до сведения центральных и местных властей”, установив семидневный срок для ответа. “В случае неполучения ответа... отказа или отсрочки промышленники .. будут принуждены... просить защиты и помощи союзников”¹⁸⁴, – говорилось в резолюции съезда.

Прозвучавшая в этой резолюции угроза действовать “помимо властей” и прибегнуть к помощи союзников, уже начавших в тот момент интервенцию против Советской Республики, была крайне резко расценена Совнаркомом. 27 июня 1918 года В.И. Ленин направил в архангельский губисполком телеграмму с указанием на то, что “местный рыбопромышленный съезд не имеет права ставить ультиматум Советской власти и вести переговоры с иностранными государствами, минуя Советское правительство”. Всякая попытка вести подобную политику, отмечалось в телеграмме, “будет рассматриваться правительством как государственная измена”¹⁸⁵.

* * *

Первые преобразования в области экономики подкреплялись советскими властями столь же жесткими мерами в отношении самой буржуазии.

Ярким примером подобного отношения явилась мобилизация архангельских предпринимателей в июле 1918 года на оборонные работы.

Решение губисполкома от 23 июля 1918 года гласило: “немедленно в самом срочном порядке провести общую мобилизацию буржуазии в возрасте от

18 до 50 лет в лице ее мужских представителей”. Всех мобилизованных рекомендовалось направить на работы, связанные с обороной города. В постановлении отмечалось, что “труд всех мобилизованных бесплатен, причем продовольствие выдается им по обычной норме, за их собственный счет”.

Этот любопытнейший документ эпохи расшифровывал понятие “буржуазия”. “Под понятием буржуазии, – говорилось в нем, – надо понимать совокупность лиц, живущих на средства, добытые или эксплуатацией наемного труда, рентой, доходами с имущества, процентами с капитала и иными формами нетрудовых источников накопленных средств”. Уточняя это понятие, комитет по мобилизации буржуазии разъяснял, что представителями этого класса в условиях Архангельска следует считать “владельцев торговых и промышленных предприятий, в которых работает не менее трех наемных рабочих”, а также собственников недвижимого имущества стоимостью свыше 10 000 рублей и лиц, имеющих в банках вклады на сумму свыше 5 000 рублей¹⁸⁶.

В соответствии с этим постановлением 58 наиболее заметных представителей архангельских предпринимателей оказались на острове Мудьюге на строительстве оборонительных сооружений¹⁸⁷.

...Потрясения в жизни архангельских предпринимателей, начавшиеся в 1917 году, продолжились в период господства на Севере иностранных интервентов и белогвардейцев.

На заре XX века

¹²⁸ГААО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 6. Л. 110.

¹²⁹Бурьшкин П. А. Указ. соч. С. 103.

¹³⁰ГАОО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 4,6,11. Из этих дел почерпнуты сведения о работе архангельского купеческого общества.

¹³¹Архангельск. 1915. 22 июля.

¹³²Олонецкая неделя. 1916. 20 марта.

¹³³ГААО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 11. Л. 90.

¹³⁴Известия АОИРС. 1916. № 7-8. С. 314–325.

¹³⁵Акционерно-паевые предприятия России. СПб., 1912. С.9.

¹³⁶Отчет правления “Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства” за 1896 год. СПб., 1897. С. 76.

¹³⁷Там же С. 74.

¹³⁸Там же. С. 70.

¹³⁹Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т.2. С. 505.

¹⁴⁰ГААО. Ф. 48, Оп.1. Д.602. Л.1.

¹⁴¹Там же. Ф. 48. Оп.1. Д.602. Л. 24 .

¹⁴²Под флагом России: История зарождения и развития морского торгового флота. М., 1995. С. 215.

¹⁴³ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1591.

¹⁴⁴Архангельск. 1916. 3 нояб.

¹⁴⁵См. Устав Северо-Океанского акционерного общества пароходства и торговли. Архангельск, 1917. С.1; Архангельск. 1917. 29 янв.

¹⁴⁶Акционерно-паевые предприятия России. СПб., 1912. С.103.

¹⁴⁷ГААО. Ф.323. Оп. 1. Д.24. Л. 1–1об.

¹⁴⁸Там же. Ф.97. Оп.1. Д.6. Л. 114 об.; Известия АОИРС. 1916. № 7–8. С. 328.

- ¹⁴⁹Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904 – 1914 г. Л., 1987. С. 230–232.
- ¹⁵⁰Лесопромышленный вестник. 1914. № 9. С. 126.
- ¹⁵¹ГАОО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1247.
- ¹⁵²Там же. Ф. 37. Оп. 1. Т. 2. Д. 4192. Л.311–316; Акционерно-паевые предприятия России. С.8.
- ¹⁵³См. Памятная книжка Архангельской губернии на 1909 г. Архангельск, 1909. С.93–98.
- ¹⁵⁴ГАОО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 174. Л. 114, 114 об.
- ¹⁵⁵См. Трофимов П.М. Указ. соч., С. 123–127; Лесопромышленное дело 1924, № 3–4. С. 19.
- ¹⁵⁶Составлена автором на основании данных “Коммерческой справочной книжки Архангельской губернии”. Архангельск, 1915. С.68–69.
- ¹⁵⁷Лесопромышленный вестник. 1914. № 9. С. 125
- ¹⁵⁸ГАОО. Ф. 350. оп. 1. Д. 114 Л. 199об.
- ¹⁵⁹Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.
- ¹⁶⁰ГАОО. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-40. Подсчитано нами.
- ¹⁶¹Ананьич Б.В. Банкирские дома в России, 1860-1914 гг. С. 122–123.
- ¹⁶²ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д.2. Л. 149–155.
- ¹⁶³Известия АОИРС. 1916. № 3. С. 124
- ¹⁶⁴Обзор Архангельской губернии за 1915 г. Архангельск, 1916. С. 9.
- ¹⁶⁵Архангельск. 1915. 1 июля
- ¹⁶⁶Архангельск. 1915. 25 дек.
- ¹⁶⁷ГАОО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1557.
- ¹⁶⁸Известия Архангельского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 7 авг.
- ¹⁶⁹Там же. 1917. 31 авг.
- ¹⁷⁰Там же. 1917. 24 июня.
- ¹⁷¹ГАОО. Ф. 336. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
- ¹⁷²Там же. Ф. 272. Оп. 1. Д. 7а Л. 16.
- ¹⁷³Борьба за установление и упрочение Советской власти на Севере: Сб. док. и материалов: (март 1917 – июль 1918 гг.). Архангельск, 1959. С.82.
- ¹⁷⁴Там же. С. 83.
- ¹⁷⁵ГАОО. Ф. 336. Оп. 1. Д. 69. Л. 33. Письмо от 9 августа 1917 г.
- ¹⁷⁶Там же. Л. 41.
- ¹⁷⁷Борьба за установление ...С. 212 - 213.
- ¹⁷⁸Там же. С. 80.
- ¹⁷⁹Там же. С. 96.
- ¹⁸⁰Там же. С. 214-215.
- ¹⁸¹ГАОО. Ф. 2956. Оп. 1. Д. 16. Л. 2об.
- ¹⁸²Борьба за установление... С. 256.
- ¹⁸³См.: Шумилов М.И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск. 1973. С. 233; Голубые дороги Поморья. Речной флот Севера от древности до наших дней. Архангельск: Поморский гос. университет. 2003. С. 58. Сведения в различных источниках несколько расходятся.
- ¹⁸⁴Известия АОИРС. 1918. № 5—7. С. 142; ГАОО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 70. Л. 87, 90, 90об.
- ¹⁸⁵Владимир Ильич Ленин: Биогр. хроника: В 12 т. М.: Политиздат. 1970—1982. Т. 5. С. 574.
- ¹⁸⁶Борьба за установление ... С. 274—275; Северный день. 1918. 26(13) июля.
- ¹⁸⁷Русский Север. 1919. 28 июля.

В период антисоветской власти

2 августа 1918 года в Архангельске произошел антисоветский переворот. В этот день заявила о себе новая власть – Верховное управление Северной области, тайно созданное еще в июле 1918 года. В 4 часа дня это правительство приняло решение: “послать по радио извещения союзникам о смене правительственной власти и делегировать для встречи союзного десанта председателя Н.В. Чайковского, С.С. Маслова и Н.А. Старцева. Поручить командующему военными силами Г.Е. Чаплину назначить почетный караул”¹⁸⁸.

Через короткое время “приглашенные” войска интервентов, заранее подошедшие на своих кораблях по Северной Двине, были уже в городе. Это событие круто изменило жизнь значительной части населения Европейского Севера, в том числе и торгово-промышленного сословия.

Представители делового мира Архангельска попытались, прежде всего, ликвидировать все преобразования в области управления экономикой, проведенные в жизнь к лету 1918 года. Лидеры местной буржуазии, а затем и правительственные органы предприняли целый ряд мер, направленных на то, чтобы вернуть ситуацию весны 1917 года.

Эти акции начались с того, что уже ранним утром 2 августа, т.е. еще до рождения нового правительства, бывшие офицеры, дети городских предпринимателей стали вершить суд над советскими активистами, руководителями заводских комитетов и профсоюзов. К полудню 2 августа, сообщала позднее одна из белогвардейских газет, “вся тюрьма и арестное помещение при Ломоносовской гимназии были переполнены арестованными”. За короткий срок, по официальным данным, в заключении оказалось 388 человек¹⁸⁹, в том числе руководители совета профессиональных союзов Н.В. Левачев, А.П. Диатович. Как заметил чуть позднее профсоюзный журнал «Рабочий Севера», аресты в то время «производили все, кому было только не лень»¹⁹⁰.

Печать той поры называла и наиболее активных исполнителей этой акции. Среди них В. Минейко, В. Бидо, Н. Кыркалов, братья Бурковы¹⁹¹. Эти и другие, как правило, очень молодые люди, вооруженные винтовками, с раннего утра сводили наспех арестованных советских активистов к местам заключения. Через день эта же группа активистов белого движения явилась в помещение совета профсоюзов и потребовала снять со здания красное знамя¹⁹².

Новое правительство области сразу же объявило всех заключенных заложниками. Заявляя об этом решении, Верховное управление в специальной телеграмме, направленной в Совнарком, заявляло о том, что “в случае применения репрессивных мер против увезенных большевистской властью архангельских земских и городских деятелей и рабочих, такие же меры постигнут немедленно и большевиков, арестованных в Архангельске”¹⁹³.

Во-вторых, самочинные действия представителей буржуазного мира были сразу же подкреплены авторитетом новой власти. Одно за другим на свет появились постановления Верховного управления Северной области об отмене рабочего контроля над производством, о возврате национализированного торгового флота прежним владельцам, о ликвидации губернского совета народного хозяйства.

При этом проведенная советской властью национализация промышленных, транспортных и кредитных предприятий характеризовалась как мера, приведшая к “несказанному развалу всего народного хозяйства, массовой безработице, голоду и вымиранию рабочего класса”. А декрет советской власти о рабочем контроле определялся как акция, “дезорганизовавшая русскую промышленность и принесшая неисчислимы бедствия рабочему классу”¹⁹⁴.

Наряду с этим новая власть постановлением от 13 сентября официально отменила на территории Северной области “все изданные Советской властью декреты, касающиеся различных видов страхования рабочих”¹⁹⁵. В Архангельске немедленно упразднили городскую больничную кассу, которая объединяла 16699 рабочих (без членов семей)¹⁹⁶.

В-третьих, руководители делового мира Архангельска, почувствовав поддержку властей, приняли ряд мер к возвращению своих погранных советской властью и профсоюзами прав.

Буквально на следующий день после того, как было опубликовано решение властей о ликвидации рабочего контроля (14 августа), союз лесопромышленников единогласно постановил, что “управление заводами является целиком и полностью делом и правом предпринимателей со всеми вытекающими из этого последствиями”. Этим же решением лесопромышленники предложили управлениям заводов прекратить всякие выплаты в пользу рабочих, в том числе оплату работы председателей и секретарей заводских комитетов, а также командировочных расходов, связанных с нуждами профсоюзов¹⁹⁷.

Председатель правления союза лесопромышленников Е. Шергольд в своем отношении в отдел труда ВУСО четко разъяснил позиции местной буржуазии. Он отметил, что профсоюзы в Архангельске не были профессиональными объединениями рабочих, а превратились “в агентов большевистской власти, разжигающих классовую рознь и вносящих полную дезорганизацию в производство”.

Особенно резко союз лесопромышленников высказался в отношении действий Маймаксанского совдепа, который, по его мнению, твердо встал “на ярко выраженную большевистскую платформу” и превратился в “административно-полицейский аппарат, через который проводились в жизнь большевистские декреты”. Все мероприятия, отмечалось в этом послании, были “насильственно вырваны у промышленников угрозами советской власти”. При этом профсоюз, облеченный полнотой власти, “предписывал лесопромышленникам только удобные ему мероприятия, подкрепляя свои требования угрозами арестов и чуть ли даже не расстрелов”¹⁹⁸.

Позицию представителей делового мира можно понять: они отстаивали свои законные права. Но сложность ситуации состояла в том, что рабочий класс в своем большинстве воспринимал их действия и постановления новой власти как наступление на “завоевания Октябрьской революции”. В обобщенном виде эта точка зрения была изложена на экстренном собрании представителей 17 профсоюзов, состоявшемся 2-3 августа¹⁹⁹.

Посланцы рабочих большинством голосов приняли резолюцию, в которой заявили, что они твердо будут “стоять исключительно на классовой точке зрения пролетариата до того момента, пока власть не будет исключительно социалистической”²⁰⁰. Совет профсоюзов, таким образом, отказал в доверии новому правительству.

Еще резче высказывались по этому поводу рабочие лесозаводов. Труженики лесозавода Кыркалова, например, на своем собрании 7 августа единодушно зая-

вили: “Мы будем держаться всех завоеваний Октябрьской революции, и держать в руках свое Красное знамя”. Они потребовали возвращения “всех завоеваний 1917 – 1918 гг., полной свободы слова, печати и собраний, социалистической власти”. Рабочие ответили категорическим отказом на призыв правительства записываться в ряды “народной армии”²⁰¹.

Лидеры профсоюзного движения города выразили резкое недовольство ВУСО конфискацией помещения у совета профсоюзов. Военным языком подручные генерала Пуля объяснили лидерам рабочего класса, что командование союзных войск «рассчитывает на поддержку со стороны рабочих», так как эти войска прибыли в Архангельск для того, чтобы «освободить рабочих от большевистского и немецкого ига»²⁰².

Перечень подобных примеров можно продолжить. Ясно одно: в Архангельске с первых дней после вторжения в город иностранных войск сложилась крайне противоречивая ситуация, чреватая социальными потрясениями.

Уже 6 августа Верховное управление на своем заседании вынуждено было рассматривать «рабочий вопрос». Управляющий отделом труда М.А. Лихач с тревогой говорил о том, что в городе производятся «произвольные аресты рабочих», выселение профсоюзов из своих помещений, расчет членов фабрично-заводских комитетов, закрытие примирительных камер. Все эти факты, отметил Лихач, «создают тревожную атмосферу в рабочих кругах».

Пытаясь разрядить обстановку, ВУСО учредило особый смешанный комитет, состоявший из представителей отдела труда, предпринимателей и рабочих.

В специальном воззвании «К рабочим» ВУСО призывало рабочие массы «пойти всемерно навстречу правительству в исполнении принятой им на себя огромной работы», оказать ему необходимую поддержку, без которой невозможна деятельность правительства²⁰³.

Однако меры, предпринятые Верховным управлением, не смогли сгладить остроту противоречий между рабочим классом, с одной стороны, и новой властью и предпринимательским миром – с другой. Труженики лесозаводов, пролетариат Соломбалы позднее не раз выступали против действий предпринимателей и властей. Выражая настроения трудовых масс, активную позицию заняли профсоюзные лидеры города.

В яркую антиправительственную акцию вылились торжественное заседание городской думы и митинг рабочих в Соломбале, состоявшиеся 12 марта 1919 года в связи со второй годовщиной февральской революции. Организаторы мероприятий – М. Бечин, Ф. Наволочный, С. Цейтлин и К. Клюев – были приговорены к каторге на 15 лет каждый²⁰⁴.

Прокурор С. Добровольский, представивший по этому делу обвинительное заключение отметил в нем, что все торжества, посвященные второй годовщине февральской революции, превратились “в демонстрацию недоверия к Правительству“. А позднее, в своих мемуарах прокурор отметил, что в ходе судебного процесса он “осознал ту пропасть, которая лежала между классовым мировоззрением рабочей среды и национально-патриотическими кругами общества. Засыпать эту пропасть у нас было некому... Заранее можно было предвидеть, что внутренняя борьба при первом же удобном случае вспыхнет у нас ярким пламенем”²⁰⁵.

* * *

Чем же характеризовалась деятельность новых правительственных органов по отношению к архангельской буржуазии, к экономической жизни края?

Правительство Северной области оказалось в трудной ситуации. Вопреки ожиданиям, оно не могло немедленно претворить в жизнь свои постановления и в частности, наиболее важное из них – о денационализации и возвращении бывших предприятий их законным владельцам. Через две недели после прихода к власти Верховное управление создало специальную комиссию, целью которой являлось “урегулирование правовых взаимоотношений между судовладельцами и казною”. Эта комиссия должна была в кратчайший срок разработать порядок возвращения прежним хозяевам пароходов, правовые основания “пользования национализированными судами”, а также рассмотреть вопрос о размерах и порядке вознаграждения судовладельцам за временное пользование их собственностью после 2 августа 1918 года.

Правительство признало возможным привлекать корабли на условиях “судовой повинности для военных и прочих государственных надобностей Северной области”. Более того, оно сочло необходимым “в силу надобности военного времени” часть национализированных советской властью судов обратить в собственность казны, т.е., попросту говоря, вообще не возвращать их владельцам²⁰⁶.

В целом руководители торгово-промышленного союза позднее осудили политику денационализации, заявив, что все ее недостатки и медлительность в исполнении решения явились результатом того, что “во главе ее стояли те же лица, которые ранее были во главе большевистского Совнархоза, из коих одно лицо находится на Иоканге, другие скрылись в Советской России”²⁰⁷.

Особенно затруднял предпринимательскую деятельность острый финансовый кризис – отсутствие денег. В одном из первых своих решений “О деятельности банков” Верховное управление ограничило выдачу средств в банках мизерной суммой – не свыше 300 рублей в неделю. Выдачи, превышавшие эту норму, разрешались только финансовым отделом правительства²⁰⁸. Ограниченные финансовые возможности сужали фронт действий для бизнесменов всех уровней.

Верховное управление в первые дни своего существования обратилось за помощью к предпринимательскому миру. С этой целью 6 августа состоялось общее собрание губернского торгово-промышленного союза, на которое явились члены биржевого комитета и ряда других организаций.

В своих выступлениях перед собравшимися глава правительства Н.В. Чайковский и управляющий отделом финансов Г.А. Мартюшин призвали представителей делового мира поддержать идею выпуска Верховным управлением “Займа доверия” сроком на 6 месяцев на общую сумму 10 миллионов рублей. Собрание приняло решение: “Все свои свободные наличные денежные знаки обратить в краткосрочный пятипроцентный заем”. Предприниматели за короткий срок собрали полтора миллиона рублей наличными. Около двух миллионов – предоставили в распоряжение властей кооперативные организации.

Как уже отмечалось, 8 августа Верховное управление приняло специальное постановление “О краткосрочном займе”, на основании которого стали выпускаться “обязательства”, которые правительство обязывалось после нормализации денежного обращения и появления настоящих денег выкупить²⁰⁹. На деле же этого не произошло – купюры огромного размера спустя полгода превратились в денежные знаки, получившие название “чайковки”.

* * *

Несмотря на сложную обстановку предприниматели пытались действовать.

Прежде всего, они пытались ввести своих представителей в состав правительства Северной области. 5 октября 1918 года комитет союза торговли и промышленности выдвинул три кандидата для включения в Верховное управление: Н.В. Мефодиева, Т.Н. Городецкого и Ф.Ф. Ландмана. С помощью американского посла Фрэнсиса врач Мефодиев занял пост управляющего отделом торговли, промышленности и труда²¹⁰.

Деловой мир пытался изменить состав правительства и позднее. Даже в период надвигавшегося краха белогвардейского режима, 10 февраля 1920 года, торгово-промышленный союз выдвигал в состав Временного правительства наиболее видных деятелей делового мира: М.А. Ульсена и А.А. Плюснина. Предложение союза не прошло: его ставленником в высшем органе власти Северной области в качестве “министра без портфеля” на короткий срок стал врач А. Попов.

Более продуктивно деловые люди Архангельска действовали в привычной для них сфере – промышленной жизни города. В сложнейшей ситуации они сумели продолжить работу многих акционерных компаний и даже создать новые объединения.

Так, например, группой видных промышленников была учреждена акционерная компания “Канат”. 29 ноября 1918 года торгующие крестьяне А.С. Чудинов, А.А. Плюснин, Г.Ф. Вальнев и купец Э.Я. Клафтон утвердили устав этого общества, основным капитал которого определялся в 5 млн. рублей. Общество создавалось “для продолжения и развития предприятий по пеньково-прядельному и канатному производству, для устройства, приобретения и эксплуатации канатных, прядельных и ткацких заводов и фабрик как в г. Архангельске, так и других местах Российского государства”²¹¹.

В городе появились и другие объединения. В частности, 6 марта 1919 года был утвержден устав Акционерного общества “Товароснабжение”, созданного “для эксплуатации богатств Русского севера, утилизации естественных сил природы и производства всякого рода, позволенной законом торговли”. Среди семи учредителей общества был начальник снабжения Северной области генерал от инфантерии С.С. Саввич, предприниматели С.В. Овчинников, А.Н. Терентьев и ряд других. Основным капитал в сумме 1 млн. руб. подразделялся на 4000 акций стоимостью по 250 рублей каждая²¹².

Вскоре после падения советской власти архангельские деловые люди предприняли попытку нормализовать и финансовое обращение в области или, по крайней мере, улучшить расчеты друг с другом и финансировать заграничные сделки. С этой целью уже в августе 1918 года они организовали новый Северный торгово-промышленный банк. Среди его учредителей были 12 крупных предпринимателей города: Я.А. Беляевский, И.Е. Володин, Г.Ф. Линдес, М.К. Кыркалов, Е.В. Могучий, А.С. Чудинов, М.А. Ульсен, М.В. Перешнев и др.

Новый банк преследовал цель “облегчить торговые сношения Северной области России с внутренними и заграничными рынками”. Он получил на основании своего устава право вести такие операции, как учет “русских и иностранных векселей, и всяких других торговых обязательств, назначенных к платежу не далее девяти месяцев”, а также “производство ссуд и открытие кредитов” на такой же срок, осуществлять другие операции.

Весь капитал банка в сумме пяти миллионов рублей внесли его учредители. Он составил из 20 000 акций по 250 рублей каждая. Несмотря на военные условия, развитие инфляции, банк сумел в течение довольно продолжительного срока осуществлять функции, определенные его уставом.

На путях реализации своих планов деловые люди Архангельска столкнулись с двумя серьезными и непреодолимыми трудностями: хозяйничаньем во внешней торговле союзных военных властей и непоследовательной политикой белогвардейского правительства.

Общий и в некотором роде итоговый анализ ситуации, сложившейся в экономической жизни Северной области, содержался в обстоятельной записке руководителей торгово-промышленного союза, направленной правительству в начале 1920 года. В ней говорилось: “После изгнания из области большевиков началось господство союзников, или вернее, англичан, в экономической жизни”. Отметив, что британское адмиралтейство не разрешало судам иных держав и в особенности нейтральных стран посещать Беломорские морские порты, предприниматели указывали: “Расчет за снабжение принял характер безудержного вывоза отдельными миссиями запасов экспортного груза без сдачи валюты на счета ВУСО (Верховного управления Северной области) – Е.О.”.

Итоги подобной политики были неутешительны. В конце навигации 1918 года оказалось, что из общей суммы экспорта в 5 788 400 фунтов стерлингов было вывезено через союзных агентов на 4 294 700 фунтов стерлингов или, 74%, и только 26% падает на частный капитал. Руководители союза резонно спрашивали у правительства: “Что же мог делать торгово-промышленный класс при полном господстве на рынке англичан?”²¹³.

Эта оценка ситуации полностью подтверждается содержанием докладной, которую представил правительству примерно в то же время управляющий отделом финансов, торговли и промышленности Н.И. Каменецкий. Приведя многочисленные данные о вывозе из Архангельска экспортной продукции, о попустительстве английским военным властям, он делал вывод: “Действия управления по делам внешней торговли, устраивавшего какую-то вакханалию вывоза по совершенно фиктивным компенсационным распискам, откладываявшим расчет на совершенно неопределенное время, причинили области неисчислимый вред, и нынешнее тяжелое финансовое положение области является прямым последствием таких действий управления по делам внешней торговли..., которое не только не приняло мер в защиту интересов области, но даже не довело до сведения правительства о том грабеже, который производился союзниками”²¹⁴.

Не кто иной, как сам управляющий промышленно-торговым отделом Временного правительства Северной области Н.В. Мефодиев, характеризуя порядки во внешней торговле, признавал позднее, что многие товары из-за границы привозились “под военным флагом, большинство этих товаров таможня не учитывала”. Подобным же образом производился и вывоз товаров²¹⁵.

Пожалуй, еще более горестное признание сделал в конце своего правления генерал Миллер. В своем пространном письме генералу Деникину от 11 января 1920 года он сообщал: “Имеющаяся в Северной области валюта близится к истощению. Новых источников ее получения не предвидится, за исключением леса. То, что имелось в Архангельске на складах и все, что могло интересовать иностранцев, было ими вывезено в минувшем году почти, что безвалютно примерно на сумму 4 млн. ф. ст.”²¹⁶.

Недовольство торгово-промышленного сословия Архангельска действиями военного командования интервентов находило выражение и в других формах. Уже в самом начале военного вторжения в город главный инженер порта П.Г. Минейко с тревогой доложил правительству о том, что “союзники игнорировали

указания администрации о принятом в порту порядке”. Без всякого разрешения они заняли помещения, не соблюдали правил обращения с огнем и т. д.²¹⁷.

По требованию союзного командования союзные войска частично или полностью заняли в городе дома и особняки, принадлежавшие И. Буркову, Я. Беляевскому, Х. Манакову, А. Чудинову М. Ульсену, Х. Манакову, а также Кыркалову, Аренсону, Шергольду, Мейеру, Шмидту, Пецу, Макарову, Вальневу и многим другим купцам и промышленникам.

Кроме того, союзное командование использовало в своих целях помещения духовного училища и духовной семинарии, кафедрального собора, технического училища, всех гимназий, московского народного банка, Воскресенской и Рождественской церквей. По неполным данным, к началу 1919 года они заняли различные помещения у 200 владельцев²¹⁸.

К делу поиска и изъятия квартир были подключены губернский правительственный комиссар, городская милиция, исполком квартальных комитетов, городская управа и многие другие органы.

Тревожные вести о захвате помещений шли из поселков и деревень губернии. 17 октября 1918 года ВУСО поручило извещение из Двинского Березника о том, что местное училище заняли под клуб союзные войска. 75 детей остались без школы²¹⁹.

Подобное сообщение пришло из села Емецкого, где военные хотели занять все школьные помещения для своих целей. Председатель учительского совета просил оставить хотя бы одно школьное здание для продолжения обучения детей.

Распоряжения о быстрейшем предоставлении жилья и выселения различных учреждений военные союзных войск разного уровня, русские власти отдавали самым бесцеремонным тоном.

Так, например, уполномоченный комиссии по расквартированию союзных войск некто Максвелл 20 сентября 1918 года потребовал от губернского правительственного комиссара: «В виду срочной необходимости в помещении для союзного лазарета прошу вас сделать распоряжение о выселении в 24 часа союза моряков из деревянного здания, принадлежащего торгово-мореходному училищу по Набережной»²²⁰.

В тот же день он, по сути дела, приказал срочно очистить и выселить всех лиц из здания Ольгинской гимназии, расположенной на углу набережной и Пермской улицы.

Дело доходило до крайностей. Бывших русских жильцов буквально выбрасывали из занимаемых ими квартир и переселяли насильно в первые попавшие помещения. В сентябре 1918 года начальник городской милиции приказал выселить четыре семейства из казенной квартиры директора Ломоносовской гимназии в здание городского пожарного депо. Число подобных примеров можно продолжать.

Жаркий спор разгорелся вокруг наиболее крупного особняка города, принадлежавшего фирме «П. и И. Данишевские». Первый и третий этаж братья, чувствуя необходимость покориться общей судьбе, сдали без боя. Но союзный офицер потребовал в самой решительной форме освободить и второй этаж, где были расположены правления семи различных фирм, в которых работало до ста человек служащих.

На защиту Данишевских выступили архангельский биржевой комитет и правление торгово-промышленного союза. На своем соединенном заседании со-

бравшиеся отметили, что подобная мера союзников «равносильна разрушению русских торгово-промышленных предприятий». Отметив далее, что это выселение производится без «всякого ведома и заключения торгово-промышленного класса», предприниматели приняли решение: «возбудить ходатайство перед правительственным комиссаром о реорганизации жилищной комиссии и допущении в ее состав с правом решающего голоса представителей от биржевого комитета и торгово-промышленного Союза и приостановить выселение фирмы Данишевских».

Это решение за подписью известного лесопромышленника А. Чудинова было направлено генерал-губернатору, но тот уклонился от вмешательства в решение проблемы. Сославшись на компетентность комиссии и что, мол, он «не рискнет решать квартирные вопросы своим личным усмотрением», тем не менее, предупредил предпринимателей о том, что «мы ведем войну и, следовательно, насущные военные интересы не могут иметь ущерба ни в одном вопросе»²²¹. Короче говоря, он поддержал притязания союзного командования.

И в этом не было ничего удивительного: 8 декабря Марушевский получил предписание бригадного генерала Нидгама, который «просил» а на деле приказывал, чтобы в трехдневный срок «это помещение было очищено».

Дело завершилось тем, что вопреки сопротивлению Данишевских милиция освободила нужный этаж конторы «принудительным путем»²²².

В правительство непрерывным потоком поступали заявления от владельцев домов о нанесенном ущербе и их недовольстве поведением своих непрошенных постояльцев. Генерал-губернатор решительно отклонял все эти прошения. По его указанию оценочная комиссия, ссылаясь на обстоятельства военного времени и неясность будущего, приняла такое постановление: «суждения об убытках, понесенных жителями города Архангельска, по обстоятельствам военного времени признать преждевременными». Подобный подход к делу не удовлетворил хозяев домов²²³.

* * *

Специалистов финансового дела Северной области раздражали постоянные требования союзников вести с ними расчет только денежными знаками, выпущенными в Лондоне, а также систематические напоминания о необходимости повышать курс фунта стерлингов по отношению к этому виду денег.

И этот курс действительно повышался. Вот каким образом он менялся в течение только мая месяца 1919 года:

Изменение курса на иностранную валюту (в рублях)

Наименование валюты	По состоянию на:			
	16. 04. 1919 г.	1. 05. 1919 г.	21.05. 1919 г.	1. 06. 1919 г.
Фунт стерлингов	56 = 00	64 = 00	72 = 00	80 = 00
Доллар США	11 = 90	13 = 60	15 = 20	17 = 07
Франк французский	2 = 00	2 = 32	2 = 48	2 = 59
Кроны шведские	3 = 19	3 = 64	3 = 94	4 = 35
Кроны норвежские	3 = 08	3 = 51	3 = 88	4 = 35
Кроны датские	3 = 00	3 = 40	3 = 73	4 = 04

Гульдены голландские	4 = 80	5 = 50	6 = 07	6 = 74
Лиры итальянские			2 = 01	1 = 07

Составлено на основании постановлений Временного правительства Северной области. См. СУР ВПСО. Ст.397, 411, 429, 448 и т.д.

Нетрудно заметить, что наиболее быстро поднимался в весе курс фунта стерлингов, т.е. валюта, которая чаще всего использовалась при расчетах между белым правительством и союзными властями.

В своем письме правительству комиссия Архангельского госбанка по установлению твердого курса иностранной валюты информировала о том, что под давлением союзников правление банка согласилось на очередное изменение курса валюты, хотя оно “не вызвано ни экономическим положением России, в частности Северной области, ни стоимостью рубля за границей”²²⁴. Комиссия выразила протест против обесценивания рубля, но это было гласом вопиющего в пустыне.

* * *

Попустительство союзным властям, а вернее хозяйничанье их на Севере, явилось лишь одной стороной медали. Представителей делового мира ожидала и другая беда, практически лишавшая их возможности вести свои коммерческие сделки.

После того, как войска интервентов покинули Архангельск (в сентябре 1919 года), перед Временным правительством Северной области, фактическим руководителем которого был генерал Е.К. Миллер, с небывалой остротой встали экономические проблемы. Росли цены на продукты питания, опустела казна.

“В отношении торговли и промышленности, – писал генерал В. Марушевский в записке правительству, – положение таково, что все промышленные предприятия стоят, а что-либо приобрести из вещей первой необходимости доступно лишь людям, нажившим огромные деньги спекуляцией”. Во внутренней и внешней политике, отметил он далее, “правительство фактически лишено возможностей вести какой-либо самостоятельный образ действий, иметь авторитет, заключать договоры, опираться на чью-либо помощь”²²⁵.

Сразу после ухода из Архангельска иностранных войск генерал Миллер регулярно и настойчиво просил русские дипломатические службы в Лондоне и Париже оказать Северной области помощь углем, продуктами питания, оружием и снаряжением. По минимальным меркам для нормального снабжения армии и населения требовалось 1250 тн. муки, 250 тн. галет, 600 тн. крупы, 250 тн. сахара, 1 млн. банок консервов, 200 тн. маргарина или масла, 1500 тн овса, 15 тыс. френчей, 15 тыс. шинелей, 50 тыс. рубах, 10 тыс. мотков колючей проволоки²²⁶. Однако русские ходяки по зарубежным ведомствам оказались бессильными добиться удовлетворения хотя бы одной просьбы генерала. К тому же англичане требовали немедленной платы в иностранной валюте порой даже за мелочи.

Обычно в конце своих прошений честолюбивый генерал добавлял, что “покупать нет средств”, или ссылаясь на общегосударственный кредит²²⁷. И, наконец, Миллер уже незадолго до того, как покинуть Архангельск, получил полный отказ союзников оказывать малейшую помощь белогвардейской армии и населению области.

“Несмотря на неоднократные просьбы в течение двух месяцев, – сообщал генералу русский представитель Саблин из Лондона, – не могу получить решительно никакого ответа. Снова вхожу с ходатайством, но заранее уверен, что в связи с новой политикой Англии, в частности, по отношению к большевизму, достать снаряжение не удастся”²²⁸.

В поисках выхода из сложившейся ситуации, власти прибегли к целому ряду мер, позволивших найти дополнительные средства. Важнейшим среди них явилось увеличение налогов. Повысилась плата за транспортные средства, за билеты на публичные зрелища, за перевоз через реку Кузнечиху и т.д. Но этой меры было явно недостаточно.

Тогда генерал Миллер встал на путь конфискации буржуазной собственности, в частности такого источника ее доходов, как иностранная валюта. Представители делового мира в то время могли получить какие-либо доходы лишь от внешней торговли, т.е. от продажи товаров, имевшихся у них на складах. На эту часть средств и покусился начальник области.

Миллер издал ряд приказов, которые обязывали всех предпринимателей, занимавшихся внешней торговлей, сдавать вырученную валюту в областной банк. Однако дело практически не сдвинулось с места. Бизнесмены тратили свои средства на закупку товаров за рубежом, а нередко оставляли их в иностранных банках, как они это делали и раньше, ибо без этого не было возможности проводить торговые операции.

Тогда 29 октября появился знаменитый приказ генерал Миллера “О валюте”. В нем говорилось, что “в целях успеха ведения войны” он считает необходимым в порядке исключительных прав, предоставленных ему, как Главнокомандующему, подвергнуть лиц, не сдавших иностранную валюту банку Северной области, “лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы сроком от 4 до 6 лет и сверх того, отобранию всего принадлежащего им имущества в казну...” Дела виновных подлежали рассмотрению военного суда²²⁹.

В соответствии с этим приказом 19 декабря 1919 года был наложен арест на движимое имущество И.И. Данишевского. Одновременно известному на Севере купцу запрещалось пользоваться и недвижимым имуществом. Этот предприниматель был одним из состоятельных людей города. Он являлся владельцем пая в Северо-Океанском акционерном обществе стоимостью 190 тыс. рублей, совладельцем известного пароходства братьев Данишевских, а также имел двухэтажный дом и два флигеля, расположенные в центре города. Вина его состояла в том, что, получив разрешение на вывоз товаров (5700 пудов смолы и 25 764 пудов пеку) и, выручив за них свыше 316 100 лир, он не внес их в банк. Так же он поступил и с 24 638 долларами, вырученными за вывоз 7578 пудов анилинового и свекловичного семени. Опись имущества, произведенного соответствующими органами, представляла собой объемистый список ценностей, которыми располагал виновник. Ему грозило суровое уголовное наказание. Однако обнаружилось, что наказывать было некого, поскольку владелец всех валютных средств оставил их в зарубежных банках и сам давно выехал в Америку.

Отдел финансов Временного правительства не раз обращался к начальнику милиции с требованием принять неотложные меры по отношению к лицам, не сдавшим валюту. Так, в одном из списков значились фамилии 18 предпринимателей, которые в общей сложности имели 683 971 фунт стерлингов. Лишь только 8 человек из 18 внесли некоторые суммы. Крупными должниками, по данным

банка, являлись фирмы Шалита, Э. Уллая, Х. Фрейнкель, К. Стюарта, К. Блумберга и ряда других²³⁰.

Начальник архангельской городской милиции в ответ на приказ правительства о принятии мер относительно передачи валюты в его распоряжение лишь констатировал, что большинство лиц, о коих шла речь, давно получили паспорта на выезд в разные страны, часть из них уже отправила в разные государства свои семьи, а некоторые выехали их Архангельска вместе с союзными войсками.

Миллер пытался найти виновных даже за границей. Сообщая в Англию генералу Саблину о том, что лесопромышленник Б.С. Ульяновский уклонился от выполнения валютных обязательств за лес, вывезенный в августе и сентябре 1919 года, и не внес в банк 5210 ф. ст., генерал рекомендовал “представить британскому правительству требование о выдаче Ульяновского русским военно-судебным властям”. Понимая нереальность этого акта, Миллер добавил: “Хорошо было бы получить даже официальный отказ. Это дало бы возможность конфисковать имущество Ульяновского”²³¹.

Торгово-промышленный союз выразил решительный протест против приказа от 29 октября 1919 года, резонно заявив о том, что изъятие валюты не позволяет предпринимателям вести торговые дела. Правление союза высказалось “за свободу торговли и предоставления ему известной части валюты для необходимого оборота”²³².

Этот протест нашел понимание со стороны зарубежных деловых кругов. Генерал Саблин в ответ на вышеупомянутую просьбу Миллера о выдаче Ульяновского информировал архангельское правительство: “считаю своим долгом указать, что со стороны, как англичан, так и русских поступают многочисленные жалобы на меры, принимаемые правительством относительно экспроприации валюты. Жалобы эти носят характер, трудно совместимый с достоинством Российской власти... Эти правительственные меры приравниваются общественным мнением к методам советской власти, поддерживают желание коммерческих кругов завязать торговые сношения с большевистской Россией даже преимущественно перед сражающимися с большевиками окраинами”²³³.

* * *

Между тем, дни существования самого белогвардейского режима на Севере были сочтены. В февральские дни 1920 году генерал Е.К. Миллер, большая часть состава его правительства покинули Архангельск.

Несколько раньше за границей оказались многие купцы и бизнесмены, как коренные северяне, так и потомки выходцев из стран Западной Европы: А.С. Чудинов, Н.В. Грудистов, Е.В. Могучий, Б.С. Ульяновский, В.В. Гувелякен, сын-овья пароходовладельца И.И. Буркова – Илья и Виталий, основатель кооперативного движения в Важской области А.Е. Малахов и многие другие.

В февральские дни 1920 года на ледоколе “Минин” в Норвегию прибыло около 800 человек, в том числе 50 бывших солдат, 320 офицеров, 66 чиновников, и около 50 представителей торгово-промышленного мира с семьями²³⁴. Позднее на чужбине оказались такие видные фигуры предпринимательского мира города, как М.А. Ульсен, Я.А. Беляевский и многие другие.

Можно лишь догадываться о том, с какими противоречивыми чувствами все эти люди покидали северный край. Здесь прошла основная часть их жизни, оставались результаты их многолетней деятельности: заводы, пароходы, жилые дома и торговые заведения.

Вспоминая об обстановке, в которой проходила эвакуация осенью 1919 года, полковник С. Добровольский писал: “Мне довелось присутствовать при отъезде иностранных миссий, с которыми уезжали сливки архангельского буржуазного общества... Провожать их явилось полгорода, причем, если у провожавших настроение было невеселое, то отъезжающие чувствовали себя неважно, являя в своих глазах “крыс, бегущих с тонущего корабля”. Среди них было немало спекулянтов, связанных своей коммерческой деятельностью с союзниками и прибегавших к их могучему авторитету для разрешения покинуть город, т.к. к тому времени была объявлена широкая мобилизация в армию и национальную гвардию. Многие возмущались их бегством”²³⁵.

Как истинно русские предприниматели, так и потомки выходцев с Запада оставили своим бывшим работникам доверенности на право управления принадлежавшими им жилыми домами. Видимо, многие из них возлагали надежды на то, что со временем они смогут вернуться обратно. Этим надеждам не суждено было сбыться.

В период интервенции

¹⁸⁸ГАРФ. Ф.1. Оп. 1. Д.2.Л. 122.

¹⁸⁹Рабочий Севера. 1918. 25 авг.

¹⁹⁰Там же. 1918. 15 сентября.

¹⁹¹Русский Север. 1919. 2 августа.

¹⁹²ГААО. Ф. 218. Оп. 2. Д. 39. Л.3.

¹⁹³Возрождение Севера. 1918. 11 авг.; ГАРФ. Ф.16. Оп. 1. Д.1. Л. 12.

¹⁹⁴Вестник Верховного Управления Северной Области (Далее: Вестник ВУСО). 1918. 10, 11 авг.

¹⁹⁵ГААО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 331. Л. 27об.

¹⁹⁶Там же. Ф. 336. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

¹⁹⁷Там же. Ф. 110. Оп. 3. Д. 331. Л. 8 – 20. Вестник ВУСО. 1918. 23 авг.

¹⁹⁸Там же. Ф. 110. Оп. 3. Д. 331. Л. 7 – 8об.

¹⁹⁹Там же. Ф. 336. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

²⁰⁰Там же. Ф. 336. Оп. 1. Д. 67. Л. 1об.

²⁰¹Там же. Ф. 336. Оп. 1. Д.23. Л. 210 об.

²⁰²Там же. Ф. 218. Оп. «. Д. 39. Л.91.

²⁰³ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л.9, 20.

²⁰⁴Подробности этого процесса детально освещены в работе Е. Овсянкина “Архангельск: годы революции и военной интервенции 1917 – 1920. Архангельск, 1987. С.186 – 193.

²⁰⁵См.: Белый Север, 1918 – 1920 гг.: Мемуары и док. / Сост. В.И. Голдин. – Архангельск, 1993. Вып. II. С. 47 – 48.

²⁰⁶Вестник ВУСО. 1918. 16 авг.

²⁰⁷ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л.107.

²⁰⁸Вестник ВУСО. 1918. 15 авг.

²⁰⁹Там же. 1918. 11 авг.

²¹⁰Минц И. Указ соч. С. 130—131; Интервенция на Севере в документах. М., 1933. С. 46—47.

²¹¹Устав акционерного общества “Канат”. Архангельск, 1918. С.1.

²¹²Устав акционерного общества “Товароснабжение”. Архангельск, 1919.

²¹³ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 118–120.

²¹⁴Северный фронт: Борьба совет. народа против иностр. воен. интервенции и белогвардейщины на совет. Севере (1918–1920). М, 1961. С. 79-81.

²¹⁵ГААО. Ф.50. Оп. 110. Д. 5. Л. 328.

²¹⁶Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 64. Л. 89.

²¹⁷ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 62. Л. 99.

²¹⁸ГААО. Ф. 2104. Оп.1.Д. 310. Л.1-7.

²¹⁹Там же. Ф. 2104. Оп.1.Д. 263. Л. 155, 158.

-
- ²²⁰ ГААО. Ф. 2104. Оп.1.Д. 263. Л. 91.
- ²²¹ ГААО. Ф. 2104. Оп.1.Д. 263. Л. 171.
- ²²² ГААО. Ф. 2104. Оп.1.Д. 263. Л. 182.
- ²²³ ГААО. Ф. 2179. Оп. 1. Д. 322. Л. 25; Д. 310 – Список помещений, занятых английским командованием в г. Архангельске.
- ²²⁴ Там же. Ф. 13. Оп. 7. Д. 1. Л. 18.
- ²²⁵ Из истории гражданской войны в СССР. М.: Советская Россия, 1961. Т. 2. С. 272.
- ²²⁶ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 84. Л. 17.
- ²²⁷ Там же. Д. 84. Л. 40.
- ²²⁸ Там же. Д. 84. Л. 49–50.
- ²²⁹ Приказ Главнокомандующего русскими вооруженными силами на Северном фронте. № 340. 29 октября 1919 г. Вестник Временного правительства Северной области. (Далее: Вестник ВПСО) 1919. 2 нояб.
- ²³⁰ ГААО. Ф. 1866. Оп. 4. Д. 8. Л. 389.
- ²³¹ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 84. Л. 42.
- ²³² Русский Север. 1920. 4 янв.
- ²³³ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 84. Л. 50.
- ²³⁴ Там же. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 99. Л. 1,2,28 и др.; Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере, 1918–1920 гг. М., 1993. С. 220.
- ²³⁵ Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области // Белый Север. 1918 – 1920гг.: Мемуары и документы. Вып. II. Архангельск, 1993. С.86 – 87.

“Обратить в достояние Республики”

19 февраля 1920 года пала власть архангельского белогвардейского правительства. А еще через два дня в город вступили воинские подразделения 6-й армии. С установлением советской власти начался новый этап в жизни Архангельска.

Вся полнота власти в губернии перешла в руки губернского революционного комитета, который возглавил С.К. Попов. Своими приказами этот чрезвычайный орган власти пытался навести порядок в области торговли, денежного обращения и промышленности.

Сразу же после освобождения Севера развернулась социализация всех сторон жизни. Как из рога изобилия, посыпались постановления о национализации, муниципализации и конфискации заводов, пароходов, складов, гостиниц, бань, богаделен, церквей, крупных лавок и жилых домов.

Серия этих акций началась с ареста имущества ряда фирм, владельцы которых, по сведениям губернского ревкома, совершили антинародные деяния. Первым в этой серии было решение “О привлечении к ответственности торговых фирм братьев Данишевских, Берденникова с сыновьями и капитана Шепетова и об аресте их имущества”.

В вину упомянутым фирмам ставился увоз в навигацию 1919 года за границу “крайне необходимых для населения республики ценностей: кожи, кофе и яичного порошка”. Отметив, что “эти ценности не добывались здесь, а были получены из-за границы за добытые руками рабочих и крестьян лес, лен и другие ценности республики, считать этот вывоз изменническим актом по отношению к Советской республике”. Дело об отмеченных в постановлении фирмах было передано на срочное рассмотрение Революционного трибунала. А до решения этого органа имущество было описано и арестовано²³⁶.

Волна всевозможных реквизиций прокатилась по всей губернии. Для характеристики этого процесса приведу лишь один пример. 6 марта 1920 года Пинежский исполком реквизировал на складе И.В. Аладьинской кофе, принадлежавшего торговому дому “Х. Манакон и К^о” в количестве 14 мешков. Руководители дома естественно дважды с перерывом через месяц потребовали от исполкома уплаты за отобранный товар в сумме 17 668 рублей. Однако не тут-то было. Ответ исполкома был четок: “Никакой платы ни в коем случае произведено не будет, т.к. кофе находилось на складе около полугода явно для спекуляции, т.е. в ожидании поднятия цен”²³⁷. Число подобных примеров можно умножить.

В апреле 1920 года в Архангельске была проведена беспрецедентная за всю историю города операция – массовый обыск частных квартир. Для проведения ее были привлечены красноармейцы, матросы, коммунисты города – около 3500 человек. Повальные обыски длились с 9 часов вечера 18 апреля и завершились лишь через два дня. М. Кедров, сообщая об итогах обысков, писал в губернской газете о том, что “особое внимание было обращено на буржуазные квартиры” и что в ходе их изъяты огромные ценности: более 100 различных царских орденов, свыше трех пудов серебряных монет, сотни тысяч царских денег и “чайковок”, много иностранной валюты. 50 представителей делового мира были арестованы²³⁸.

Эта акция вызвала массовое возмущение горожан. В органы власти поступали десятки заявлений от пострадавших. Вот одна из подобных жалоб. 23 апреля 1920 года бывший управляющий лесозаводом, отец трех дочерей и двух сыновей

В.К. Гернет жаловался на то, что в ночь с 17 на 18 апреля «во время повальных обысков» у него в квартире опечатали все самые дорогие вещи. Среди них сервизы, один из которых был подарен дочери в качестве приданого, а второй – преподнесен хозяину дома в день его серебряной свадьбы.

Василий Карлович, напоминая о том, что в настоящее время он служит в советском учреждении и «в полном смысле» является, как и все члены семьи «трудящимся», просил устранить вопиющую несправедливость²³⁹.

Еще более выразительным было заявление соломбальского фотографа П.Ф. Подрунина. В результате обыска у него, помимо изъятия 1650 рублей и продуктов, была произведена опись имущества: фотоаппаратов, остатков материалов, вследствие чего фотография прекратила свою работу.

Петр Федорович писал: «Я причислен к категории предпринимателей, имеющих свое предприятие и эксплуатирующих чужой труд». Вследствие такой оценки имущество фотографа и сама фотография подлежали национализации.

«Это величайшая несправедливость, – возмущался фотограф. – Эта фотография открыта в 1903 году на средства добрых людей. Они дали мне займы денег (у фотографов я служил с 12 до 28 лет). Все имущество я купил в кредит и выплачивал долги. А работал всегда сам, один»²⁴⁰.

Большинство подобных обращений оставлялись без внимания. Более того, 7 мая 1920 года так называемая учетная комиссия приняла любопытное решение. Рассмотрев вопрос о результатах обысков в складах предпринимателей, она поручила «тройке в лице Бронштейна, Кедрова и С. Попова»: «Принимая во внимание, что почти все владельцы этих товаров, равно и других, опечатанных после 30 апреля, весьма зажиточные люди, являвшиеся многолетними рассадниками самой злостной и бесчеловечной спекуляции и эксплуатации наиболее малоимущего класса, отобранное считать конфискованным с тем, чтобы товар передать соответствующим губернским органам»²⁴¹.

* * *

С особым размахом проходил процесс муниципализации жилых домов. Первыми жертвами этой кампании стали семьи, главы которых успели уехать во время интервенции за границу. Приказ губернского ревкома от 23 марта 1920 года гласил: «Все оставшееся после бежавшей из Архангельска буржуазии имущество, как движимое, так и недвижимое, объявляется достоянием Республики и поступает в ведение отдела коммунального хозяйства города Архангельска».

Приказ давал определение и самого понятия «буржуазия» – это лица, выбывшие из города вследствие нежелания остаться в нем при Советской власти с 1 января 1919 года».

В случае бегства из города только главы семьи, остальным ее членам разрешалось пользоваться имуществом, но недвижимая его часть подлежала муниципализации.

Местная печать публиковала длинные списки владельцев домов, отобранных в пользу Советской власти. Первый список содержал 35 фамилий, второй – 26. В них попали домовладельцы с русскими фамилиями: А.С. Чудинов, Е.В. Могучий, М.В. Перешнев, А.А. Плюснин, Е.И. Федосов, Я.Е. Макаров и многие другие²⁴². А затем беда обрушилась на выходцев из других стран, жителей Немецкой слободы. Двух домов лишились Пецы, несколько строений было конфисковано у Фонтейнесов, четыре дома отобрали у наследников А.Ю. Суркова, два – у Шергольда, четыре – у Шольца и т.д.

Общую картину хода национализации домов и разного рода строений давал президиум Архангельского губисполкома в специальной докладной, направленной в Москву в марте 1924 года.

Губисполком откровенно сообщал о том, что долгое время “определенной системы в муниципализации не было”. Операция проводилась стихийно, на основе приказов губревкома и постановлений городского исполкома. Лишь после фактической конфискации домов они пытались упорядочить ход дела, стали собирать сведения о домовладельцах. Решающим показателем для конфискации служила принадлежность к “крупному буржуазно-капиталистическому элементу или враждебное отношение домовладельцев к рабоче-крестьянской власти”²⁴³.

В записке содержался еще один аргумент в пользу национализации домов. “Оставлять дома в руках частных владельцев, родственники которых, а зачастую и сами владельцы бежали за границу, – говорилось в документе, – значило передать регулирование жилищного вопроса в их руки и лишать губернский бюджет значительной прибыли”²⁴⁴.

Из документов явствует, что к 1922 году новые хозяева отобрали или намеревались отобрать 254 строения, принадлежавшие ранее 170 владельцам. Во всяком случае, списки домов и бывших их владельцев были утверждены президиумом архангельского губисполкома 16 июня 1922 года и срочно направлены на санкцию в НКВД.

Однако процесс конфискации основного богатства, нажитого десятилетиями труда порой не одного поколения той или иной династии домовладельцев, оказался далеко не таким гладким, как это представлялось вдохновителям кампании. В центральные и местные органы власти посыпался поток заявлений и жалоб на незаконный характер действий властей. Последние изворачивались, отказываясь от рассмотрения просьб жалобщиков. Они ссылались при этом на то, что в результате конфискации и муниципализации 391 семья нуждающихся жителей города улучшила свои жилищные условия²⁴⁵.

ВЦИК и Наркомат внутренних дел действовали более гибко. Они, несмотря на категорические и неоднократные требования губисполкома, отказались утвердить списки, составленные в Архангельске. Тем более что начиналась новая экономическая политика, когда частная собственность на многие объекты стала поддерживаться властями

После некоторых раздумий и указаний сверху была принята новая формула: “на одно лицо может быть оставлено во владении не более одного дома”.

Руководствуясь этим положением, городские органы вынуждены были срочно вернуть обратно значительную часть домов. В числе других получили обратно свои дома Б. Пец, семья Лейцингеров, В. Патрушев и ряд других²⁴⁶.

Обобщенный документ о возврате строений сохранил колоритные подробности злоупотреблений во время массовых конфискаций.

Так, например, против фамилии Чесноковой, дом которой стоял на улице Поморской, значилось: “Дом возвращен ввиду того, что муниципализирован единственный дом, и сыновья Чесноковой служат на различных фронтах Красной Армии”.

Б. Пecu возвратили дом потому, что “в данном случае отобран единственный дом незначительной ценности и принят во внимание преклонный возраст владельцев”²⁴⁷.

Помимо жилых домов, в 1920 году были национализированы 32 церковных здания. Среди них оказались Троицкий кафедральный собор, Троицко-

Кузнечевская церковь, четыре строения были отобраны у Евангелического общества. По одному-двум – у римско-католического, еврейского и магометанского обществ. По поводу этих помещений нередко разгорались жаркие споры.

3 июня 1920 года отдел коммунального хозяйства исполкома получил прошение общины Сурского подворья. Под документом стояли подписи 50 сестер. Ссылаясь на то, что все они живут коммуной и служат в церкви, к которой примыкают до четырех тысяч верующих, сестры просили не выселять их из помещения.

Исполком провел экстренное заседание. Отметив, что “пролетариат, стоящий у власти, не может допустить, чтобы его орган, коим является губернский Совет профсоюзов, помещался бы в здании, не соответствующем его нуждам и высокому положению”, постановил: “изъять здание Сурского подворья из ведения коллектива верующих”²⁴⁸. Последним была оставлена в распоряжение лишь утварь, а помещение пришлось освободить.

Но поистине удивительный акт был предпринят властями по отношению к зданиям богаделен.

...Еще в 1891 году известный архангельский купец, Потомственный почетный гражданин Павел Афанасьевич Булычев, сын основателя Северодвинского пароходства, подал прошение в городскую думу о разрешении построить при городском кладбище в Кузнечихе, в память о его покойной жене Вере Егоровне, каменное здание богадельни “для престарелых и убогих женщин всех сословий” на 50 мест с хозяйственными службами, огородом и садом.

Городская дума выделила Булычеву пустопорожный участок земли площадью 5460 квадратных сажень “в вечное и бесплатное пользование исключительно под устройство им благотворительного заведения”²⁴⁹. 25 лет престарелые и убогие женщины всех сословий пользовались этим помещением.

Новая власть решила по-своему: 26 марта 1920 года исполком городского совета рассмотрел вопрос о передаче Булычевской богадельни в распоряжение лагеря принудительных работ. Предложение явилось столь неожиданным, что исполком отказал управлению лагерей, предложив ему, бараки у Соловецкого подворья²⁵⁰. Но не тут-то было. Через три дня пришлось собираться снова: просьба управления была удовлетворена, а обитателей богадельни решили перевести в Соломбальское подворье Соловецкого монастыря. Правда, через сравнительно короткий срок бывшую богадельню передали под вновь созданный сельскохозяйственный техникум. А богадельня так и осталась в Соломбале.

* * *

Конфискация собственности, начатая еще в 1918 году, продолжалась в последующий период. Так, например, в сентябре 1929 года на основании постановления ВЦИК в городе были “муниципализированы” 28 частных домов, которые, как сообщила губернская газета “Правда Севера”, принадлежали “нетрудовому элементу” и были неправильно возвращены бывшим владельцам “вследствие злоупотребления отдельных должностных лиц”²⁵¹. Факты изъятия домов имели место и в 30-е годы.

А те домовладельцы, которые сумели отстоять свои права на дома, попали в жестокую переделку. Большинство из них содержали жильцов, подселенных властями на излишнюю площадь, а, следовательно, получали плату за жилье, существуя, по понятиям той поры, на нетрудовые доходы. Эти домовладельцы автоматически лишались избирательных, а по существу и гражданских прав.

Приведу лишь один пример. 13 марта 1936 года президиум Северного крайисполкома, рассмотрев просьбу 70-летней Анастасии Александровны Бурковой о восстановлении ее в избирательных правах, единогласно отклонил ее ходатайство. Мотивировка отказа состояла в том, что Буркова является “женой и иждивенкой лишенца, бывшего крупного судовладельца”, что она живет на нетрудовой доход от дома, который ежегодно составляет 7200 рублей. Далее констатировалось, что “решением Президиума ВЦИКа от 10 февраля 1935 года ходатайство Буркова И.И. (мужа Бурковой А.А.) о восстановлении в избирательных правах отклонено”²⁵². Таким же образом власти реагировали на просьбу А.М. Ульсен, муж которой находился на службе Внешторга и выполнял в Лондоне ответственное поручение по установлению деловых отношений Советской России с Англией.

Подобным людям не выдавали продовольственных карточек, и домовладельцы должны были пользоваться черным рынком, т.е. платить втридорога за продукты питания. Таких “классово чуждых элементов”, учитывая административно-ссылных, в Архангельске в 20-е годы жило более 3500 человек.

Часть бывших владельцев, имевших иностранное подданство и выехавших за границу, пыталась позднее вступить в права наследования домами своих отцов и продать их. Так, в 1937 году норвежский консул А. Виклюнд возбудил перед исполкомом областного совета вопрос о введении в наследование домом потомков известного заводовладельца М.А. Ульсена. Однако эта попытка не увенчалась успехом: архангельские власти известили консульство о том, что покупателей дома с постройками не нашлось из-за высокой цены (владельцы просили за комплекс построек, расположенных по адресу П. Виноградова, дом 134, 50 тысяч рублей).

“Обратить в достояние республики”

²³⁶ Известия Архангельского губернского революционного комитета. 1920. 14 марта.

²³⁷ ГААО. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 322. Л.48-50.

²³⁸ См. Известия архангельского губернского революционного комитета. 1920. 25 апр.

²³⁹ ГААО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 36. Л.210.

²⁴⁰ Там же. Д. 36. Л. 65.

²⁴¹ Там же. Д. 36. Л. 26об.

²⁴² Там же. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2. Л. 11,12, 16.

²⁴³ Там же. Ф. 352. Оп.1. Д. 273. Л. 12.

²⁴⁴ Там же. Ф. 352. Оп.1. Д. 273. Л. 1.

²⁴⁵ Там же. Ф. 352. Оп.1. Д. 273. Л. 51об.

²⁴⁶ Там же. Ф. 352. Оп.1. Д. 273. Л.48-49.

²⁴⁷ Там же. Ф. 352. Оп.1. Д. 273. Л.49об.

²⁴⁸ Там же. Ф. 352. Оп.1. Д. 273. Л.38.

²⁴⁹ Там же. Ф.50. Оп. 3. Д. 545. Постановление городской Думы от 7.02. 1892

²⁵⁰ Там же. Ф.374. Оп. 1. Д. 2.Л.5.

²⁵¹ Правда Севера. 1929. 13-14 сент.

²⁵² Архив РУФСБ по Архангельской области. Следственное дело И.И. Буркова № П – 11803.

Трагедия деловых людей Севера

В архиве Регионального управления федеральной службы безопасности по Архангельской области сохранилось объемистое досье, которое касается судебных более 70 деловых людей Архангельска.

Документы дела с безжалостной достоверностью воскрешают будни той поры, когда былая классовая принадлежность становилась основой для повального упрощения жизни и создания атмосферы карательного бытия ...

Все началось с писем нетерпеливых людей, пораженных синдромом классовой борьбы. “Как же так? – спрашивал один из них у руководства губернской ЧК в начале 1921 года. – Прошел год после освобождения Архангельска, но по улицам свободно разгуливают буржуи! А ведь они все поддерживали правительство Чайковского, собирали деньги на содержание армии Миллера, служили в “Национальном ополчении”. Доноситель рекомендовал быстрее изолировать “буржуев”: посадить в тюрьму, а то и пустить “к генералу Духонину”. На крутом языке того времени последнее выражение означало расстрел.

Следует отметить, что губЧК начала активную борьбу с “контрреволюционными” элементами сразу же после освобождения Архангельска. Был предпринят ряд мер для преобразования карательных органов.

В частности, решением губисполкома архангельская губернская тюрьма была переименована в “Архангельский губернский исправительный дом”. Обосновывая эту акцию, постановление отмечало: “Слово “арестант”, как унижающее личность и достоинство человека, исключить из употребления, заменить его словом заключенный”. Постановление предписывало немедленно убрать из всех тюремных помещений икон, отменяло все прежние тюремные законы, вменяло в обязанность каждому заключенному работать по шесть часов в день²⁵³.

В первые недели после освобождения Архангельска все заключенные делились на три группы: заложники, осужденные на срок и подследственные. При этом последняя группа закреплялась за девятью различными органами. Очевидно, в зависимости от состава обвинений эти обвиняемые распределялись соответственно за комиссией Кедрова, за особым отделом губЧК, за губернской уголовной следственной комиссией, за революционным военным трибуналом Архангельской губернии и другими органами.

В короткий срок 156 арестованных были направлены в Вологду и Москву²⁵⁴.

Только за время с 1 марта по 1 октября 1920 года чекисты арестовали в небольшом городе 1644 человека, 1312 из них томились в трех лагерях принудительных работ²⁵⁵. Это означало, что в среднем ежемесячно в тюрьме или лагере оказывалось 235 человек. Согласно отчету губЧК за этот срок среди арестованных были 59 офицеров, 42 священнослужителя, 219 мещан, 642 крестьянина, 91 рабочий, 114 интеллигентов. Значительно пострадал и предпринимательский слой: среди арестованных значились 58 торговцев и “буржуа”. 148 из числа лишенных свободы, т.е. почти каждый десятый, был расстрелян²⁵⁶. В их числе, по подсчетам губЧК, были 9 заводчиков и крупных собственников и 3 торговца²⁵⁷.

Для выполнения столь масштабной акции по выявлению виновных перед советской властью время от времени производились массовые обыски населения по заранее намеченному плану, был создан осведомительский аппарат численностью в 50 человек²⁵⁸. Последние выявляли всех недовольных, доносили в губЧК, а да-

лее уже предпринимались конкретные меры. ГубЧК прибрала в свои руки часть белогвардейского архива, откуда черпались сведения о людях, которые активно поддерживали антисоветское правительство. Широко использовались с этой целью и белогвардейские газеты.

Летом 1920 среди других были обвинены в причастности к антисоветскому заговору и расстреляны 14 человек, среди них видные архангельские предприниматели братья В.И. и С.И. Коржавины, подрядчик Ф.А. Пермяков, пароходовладелец Д.Н. Бугаев, а также П.И. Митрофанов, братья М.В. и П.В. Починковы²⁵⁹.

Бывшие предприниматели лишались не только имущества и подвергались угрозе быть арестованными. Они лишались и права на работу. В отчете губЧК за период с 1 марта по 1 октября 1920 года отмечалось, что в это время главная работа губернских чекистов была направлена на “проверку и изъятие бывших владельцев и совладельцев торгово-промышленных предприятий во всех отделах губСНХ и ему подведомственных учреждений”. В ходе этого «исследования» было выявлено 66 человек, 8 из которых были немедленно отстранены от должности. Было принято решение о том, что все бывшие “буржуи”, которые не имеют согласия центральных органов власти, должны быть немедленно уволены с работы²⁶⁰.

Эта работа продолжалась и позднее. Так, в 1923 году в результате проверки служащих треста Северолес было выявлено 68 человек, подлежавших немедленному увольнению по “чистке”. Среди них Н.Г. Мерзлютин был уволен как “подозрительный”, А. дес Фонтейнес – как “контрреволюционер”, Н. Володин – как “выступавший против Советской власти” и т.д.

Одним словом, репрессивный аппарат быстро набил руку на разоблачении различных врагов советской власти, появились люди, помогавшие чекистам разоблачать эту категорию лиц. Секретный сотрудник (“сексот”) по кличке Писарь собрал мнения бывших работников известного купца, потомственного почетного гражданина Я.А. Беляевского. Один из них задавал вопрос: “Скоро ли нашего бывшего хозяина – ярого белого гада заберут”? Другой, проявляя такое же нетерпение, показал, что у Беляевского хранится оружие²⁶¹.

Последовала руководящая резолюция “собрать необходимые сведения”. Быстро распухало дело: в него подшивались документы о составе торгово-промышленного союза, о национальном ополчении, а также обо всех, кто жертвовал от фирмы или лично средства на содержание белой армии.

Хорошо знакомые имена и фамилии в основном бывших лесопромышленников: М.А. Ульсен, Я.А. Беляевский, братья Перешневы, Макаровы, Мерзлютины...

К этому времени торгово-промышленное сословие в Архангельске, как и во всей России, было уже уничтожено. Список, подшитый в деле, свидетельствует о горькой участи северных предпринимателей: купцов, заводчиков, содержателей гостиниц, лавок, ларьков и кухмистерских.

..Бушков Георгий Васильевич, бывший владелец магазина золотых и ювелирных изделий, чинил часы в мастерской коммунального хозяйства.

Коннохов Григорий Борисович, имевший некогда кожевенную торговлю, работал рядовым закройщиком.

Заворохин Никифор Павлович, держатель бакалейного магазина, трудился кладовщиком.

Представитель известного купеческого рода Макаровых Фантин Васильевич, владевший раньше крупным магазином по продаже бакалейных и жестяных товаров и пятью домами, сидел у кассового аппарата.

Ившин Николай Федорович, бывший владелец пароходства на Ваге и двух домов в Шенкурском уезде, работал в отделе снабжения губернского лесного комитета.

Сереброкамень Авраам Александрович владел до революции ювелирным магазином, при котором имелись часовая и ювелирно-граверная мастерские. Постоянно публиковавшаяся им в архангельских газетах реклама извещала: “При магазине всегда большой выбор часов, золотых, серебряных и бриллиантовых вещей, граммофонов, патефонов и пластинок”. В момент вызова в губЧК бывший владелец магазина служил в конторе губметалла мастером по ремонту пишущих машинок.

Этот список можно продолжать очень долго. В общей сложности было выявлено до 150 жертвователей на Заем Доверия и в 5-миллионный фонд командования белой армией. Напротив абсолютного большинства фамилий значится краткая фраза: “В настоящее время ничего не имеет”.

* * *

Что же представлял собой Архангельский торгово-промышленный союз до октября 1917 года, какие преступления совершили его члены в период пребывания на Севере интервентов?

Архангельские деловые люди, как и торгово-промышленное сословие всей России, довольно рано стали создавать объединения для защиты своих интересов. Первой попыткой организации подобного рода явилось образование в городе коммерческого общества. Устав его был утвержден еще в 1858 году. Это общество объединило в основном жителей Немецкой слободы. В 1868 году русские предприниматели создали свой “Русский соединенный клуб”. В составе 50 учредителей этой организации были купцы Е.А. Плотников, В.Ф. Браванов, мещане И.А. Филин, Н. Песошников, М. Соболев, крестьяне Д. Морозов, С. Тарасов и другие²⁶².

В 1906 году в Архангельске возник союз лесопромышленников, который возглавляли М.А. Ульсен, а затем Е.И. Шергольд. И, наконец, в 1917 году родился “Архангельский губернский торгово-промышленный союз”. Он ставил своей целью “оказание взаимопомощи, охранение и защиту экономических интересов, а равно и правового положения торговцев и промышленников города Архангельска и Архангельской губернии”²⁶³. Председателем Совета союза был избран видный предприниматель М.В. Перешнев, а управляющим делами – И.И. Данишевский.

Постепенно союз объединил в своих рядах более 100 человек, причастных к бизнесу. Большинство из них и привлекались к ответственности по упомянутому “делу”.

Первоначальный замысел руководства губЧК был, по-видимому, весьма масштабным. Во всяком случае, сеть расставлялась довольно широко: “дело” хранит краткие протоколы первичных допросов более 60 архангельских бизнесменов. Список привлеченных постепенно разрастался. В него были включены не только члены торгово-промышленного союза, но и те предприниматели, которые призывались во времена Миллера в национальное ополчение, жертвовали деньги на “Заем доверия” и в фонд белой армии. Собирая необходимые сведения, следователи широко использовали белогвардейскую прессу и частично архивные документы.

На первый взгляд, вина допрашиваемых была несомненна. Они входили в число тех, кто собрал более 4 млн. рублей на “Заем доверия”, кто вносил деньги в 5-миллионный фонд командования белогвардейской армии.

...10 августа 1919 года на общем собрании торгово-промышленного союза, проходившего под председательством И.Е. Володина, было принято единогласное решение: “В течение недели собрать среди имущего населения и передать в распоряжение Главнокомандующего 5 миллионов рублей по возможности денежными знаками. Мобилизовать весь торгово-промышленный класс, независимо оттого состоит то или иное лицо в торгово-промышленном союзе, способное носить оружие”²⁶⁴.

В деле фигурирует и список лиц, оказавших помощь населению Пинежского уезда, который был освобожден на короткий срок от большевиков. Для этой цели, в частности, А.А. Плюснин внес 10, Володины – 50, Я. Беляевский – 5 тысяч рублей²⁶⁵.

Но следователи вскоре убедились в том, что это лишь видимая сторона “преступления” архангельских предпринимателей.

Два момента привлекают внимание при анализе документов, проливающих свет на истинное положение дел.

Все состоятельные люди выделяли средства из своих капиталов не по своей воле. Требуемая для властей сумма была разверстана сверху, и сбор средств производился под жестким давлением органов белогвардейской власти. Крупные фирмы сравнительно быстро нашли деньги. По 400 тысяч рублей выделили фирмы братьев Вальневых, Чудинова, Русанова – сына, по 250 тысяч – фирмы Шалита и Фонтейнеса. Многие владельцы заводов внесли по 50, 30 и 25 тысяч. В общей сложности на “Заем доверия” пожертвовали деньги 123 человека на сумму 4 254 500 рублей. 149 человек внесли средства в 5-миллионный фонд командования белой армией.

Мелкие же бизнесмены, как правило, не смогли внести нужных средств. Некоторые из них ограничились половиной, а то и четвертью положенного им вноса. Во время следствия все они в один голос заявили о том, что деньги “взимались по обложению в приказном порядке”.

“Жертвование было не добровольным, а принудительным”, – сообщил следователю бывший купец А.М. Тердунов. Далее он поведал о том, что, получив извещение об уплате 10 тыс. руб., немедленно направил письмо об отказе от уплаты, и только после двукратного напоминания он внес три тысячи рублей. Он считал себя совершенно невиновным²⁶⁶.

Уместно отметить, что средства, собранные белыми властями, были лишь каплей в море. Содержание армии, быстро распухавшего аппарата чиновников требовало все новых и новых источников финансирования. И тогда генерал Миллер, опираясь на армейские штяки, встал на путь конфискации частной собственности – насильственного изъятия у всех бизнесменов иностранной валюты.

В упоминавшемся выше приказе от 29 октября 1919 года генерал объявил о том, что лица, не сдавшие валюту в намеченные сроки, будут подвергнуты лишению всех прав состояния, конфискации имущества и ссылке на каторжные работы сроком от 4 до 6 лет. Дела подобных людей подлежали рассмотрению в военном суде²⁶⁷.

И это не были пустые угрозы. В разделе “В период интервенции” подробно описаны меры, которые предприняли власти для изъятия валюты у предпринимателей, а также о реакции последних на эту акцию.

Губернское руководство торгово-промышленным союзом, наученное горьким опытом, решительно выступило против политики белогвардейского правительства и хозяйничанья иностранной военщины²⁶⁸.

Знакомясь с делом торгово-промышленного союза, невольно думаешь о трагической судьбе деловых людей Севера. В 1918 году советская власть отобрала у судовладельцев морские и речные суда, конфисковала десятки жилых домов. Этим же людям безжалостно грабил генерал Миллер.

После установления советской власти в 1920 году многие бизнесмены Севера оказались в губернской тюрьме. Как уже отмечалось, более трех месяцев, в частности, томились в ней летом 1920 года наиболее крупные представители архангельского делового мира Яков Андреевич Беляевский и Мартин Абрамович Ульсен. И вот в начале 1921 года чекисты пытались по существу довести до конца дело, начатое охранкой Миллера, и вновь примерно наказать бизнесменов, но уже за то, что они помогали белогвардейскому режиму бороться с советской властью.

* * *

Масштабная акция, предпринятая губЧК против торгово-промышленного союза, была внезапно прекращена. Из документов, собранных в деле, неясны, однако, причины этого поспешного шага.

Решающее значение, видимо, имел тот факт, что расследование началось в момент введения новой экономической политики, оживления частного и иностранного капитала, попыток создания на Севере зарубежных лесных концессий. И в этой ситуации масштабные репрессии против бывших деловых людей являлись делом попросту абсурдным. Следствие спустило на тормозах, ограничившись подпиской о временном невыезде из Архангельска. Некоторые из числа привлеченных к дознанию были немедленно мобилизованы на работу. Часть из них поступала на службу добровольно. Архангельские промышленники Я. Беляевский и М. Ульсен стали работать в архангельском отделении Внешторга и вскоре по специальным командировкам выехали в Лондон для налаживания торговых отношений с Англией.

Многие из бывших купцов, оказавшись в непривычной для себя ситуации, испытывали острую нужду. Очень показательной с этой точки зрения была судьба совладельца известного на всем Севере торгового дома “Х. Манаков и К^о с сыновьями” Христофора Николаевича Манакова. Некогда эта фирма имела большую кондитерскую фабрику, основной капитал которой составлял 150 тысяч рублей. На ней трудилось до 100 рабочих и служащих²⁶⁹.

Основатель фирмы родился в 1867 году в Великоустюжском уезде и до 1900 года был крестьянином. Окончив земскую начальную школу, Манаков с 12 лет служил мальчиком: 2 года бесплатно и один год за 5 рублей. Много лет потребовалось для того, чтобы бывший крестьянин стал купцом и завел большое дело. Во время антисоветского переворота в Архангельске Манаков оказался в Великом Устюге и был арестован там как заложник.

После освобождения Архангельска он стал ведать коммерческой частью Северо-Беломорского отдела госторга в архангельском отделении Внешторга. Это был солидный пост, дававший возможность его главе заключать самостоятельные сделки. Между тем, заработная плата Манакова была слишком мала, чтобы обеспечивать семью, которая состояла из 10 человек. В архиве сохранилось заявление бывшего купца на имя заместителя наркома Внешней торговли М.И. Фрумкина с просьбой о повышении ставки и ходатайство об этом со стороны руководства отделения. Тот и другой документ, написанные в июле 1923 года, характеризуют не только материальную сторону дела, но и отражают понимание купцом своей роли в прошлом и настоящем Севера, а также и оценку его труда людьми, под ру-

ководством которых бывший купец стал работать в первые годы советской власти.

Оглядываясь на свое прошлое, Христофор Николаевич писал: “Благодаря 40-летнего упорного самостоятельного труда на Севере я создал крупное торгово-промышленное дело и установил среди друзей и противников признанное имя честного делового человека”.

Убеждая столичного чиновника повысить зарплату, он продолжал: “Я не имею ни малейшего желания откладывать на черный день, т.к. старость свою я вверяю своим любимым детям. Но теперь я хочу иметь такой заработок, чтобы они в числе семи человек, не заботясь о куске хлеба, спокойно могли отдаться делу своего образования. Моя единственная последняя мечта – видеть своих детей с законченным образованием, обладающими теоретическими и практическими знаниями, готовыми честно трудиться на благо народа и принести ему наивысшую пользу...”

Мне кажется, что, передав власти, продукт своего 40-летнего весьма продуктивного труда, выраженного в имуществе, домах, фабрике и товарах на очень значительную сумму и теперь отдавая ей последнее – многолетний опыт, я вправе получить за это такое вознаграждение, чтобы я мог существовать по-человечески, и чтобы мои дети могли закончить образование...”

Манаков, учившийся только три года, гордился тем, что, будучи старостой Архангельского купеческого общества, смог добиться “устройства в Архангельске среднего политехникума”, считал это событие “венцом и концом своей деятельности в деле народного просвещения”.

Руководство архангельского отделения Внешторга полностью поддержало просьбу Х.Н. Манакова, отметив, что он представляет “громадную ценность как работник, в полной мере отдает ... свой многолетний опыт”²⁷⁰.

Мне не удалось выявить сведений об итогах хлопот купца. Но письмо обнаруживает его внутреннее достоинство, убежденность в том, что он не напрасно прожил свою жизнь. Манаков по праву гордился своими прошлыми делами, выше всего ценил долг перед отечеством, заботился о своих детях.

Несмотря на заслуги перед советской властью, “грехи” членов торгово-промышленного союза не были забыты. Многие из предпринимателей испили горькую чашу возмездия со стороны советской власти чуть позже – в конце 20-х - начале 30-х годов. Семьи всех подследственных вплоть до 1936 года были лишены избирательных прав, а главы некоторых из них по тем или иным причинам подвергались аресту.

Репрессивный аппарат губернии обрушил волну наказаний не только на бывших представителей буржуазии. Помимо губЧК действовал губернский революционный трибунал. О размахе его работ свидетельствует тот факт, что за 1920–21 гг. он рассмотрел 468 дел.

И этот орган действовал по наводке стукачей. Одной из первых жертв трибунала явился известный капитан Мурманского пароходства, 57-летний Федор Михайлович Вальнев. Некий М. Ермилов со старанием, достойным лучшего применения, сообщал в “компетентные органы” о том, что надо “срочно произвести обыск” у Вальнева, т.к. у него хранятся вещи бывшего прокурора Северной области, бежавшего вместе с генералом Миллером.

В результате обыска было установлено, что капитан располагал большим “богатством”: у него обнаружили 9 фунтов мыла и 25 пачек спичек. Вальнева арестовали. Доносчик, участвовавший в обыске понятым, не успокоился и требовал более тщательной проверки, т.к., по его мнению, “мыла должно быть больше”.

В дело вмешался известный полярный исследователь Р. Самойлович, обратившийся в компетентные органы со срочным прошением. “Капитан Ф.М. Вальнев, – писал он, – известный своей опытностью моряк и знаток Русского Севера, является заведующим всей морской частью Северной научно-промысловой экспедиции, имеющей общегосударственное значение”. Он просил немедленно отпустить Вальнева на свободу, чтобы “дать ему возможность закончить лежащую на нем работу”. Просьба возымела действие – капитан был выпущен из тюрьмы. А в конце года дело прекратили ввиду амнистии в связи с очередной годовщиной Октябрьской революции²⁷¹.

Жертвами трибунала были все категории населения области: женщины, купцы, но главным образом крестьяне. Судили за невыполнение государственных гужевых нарядов, потом за незаконный убой скота и укрывательство хлеба, хищение муки и дезертирство, за неуплату налогов, за службу в белой армии и контрреволюционную деятельность.

Наказывали тоже по-разному. Начинали с малого – с общественного порицания, затем последовали ужесточения: различные сроки общественных бесплатных работ, заключение в лагерь принудительных работ, ссылка в Соловецкий лагерь. За это время суд вынес два смертных приговора: крестьянину П.Я. Рочеву “за предательство красноармейцев и службу в белой армии” и А.П. Костромитиновой за участие в деятельности женского патриотического союза²⁷².

... Лишь 71 год спустя все проходившие по упомянутым “делам”, а также осужденные революционным губернским трибуналом, были реабилитированы “за отсутствием в их действиях состава преступления”.

Примечание: Естиве экспертов для налаживания торговли с Англией.

²⁵³ ГААО. Ф. 215. Оп. 3. Д. 6. Л. 4.

²⁵⁴ Там же. Д. 37. Л. 14, 14об, 15.

Трагедия деловых людей Севера

²⁵⁵ ГААО. Ф. 215. Оп. 3. Д. 38. Л. 1-1об.

²⁵⁶ Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области (ГАОПДФАО). Ф.1. Оп. 1. Д.67. Л. 85об.

²⁵⁷ В 1921 г. один из главных руководителей репрессивной политики в Архангельске М. Кедров издал пьесу: “Три года: (опыт социальной драмы): Из эпохи гражд. войны, 1918–1920: В 5 д. М.: Госиздат, 1921”. Брошюра является апологией террора против буржуазии Севера. Один из ее героев, некто Г. Твердов, член ревкома, обращаясь с балкона к народу, среди которых была группа арестованных, в том числе и его отец, огласил смертный приговор осужденным, приказав немедленно привести его в исполнение.

²⁵⁸ ГАОПДФАО. Ф.1. Оп. 1. Д. 66. Л. 37.

²⁵⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1 Д. 67. Л. 88.

²⁶⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67. Л. 90.

²⁶¹ Архив РУФСБ РФ. Д. 1629. Л. 174.

²⁶² ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т.1. Д. 1052. Л. 8,9,12 и др.

²⁶³ Устав Архангельского губернского торгово-промышленного союза. Архангельск, 1917. С. 3.

²⁶⁴ Русский Север. 1919. 13 авг.

²⁶⁵ Архив РУФСБ РФ по Архангельской области. Д. 1629. Л. 24.

²⁶⁶ Там же. Л.295.

²⁶⁷ Вестник ВПСО. 1919. 2 нояб.

²⁶⁸ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 113–118.

²⁶⁹ ГААО. Ф. 567. Оп. 2. Д. 398. 1–20.

²⁷⁰ Там же. Л. 20.

²⁷¹ Там же. Ф. 2071. Оп. 1а, Д. 23. Л. 3–25.

²⁷² Там же. Ф. 2071. Оп. 1а, Д. 73.

Часть вторая

Портреты

северных негоциантов

Купцы гостиной сотни Баженины. – Адмиралтейский комиссар Избрант. – Негоцианты Поповы. – Купец Ксенофонт Анфилатов. – Русский норвежец Ульсен. – Деловые люди уездов. – “Торговый дом Андрей и Яков Беляевские”. – У Макарова Якова дела было всякого. – Поморский лишенец. – Лесопромышленник Андрей Чудинов. – Основатель целлюлозного производства на Севере Альберт Сурков. – Первые кооператоры Севера. – Купеческие завещания. – Меценаты и благотворители. – Заключение.

Купцы гостиной сотни Баженины

Писать о прославленном роде холмогорских предпринимателей Бажениных почти дерзость. О них пишут уже 300 лет. Своеобразную лепту в его историю внес даже Петр I, подписав ряд пространных указов о даровании щедрых льгот создателям Вавчужской корабельной верфи. Имена купцов Бажениных вошли во многие энциклопедические справочники, они запечатлены на страницах трудов российских и архангельских историков: С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, В.В. Крестинина, С.Ф. Огородникова и многих других.

Но писать книгу об архангельском купечестве и ничего не сказать о знаменитых поморах – непростительная ошибка. Постараемся хотя бы кратко напомнить читателям о жизни и деяниях некоторых представителей этой именитой фамилии.

По преданию, род Бажениных вел свое происхождение от новгородца Симеона, бежавшего на Север в 1570 году после жестокого погрома Новгорода Иваном Грозным. Сын Симеона Федор и внук Кирилл посвятили себя служению церкви. Первый был даже одно время игуменом Архангельского монастыря (под именем Филарета), а Кирилл исполнял обязанности дьякона холмогорского Преображенского собора, некоторое время служил в Московской придворной церкви. На склоне лет он вернулся на родину, в Холмогоры.

Предпринимательским делом в роду Бажениных первым занялся Андрей Кириллович (родился в 1640 году). Он достиг заметных успехов в своей деятельности. Удачному бизнесу его в немалой степени способствовала выгодная женитьба на дочери местного предпринимателя Григория Попова, отдавшего за ней в качестве приданого деревню Вавчугу, расположенную в 83 верстах от Архангельска и 13 – от Холмогор. Здесь издавна существовала мукомольная мельница, сооруженная стрельцами. Потомок новгородца занялся торговыми делами и стал известным на Севере купцом.

Всероссийская слава удачливых предпринимателей связана с именами сыновей Андрея Кирилловича – Осипа и Федора. Эти люди явились подлин-

ными новаторами, сумевшими решить две принципиально важные задачи общегосударственного значения: соорудить первое в России частное лесопильное заведение и основать свою судостроительную верфь.

Как сообщали позднее в своей челобитной от 26 января 1700 года Осип и Федор Баженины, получив наследство, они силами местных крестьян “в родовой вотчине в деревне Вавчуге построили с немецкого образца водяную пильную мельницу”, на которой “тес раздирали, и к Архангельскому городу привозили и продавали и за море отпускали”²⁷³.

Решение этой проблемы происходило в сложной ситуации. Суть ее состояла не только в сложности сооружения мельниц, но и в появлении влиятельных конкурентов. В частности в 1692 году переводчик посольского приказа Андрей Крафт получил двадцати летние привилегии на устройство в России пильных заводов. Усмотрев в делах Бажениных своих конкурентов, он обратился к царю с жалобой о нарушении привилегии.

Петр посмотрел на дело иначе. Выявив, что мельницы Бажениных существовали еще до 1692 года он 10 февраля 1693 года дал на имя Осипа Баженина жалованную грамоту, в которой указал: “мельницами в Двинском уезде, в старинной его деревне Вавчуге построенными и заводами владеть, а на тех мельницах хлебные запасы и лес растирать и продавать в Холмогорах и у Архангельска города русским людям и иноземцам, а с отпускаемых в море досок платить пошлины по 26 алтын по 4 деньги со 100 досок”

Судя по дошедшим описаниям, баженинские пильные мельницы представляли собой сложное по тем временам техническое сооружение. На них имелись пилы с подъемными приспособлениями, семисаженные сани с железными полозьями для распиловки бревен на доски, ворот для подъема древесины и многое другое.

Важным толчком для расширения начатого дела сыграло посещение Вавчуги Петром I в 1693 и 1694 гг. Как писала газета “Архангельские губернские ведомости”, царь во время первого посещения Вавчуги “в пылу увлечения к преднамеренному благу, забыв величие и важность царского сана, в беседе простой и откровенной со вниманием слушал разумных Бажениных, одобрял предположения и, со свойственным ему жаром, поощрял их на задуманное дело; при расставании же с ними дал им верное царское слово: “исполнить их просьбу неотложно и с лихвою”. Вскоре Петр I даровал предприимчивым братьям ряд льгот, в частности разрешил вырубать ежегодно до 4000 годных для кораблестроения деревьев.

В течение короткого времени Баженины соорудили парусный завод, кузницы, наладили производство канатов. 26 января 1700 года, чувствуя поддержку царя, братья обратились к нему с новой челобитной, испрашивая разрешения “у того своего заводу строить из тех досок корабли и яхты, для отпуску тех досок и иных русских товаров за море, дабы в нашей Великого Государя Державе то корабельное строение множилась”²⁷⁴. Свой замысел братья обосновывали тем, что “за дорогим корабельным наймом” их лесопильное производство остановилось: “от городских ярмарок того тертого лесу за продажею остается многое число”²⁷⁵.

Кроме того, Баженины обещали царю использовать свои корабли “для отвозу ...государевой казны хлебных запасов и вина в Кольский острог и для посылки на море китовых и моржовых и иных зверей промыслов”.

2 февраля 1700 года в свет появилась “Жалованная грамота гостям Бажениным на заведение пильной мельницы и корабельного строения”. Документ этот чрезвычайно обстоятелен. В нем полностью изложено содержание челобитной Осипа и Федора Бажениных от 26 января 1700 года. Это была не только просьба, но по сути своей и обширный план действий холмогорских купцов. Эта программа “пришлась по душе царственному моряку”²⁷⁶.

Петр I, отметив “усердное и радательное отношение” купцов “к корабельному строению”, удовлетворил все просьбы Бажениных. Своим Указом царь повелевал решить семь основных проблем, постановка которых свидетельствовала о широте понимания северянами своих задач, имевших в то время общероссийское значение.

Во-первых, указ предписывал купцам “в вотчине своей у водяной пильной мельницы, для отпуску от города Архангельского и за море указных товаров, корабли и яхты строить иноземцами и Русскими мастерами повольным наймом из своих пожитков;

во-вторых, Бажениным разрешалось “принимать и держать свободно шкиперов, штурманов и матросов как из иноземцев, так и из русских, которые “похотят у них на кораблях для науки морской службе быть”;

в-третьих, людей любого звания, принятых Бажениными на свою верфь, воеводам и бургомистрам “к иным делам никуда отнюдь не иметь”;

в-четвертых, царь разрешал держать на готовых кораблях “для опасения от воровских людей пушки и зелье”;

кроме того, Указ разрешал купцам ввозить беспошлинно из-за моря все нужные для корабельного дела припасы;

поскольку Баженины в своей челобитной жаловались на то, что Осип Андреевич выбран гостиною сотней и послан в Кольский острог бургомистром, Петр I указал, чтобы впредь Бажениных в государевы службы не посылать.

В документе содержалось еще одно важное положение: царь выразил надежду на то, что “усердному радению в корабельном строении за Бажениными последуют иные всяких чинов люди и будут также верно, как они радение свое обретать и служить”²⁷⁷. Уместно подчеркнуть еще один момент: жалованная грамота давалась не только Осипу и Федору, но и их детям, которые могли пользоваться теми же льготами. Потомки Бажениных не раз ссылались на этот документ.

Царское разрешение совпало со временем начала длительной войны со Швецией, когда возросла роль Архангельска, к которому потянулись иноземные корабли, когда в большом количестве потребовался строительный материал для укрепления торгового порта. Баженины в то время были первыми в лесопильном деле и не имели равных себе. В 1702 году, например, Осип Андреевич продал казне 3662 доски, или в 4,5 раза больше, чем его архангельский конкурент, иностранец Андрей Стейлс. Масштаб его сделок ярко характеризует сохранившаяся в приказных делах запись: “Гостиной сотни у Осипа Баженина тертого длинного и средней и меньшей меры отпущено на Двинку и в Мурманское устье и взято на постройку мостов и пристаней многое число; да его ж тес брали Преображенского полку солдаты днем и ночью на постройку судов многое ж число”²⁷⁸.

Торговля с иностранными государствами на собственных судах была связана с большим риском. Баженины не раз терпели неудачи: теряли свои корабли, из-за погодных условий нередко портился товар, в особенности хлеб.

Большой ущерб нормальному развитию торговли первопроходцев русской заморской торговли наносили каперы – морские пираты.

Так, первый корабль “Св. верховный апостол Андрей Первозванный”, сооруженный на верфи Бажениных, был захвачен и ограблен французами. Второй – “Святой и славный пророк и креститель Господен Иоанн” – пропал без вести по пути в Голландию. В 1707 году их вновь постигла беда: по пути из Лондона в Архангельск корабль холмогорцев был захвачен французской эскадрой, а команда высажена на остров Кильдин. За короткий срок, таким образом, два корабля погибли, а два стали жертвами пиратов.

Федор Андреевич определил потери фирмы в 41 200 руб., справедливо отметив при этом, что братья “немалые свои пожитки истеряли”²⁷⁹.

Но купцы не бросали внешнюю торговлю, пытались даже организовать “мореходные компании”. В 1710 году, например, они отправляли хлеб вместе с Яковом Неклюдовым и каргопольским купцом Михаилом Марковым в “Дацкую землю”²⁸⁰. В 1715 году из Архангельска вместе с другими вышло в дальнее плавание пять кораблей холмогорцев.

Потомки Бажениных, несмотря на все превратности судьбы, сохраняли внешнеторговые связи до конца XVIII века. Можно лишь только удивляться жизнеспособности и энергии замечательных северян.

Примеру предприимчивых поморов последовали другие архангельские и российские купцы. Устойчивые связи с европейскими странами имел выходец из холмогорской земли Никита Саввич Крылов, баженинский зять – создатель Быковской судостроительной верфи в Архангельске. В 60-е годы коммерческие связи с государствами Европы на своих кораблях поддерживали торговые дома Дениса Баженина, Антона Бармина, Семена Бусинова, Никиты Крылова, Алексея и Ивана Курочкиных. А в конце упомянутого века треть состава из 37 купеческих семей отправляла товары за границу на собственных кораблях²⁸¹.

Что же представляли собой корабли, сооружавшиеся на баженинской верфи? В 1702 году со стапелей купеческой верфи сошли два упомянутых выше первенца: “Св. верховный апостол Андрей Первозванный” и “Святой и славный пророк и креститель Господен Иоанн”. Это были весьма внушительные торговые суда длиной более 130 футов и шириной 30 футов²⁸².

О значении этого события в отечественном кораблестроении свидетельствует тот факт, что Петр Великий в июне 1702 года лично участвовал в спуске этих кораблей. А один из царских сподвижников выразил надежду на то, “чтоб лутче то строение ко обучению умножилось”²⁸³.

Яркое представление о размерах фрегатов, их оснащении и составе команд Баженины дали в прошениях на имя царя в 1712 году. На одном из них было 24 пушки и команда из 37 человек, на другом – 34 орудия, 70 “корабельных служителей” и 20 “навигаторов”. Сооружение первого фрегата обошлось в 9 тыс. руб., а стоимость второго с грузом Баженин оценил в 22 тыс. руб. В прошении упоминался и такой важный и приятный для царя факт: в рейсе в Англию плавали 30 солдат “для науки морские службы”²⁸⁴.

Умение вавчужских корабелов скоро по достоинству оценили иностранные фирмы. И Баженины стали строить корабли не только для собственных потребностей, но и для продажи как русским, так и иностранным купцам. Английские коммерсанты Самуил Гарцын и Рафаил Робинзон отдавали предпочтение баженинским судам перед другими судопромышленниками

Севера. В 1711 году для них Баженины построили три гукора для отправки в Англию с грузом пеньки²⁸⁵.

В 1725 году на Вавчугской верфи были выстроены три казенные китоловные судна (Валфиш, Груманд-Фордер, Грот-Фишер), которые в том же году ушли на промыслы.

За время существования Вавчужской верфи предприимчивые поморы спустили на воду до 120 торговых и промысловых кораблей грузоподъемностью от 15 до 400 ластов: флейтов, галиотов, пинков, лихтеров и гукаров²⁸⁶.

Петр I, хорошо понимая важность для России начатого Бажениными дела, всячески отличал их и жаловал. Еще в 90-х годах царь, наряду с упомянутыми выше привилегиями, пожаловал зачинателя дела Осипа Андреевича званием корабельного мастера.

Не меньшее царское внимание к себе чувствовал Федор Андреевич. В 1711 году он, очевидно, не без ведома царя, был назначен после смерти обрусевшего иностранца Е.Е. Избранта экипажмейстером Соломбальской верфи. С открытием в 1723 году городского магистрата царь утвердил выбор архангеологородцев Федора Баженина в президенты.

После смерти Федора Андреевича в 1726 году осталось четверо сыновей, младший из которых Никифор (родился в 1701 году) продолжил дело своих предков. Он, будучи искусным токарным мастером, состоял одно время даже при личной токарне царя.

Одним из самых заметных продолжателей рода был Иван Никифорович (родился в 1733 году). Получив образование в Голландии, он владел иностранными языками, был не чужд литературных и художественных интересов. По семейным сведениям, от него остался альбом рисунков, писанных в 1755 году цветными карандашами, тушью и акварелью.

Длительное время Иван Баженин, как и его дед, был президентом архангельского магистрата. Подпись его значится первой среди подписей 185 архангельских купцов, поставленных под знаменитым “Наказом жителей города Архангельска в Екатерининскую законодательную комиссию”. С его именем связано решение ряда важных общегородских и в особенности купеческих дел. В частности, он был один из инициаторов ликвидации монополии на торговлю звериным салом и рыбой. Ему пришлось претворять в жизнь грамоту 1775 года о разделении архангельского посада на купечество и мещанство.

В 1861 году в Архангельске умер внук Ивана Никифоровича Никифор Степанович, последний представитель мужского рода Бажениных²⁸⁷. За его смертью прекратился и род Бажениных.

Многообразные сведения о деятельности Бажениных позволяют сделать некоторые выводы.

Безусловно, что главной заслугой зачинателей большого отечественного бизнеса на архангельской земле Осипа и Федора Бажениных явилось создание первого в России заведения для лесопильного производства и собственной частной судовой верфи. Им же принадлежит честь первооткрывателей торговли с заморскими странами на своих кораблях.

Верно и то, что одной из основных причин их успешной предпринимательской деятельности, наряду с недюжинными организаторскими данными и энергией, явилась всемерная поддержка царя, пожалованные им щедрые

льготы, которые позволяли купцам, несмотря на трудности и многие потери, безубыточно вести торговлю и сооружение морских судов.

Потомки Федора Андреевича решительно отстаивали свои родовые привилегии, дарованные им Петром I. История сохранила любопытный документ – письмо в главный магистрат Кирилла Никифоровича Баженина, избранного в 1745 году бургомистром архангельского магистрата. Указывая на то, что архангельское купечество и немногочисленные люди совершили это избрание по злобе на дядю и на него, Баженин просил на основе грамоты царя, дарованной в 1700 году, отменить это решение. Кирилл Никифорович ссылался при этом на то, что он постоянно живет не в Архангельске, а в Вавчуге и что они с дядей “купечества кроме ... корабельного строения почти никакого не имеют” и что отлучаться “от строения кораблей” не могут²⁸⁸. Просьба купца была удовлетворена. Царский Указ предписал “по силе означенной пожалованной грамоте от магистратского служения уволить” Кирилла Баженина и вместо него “в бургомистры выбрать другого из первостатейных и прожиточных людей достойного человека немедленно”.

Вследствие этих привилегированных условий успешное предпринимательство рода Бажениных продолжалось почти два века (от Андрея Кирилловича, начавшего свой путь в бизнесе в 1670-е годы, до купца 3-й гильдии Никифора Степановича, умершего в 1861 году).

На фоне общей истории как российского, так и архангельского купечества судьба рода Бажениных не является типичной. Обычно российская купеческая династия, как правило, продолжалась не более двух-трех поколений.

И, тем не менее, в определенном смысле в деятельности холмогорских предпринимателей прослеживается появление и быстрый рост наиболее даровитых деловых людей Поморья. Документы позволяют проследить, как потомки неграмотных и полуграмотных крестьян постепенно приобщались к науке, знаниям в кораблестроении, иностранным языкам (по крайней мере, двое из Бажениных – Иван Никифорович и Никифор Степанович получили образование за границей) и к общественной деятельности.

Купцы гостинной сотни Баженины

²⁷³ПСЗ. Т.IV. № 1749.

²⁷⁴Там же.

²⁷⁵См. Заозерская Е.И. Осип Андреевич Баженин // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 103.

²⁷⁶АГВ. 1861. 28 янв.

²⁷⁷ПСЗ. Т. IV. № 1749.

²⁷⁸Заозерская Е.И. Указ. соч. С. 104.

²⁷⁹Репин Н.Н. Торговля России с европейскими странами на отечественных судах... С. 163, 209.

²⁸⁰Репин Н.Н. Там же. С. 159.

²⁸¹Огородников С.Ф. Очерк истории Архангельска... С. 206, 244.

²⁸²См. Кротов П.А. Соломбальская верфь в начале XVIII // Архангельск в XVIII веке...С.74.

²⁸³Там же.

²⁸⁴Заозерская Е.И. Указ. соч. С. 105.

²⁸⁵Там же.

²⁸⁶См. Архангельск, 1584–1984: фрагменты истории. Архангельск, 1984. С.59.

²⁸⁷Даты жизни **Бажениных**: Осип Андреевич (1655–1723); Федор Андреевич (1663–1726); Никифор Федорович (1701–23.03.1733); Иван Никифорович (1733–1786); Никифор Степанович (1790–10.06.1861).

²⁸⁸АГВ. 1875. 26 нояб. (№ 95).

АДМИРАЛТЕЙСКИЙ КОМИССАР ИЗБРАНТ

Среди поселенцев архангельской Немецкой слободы нередко появлялись “московские немцы”. Подобным образом назывались иноземцы, которые уже длительное время обитали в столице России, но, почувствовав возможность извлечь выгоду из торговли на Севере, временно переселялись в Архангельск.

В эту категорию людей входили не только торговцы. Петр Великий привлекал некоторых иностранцев к управлению казенными заведениями в качестве комиссаров и управляющих, или, говоря современным языком, технических руководителей производства.

Так, в 1699 году на должность комиссара от Адмиралтейства на судостроительной верфи был утвержден обрусевший датчанин Елизарий Елизарьевич Избрант (Эбергер (Эверт) Избрант – Идес). Еще в 1677 году этот заморский купец стал торговать с Россией, затем переселился в Москву и принял русское подданство.

Историки, изучавшие деятельность Петра I по использованию опыта иноземцев, установили, что выбор преобразователя не был случайным.

Во-первых, прежде чем появиться в Архангельске, Е. Избрант в 1692–1695 году служил подрядчиком на сооружении судов в Воронеже. Расторопный купец сумел быстро построить три многопушечных корабля.

Во-вторых, Избрант хорошо владел русским языком. Это обстоятельство имело большое значение для общения с русскими работниками, поставщиками строительных материалов. И в то же время такой администратор мог легко договариваться с иностранными мастерами, которых привлекали для строительства кораблей.

Исследователи **далее** отмечают тот факт, что иноземцы, подобные Избранту, стали первыми из российских предпринимателей вывозить на западноевропейский рынок изделия своих производств. Для Избранта коммерция также играла весьма существенную роль.

И, *наконец*, выдвижение иностранцев на посты администраторов русских казенных заведений во многом обуславливалось личным расположением к ним Петра I. Хорошо известно, что Избрант входил в привилегированную группу жителей московской Немецкой слободы, являлся участником придворных торжеств и праздников. Петр I был на свадьбах Е. Избранта и его сестры Елизаветы²⁸⁹.

1 июня 1699 года Петр I специальным указом повелел “у города Архангельского строить четыре корабля торговых иноземцу Елизарью Избранту добровольным наймом”²⁹⁰.

К лету 1701 года под руководством комиссара удалось построить 6 кораблей, у четырех из которых известны названия: “Св. Апостол Андрей”, “Св. Апостол Павел”, “Св. Апостол Петр” и “Рычард Энжен”. Специальная комиссия высоко оценила первые флейты, сооруженные в Соломбале, отметив, что они “зделаны тверды и к водяному морскому хождению всем удобны против иных же их заморских торговых кораблей... которые строят за морем в разных государствах ...”²⁹¹.

Адмиралтейский комиссар заботился о том, чтобы сооруженные суда использовались по назначению, пригласил для ввода их в строй из-за границы необходимое число шкиперов, матросов и штурманов²⁹².

Избрант одновременно исполнял должность экипажмейстера на верфи. Эта должность обязывала его обеспечивать адмиралтейство всем необходимым: вооружением и снаряжением для кораблей, а также следить за работой мастеров и т.д. По свидетельству С. Огородникова, комиссар значительную часть зимнего времени проводил в Вологде, где закупал все необходимое для верфи и для отпуска за море.

Однако русское купечество в начале XVIII века еще не было готово к самостоятельной торговле на кораблях. Поэтому замысел Петра I создать отечественный торговый флот не был претворен в жизнь. Часть сооруженных кораблей была отдана внаем на три года иностранным купцам В. Болему, Л. Гарланту, А. Стейлсу и З. Диксу. А одно судно продали за половинную стоимость самому Избранту. Вторую половину стоимости корабля царь подарил комиссару за “радетельную и верную службу”.

Будучи управляющим государственной верфью, Избрант занялся и частным предпринимательством. Он создал в Холмогорах собственную верфь.

Современные исследователи уточнили важный исторический факт. Вопреки ранее принятому мнению, знаменитые малые фрегаты “Святой Дух” (или “Сошествие Св. Духа”) и “Курьер” (или “Скорый гонец”) построили не на верфи Бажениных в Вавчуге, а в Соломбале под наблюдением адмиралтейского комиссара Е.Е. Избранта. Как известно, эти фрегаты сыграли важную роль в истории русского флота. В 1702 году гвардейцы-преображенцы проволокли их сухопутным 170-верстным путем от поморской деревни Нюхча до Повенца, а затем под царским штандартом приняли участие в отвоевании в октябре 1702 года русской крепости Орешек, захваченной шведами в начале XVII века и переименованной в Нотебург²⁹³. Царь гордился этой победой. Переименовав Нотебург в Шлиссельбург – Ключ-город, Петр писал позднее: “Сим замком много замков отперто”.

Избрант работал на Соломбальской верфи несколько лет. Она в тот момент представляла собой казенное мануфактурное предприятие со сравнительно небольшим количеством постоянных работников. По данным П.А. Кротова, на 1 февраля 1705 года в судостроительном заведении числились корабельный мастер А. Лодормон, парусный – Клас Титхес, тиммерман Яков Пумор и более 70 русских матросов²⁹⁴.

По указу Великого государя от 19 марта 1702 года Е.Е. Избрант купил для нужд верфи ветряную пильную мельницу на Мосеевом острове. Мельница была построена голландцем Д. Артманом в 1696 году. На ней производились доски для вывоза за границу и кораблестроения. Часть материалов продавали местным жителям. Это было довольно внушительное сооружение, состоявшее из трех станов и 46 пил. У мельницы состоял на службе иноземный мастер П. Эндрин, 4 работника и 2 караульщика.

Один за другим на Банном острове появились четыре новых эллинга, мастерская, кузница с 12 горнами, дом для кузнечного мастера²⁹⁵.

Избрант ведал не только строительством кораблей. Он же в 1705 году перенес из Соломбалы на городской берег напротив Мосеева острова казенный канатный завод для производства такелажа. Завод включал целый комплекс сооружений: длинный сарай (389 м.) для прядения канатов, амбар для

складирования продукции, котлы для смоления канатов и баню для их просушивания, избы для проживания рабочих. Основную массу рабочих на заводе составляли русские, а мастерами и подмастерьями были иноземцы. Всего работало 106 человек.

Канатный завод в декабре 1706 года был передан в частное владение Е. Избранту. По указанию Ф.М. Апраксина завод снабжал верфь канатами и веревками. Через два месяца после получения в свое пользование канатного заведения Избрант просил Апраксина выдать ему указ о том, чтобы его жена и дети владели канатным заводом “безоброчно”²⁹⁶.

В течение последующих пяти лет Избрант поддерживал канатный завод в рабочем состоянии. К моменту его смерти в 1708 году на просторном дворе завода стояли три горницы, поваренная изба, семь изб для рабочих, баня, сарай и восемь смольных амбаров²⁹⁷. После кончины Избранта архангелогородский канатный завод был вновь возвращен государству. Дело в том, что на Избранте оказались большие недоимки в сумме 6000 рублей. На уплату их пошло его имущество и канатный завод²⁹⁸.

Уместно отметить, что комиссар верфи за десятилетний срок пребывания в Архангельске обстоятельно обустроил и свой личный двор. После его кончины у комиссара было “хорошего строения... десять горниц, две поваренные избы, приворотная изба да недостроенные каменные полаты, баня, два анбара, сарай, пивоварня...”²⁹⁹.

Таким образом, на примере деятельности Избранта можно проследить, как умело русский царь использовал опыт иноземных специалистов для решения практических задач и “для образования русских людей”.

Среди других иноземцев, которых Петр I привлекал к северному судостроению, были голландские мастера Питер Бас и Гербрант Янсен, Никлас Вилим и Ян Ранс, Выбе Геренс и его сын Питер, англичане Андрей Бакар, Альберт Лодорман и некоторые другие³⁰⁰.

Русский историк В.О. Ключевский, оценивая эту сторону деятельности Петра, справедливо заметил: “К иностранцам ...Петр относился разборчиво и без увлечения. В первые годы деятельности, заводя новые дела военные и промышленные, он не мог обойтись без них как инструкторов, сведущих людей, коих не находил между своими, но при первой возможности старался заменять их русскими. Уже в манифесте 1705 г. он прямо признается, что дорого стоившими наемными офицерами “желаемого не возмogli достигнуть”, и предписывает более строгие условия приема их на русскую службу”³⁰¹.

Подобную мысль высказывал и С.М. Соловьев. Отметив хорошее знание Петром Европы, историк подчеркнул, что царь никогда не обольщался ею, а то хорошее, что удалось перенять оттуда, не считал ее благосклонным даром.

В собственноручной программе празднования годовщины Ништадтского мира он предписал сильнее выразить мысль о том, что иностранцы всячески стремились “нас не допускать до света разума во всех делах, а наипаче в воинских; но то в дело не произвели”. Он признал это чудом Божиим, содеянным для русского народа. “Сие пространно развести надлежит, – гласила программа, – и чтоб сенсу (смысла) было довольно”³⁰².

-
- ²⁸⁹Торговля и предпринимательство в феодальной России. С. 194–207.
- ²⁹⁰Кротов П.А. Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 65.
- ²⁹¹Там же. С. 70.
- ²⁹²Там же. С. 72.
- ²⁹³Там же. С. 77; См. также в этом сборнике статью Беспятовых Ю.Н. “Третье пришествие Петра I на Белое море”. С.36.
- ²⁹⁴Там же. С. 82.
- ²⁹⁵Быховский И.А. Архангелогородские корабли. Архангельск, 1988. С. 29.
- ²⁹⁶Кротов П.А. Указ. соч. С.84.
- ²⁹⁷Архангельск в XVIII веке. С. 170.
- ²⁹⁸Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947. С. 535.
- ²⁹⁹Там же. С.169–170.
- ³⁰⁰См.: Брызгалов В.В. Первенец Соломбальской верфи // Соломбальская верфь, 1693 – 1862. Архангельск, 1993. С. 7, 19 и др.
- ³⁰¹Ключевский В.О. Соч. М., 1959. Т. VIII. С.336–337.
- ³⁰²См. Соловьев С.М. Соч. М., 1993. Т. 13-14. С. 536.

НЕГОЦИАНТЫ ПОПОВЫ

Самой крупной русской фирмой, созданной в Архангельске в конце XVIII – начале XIX века, являлся торговый дом “Алексей Попов с сыновьями”.

Основатель дела Алексей Иванович Попов родился в 1743 году вблизи Архангельска, в Заостровской волости. В 17 лет расторопный юноша поступил на службу к купцам Пругавину и Неледину, успешно ведшими внешнюю торговлю. 15 долгих лет бывший крестьянин привыкал к новому для себя делу. Основное время он проводил на закупках хлеба, доставлявшегося торговцами к Никольской и Ношульской пристаням.

Будущий купец заключал по поручению своих хозяев торговые сделки, организовывал заготовку, погрузку и отправку хлебных припасов в Архангельск. Масштабность работы, нередко требовавшей риска и связанной не только с закупкой, но и с изготовлением специальных большегрузных барж, увлекла Попова, и с 1774 года, накопив минимум средств, он смело вступил на самостоятельный путь, записавшись в купеческое сословие.

Молодой купец не ограничился закупкой хлеба и перепродажей его в Архангельске иностранцам. Он в год записи в купечество взял в аренду у известных предпринимателей Крыловых Быковскую верфь и стал строить корабли. Первым из них было собственное судно “Amore patria”. Попов отправился на нем в Амстердам. Знакомство с западноевропейским деловым миром оказалось удачным: Попов не только выгодно реализовал свой товар, но и принял заказ от голландских торговцев на сооружение в Архангельске двух кораблей вместимостью 300 и 400 ластов. Опытный корабел С. Негодяев (по прозвищу Кочнев) быстро и качественно выполнил заказ иностранцев. С того времени А. Попов ежегодно строил и выгодно продавал на Запад свои корабли. Дело стремительно приумножалось: с 1790 года дом Поповых вел сделки под фирмой “Алексей Попов с сыном”. А в 1802 году фирма приобрела новое имя – “Алексей Попов с сыновьями”.

За три десятилетия Попов сумел добиться серьезных результатов. Он вел регулярную торговлю с Англией, Голландией и Гамбургом. Иностранные купцы сделали архангелогородца своим уполномоченным в России.

Алексей Иванович в 1778 году был городским старостой, в 1780–1783, 1799–1802 – бургомистром Архангельского городского магистрата, затем гласным городской думы. Купец был удостоен высших в тот период сословных наград: “За успешное прохождение общественных служб и кораблехозяйство” он получил звание именитого гражданина. В 1799 году Павел I назначил его членом Государственной коммерц-коллегии. В 1805 году “за успеха в кораблестроении” Алексея Ивановича наградили золотой медалью “За усердие” на Александровской ленте для ношения на шее.

После смерти Попова – старшего в 1805 году в наследство вступил 38-летний сын Василий Алексеевич. Ни один из архангельских русских купцов не смог в XIX веке добиться столь крупных успехов в области бизнеса, как Василий Попов.

Азы торгово-промышленной жизни будущий предприниматель прошел вместе с отцом на Никольской пристани, что располагалась на реке Юг в

Вологодской губернии. Начиная с 12-летнего возраста, он четыре года приобретал здесь навыки хлебной торговли. Уже в 1789 году архангельская казенная палата дала разрешение совсем еще юному сыну купца «вести все его коммерческие дела, заключать подряды на поставку материалов и припасов, заключать контакты и договоры и подписывать их общей фирмой»³⁰³. А практически он управлял всеми делами фирмы с 1784 года, т.е. с 17-летнего возраста.

В отличие от своего отца, Василий Алексеевич овладел немецким языком и при первой же okazji в 1802 году выехал за границу. Посетив Англию, Голландию и Гамбург, он установил деловые контакты с будущими торговыми партнерами и договорился с ними о возможных сделках.

34 гамбургских страховых общества уполномочили Попова быть их поверенным по страховым и аварийным делам в Архангельске, а норвежские купцы избрали его консулом своего государства.

Расширение связей с русскими и иностранными купцами, широкие контакты с властями губернии позволили Попову успешно вести дела в течение двух десятилетий. Немалую роль в осуществлении торговых акций играло и отличное знание местных условий.

Любопытный случай произошел осенью 1805 года. Попов, нагрузив свой корабль рожью, упустил благоприятные сроки и сумел выйти в море лишь в конце сентября. За ним следовали 20 гамбургских судов. Сильный встречный ветер задержал их выход за Двинской бар на две недели, что еще более усугубило обстановку. Однако, умело рассчитав действия экипажа и возможности корабля, Попов сумел с большой осторожностью преодолеть мелкие места. Затем, догрузив судно товаром с заранее отправленных барж, отплыл в Гамбург. А все гамбургские корабли вынуждены были остаться на зимовку у Маймаксанского селения.

Обстановка в Гамбурге оказалась очень благоприятной для торговой сделки: из-за присутствия возле города французских войск немцы испытывали большую нужду в хлебных припасах. Вследствие этого Попов продал свой товар по 218 талеров за ласт. Гамбургские суда, возвратившиеся домой через несколько месяцев, понесли крупные убытки, продав свой товар лишь за половину этой цены.

Предпринимательская деятельность Попова развертывалась в обстановке континентальной блокады, когда доступ в Архангельск английских кораблей был невозможен. Трезво рассчитав свои возможности, купец за 1809–1818 гг. построил 30 крупных кораблей и два бригаа на общую сумму, превышающую 920 тысяч рублей. 25 из них он продал иностранным торговцам. Цена одного корабля составляла от 15 до 40 тысяч рублей. В документе о сооружении кораблей остались их названия. Наряду с сугубо иностранными, суда получили такие имена, как «Америка», «Москва», «Мезень», «Слава России»³⁰⁴ и т.п. В то время Попов имел 26 собственных судов, на которых он успешно вел внешнюю торговлю.

Экономическая блокада России Англией резко ухудшила снабжение страны сахаром. Василий Попов вслед за иностранным купцом Брандтом быстро соорудил в Архангельске два завода, на которых в качестве сырья использовал сахарный песок, доставлявшийся из Америки.

В сложной экономической ситуации Попов умел находить общий язык с государственными органами и получать солидные казенные заказы. Так, в

1806 году, по случаю войны с Францией, был наложен запрет на вывоз из России хлеба. Попов, располагавший большими запасами хлеба, закупленного еще до запрещения, представил правительству проект доставки его для русских войск, находившихся в Пруссии. В результате сделки он на своих шести кораблях направил в Мемель 30 000 пудов муки и получил значительную выгоду.

В 1808 и 1809 гг. Попов по рекомендации бывшего министра коммерции графа Н.П. Румянцева доставил на 55 кораблях в Норвегию 68 тыс. четвертей ржи. Английские каперы, крейсировавшие вдоль Мурманского берега, захватили при этом три судна, но основная масса русских моряков смогла довести дело до конца³⁰⁵.

Эти и многие другие факты свидетельствовали о том, что к началу XIX века в Архангельске появился новый тип разностороннего предпринимателя, который не только торговал, но и вкладывал средства в производство, умело выходил на внешний рынок.

Приведем некоторые сведения. В первой четверти XIX века Попов имел в распоряжении 26 кораблей, сооруженных по собственному заказу, четыре завода: два сахарных, один канатный и завод для обработки сукна. Сахарные заводы были довольно внушительными сооружениями. Трехэтажное здание одного из них имело размеры 16 на 7 сажений, т.е. примерно 33 на 14 метров.

В собственности Попова имелось также пять жилых домов с большими участками земли. Купеческая усадьба, располагавшаяся на берегу Северной Двины, имела представительный вид. На огромной площади размером 164 на 27 сажений возвышался солидный двухэтажный дом, располагались три флигеля, сад, теплицы, парники, конюшня, баня и другие сооружения. Иначе говоря, только одна усадьба торговца занимала без малого два гектара земли. Чуть меньшего размера были и все остальные³⁰⁶.

Однако судьба этого крупного предпринимателя оказалась трудной. Сахарное производство в Архангельске процветало очень короткий срок – около десяти лет. По настоянию правительства, купцы Архангельска быстро соорудили шесть заводов, сырьем для которых служил сахарный песок, поставлявшийся из Америки. В первые годы на Север его привозилось от 100 до 120 тыс. пудов. Продукцию, производимую в Архангельске, отправляли в Москву, на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки. Но вскоре завоз песка на север почти прекратился, так как открылись для торговли балтийские порты, куда стал доставляться иностранный “головной” сахар. Архангельские сахарные заводы остановились.

Военный губернатор А.Ф. Клокачев, пытаясь вдохнуть жизнь в угаснувшее производство, добился в 1820, во время посещения города императором Александром I, сокращения в два раза ввозной пошлины на песок, но дело поправить не удалось³⁰⁷. К середине века на плаву смог удержаться лишь один завод предприимчивого В. Брандта, где работало около 50 человек.

Неудачно сложилась для В. Попова и оптовая хлебная торговля. Взяв казенный кредит в размере 188 тыс. руб., он обязался поставить в архангельский хлебный магазин 10 523 четверти муки, 523 четверти овса и много другой продукции на общую сумму свыше 206 тыс. руб. Однако, по мнению властей, Попов проявил себя “неисправным поставщиком”, заказ не выпол-

нил. В конце концов, он объявил себя банкротом, или, как тогда говорили, “упавшим”. В 1818 году торговый дом Попова прекратил свою деятельность.

Дома и заводы купца были проданы за 45 205 рублей, а сам купец перебрался в Петербург, где более десятка лет работал в порту старшиной по браку сала и семенного масла. Деятельность архангелогородца получила высокую оценку со стороны столичного купечества. В их представлении городской думе, написанном в 1824 году, отмечалось: “Попов при благосостоятельности своей был одним из тех редких российских купцов, которым прилично название негоцианта”.

Подобная оценка практической деятельности Василия Попова имела под собой реальную основу. Выходец из крестьянского сословия, Василий Алексеевич вслед за отцом проявил себя не только опытным негоциантом, но и умелым общественным деятелем. Он избирался архангельским городским головой. В начале века купец представил в городские органы ряд важных проектов, осуществление которых имело жизненно важное значение для горожан. В их числе – планы создания в городе общественного запасного хлебного магазина (1802 год), постройки моста через Кузнечиху, организации городского общественного банка. В 1809 году, в целях предохранения архангельского порта от неприятельских кораблей, Попов по поручению военного губернатора М.П. фон-Дезина затопил 15 барок, нагруженных камнями в Мурманском Двинском устье. В 1812 году Попов пожертвовал 5 000 рублей на ополчение, во время нахождения на посту городского головы выделил более 30 000 рублей личных средств в пользу городских церквей³⁰⁸. По признанию прессы того времени, имя Попова было хорошо известно в Норвегии, жители которой “признавали его своим кормильцем и благодетелем”³⁰⁹.

Будучи в солидном возрасте, Попов подготовил и издал в столице три работы, посвященных развитию российской торговли, мореплаванию и кораблестроению.

За его деяния Василия Алексеевича удостоили звания Коммерции Советника, золотых медалей на Андреевской и Владимирской лентах для ношения на шее и других наград.

Заслуги Василия Попова перед Архангельском были высоко оценены на собраниях решением мещанского и купеческого сословий: ему была установлена пенсия в размере 800 рублей в год³¹⁰.

Пример выходцев из северной крестьянской семьи Поповых служит блестящим доказательством того, что русские люди, имея минимальное образование или, получив его, как говорили в старину, “на медные деньги”, упорным трудом и дарованием были способны создать масштабное самостоятельное дело. В своей практической деятельности они ничуть не уступали иностранцам, обосновавшимся в Архангельске, и сравнительно быстро занимали почетное место в северной торгово-промышленной и общественной среде.

Негоцианты Поповы

³⁰³ГААО. Ф. 51. Оп. 1. Т. 2. Д. 863. Л.2.

³⁰⁴Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 63. Л.1–17.

³⁰⁵АГВ. 1852. 8 марта (№ 10).

³⁰⁶ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 23. Л.2-16; Ф. 49. Оп. 1. Т.2. Д.2997. Л.2–5

³⁰⁷Памятная книжка Архангельской губернии на 1909 г. Архангельск, 1909. С. 42–45.

³⁰⁸ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Т.2. Д.2997. Л.2–5.

³⁰⁹АГВ. 1852. 8–13 марта

³¹⁰ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Т.2. Д.2997. Л.72.

КУПЕЦ КСЕНОФОНТ АНФИЛАТОВ

Первооткрыватель российской торговли с Америкой

В конце XVIII – начале XIX вв. в Архангельске широкой известностью пользовалось имя выходца из города Слободского Вятской губернии купца Ксенофонта Алексеевича Анфилатова.

К.А. Анфилатов родился в 1761 году в семье черносошного крестьянина деревни Вагинской Слободского уезда Алексея Ивановича Анфилатова. В 12 лет он был записан в купечество вместе со своим отцом Алексеем Ивановичем и дядей Лукой Ивановичем, о чем свидетельствует запись в Слободском магистрате от 18 ноября 1773 года.

В 1775 году Анфилатовы числились в купцах II гильдии, имели собственный дом в г. Слободском и располагали, по их собственным словам, "капиталом в 3000 рублей". В январе 1778 года Ксенофонту Анфилатову был выдан паспорт "В Российские малороссийские и сибирские города для купечества". В 1787 г. Анфилатовы записались уже в I гильдию, объявив капитал в 11 тысяч рублей.

Львиная доля денежных оборотов Анфилатова падала на торговлю с Архангельском. Значительная часть товаров в северный порт шла через Вятку и Слободское. Из этих городов товары везли зимним путем к Ношульской пристани по реке Лузе. Здесь товары грузили на речные баржи. В Архангельск Анфилатов поставлял вятскую рожь, ржаную и овсяную муку, казенное вино (водку), толокно, пеньку, льноволокно, льносемя, льняное масло, кожи, сало говяжье³¹¹.

Об оборотах фирмы свидетельствует тот факт, что в 1799 году для доставки к Архангельску товаров им потребовалось 20 барок от 16 до 20 тыс. пудов вместимостью, при том, что этот год был не самым удачным для фирмы, их оборот в Архангельске составил всего 50 тыс. рублей, в то время, как в лучшие годы (например, в 1797) достигал 117 тыс. рублей.

Набравшись опыта в коммерческих делах на своей родине, он перебрался в Архангельск, где в 1790 году приобрел первое морское судно и начал упорно заниматься торговлей со странами Западной Европы, из года в год, увеличивая ее масштабы. В 1801 году в его адрес пришло из-за границы четыре судна с товарами, а в 1802 – уже одиннадцать.

Обороты Анфилатова в Архангельске достигали огромных размеров: в 1801 году – более 250 тыс. рублей, в 1802 почти 400 тыс. рублей. Подобные масштабы торговли потребовали завести свою контору в Архангельске. Эта контора наряду с тремя другими (Алексея Попова, Степана Митрополова, Павла Пудина), "ни в чем не уступала иностранным". Еще через некоторое время в компании с вологодскими купцами Николаем и Степаном Митрополовыми, Ксенофонт Алексеевич учредил в Лондоне собственную купеческую контору в Лондоне.

В 1803 году Ксенофонт Анфилатов с Алексеем Поповым и купцом Дорбеккером основали "Беломорскую компанию" для китобойного и рыболовного промыслов. Несмотря на покровительство царя (вступившего в число акционеров), дела компании с самого начала пошли неудачно. И в 1813 году компания была ликвидирована.

Развороту дела на новом месте во многом способствовала женитьба Анфилатова на дочери упоминавшегося выше крупного архангельского купца Алексея Попова.

Наиболее заметной заслугой предприимчивого негоцианта в начале XIX века явилась организация первых прямых плаваний русских торговых судов в Соединенные Штаты Америки.

Как же купец осуществил свой смелый замысел?

Добиваясь осуществления своего дерзкого по тем временам намерения, купец обратился в 1805 году с пространном письмом к министру коммерции Российской империи Н. Румянцеву. В нем говорилось:

“Сиятельнейший Граф Милостивый Государь Николай Петрович!

Поощряем будучи неусыпным Вашего Сиятельства о распространении Российской внешней торговли и кораблеплавания попечением, построил я в Архангельске собственно мне принадлежащих пять кораблей, которые ныне продолжают плавание только в Европейские порты.

Мое желание стремиться начать торговлю непосредственно в Северо-Американские области и доставить туда наши продукты и товары, и на против того приводить оттоле наличные произведения на собственных Российских кораблях, куды и намерен отправить от Санкт-Петербургского и Архангельского портов из оных три корабля. Но как первый опыт сопряжен со многим излишними расходами, сверх того статья может по новости, что наши товары там, а тамошние здесь продать по необходимости должно будет в убыток, в вознаграждение чего осмеливаюсь Ваше Сиятельство покорнейше просить исходатайствовать у Его Императорского Величества Высокомонаршию милость, какую. Высочайшей Воле даровать будет благоугодно.

С глубочайшим высокопочтанием им преданностью имею счастье быть Вашего Сиятельства Милостивого Государя всепокорнейший слуга Ксенофонт Анфилатов”³¹².

Граф Воронцов поддержал начинание предпринимателя. В своем докладе императору “О пользе непосредственных торговых отношений с Соединенными Американскими Штатами” он обратил его внимание на значительные размеры ввоза сахара (на 5 млн. рублей) и хлопчатой бумаги (до 1,5 млн. рублей) из заморской страны. Однако этот подвоз производили на своих судах иностранные торговцы. Министр справедливо полагал, что эти дефицитные для России товары можно было приобретать в США по более низким ценам непосредственно российским купцам. В этой связи, “дабы решительно подвинуть наших торгующих к открытию американского торгова”, Румянцев предложил, чтобы “первые три корабля, в России построенные и россиянам принадлежащие, и которые из С.-Петербурга и Архангельского порта отправятся прямо в Соединенные Штаты, отпущены были без пошлин”, а равно освободить от пошлин и товары, привезенные из Штатов на этих судах.

Император специальным указом от 29 декабря 1805 года повелел Н. Румянцеву объявить архангельскому купцу свое “благоволение”, полностью согласился с предложениями своего министра.

В частности, император писал графу Воронцову: “Усматривая из поданного вам письма от слободского купца Ксенофонта Анфилатова, что виды российского торгующего сословия начинают распространяться, и, примечая с особенным удовольствием, что сей купец первый предпринял отправить на своих кораблях российские товары в порты Американских Соединенных Штатов, я поручаю вам объявить ему мое благоволение и принять

меры, чтобы первые три корабля, в России построенные и ему, Анфилатову, принадлежащие и отправленные от него из здешнего или Архангельского порта с российскими товарами в Соединенные Штаты, отпущены были без взимания тарифных пошлин”.

На следующий день после получения императорского указа Румянцев сообщил купцу о монаршей милости. Анфилатов добился, таким образом, не только освобождения грузов от налогов и пошлин, но и выделения ему весьма щедрой по тому времени ссуды в размере 200 тысяч рублей “без всякого залога и поручительства”³¹³.

* * *

Ряд причин побудили смелого северянина пойти на рискованное дело. Европейская торговля в то время крайне усложнилась из-за войны между Францией и Англией. Традиционные экономические связи оказались нарушенными. Русские купцы терпели постоянные убытки от нападений морских пиратов, из-за многочисленных таможенных барьеров. Архангельский купец, имея богатый опыт торговли, хорошо знал о том, откуда поступают в Англию так называемые колониальные товары. В частности, ему было ведомо, что от перепродажи последних английские торговцы получали баснословные барыши.

К тому же американская дипломатия стремилась, в то время как можно быстрее, заключить выгодный торговый договор между двумя странами. И для этого были все предпосылки.

Молодое государство, возникшее в результате борьбы американских колонистов против английского господства в 1776 году, нуждалась в союзниках. Некоторый период Соединенные Штаты воспользовались сильной поддержкой европейских стран, заключивших по инициативе России, соглашение о “вооруженном нейтралитете”. Этот документ поддержали Португалия, Швеция, Дания, Пруссия и германские государства. Суть его состояла в том, что упомянутые государства провозгласили свободу торговли нейтральных стран с воюющими сторонами. Иначе говоря, европейские страны потребовали от основного противника США в тот момент – Англии, прекратить блокаду нового государства – США. И Великобритания была вынуждена примириться с этим.

Но положение существенно изменилось в начале XIX века. Англия вновь захватила владычество в морях, ее войска стояли в Канаде, что угрожало независимости Соединенным Штатам. В этой ситуации правительство США искало союзников в Европе. Оно не забыло и о выдающейся роли России, которую она сыграла в рождении пакта о “вооруженном нейтралитете”.

В частности, американский посланник в Париже Р. Ливингстон в своем письме поверенному в делах России в Париже П. Убри откровенно добивался того, чтобы американцы незамедлительно были допущены “к участию в торговле с Россией”. Он доказывал при этом, что Британия, не имея конкурентов на рынках России, “пользуется преимуществом продавать дорого, а покупать дешево, причиняя двойной убыток России”, что, мол, она “способна помешать России превратиться за несколько лет в превосходящую по силе конкурирующую державу на Балтийском и Средиземном морях”³¹⁴.

Цель торгового договора, по мысли Ливингстона, должна состоять в том, чтобы “взаимно предоставить условия наибольшего благоприятствования в портах обеих стран”. Остается лишь удивляться тому, что архангельский купец, верно, понимал международную конъюнктуру, проявив при этом смелость и готовность к риску. И объективно его намерения совпали с общегосударственными интересами России.

Анфилатов, добившись поддержки властей, в 1806 году отправил в Америку два корабля. Один из них – “Архистратиг Михаил” – ушел из Петербурга в Бостон, а второй – “Иоанн Креститель” – из Архангельска в Нью-Йорк. Грузы сопровождал компаньон Анфилатова Иосиф Смолин, которому надлежало выгодно продать российские товары и закупить американские.

Оба анфилатовских корабля в октябре месяце, преодолев немало препятствий на своем пути, благополучно возвратились в Россию.

Одно из них прибыло в Кронштадт с грузом рома, кофе, красного и красильного дерева. Другое судно подстерегла беда. Возвращаясь из Бостона, оно село на мель при проходе через Зунд и потеряло часть закупленного товара, но в ноябре все-таки добралось до Ревеля, доставив пряности, шоколад, сахар, ликеры и красильное дерево.

По подсчетам таможенной службы, коммерческий итог первой русской торговой экспедиции в Соединенные Штаты составлял почти миллион рублей. В частности, на первом корабле стоимость груза определялась в 480 550 рублей, а на втором – 276 673³¹⁵. Сам купец определял прибыль более скромно, полагая, что она составила всего около 150 тысяч рублей.

Но как бы то ни было, выгода от торговли с новой заморской державой была налицо.

Первый успех вселил надежду на новый успех: в сентябре 1809 года архангельский предприниматель отправил в Америку корабль “Ксенофонт”. Но на сей раз купца, подстерегла неудача: судно было задержано в Англии и в Россию не вернулось, причинив тем самым хозяину убыток от потери корабля и товаров на сумму около 450 тысяч рублей.

* * *

Смелая инициатива северного торговца оставила заметный след в истории российско-американских отношений.

Пожалуй, наиболее точно определил ее значение сам Ксенофонт Алексеевич. Оценивая результаты торговых рейсов своих судов, он писал, что плавание их, *“во-первых, доказало мореходству, противу всех мнений иностранцев, возможность употреблять и в дальние морские вояжи корабли сосновые, прочной токмо постройки..., а во-вторых, американцы сами стали посылать в Архангельск свои корабли и завели там конторы, чего до предприятия сего не было. Таким образом, и в Архангельске к существенной для нас пользе товары американцев идет теперь из первых рук, как и наши, доходят к ним через другие руки”*³¹⁶.

И в самом деле, Анфилатов оказался прав: его примеру последовали деловые американские предприниматели. К 1811 году они завели в Архангельске две торговые конторы.

Успешно развивавшиеся экономические отношения между Россией и США имели и более крупные последствия.

В 1809 году между США и Россией были установлены дипломатические отношения, а в 1832 году подписан первый торговый договор. Последний высоко оценил президент США той поры Э. Джексон.

“Благодаря либеральным условиям этого договора, – отметил он в 1833 году, – между Россией и США развивается, процветает и увеличивается торговля, что, в свою очередь, придает новые мотивы той взаимной дружбе, которую обе стороны до сих пор питали в отношении друг друга”.

Остается добавить, что в 1811 году 50-летний купец потерпел банкротство и лишился части своего имущества. В последние годы жизни он проживал в доме жены Анны Алексеевны.

Тем не менее, Ксенофонт Алексеевич проявлял заметную общественную активность. В частности, по его инициативе в 1810 году был создан Слободской общественный городской банк, оказывавший финансовую поддержку его землякам – местным купцам и ремесленникам. Анфилатовский банк получил право выдавать ссуды под залог недвижимости и товаров, а также производить учет векселей. Устав этого банка стал типовым для всех городских кредитных учреждений России до 1857 года.

Анфилатов всячески поддержал инициативу своего родственника по жене Василия Алексеевича Попова открыть подобный банк в Архангельске. Благодаря их энергии первый архангельский городской общественный начал свою деятельность в 1848 году и успешно действовал более 70 лет (вплоть до национализации его в 1920 году).

Ксенофонт Алексеевич умер 19 апреля 1820 года. Родные похоронили его на новом архангельском кладбище, рядом с его сыном Ираклием.

³¹¹ «Кировская правда». – 1973. – 27 декабря.; «Информационный бюллетень Слободского водочного завода» - №2 – 2004 - 4 ноября.

³¹² Россия и США: Становление отношений (1765-1815). М., 1980. С. 358.

³¹³ Там же. 277.

³¹⁴ Там же. С. 258.

³¹⁵ Там же. С. 278.

³¹⁶ Там же. С. 358.

РУССКИЙ НОРВЕЖЕЦ УЛЬСЕН

Мартин Август Абрамович Ульсен (Ольсен), как он значился по норвежскому паспорту, родился в городе Тронгейме в 1850 году. Окончив реальное училище, Ульсен занялся торговлей, а весной 1868 года, покинув родной город, перебрался в Варде, где его старший брат торговал рыбой. Мартин сначала помогал брату, а затем завел собственное дело.

В августе 1876 года 26-летний предприниматель появился в Архангельске. Русские стали называть его по-своему: Мартин Абрамович. Начинающий бизнесмен приехал в Россию, ставя перед собой скромную задачу, – овладеть русским языком.

Обстоятельства, однако, сложились таким образом, что, окунувшись в российскую жизнь, Ульсен навсегда остался в Архангельске, принял русское подданство, стал специалистом лесного дела мирового уровня, всю жизнь верно служил своей второй родине.

Вскоре после приезда в Архангельск Ульсен начал работать на известном в тот момент лесозаводе, принадлежавшем фирме Русанова. Немногословный деловитый норвежец быстро покорила владельцев предприятия – уже через год он сделался управляющим заводом.

Прослужив пять лет у Русановых, Ульсен решил построить собственный завод. В архангельском архиве до сих пор хранится его заявление, написанное в феврале 1883 года. Четкий почерк, хорошее знание русского языка. “Предполагая сделать опыт в новой отрасли – лесной промышленности..., – писал Ульсен, – прошу в аренду место на 12 лет... для устройства завода в небольших размерах..., склада сырых и обработанных материалов”³¹⁷.

Место для своего завода размером 8685 квадратных сажений заявитель получил очень выгодное: в черте города, в устье реки Соломбалки на берегу Северной Двины, и за небольшую арендную плату – в первый период всего за 200 рублей в год³¹⁸.

Уже осенью 1883 года более чем скромная по своим масштабам лесопилка в одну раму начала действовать. Новое оборудование позволяло молодому хозяину распиливать за год 15 тысяч бревен, изготавливать до 60 тысяч досок на экспорт.

Скопив небольшой капитал во время работы на лесозаводе Русановых, Ульсен вместе со своим земляком Карлом Стампе, прибывшим в Россию в 1880 году, учредил в апреле 1884 года фирму “Ульсен, Стампе и К^о”. В состав фирмы в 1892 году вступил архангельский купец 2-й гильдии Александр Починков, состоявший в ней до ноября 1901 года. Цель фирмы состояла в том, чтобы торговать “лесными и другими товарами”³¹⁹.

Так начался долгий самостоятельный путь энергичного Мартина Ульсена в северной лесной промышленности. В 1889 году предприниматели увеличили число рам на заводе до трех. Еще через пять лет лесозавод имел, кроме пилорам, более 20 станков, общая стоимость его определялась в 73 385 рублей³²⁰.

В течение последующих 20 лет на редкость энергичный промышленник основал еще два лесозавода, один из которых действует и сейчас.

Второй завод норвежцы соорудили в 1889 году в 12 километрах от губернского центра на острове Бревенник. Это было, в отличие от первого, крупное предприятие мощностью сначала в пять, а затем в девять рам. Став владельцем двух лесозаводов, фирма “Ульсен, Стампе и К^о” заняла видное место в архангельском лесном экспорте. В деле Ульсена участвовал его старший брат Алексей, а также два сына: Михаил и Конрад.

Бизнесмены не ограничились сбытом леса. По поручению иностранных фирм они наладили торговлю импортными товарами: лесопильными станками, паровыми машинами, точильными кругами, пилами. Широким спросом у покупателей пользовались каменный уголь, вино, соль, краски и многие другие товары.

Дело лесной фирмы быстро расширялось. Этому в немалой степени способствовала энергия ее основателя, который к 40 годам установил прочные деловые связи со многими российскими и западными бизнесменами. Мартин Абрамович свободно владел семью языками. Помимо родного норвежского и русского, он знал шведский и датский языки, легко объяснялся на немецком, английском и французском.

Летом 1901 года бизнесмены понесли тяжелый урон: сгорел первый лесозавод. Трезво оценив возможности, норвежцы не стали восстанавливать свое лесопильное хозяйство. Используя сохранившиеся котлы и машины, они на месте бывшего заведения построили чугуно-литейный и механический заводы.

Переломным для Ульсена явился 1903 год. Мартин Абрамович принял два смелых решения: на далекой реке Печоре основал товарищество “Стелла Поларе” (Полярная звезда) и стал русским подданным. Последний шаг Ульсена был, видимо, продиктован одной целью – прочнее обосноваться в лесном бизнесе России, получив ряд льгот.

Дело в том, что в конце XIX века архангельские губернаторы резко выступили против проникновения в лесную отрасль хозяйства иностранного капитала. Так, в отчете за 1898 год на имя Николая II губернатор А.П. Энгельгардт писал: “В последнее время иностранные предприниматели и капиталисты стараются в той или иной форме ворваться в лесное дело на Севере и захватить его в свои руки”. Он отметил далее, что “отдать такое чисто русское, прочно установившееся, затрагивающее массу местных интересов дело в руки иностранцев было бы нежелательно”. В то же время губернатор счел “целесообразным допустить иностранцев к эксплуатации лесов в таких отдаленных местностях, как Печорский край, куда до сих пор еще не проникла русская промышленность”. “Опыт эксплуатации печорских лесов иностранцами, – сделал вывод губернатор, – откроет сбыт этому лесу и послужит примером для русских”³²¹. Император согласился с мнением губернатора.

“Стелла Поларе” явилась первой лесной фирмой, основанной в устье Печоры. Ульсена не испугали трудности: суровые климатические условия, отдаленность от Архангельска, недостаток опытных рабочих рук на месте основания завода, слабая изученность морского пути на подступах к устью Печоры.

Лесопромышленник привлек к делам новой фирмы несколько крупных предпринимателей: Д.И. Вальнева, А.Ф. Шольца, К.К. Стампе и Р.К. Пецца-³²². Основной капитал составил сначала 564 тысячи рублей, а затем был

увеличен до 750 тыс., разделенных на 750 паев. Вдохновитель дела Ульсен вместе с сыном Михаилом имел 116 паев, 100 паев приобрел Д. Вальнев, 60 – В. Мейер, 50 – А. Шольц, 40 – отец и сын Пецы. Эти известные в Архангельске бизнесмены и составили ядро фирмы. Число их паев после увеличения суммы основного капитала увеличилось на треть.

На удивление лесопромышленникам, дела нового объединения пошли хорошо. Основав завод всего лишь на три рамы, Ульсен с согласия правления купил завод шведской компании на 10 рам. 14 лет вплоть до осени 1917 года Ульсен возглавлял правление товарищества. В 1906 году он вместе с Д. Вальневым, А. Шольцем и Р. Пецем приобрел паи известной на Севере фирмы “Товарищество архангельского лесопильного завода”. Все четыре бизнесмена вошли в состав ее правления.

К 1914 году Ульсен превратился в ведущего производителя пиленых лесных материалов. Три фирмы, в которых он имел крупные паи и решающее влияние, изготовляли около 40 тысяч стандартов досок на сумму более 2 200 тысяч рублей.

Несмотря на солидный возраст, Ульсен жил напряженной жизнью делового человека. Он часто выезжал за границу на лесные торги, умело поддерживал связи с брокерскими конторами, бывал на своем предприятии на Печоре. Ульсен хлопотал о внедрении новшеств в свое производство. Дело Ульсена росло, как снежный ком, покоя не было. Позднее в одном из документов лесопромышленник писал: “Во время экспортной торговли мне приходилось часто ездить за границу. Я провел более 10 торговых сезонов в Лондоне, где вполне ознакомился с техникой продажи лесных материалов и приобрел много личных знакомых между импортерами. Поездки за границу дали мне возможность несколько изменить по желанию покупателей спецификацию лесных материалов, что намного облегчило продажу и дало возможность получать наивысшие цены. Кроме того, я часто лично заключал сделки с покупателями в Голландии, Бельгии и во Франции”³²³.

Как и другие бизнесмены того времени, неугомонный норвежец был всегда в гуще общественной жизни города. Он не раз избирался членом городской думы, стал создателем и первым председателем союза лесопромышленников губернии, много внимания уделял попечительскому делу. “За усердие и особые труды” на службе в губернском попечительском совете детских приютов, за работу в государственном банке и другие формы общественной деятельности Ульсен был пожалован четырежды золотыми медалями для ношения на шее.

Между тем годы брали свое. С осени 1915 года Мартин Абрамович начал сворачивать дело. Сначала он продал казне механический завод. Через два года, когда умер его друг Карл Стампе, Ульсен ликвидировал фирму “Ульсен и Стампе”. Покупателем его детища на острове Бревенник явился союз трудовых промышленных артелей. К 1918 году бизнесмен продал свои паи и в других фирмах. Он выручил около 2 050 тыс. руб., 30 тысяч получил в иностранной валюте. Это был значительный капитал. Пора было уходить на покой. Тем более, что сыновья давно стали взрослыми. Один из них, Конрад, еще в 1906 году уехал на родину отца, в Норвегию, и остался там. Второй сын, Михаил, жил с родителями. Одно время он возглавлял лесозавод, имел паи в отцовских фирмах.

Однако на склоне лет Ульсен попал, пожалуй, в наиболее сложную ситуацию. В августе 1918 года в Архангельске произошел антисоветский переворот. К власти пришло правительство Н. Чайковского, пригласившее вступить в город иностранные войска. На север высадились английские, французские и американские воинские подразделения.

Попав в крутой водоворот событий, архангельские бизнесмены пытались поддерживать в городе и Северной области нормальную экономическую жизнь. Ульсен явился одним из создателей нового Северного торгово-промышленного банка, в основной капитал которого он внес 500 тыс. рублей.

Вместе с другими представителями торгово-промышленного сословия Ульсен выразил резкий протест против засилья в торговле Северной области англичан. Северные бизнесмены резко критиковали Временное правительство области, отмечая, что все действия его “ведут к неуклонному умерщвлению торгово-промышленной жизни и в связи с этим к катастрофе в положении дел со снабжением области... Расчет за снабжение принял характер безудержного вывоза отдельными миссиями запасов экспортного груза без сдачи валюты на счета Верховного управления Северной области”. Подчеркнув, что доля российских предпринимателей составляла лишь четвертую часть всего экспорта, архангельские промышленники резонно задавали вопрос правительству: “...что же мог сделать торгово-промышленный класс при полном господстве на рынке англичан?”³²⁴.

Своим поведением купец умело защищал интересы своей второй родины. Авторитет “старины Ольсена”, как называли Мартина Абрамовича друзья, был исключительно высок. Недаром его кандидатура выдвигалась торгово-промышленным союзом города в состав архангельского правительства³²⁵.

После восстановления советской власти в феврале 1920 года началась полоса неведомых до той поры испытаний для большинства архангельских предпринимателей. Одним из первых в нее попал Мартин Ульсен вместе со своим товарищем по акционерному обществу “Северо-Океан” Яковом Беляевским. Осенью 1919 года акционерное общество направило в Англию большую партию пиленого леса в обмен на каменный уголь. 6 марта 1920 года в Архангельск поступила тревожная телеграмма. В ней власти извещались о том, что пароход “Кильдин”, шедший из Англии, задержан в Норвегии. “На уход “Кильдина”, – говорилось в телеграмме из Норвегии, – наложен арест норвежским правительством в размере 100 тыс. крон за долг бывшего Северного правительства Бергенскому пароходному обществу”³²⁶.

Не разобравшись в сути дела, советские власти обвинили М. Ульсена и Я. Беляевского – директоров “Северо-Океана”, в сознательном саботаже, который якобы нанес “серьезный вред Советской республике, грозя остановке успешной доставки хлеба из Мурманска, замиранию рыбо-звериных промыслов”. На основании этого обвинения бывшие купцы были арестованы и “дело” их передано Архангельской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Более трех месяцев длилось разбирательство этого “дела”. В июне 1920 года предприниматели вышли на свободу.

Казалось, всякая служба для 70-летнего Ульсена заказана. Но и в этой ситуации он поступил на работу в архангельское отделение Внешторга.

“Имею честь заявить о своем желании поступить на службе экспертом-специалистом по лесному делу”³²⁷, – с достоинством писал Мартин Абрамович в своем заявлении руководству конторы Внешторга.

Надо ли говорить о том, какую нужду испытывала тогда советская Россия в подобных специалистах? Можно смело сказать о том, что в мире было мало фирм, которые могли бы похвастаться знатоками такого уровня, каким был в то время выдающийся специалист лесного дела Ульсен.

Неудивительно, что в мае 1921 года он ездил в составе советской торговой делегации за границу для проведения деловых переговоров, а в январе 1922 года вместе с известным архангельским купцом Яковом Беляевским выехал в Лондон для расширения экспортных сделок Российской Федерации.

В удостоверении, выданном руководством Северо-Беломорского областного управления внешней торговли, отмечалось, что Ульсен командирован “для выяснения вопросов о покупке и продаже разного рода товаров и участия в качестве представителя управления при заключении всякого рода сделок, касающихся Северо-беломорского областного района и выполнения поручений областного управления. Гражданин Ульсен уполномочивается также сноситься с делегацией и заграничными представителями РСФСР и с Всероссийским кооперативным обществом (Аркос)”³²⁸.

Более двух лет верой и правдой продолжал трудиться Ульсен в Англии. В архиве сохранилось любопытное письмо М. Ульсена, направленное вскоре после прибытия его и Я.А. Беляевского в Лондон. Сетуя на неопределенность функций, обусловленных мандатом, он просил управляющего архангельским отделением Внешторга А.П. Попова более четко определить их обязанности и дать больше полномочий для того, чтобы они “смогли выступать более смело, чем сейчас”³²⁹.

Во время работы в Лондоне в мае 1924 года Ульсен умер. Многие газеты и специальные журналы Великобритании откликнулись на кончину Мартина Абрамовича.

Высокую оценку заслуг этого труженика дала российская печать. В некрологе, посвященном его памяти, журнал “Лесопромышленное дело” писал: “М. А. Ульсен, весьма энергичный, неутомимый и способный работник, заслуженно считался на Севере одним из крупнейших специалистов по распиловке и экспорту лесных материалов. Он не только был исключительным знатоком заготовочного и распиловочного дела с чисто практической стороны, но и умело пользовался новейшими достижениями науки. Покойный, где бы он ни был, всегда лично входил во все мелочи лесопильного дела, и нет такого уголка на русском Севере, так или иначе связанного с Архангельском и Печорой, которого бы не посетил Ульсен. Он хорошо знал Север и любил его... После революции он работал в качестве специалиста в архангельском отделе Внешторга по лесному делу и был командирован с представителем Архгублескома за границу для реализации пиленых лесных материалов гублескома, где оказывал всяческое содействие успешному сбыту и завязыванию торговых сношений с Россией”³³⁰.

Вторая родина, к сожалению, не проявила должного уважения к семье Ульсена. В то время как глава семейства выполнял поручение России, в Архангельске осталась его 74-летняя жена Анисья Михайловна. На ее руках был тяжелобольной 50-летний сын Михаил. Трагедия этой маленькой семьи состояла в том, что, будучи владелицей жилого дома, Анисья Михайловна

по советским инструкциям той поры была лишена избирательных прав, как жившая “на нетрудовые доходы от дома” и не занимавшаяся никаким общественно-полезным делом³³¹. Подобная ситуация в те дни означала, что такой человек не только не мог избирать депутатов в органы местной власти, но одновременно лишался продовольственных карточек и был вынужден приобретать все продукты по коммерческим ценам.

В 1930 году 74-летняя Анисья Михайловна в заявлении в комиссию по восстановлению избирательных прав, ссылаясь на 4-летний срок служения своего мужа советской власти, просила устранения этой несправедливости. Но тщетно! Решение комиссии было однозначным: “В восстановлении избирательных прав отказать”.

Каким же трудом могла заниматься старуха с душевнобольным сыном на руках? Не дождалась жена бывшего бизнесмена благоприятного решения, и вскоре после получения упомянутого ответа на свое заявление она умерла.

А в 1937 году органами НКВД был арестован и сын Мартина Абрамовича Михаил. Ему вменили в вину “близкие связи с норвежским консулом в Архангельске” и передачу шпионских сведений³³². После медицинской экспертизы, установившей давнюю тяжелую душевную болезнь арестованного, Ульсена выпустили на свободу. Он умер глубоким стариком в Архангельске.

А в это время в Архангельске на острове Бревенник, на далекой Печоре успешно работали лесопильные заводы, созданные благодаря энергии русского норвежца Мартина Абрамовича Ульсена.

Русский норвежец Ульсен

³¹⁷ГААО. Ф.50. Оп.2. Д.616. Л.1.

³¹⁸Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 537. Л. 5–6.

³¹⁹Там же. Д. 555. Лл.1–4.

³²⁰Там же. Ф.50. Оп.1. Д.827. Л.6.

³²¹Там же. Ф. 1.Оп. 9. Д. 560. Л. 15–15об. ; Д. 587. Л. 28–29.

³²²См. Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1058. Л. 1.

³²³Там же. Ф. 567.Оп. 2. Д. 556. Л.л. 6–7.

³²⁴ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 113–118.

³²⁵Там же. Л. 76.

³²⁶Архив РУФСБРФ по Архангельской области. Следственное дело М.А. Ульсена № П – 7474.

³²⁷ГААО. Ф. 567. Оп. 2. Д. 556. Л. 1.

³²⁸Там же. Ф. 567. Оп.1. Д. 78. Л. 3.

³²⁹Там же. Л. 1.

³³⁰Лесопромышленное дело. 1924. №№ 9–10. С. 45.

³³¹ГААО. Ф. 1936.Оп. 5. Д.22. Л.2–3.

³³²Архив РУФСБРФ по Архангельской области. Следственное дело М. М. Ульсена № П – 7474. Л.1 - 5.

ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ УЕЗДОВ

Деятельность уездного купечества является пока почти неизвестной страницей истории северного предпринимательства. Имена пинежан Володиных, мезенцев Ружниковых и Шевкуненко, ряда других бизнесменов более мелкого масштаба упоминались в трудах историков крайне редко. Причем эта многогранная проблема до сего времени освещалась весьма однобоко, как правило, с точки зрения “жестокой эксплуатации купцами населения Севера”. Настало время для более объективного рассказа о судьбах уездных предпринимателей.

Это был особый пласт российской жизни. Деловые люди уездных центров, крупных селений Севера веками развивали различные виды промыслов, закупали разнообразные товары в Москве, Архангельске и других городах, на свой страх и риск доставляли их на родину, продавали местному населению. Многие из них, несмотря на ограниченные возможности, помогали строить школы, церкви, занимались благотворительной деятельностью. Они были важным посредническим звеном между местными производителями-крестьянами и крупными потребителями товаров, охотно приобретавшихся иностранными и архангельскими купцами.

По-разному складывалась жизнь этого слоя предприимчивых людей. Наиболее удачливые из них, скопив капиталы и набрав вес в торговом мире, перебирались в губернский центр и со временем успешно приумножали свое дело.

Как уже отмечалось ранее, заметный след в истории архангельского бизнеса оставили выходцы из Нижнепуйского общества Шенкурского уезда отец и сын Беляевские, холмогорец Андрей Чудинов – основатель знаменитого лесозавода в Цигломени, житель поморской Патракеевки Игнатий Бурков и другие.

Все эти люди, в особенности представители первого поколения предпринимателей, не порывали связей с родными местами. Зная местных крестьян, они легко вербовали из их числа скупщиков смолы, пека, нанимали матросами для плавания на своих судах и т.д. Выходцы из Шенкурского уезда Беляевские, например, переселившись в Архангельск, содержали в Шенкурске богатый дом и большой склад соли, которую они доставляли из Котласа. А для охраны склада и отпуска соли местным перекупщикам они имели в уездном центре специального агента, который постоянно жил в их доме. Беляевские являлись монополистами среди торговцев этим дефицитным товаром.

Некоторая часть бывших крестьян добивалась весомых успехов далеко за пределами своей губернии. Приведу лишь один пример. Член большой семьи Леванидовых, проживавшей в одной из деревушек Паденьгской волости Шенкурского уезда, Иван Степанович стал крупным купцом и заметным общественным деятелем на юге России.

Скопив небольшие средства на службе при управлении Ладожского канала, он уехал в Ростов-на-Дону. Некоторое время работал нотариусом, а затем занялся бизнесом: приобрел в городе кирпичный завод. Ростов в то время быстро рос, и Леванидов имел немалые доходы. Будучи бездетным,

он значительную часть средств тратил на благотворительные цели: построил в Ростове за свой счет дом трудолюбия и здание для среднего учебного заведения. За заслуги перед ростовчанами Иван Степанович на четыре года (1889-1892 гг.) избирался городским головой Ростова-на-Дону, удостоен звания потомственного почетного гражданина, многих государственных наград России³³³.

В начале XX века И.С. Леванидов с женой посетил свою родину. Он пожертвовал крупную сумму (30 тыс. рублей) на сооружение здесь каменный церкви.

Так в Паденьге появилась красивая церковь. По сведениям старожилов, в ней благодаря особой системе отопления всегда был теплый пол. К сожалению, судьба храма, как и десятков ему подобных, сложилась трагически. В свое время в нем разместилась мастерская по ремонту сельскохозяйственной техники. Жалкие полуразрушенные останки церкви сохранились и сейчас, напоминая о крутых временах борьбы с религией.

Дело предприимчивого северянина продолжил его племянник Александр Александрович. Он родился в 1860 году, а в 1874 году в возрасте 14 лет поступил на службу к дяде, став вскоре управляющим кирпичным заводом. В краткой исторической справке, изданной в 1913 году, отмечено, что Александр Александрович «много способствовал развитию и совершенствованию этой отрасли, а в 1906 году, после смерти дяди, кирпичный завод перешел в собственность А.А., который приобрел известковый завод и довел производительность таковых до 3 млн. кирпичей в год при 100 рабочих». В этом документе далее отмечалось, что Леванидов «принимает участие в общественной жизни, жертвует в пользу благотворительных и просветительных учреждений, и имя его, как трудолюбивого и отзывчивого человека, пользуется уважением среди знающих его лиц». Одним словом, даровитые люди Севера не терялись даже среди бойких южан, находили достойное применение своим силам.

Вторая, сравнительно небольшая группа уездных деловых людей достигала весомых результатов на своей родине и, проживая дома, ни в чем не уступала купцам и промышленникам губернского центра.

Так, например, пинежане Володины, о коих пойдет речь ниже, в течение полувека сумели построить на своей родине лесозавод, основать крепкое пароходство, монополизировать торговлю во всем уезде.

С размахом вели дело мезенские предприниматели Ружниковы, соорудившие крупный лесозавод. Долгие десятилетия успешно строили корабли в Вавчуге Холмогорского уезда знаменитые купцы Баженины.

Все упомянутые выше деловые люди умело использовали как благоприятную конъюнктуру, так и удобное расположение своего постоянного местожительства.

Основная же масса торговых людей, действовавших на местах, занималась мелким торгом, скупкой и перепродажей товаров местного производства. Их торговые обороты, в сравнении с архангельскими купцами даже среднего достатка, были невелики.

По масштабам Севера, эта категория торгово-промышленного сословия была малочисленной. Согласно ревизской сказке 1850 года, в губернии, кроме Архангельска, насчитывалось всего 37 купеческих семей³³⁴.

Только два купца: братья Ф.В. и М.В. Коковины из Ненокского посада – входили в состав 1-й гильдии. Их богатство обеспечивалось участием в солеварении и продажей всегда дефицитной на Севере соли. Считанные представители уездного торгового мира (не более пяти) являлись купцами второй гильдии. В их числе А.И. Беданов из Холмогор, П.Н. Лагунов из Шенкурска, Е.И. Шевкуненко из Мезени. Все остальные торговцы имели свидетельства купцов 3-й гильдии.

Правда, к концу XIX столетия резко возросло число торгующих крестьян. В Шенкурском уезде, например, в 1892 году сельские жители взяли 445 торговых документов. Только Благовещенское волостное правление выдало около 40 таких свидетельств, причем более половины из них приобрели женщины³³⁵. В 1910 году торговые свидетельства в губернии купили почти шесть тысяч человек³³⁶.

Наиболее предприимчивые сельские торговцы, действуя в духе времени, создавали небольшие торговые и транспортные компании. Так, 17 июля 1901 года Шенкурское городское общественное управление учредило полное товарищество под фирмой “Товарищество пароходства по Ваге и Двине” с капиталом 18 тысяч рублей³³⁷. Среди учредителей фирмы были крестьяне Григорий Исупов, его жена Лариса Ивановна, а также А.В. Чухин и В. Ф. Ившин.

31 декабря 1911 года архангельский губернатор утвердил устав “Товарищества Важского крестьянско-коммерческого пароходства”. Товарищество учреждалось в селе Шеговары Шенкурского уезда и ставило весьма широкие цели: осуществлять “перевозку пассажиров, разного рода тяжестей кладей и товаров на протяжении водных путей от г. Вельска и до г. Архангельска”. Оно имело право “приобретать в собственность или арендовать пароходы, баржи и иные суда и вообще движимое и недвижимое имущество, устраивать речные пристани и товарные хранилища, заводить конторы и агентства, заключать займы, вступать во всякого рода дозволенные законом договоры и обязательства...”³³⁸.

Инициатором создания этой весьма значительной фирмы был шеговарский крестьянин Федор Васильевич Ившин. О масштабах его деятельности свидетельствует тот факт, что ко времени своей кончины, последовавшей в 1908 году, Ившин имел в собственности пять пароходов, девять барж, каменные склады на берегу Ваги, лавки, крендельную пекарню, перерабатывавшую до 30 пудов муки в сутки. Торговый оборот наследников предпринимателя к 1917 году составил около 400 тысяч рублей. Число подобных примеров можно умножить.

Покажем более конкретно роль местного торгово-промышленногословия на примере пинежских предпринимателей Володиных и шенкурского купца Федора Пластинина.

* * *

Пинежские купцы Володины. История возникновения и развития дела Володиных еще не была предметом исследований историков. До сих пор на Пинежье бытуют предания о тайне рождения первоначального капитала этой семьи.

Напомню одно из них. В 1968 году уроженец деревни Шардонемь А.П. Никулин в книге “Это было на Пинеге” рассказал: “Братья Володины начинали свои накопления ...весьма сомнительным способом: Иван Афанасьевич Лемехов служил в товариществе по строительству в С.-Петербурге. Служил преданно, считался скромным и скоро выдвинулся в казначеи. И вот однажды казначей исчез, а вместе с ним – большая сумма денег из сейфа товарищества... Вскоре на Пинеге объявился Иван Афанасьевич Володин: деньги сделали свое дело. Он открыл лавочку в с. Вонга. Подросли сыновья. Всех вывел отец на путь предпринимательства. “Товарищество братьев Володиных” стало настоящим спрутом, опутавшим кабалой не только сотни пинежских крестьян, но и себе подобных наживал. Свои щупальца протянул он на Мезень и Печору, в Архангельск и другие города Севера. В 1903 году Володины обладали капиталом в 13 миллионов рублей. Двадцать шесть володинских пароходов держали судоходство на Пинеге. Кроме того, было у Володиных до 70 барж. Володины диктовали плату за проезд пассажиров и плату за провоз грузов...”. Вывод автора книги таков: “С именами этих капиталистов связаны мрачные десятилетия кабальной жизни пинежских лесорубов, смолокуров, охотников и рыбаков”³³⁹.

Слов нет, рождение стартового капитала того или иного бизнесмена всегда окутано тайной, и подтверждение тому – события наших дней. Но некоторые данные, приведенные автором упомянутого издания, мягко выражаясь, явно не точны.

Документы свидетельствуют о том, что основатель семейного “дела” купец второй гильдии Иван Афанасьевич Володин вступил в купечество из крестьян в 1841 году³⁴⁰. Первоначально, как и многие русские купцы, скопив капитал на торговле, в 1872 году соорудил винокуренный завод, на котором в качестве сырья использовался мох. Завод имел 7 дрожжевых чанов по 55 ведер каждый. Спиртоприемник вмещал 75 ведер спирта. Но предпринимателя постигла неудача: в декабре 1874 года завод сгорел³⁴¹. Тем не менее, заведение, очевидно, принесло за два года немалый доход хозяину.

К началу XX века Володины имели весьма солидные средства, что позволило им в 1899 году соорудить небольшой лесозавод и основать торговый дом “Братья Володины”. В 1906 году дом был преобразован в “Торгово-промышленное товарищество Е.М.А. Братья Володины”. Устав объединения, утвержденный Николаем II 11 апреля 1906 года, дает обстоятельный перечень дел, которыми занимались в то время пинежские купцы. В их числе значились хлебная, мануфактурная, бакалейная и прочая торговля. Володины имели также буксирно-пассажирское речное пароходство на Пинеге и лесопильный завод. Учредителями товарищества, ставившего своей целью “продолжение и развитие” всех основных видов деятельности торгового-промышленного дома, были сыновья Ивана Афанасьевича: потомственный почетный гражданин Михаил Иванович Володин, его брат, купец первой гильдии Алексей Иванович, и их племянник, личный почетный гражданин Иван Егорович Володин. Основной капитал товарищества составил 1 млн. руб., разделенный на 500 паев по 2000 руб. каждый³⁴².

Устав товарищества был выработан в традициях предпринимательского дела в России. Он включал 87 правил, детально расписывал всю хозяйственную и управленческую деятельность объединения. В частности, устав давал право на голос во время собрания человеку, имевшему не менее пяти паев. А пайщики, располагавшие меньшим количеством паев, могли объединять свои паи во время голосования.

Володины действовали как рачительные хозяева. По итогам работы на 1 апреля 1912 года стоимость имущества товарищества составляла более 1 742 тысяч руб. В его распоряжении был лесопильный завод рядом с Пинегой (в Костополе), жилые дома в Архангельске, Пинеге и Карпогорах, а также паровая мельница и электростанция в Пинеге. Весьма внушительным было пароходство Володиных, в состав которого входили 11 пароходов, 50 деревянных судов, строения на пристанях и т.д. Только в 1911 году товарищество закупило три парохода: “Лев Толстой”, “Удалец” и “Кулой”, три деревянных баржи и многое другое³⁴³.

Володины поддерживали ежедневные рейсы пароходов между Архангельском и Пинегой.

Ежегодно на трех пилорамах лесозавода распиливалось до 90 тыс. бревен на сумму более двухсот тысяч рублей. Общий объем продукции составлял 4,5 тыс. стандартов досок. На лесозаводе трудилось более 200 рабочих, которым выплачивали около 60 тысяч рублей в год.

Общее собрание пайщиков, состоявшееся в конце августа 1912 года, утвердив отчет товарищества, констатировало получение за год прибыли на сумму 82 384 руб. 40 тыс. рублей из этой суммы ушли на выдачу дивидендов (по 80 рублей на пай). 7240 рублей были определены на запасной капитал, и почти 21 тысяча рублей использована на дальнейшее расширение предприятия. Уместно заметить, что, в соответствии с уставом товарищества, к годовым собраниям пайщиков тщательно готовились отчеты о его деятельности. Этот отчет включал, как правило, все сведения о состоянии капитала товарищества, его долгах, доходах и убытках, а также “счет чистой прибыли и примерное распределение ее”³⁴⁴. Отчеты о собраниях пайщиков и результатах общей деятельности товарищества публиковались в губернской печати, издавались отдельными брошюрами.

Учитывая сложность условий работы пароходства и лесозавода, их оторванность от Архангельска – основного места сбыта лесоматериалов, упомянутые выше результаты деятельности товарищества за 1912 год следует признать высокими.

Одной из особенностей товарищества являлся его семейный характер. Как уже отмечалось, учредителями его в 1906 году являлись два брата и их родной племянник. Позднее в числе директоров продолжал оставаться Алексей Иванович, Иван Егорович и сестра последнего Мария Егоровна Володины. Ближайшими родственниками учредителей были и все члены ревизионной комиссии: О.Е. Кокина, А.А. Володина, А.А. Кыркалова (дочь Алексея Ивановича, жена одного из известных лесопромышленников, выходца с Пинеге, М. Кыркалова), Е.С. Валькова и П.В. Губкина. Даже на складах Володиных в Архангельске работали братья С.А. и Г.А. Кокины, один из которых был мужем Ольги Егоровны. Володины имели родственные связи с известными архангельскими предпринимателями Мерзлюти-

ными: Анна Егоровна являлась женой купца 2-й гильдии В.М. Мерзлютина.

В работе товарищества существовала династическая преемственность. В 1912 году во главе обширного хозяйства стояло третье поколение Володиных. Иван Афанасьевич умер в 1876 году, будучи купцом второй гильдии. Его сыновья Михаил и Алексей стали уже купцами первой гильдии. А внук Ивана Афанасьевича Иван Егорович управлял заводом вплоть до установления советской власти. В январе 1920 года он получил паспорт для поездки в Англию и Италию. Судьба его пока для автора остается неизвестной. Вполне очевидно, что при стабильном развитии общества преемственность дела Володиных сохранилась бы и в последующий период.

Как и абсолютное большинство русских купцов, купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин купец Михаил Иванович Володин тщательно составил свое духовное завещание. Следуя сложившейся традиции, предприимчивый пинежанин умело распорядился нажитым богатством. Он проявил заботу о своих земляках, об увековечении памяти своей покойной супруги и своего собственного имени..

Каменный дом в Пинеге стоимостью 20 тыс. руб. с землей он передавал “в полную собственность Министерства народного просвещения с тем, чтобы в этом доме навсегда помещалось училище этого ведомства”. Все недвижимые ценности и денежные средства в сумме более 100 тысяч рублей он оставлял в наследство брату Алексею Ивановичу и племяннику Ивану Егоровичу. При этом Михаил Иванович обязал своего брата Алексея построить в Пинеге каменную богадельню под названием “Богадельня имени Евгении и Михаила Володиных” на 12 человек для престарелых и бесприютных лиц.

Завещатель предусматривал сооружение при заведении специальных комнат для заведующего и сторожа. Причем в комнате заведующего следовало поставить иконостас с образами святых Михаила Архангела и преподобной мученицы Евгении. Для обеспечения достойного содержания богадельни М.И. Володин выделял 25 тысяч рублей капитала, который следовало положить в Пинежское казначейство. Значительные суммы предназначались для Пинежского собора, а также Вонгской, Пильегорской, Валдакурской церквям. Часть выделенных средств поступала “на поминовение и служение панихид ...за рабов божиих Михаила и Евгению”³⁴⁵.

Михаил Иванович умер 12 октября 1917 года в возрасте 75 лет. И воля завещателя, естественно, не была исполнена: помешали революционные потрясения.

Таковы некоторые штрихи деяний династии пинежских купцов Володиных. Автор уверен в том, что со временем удастся найти и предать гласности и другие документы об их плодотворной деятельности.

* * *

Шенкурский купец Федор Пластинин. В центре Шенкурска сохранился старинный двухэтажный дом, принадлежавший некогда местному купцу второй гильдии Федору Григорьевичу Пластинину.

Солидное, по уездным меркам, сооружение выстроено еще в XIX веке, но до сих пор верно служит людям. На первом этаже дома, как и при жизни его

первого владельца, размещается магазин, а на втором – районные суд и прокуратура.

По сведениям, собранным в свое время местным краеведом П.И. Едемским, два брата Александр и Федор Пластинины, выбившиеся в купцы второй гильдии, были сыновьями местного шенкурского торговца с лотка.

Старший брат Александр долгое время служил мальчиком у местного предпринимателя М.Н. Карманова, а затем набирался делового опыта в Петербурге.

После смерти отца Александр получил небольшое наследство и купил ветхое строение с усадьбой, на месте которой быстро соорудил новый двухэтажный дом с магазином и хорошей кладовой. В том же доме начинающий торговец разместил трактир с биллиардом. Младший брат Федор сидел за кассой и исполнял роль маклера.

В поисках торговой выгоды Пластинин вошел в состав первой в Шенкурске фирмы на вере под названием “В. А. Осипов и К^о”. В числе компаньонов состояли известные в городе торговцы: Захар и Василий Осиповы, Федор Шишкин, по инициативе которых в городе был построен солидный винный склад и налажена торговля вином во всем уезде.

Но компаньоны не поладили между собой. Пластинин, порвав с фирмой, решил действовать самостоятельно. Он основал магазин в Устьявском селении, часть помещений в своих шенкурских домах сдавал в аренду мелким торговцам, впервые в истории города стал ездить за товаром в Москву. Основной доход купцу приносила торговля вином³⁴⁶. По свидетельствам современников, торговец сам изготовлял дешевые фальсифицированные вина и настойки. В конце 70-х годов XIX века старший Пластинин считался преуспевающим дельцом. Согласно описи городских властей, к тому времени он имел “магазин и лавки с разными товарами, оптовый склад вина и спирта, ренсковый погреб и трактирное заведение”³⁴⁷.

Однако успешно начатое дело потерпело полный крах. Купца подстерегли две беды: он превратился в беспробудного пьяницу и “прославившегося” на весь уездный центр дебошира. А летом 1882 года во время крупного пожара сгорели его дом и винный склад. Пластинин полностью разорился и спустя полтора года умер.

Тем временем младший брат Александра, Федор, набравшись опыта и используя небольшое отцовское наследство, начал свой длительный путь в торговле. Молодой предприниматель основал небольшую лавку в доме жены, чтобы продавать горожанам и жителям ближних деревень мануфактуру, бакалейные и другие товары. Федор Григорьевич, наученный горьким опытом старшего брата, всю жизнь вел трезвый образ жизни, вершил свои дела с большой осторожностью. К тому же он после серьезной болезни рано оглох и общался с людьми, имея при себе записную книжку и карандаш для собеседника.

В делах шенкурской городской управы за 1884 год сохранилось заявление 38-летнего торговца с просьбой зачислить его вместе с женой Евдокией Федоровной и детьми в состав купечества второй гильдии и выдать ему соответствующее свидетельство и билет на торговое заведение, “находящееся в доме жены по Петербургской улице”³⁴⁸.

Как свидетельствуют воспоминания потомков, Федор Григорьевич не раз в течение года сам ездил за товарами в Москву. Это помогало ему бороться с конкурентами: он умело подбирал нужную для жителей города и уезда мануфактуру, которая быстро находила сбыт. Большинство же его конкурентов действовали по старинке: все необходимое для продажи они закупали только один раз в году, как правило, на Евдокиевской или местной уездной ярмарках. Понятно, что такой товар быстро терял внешний вид, сбывать его было трудно.

Кроме того, купец торговал по-новому: первым в городе он стал предоставлять кредит своим покупателям. Это привлекало к магазину широкий круг клиентов: местных чиновников, обывателей и политических ссыльных. В лавке всегда продавались ситцы, сукна, платки, бакалея, соленая рыба и многое другое. Позднее купец завел в доме крендельную пекарню и торговал свежими булочными изделиями.

Экономное ведение дела, открытие в городе и в уезде новых лавок с наемными приказчиками позволили Федору Григорьевичу иметь доход, соорудить упоминавшийся выше дом, рядом с которым располагался просторный кирпичный склад.

Как свидетельствуют воспоминания современников, торговая деятельность купца была лишена элементов хищничества³⁴⁹. Среди потомков сохранилось семейное предание: после установления Советской власти Пластинина вызвали в городской совет, где якобы состоялся такой разговор:

– Ну, Пластинин, мы тебе разрешаем торговать, но уж больше тридцати процентов прибыли брать не дадим!

– Вот как! А я никогда не брал больше трех!

По условиям отдаленного уездного города, каким был в то время Шенкурск, Пластинин имел приличный доход. К началу революции 1917 года торговый оборот его магазинов и лавок составлял около 60 тысяч рублей.

Многие документы позволяют подробнее рассказать о быте рядовой купеческой семьи, судьба которой, по нашему мнению, была во многом типичной для торгового российского сословия, втянутого волной событий в крутой вихорь революционных перемен.

* * *

В начале XX века Федор Григорьевич был кряжистым человеком с высоким лбом, русыми волосами и большой рыжей бородой, несколько чудаковатым и вспыльчивым, что объяснялось его глухотой, существенно затруднявшей контакты с окружающими. В городе за купцом прочно утвердилось прозвище “Федька глухой”.

Рабочий день главы семьи и его жены Евдокии Федоровны начинался очень рано. Они наскоро пили чай и спускались на первый этаж в свою лавку, где были заняты целый день. В торговле купцу помогали девушки-приказчицы.

Днем Федор Григорьевич любил иногда поиграть в шашки со знакомыми покупателями. Семья жила скромно. О бережливости, как черте домашнего быта, свидетельствует, например, такой факт: в доме никогда не разрезали упаковочные веревки, их тщательно развязывали, чтобы снова употребить в дело.

Купеческая семья быстро росла: у Евдокии Федоровны и Федора Григорьевича было пятеро детей. Сыновья и дочери воспитывались в строгости: им никогда не разрешалось брать для себя что-либо из товаров, находящихся в лавке. Исключение составляли дни ангела, когда имениннику позволялось выбрать в ней подарок по своему вкусу.

Глава семьи, ограниченный в общении с людьми, рано пристрастился к чтению и собрал большую библиотеку, выписывал толстые журналы, и прежде всего самое популярное в то время издание – журнал “Нива”. Нередко книги покупались у политических ссыльных или чиновников, покидавших Шенкурск. В большом зале, где сейчас проходят заседания суда, стояли высокие книжные стеллажи.

Вопреки хрестоматийным представлениям о купеческой среде как “темном царстве”, все дети Пластинина получили хорошее образование. Исключение составил старший сын Александр, который, окончив начальную школу, остался в городе помогать отцу в торговле.

Сын Никандр учился в университете. Все дочери – Мария, Вера и Анна – окончили архангельскую гимназию, а позднее завершили образование на высших женских курсах. Анна сдала выпускные экзамены при Петербургском университете.

Значительное влияние на формирование мировоззрения детей купца оказали политические ссыльные, со многими из которых был знаком сам глава семьи. Дочери Вера и Мария хорошо знали семью политического ссыльного А. Мейера. Мария Федоровна вышла замуж за Александра Цыкарева, привлекавшегося властями к ответственности за участие в выступлениях крестьян в 1906 году. Анна Федоровна некоторое время сидела в шенкурской тюрьме по подозрению в связях со ссыльными.

Очень рано вступил на революционный путь сын купца Никандр Федорович. За участие в студенческих волнениях в 1902 году он был исключен из Петербургского университета и выслан на родину. Здесь он дождался призыва в армию, где вновь подвергся репрессии: за участие в Свеаборгском восстании его заключили в крепость.

Будущая жена Никандра Ревекка Майзель помогла молодому революционеру бежать из заключения. А год спустя после этого супруги Пластинины оказались в эмиграции, которая продлилась десять лет.

Не был в стороне от событий и сам Федор Григорьевич. Знакомые политссыльные давали ему московские адреса, и он, совершая поездки за товарами, привозил в Шенкурск нелегальную литературу.

Сохранились сведения о том, что в период, когда повзрослевшие дети разъехались на учебу, ссыльных принимали в дом в качестве постояльцев с полным пансионом.

Нет ничего удивительного в том, что дети состоятельного человека оказались в лагере радикально настроенной молодежи: настроения выходцев из довольно состоятельной семьи вполне “вписывались” в общую картину исканий демократически настроенной молодежи той поры.

Сын купца Никандр оказался в партии большевиков, а Вера Федоровна стала женой лидера шенкурских правых эсеров Леванидова Якова Петровича. И это повлияло самым непосредственным образом на их дальнейшую судьбу.

* * *

Революционные события 1917 года, гражданская война потрясли до основания уклад купеческой семьи.

Вскоре после февральской революции в родной город возвратился Никандр Федорович с женой Ревеккой Акибовной. Это были интеллигентно-революционеры, значительная часть сознательной жизни которых прошла в эмиграции. Первую скрипку в семейном дуэте играла жена, обладавшая сильным напористым характером. Пристроившись на педагогическую работу, Пластинина уже летом 1917 года создала в городе женский социалистический союз.

Постепенно дом купца превратился в штаб шенкурских большевиков. Сюда нашли путь 24-летний житель Афаносовской волости Степан Кузьмич Попов, затем рабочий местного лесозавода Павел Едемский. Сын и невестка купца скоро стали ведущими фигурами в уездном совете и его исполкоме.

По их инициативе были проведены: обложение чрезвычайным налогом всех имущих, национализация кооперативной типографии, осуществлены разгон земских органов власти и арест членов правления союза смолокурных артелей Важской области А.Е. Малахова, Г.А. Дегтева и С.П. Костылева.

Можно лишь только догадываться о том, что творилось в купеческом доме, какие чувства испытывал его хозяин.

Сложность обстановки в семье обострялась тем, что одна из дочерей Федора Григорьевича Вера Федоровна была женой директора Шенкурского коммерческого училища Якова Петровича Леванидова. Это был авторитетный и известный во всей губернии человек. Вскоре после февральской революции он был избран председателем нового органа власти – уездной народной управы, а затем уездным правительственным комиссаром. В конце 1917 года Яков Петрович возглавил губернскую земскую управу.

В отличие от своих родственников – большевиков, Яков Петрович, будучи руководителем местной организации правых эсеров, последовательно выступал в поддержку Учредительного собрания, против мобилизации в Красную Армию, проводившейся в уезде летом 1918 года.

Противостояние между родственниками закончилось трагически. В середине июля 1918 года, в разгар работы 6-го Шенкурского уездного съезда Советов, Яков Петрович был арестован и немедленно увезен в Архангельск. В сентябре того же года по приговору губЧК его расстреляли недалеко от Верхней Тоймы.

Федор Пластинин, пережив сложнейшие перипетии революционных и военных событий, умер в декабре 1919 года. Сыновья и дочери вскоре после окончания гражданской войны на Севере навсегда покинули родной край.

Старший сын купца Александр пытался торговать в Шенкурске по законам НЭПа, но неудачно. За неуплату налогов у него описали имущество, и он также уехал из родного города. Некоторое время работал коммерческим директором на одном из лесозаводов в Кеми. Трое его сыновей погибли на фронте в период Великой Отечественной войны. Сын и дочь посвятили жизнь педагогическому труду в московских учебных заведениях.

...Имя предпринимателя-самоучки, добившегося собственным трудом заметных результатов в своей деятельности, на долгие годы кануло в Лету. Известность на родине обрел только его сын Никандр Федорович, активный участник борьбы за установление советской власти на Севере. Его имя всегда

упоминалось в краеведческих изданиях, оно увековечено в названии одной из шенкурских улиц. Но история со временем каждому воздаст свое – выйдут из небытия и деяния деловитого северянина – купца Федора Пластинина.

Деловые люди уездов

³³³ Жизни и деятельности И.С. Леванидова и А.А. Леванидова посвящена обстоятельная монография профессора В.И. Поташева “Град Ростов и его голова Леванидов”. Ростов н/Д.: NB, 2004 – 316 с. с ил.

³³⁴ ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т.23. Д. 297. Л. 3–223.

³³⁵ Там же Ф. 340. Оп. 1. Д. 502. Л. 51, 70.

³³⁶ Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 год. Архангельск, 1912. С. 208.

³³⁷ ГААО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 390. Л. 1.

³³⁸ Устав товарищества Важского крестьянско-коммерческого пароходства”. Архангельск, 1912. С. 3.

³³⁹ Никулин А.П. Это было на Пинеге. Архангельск, 1968. С. 4 - 5.

³⁴⁰ ГААО. Ф. 51. Оп.11.Т. 23. Д. 297. Л. 158.

³⁴¹ Там же. Ф. 52. Оп.1. Д. 63, л. 1; Д. 83. Л. 6,13.

³⁴² Устав торгово-промышленного товарищества “Е.М.А. Братья Володины”. (Далее Устав...Братья Володины). Архангельск, 1906. С. 1.

³⁴³ См. Отчет торгово-промышленного товарищества “Е.М.А. Братья Володины” за шестой (1911-1912) операционный год. Архангельск, 1912. С. 2,3,15 и др.

³⁴⁴ Устав...Братья Володины С.24–25.

³⁴⁵ ГААО. Ф. 69. Оп. 2. Д. 309. Л. 16.

³⁴⁶ В старых документах и справочниках постоянно встречается понятие “**ренский погреб**”. Правильное написание – “**ренковский погреб**”. Происходит от слова рейнвейн – вино с Рейна, или виноградное вино. Поэтому р.п. – погреб для виноградных вин.

³⁴⁷ ГААО. Ф. 340. Оп. 1 Д. 177. Л. 26-27.

³⁴⁸ Там же. Д. 274. Л. 1.

³⁴⁹ Сведения почерпнуты из воспоминаний внучки купца М. Раковой. См.: Ракова М. Купец Федор Пластинин // Важский край. 1992. 19 дек.

ТОРГОВЫЙ ДОМ

“АНДРЕЙ И ЯКОВ БЕЛЯЕВСКИЕ”

На углу набережной Северной Двины и архангельской улицы имени Выучейского сохранился старинный особняк. Долгое время в нем размещалась контора архангельского отделения Внешторга. Затем тут была обычная коммунальная квартира, в которой некоторое время, в период работы в газете “Волна”, жил писатель Аркадий Гайдар. Об этом событии в жизни писателя напоминает сейчас мемориальная доска.

Но лишь узкий круг краеведов знает, что этот дом принадлежал купцу Якову Андреевичу Беляевскому, с именем которого связана одна из ярких страниц в истории северного предпринимательства.

* * *

В 1865 году в Архангельске поселился вместе с женой и 8-летним сыном Яковом шенкурский крестьянин Андрей Филиппович Беляевский. Судьба этого человека типична для бизнесмена того времени. Занимаясь вместе с братом Петром извозом и продажей смолы, Андрей Филиппович скопил небольшой капитал и стремился расширить свое дело. Сразу после переезда в губернский центр он купил дом, расположенный на одном из самых бойких мест.

Беляевский облюбовал жилье на углу нынешнего проспекта Ломоносова и улицы Выучейского. Здесь в XIX веке располагалась Сенная площадь, на которой во время зимних торгов скапливались десятки подвод: шла оживленная торговля сеном, овсом и другими припасами. Шенкурянин, наделенный деловой хваткой, быстро соорудил здесь конюшню и постоялый двор, которые стали приносить хозяину немалый доход.

Затем Беляевские купили усадьбу разорившегося пароходчика Кондакова на Набережной Северной Двины и постепенно скупили всю территорию по одной из сторон нынешней улицы Выучейского вплоть до набережной. Они возвели здесь дома и хозяйственные постройки. Так на углу набережной и появилось здание, сохранившееся до наших дней.

Андрей Филиппович, обосновавшись в городе, занимался закупкой смолы и поставкой ее на экспорт, завел небольшую торговлю. В 1885 году он взял в аренду у городской думы два участка земли: на Льяном буяне и на городском выгоне, чтобы построить склады для хранения смолы, пека, скипидара, льна и овса. И все-таки усердному, но малограмотному торговцу явно не хватало размаха. К тому же он всегда испытывал нужду в средствах.

Понимая свои ограниченные возможности, купец сделал ставку на единственного наследника – сына Якова. С этой целью Андрей Филиппович сделал решительный шаг: направил 17-летнего юношу в Англию.

Пять лет с 1876 по 1881 гг. Яков жил на чужбине, набирался умения вести торговые дела. В первое время он служил рядовым конторщиком. Овладев английским языком, стал ведать оптовыми сделками. Естественно, что Беляевский поддерживал тесные связи с родиной. Архангельские купцы поручали Якову Андреевичу заключать предварительные сделки в европейских странах. Пользуясь связями, молодой бизнесмен установил близкое знакомство со всемирно из-

вестной фирмой “Ротшильд и сын”. Эта банковская контора предоставила способному русскому парню неограниченный кредит, что позволило Беляевскому заранее закупать нужные товары, стоимость которых покрывалась с началом навигации и поступлением грузов из России. “Попутно, – вспоминал позднее Беляевский, – я по поручению отца и архангельских торговцев продавал в Англию, Германию, Голландию и Францию пек, скипидар, звериное сало, тюленьи кожи и замшу”³⁵⁰. Нетрудно заметить, что на внешнем рынке купец успешно продавал те же товары, какие реализовывались его предшественниками сразу после основания Архангельска. Но как изменилась ситуация! 20-летний человек, выходец из далекого Шенкурска, владевший английским языком и обучившийся навыкам коммерческого дела, успешно заключал крупные сделки.

Беляевский во время пребывания в Англии взял на себя представительство от ряда фирм по сбыту в России чая, соли, фруктов, цемента и других товаров, имел полное доверие своих бывших патронов.

После возвращения Якова из Англии Беляевские быстро расширили масштабы своего дела. Вспоминая об этом времени, Яков Андреевич писал позже: “Мой отец был малограмотным. Один делом руководить не мог. И тогда, в 1885 году, мы основали фирму “Торговый дом Андрей и Яков Беляевские”. С этого времени мы с отцом торговали смолой, пеком, скипидаром, тюленьим жиром и кожами, льном, куделей, овсом, льняными семенами, рогожей и куриными яйцами”. У нас была своя паровая мукомольная мельница. На внутреннем рынке мы широко торговали мукой и хлебом”³⁵¹. Кроме того, Беляевские приумножили свое богатство благодаря женитьбе Якова на дочери известного в Архангельске пароходовладельца Афанасия Бульчева – Анне Афанасьевне. Словом, к началу XX века фирма сумела сколотить весьма приличный капитал.

Беляевские почти монопольно владели хлебной торговлей в Архангельске. В конце XIX века отец с сыном были крупными экспортерами с Севера смоляных продуктов. Так, в 1890 году они вывезли за границу 580 пудов скипидара, 33 648 бочек смолы и 4600 – пека. В 1893 году, сохранив те же объемы экспорта смолы и пека вывоз скипидара увеличили до 2500 пудов, т.е. более, чем в 4 раза. Это были весьма существенные масштабы, если учесть, что общий вывоз этих продуктов в том году составлял соответственно 3311 пудов скипидара, 76 663 бочек смолы и 16285 – пека³⁵².

Отец и сын стали купцами первой гильдии. Андрей Филиппович, получивший домашнее образование, пользовался значительным авторитетом в городе. Они трижды избирался гласным в городскую думу, имел медали на Аннинской и Станиславской лентах. На специальном заседании городской думы 30 ноября 1895 года Беляевский вместе с А.М. Починковым был избран ассистентами, удостоенным чести сопровождать городского голову В.В. Гувелякена на торжественный акт коронации Николая II³⁵³.

После смерти Андрея Филипповича (это случилось в 1906 году) Яков Андреевич не изменил названия фирмы, зато увеличил объемы торговли. К тому же он стал наследником своего дяди Петра. К 1916 году Беляевский имел во владении девять жилых домов, содержал пароходную пристань, расположенную недалеко от его дома на набережной Северной Двины. А на пятой версте по Почтовому тракту был его пековаренный завод. Общий оборот фирмы составлял около 2 миллионов рублей, в том числе свыше полумиллиона рублей достигал оборот экспортной торговли³⁵⁴.

Пятнадцать лет Беляевский возглавлял правление компании Северного речного пароходства. Он входил в состав учетного комитета русского для внешней торговли торгового банка, правления биржевого комитета, был попечителем совета фельдшерской школы, директором местной тюрьмы, церковным старостой при архиерейской церкви, не раз избирался гласным городской думы.

Действуя в традициях российского предпринимательства, Беляевские вносили значительные суммы на благотворительные цели. Одной из первых значительных акций купцов явилось сооружение здания для Благовещенской церковно-приходской школы в Архангельске³⁵⁵. В “Архангельских епархиальных ведомостях” за 1906 год появился некролог, посвященный памяти основателя купеческой династии. Этот орган публиковал некрологи о людях, проявивших заботу о церкви и сделавших что-то весомое в благотворительном деле.

“22 мая 1906 года, – говорилось в этой любопытной публикации, – умер купец 1 гильдии, прихожанин Н. - Пуйской церкви Андрей Филиппович Беляевский... Ежегодно зимой во время поездок в Москву посещал он свою родину и делал для нее много доброго. Он подарил церкви 6 висячих лампад, колокол весом в 82 пуда... Он вложил на имя церкви 2000 рублей. На проценты с вклада будет ремонтироваться церковь” Далее приводились сведения о том, что до проведения железной дороги Архангельск–Вологда Беляевский помогал крестьянам, давал им возможность возить свои грузы, обеспечивал работой в зимнее время. Андрей Филиппович основал на родине церковно – приходскую школу, выстроил для нее здание.

“Выйдя из простого сословия и испытав в молодости все тяготы крестьянской жизни, – отмечалось в некрологе, – Андрей Филиппович уделил внимание несчастным и устроил на родине богадельню своего имени”³⁵⁶.

В уставе богадельни, утвержденном в феврале 1903 года, отмечалось: “Андреевская богадельня учреждается в деревне Левковской Нижнепуйского общества Ровдинской волости Шенкурского уезда близ Нижнепуйской приходской церкви, архангельской первой гильдии купцом Андреем Филипповичем Беляевским с сыном Яковом Андреевичем Беляевским в память о погребенных при этой церкви рабах Божиих: Филиппа, Петра, Марфы, Елены и их сродников”.

Для устройства заведения купец пожертвовал собственный дом в деревне Левковской и более 26 десятин земли “в полную и неотъемлемую собственность богадельни на вечные времена”. Для содержания 20 призреваемых купцы пожертвовали также 40 тысяч рублей, проценты с которых должны были покрывать все расходы. Андрей Филиппович завещал совету богадельни “открыть на средства богадельни школу для малолетних детей имени Государя Императора Александра II в воспоминание проезда его Императорского Величества через эту местность в 1858 году”. Устав закрепил в качестве пожизненного попечителя Якова Беляевского. А выборные попечители в количестве двух человек “из самых уважаемых крестьян” должны были избираться Нижнепуйским сельским обществом.

Продолжая дело отца, Яков Андреевич регулярно жертвовал крупные суммы в пользу города, особенно много на содержание больниц. В 1906 году, например, он пожертвовал 10 тыс. рублей на устройство инфекционного отделения при больнице приказа общественного призрения. Заслуги его были высоко оценены: в 1905 году Беляевский стал потомственным почетным гражданином. В феврале 1913 года он в числе самых известных представителей города выезжал в

столицу – для участия в торжествах, посвященных 300-летию дома Романовых. В честь этого события он был удостоен серебряной медали на Аннинской ленте и особым памятным знаком.

Между тем Россия подошла к периоду новых социальных потрясений, до основания разрушивших весь уклад прежней жизни и изменивших судьбы всех людей.

После освобождения Архангельска от власти белогвардейского правительства Яков Беляевский был арестован. Ему предъявили обвинение в том, что он якобы вместе с М. Ульсеном приказал капитану парохода, шедшего из Англии и груженного углем, остаться в Норвегии и проявил, таким образом, “явный саботаж”, который наносит серьезный вред Советской республике, “грозя остановкой ... доставке хлеба из Мурманска, замиранию рыбо-звериных промыслов”³⁵⁷. Ни Беляевский, ни арестованный по этому же делу лесопромышленник Мартин Ульсен не имели к акции никакого отношения: пароход вместе с грузом был арестован норвежскими властями за долги правительства Н.В. Чайковского Бергенскому пароходству. Но в суть дела вникать никто не хотел.

В “деле” бывшего купца хранится отчет об обыске в его доме, подписанный уполномоченным губЧК. Обыск был произведен с целью “выемки необходимых документов”. Судя по отчету, никаких документов найти не удалось, но зато чекистам удалось выявить кладовую с продуктами. Семья Беляевского лишилась двух ящиков портвейна, ящика мыла, ящика соли, бочки соленого мяса, ящика консервов. Чекисты забрали с собой также телефонный аппарат, морской бинокль, компас, 4 больших золотых медали, серебряные и золотые монеты и т.п.

Заключение уполномоченного гласило: “поскольку Беляевский принадлежит к зажиточному классу, а также и то, что все взятые продукты являются излишками... и приобретены спекулятивным образом”, то их следует конфисковать. Все конфискованные вещи были доставлены в губЧК, чуть позднее Беляевскому возвратили лишь шесть деловых печатей и знак архангельского городского самоуправления³⁵⁸.

Нетрудно понять масштабы личной трагедии Якова Андреевича. Новая власть сделала ненужным все то, чему он служил с неиссякаемой энергией и полной самоотдачей: все предприятия и дома были национализированы. Три месяца он безвинно просидел в губернской тюрьме, подвергся небывалому унижению и оскорблению человеческого достоинства.

В “деле” купца хранится любопытное прошение верующих Крестовой церкви, подписанное несколькими десятками прихожан. Ввиду храмового праздника 16 апреля, они просили губЧК “освободить из-под ареста старосту храма гражданина Я. А. Беляевского, который более 20 лет состоит в этой должности”. Они брали поручительство о невыезде Якова Андреевича из Архангельска. Просьба была отклонена³⁵⁹.

Но 63 - летний купец не был сломлен. Вскоре после выхода из тюрьмы он решил служить новой России своими знаниями и огромным практическим опытом. В заявлении в контору Внешторга он писал: “Имея 45-летнюю практику по делу заготовки в России и экспорту смолы, пека, скипидара и канифоли..., считаю себя обязанным предложить свои услуги в сотрудники Вашего учреждения, как практика своего дела”³⁶⁰.

Характерно, что еще во время пребывания в тюрьме руководители архангельской конторы Внешторга регулярно ходили на свидания к Беляевскому для консультаций по проблемам заготовки продукции для экспорта. Руководители

губЧК вынуждены были по просьбе наркомата внешней торговли содержать арестанта “в привилегированном положении: давать возможность питаться из дому и разрешать деловые свидания”³⁶¹.

Архив сохранил многие свидетельства того, как бывший купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин со знанием дела налаживал связи с поставщиками товаров, восстанавливал контакты с зарубежными фирмами.

Однако служба в советском учреждении не спасла Беляевского от новых гонений. В апреле 1921 года он опять предстал перед следователем губернской чрезвычайки. На этот раз ему, как и шестидесяти его коллегам по бизнесу, было инкриминировано новое “преступление”: служба во времена интервенции в составе национального ополчения и подписка на заем белогвардейскому правительству в размере 100 тысяч рублей.

Вызов Якова Андреевича в ЧК ускорил анонимный доноситель. В небольшой записке этот человек утверждал: “Яков Беляевский был одним из главных организаторов добровольного ополчения. Он заставил записаться в него своего кучера, работников, дворника...Затем, почуяв беду, ушел из национального ополчения”. Заканчивая депешу в ЧК, доноситель сетовал на то, что совсем напрасно “этому белому гаду дали должность во Внешторге”³⁶².

Вызов в ЧК ограничился на этот раз допросом и подпиской о невыезде из города. Беляевский остался на своей службе. А в январе 1922 года он вместе с лесопромышленником Ульсеном отправился в Лондон для налаживания и расширения экспортных сделок Советской России.

На этом, к сожалению, след купца обрывается. Пока удалось лишь выяснить, что сподвижник Беляевского Ульсен умер в Лондоне в 1924 году. А к Якову Андреевичу выехала его жена Анна Афанасьевна с племянницей Марией Гурылевой. Есть сведения о том, что Беляевский определил Гурылеву в лондонскую балетную школу, после окончания которой она стала известной балериной, с успехом выступала на сценах многих европейских театров³⁶³.

Остается добавить, что в конце 1922 года Яков Беляевский реабилитирован по делу 1921 года, ибо, как отмечается в документе комиссии по реабилитации, “выдвинутое против него обвинение является несостоятельным, дело на него подлежит прекращению за отсутствием состава преступления”.

“Торговый дом Андрей и Яков Беляевские”

³⁵⁰ГААО. Ф. 567. Оп.2. Д. 163. Л. 5.

³⁵¹Там же.

³⁵²Токарский М.А. Кустарное смолокурение в России. СПб., 1895. С. 89.

³⁵³ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 825. Л. 7.

³⁵⁴Там же. Ф. 187. Оп. 1. Д.540.

³⁵⁵Архангельские епархиальные ведомости. 1911. 1 окт. (№ 19). С. 780.

³⁵⁶Там же. 1906. 30 июля. С. 419–422.

³⁵⁷Архив РУФСБРФ. Д.6247. Л. 41.

³⁵⁸Там же. Л. 84.

³⁵⁹Там же. Л. 85.

³⁶⁰ГААО. Ф. 557. Оп. 2. Д.169. Л.1.

³⁶¹Архив РУФСБРФ. Д.6247. Л. 14.

³⁶²Там же. Л. 172.

³⁶³Советская мысль (В. Устюг.) 1922. 28 авг.

У МАКАРОВА ЯКОВА ДЕЛА БЫЛО ВСЯКОГО

Архангельские старожилы еще недавно при случае припоминали хорошо известную когда-то в городе байку. Якобы купец Макаров, стремясь побить своих конкурентов на пригородных речных перевозках, не только не взимал платы с пассажиров своих пароходов, но настрого наказал командам угощать всех во время рейсов стаканом сладкого чая с сушкой.

Трудно установить сейчас подлинность факта, лежавшего в основе этой легенды. Но, изучив десятки документов о жизни и трудах Якова Макарова, вполне допускаю, что этот человек мог иногда выкинуть такое коленце.

По общероссийским критериям Макаров был бизнесменом средней руки. Он уступал размерами своего капитала даже многим архангельским торговцам. Но, пожалуй, никто из них не оставил столь приметного следа в жизни города, как Яков Ефимович. Хозяйственная и общественная деятельность этого человека длилась более сорока лет.

* * *

Основателем купеческой династии стал бывший солдат Парфентий Макаров, который занялся галантерейной торговлей. Дело предпринимателя продолжили его сыновья: Василий и Ефим.

Первый из братьев, успешно торгуя хлебом и другими товарами, стал в конце XIX века купцом второй гильдии. А Ефим Парфентьевич прославился тем, что основал на берегу Северной Двины известные в Архангельске бани, расположенные между улицами Театральной и Пинежской. Чуть позже он соорудил чугунолитейную мастерскую в Соломбале.

Оба брата имели многочисленное потомство. У Василия Парфентьевича было трое сыновей: Николай, Александр и Фантин, основавшие в 1900 году полное товарищество “Торговый дом В.П. Макаров”.

Троих сыновей – Якова, Григория и Василия – имел Ефим Парфентьевич. Самым известным представителем макаровской династии стал Яков Ефимович Макаров, родившийся в 1851 году.

* * *

Яков Макаров, в отличие от полуграмотного отца, получил блестящее по тем временам образование: он в 1871 году окончил Петербургский технологический институт.

Свою трудовую жизнь Макаров начал мастером в отцовских мастерских, где производил ремонт местных военных судов и пароходов только что созданного Мурманского пароходства.

Его отец Ефим Парфентьевич с чувством гордости известил своих клиентов через газету “Архангельские губернские ведомости”: “Сын мой, Яков Макаров, кончив курс учения в С. –Петербургском технологическом институте по мастерствам: литейному, слесарному, кузнечному, механико-токарному и пр., прибыл в Архангельск и в принадлежащих мне мастерских под личным своим наблюдением приспособил мастеровых к более удобной выделке изделий по новому способу и с применением новых усовершенствованных инструментов производит теперь отливку медных и чугунных вещей, требующихся на иностранные и русские суда и другие поделки... Надеюсь, что публика не оставит своим вниманием к заказам”³⁶⁴.

Молодой Макаров стал быстро расширять дело. Сначала он построил три небольших пароходика, или “паровых барказа”, для перевозки людей на левый берег и для пригородного сообщения. Документы сохранили названия макаровских судов. Это были “Перевозчик”, “Соломбала” и “Первенец”. По преданию, пароходик “Первенец” совершал рейсы по реке Пинеге, на нем не раз ездил на родину знаменитый Иоанн Кронштадтский. Предпринимательский нюх молодого бизнесмена оказался безупречным: не за горами было время, когда к левому берегу подошла железная дорога и поток пассажиров из города устремился с речного на железнодорожный вокзал и обратно.

Вскоре в макаровской флотилии появились еще три парохода. Яков Ефимович не мудрил с их названиями. Они рождались естественно, сами собой: “Четвертый”, “Пятый” и “Родина”³⁶⁵. А затем купец стал приобретать не только пассажирские, но и буксирные пароходы.

В конце XIX века предприниматель имел свой большой жилой дом, механический и лесопильный заводы, шесть пароходов, успешно вел заграничную торговлю. Уголь для нужд своих заведений и пароходов он выписывал из-за границы, чугун и железо приобретал на Усть-Сысольском и Кажимском заводах, лес покупал у частных лиц или с торгов в управлении государственного имущества. Общая стоимость имущества к тому времени составляла около 300, а годовой оборот капитала – 500 тыс. рублей³⁶⁶.

Из года в год росло доверие кредиторов к делам купца. Если в момент вступления в свое дело он робко просил у банка открыть ему кредит 2 000 рублей, то на грани веков он увеличил его до 13 тыс. рублей в год. А в 1901 году члены учетного комитета А. Беляевский и А. Шольц дали для банковской конторы такое заключение о делах Я. Макарова: “Ввиду достаточного имущественного положения, деловитости, хорошей репутации в торгово-промышленной сфере, правильного роста дела, для развития которого г. Макарову нужны увеличенные оборотные средства, комитет полагает вполне возможным, без риска для интересов Госбанка, увеличить просителю кредит до 50 тыс. рублей”. В 1912 году ежегодный кредит Макарова составлял уже 150 тыс. рублей³⁶⁷.

В начале XX века Макаров учредил акционерное общество “Архангельское речное легкое пароходство” с уставным капиталом в 100 тыс. руб. По уставу общества, подписанному Николаем II 26 апреля 1907 года, правлению разрешалось “приобретать в собственность, устраивать и арендовать строения, пароходы, суда, пристани, доки, верфи и другие сооружения”³⁶⁸.

К этому времени Яков Ефимович вступил в права хозяина мастерских в Соломбале. Тогда же он перевел на свое имя и “банное хозяйство” своего отца, постепенно отходившего от дел.

Соперничая со своим конкурентом Тимофеевым, Яков Ефимович вслед за центральными построил Успенские, или Садовские, а также Соломбальские, или Островские, бани.

Читаешь документы и с трудом представляешь себе, чтобы человек совершенно добровольно избрал такой беспокойный удел.

Солидное пароходство, механический завод, бани... Хлопот хватало. Но не таков было Яков Ефимович, чтобы довольствоваться этим. В довершение всего он соорудил в Соломбале лесопильный завод и открыл самостоятельную лесную торговлю с заграничными клиентами.

Как уже отмечалось, на грани XIX и XX веков годовой оборот макаровских заведений составлял около полумиллиона рублей. Если учесть стоимость иму-

щества, то Яков Ефимович уверенно приближался к разряду бизнесменов с миллионным состоянием.

Наиболее весомый доход Макарову приносил лесозавод. В 1914 году, например, на нем трудилось свыше 270 человек рабочих, которые распиливали до 150 тысяч бревен стоимостью около 520 тыс. рублей.

В отличие от многих своих коллег, Макаров был предприниматель-универсал: он одновременно занимался многими делами. Говоря современным языком, он являлся и директором лесозавода, и начальником пароходства, и заведующим коммунальным хозяйством. Отражением этой стороны его деятельности был фирменный бланк купца. Надпись на одном из его вариантов гласила: “Потомственный почетный гражданин Яков Ефимович Макаров. Пароходство: пассажирско-почтовое, буксирное. Заводы: механический и лесопильный. Торговые бани в г. Архангельске и Соломбале”.

Правда, по мере расширения своего обширного хозяйства, Макаров, по примеру других предпринимателей, стал использовать на своих заведениях специальных управляющих. Так, с 1905 года заведующим лесозаводом купца на долгий срок стал Василий Семенович Ваганов³⁶⁹.

Вступив на стезю бизнеса, Макаров постоянно искал новые сферы применения своей энергии. Еще будучи студентом, он предложил городской думе оригинальный проект сооружения моста через Кузнечиху. Макаров активно боролся за право участия в строительстве городского трамвая, в исследовании Шпицбергена.

Была еще одна подкупающая особенность в стиле Макарова как предпринимателя: коллеги высоко ценили его за верность слову, за честность в ведении дел. Архив сохранил десятки характеристик купца, без которых он не мог получить банковский кредит. Еще в 1890 году самые уважаемые предприниматели города дали такой отзыв о нем: “Якову Ефимовичу Макарову присущи энергичная деятельность, заботливость, честность и аккуратность в ведении дел, обязательность. Он нам всем известен с хорошей стороны”³⁷⁰.

Человек необычайной энергии, Яков Ефимович сразу же окунулся в общественную жизнь города. Он не раз избирался гласным городской думы, стал известен многими делами. В 1913 году в одном из солидных изданий, увидевших свет в дни 300-летия дома Романовых, отмечалось: “Радея о нуждах родного города и будучи председателем пожарного общества, Макаров построил летний театр, доход с которого поступает на нужды пожарного общества, а теперь занимается устройством Народного дома”.

“Яков Ефимович, – говорилось далее в этой книге, – состоит директором Константиновского детского приюта, председателем Народного дома имени Петра Великого, вице-президентом бегового общества в Архангельске, директором местной тюрьмы, церковным старостой собора, членом попечительства о народном образовании при приходских училищах, казначеем Архангельского общества спасения на водах, членом портового присутствия от купеческого сословия, был председателем Сиротского суда и состоял беспрерывно в течение 16 лет гласным городской думы... Яков Ефимович – кавалер орденов включительно до Владимира 4-й степени, имеет пожизненный знак Великого князя Владимира Александровича, знак общества спасения на водах, знак императрицы Марии Федоровны, медали от церковного ведомства, медаль за русско-японскую войну и в память Отечественной войны”³⁷¹.

Разумеется, всякое бывало в долгой жизни купца. Жители Соломбалы не раз жаловались в городскую думу на то, что Макаров огородил слишком большой участок суши и реки во время сооружения лесозавода, что, по их мнению, создало трудности для сообщения жителей Банного острова с городом³⁷². Не щадили Макарова и местные журналисты, резко критикуя беспорядки в бане и на лесозаводе.

Крупная беда постигла купца в июле 1914 года: на бирже лесозавода почти полностью сгорел запас древесины. Получив страховку в размере 127 тыс. рублей, 63-летний заводчик сумел ликвидировать последствия пожара, не отошел от дел³⁷³.

Испытания особого рода выпали на долю деловых людей России в 1917 году. Сразу же после февральской революции Яков Ефимович вкусил “прелести” новой власти.

Очевидец свидетельствует о том, что после получения вести о свержении царя рабочие-судоремонтники остановили работу макардовской лесопилки и отправились в город на демонстрацию. “При этом владельца завода, старика Макарова, – пишет он, – захватили с собой, предложив ему нести красное знамя. Наспех сделанный флаг был очень тяжел, так как полотнище его было прикреплено к длинной сырой рейке. Старик Макаров, протаскивая немного флаг, устал и взмолился, чтобы его освободили. Решили освободить, и флаг понесли другие”³⁷⁴.

Но это были только невинные цветочки. Подлинная катастрофа разыгралась позднее. В июле 1918 года горсовет принял решение о муниципализации всего имущества Макарова. Среди 45 строений, подлежащих конфискации, значились все жилые дома, принадлежавшие Макарову. Но молодая советская власть не смогла в тот момент реализовать свое решение: дни ее существования на Севере были сочтены, близилась интервенция.

Окончательное крушение мира деловых людей произошло в марте-мае 1920 года. По приказу губернского революционного комитета Яков Макаров, как и все бизнесмены, в одночасье лишился всего: заводов, пароходов, жилых домов. Казалось, общественные потрясения унесли все, созданное архангельским бизнесменом за 45 лет неустанного труда. Но, оказывается, ничто в мире не исчезает бесследно. Долго еще архангелогородцы называли все пароходы пригородного сообщения “макарками”. Другой топоним города – Макаровские бани – жив и сейчас.

Деяния людей, подобных Якову Ефимовичу Макарову, подвижимых усердием к пользе общества, – это живая страница истории Архангельска.

Остается добавить, что согласно данным Первой Всероссийской переписи населения империи в 1897 году, Яков Ефимович и его 23-летняя жена имели трех дочерей: Марию, Анну и Елизавету³⁷⁵, позднее у них родился сын Алексей.

В конце иностранной интервенции на Севере бывший купец, потомственный почетный гражданин Архангельска Яков Макаров оказался в эмиграции³⁷⁶. Он умер в Брюсселе в августе 1927 года³⁷⁷.

У Макарова Якова дела было всякого

³⁶⁴ АГВ. 1873. 1(13) сент.

³⁶⁵ ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 148. Л. 1 – 6.

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ Там же. Л. 10.; Оп.4. Д.493. Л. 1–2.

³⁶⁸ Там же. Ф. 13. Оп. 5. Д. 127. Л. 37, 40.

³⁶⁹ Там же. Ф. 111. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

³⁷⁰ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 148. Л. 12.

³⁷¹ Трехсотлетие царствования дома Романовых. М., 1914. ; См. также АГВ. 1900. 16 июня.

³⁷² ГААО. Ф. 50. Оп. 4. Д. 134. Л. 1.

³⁷³ ГААО. Оп. 5. Д. 88. Л. 127.

³⁷⁴ Октябрьская революция и интервенция на Севере / Истпартотдел Архангельского губкома ВКП(б). Архангельск, 1927. Сб. № 4. С. 23.

³⁷⁵ ГААО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 29. Л. 13–14.

³⁷⁶ Некоторые сведения о жизни Я. Макарова за рубежом иногда сообщали моряки Северного морского пароходства; О своей встрече с потомками купца поведал В. Панов (см. газету “ГАНДВИК TV”. 1994. 7 – 13 нояб. С.14).

³⁷⁷ Волна. – 1927. – 17 августа.

ПОМОРСКИЙ ЛИШЕНЕЦ

Игнатий Иванович Бурков был сыном простого крестьянина Архангельского уезда. А накануне 1917 года он входил в число самых богатых и влиятельных судовладельцев Севера, владел “Пароходством по Белому морю и Северному океану”. Одна из архангельских пристаней называлась Бурковской.

Феномен Буркова, сумевшего достичь столь выдающихся результатов в бизнесе, поразителен. Долгое время в книгах о Севере имя этого незаурядного предпринимателя совершенно не упоминалось. Судьба его сложилась трагически: 13 января 1938 года по приговору так называемой “тройки” НКВД по Архангельской области Игнатий Бурков был расстрелян.

Почему был уничтожен человек, которого, без преувеличения, можно назвать выдающимся представителем поморского племени?

Из следственного “Дела И.И. Буркова”: “Бурков Игнатий Иванович, 1871 года рождения, уроженец деревни Верховье Патракеевской волости Архангельской области, гражданин СССР, беспартийный, из крестьян, по профессии судовой капитан, со средним образованием, женатый, перед арестом не работавший. Проживал в городе Архангельске, ул. Вологодская, дом 5, кв. 2. Арестован 24 октября 1937 года”³⁷⁸.

В этой стандартной справке все верно, за исключением двух весьма существенных деталей. Как удалось выявить позднее по документам областного государственного архива, Бурков родился в 1862 году³⁷⁹. То ли по небрежности, то ли с умыслом кто-то из ведущих “дело” омолодил подследственного почти на десять лет. Люди, осуществлявшие контроль за ходом следствия, не раз ставили знаки вопроса против разноречивых дат, встречавшихся в документах. Но следователь явно спешил: так никто окончательно и не выяснил дату рождения Буркова.

Что же касается гражданства СССР, то оно у людей, подобных Буркову, было неполным, урезанным. В течение 16 лет Игнатий Иванович и его жена значились лишенцами, т.е. не имели права голоса. В разряд лишенцев включались лица, применявшие наемный труд или жившие на так называемый нетрудовой доход, вследствие чего их лишали не только избирательных

прав, но и существовавших в то время продовольственных карточек, полагая, что эти люди могут кормиться продуктами с черного рынка. В конце 20-х годов только в Архангельске их насчитывалось до трех с половиной тысяч человек. Право участвовать в выборах эти люди получили лишь по конституции 1936 года. Но эта же конституция не стала препятствием для незаконного ареста Игнатия Ивановича и его расстрела.

* * *

В “деле Буркова” сохранилась подробная автобиография бывшего предпринимателя. “Я с детства, – писал он, – начал плавать на судах торгового флота... Окончив курс мореходной школы, где я приобрел теоретические знания по судостроению, начал самостоятельно строить небольшие парусные суда. Строя эти суда, я незаметно в течение нескольких лет превратился в судовладельца”³⁸⁰.

Яркое представление о постепенном росте влияния бурковского пароходства в Поморье дает представление архангельская пресса. С первых лет XX века на ее страницах регулярно появлялись обширные публикации о деятельности северного крестьянина, рискнувшего стать опасным конкурентом уже давно сложившегося Архангельско–Мурманского срочного пароходства. Большая статья о предпринимателе была помещена в 1903 году в солидном столичном издании – “Санкт-Петербургских ведомостях”.

“В начале нынешней навигации, – сообщалось в ней, – И.И. Бурков, наш помор, купил в Дании пароход, переименовал его “Зосимой” и пустил его рейсировать между Архангельском, селением Кандалакшей и другими, расположенными по обеим берегам этого залива. Рейсы “Зосимы” – это первый опыт конкуренции частного лица всесильному Товариществу Архангельско–Мурманского срочного пароходства, получающему 180 000 рублей ежегодно казенной субсидии. Мурманское товарищество имеет больше десятка пароходов, и хотя оно пока единственное пароходство на Белом море и русском побережье Ледовитого океана, а кроме того, получает громадную пративительственную субсидию, но исполняет свои обязанности очень плохо”.

Газета детально поведала о тех мытарствах, которые приходилось преодолевать пассажирам. Последних нередко высаживали на шлюпки в море. Весьма трудно приходилось и тем, кто отправлял грузы. “От любого отправителя, – сообщал корреспондент, – вы услышите целый поток жалоб: мешки и кули рвутся, мука и крупа пудами сыплются, бочки ломаются; масло, жир, керосин и пр. льются и погибают; мебель и пр. громоздкие предметы приходят в неузнаваемом, изуродованном виде. Несколько раз пробовали жаловаться и в архангельскую контору, и повыше, в Петербург, но толку пока нет. И вот, нынче, И.И. Бурков решился выступить с небольшим пароходиком, без всякой поддержки, на кандалакшской линии Белого моря. И только он пустил свой пароход, пассажиры и грузы хлынули к нему с мурманских пароходов: берет Бурков за провоз пассажиров в полтора раза де-

шевле (груз на 3-4 копейки с пуда дешевле), доставляет гораздо добросовестнее и, главное, скорее... Слышно, что Мурманское Товарищество уже ходатайствует, где следует, о воспреещении “Зосиме” ходить по Белому морю. К большому счастью поморов, это дикое ходатайство осталось пока без результатов”³⁸¹.

К середине 1913 года Бурков имел уже 10 пароходов и пять парусников. В основном это были морские суда малой вместимости – от 100 до 700 тонн³⁸². Среди них были суда: “Николай II”, “Алексей”, “Зосима”, “Савватий”, “Виталий”, “Вассиан”. Лишь “Иоанн Богослов” принимал на борт 1 100 тонн. В 1913 году Игнатий Иванович приобрел в Швеции пароход “Густав Адольф”, переименованный в “Василия Великого”. Это был самый крупный пароход его компании грузоподъемностью в 1414 тонн.

Архангельская пресса, внимательно следившая за деятельностью Буркова и его соперничеством с Мурманским пароходством, сообщила в 1913 году: “Пароходовладельцем И.И. Бурковым недавно приобретен за границей большой двухтрубный пароход “Василий Великий”, обладающий редкой скоростью. Пароход, как мы слышали, будет поставлен Бурковым на Мурманскую линию. С одной стороны, пароход даст возможность скорее объехать Мурман и притом сразу большому числу пассажиров (на пароходе очень вместительны пассажирские помещения), а с другой – будет перевозить грузы, с наплывом которых Мурманское пароходство не всегда успевает справиться”³⁸³.

Преуспевание Буркова в морском бизнесе объяснялось личными качествами предпринимателя, а также исключительно благоприятными условиями для судовладельца, который мог в то время получить льготный кредит, чтобы купить или соорудить судно.

Яркое представление о причинах успеха деятельности бурковского пароходства дает письмо начальника Архангельского порта от 17 декабря 1913 года, направленное губернатору: “И.И. Бурков начал свое, ныне очень крупное дело, как каждый заурядный помор, владея только двумя парусными морскими судами.

Постепенно, благодаря знанию края и его местных условий, личной инициативе, опыту и неустанному труду, достиг того, что его пароходное предприятие сейчас заняло первое место после такого же предприятия и товарищества Архангельско–Мурманского срочного пароходства.

Являясь дополнением последнего, пароходство И.И. Буркова, вместе с тем, совершенно свободно от всяких обязательств, и все его благополучие зависит исключительно от личной инициативы и трудов единственного своего руководителя господина Буркова...

Бурков живет и более чутко относится к вновь назревающим потребностям и нуждам прибрежных жителей Белого моря и Мурмана, чем Мурманское пароходство. И хотя по качеству инвентаря он уступает Мурманскому

пароходству, его пароходство до сего времени вполне удовлетворяло скромные требования местных поморов – своих главных потребителей...

Бурков благодаря своей инициативе не довольствовался обслуживанием только давно известных и обследованных местностей, пользуется всегда случаем развить свою деятельность в таких местах, где до него редко кто бывал. Самому Буркову и его капитанам настолько знакомы условия плавания на восток от Канина Носа и Новой Земли, как, я полагаю, редко кому-либо другому...

Польза пароходства И.И. Буркова для экономической жизни Северного побережья громадна...³⁸⁴.

Документ, как говорится, не требует комментариев.

* * *

Деловые качества Буркова: стремление к поиску масштабного дела, к риску ярко проявились в 1916 году. В сложное военное время он сумел склотить силы 8 небольших пароходств и судовладельцев, создать “Товарищество Северодвинского пароходства”. Объединение создавалось по уставу на короткий срок – всего лишь на один год. Оно ставило своей целью “общую работу по перевозке грузов и пассажиров по рекам Северо-Двинского бассейна”.

Общий капитал товарищества достигал 534 500 рублей, составленных из стоимости 14 пароходов и 21 баржи. Наиболее весомый вклад в товарищество внес Бурков, передав в его распоряжение два парохода и 4 баржи стоимостью в 64 000 рублей³⁸⁵.

Созданное по условиям договора лишь на один сезон, объединение выполнило большой объем перевозок по рекам Севера. Бурков был одним из директоров этого мощного пароходства. Несмотря на житейские неурядицы, бурные общественные потрясения, Бурков уверенно вел свое большое хозяйство, флот его успешно действовал в течение всего 1917 года.

* * *

С весны 1918 года в Архангельске на основании декретов Совнаркома начался процесс национализации и муниципализации жилых домов, производственных помещений, а также конфискация и реквизиция различных вещей для нужд Красной Армии и советских учреждений. В полной мере этот процесс развернуть не удалось: не хватило времени, т.к. началась гражданская война и военная интервенция.

“Красногвардейская атака на капитал” поразила только одну отрасль хозяйства – торговый флот.

...24 мая 1918 года открылось заседание комиссии по национализации торгового флота. Комиссар Лаврентьев заявил: “Нам надлежит сегодня определить, что из имущества и капиталов предприятия Буркова подлежит национализации согласно декрету и что не подлежит...”

Представитель пароходства Буркова, в соответствии с требованием декрета Совнаркома, представил комиссии бухгалтерские книги, баланс на 1 января 1918 года, ознакомил всех с положением дел.

Общая стоимость имущества Игнатия Буркова составляла в то время 1 095 тысяч рублей. Морское и речное пароходства, механический завод были национализированы в 1918 году, а остальное отобрали уже после восстановления Советской власти в 1920 году³⁸⁶.

...После освобождения Севера Бурков не сидел сложа руки. Поступив на службу в управление торгового флота, он исполнял сначала обязанности директора-распорядителя пароходства, затем заведующего отделом парусного флота и угольного склада. А на старости лет оказался рядовым плотником.

Униженный и оскорбленный Игнатий Иванович особенно болезненно переживал поражение его в избирательных правах.

Он несколько раз писал в местные органы власти, во ВЦИК, пытаясь убедить советских чиновников в бессмысленности меры, предпринятой против его семьи.

“Единственным обстоятельством, могущим компрометировать меня, является мое прошлое, – писал он во ВЦИК. – Но это прошлое давно стерто революцией, из котла которой вышел пролетарием, не имеющим никакого имущества...”

А по декрету о национализации частного флота я беспрекословно и немедленно сдал свое имущество государству. Десятилетней беспорочной работой я доказал и свою лояльность и свою преданность новому строю...”

С чувством гордости он писал: “Под моим руководством на Севере созданы такие выдающиеся силы нашего советского флота, как Воронин и Печуро, ныне плавающие на известных не только в Советском Союзе, но и во всем мире ледоколах “Сибиряков” и “Ленин”. Я готов работать на пользу трудящихся нашей страны Советов до тех пор, пока позволяют силы”³⁸⁷.

Все напрасно! Ходатайство двух стариков о восстановлении их избирательных прав было отклонено. Отказ мотивирован тем, что Бурков якобы не доказал своей лояльности советской власти и к тому же не имел общественно-полезного стажа, а 70-летняя Анастасия Алексеевна была “женой и иждивенкой лишенца, жила на нетрудовые доходы”.

* * *

После революции Игнатий Бурков шесть раз подвергался различным мерам наказания. В 1918 году он был арестован за сокрытие товаров, в 1920 – осужден на пять лет принудительных работ за оскорбление работников Советской власти при национализации флота, а в 1932 году – привлечен как валютчик.

Но настоящая беда ждала Игнатия Иванович 24 октября 1937 года. Это были дни, когда в Архангельской области, как и во всей стране, людей хватали пачками. В тюрьмы везли советских и партийных работников, хозяйственных руководителей, бывших правых и левых эсеров, меньшевиков, куп-

цов, лиц, подозреваемых в шпионаже, в принадлежности к контрреволюционным центрам и т.п.

Бурков был арестован по так называемому “делу норвежского консула А. Виклюнда”.

“Дело Виклюнда” возникло по прямому приказу наркома НКВД СССР Н.И. Ежова за № 00698 от 28 октября 1937 года. “В целях пресечения всей контрреволюционной, шпионской, террористической, диверсионной деятельности на территории СССР личным составом посольств и консульств” ряда стран нарком предписал своим подопечным: “Применением широких репрессий пресечь все связи посольств и консульств этих стран с советскими гражданами, подвергая немедленному аресту всех советских граждан, связанных с личным составом этих диппредставительств”³⁸⁸.

Приказ наркома был исполнен. В телеграмме областного управления НКВД в Москву от 24 ноября 1937 года докладывалось, что “в ночь на 23 ноября проведена операция по связям норвежского консульства...В ходе операции арестовано 54 человека”³⁸⁹. А в целом в причастности к связям с норвежским консульством были обвинены более 60 архангелогородцев. Среди них профессор лесотехнического института В.И. Лебедев, работник облисполкома П.С. Пузырев, Е.А. и И.В. Жилинские, сын выходца из Норвегии, известного предпринимателя М. Ульсена Михаил Мартинович. Жертвой этого “дела” стал и Игнатий Иванович Бурков³⁹⁰.

Буркову предъявили обвинение в том, что он “являлся агентом разведки одного из иностранных государств и занимался шпионажем в пользу последнего”, что он “поддерживал подозрительную по шпионажу связь с норвежским консульством в городе Архангельске”.

Игнатий Иванович категорически отверг обвинения. “Виновным себя не признаю, – заявил он на следствии. – Никогда никакой шпионской деятельностью я не занимался. В иностранных консульствах никогда не бывал...”³⁹¹

Элементарная проверка, проведенная позже военным прокурором в порядке надзора, выявила полную беспочвенность этих нелепых обвинений. Оказалось, что все они основывались на домыслах и предположениях, на свидетельствах людей, вообще не знавших обвиняемого.

Один из свидетелей когда-то слышал о том, что Бурков в прошлом был крупным судовладельцем, что он имеет сыновей в Норвегии, с которыми ведет переписку, получает от них денежные переводы, а следовательно, связан с норвежским консульством. Понятно, что подобное предположение не могло быть доказательством преступной деятельности Буркова.

Второй свидетель показал: “Бурков – антисоветская личность, так как говорит о том, что Советская власть их обобрала, пароходы отняла, налогами душит”. На деле эти слова, как явствуют материалы дела, произнесла когда-то жена Игнатия Ивановича. Но с этим никто не считался.

Следствие шло быстро по накатанной колее: его результаты были переданы на рассмотрение тройки при управлении НКВД по Архангельской об-

ласти, по постановлению которой 76-летнего Игнатия Ивановича Буркова расстреляли 13 января 1938 года.

“Дело Буркова” было прекращено “за отсутствием события преступления” в 1967 году. Сообщить об итогах пересмотра приговора в Архангельске было некому: родственников у Игнатия Буркова на родной земле в тот момент не оказалось. Двое сыновей его навсегда покинули отчий край.

Документы поведали о том, что один из Бурковых, Виталий Игнатьевич, еще в 1919 году уехал в Норвегию. Он закончил архангельскую гимназию, учился в Петроградском университете. Поселившись в Норвегии, Виталий Бурков стал заметным деловым человеком этого государства. Во время пуготины молодой бизнесмен арендовал причал в городе Варде, закупал рыбу для засолки и сушки, зарабатывал за сезон до 40 тысяч крон.

Один из земляков, знавший младшего Буркова в 20-е годы, оставил о нем такое свидетельство: “Бурков – очень интеллигентный молодой человек, весьма образованный, начитанный и замечательный политик во всех делах. Очень выдержанный, в полном смысле европеец и не чета архангельской молодежи. Два года был в Германии, хорошо говорит по-немецки, великолепно знает норвежский и прилично объясняется по-французски. Все старые капитаны и поморы при встречах относятся к Буркову с уважением и почтением, всегда говорят о том, что батюшка Ваш шлет поклон и что родители живы и здоровы...”

Позднее к Виталию перебрался и Илья, второй сын Игнатия Ивановича. В “Деле Буркова” сохранилась крошечная открытка из Норвегии, написанная нетвердой детской рукой. В ней простые и дорогие для стариков слова: “Будь здоров, милый дедушка. Ваша внучка Нюра”.

Крепкие корни, пущенные в северную землю Игнатием Бурковым, оказались в России, к сожалению, обрублены...

* * *

Шесть лет спустя после публикации в “Правде Севера” моего краткого очерка о Буркове я неожиданно получил письмо из Норвегии. Его автор, господин Андерс Йоханнессен, правнук Буркова. Оказывается, у Игнатия Ивановича был третий сын, который умер в 1924 году в Швейцарии, а дочь его Анна воспитывалась у своих дядей Ильи и Виталия и навсегда осталась в Норвегии. Она владеет русским языком, изредка навещает своих родственников в Москве, а сын ее Андерс работает в фирме Квэрнэр, которая имеет свое отделение в Архангельске³⁹².

Из письма я узнал о том, что сыновья архангельского пароходовладельца Ильи и Виталия основали в Норвегии небольшую пароходную компанию. Они прожили долгую жизнь, умерли в 60-е годы. У Виталия Игнатьевича была дочь. Четверо детей имеет господин Йоханнессен, пошедший по стопам своего русского прадеда. И хотя “имя Бурковых, – говорится в письме правнука архангельского помора, – погасло в Норвегии, поскольку внуков по мужской линии у Игнатия Ивановича не было”³⁹³, но деловая сметка,

энергия этого северного предпринимателя передались его норвежским потомкам.

Предприниматель из села Патракеевки

³⁷⁸ Архив РУФСБРФ по Архангельской области. Следственное дело И. И. Буркова № П – 11 803. Л. 1 – 5, 47.

³⁷⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 10. Д. 13. Л. 908–909об. Автор выражает сердечную благодарность сотруднику Госархива Архангельской области Ольге Ивановне Корнеевой за выявление подлинной даты рождения И.И. Буркова.

³⁸⁰ Там же.

³⁸¹ АГВ. 1903. 29 авг.

³⁸² ГААО. Ф. 48. Оп.1. Д.602. Л. 1.

³⁸³ Архангельск. 1913. 5 июля.

³⁸⁴ ГААО. Ф. 48. Оп.1. Д.602. Л. 1.

³⁸⁵ Там же. Л.94.

³⁸⁶ См. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Севере. Сб. док. и материалов, (март 1917–июль 1918 гг.). Архангельск, 1959. С.230–231.

³⁸⁷ Архив РУФСБРФ по Архангельской области. Следственное дело И. И. Буркова № П – 11 803.

³⁸⁸ Там же. Следственное дело В.И. Лебедева . № П – 6014.

³⁸⁹ Там же. Следственные дела № 7117. Тт. 1–3; П – 3750, П–7401, П – 3748, П–6004.

³⁹⁰ История “Дела Виклюнда” освещена в статьях Е. Овсянкина: “Дело норвежского консула Виклюнда”, “За что расстреляли Игнатия Буркова”// Правда Севера. 1993. 19 марта, 2 апр.; 1994. 13 июля.

³⁹¹ Архив РУФСБРФ по Архангельской области. Следственное дело И. И. Буркова № П–11 803.

³⁹² Сведения из письма г.-на Андерса Йоханнессена от 24 августа 1998 года, хранящегося в архиве автора.

³⁹³ Овсянкин Е. Письмо из Норвегии // Правда Севера. 1999. 7 июля.

ЛЕСОПРОМЫШЛЕННИК АНДРЕЙ ЧУДИНОВ

23 января 1919 года от архангельской городской пристани отчалил большой ледокольный пароход. Зябко кутаясь в просторные шубы, на палубе стояли два осанистых бородатых человека. Один из них – 70-летний глава правительства Северной области Николай Чайковский – ехал в Париж на срочное заседание Русского политического совещания, ставившего своей целью “спасение русской демократии и революции”. Вместе с ним в качестве экономического советника город покидал известный лесопромышленник Севера Андрей Степанович Чудинов.

Посылая многолюдной толпе провожающих прощальный привет, Чайковский и Чудинов надеялись на скорое возвращение. Судьба распорядилась по-своему: тот и другой навсегда расставались с родиной...

Н. Чайковский и А. Чудинов оставили заметный след в истории Архангельска. Если о главе правительства Северной области историки написали немало статей, то имя и дела второго незаслуженно забыты. Постараемся хотя бы кратко восполнить этот пробел.

* * *

В декабре 1923 года заместитель председателя Архангельского губисполкома Иван Боговой опубликовал на страницах губернской газеты “Волна” любопытную статью “Благодетель Андрей Степанович Чудинов и наш ответ ему”³⁹⁴.

Повод для публикации был необычен. Один из работников Ракульского кооператива Емецкого уезда (родины Чудинова) попросил Андрея Степановича в письме во Францию выделить средства “на постановку культурно-воспитательной работы” и создать в Ракуле смешанное общество для переработки древесины. Одним словом, советский избач просил бывшего предпринимателя–эмигранта помочь своей обнищавшей родине.

Андрей Степанович не замедлил ответить своему земляку. Как водилось в то время, письмо оказалось в органах губернской власти. Даже краткие выдержки из его послания позволяют судить о мере возмущения этого человека нанесенным ему ущербом и унижением гражданского достоинства.

“Неужели вы думаете, – писал бывший лесопромышленник, – что я буду строить школу для тех, кто нахально отобрал мои дома и мой имущество... Вы не создаете ничего своего, а разрушаете то, что отняли у меня. Такой поступок мной никогда не будет забыт...”

Предложение о смешанном обществе – грубое нахальство. Все мои капиталы и имущество были в Архангельске. Они там и остались. Все пропало, и получу я что-либо обратно – один бог знает.

Имейте в виду, что я с советским строю ни на какие комбинации не пойду. Довольно ему того, как он меня наказал. Пока мне не будет возвращена собственность, какую я имел в России, и не будет полной неприкосновенности личности, свободы слова и печати, я не вернусь домой, хотя мне и скучно без родины...”

Острое перо Ивана Богowego было беспощадным. Статья дышала классово-ненавистью, бескомпромиссностью.

Как просто, по Боговому, было создать Чудинову в Архангельске свой крупнейший на севере лесозавод!

Вот как это выглядело в его изложении: “В селе Ракуле Емецкого уезда лет так 20-50 тому назад жил мелкий торговец Чудинов Степан. Поторговывал Степан, обвешивал (старики рассказывают), обмеривал, но широко поставить дело не мог. Был у Степана сынок, Андреем звали. Этот папаша своего выше поднялся и, начав с мелкой торговли, скоро построил в Цигломени свой лесозавод (теперь завод имени Пустошного).

Как огромный паук опутал Андрей Чудинов несколько районов с трудовым крестьянским населением и тянул из него все жизненные соки. Тысячи рабочих и крестьян сделались неоплатными должниками Андрея Чудинова. И чем больше работали они, тем больше богател Чудинов и тем крепче затягивалась петля на шее емецкого крестьянина и архангельского рабочего”.

“В 1919 году, – продолжал Боговой, явно передергивая факты, – Андрей Чудинов уехал за границу с поручением от архангельских лесопромышленников продать лесные материалы. Но и тут сжульничал. Свои материалы продал, а материалы коллег так и остались на биржах”.

Приговор Ивана Васильевича суров и однозначен. “Сидите себе во Франции, – заканчивал он статью, – пока там еще у власти буржуазия, и твердо себе запомните, что тех “свобод”, о которых вы твердите как дурак попугай, вам не дожидаться. У нас никогда не будет свободы слова и печати для врагов трудящихся. У нас никогда не будет того, чтобы Вы, Андрей Степанович, сделались хозяином завода, снова смогли жиреть за счет бедности рабочих и крестьян. Запомните – никогда. И своим приятелям это передайте”.

* * *

Горькие раздумья вызывает эта статья. Кем же был на самом деле Андрей Чудинов: жадным пауком, сосавшим кровь северян во имя собственного обогащения, или же тружеником, пытавшимся что-то сделать для развития промышленности России? Каким путем ему, в прошлом простому крестьянину, удалось стать в ряды крупных предпринимателей лесного дела?

Тайна первоначального накопления капитала всегда привлекала внимание людей. Откуда у того или иного человека, не получившего солидного наследства, взялись средства на покупку пароходов, магазинов, лесозаводов, оплату труда рабочих? Ответить на эти вопросы, к сожалению, удастся

не всегда. Вокруг имен некоторых предпринимателей Севера и по сей день легенды и догадки.

Путь Андрея Чудинова в мир большого бизнеса прослеживается легко. Далекое не сразу он достиг высоких вершин.

Долгие годы будущий лесопромышленник жил в деревне Осередской Ракульской волости. Оборот лавок, которые содержал отец, был невелик. Некоторый доход Чудинову старшему приносил откуп почтовой станции и перевоза. С помощью сына дело пошло лучше, но главным источником дохода Андрея Степановича стала его работа. Он записался в разряд “торгующих крестьян” и, наряду с торговлей, по поручению архангельских лесопромышленников стал заниматься заготовкой древесины. Содержание уполномоченных на местах тем или иным торговым домом или товариществом являлось обычной практикой той поры. Эти люди имели достаточно широкие права: “нанимать рабочих, заключать с ними договоры, уплачивать им деньги и увольнять с работы; получать от лесничих лесорубческие и сплавные билеты, документы на право перевозки и сплава древесины”.

Одним словом, такой уполномоченный должен был сделать все, чтобы заготовить и доставить к заводу плитки леса. Естественно, что он получал высокое жалованье. А кроме того, скопив определенные средства и освоив дело, заведя нужные знакомства, мог и сам рискнуть.

Так и поступил Андрей Чудинов. В 1899 году, заготовив древесину на собственные средства, он доставил плот в Архангельск. Арендовав у купца Александра Корельского плавучий лесозавод, Чудинов обработал древесину и с выгодой продал.

В ноябре 1900 года Андрей Степанович вместе с известным архангельским купцом Андреем Ивановичем Костогоровым учредили полное товарищество под фирмой “Чудинов и Костогоров” “для внутренней и заграничной торговли лесом и лесными изделиями” со складочным капиталом в 20 тысяч рублей³⁹⁵.

Свой пай Чудинов внес “товаром”, т.е. древесиной, доставленной в Архангельск, а его компаньон вложил наличные. Предприниматели быстро соорудили лесозавод возле реки Цигломенки и начали успешно работать, закупив сразу же два буксира.

По ряду причин фирма, просуществовав пять лет, распалась. Чудинов сразу же нашел нового компаньона. Им оказался торгующий крестьянин из Карпогор Григорий Степанович Щепоткин. В ноябре 1905 года новое товарищество, созданное “для внутренней и заграничной торговли лесом и другими товарами”³⁹⁶, приступило к работе. Правда, на сей раз, оно стало именоваться по-другому: “А. Чудинов и К^о”. Основной капитал составил уже 50 тысяч рублей. В качестве своего пая Чудинов внес лесозавод в Цигломени со всем инвентарем, лесными материалами на бирже, а также тремя пароходами; Григорий Щепоткин вложил 25 тысяч рублей.

Своеобразным было и разделение обязанностей между владельцами фирмы. Чудинов стал ведать вопросами производства, найма рабочей силы и продажей продукции, а Щепоткин занялся заготовкой и доставкой леса.

Андрею Степановичу явно не везло с компаньонами. Через короткий срок Щепоткин умер. В 1915 году в управление делами вступил зять Г.С. Щепоткина А.А. Плюснин. Основной капитал фирмы составил в том году 100 тыс. рублей³⁹⁷. В то же время Чудинов приобрел еще один лесозавод – в Кегострове. В это же время в состав товарищества вступил торгующий крестьянин А.М. Глебов из Вологодской губернии. Он тоже внес крупный пай в дела компании³⁹⁸.

Постоянный упорный труд позволил Чудинову стать крупным лесопромышленником. В 1915 году на пятирамном лесозаводе в Цигломени трудилось до пятисот рабочих. Они распиливали около трехсот тысяч бревен, изготавливали почти восемнадцать тысяч стандартов древесины на общую сумму свыше 1 млн. 236 тыс. рублей³⁹⁹. Чудинов имел в то время восемь собственных пароходов. По масштабам своего производства и товарооборота фирма Чудинова входила в первую пятерку экспортеров древесины. После надлежащей обработки материалы отправлялись не только в Европу, но даже в Африку и Австралию.

Начиная с 1910 года, Чудинов стал искать компаньонов для сооружения бумажной фабрики, но этот проект осуществить в жизнь не удалось.

Как и другие предприниматели, Андрей Степанович активно занимался общественной и благотворительной деятельностью. Он регулярно избирался гласным в городскую думу. Еще в 1893 году он подарил собственный дом на своей родине для Ракульской церковно-приходской школы.

После выхода в свет моей книги «Архангельск купеческий» меня разыскали дальние родственники Андрея Степановича. Они побывали во Франции на могиле нашего земляка. Там, вдали от родных мест под богатым, хорошо сохранившимся надгробием, покоится прах северного лесопромышленника и его жены.

ОСНОВАТЕЛЬ ЦЕЛЛЮЛОЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА

НА СЕВЕРЕ АЛЬБЕРТ СУРКОВ

В государственном архиве Архангельской области хранится объемистый фолиант – кассовая книга купца Альберта Суркова за 1871-1874 гг. На первой странице этого уникального документа красивым каллиграфическим почерком выведена краткая запись на немецком языке: “Налагаю на себя ношу: отец завещал после смерти продолжать его дело”⁴⁰⁰.

Эту своеобразную клятву 23-летний Альберт Юльевич сделал сразу же после кончины своего родителя – архангельского купца Юлия Карловича, смерть которого последовала в октябре 1871 года.

Забегаая вперед, отметим: наследник весьма скромного по своим масштабам “дела” с честью сдержал свое слово. В конце XIX – начале XX вв. ни один предприниматель Русского Севера не мог сравниться по размаху торговых оборотов и количеству созданных промышленных заведений с архангельским купцом 1-й гильдии Сурковым.

Как же складывалась судьба основателя минимальной по своим масштабам однорамной лесопилки – предшественницы нынешнего открытого акционерного общества “Лесозавод № 3” Альберта Юльевича Суркова? До сего времени в печати приводилось сравнительно немного, порой весьма неточных, сведений об этом человеке. Расскажем о нем подробнее.

Даровитый бизнесмен родился 23 марта 1848 году на западе Российской империи в местечке Ретове Ковенской губернии в семье аптекаря. До 1875 года он считался прусским подданным.

По свидетельству самого Альберта Юльевича и его младшего брата Густава, их предки являлись русскими людьми, уроженцами Московской губернии. По семейным преданиям, прадед предпринимателя, будучи генералом российской армии, был откомандирован ко двору прусского короля, женился на немке и остался в Пруссии. Однако его потомки сравнительно быстро возвратились в Россию. Причем во время вступления в Русское подданство братья не имели никаких документов о том, “что Прусское королевство признает их своими подданными”. Они не могли ничего достоверно сказать и о том, кто именно из их предков и когда возвратился из Пруссии обратно в Россию⁴⁰¹.

Как бы то ни было, братья Сурковы воспитывались как русские люди. Свое образование Альберт Сурков получил в Рижской гимназии, а в 1867 году он окончил Санкт-Петербургскую Медико-хирургическую академию и получил диплом аптекарского помощника. Эту же академию через четыре года окончил брат Альберта Юльевича Густав.

В 60-е годы Юлий Сурков, отец будущего купца, оказался в Архангельске и занялся коммерцией. Он имел небольшой магазин, коптильню и жилой дом на набережной Северной Двины.

Альберт Юльевич, так и не приступив к работе фармаколога, сначала помогал отцу. В течение более трех лет он накопил немалый опыт в бизнесе. Внезапная смерть отца в 1871 году не вызвала ни малейшей растерянности у молодого предпринимателя. Об этом свидетельствовала упомянутая выше его запись в собственной кассовой книге.

Двадцатитрехлетний Альберт Юльевич получил в качестве наследства от покойного отца немалый по тому времени первоначальный капитал. Начиная свою собственную кассовую книгу, он сделал первую памятную помету, согласной которой в октябре 1871 года в его ведении имелось наличного капитала 13431

рубль 85 копеек, в том числе 2046 рублей денег, 10 000 – на счете в банке и небольшие долги клиентов.

Кроме того, в собственность Суркова-младшего перешли коптильня, лавки и склады с товарами в Архангельске и Великом Устюге, кузница, три дома в губернском центре. Общая сумма всех средств, включая стоимость недвижимого имущества, составляла, по подсчетам С. Новикова, в тот момент свыше 40906 рублей⁴⁰².

Несколько лет Альберт Сурков, верный сыновнему долгу, занимался торговлей самыми ходовыми товарами: мясом, пухом, солью, мукой, рыбой, копчеными оленьими языками, зеленым луком, тесом, вином, домкратами, швейными машинами и другими товарами. За короткие сроки бизнесмен добился поразительных успехов.

Уже в конце первого года своего упорного труда он отложил на хранение тринадцать тысяч рублей, десять тысяч из которых он положил на текущий счет купцу Кларку и три тысячи на хранение своему будущему тестю Ивану Егоровичу Шергольду.

Через 30 месяцев его деятельности оборот товаров составил 656482 рубля, в том числе доход – 407862 рубля. За вычетом необходимых расходов купец получил чистую прибыль 159242 рубля⁴⁰³.

По мере развития своего дела Сурков сблизился с владельцами ряда самых крупных архангельских фирм. Он имел дело с пинежскими бизнесменами братьями Володинами, мезенскими предпринимателями Ружниковыми, с большинством крупных архангельских купцов, потомками выходцев из Западной Европы: Пецем, Шмидтом, Кларком, Брандтом, Ренни и многими другими.

Торговые сделки купца становились все крупнее. Он продавал уже не единичные швейные машины и домкраты, а тысячи пудов мяса, муки и многих других товаров. Создается впечатление, что Сурков тщательно искал пути наиболее выгодного приложения своих сил и капитала.

В 1872 и 1873 гг. он купил с этой целью шхуну “Святой Иоанн” и лодью “Святой Яков”, занялся перевозкой различных грузов. В это же время он собрал артель стивидоров, или, как их тогда именовали “шкивидоров”, которых он использовал для работы на российских и иностранных судах, получая при этом немалый доход.

Путь, пройденный предпринимателем с 1871 по 1900 год, поражает и сейчас своей стремительностью. Он ярко демонстрирует то, как купеческий капитал на Севере быстро переливался в промышленность, свидетельствуя в то же время и о незаурядных организаторских способностях Суркова.

В 1875 году 27-летний бизнесмен, стремясь воспользоваться льготами, которые предоставлялись русским купцам, принял российское подданство⁴⁰⁴.

Надо отдать должное той решительности, с какой Альберт Юльевич и его брат Густав предприняли этот шаг. Многие выходцы из Западной Европы долгие десятилетия не изменяли свой статус. Братья Сурковы не медлили, став гражданами Российской империи почти в юном возрасте.

Специальное свидетельство от 23 апреля 1875 года за подписью губернатора Н.П. Игнатьева гласило: “Дано... сыну прусского подданного Альберту Суркову в том, что он, Сурков, с разрешения господина Министра Внутренних дел, принят в Русское подданство и принял присягу на оное в присутствии Архангельского губернского правления 2 апреля 1875 года”⁴⁰⁵.

В соответствии с правилами того времени Сурков дал подписку о том, что он “к сектам скопцов, духоборцев, молокан, иудействующих и других, признанных особенно вредными, не состоит”⁴⁰⁶.

В начале 1870-х годов, Альберт Сурков стал сначала временным, а затем, после вступления в русское подданство, архангельским купцом 2-й, а немного позднее и 1-й гильдии.

Как и многие русские предприниматели той поры, Сурков приумножил свой капитал благодаря производству и продаже вино-водочных товаров. В начале 70-х годов он был всего-навсего владельцем мелочной лавки. Затем он один за другим построил в 1876 году – водочный, в 1877 – деревоперегонный, в 1879 – пивоваренный, в 1881 – винокуренный и лесопильный заводы. Позднее появились еще три лесопильных и кирпичный заводы, а также целлюлозно-бумажная фабрика в Вологодской губернии.

* * *

Во все времена в России вино и водка были самыми ходовыми товарами, позволявшими извлекать владельцам винокуренных заведений баснословные прибыли. Так начинали свое дело пинежские купцы Володины. Так приращивал свои доходы и Альберт Сурков.

Достаточно отметить, что уже в 1885 году оборот на принадлежавших ему винокуренном и пивоваренном заводах, а также в его собственных лавках и погребах составил 295 200 рублей. 26 160 рублей составляли чистый доход главы фирмы⁴⁰⁷.

Приумножению состояния предпринимателя, а, главное, повышению его общественного статуса в городе в немалой степени помогла женитьба в 1878 году 30-летнего Альберта Юльевича на дочери служащего торгового дома “Кларк-сыновья”, исполнявшего обязанности бельгийского и английского консула в Архангельске, Ивана Егоровича (Джона-Георга) Шергольда – Лидии Ивановне.

Благодаря этому браку молодой человек вошел в высший круг архангельского коммерческого мира. После смерти своего тестя (в 1879 году) Альберт Юльевич стал обладателем и распорядителем капитала двух, уже весьма состоятельных к тому времени, семейств.

Семья покойного тестя не имела подходящего для развития большого дела наследника. 50-летняя теща В.М. Шергольд осталась с пятерыми детьми: девятнадцатилетним Егором (Георгом), шестнадцатилетней Матильдой, двенадцатилетним Робертом и десятилетней Алисой. Старшей дочери Дженни-Доротее в то время исполнилось уже 25 лет.

Альберт Юльевич постепенно втянул в свои дела еще совсем молодого шурина Егора Ивановича и сделал его своей правой рукой.

Егор Иванович, несмотря на молодость, имел некоторый опыт предпринимательства, полученный в конторе своего покойного отца. Как свидетельствуют документы, Иван Шергольд успешно вел заграничную торговлю. А в 1873 году он вместе с архангельскими купцами Линдесом и Э. Фонтейнесом был удостоен на Венской всемирной выставке “диплома одобрения” “за промышленные экспонаты паклю и кудель”.

... Без малого сорок лет Сурков и Шергольд вместе решали многие крупные проблемы совместного бизнеса. При этом Альберт Юльевич во все времена играл первую скрипку в этом производственном дуэте.

* * *

Лаконичным было сообщение А.Ю. Суркова и Е.И. Шергольда, известивших **26 марта 1881 года** городскую управу о том, что ими “**учреждено между собою полное товарищество для производства винокурения под фирмой “Сурков и Шергольд”**”⁴⁰⁸.

Однако этому акту предшествовала весьма обстоятельная подготовка.

Во-первых, Альберт Сурков к тому времени купил, очевидно, с дальним прицелом, на 6-й версте от Архангельска территорию лесной биржи, принадлежавшей некогда известному в городе купцу Брандту. Биржевое хозяйство располагалась рядом с моховинокуренным заводом архангельского купца Костылева.

Расчетливый предприниматель не раз сдавал свою биржу в наем. В начале 80-х годов, например, торгующий крестьянин А.М. Починков разместил на ней за соответствующую плату 6532 бревна⁴⁰⁹.

А **во-вторых**, Сурков, начиная с 1876 года, подступался к владельцу упомянутого винокуренного завода, русскому купцу Давиду Петровичу Костылеву с просьбой продать ему предприятие, прекратившее свою деятельность в апреле 1875 года. Дело разрешилось лишь в 1881 году, когда Костылев умер, и его вдова уступила завод за 25 125 рублей.

В момент создания своего, пока еще “винокуренного” товарищества, Сурков и Шергольд обратили свой взор к набиравшей темп становления – лесопильной промышленности Севера.

Так на 6-й версте при упомянутом выше заводе Костылева сразу же, то есть в момент запуска винокуренного завода, появилась однорамная лесопильная установка. Первоначальный замысел был предельно прост и по-хозяйски расчетлив: распиливать наиболее добротную часть бревен, поступавших в качестве топлива для совершения процесса производства водки.

С 16 июля 1881 года – даты приобретения купцами патента – и ведет по традиции свою историю прославленный лесозавод № 3.

На первых порах Сурков и Шергольд указывали в своих отчетах в контору госбанка и другие ведомства, что они занимались только винокурением и пивоварением. На эти цели они ежегодно брали банковский кредит до 30 тысяч рублей и вывозили за границу только виноводочные изделия на сумму свыше 12 тысяч рублей⁴¹⁰.

Главным компаньоном и совладельцем нового заведения стал Егор Иванович Шергольд. А несколько позднее к делам заведения был привлечен и младший брат Егора Роберт, ставший собственником небольшой части акций завода и его бессменным (до 1914 года) управляющим.

Таким образом, создалась сильная корпорация молодых, полных сил и смелых замыслов управленцев, связанных узами близкого родства. Эта, говоря современным языком, “команда” умело направляла на 6-й версте два дела: винокурение и лесопиление.

* * *

Что касается понятия “иностраный предприниматель”, употреблявшееся в нашей литературе по отношению к основателям вышеупомянутой фирмы, то его, по нашему мнению, можно использовать со значительной долей условности. Строго говоря, тот и другой основатели лесопилки были иностранцами лишь по своему происхождению.

Альберт Сурков уже с 27-летнего возраста был полноправным гражданином Российского государства. К тому же он, как это отмечалось выше, имел русские корни.

Что касается Егора Шергольда, то он, как и его отец, родился и вырос в Архангельске, здесь же получил образование. Он тоже принял российское подданство, совершив, правда, этот акт несколько позднее, чем его компаньон. И что еще более важно, тот и другой вкладывали в свое дело средства, нажитые в России путем торговли. Никаких иностранных капиталов у них за душой не было.

...Основательная работа на сурковской лесопилке началась с 1 января 1885 года. В середине декабря 1884 года купцы известили городскую управу и Архангельскую контору государственного банка: “Рядом с винокуренным заводом **мы устроили лесопильный завод и с 1885 года (выделено нами – Е.О.)** начинаем распиловку всех родов леса и отправку его за границу под тою же фирмой “Сурков и Шергольд”⁴¹¹.

При этом купцы еще раз разъясняли властям, что лесорамы будут приводиться в движение “от машины винокуренного завода”. И они не раз в своих прошеннях в казенную палату и городскую управу настаивали на том, что два завода следует рассматривать как единый комплекс.

Между тем с 1888 года Сурков стал владельцем второго лесозавода, а с 1889 – уже трех подобных предприятий. Причем Архангельский завод стал к тому

времени десятирамным, а в Кемском уезде появились пяти- и двухрамные заведения.

После ряда преобразований бизнесмены 12 февраля 1904 года утвердили устав “Северного лесопромышленного Товарищества Сурков и Шергольд”.

В ходе создания Товарищества его правлению был передан пакет акций лесозавода, а винокуренное заведение, расположенное на той же территории, осталось в собственности прежних владельцев.

Анализ документов свидетельствует, что в начале XX века Сурков и Шергольд имели на 6-й версте даже не два, а три самостоятельных завода: **лесо-пильный, винокуренный и ректификационный**. На них соответственно было занято более 800, 22 и 4 рабочих⁴¹².

Строго говоря, лишь только с 12 февраля 1904 года лесозавод на 6-й версте стал самостоятельным лесопильным предприятием, выделившись из состава винокуренного заведения, созданного в 1881 году под фирмой “Сурков и Шергольд”.

* * *

Заслуга А.Ю. Суркова состояла в том, что он одним из первых в России соорудил на Севере России крупный целлюлозный завод.

Многочисленные документы свидетельствуют о том, что Альберт Юльевич начал хлопоты об этом деле еще в начале 80-х годов XIX века. Нам уже доводилось писать об этой стороне деятельности предприимчивого купца. Напомним о ней еще раз.

Первую попытку “устроить паровой завод по переработке древесины в древесную массу для производства писчей бумаги” Сурков предпринял в 1884 году. Он пытался сделать это на первом этаже бывшего сахарного завода купца Брандта “во второй части 3 околотка на берегу Северной Двины”, т.е. в здании нынешнего ЦНИИМОДа⁴¹³. Дело не состоялось, но Сурков не сдался.

Кстати заметим: хлопоты купца об открытии целлюлозного завода в Архангельске, а затем в районе Плесецкой всячески поддерживал губернатор А.П. Энгельгардт.

Он направлял в различные ведомства прошения Суркова. Сохранилась весьма лестная характеристика купца, которую губернатор дал в одном из своих писем, посланных в столицу. В документе, в частности, отмечалось, что “Архангельский купец I гильдии Альберт Юльевич Сурков пользуется хорошей репутацией в торговом мире, человек предприимчивый и деятельный и в имущественном отношении, по-видимому, довольно состоятельный”⁴¹⁴.

Однако правитель губернии не получил поддержки сверху.

Несколько позднее он не без горечи писал в одном из ежегодных докладов царю о том, что “в Архангельской губернии ... земля по ее физическим свойствам почти ничего не стоит”, но она не продавалась, ибо принадлежала казне и царской семье. Ссылаясь на пример Суркова, Александр Платонович отметил в

своем послании: “Не имея возможности приобрести в Архангельской губернии необходимый участок земли для завода, сооружение коего обошлось в слишком миллион рублей и обеспечения завода древесной массой из казенных дач, он приобрел землю и лесную дачу в Вологодской губернии у частных лиц и построил завод близ станции Сухона”.

В 1897 году Сурков учредил в Архангельске “Северное общество целлюлозного и писчебумажного производства”.

Фирма создавалась “для устройства в Вологодской губернии, в Кадниковском уезде, фабрики для производства химическим и механическим способами древесной массы (целлюлозы) и изделий из нее, а также торговли предметами означенного производства”. Позднее предприятие называли “Сокол” по деревне Соколово Вологодской губернии. В состав учредителей, кроме А.Ю. Суркова, вошел известный на Севере торговый дом “А.Н. Беляев и К^о”. Это было уже крупное акционерное общество.

О масштабах начатого дела ярко свидетельствует тот факт, что общество, созданное Сурковым, приобрело в собственность у обедневшего вологодского помещика С.Ф. Ошмана по весьма выгодной цене 3 участка земли в количестве 7193 десяти недалеко Вологодско-Архангельской железной дороги. А основной капитал в момент его учреждения составлял 1 125 000 рублей, разделенных на 4500 акций по 250 рублей каждая⁴¹⁵.

9 (22) мая 1897 года был заложен первый камень фундамента здания целлюлозного производства. Под руководством бельгийских специалистов фабрика строилась быстро и уже в декабре 1899 года стали работать первая бумагоделательная машина производительностью около десяти тонн бумаги в сутки и шесть варочных котлов. В 1903 году установлена вторая бумагоделательная машина и пущена турбина мощностью 500 киловатт. С этой фабрики началась история города Сокола Вологодской области.

Первым распорядительным директором фабрики стал Шпильмас (1899-конец 1900 года), приглашенный Сурковым с Троицкой фабрики Калужской губернии. По его приглашению приехало много квалифицированных рабочих и служащих. Но первые руководители не устраивали компаньонов из-за незнания приезжими русского языка, неумения наладить отношения с рабочими. Дело изменилось коренным образом, когда в 1903 году после окончания Киевского политехнического института на фабрику приехал сын А.Ю. Суркова - Арно Альбертович. Он стал сначала работать под руководством директора В.В.Гувелякена (1904 - 1914), а в 1914-1917 гг. - распорядительным директором.

К этому времени Альберт Сурков, скупив большую часть акций, становится единственным владельцем фабрики. Под руководством Арно Суркова предприятие и рабочий поселок быстро развивались. На фабрике среднее число рабочих с 1910 по 1912 год возросло с 856 до 1030 человек, доходы выросли в 1,5 раза. Рабочая сила, прежде всего, была из жителей многочисленных близлежащих деревень. Нанимались на работу и из дальних деревень, из других волостей и уездов. Приезжали специалисты из других городов. На фабрике строились

общежития, бараки для сезонников и, естественно, в первую очередь, собственные хозяйские дома и для инженерно-технических работников.

Принятые меры позволили компаньонам сравнительно быстро наращивать темпы производства нового предприятия. Фабрика вскоре стала ежегодно выпускать 700 тыс. пудов целлюлозы и около 100 – бумаги. Общество (сокращенно “Сокол”) занимало третье место в России по размеру выпускаемой продукции (после известных целлюлозных фабрик “Вальдгоф” и “Вискоза”).

Правление настойчиво стремилось к расширению своего дела. В 1912 году оно, в частности, возбудило вопрос о выделении ему без торгов для сплошной вырубке от 600 до 1000 десятин леса в год и разрешении ввоза машин без пошлин. Правление мотивировало свои предложения тем, что оно должно быть “конкуренспособным с заграничными и финскими заведениями”⁴¹⁶.

* * *

Занимаясь производственными делами, Сурков в то же время стремительно и весьма основательно устраивал свои дела и в центре Архангельска. В момент принятия российского подданства он проживал в доме купца Вальнева.

А тем временем молодой купец переделывал полученный в наследство ветхий дом на углу набережной и Финляндской улицы (ныне ул. Попова) дом. Из одноэтажного он превращает его в двухэтажный с кирпичной пристройкой во дворе.

Через 11-12 лет он имел на набережной Северной Двины два обустроенных дома. Один из них имел хороший сад и оранжерею. Купцу принадлежали также дома, расположенные по улицам Успенской и Олонецкой (ныне ул. Логинова и Гайдара), на Троицком проспекте.

К этому надо добавить, что он владел также современным пивоваренным заводом, каменным зданием бывшего сахарного завода с магазином, сушилкой, кузницей и деревянными флигелями.

Занимаясь расширением лесопильного производства, Сурков не забывал о своем первоначальном ремесле – выкурке вина и торговле разными товарами.

К 1896 году он имел в своем распоряжении 22 лавки и винных погреба, часть из которых была расположена в Холмогорах и Онеге. Годовой оборот этих заведений составлял более 340 тысяч рублей, прибыль 25600 рублей.

Дважды на грани веков (13 сентября 1899 и 12 марта 1902 года) Сурков обращался в финансовые органы с просьбой **“разрешить заводу (на 6-й версте – Е.О.) увеличить норму выкурки спирта до размеров действительного потребления спирта в Архангельской губернии”**.

Дело в том, что в связи с введением винной монополии и регулированием государством цен на водку Суркову резко урезали норму производства продукции с 200 тысяч ведер в год до 65 085 ведер. Купец настаивал на том, чтобы увеличить реализацию своей продукции на коммерческой, т.е. выгодной для его завода, основе.

Для доказательства своей правоты Сурков приводил такой аргумент: необходимость завода для местного населения, которое, мол, в массовом порядке (в округе до 60 верст) использовало остатки винокурения (барду) для кормления скота.

К своему прошению на имя губернатора Сурков приложил даже решения крестьянских сходов Пустошинско-Амосовской и Вознесенской волостей, в которых содержались просьбы об увеличении производства вина. Эта просьба фирмы не была удовлетворена⁴¹⁷.

Свое особое внимание Сурков всегда обращал на пивоваренный завод, находившийся почти в центре города. В 1913 году он удвоил основной капитал этого заведения с 300 до 600 тысяч рублей. Причем Сурков являлся, по сути дела единственным держателем акций. Из 600 паев его семье принадлежало 580, или более 96 процентов всего количества акций. Опытные пивовары варили в год до 200 тысяч ведер отменного напитка нескольких сортов: баварского, мартовского, портера и других⁴¹⁸.

Таким образом, основатель минимального по размерам лесопильного заведения на 6-й версте превратился к началу Первой мировой войны в ведущего предпринимателя Русского Севера. Общая стоимость продукции его предприятий в 1913 году составила, по подсчетам С.И. Новикова, 7 805 тыс. рублей⁴¹⁹.

Одним из передовых предприятий в своей отрасли всегда являлся лесозавод № 3, позднее лесопильно-деревообрабатывающий комбинат имени В.И. Ленина, ныне открытое акционерное общество «Лесозавод № 3», созданный на основе предприятия «Сурков и Шергольд».

* * *

На протяжении всего советского периода из одной книги в другую переходила версия о том, что архангельские лесозаводы до Октября 1917 года были оснащены примитивной техникой, крайне тихоходными и малопроизводительными рамами.

Доставалось, прежде всего, самому крупному из них – лесозаводу, основанному Альбертом Сурковым.

Сошлемся на некоторые примеры. Знатоки лесопильного производства, бывший в свое время главным инженером комбината имени Ленина Д. Кратиров и известный журналист А. Семаков в своей книге заметили: «Этот лесопильный завод действовал на базе примитивной отсталой техники... Оборудование того времени и лесопильные рамы, разумеется, имели низкую техническую характеристику.... На заводе отсутствовала элементарная механизация. Лес в раму подавался вручную пикой; доски, горбы и рейки переносились вручную»⁴²⁰. Число подобных суждений можно продолжить.

Разумеется, всякое было на старых лесозаводах: и дощатые холодные амбары, и тяжелый ручной труд, и долгий рабочий день. Но мы полагаем, что следу-

ет исходить в оценке технического состояния завода и отрасли в целом не из возможностей и понятий наших дней, а с точки зрения реалий того времени, когда заводы начали действовать, т.е. конца XIX века.

По единодушной оценке современников, лесозавод Суркова был одним из самых передовых заведений отрасли. Поэтому все упомянутые выше характеристики завода Суркова не выдерживают критики.

На этой технике, может быть, несколько подновленной, лесозаводы Севера долгие годы работали после установления советской власти. Во всяком случае, говорить о техническом вооружении лесопильных предприятий Архангельской губернии в конце XIX – начале XX вв. в пренебрежительном тоне, по меньшей мере, несправедливо.

* * *

Предоставим слово документам. История сохранила описание заведения Суркова, составленное год спустя после его приобретения, т.е. в самом начале его практической деятельности. Вот выдержки из этого свидетеля времени:

“1. Винокуренный завод помещается в трехэтажном здании, нижний этаж каменный, а верхних два этажа деревянные, при заводе устроен дощатый навес, в котором производится распиловка леса на одной раме, действие которой производится приводом от паровой машины винокуренного завода;

2. При заводе есть деревянный одноэтажный дом, в котором живут рабочие, подвал земляной для склада спирта и два досчатых амбара;

3. Завод имеет 2 паровых котла и машину в 12 лошадиных сил. Котлы, машина и вообще принадлежности механизма для винокурения стоят 25 125 рублей, а привод для лесопильной рамы 4800 рублей, итого 29 925 рублей;

4. Вообще винокуренный завод с пристройками и лесопильным приводом стоит 42019 рублей...”⁴²¹

Сохранился любопытный документ, датированный 7 ноября 1882 года – прошение Суркова и Шергольда в архангельский губернский распорядительный комитет о снижении непомерно высокого, по их мнению, налога, каким было обложено в тот момент их предприятие. Доказывая, что они имели по итогам года не доход, а убытки, предприниматели писали: “Наш винокуренный завод, только что возродившийся и имевший сильную конкуренцию с привозом спирта, нельзя сравнить с другими заводами, как, например, лесопильные, которые существуют много лет и сбывают производство за границу. Здесь доходность и промышленность совсем другая. Наш завод еще требует много усилий и затрат, чтобы дойти до равенства по доходности с лесопильными заводами; **да едва ли этого можно будет достигнуть** (выделено нами – Е.О.)”⁴²².

Предприниматели явно скромничали: через короткое время они не только достигли уровня производства других архангельских предпринимателей, но и значительно превзошли их не только в винокурении (тут им не было равных!), но и в лесопилении.

А пока предприимчивые купцы не теряли времени даром, они быстро расширяли масштабы лесопильного дела: уже через два года заводик стал двух, а еще через три – трехрамным. В дальнейшем дело пошло еще быстрее.

В 1886 году завод “Сурков и Шергольд” представлял собой двухэтажное кирпичное здание с железной крышей. И с этой точки зрения ему не было равных на всем Севере. На большинстве лесозаводов той поры рамы размещались в больших деревянных строениях, издавна называвшихся амбарами, покрытых тесом.

Передовым по тому времени было и техническое оборудование предприятия. Завод располагал быстроходными рамами, дававшими 280-320 оборотов в минуту с автоматической подачей бревен.

Из года в год модернизировалось силовое оборудование. В 1899 году на предприятии было 9 паровых котлов, а слабая 75-сильная паровая установка, служившая основным двигателем, в то время была заменена 240-сильной. 17 лет заводские службы освещались при помощи газовых светильников. В 1898 году началось устройство электроосвещения внутри заводских помещений и биржи. В 1910 году на территории заведения насчитывалось до 800 различных электросветильников.

Вода в бассейне, а также основные помещения завода обогревались. Накануне Первой мировой войны на заводской территории действовало 44 обрезающих, торцовочных, сортовых, дроворезных и других станков.

Немало механизмов применялось для того, чтобы доставить бревна к пило-рамам. Древесина выкатывалась на берег при помощи паровых лесокаток, каждая производительностью 200 бревен в час. В лесопильные рамы бревна продвигались по шлюзам с помощью цепных элеваторов. После распиловки в развал доски и горбыли от рам по транспортерам подавались на второй этаж, где располагались обрезающие, клепочные, сортовые и ребровые станки.

Далее путь самого ценного товара – обрезающих досок – при помощи вагонеток лежал на биржу пиломатериалов, где они укладывались в специальные штабеля. После длительной сушки доски тщательно сортировались, торцевались и доставлялись на причал.

В дело шли также рейки и горбыли: из них выработывались багет и клепка. А все, негодное к делу, распиливалось и вместе с опилками на транспортерах шло в котельную, где использовалось как топливо.

Старший фабричный инспектор В.П. Гарин, в своих записях о посещении завода неизменно констатировал высокий уровень производства и предохранительных мер на этом предприятии. Так, после посещения завода Суркова 27 июня 1902 года он записал: “Произвел осмотр пильных станков, и при этом оказалось, что все станки снабжены мерами предосторожности, а предохранительные ножи при круглых пилах установлены правильно. Лесопильный амбар содержится в полной чистоте”.

Общую картину состояния дел на лесозаводах губернии дал в одном из своих отчетов архангельский губернатор А.П. Энгельрадт. “Сама техника на заводах, –

заметил он, – доведена в последние годы до значительного совершенства, заводы стараются использовать всю лесную массу: после распиловки бревен на доски, из обрезков и закрайков выделяются фанеры, плинтуса, бруски всяких размеров и прочее; опилки и негодные отбросы идут на топливо⁴²³.

Весьма значительными были и масштабы производства. К 1914 году, времени продажи завода удельному ведомству, на предприятии действовало 10 рам, которые выработали более 70 тыс. кубометров пиломатериалов.

Непрерывно возрастала и численность рабочих, занятых на заводе. В начальный момент, в 1883 году, их насчитывалось всего 23 человека, в 1886 – 36, в 1889 – 56, в 1893 – 156, а в 1903 – 1913 гг. на заводе в целом было занято 835 человек, 195 из них – на непосредственном производстве⁴²⁴.

В сезон 1912 года товарищество вывезло на экспорт 12 760, а в 1913 году – 18 880 стандартов пиломатериалов⁴²⁵ (1 стандарт равен 4,672 кубометров досок или других товаров).

Одним словом, сурковский лесозавод уверенно завоевал свою нишу и твердо занял ведущее место среди подобных себе предприятий.

Приведем основные показатели, зафиксированные в официальном справочнике, изданном в 1914 году. Завод, являясь акционерным обществом, имел основной капитал в 1 200 000, и запасной – 9781 рублей. Основная часть акций распределялась между тремя владельцами: А.Ю. Сурковым, Е.И. Шергольдом и В.В. Гувелякеном.

Завод имел на вооружении 5 локомотивов общей мощностью в 320 лошадиных сил. Годовое производство определялось в 1 140 тыс. рублей⁴²⁶. Как уже отмечалось, из 14 установленных рам, к 1914 году на нем действовало 10, которые выработали до 80 тыс. кубометров пиломатериалов. Завод работал в том году 237 дней.

До конца XIX века погрузка пиломатериалов на заводе Суркова производилась только в баржи, на которых доски перевозились в Маймаксу, где перегружались на корабль. После того, как дно реки у завода углубили, доски стали грузиться непосредственно у заводской биржи.

Сурков непрерывно заботился о расширении биржи. В 1890 году после сооружения арочного моста через Петербургский, или Почтовый тракт она была значительно увеличена за счет вновь приобретенного участка земли, расположенного у заводского поселка.

Подводя итоги деятельности лесозавода “Сурков и Шергольд” за время с 1897 по 1914 гг., отметим, что в первые три года на предприятии трудилось 450 человек, а в начале мировой войны 850. Среднегодовая численность работавших составила за этот отрезок времени 768 человек, которые выработали в общей сложности за этот период свыше 992 тысяч кубометров пиломатериалов. Стоимость продукции составила 20 828 тысяч рублей (среднегодовая прибыль более 1 157 тысяч рублей). Лесопилка принесла компаньонам свыше 1 077 тысяч общего дохода при средней ежегодной доходности около 60 тысяч рублей⁴²⁷.

В период расцвета деятельности товарищества “Сурков и Шергольд” его акции распределялись следующим образом: 130 паев имел Егор Шергольд, 20 – его брат Роберт, 214 – Василий Гувелякен с женой, 1 – Эмиль Бройтигам. Основным же собственником предприятия являлась семья Суркова. Ее глава – Альберт Юльевич – имел 407 акций, его сын Арно – 105, а 100 акций принадлежали товариществу пивоваренного завода Суркова. Таким образом, купец Сурков в общей сложности имел 612 акций из 1000⁴²⁸.

Даже в военное время компаньоны предприятия имели хороший доход. По итогам 1914/1915 хозяйственного, или, как тогда говорили, “операционного” года, собрание пайщиков отчислило в свой дивиденд 96 000 рублей. При доходности 96 рублей на один пай семья основателя завода получила за год 58 752 рубля чистого дохода.

Однако в ноябре 1914 года компаньоны неожиданно продали свое детище удельному ведомству, выручив за него 657 402 рубля. Причем, Сурков сразу же полученные средства вложил в расширение целлюлозно-бумажного производства, после чего семья Сурковых почти вдвое увеличила число акций этого предприятия (она имела в собственности 5325 акций вместо 2936, которые имела ранее)⁴²⁹.

А вскоре сам предприниматель перебрался из беспокойного пограничного Архангельска поближе к своему любимцу – Сокольскому целлюлозному заведению, дававшему неизменно высокий доход. Постепенно он передавал это в высшей степени рентабельное предприятие своему сыну Арно Альбертовичу, практически отдав ему основной пакет акций и сделав его директором-распорядителем, т.е. фактическим хозяином мощного комплекса.

* * *

Заметим, что в начале XX века Альберт Юльевич был не только известным предпринимателем, но и видным общественным деятелем. Он дважды избирался в городскую думу, был почетным мировым судьей по Архангельской губернии. За успешную деятельность он имел высокие награды: 2 золотых медалей на Аннинской и Станиславской лентах, одну серебряную в петлице. “За содействие арктической экспедиции профессора Биркеланда” он получил норвежский орден святого Олафа.

Остается добавить, что, как показывает содержание духовного завещания, сам Сурков, как это ни странно, по документам не был первостатейным богачом.

А. Ю. Сурков, после его смерти, последовавшей весной 1917 года, оставил в наследство своему сыну Арно, который являлся директором-распорядителем Северного акционерного общества “Сокол”, собственность в виде жилого дома и акций различных акционерных обществ всего стоимостью свыше миллиона двухсот тысяч рублей. Наиболее весомый пакет акций он имел в созданном им лично пивном заводе (568 паев на сумму 568 000 рублей). Акции акционерного общества “Сокол” также составляли внушительную сумму – 454 500 рублей.

Купец имел также 46 акций Северного пароходного общества, 400 – общества “Норд” и 74 пая в товариществе кемских лесозаводов⁴³⁰.

Следует иметь, однако, ввиду, что, как уже отмечалось выше, львиную долю акций наиболее доходного акционерного общества “Сокол” (более 1100) Альберт Юльевич уже передал своему сыну Арно Альбертовичу, который был в то время директором-распорядителем этого общества. Он же являлся и единственным наследником Альберта Юльевича.

При кажущемся, на первый взгляд, успешном ведении своих дел купец 1-й гильдии Сурков, фактический владелец пивоваренного и лесопильного заводов в Архангельске, совладелец Сокольского целлюлозного завода, пайщик ряда крупных фирм, оставил своему наследнику, помимо значительного богатства, существенный долг – 454 000 рублей.

Таковы некоторые данные о жизни одного из самых известных архангельских купцов, крепкого хозяина – предпринимателя. Можно по-разному подходить к оценке деятельности Суркова, созданному им движимому и недвижимому капиталу, нажитому в течение длительной и упорной работы. Несомненно одно: почти за полвека своей разносторонней деятельности на Русском Севере он проявил незаурядные организаторские способности и огромную энергию, сумев добиться выдающихся практических результатов.

В речи активиста общества изучения русского Севера В. Ленгауэра, посвященной памяти Альберта Юльевича, дано яркое представление о том, как понимали современники роль Суркова в развитии производительных сил северного края.

“В лице почившего почетного члена нашего Общества Альберта Юльевича Суркова, – заявил Ленгауэр, – мы утратили крупного деятеля на Севере, отдавшего ему 50 лет неутомимой разнообразной деятельности. Он не был уроженцем Русского Севера, но предоставил на пользу его все силы своей глубоко одаренной натуры”.

Одним из первых шагов на этом пути была одно-рамная лесопилка, положившая начало крупнейшему архангельскому предприятию, которое, несмотря на все превратности политических и экономических потрясений, выпавших на долю многострадального XX века, дожило до наших дней.

Лесопромышленник Андрей Чудинов

³⁹⁴ Волна. 1923. 2 дек.

³⁹⁵ ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 984. Л. 2,3.

³⁹⁶ Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 984. Л. 6.

³⁹⁷ Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1247.

³⁹⁸ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 126. Л.37.

³⁹⁹ Коммерческая справочная книжка Архангельской губернии. Архангельск, 1915. С. 68 – 70.

⁴⁰⁰ ГААО. Ф. 1715. Оп. 1. Д.5. Л. 1. Перевод с немецкого.

- ⁴⁰¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1449. Л. 8, 20; См. Ленгауэр В.А. Альберт Юльевич Сурков. Архангельск. 1917. С. 3;
- ⁴⁰² ГААО. Ф. 1715. Оп. 1. Д. 5. Л. 1об. Общий подсчет С. Новикова. Дорога длиною в сто лет. (Рукопись). С. 20.
- ⁴⁰³ Там же.
- ⁴⁰⁴ ГААО. Ф. 51. Оп. 12. Т. 6. Л. 10.
- ⁴⁰⁵ Там же. Ф. 51. Оп. 12. Т. 6. Д. 183. Л. 10; Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1449. Л.25. Отметим любопытную деталь: в документах того времени иностранцев принимали не в **Российское**, а в **Русское** подданство.
- ⁴⁰⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1449. Л.16.
- ⁴⁰⁷ Новиков С.И. Дорога длиною в сто лет. С. 38, 39.
- ⁴⁰⁸ ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 455. Л. 4. ГААО. Ф. 13. Оп. 5. Д. 127. Л. 52–55.
- ⁴⁰⁹ Там же. Ф. 13. Оп. 4. Д. 150. Л. 64.
- ⁴¹⁰ Там же. Ф. 13. Оп. 4. Д. 150. Л. 3, 7, 10, 40.
- ⁴¹¹ Там же. Ф. 13. Оп. 4. Д. 150. Л. 106-107.
- ⁴¹² См. 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. Очерки и воспоминания. Архангельск. 1925. С. 17.
- ⁴¹³ ГААО. Ф. 75. Оп.1. Д. 1327. Л. 8-9.
- ⁴¹⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2181. Л. 2.
- ⁴¹⁵ Там же. Ф.1.Оп. 5. Д. 127. Л. 65; Обзор Архангельской губернии за 1900 год. С. 9.
- ⁴¹⁶ Лесопромышленный вестник. 1914. № 9. С. 126.
- ⁴¹⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 588. Л. 1,5,8.
- ⁴¹⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 58. Л. 53.
- ⁴¹⁹ Новиков С.И. Указ соч. С. 29.

Купеческая лесопилка: мифы и действительность

- ⁴²⁰ Кратиров Д., Семаков А. Указ соч. С. 3, 9.
- ⁴²¹ ГААО.. Ф. 112. Оп. 1. Д. 278. Л. 22, 23.
- ⁴²² Там же. Ф. 112. Оп. 1. Д. 290. Л. 20.
- ⁴²³ Там же. Ф. 1. Оп. 9. Д. 587. Л. 29.
- ⁴²⁴ Рабочие на заводе занимались подачей сырья в раму, распиловкой, сортировкой, обрезкой кромок и отвозкой пиломатериалов. См. Н. А. Шумилов. Вступительная статья к описи № 1 фонда “Северодвинский государственный лесопильный завод” (№ 215). С.2.
- ⁴²⁵ См. Овсянкин Е. Архангельск купеческий. Архангельск. 2000. С. 442.
- ⁴²⁶ Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Ред. Ф.А. Шюбер. Изд. 2-е. Птрг. 1914. № 37 (ж).
- ⁴²⁷ Данные позаимствованы нами из рукописи С. Новикова “Дорога длиною в сто лет”. С. 90.
- ⁴²⁸ См. Яковлев С. Золотые кольца. С. 68.
- ⁴²⁹ Там же. Ф. 51. Оп. 17. Т. 38. Д. 1155. Л. 9.
- ⁴³⁰ Там же. Ф. 69. Оп. 1. Т. 7. Д. 203.

Первые поколения мастеров лесопиления

ПЕРВЫЕ КООПЕРАТОРЫ СЕВЕРА

Конец XIX – начало XX вв. ознаменовалось на Севере появлением новой формы торгово-промышленной деятельности – кооперативного движения.

Из разных источников мне удалось выявить сведения о нелегкой судьбе семьи одного из зачинателей кооперативного движения на Севере – создателя Союза смолокурных артелей Важской области, умелого предпринимателя Александра Егоровича Малахова, вынужденного доживать свой век вдали от родины.

Участь этого незаурядного человека и его большой семьи является в какой-то мере типичной для значительной части русских эмигрантов.

* * *

В личном архиве председателя белогвардейского правительства Северной области Николая Чайковского хранится немало писем выходцев из архангельской земли. Эти человеческие документы, написанные в экстремальных условиях, помогают глубже представить трагедию людей, которых судьба заставила покинуть свою родину.

Среди других я выявил два письма основателя Важского союза кооперативов смолокурных артелей Александра Егоровича Малахова. Это был один из одаренных предпринимателей, сумевший еще в начале XX века создать первые кооперативы среди шенкурских смолокуров.

Смолокурение являлось самым древним видом промысла в Шенкурском уезде. Жители Важской земли регулярно занимались им со времен Ивана Грозного. Доступность сырья, простота технологии и огромная потребность в продукции поддерживали веками эту наиболее распространенную форму переработки древесины.

Смола шла на экспорт, употреблялась для осмолки купеческих судов и военных кораблей, каюков, паузков, карбасов, канатов, свай и т.д.

Статистика свидетельствует о том, что до 60 процентов крестьянства уезда имели доходы от этого занятия. В 1912 году, например, они получили от смолокурения 120 тысяч рублей в ценах того времени⁴³¹.

Примитивным и тяжелым был труд смолокуров. Сошлюсь на описание этого промысла технологом М. А. Токарским (1895 г.), обследовавшим его по заданию министра земледелия и государственных имуществ России.

“Неприглядна работа смолокура у печи при процессе курки, – писал М. Токарский. – Настолько неудовлетворительна в гигиеническом отношении, что граничит прямо-таки с расстройством здоровья, особенно у тех промышленников, которые забираются вовнутрь далеко отстоящих от деревень лесосек...”

Чуть позже технолог А.С. Семенов так описывал самую сложную часть труда смолокура: “Загрузив печь, кустарь скидывает с себя тулуп, обвязывает платком лицо и лезет в печь с веником, чтобы выгрести оттуда остатки угля и очистить отверстие, ведущее из печи в колоду. Температура печи при этом бывает настолько высока, что стоит ему поднять лицо выше верхней линии топочного отверстия, как кожа с лица моментально слезает наподобие перчатки. Не окончив еще работы, он вылезает из печи и начинает обтирать разгоряченное потное лицо снегом. Остыв немного, он опять отправляется в печь заканчивать свою работу”.

“Когда въезжаешь в пристанище смолокуров, – отмечал далее М. Токарский, – то издали виднеются как бы землянки, кое-где занесенные снегом, кой же где оттаявшие, причем из последних идет густой дым; первые представляют из себя жилище, вторые печи, помещенные в небольших сарайчиках или навесах.

Подобное собрание печей (от 5 до 20) называется “майданом”; если майдан большой, принадлежит крестьянам одной деревни и расположен в лесу далеко от поселений, то положительно все более или менее здоровые работники, женщины и дети перебираются на житье в лес и в деревне остаются только старики да младенцы. После полутора или двух недель работы при печах, обыкновенно около какого-нибудь праздника, которых, к слову говоря, в этой местности чествуют довольно-таки много, вся эта ватага, черная и закопченная, возвращается в деревню, приводит свой наружный вид в некоторое подобие обычного обитателя деревни и, отдохнув денек–другой, опять принимается за ту же работу”⁴³².

Читаешь эти строки и с трудом веришь в то, что в подобных условиях около 1500 смолокурных печей, действовавших в то время в уезде, производили в среднем за год от 50 до 70 тыс. бочек 8-пудовой меры смолы и пекла, до 300 пудов канифоли. Кроме этого, крестьяне продавали около 7000 пудов скипидара⁴³³. Общая стоимость реализуемой продукции составляла в отдельные годы почти полмиллиона рублей. В конце XIX – начале XX в. по количеству вывозимой (прежде всего в Лондон) смолы Важская область занимала одно из первых мест на мировом рынке.

За долгие десятилетия и даже века этот вид промысла не подвергся какой-либо существенной модернизации. От примитивного ямного способа перешли к печному производству. В конце XIX века смолокуры стали снабжать печи колпаком, патрубком и холодильным устройством (конусной медной трубой) для улавливания скипидара. Этим дело ограничилось, хотя разговоры в печати о модернизации производства смолы, о том, чтобы “взяться за дело по-заграничному”, велись с середины XIX столетия.

Богатство, добытое в убогих печках, крестьяне частично привозили на ярмарки в Шенкурск и село Благовещенское, а большую часть его сплавляли весной на специальных плотках в Архангельск, где смола реализовывалась

крупным купцам. А нередко скупщики, представители крупных архангельских фирм, покупали смолу на местах, навязывая производителям свои кабальные цены. Они объявляли цены на продукты смолокурения в конце сезона - 1 марта, перед началом сплава. Но к этому времени кустари, забирая деньги и товары в счет будущих поставок, становились должниками скупщиков и соглашались на любые цены.

В начале XX века шенкурские смолокуры под руководством А. Малахова попытались создать собственную организацию для сбыта продуктов смолокурения, чтобы вырваться из цепких лап скупщиков. С 1901 года в Важской области началось создание артелей, у которых к 1906 году сосредоточилось до половины архангельского экспорта смолы⁴³⁴. Благодаря этой мере, поддержанной земледельческим ведомством, значительно увеличились заработки смолокуров-артельщиков: они стали получать за бочку смолы 3 руб. 33 коп. вместо 2 руб. 225 коп. в 1901 году. Артельная выработка смолы увеличилась за это время с 1784 до 21 521 бочки⁴³⁵.

Однако революционные события 1906 года прервали первый этап артельного движения. Оно возобновилось сразу же после прекращения народных выступлений. Во главе его вновь встал выходец из Верхосуландского общества, умелый организатор Александр Егорович Малахов. Преодолевая сопротивление чиновничества, а затем и мощное противостояние экспортных фирм Беляевского, Линдеса и Данишевских, он сумел утвердить устав Союза смолокурных артелей Важской области и наладить самостоятельный вывоз артельной продукции.

Устав нового объединения кустарей-смолокуров, утвержденный 12 июня 1913 года, предусматривал содействие "смолокурным артелям в приобретении необходимых им продуктов потребления и всех вообще требующихся в кустарной смолокурной промышленности предметов, а также в выгодном сбыте продуктов их промысла в сыром или обработанном виде, устраивая, в случае надобности, с этой целью промышленно-технические производства для переработки сырых продуктов местного кустарного смолокурного промысла". Второй важнейшей целью своей работы союз считал выдачу "ссуды под обеспечение товарами, принятыми союзом на комиссию для продажи, а также получение ссуды под те же товары за счет и по поручению товаровладельцев из разного рода кредитных учреждений" и исполнение всякого рода поручений своих членов, относящихся до их промысла⁴³⁶.

Размах деятельности Союза смолокурных артелей Важской области, распространившего свое влияние не только на Шенкурский, но и на Вельский и Сольвычегодский уезды Вологодской губернии, достоин удивления. К началу 1918 года в сферу его деятельности входило свыше 50 тысяч человек. На балансе Союза к тому времени имелись пароход, 6 барж, 24 различных обрабатывающих предприятия, в том числе собственный лесопильный завод в Шенкурске, а также коммерческое училище и типография, созданная

в начале 1917 года. Правление Союза наладило выпуск собственного журнала “Важская область”. А всего в Шенкурском уезде к 1918 году было 214 различных кооперативов, в том числе 137 потребительских обществ, 34 смолокурных и 14 лесных артелей. В них объединялось 11156 пайщиков⁴³⁷.

Результаты работы важских кооператоров были настолько весомы, что даже в 1924 году журнал “Лесопромышленное дело” отмечал: “еще с 1900 года, когда шенкурские смолокуры додумались организовать артели и одним этим подняли заработки смолокуров на 50-70% и на протяжении 12 лет создали мощную организацию “Важский союз”, которая вплотную подошла и занялась промыслом, организовав самостоятельный сбыт за границей. Это было время действительного поднятия и развития промышленности (5-6 лет)”⁴³⁸.

Практические результаты работы Союза смолокуров можно считать самым значительным достижением в экономическом развитии Шенкурского уезда в предреволюционное время. Однако после установления советской власти кооператорам пришлось пережить тяжелые дни. Нормальное развитие начатого дела почти прекратилось. Его руководители А.Е. Малахов, Г.А. Дегтев и С.П. Костылев были обвинены в контрреволюционной деятельности и арестованы. Арестантам удалось бежать из тюрьмы, покинуть родные места, и, в конце концов А. Малахов оказался за границей⁴³⁹.

...Для того, чтобы понять смысл двух писем Малахова, напомним, что Н.В. Чайковский в январе 1919 года выехал из Архангельска в Париж и стал одним из руководителей антибольшевистского движения за рубежом, хотя формально он вплоть до падения Северного фронта (февраль 1920 года) оставался главой Временного Правительства Северной области. Поэтому все представители русской эмиграции обращались к нему с просьбами как к официальному лицу.

Первое краткое письмо Александр Малахов написал Чайковскому 3 сентября 1919 года из Варшавы. Это было тревожное для Севера время. Английские и другие оккупационные войска уже оставляли пределы Севера, бросив белогвардейскую армию на произвол судьбы. В письме Малахов рассказывал о своих блужданиях: “В апреле прошлого года я бежал из Шенкурской тюрьмы вместе с двумя кооператорами. Одного из нашей компании Дегтева Кедров расстрелял в Вологде. Я же оказался в Москве, стал даже председателем правления нового центра промысловой кооперации... Большевики не ждали такого нахальства – я жил в Москве под своим именем...”

Почувствовав угрозу, Малахов бежал под именем поляка Иосифа Антоновича Лаздовского. А потом, перейдя границу, он оказался в плену.

Александр Егорович просил Чайковского выволить его из неволи и помочь добраться до Архангельска. “Меня волнует эвакуация англичан, расстрел и потеря семьи и родного края. Неприятно жить без смысла и дела, когда моя семья в Архангельске томится неизвестностью и неопределенностью”⁴⁴⁰, – завершал свое письмо шенкурский кооператор.

Судя по содержанию второго письма, Чайковский помог Малахову выйти на волю. “Я свободен, даже получил пропуск в Англию”, – сообщил он в октябре того же года.

Между тем, семья кооператора переживала в это время трудные дни. В январе 1919 года жена Александра Егоровича Евдокия Андреевна вместе с пятерыми детьми бежала из Шенкурска в Архангельск. Летом 1920 года она оказалась в архангельской тюрьме, как “заложница за мужа” и “жена антисоветского деятеля”.

По свидетельству Г.А. Малахова, дети, старшему из которых не исполнилось и 15 лет, находились в это время в Кемии. Чтобы выжить, они поселились в пустующем бараке на Поповом острове и занялись ловлей рыбы. С небольшим хлебным пайком и благодаря помощи добрых людей они избежали голода. А осенью перебрались в Архангельск.

В архиве ФСБ сохранилось несколько писем детей в губЧК с просьбой об освобождении их матери. “Просим освободить нашу маму из лагеря принудительных работ, - говорилось в письме от 14 января 1921 года. - Она уже достаточно понесла наказание и отвечать за действия бежавшего мужа не должна” . “Мы думаем, – говорилось в другом детском письме, – что на свободе мама будет в 10 раз полезнее для народа, чем на принудительных работах. Покорнейше просим выпустить ее на свободу... Мама против советской власти ничего контрреволюционного не сделала и не сделает. За это мы ручаемся”⁴⁴¹.

Под каждым из этих заявлений пять подписей: Георгий – 15 лет, Александр – 14 лет, Вячеслав –13, Лев –11 и Галя – 8 лет. Лишь поздней осенью 1921 года Евдокия Малахова обрела свободу. Переехав в Москву, семья стала хлопотать о выезде к отцу. Но документов для этой цели ей не выдавали. Тогда Александр Егорович организовал тайный переход эстонской границы всем шестерым членам семьи . Из Эстонии Малаховы перебрались в Чехословакию. Дети учились в школах.

А их неутомимый отец пытался и на чужбине заняться кооперативной деятельностью: организовал объединение крестьян по сбыту фруктов в Прикарпатье, пытался создать кооператив для производства смолы, но потерпел неудачу. Чехи, а позднее и югославы не поверили “бородатым русам”.

В конце концов Малахов стал единоличным смолокуром. Возле деревни Требовль в Югославии он своими руками соорудил из глины типичную северную печь “кожуховку”. Возле нее Малаховы построили небольшой дом.

Несмотря на постоянную заботу о насущном хлебе для большой семьи, Александр Егорович занимался общественной деятельностью и литературным трудом. Во второй половине 1921 года он возглавил “Бюро русского кооперативного объединения для помощи голодающим в России”, которое

действовало в Ревеле. Сохранились многочисленные ходатайства за подписью Малахова об оказании помощи России.

В газете “Дни”, которая издавалась в Берлине, Александр Егорович поместил серию статей о кооперации. Таковы, например, публикации “О крестьянском большевизме”, “Этапы кооперативного движения в России” и другие. К одной из статей содержалась любопытная редакционная приписка: “А.Е. Малахов – многолетний культурный и общественный работник деревни, организатор мощного кооперативного движения Севера России. Близкое знание А.Е. Малаховым крестьянской психологии делает особенно ценным правильное его мнение о невозможности в России крестьянского большевизма”⁴⁴².

Находясь за границей, Малахов написал две книги: “Великая русская революция и роль в ней коммунистов” и “Кооперация и коммунисты”. Обе книги были изданы в Лондоне в 1921 году, а потом напечатаны славянским издательством в Праге.

Отлично понимая невероятные экономические и политические трудности, которые испытывала в то время Россия, Александр Егорович завершил свой основной труд оптимистическим призывом М. Бакунина: “А мы, друзья, верующие в русский народ, – говорилось в нем, – пойдем вперед дружно и смело, верные ему до конца, и не остановимся ни перед какими угрозами, ни перед какими препятствиями, ни даже перед все подавляющим равнодушием”.

...В день нападения фашистской Германии на Советский Союз старого кооператора арестовали гестаповцы. Почти три месяца Александр Егорович пробыл в тюрьме. А после выхода из нее Малахов помогал отрядам Сопротивления. Связь с партизанами имели и его сыновья.

По окончании войны Малахов стал хлопотать о возвращении на Родину и 13 мая 1947 года получил советский паспорт. В расчете на быстрое оформление визы Александр Егорович вместе с женой переехал в Чехословакию, где проживала дочь Галина. Мечта кооператора не сбылась – в октябре 1950 года он умер. Еще раньше ушла из жизни его супруга Евдокия Андреевна.

По-разному сложилась судьба детей Малахова. Дочь Галина, вышедшая замуж, осталась в Чехословакии. Лев Александрович, всю жизнь проработавший в Иране в строительных фирмах, уехал к сыну в США. Шенкурский американец – пенсионер близко принял к сердцу перемены, происшедшие за последние годы в России. Он поддержал словом и делом идею шенкурского журналиста и предпринимателя Александра Чеснокова воссоздать журнал “Важская область”, основанный в 1918 году его отцом А.Е. Малаховым, помогал добрым советом, прислал в его распоряжение еще крайне редкий в то время в нашей стране, тем более в Шенкурске, ксерокс, следил за всеми публикациями в журнале. В 1996 году из США пришла печальная весть о кончине Льва Александровича.

Я храню несколько писем от сыновей Александра Егоровича – Александра и Георгия, которые возвратились в Россию, также от дочери Гали Александровны, оставшейся в Чехии.

Александр Малахов стал на родине профессором, автором ряда научных трудов. Его письма свидетельствуют об отличном знании истории Севера. Он сообщил мне ряд интересных сведений по истории северной интервенции. У нас выявился общий интерес – коллекционирование северных бон. К сожалению, Александр Александрович в 1992 ушел из жизни.

Старший из братьев Малаховых Георгий Александрович после возвращения из эмиграции поселился в городе Канске Красноярского края. Своеобразным подвигом жизни этого человека явилась подготовка им своих мемуаров. Георгий Александрович подробно рассказал о событиях в Шенкурском уезде, положении русских эмигрантов в европейских странах.

Г.А. Малахов был хорошо знаком с А.Ф. Керенским, вместе с которым он проводил в последний путь “бабушку русской революции” Е.К. Брешко-Брешковскую. Прах этой легендарной русской женщины, умершей 12 сентября 1934 года, покоится на одном из сельских кладбищ в Чехословакии.

В архиве Н.В. Чайковского мне довелось ознакомиться с письмами не только А.Е. Малахова, но и Ильи Николаевича Ракитина, брата руководителя Шенкурского восстания Максима Ракитина, тайно бежавшего в Англию вместе с женой, видного северного предпринимателя Е. Могучего, членов правительства Северной области А. Иванова., П. Зубова, а также с письмами в Архангельск А.Ф. Керенского.

⁴³¹ГААО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 25. Л. 7 об.

⁴³²Токарский М.А. Кустарное смолокурение в России...СПб, 1895. С. 15.

⁴³³Там же. С. 56.

⁴³⁴См. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX–начале XX в. М., 1995. С. 190.

⁴³⁵Там же.

⁴³⁶Там же. С. 196.

⁴³⁷Важская область. 1992. № 2(18). С.13–14.

⁴³⁸Лесопромышленное дело. 1924. № 13-14. Июль. С. 33.

⁴³⁹Судьба соратников А. Малахова сложилась трагически: Г.А. Дегтев 3 сент. 1918 г. был расстрелян в Вологде. См.: Овсянкин Е. Дело Григория Дегтева // Правда Севера. 1998. 24 сент.; С.П. Костылев, изобретатель знаменитой смолокурной установки, получившей имя “костылевки”, отсидел два года в лагере в начале 20-х гг., на пять лет был осужден в 1929 году и репрессирован в декабре 1937 года.

⁴⁴⁰ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1д. 261. Л. 1–2.

⁴⁴¹Архив РУФСБ РФ по Архангельской области. Сл. дело № 112/57. Л. 519–534.

⁴⁴²Сведения сообщены автору дочерью А.Е. Малахова Г.А. Малаховой-Вална, живущей в Чехии.

КУПЕЧЕСКИЕ ЗАВЕЩАНИЯ

Вплоть до недавнего времени проблема наследования, видимо, мало беспокоила рядового жителя России. Вклад на сберегательной книжке через шесть месяцев автоматически становился собственностью прямого наследника усопшего – жены или детей. Порой престарелые деревенские жители, умирая, не оставляли даже никаких документов о своей последней воле относительно единственного их богатства – жилого дома. У абсолютного же большинства жителей страны не было в собственности ни квартир, ни домов, ни тем более заводов, мастерских, того, что мы называем в наши дни недвижимостью. Да и само понятие “наследство” нередко использовалось в нашей жизни только в ироническом смысле.

Между тем в России существовал веками отработанный механизм передачи наследства. На первый взгляд, все было очень просто: человек в присутствии трех свидетелей составлял духовное завещание, нотариус заверял этот документ, вносил его в свою регистрационную книгу. После кончины завещателя этот же поверенный помогал наследникам подготовить все необходимые документы для внесения их в окружной суд. И только после решения суда наследники получали возможность реализовать волю усопшего.

Владимир Даль определил духовное завещание как “письменное, законно составленное распоряжение о добре, имуществе своем, на случай смерти; последняя воля”⁴⁴³. Очень простое и емкое определение!

В России духовные завещания составлялись по единому образцу и включали опись недвижимого и движимого имущества, ценные бумаги, деньги, размещенные в банках, а также и долги завещателя.

Знакомясь с духовными завещаниями конкретных лиц, понимаешь, что в этом акте проявлялась важная общечеловеческая ценность: забота человека, уходящего в небытие, о своем деле, о выборе продолжателя его, о своей душе, о справедливом разделе между близкими накопленного добра.

Интерес современных историков к этим документам, которые практически пока еще никто не изучал и не вводил в научный оборот, не является праздным. Каковы же главные особенности завещаний?

Прежде всего, духовные завещания являются наиболее правдивыми документами о богатстве того или иного предпринимателя. Все остальные сведения, которые поступали от купцов или торговых людей при жизни, явно преуменьшали эти данные. Как уже отмечалось ранее, любой житель при записи его в купеческую гильдию обычно называл минимальную сумму, которая официально требовалась для этой цели. В результате зафиксированный в подобных документах капитал не отражал реального богатства купеческого сословия.

Во-вторых, состояния архангельских купцов в целом были сравнительно невелики. Во всяком случае, они несравнимы с капиталами московских и петербургских предпринимателей. Достаточно отметить, что московские де-

ловые люди только на благотворительные цели жертвовали сотни тысяч и даже миллионы рублей. В 1916 году, например, сумма пожертвований знаменитой династии Бахрушиных составила 3,4 млн. руб., Третьяковых – 3,1 млн., Г.Г. Солодовникова – свыше 10 млн. руб.⁴⁴⁴.

И тем не менее, многие архангельские купцы и крестьяне оставляли после себя солидные состояния, которые оценивались в десятки, сотни тысяч и даже миллионы рублей..

Приведем некоторые сведения о капиталах части архангельских купцов и торгующих крестьян, отмеченные в их завещаниях, составленных в конце XIX-начале XX вв.:

Фамилия, имя отчество завещателя	Дата смерти	Общая сумма капитала	Наследователи
Ананьин Степан Васильевич	5 февраля 1900 года	184. 395 рублей	Жена Дарья Петровна
Гувелякен Вильгельм Иванович	2 ноября 1904 года	66.406 рублей	Жена Дарья Андреевна
Клафтон Джемс Моисеевич	15 июня 1898 года	83. 380 рублей	Жена, пятеро детей
Кривоногов Степан Николаевич	25 марта 1901 года	125 147 рублей	Дочь А.С. Перова
Линдес Роберт Егорович	3 декабря 1904 г.	17.000 рублей	Жена.
Линдес Фердинанд Егорович	2 августа 1900 г.	2.945.269 рублей	Жена и 13 детей.
Макаров Василий Парфентьевич	5 января 1900 года	63.178 рублей	Жена, пять сыновей и три дочери
Мерзлютин Яков Максимович	2 января 1904 г.	87.318 рублей	Жена и дети
Починков Александр Михайлович	16 марта 1909 г.	66.766 рублей	Жена
Ружников Иван Ефремович	2 декабря 1901 г.	868.039 рублей	Жена, урожденная Володина
Чесноков Дмитрий Арефьевич	7 января 1911 г.	42. 530 рублей	Жена
Шергольд Венделина Михайловна	20 декабря 1902 г.	38.640 рублей	Пятеро детей.
Шингарева Павла Михайловна	23 марта 1898 года	334. 867 рубля	Дочь Е.К. Плотникова
Шмидт Гепп	15 сентября 1897 г.	106.897 рублей	Жена Шмидт Эрнестина
Штоп Франц Логинович	29 октября 1901 г.	6.506 рублей	Жена

Источники: ГААО.Ф. 69. Оп.1т. 1. д.483.Л. 177. Плотникова; Л. 1, 26; Ф. 69. Оп.1. т. 1. д. 940. Л. 1, 5. Ананьин; Ф. 69. Оп.1т. 1. д.539. Л. 1, 5. Клафтон; Ф. 69. Оп.1т. 1. д. 349. Л.1, 5. Шмидт; Ф. 69. Оп.1т. 1. д. 910. Л. 1, 7. В. Макаров; Ф. 69 Оп. 1. Т. 1. Д. 1205.Л. 1, 5. Кривоногов С.Н.; Ф. 69 Оп. 1. Т. 1. Д. 1427. Л. 1,7; Штоп Ф.Л. Ф. 69 Оп. 1. Т. 1. Д. 1722.Л. 1-19.Шергольд В.М.- теща А.Ю. Суркова; Ф. 69 Оп. 1. Т. 1. Д. 1463. Л. 1-36. Ружников И.А.; Ф. 69 Оп. 1. Т. 1. Д. 1129. Л.1-47. Линдес Ф.Е.; ГААО. Ф. 69. Оп. 1.

Т. 1. Д. 2089. Л.1-22. Мерзлютин Я.М.; АО. Ф. 69. Оп. 1. Т. 1. Д. 2320. Л. 2-18. Линдес Р.Е.; Ф. 69. Оп. 1. Т. 1. Д. 4470. Л. 1-34. Чесноков Д.А.; ГААО. Ф. 69. Оп. 1. Т. 1. Д. 3893. Л. 1-37; Починков Алек-др Михайлович; ГААО. Ф. 69. Оп. 1. Т. 1. Д. 2335; Гувелякен В.И.

В завещаниях дан подробный перечень всего движимого и недвижимого имущества, каким располагал тот или иной предприниматель, указана его стоимость.

...23 июня 1918 года в возрасте 62 лет умер потомственный почетный гражданин, почетный попечитель евангелического общества Адольф Францевич Шольц. Он завещал “в полную собственность” своей жене Фаине Эдуардовне ценности на общую сумму более 808 тысяч рублей. К моменту своей кончины купец имел 4 дома и флигель общей стоимостью 169,5 тыс. рублей. Цена пяти пакетов акций составила в тот момент 671 472 рубля. Кроме этого, Шольц располагал также ценными бумагами на 125 000 рублей и денежными вкладами в двух банках на сумму 8 475 рублей⁴⁴⁵.

Известный предприниматель, российский подданный с 1875 года А. Ю. Сурков оставил в наследство своему сыну Арно, который являлся директором-распорядителем Северного акционерного общества “Сокол”, собственность в виде жилого дома и акций различных акционерных обществ общей стоимостью свыше миллиона двухсот тысяч рублей. Наиболее весомый пакет акций он имел в созданном им лично пивном заводе (568 паев на сумму 568 000 рублей). Акции акционерного общества “Сокол” также составляли внушительную сумму – 454 500 рублей. Купец имел также 46 акций Северного пароходного общества, 400 – общества “Норд” и 74 пая в товариществе кемских лесозаводов⁴⁴⁶.

Обрусевший норвежец М. Ульсен в момент завершения своей предпринимательской деятельности, по его собственному признанию, имел 2 050 тыс. руб. и около 30 000 фунтов стерлингов⁴⁴⁷.

Солидные накопления имели в конце своей жизни ряд выходцев из глубинных мест губернии. Так, бывшие пинежане, владельцы известного в Архангельске торгового дома “Братья С. и М. Кыркаловы”, в момент кончины старшего из них Северьяна Козьмича (в апреле 1912 года), имели состояние общей стоимостью 1 271 663 рубля. Имущество известного предпринимателя М.И. Вальнева определялось в 548 162 рубля, а карпогорца Щепоткина Григория Степановича (без учета долгов) – в 197 840 рублей⁴⁴⁸. Весьма солидным было состояние К.В. Шингарева, оставившего семье 135 тысяч рублей. Его жена, приумножив дело, завещала дочери в 1898 году уже 334 867 рублей⁴⁴⁹.

167 572 рубля оставил своим наследникам мезенский лесопромышленник Афанасий Ефремович Ружников. Около 118 тысяч рублей из этой суммы составляли процентные бумаги, 31 597 рублей значилось на банковском счете купца. 18 000 пай он имел в Мезенском лесопромышленном обществе.

Кроме этого Афанасий Ефремович имел в Мезени два двухэтажных дома и вместительные каменные амбары.⁴⁵⁰

Весьма приличное богатство скопил к концу жизни крестьянин П.П. Амосов. Свой дом в Соломбале и имущество в нем он оценивал в 14 000 рублей. На паях с купцом второй гильдии Г.Н. Шмидтом Амосов владел пароходом “Молодец” (пай крестьянина составлял 3000 рублей). Кроме того, в Соломбале на собственной земле располагался лесозавод Амосова, которым он владел вкуче с наследниками купца Гернета. Вместе с ценностями (в виде денег, различных бумаг), находившимися в банке, общая стоимость богатства доходила почти до 700 тысяч рублей⁴⁵¹.

Более скромное наследство оставил своей жене Матильде Ивановне выходец из Норвегии Карл Стампе. Оно включало стоимость дома (19 000 рублей), долю в товариществе “Ульсен, Стампе и К^о” (292 тыс. руб.) и 16 паев в товариществе “Стелла Поларе” (16 000 рублей)⁴⁵².

Бросается в глаза одна любопытная особенность купеческих капиталов. Денежные суммы, оставшиеся наследникам и находившиеся в банках, были относительно невелики, но зато акции различных заводов и фирм – многочисленны и очень весомы по их стоимости. Так, например, из духовного завещания Ф. Шольца следует, что он имел 51 пай в Маймаксанском лесном товариществе на сумму 255 тыс. рублей. Ему принадлежало столько же паев архангельского лесопильного завода, 75 – завода Стелла Поларе, 150 – целлюлозного завода “Сокол” и акции Онежского лесного порта стоимостью 80 тыс. рублей. После смерти купеческой вдовы Алисы Фонтейнес осталось: 10 акций Волжско–Камского коммерческого банка стоимостью 8550 рублей, 10 паев страхового общества “Саламандра” на сумму 5450 рублей, а также солидные пакеты акций в торговых домах “Э. Дес-Фонтейнес”, “Амосов, Гернет и К^о” и целлюлозного завода “Сокол”, стоившие свыше 280 тыс. рублей⁴⁵³. Примерно так же обстояло дело и у предпринимателей А.Суркова, М. Ульсена и К. Стампе, упомянутых выше.

Почти все деловые люди Севера, связанные с внешней торговлей, имели вклады в иностранных банках. Общая сумма этих вкладов в апреле 1918 года составляла около 60 тысяч фунтов стерлингов⁴⁵⁴. 17 тыс. фунтов имел на своем счету в Лондоне Яков Беляевский, 20 тыс. – Я.Е. Макаров, около 5300 – М. Ульсен и т.д. И это естественно: без валютного запаса, находившегося на Западе, невозможно было вести торговлю с зарубежными странами.

В ряде духовных завещаний отмечен долг завещателя. При кажущемся, на первый взгляд, успешном ведении своих дел купец 1-й гильдии А.Ю. Сурков, фактический владелец пивоваренного и лесопильного заводов в Архангельске, совладелец Сокольского целлюлозного завода, пайщик ряда крупных фирм, оставил своему сыну Арно, помимо значительного богатства, существенный долг – 454 000 рублей. Солидный долг – около 80 000 рублей – имел к моменту кончины карпогорец Г.С. Щепоткин.

Таковы некоторые данные о богатстве крепких хозяев – северян. Можно по-разному подходить к оценке их капиталов, нажитых людьми порой в течение всего лишь одного поколения.. Безусловно, требуется вдумчивое изучение всех факторов, которые помогали тому или иному купцу, бизнесмену добиваться столь поразительных успехов. В истории этого накопления были свои теневые и сильные стороны. Но несомненно и другое: это важнейшее свидетельство незаурядных организаторских способностей деловых людей, их огромной энергии, которую они развивали, как правило, на ранних этапах своей жизни.

Купеческие завещания

⁴⁴³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т.1. С. 504.

⁴⁴⁴ См. Бурьшкин П.А. Указ. соч. С.23.

⁴⁴⁵ ГААО. Ф. 69. Оп. 2. Д. 369.

⁴⁴⁶ Там же. Ф. 69. Оп. 1. Т. 7. Д. 203.

⁴⁴⁷ Архив РУФСБРФ. Следственное дело М. Ульсена.

⁴⁴⁸ ГААО. Ф. 68. Оп. 1. Т. 6. Д. 329/423.Лл. 60–77; Д. 30а. Лл.1–5; Т.4. Д. 423. Л. 52–73;

⁴⁴⁹ Зеленина Т.В. История семьи Плотниковых – Шингаревых // Научно-исследовательские работы в художественном музее: Сб. ст. Архангельск, 1998. Вып. I. С.154, 156.

⁴⁵⁰ ГААО. Ф. 69. Оп. 2. Д. 347. Л. 6об.

⁴⁵¹ Там же. Ф. 29. Оп. 5. Т. 6. Д. 2109. Л. 1–1об.

⁴⁵² Там же. Д. 293.

⁴⁵³ Там же. Ф. 69. Оп. 1. Т. 4. Д. 165. Л. 1–22.

⁴⁵⁴ Там же. Ф. 221. Оп. 5. Д. 24. Л. 1–9.

МЕЦЕНАТЫ И БЛАГОТВОРИТЕЛИ

Значительный интерес представляет вопрос о судьбе капиталов, оставшихся после смерти того или иного предпринимателя. Каким образом расходовали свои средства сами обладатели крупных средств, как сумели распорядиться ими наследники – эти и другие вопросы тесно связаны с развитием экономики Севера.

Главной заботой завещателя являлось стремление продолжить свое дело. И это естественно. Каждый из них хотел дальнейшего процветания созданной им фирмы, усиления ее деловой активности. Многие наследники успешно справлялись с приобретенным наследством. Продолжил и значительно приумножил дело отца, бывшего крестьянина Андрея Филипповича Беляевского его сын Яков Андреевич. В знак уважения к своему родителю он оставил прежнее название фирмы – “Торговый дом А. и Я. Беляевских”.. Три брата Мерзлютиных в 1887 году на базе отцовских капиталов создали торговый дом “Братья Мерзлютины”. Несколько десятилетий держались на плаву потомки вавчужских судостроителей Бажениных. Число подобных примеров можно увеличить.

Крупные предприниматели, думая о судьбе своих капиталов, серьезно относились к выбору продолжателей своего дела. В случае своей бездетности они усыновляли близкого родственника, передавая ему все свое богатство. Такой выбор, например, сделал в XX веке известный архангельский купец А.И. Костогоров. Еще более показателен поступок пинежского крестьянина Г.С. Щепоткина, который, не имея сына, усыновил своего зятя, предпринимателя А.А. Плюснина. Факты усыновления имели место и в более ранние времена.

Попытаемся подробнее осветить одну из сторон распоряжения своим наследством – благотворительность северных деловых людей.

Пожертвования купцов и промышленников на развитие образования, нужды церкви и монастырей, проявление заботы о больных, сиротах, престарелых, одним словом, стремление творить “благие дела” являлось одной из наиболее характерных особенностей жизни российского предпринимательского мира.

Исследователи не раз отмечали, что это явление вплоть до последнего времени почти не изучалось, а если и упоминалось, то “единственно для критики “фарисейской личины” господствующих классов дооктябрьской России”⁴⁵⁵, в том числе в работах историков Севера⁴⁵⁶. Не остались в стороне от этой темы и русские писатели. “Приближится смертный час, – писал П.И. Мельников-Печерский в своем известном романе “В лесах”, – толстосум сробеет, просит, молит наследников: “Устройте душу мою грешную, не

быть бы ей во тьме крошечной, не кипеть бы мне в смоле горючей, не мучиться бы в жупеле огненном”. И начнут поминать христороубца наследники: сгромоздят колокольную в семь ярусов, выльют в тысячу пудов колокол, чтобы до третьего небеси слышно было, как тот колокол будет вызванивать из ада душу христороубца-мошенника”. Подобное изображение русского купца встречаем у А.Н. Островского, М. Горького и др. Однако далеко не все богатые люди России соответствовали этим образам.

Отличный знаток купеческого мира Москвы, выходец из этого сословия П.А. Бурыйшкін в своих мемуарах заметил, что “в старой Москве богатство решающей роли не играло. Почти все семьи, которые надлежит поставить на первое место в смысле их значения и влияния, были не из тех, которые славились своим богатством. Иногда это совпадало, но лишь в тех случаях, когда богатство служило источником для дел широкого благотворения, или создания музеев, клиник, или развития театральной деятельности”⁴⁵⁷. Из огромного числа московских купцов своего времени П. Бурыйшкін выделил семьи Морозовых, Бахрушиных, Найденовых, Третьяковых и Щукиных, которые, по его мнению, “своей жертвенностью или созданием культурно-просветительных учреждений обессмертили свое имя”.

Лучшими примерами предпринимательской деятельности считались лишь такие, которые основывались на пользе для всего общества, для всех людей: иначе говоря, купцы понимали, что в основе их деятельности должны лежать нравственные принципы.

Благотворительность являлась характерной особенностью и провинциального купечества. Исследователи истории предпринимательства отдельных регионов привели в своих работах яркие примеры этого, можно сказать, типичного явления российской общественной жизни⁴⁵⁸.

Документы свидетельствуют о том, что предприниматели Севера не отставали от своих собратьев и систематически делали различные по размерам и форме пожертвования на различные нужды Архангельска и всей губернии.

В числе крупных архангельских меценатов были П.К. Куйкин, А.В. Булычев, Я.А. Беляевский, П.П. Амосов, пинежские купцы Володины и многие другие.

С некоторой долей условности можно выделить **три основных** направления благотворительных деяний архангельских купцов: поддержка народного образования: (строительство школ, училищ, выделение специальных стипендий для нуждающихся), создание богаделен и всемерная помощь церквям и монастырям⁴⁵⁹.

Уже архангельские купцы первого поколения, которые являлись, как правило, выходцами из крестьян, совершали многие акты благотворения. Так, например, бывший карбасник, т.е. человек, перевозивший на своих небольших карбасах грузы и товары из Холмогор в Архангельск и обратно и постепенно выбившийся в мир большого бизнеса, Н.С. Крылов участвовал своими средствами в закладке фундамента каменной Боровской-Успенской

церкви. В 1761 году он на свои деньги вылил для нее колокол весом более 117 пудов. В это же время купец соорудил придел к кафедральному собору и пожертвовал для него золотой крест весом в 3 фунта⁴⁶⁰.

Систематически выделял деньги для всех упомянутых целей Петр Кузьмич Куйкин. Только в 50-е годы XIX века он пожертвовал 10 000 рублей на устройство богадельни в губернском центре, в которой содержалось 70 человек. 12 человек в этой богадельне он взял на свое содержание, внося в городской банк 10 000 рублей, проценты с которых шли в бюджет заведения. В 1858 году Петр Кузьмич приобрел за 12 000 рублей дом для создания женского училища. В эти же годы купец построил на свои средства (пожертвовал 10 000 рублей) придел во имя апостолов Петра и Павла в Михайловской церкви Архангельска, выделил 3000 рублей на устройство церкви при архангельской тюрьме, 500 рублей – на учреждение женского училища в г. Онеге⁴⁶¹. И это лишь несколько примеров из многолетней благотворительной деятельности известного и уважаемого в городе человека.

Уникальным в своем роде явился дар Архангельску, который предоставил городу торгующий крестьянин из Заостровья П.П. Амосов. Он завещал 100 000 рублей на устройство дома трудолюбия. Причем 20 000 он положил на сооружение дома, а 80 тысяч, согласно его воле, должны были оставаться неприкосновенными и проценты с них – идти на содержание дома. Выполняя волю усопшего, городская дума приобрела каменный дом на набережной (бывший дом полковника А.Я. Карцева)⁴⁶².

Вскоре после передачи здания в распоряжение городской думы было создано попечительское общество о доме трудолюбия, и 14 февраля 1898 года утвердили его устав. Общество ставило своей целью “оказывать срочную, по возможности недолговременную помощь бездомным, выброшенным из больниц и не имеющим еще заработка, освобожденным из мест заключения по отбытии наказания, всякому вообще, впавшему в крайнюю бедность, посредством предоставления им труда и приюта впредь до более прочного устройства их судьбы”⁴⁶³.

Такую же сумму П. Амосов предоставил в распоряжение архангельского епархиального ведомства. Эти средства были распределены между 82 храмами губернии. Наиболее значительные суммы – по 5000 рублей – предприниматель определил церквям родных ему приходов: Вознесенской, Чубонаволоцкой и Островляно-Введенской. При этом завещатель оговорил обязанность последней церкви использовать часть средств в целях “вечного поминовения родного семейства моего по записанному в тех церквях синодику и служить каждую неделю заупокойную обедню и особую обедню 25 июня” (видимо, в день рождения завещателя). Проявляя заботу о своих земляках, П. Амосов передал “в вечное время” 1000 рублей в государственное кредитное учреждение, проценты же должны были выдаваться Вознесенскому волостному правлению для оказания помощи крестьянам в неурожайные годы⁴⁶⁴.

Особенно крупные пожертвования сделал в пользу церкви Афанасий Васильевич Булычев. Он появился в Архангельске в 1861 году в возрасте 34 лет и стал сначала купцом 3-й гильдии, объявив капитал 2400 рублей, вел на первых порах небольшую торговлю, открыв также свечное и мыловаренное заведение⁴⁶⁵. Постепенно из скромного торговца Афанасий Васильевич превратился в крупнейшего торговца хлебом. Большой заслугой Булычева перед северным краем явилось основание в 1858 году Северодвинского речного пароходства, вдохнувшего новую жизнь в водный транспорт на Северной Двине, Вычегде, Сухоне и Ваге. Будучи человеком религиозным, он назвал один из первых своих пароходов “Десятинный”, так как десятую часть доходов от пароходства купец отдавал на церкви и Соловецкий монастырь.

Замечательным памятником благотворительности Афанасия Васильевича явилась устроенная на его средства богадельня для престарелых и убогих женщин всех сословий при Кузнечевском кладбище. В ответ на ходатайство семьи Булычевых городская Дума 7 февраля 1892 года предоставила “городской пустопорожний участок земли в количестве 5460 кв. саженей в вечное бесплатное пользование исключительно под устройство Благотворительного заведения”⁴⁶⁶. Строительство и оборудование заведения было обеспечено капиталом в сумме более 200 тыс. рублей. Не менее щедрым даром Булычев почтил Вологодскую епархию, основав в Яренском уезде Крестовоздвиженский женский монастырь. Для его существования и благоустройства купец передал солидный капитал и закрепил за ним огромный участок земли в размере 2500 десятин, на которых рос прекрасный строевой лес⁴⁶⁷. Крупные суммы из своего капитала Афанасий Васильевич выделил также на строительство церквей при Шенкурском монастыре, в г. Орлове – на родине купца, а также Крестового храма в Архангельске. Особенно много он сделал для Соловецкого монастыря, где провел последние три года своей жизни и умер там же 8 апреля 1902 года⁴⁶⁸.

200 000 рублей оставил в распоряжение Соловецкого монастыря купец А.В. Ананьин, завещав похоронить себя на его территории⁴⁶⁹.

В завещаниях дан подробный перечень всего движимого и недвижимого имущества, каким располагал тот или иной предприниматель, указана его стоимость.

Интересные сведения о благотворительной деятельности известной купеческой вдовы Павлы Михайловны Шингаревой и ее дочери Екатерины Кирилловны Плотниковой выявила музейный работник Татьяна Владимировна Зеленина⁴⁷⁰.

Газета «Архангельские епархиальные ведомости» за 1889 год подвели своеобразный отчет их деяниям на этом поприще за 10 лет.

Особенно много было сделано двумя женщинами для обновления кафедрального собора. Значительная часть, наиболее важных заказов, размещалась в Москве. Автор публикации отметил: "...у собора средств своих на это не было, и других благодетелей в городе Архангельске и во всей бедной

северной окраине не оказалось по громадности требовавшихся затрат (в Архангельске самые большие капиталисты из немцев, поляков и норвежцев). Из русских православных только одна Павла Михайловна и могла взяться за такое великое дело, и она взялась и исполнила его с достойными своему имени успехом и честью"⁴⁷¹. На собор было пожертвовано свыше 30 000 рублей.

В городе не было почти ни одной церкви, где бы мать и дочь что-то не обновили, не отремонтировали, не купили для нужд храма. Не оставлены были ими без внимания и церкви Холмогорского уезда, откуда родом Шингаревы и Плотниковы. (О своих корнях помнили все Плотниковы. Так, Андрей Ильич еще в 1815 году на свои деньги построил придельный престол в честь св. пророка Ильи в церкви Сергия Радонежского в Курейско-Сретенском приходе).

На средства матери и дочери городское кладбище "украсилось новым храмом во имя святых Первоверховного Апостола Петра и Кирилла патриарха Александрийского. Храм этот построен на могилах, в которых покоятся тела усопших рабов Божих: Кирилла Васильевича, супруга Павлы Михайловны, и Петра Егоровича, супруга его дочери Екатерины Кирилловны". Храм этот производил сильное впечатление. В "Ведомостях" мы читаем: "2-х-ярусный иконостас в церкви составляет первое и пока единственное явление не только в церквях Архангельской епархии, но и на всем севере от Норвегии до Иркутска, – сообщалось в упомянутой статье «Епархиальных ведомостей». – Он сделан в Москве лучшими мастерами, весь устроен из белого мрамора, царские врата в нем литые медные с яркой и прочной позолотой. Иконы, в нем находящиеся, писаны на кипарисовых досках с золотым чеканным фоном в строгом Византийском стиле".

На устройство этого храма и его обзаведение было израсходовано 12 000 рублей. А всего этой семьей было пожертвовано более 80 000 рублей, но, как писали те же "Епархиальные ведомости", "... на основании некоторых данных мы позволяем себе думать, что действительность всех пожертвований... далеко превышает такую цифру. Достоверно известно, что в течение года в некоторых церквях совершаются церковные пения, что в учебных заведениях города: в женской гимназии, в женском епархиальном училище открыты стипендии, в богадельне Великого князя Алексея Александровича имеются пенсионерки, что есть помещения, в которых бедные бесплатно пользуются квартирами, и прочее, и прочее. Есть такие пожертвования, которые делались и делаются негласно и неофициально..."⁴⁷².

История сохранила и курьезные факты пожертвований состоятельных людей на нужды церковного дела. Так, например, прихожанин Емецкого прихода Иван Перевозников вылил за свой счет колокол весом в 169 пудов. При этом, как выяснилось позднее, Перевозников "по щедрости душевной" употребил на изготовление колокола большое количество медной монеты, за что привлекался к судебной ответственности...

Выше рассказывалось о духовном завещании пинежского купца первой гильдии Михаила Ивановича Володина.

Каменный дом в Пинеге купец завещал в “полную собственность Министерства народного просвещения с тем, чтобы в этом доме навсегда помещалось училище этого ведомства”. Всю недвижимость и денежные средства в сумме более 100 тысяч рублей он оставлял брату Алексею Ивановичу и племяннику Ивану Егоровичу, обязав их построить в Пинеге каменную богадельню под названием “Богадельня имени Евгении и Михаила Володиных” на 12 престарелых и бесприютных лиц.

Значительные суммы передавались также для Пинежского собора, а также Вонгской, Пильегорской, Валдакурской церквей.

Подобным же образом поступил выходец из Шенкурского уезда Андрей Филиппович Беляевский, завещавший крупные суммы церкви на своей родине и учредив там же богадельню своего имени. О благотворительных деяниях отца и сына Беляевских рассказано в очерке об этой купеческой династии.

Документы позволяют проследить, как постепенно высшие и местные органы власти, духовенство начали проявлять внимание к благотворительной деятельности деловых людей, совершенствовали ее формы.

По решению городской думы, в частности, все, так называемые “вечные вклады” вносились в городскую общественный банк, правление которого расходовало их согласно воле завещателей. В 1900 году Архангельская городская управа имела в распоряжении процентные бумаги на благотворительные цели на общую сумму 163 976 рублей, пожертвованные в разное время частными лицами.

Наиболее крупные вклады в этот фонд внесли купцы: П.К. Куйкин (14 000 рублей), А.Я Казаков и его жена В.И. Казакова (20 900 рублей), С.Д. Лемяхов (21 000 рублей), крестьянин П.П. Амосов (90 500 рублей), В.Н. Костров (9700 руб.), В.Н. Кривоногов (9800 руб.) и многие другие горожане⁴⁷³. С целью поощрения подобной деятельности богатых людей, а также в знак благодарности городская дума нередко принимала решение о присвоении стипендиям, выделяемым на содержание призреваемых, имен их жертвователей. В 1910 году в Елизаветинской мужской богадельне было три, а в Николаевской – 13 именных стипендий. В их числе были стипендии имени П.Куйкина, Т. Рыниной, С. Лемяхова, В. Кривоногова, Н. Дудина, И. Быкова и других.

В соответствии с духовными завещаниями упомянутых архангелогородцев проценты с этих средств использовались на оказание помощи учащимся мужской и женской гимназий, на содержание призреваемых в женской Николаевской и мужской Елизаветинской богадельнях, для раздачи нищим к праздникам Рождества Христова и Святой Пасхи, на устройство городских кладбищ и содержание дома трудолюбия. Реальный расход средств в 1900 году составил 3821 рубль⁴⁷⁴.

Судьба капиталов ряда купцов складывалась нелегко: порой наследники не могли мирно поделить нажитое их предками или родственниками богатство. Длительный спор со своими сыновьями вела купеческая вдова Татьяна Ивановна Мерзлютина, обвинив их в незаконном захвате капиталов и “выправку ими гильдейских купеческих прав”, в уничтожении ее документов на право собственности⁴⁷⁵. Многолетняя тяжба завязалась между потомками именитых фамилий холмогорских купцов Крыловых и Бажениных.

В государственном архиве Архангельской области хранится объемистое дело, в котором содержатся документы о взаимных претензиях, появившихся в 1810 году между дочерью Андрея Баженина Екатериной и ее дядей Иваном Кирилловичем, а также двоюродными братьями Василием и Никифором Степановичем⁴⁷⁶.

В случае спора при вступлении во владение имуществом умершего купца правление купеческого общества учреждало над ним опеку. Так случилось, например, с наследством известного купца Кузьмы (Козьмы) Минаева. После его смерти в феврале 1906 года 8 наследникам остались 4 дома, лесопильный завод в компании с купцом Патрушевым, пароход “Лапоминка”, солидный участок земли в селе того же названия. Решение спорных проблем, возникших между 6 сыновьями и 2 дочерьми покойного, было возложено на усмотрение родственников покойного – крестьян Федосовых. Окончательное решение принимал губернатор⁴⁷⁷.

Нельзя не отметить существенную разницу в подходе к распоряжению своим богатством между чисто русскими купцами и жителями так называемой Немецкой слободы. При анализе завещаний жителей этого поселения мне удалось выявить лишь один случай пожертвования: А.М. Фонтейнес из своих 106 036 рублей одну тысячу передала в распоряжение евангелической церкви⁴⁷⁸. Все имущество обычно отходило родственникам: женам, дочерям, сыновьям и т.д. И в то же время банковские лицевые счета жителей Немецкой слободы свидетельствуют о том, что часть своих средств они регулярно переводили в западные страны. Так, Алиса Фонтейнес в течение 1913 года регулярно перечисляла через банк в Берлин от 278 до 500 рублей ежемесячно⁴⁷⁹.

* * *

Каковы же побудительные мотивы благотворительности деловых людей Севера, что заставляло их отдавать свои немалые средства не на практические дела, связанные с бизнесом, а для помощи неимущим, из сострадания к ближним и т.п.?

К сожалению, ни духовные завещания, ни прошения купцов в городскую думу, ни другие документы не позволяют с достаточной убедительностью раскрыть эту сторону их деятельности.

Исследования историков, мемуарная литература, на наш взгляд, справедливо выделяют несколько причин благотворительности.

Одним из наиболее важных побудительных мотивов этого явления русской жизни исследователи считают повышенную религиозность купеческого сословия, в особенности первого поколения той или иной династии.

Русская православная натура стыдилась богатства, ибо оно от бога, и ты должен поделиться с теми, кто обделен его щедротами. И это рассматривалось не только как веление сердца, но и как долг и обязанность. “На свою деятельность, – пишет в своей книге “Москва купеческая” П.А. Бурьшкин, – смотрели не только или не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою. Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета, что выражалось отчасти и в том, что именно в купеческой среде необычайно были развиты и благотворительность, и коллекционерство, на которые смотрели как на выполнение какого-то свыше назначенного долга. Нужно сказать вообще, что в России не было того “культа” богатых людей, который наблюдается в западных странах. Не только в революционной среде, но и в городской интеллигенции к богатым людям было не то что неприязненное, а мало доброжелательное отношение”⁴⁸⁰.

С таким пониманием своего долга было связано стремление состоятельных людей помочь и церкви: соорудить на свои средства храм, отлить и подарить ему особый колокол и т.д. Подобным добродетельным актом в земной жизни купец хотел обрести благодать в загробном мире. В сознании русского человека, таким образом, отражалась идея искупления вины за богатство, которое всегда связано с грехом. Завещатель не забывал при этом почтить память своих родителей и ближайших родственников, а также подать своими делами пример своим наследникам. Именно поэтому купцы совершали наиболее крупные благотворительные пожертвования, находясь в преклонном возрасте, и часто завещали соорудить храм на месте своего рождения или захоронения предков. Таким образом поступили известные в Архангельске бизнесмены А.В. Булычев и Беляевские. Как уже отмечалось, первый соорудил несколько церквей, оказывал помощь Кузнечевской кладбищенской церкви, около которой покоился прах его родных. Отец и сын Беляевские выделили щедрые ассигнования на сооружение богадельни на своей родине в Шенкурском уезде в честь похороненных там предков.

В суммированном виде все упомянутые выше идеи нашли отражение в духовном завещании крестьянина Петра Петровича Амосова, написанном в 1895 году. Это единственный документ подобного рода из числа выявленных мной, который написан нестандартным языком и содержит тщательную роспись не только всего имущества своим завещателям, но и своеобразное родительское наставление сыну. Позволю себе привести вступительную, наиболее интересную часть изъявления “последней воли” известного бизнесмена.

“Не тяжкая болезнь, не предчувствие близкой смерти, – говорится в этом пространном документе, – побудили меня составить настоящее духовное завещание, а здравый разум и каждодневный жизненный опыт, говорящий о непрочности и внезапности жизни нашей, и те горькие и плачевные обстоятельства, какие бывают после смерти между родными, если не будет оставлено им завещание. Руководствуясь такими мотивами, я, находясь в здравом уме и твердой памяти, заблагорассудил сделать следующие распоряжения...

...Прошу любезную супругу мою Александру Кирилловну всегда помнить, что дети наши ничем столько не убеждаются, как христианскими и добрыми примерами своих родителей и иным любовным и ласковым и сердечным обращением, а потому пусть супруга моя избегает при воспитании и раннем развитии сына нашего Петра строгих и принудительных мер, которые только ожесточают характер малолетних, а также не насиловать в развитии тех стремлений и склонностей, какие будут проявляться от природы, имея всегдашнею и единственною притом целью направлять их к добру, честности и пользе, основывая на христианских началах, единственно верных и надежных. Такое здоровое воспитание и поставит сына нашего по возможности на прямую дорогу, а нас будет радовать в жизни загробной”⁴⁸¹.

Нравственные мотивы этих деяний усматриваются и в том, что тот или иной предприниматель благодарил своим пожертвованием в пользу города его жителей за доверие к нему, его практическим общественным делам. В 1895 году купец С.Д. Лемяхов выделил средства на пристройку к зданию городской Николаевской богадельни с полной отделкой “на 10 призреваемых”, содержание которых он обеспечил капиталом в размере 14 800 рублей. В своем заявлении по этому поводу бывший пинежский крестьянин писал: “Будучи глубоко проникнут вниманием Архангельского городского общества, которое в продолжение 32 лет непрерывно удостоивало меня выбором на различные должности по ведомству городского общественного управления, и вместе с тем, желая оказать со своей стороны посильную помощь бедным гражданам Архангельска, я счел своим нравственным долгом учредить в городской Николаевской женской богадельне десять стипендий для призреваемых”⁴⁸².

Примерно таким же образом объяснял свое желание передать в дар городу дом для призрения бедных купец П.К. Куйкин. В своем письме от 4 ноября 1859 года на имя начальника Архангельской губернии он, сообщив о приобретении дома у коллежского асессора А.Ф. Черепанова, писал, что передает это сооружение в распоряжение архангельского попечительского общества с тем, чтобы “по возможности оказать помощь бедным и нищим, нередко скитающимся по домам и улицам и переносящим голод и холод”. Поскольку подобный поступок был одним из первых в Архангельске, то по предложению губернатора общее собрание купеческого и мещанского обществ решило поддержать “благое дело” и жертвовать ежегодно от обяв-

ленного капитала по 1/8% и полученные от этого средства в сумме 450 рублей ежегодно вносить в женское попечительское общество. Документ сохранил подписи более 70 горожан, первая из которых сделана рукой городского головы Егора Плотникова. Всего же купцы и мещане собрали 544 рубля. Затем для принятия дара Куйкина потребовалось специальное разрешение министра внутренних дел⁴⁸³.

Безусловно, благотворительность подогревалась и честолюбием предпринимателей. Как правило, обязательным условием завещателя (после его кончины) являлись регулярные поминания во время церковных служб его имени, присвоение его тому или иному заведению: богадельне, приюту, а позднее библиотеке, картинной галерее, музею, больнице и т.д. Так в Москве появились знаменитые Третьяковская галерея, Бахрушинская, Алексеевская, Солодовниковская и другие больницы, а в Архангельской губернии Булычевская и Беляевская богадельни, женское училище имени Петра Куйкина и мн. др.

А “в память Петра Амосова, много способствовавшего упрочению благосостояния крестьян”, была названа новая волость, выделившаяся в 1900 году из Вознесенской. Она получила название Пустошенско-Амосовская⁴⁸⁴.

Благотворительность купцов всячески поддерживалась светскими и духовными властями, учитывалась при награждении их орденами и медалями, а также присвоении званий почетных потомственных или почетных личных граждан, коммерции советника и т.д.

Нет возможности рассказать обо всех случаях пожертвований, совершенных архангельскими предпринимателями. Частично этот пробел восполняет приложенная в конце книги таблица, характеризующая разнообразные по сферам вложений и по объемам пожертвований их благотворительные деяния.

...Отлаженный механизм наследования действовал исправно вплоть до революционных потрясений 1917 года. Декреты Совнаркома, которые предусматривали национализацию всех богатств, объявлявшихся так называемыми нетрудовыми доходами, до основания разрушили эту систему. В результате наследники не получили практически ничего из созданного многолетним трудом имущества. Покажу это на примере архангельского купца второй гильдии Григория Михайловича Писахова - отца знаменитого сказочника и художника Степана Писахова.

Пользуясь случаем, хочу прежде всего сказать немного о родословной Степана Григорьевича. Отец сказочника Год Пейсах, мещанин Шкловского общества Могилевской губернии, крестился, стал Григорием Пейсаховым, получил отчество Михайлович от крестного отца архангельского мещанина Михаила Прохорова. В молодом возрасте он оказался в нашем городе. Здесь он женился, записался в купеческую гильдию.

Согласно материалам Первой Всероссийской переписи населения 1897 года, в семье 49-летнего купца были жена Ирина Ивановна, 45 лет, сын Степан 17 лет и дочери Таисья, Серафима и Евпраксия, соответственно 18, 13 и 11 лет⁴⁸⁵.

Свое основное занятие купец определил как “золотых и серебряных дел мастерство”, а побочное – “торговля разными хозяйственными принадлежностями”. На деле это означало, что Григорий Михайлович имел ювелирную мастерскую и небольшой магазин. В семье купца работали три человека прислуги: экономка, кучер и кухарка. Кроме того, Писахов содержал подмастерья и одного ученика.

Ирина Ивановна, жена купца, была дочерью писаря конторы над архангельским портом Ивана Романовича Милюкова и его жены Хионии Васильевны. Дед Ирины Ивановны Роман Степанович был архангельским чиновником 14-го класса.

Переписной лист свидетельствует о том, что все члены семьи носили фамилию Пейсаховы. В различных документах, выявленных в архиве, просматривается настойчивое стремление главы семьи во что бы то ни стало изменить написание своей чисто еврейской фамилии. Примечательный факт: даже такой важный документ, как переписной лист 1897 года, Григорий Михайлович подписал фамилией Писахов, хотя все шесть членов семьи поименованы в нем как Пейсаховы. Городские власти, в частности городская управа, и в 1918 году выписывала все официальные документы на последнюю фамилию.

Григорий Пейсахов умер 17 декабря 1917 года. А 3(16) Февраля 1918 года купеческая вдова Ирина Ивановна предъявила в окружной суд необходимые документы и просила “духовное завещание утвердить к исполнению”⁴⁸⁶.

Свое завещание Григорий Михайлович составил довольно рано – 7 июля 1900 года. Оно было переделано вновь и внесено в реестр уже в марте 1914 года. Вот выдержка из этого любопытного документа: “Я, Григорий Михайлович Писахов, находясь в здравом уме и твердой памяти, принадлежащее мне дворовое место с двухэтажным деревянным домом и прочими строениями, находящимися в городе Архангельске по Троицкому проспекту, завещаю в пожизненное пользование жене моей Ирине Ивановне Писаховой, а после смерти ее имущество это завещаю в собственность детям моим: Татьяне Григорьевне Кошелевой, Александре Григорьевне Мошковой, Татьяне Григорьевне Быковой, Серафиме Григорьевне Писаховой и Степану Григорьевичу Писахову в равной части каждому”⁴⁸⁷.

Второй свой дом, расположенный на улице Поморской, а также деньги и все, что в день смерти окажется, Писахов завещал в полную собственность своей жене.

Если переводить собственность в цены той поры, то она, по условиям северного города, была немалой. Дом на Троицком проспекте наследники оценили в 30 тысяч рублей, строения на Поморской – в 10 тысяч рублей, квартирную обстановку и утварь – в 400 рублей. Покойный располагал вкладами в банках и сберкассах на сумму более 23 тысяч рублей, а также имел 40 листов займов Временного правительства на сумму 34 тысячи рублей.

История вхождения наследников в свои законные права оказалась очень сложной. 8 июля 1918 года Ирина Ивановна получила из суда справку о том, что “На основании декрета Совнаркома “Об отмене наследования” дело о наследстве Г.М. Писахова прекращено”.

12 ноября 1918 года, т.е. в то время, когда у власти в Архангельске оказалось белогвардейское правительство Н.В. Чайковского, окружной суд слушал дело о наследстве Г. Писахова второй раз и утвердил духовное завещание купца к исполнению.

Однако пользование наследников добром, нажитым золотых дел мастером, оказалось недолгим. В 1920 году постановлением губернского ревкома домовладельцам разрешалось иметь в личном пользовании только один дом, все остальные переходили в собственность города. А вкладчикам банков оставлялось в собственность только по 10 тысяч рублей и то лишь в том случае, если владелец счета смог доказать, что деньги нажиты личным трудом. Иначе говоря, у наследников Григория Писахова было отнято все, за исключением дома по Поморской улице, в котором и жил сказочник Степан Писахов со своей сестрой Серафимой Григорьевной до своей кончины 3 мая 1960 года.

Этот дом хорошо знали многие писатели нашей страны. В нем бывали Л. Леонов, В. Лидин, И. Эренбург и ряд других мастеров слова...

В заключение этого раздела нашей книги заметим, что купеческие дети сберегли традицию составления духовных завещаний даже в советское время. В этих документах уже не шла речь о распоряжении нажитым богатством. Духовное завещание в новой обстановке превратилось в своеобразный наказ потомкам.

Приведем лишь один пример – выдержку из подобного документа, составленном Анной Гавриловной Варфоломеевой, дочерью устьважского купца Г.Ф. Кузнецова.

На исходе XIX века Анна Гавриловна соединила свою судьбу со священнослужителем Н.В. Варфоломеевым. Долгое время отец Николай служил в Унском приходе. У Варфоломеевых появилось пятеро детей. В 30-е годы старый священник был сослан в республику Коми. Почти сразу же после возвращения с Севера (в октябре 1944 года) он умер. А вслед за ним ушла из жизни и его супруга.

Обращаясь к своим детям, Анна Гавриловна писала в своем завещании: «меня по смерти сразу отпойте церковью, и к тебе, Клавдий, обращаюсь, закажи сразу Сорокоуст на Кузнечевском кладбище, там каждый день служба, помянуть иерея Николая и Анну. И поминайте нас в дни нашего Ангела и дни смерти. Папа помер 21 октября.

Во что меня одеть, у меня все приготовлено. 2 свечи сожгите у гроба, они наши – венчальные. Венчик который-нибудь положите мне на лоб, а разрешительную молитву вложите в руку, иконку положите на грудь. Думаю, что исполните все, о чем прошу.

Спасибо, что не оставляли меня при жизни, за что и Вас Господь не оставит, а меня – прошу всех – простите, кого и чем обидела. Живите, мои дорогие, между собой дружно, согласно, и если с кем несчастье из вас случится, по возможности помогайте все. При похоронах мне не нужно ни музыки, ни бумажных сделанных венков, а лучше соберите небольшой поминальный обед, но только без вина. Позовите моих знакомых старушек, помяните меня. Да сохранит вас Господь и будет мое благословение на всех вас!»⁴⁸⁸.

Таким образом, духовное завещание, утратив былую роль распорядительного документа о судьбе нажитого добра, становилось в новое время явлением нравственным для потомков усопших.

Меценаты и благотворители

⁴⁵⁵См. Бурьшкин П.А. Указ.соч. С. 23.

⁴⁵⁶См., например: “Правда Севера” за 6 окт. 1987 года, где отмечалось, что А. Булычев, “замаливая грехи перед земляками, из которых долгие годы выжимал пот и кровь, отдал... значительную часть своего состояния” церквям и монастырям.

⁴⁵⁷Бурьшкин П.А. Указ. соч. С. 122.

⁴⁵⁸См., например: Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII-XIX вв.: Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996. С. 240-254.

⁴⁵⁹Подводя итоги благотворительной деятельности П.К. Куйкина, редактор газеты “Архангельские губернские ведомости” отметил, что часть своего состояния Петр Кузьмич “употребляет на украшение храмов Божиих, на созидание учебных и благотворительных заведений, заботится об участии несчастных собратий, дает приют престарелым и убогим и облегчает положение бедных вдов и сирот”. Газета называла это “образцом христианской любви и сочувствия к ближнему”, образцом, достойным подражания // АГВ. 1861. 4 февр. С. 35.

⁴⁶⁰АГВ. 1853. 1 авг.

⁴⁶¹АГВ. 1861. 4 февр.

⁴⁶²ГААО. Ф. 50. Оп.1. Д. 959.

⁴⁶³Устав попечительского общества дома трудолюбия в г. Архангельске. Архангельск, 1898.С.1.

⁴⁶⁴ГААО. Ф. 29. Оп. 5. Т.6. Д. 2109. Л. 5.

⁴⁶⁵Там же. Ф. 49. Оп. 1. Т. 2. Д. 3337. Л. 2, 18.

⁴⁶⁶Там же. Ф. 50. Оп.3. Д. 545. Постановление от 7.02. 1892 г.

⁴⁶⁷Архангельские епархиальные ведомости. 1902. 30 июня-15 июля (№№ 12-13). С. 407-411.

⁴⁶⁸Там же. С. 411.

⁴⁶⁹Архангельск. 1916. 28 июня.

⁴⁷⁰Зеленина Т.В. История семьи Плотниковых – Шингаревых /Научно-исследовательская работа в художественном музее. Сб. ст. Вып. 1. Архангельск: 1998. С.148-168.

⁴⁷¹Зеленина Т.В. Указ соч., с. 156.

⁴⁷²АЕВ. 1889. № 8-9. С. 159.

⁴⁷³См. ГААО. Ф. 50. Оп.3. Д. 612е. Л.223; Ф. 8. Оп. 1. Д. 29. Л. 29об.; Справочная книга по Архангельскому городскому общественному самоуправлению. 1870–1910. С. 272—275.

⁴⁷⁴Справочная книга..., С. 272; ГААО. Ф. 7. оп. 1. д. 508. Л. 189об., 192, 207об.

⁴⁷⁵АГВ. 1887. 1, 4, 8 июля (№ 52–54).

⁴⁷⁶ГААО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 87.

⁴⁷⁷Там же. Ф. 97. Оп. 1. Д. Л. 18.

⁴⁷⁸Там же. Т. 7. Д. 247. Л. 11–17.

⁴⁷⁹Там же. Т. 4. Д. 165. Л. 22–30.

⁴⁸⁰Бурьшкин П.А. Указ. соч. С.113.

⁴⁸¹ГАО. Ф. 29. Оп.5. Т. 6. Д. 2109. Л. 2.

⁴⁸²Там же. Ф. 50. Оп.3. Д. 612е. Л. 131, 155.

⁴⁸³Там же. Ф. 49. Оп.1. Т. 2 Д. 3282. Л.1–20.

⁴⁸⁴АГВ. 1900. 9 января.

⁴⁸⁵Там же. Ф.6. Оп.18. Д.17. Л. 25–27.

⁴⁸⁶Там же. Ф. 69. Оп. 2. Д. 342. Л. 1–2.

⁴⁸⁷Там же. Л. 18.

⁴⁸⁸Захаров В. О святости духовного завещания//Приходский вестник Покровской православной церкви Новодвинска (приложение к газете «Бумажник»). 199. 1 мая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Время не властно по отношению к явлениям, отраженным в данной книге. К ним обращались когда-то уже давно ушедшие из жизни историки. На долгие годы страницы летописи жизни и деятельности купеческого сословия были почти забыты или преподносились читателю в урезанном, а нередко и в искаженном виде.

Между тем наши поиски в архивах, ценные сведения, добытые моими предшественниками, убедительно свидетельствуют о том, что более трех столетий основной фигурой архангельской городской жизни являлись купцы, определявшие экономическую и общественную жизнь Архангельска. Из их среды избирались почти все городские головы, большинство представителей городской думы. На средства торговых людей возводились первые корабли, заводы и мастерские, церкви и богадельни.

Приобщение к предпринимательской деятельности выявило среди потомственных северян десятки волевых, незаурядных людей, имена которых навсегда вошли в историю Севера и всей России. Биографии целого ряда купцов города ждут своего пытливого исследователя. Будем надеяться, что продолжение работы над темой позволит со временем уточнить и дополнить приведенные данные.

Разнообразный и во многом впервые представленный в этом издании материал позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, в обстоятельных трудах российских исследователей начала XX века высказано немало суждений об искусственном создании властями многих русских городов, о том, что русский город в XVIII веке “представлял собой хрупкий, экономически слабый организм, не имевший под собой питательной почвы”⁴⁸⁹ и т.п. Нам представляется, что по отношению к Архангельску более справедливым является замечание академика М.Н. Тихомирова о том, что наиболее существенным признаком социально-экономического положения города является развитие его посадской общины, а в особенности последующая судьба самого городского поселения.

Архангельск, возведенный в 1584 году, несмотря на все взлеты и падения, успешно играл роль всероссийской корабельной пристани для торговли с иноземцами. Активная деловая жизнь в городе развертывалась в городе во время летней торговой ярмарки, к началу работы которой по Северной Двине устремлялся поток российских товаров, приходили из дальних стран иностранные корабли.

В течение XVI – XVII веков Архангельск, являясь единственным морским портовым городом России по торговле с Западом, сыграл значительную роль в складывании единого всероссийского рынка. После возвращения Петром I Балтийского моря привилегированное положение Архангельска пало. Некоторое время иноземные купцы по традиции стремились попасть сюда, но постепенно они поняли экономическую выгодность торговли через Петербург. В немалой степени быстрому падению роли северного порта способствовали указы царя,

затруднившие торговлю в Архангельске и ставившие Петербург в особое положение.

Результаты появления новой пристани на Балтике и действий правительства не замедлили сказаться. За короткое время, с 1718 по 1726 год, оборот Петербурга вырос с 487 тыс. руб. до 3 953 тыс., т.е. более чем в 8 раз. В это же время оборот Архангельска соответственно сократился с 2941 тыс. руб. до 321 тыс., т.е. более чем в девять раз.

Купеческий капитал, создаваемый в Архангельске, готовил условия для развития промышленного капитализма во всей России: он способствовал концентрации денежных средств в отдельных руках, расшатывал натуральный характер старого общества и помогал созданию единого всероссийского рынка.

Во-вторых, северный порт на первых порах являлся средоточием военнослужилого населения и священнослужителей, так как в состав его вошел Архангельский монастырь. Собственная торгово-ремесленная группа создавалась и росла медленно, но фактическое влияние ее было определяющим, ибо ремеслом и торговлей занимались и люди военного чина – стрельцы и отставные служилые. Формирование местного купечества представляло собой сложный и длительный процесс, в ходе которого властями применялись как принудительные меры, так и предоставление различных государственных льгот и поощрений. Как и во всей России, оно окончательно завершилось в последней четверти XVIII века.

В-третьих, архангельское купечество пополнялось различными путями: за счет разбогатевших жителей посада, иногородних торговцев, иностранцев, но главным образом – местных крестьян. В книге дан анализ этих процессов, приведены статистические данные и списки купцов 1-й и 2-й гильдий за некоторые наиболее характерные периоды развития города.

Архангельское купечество очень рано осознало необходимость защиты его интересов со стороны государства. Это четко проявилось в “Наказе жителей города Архангельска в Екатерининскую законодательную комиссию”, анализу которого посвящена в нашей книге отдельная глава.

Идя навстречу торговому и промышленному люду, российские власти, начиная с XVII века проводили протекционистскую экономическую политику.

Архангельский морской порт явился тем центром, где государство непрерывно упорядочивало таможенную службу, подчинив ее интересам сбора денег в казну. Здесь ограничивались сделки иностранных купцов с русскими торговцами: им запрещалась розничная торговля, взимались повышенные пошлины. Эти и другие меры защищали отечественных купцов и производителей от иностранного капитала.

Протекционистские действия центральных властей вызывали и сейчас вызывают противоречивые оценки, как исследователей, так и практических деятелей. Резонно предположить, что система разумного поощрения собственной промышленности и торговли была и остается важной задачей любого национально-государственного правительства.

В-четвертых, вследствие особенностей Севера архангельское купечество сравнительно медленно создавало крупные состояния.

Ряд купеческих семей накопили первоначальный капитал благодаря сооружению винных заводов (Володины, Сурков и др.).

Большинство же из них приобретало капиталы в результате торговых операций с иностранными государствами. Как правило, все состоятельные промышленники Севера получали значительные прибыли, продавая корабли, смолу, сало и шкуры морских зверей, а затем и древесину. Лесоматериалы являлись для них самым доходным и постоянным предметом бизнеса. Все купцы, как выходцы из Западных стран, так и русские, начиная со второй половины XIX века строили лесозаводы, вывозили производимую на них продукцию на русских, а чаще на иностранных кораблях в зарубежные страны.

Весомых результатов на этом поприще добились В. Брандт, кланы Фонтейнсов, Пецов, М. Ульсен, К. Стампе, Е. Шергольд и др.

Среди русских предпринимателей выделялись А. Чудинов, А. и Я. Беляевские, Володины, Кыркаловы, Вальневы, Я. Макаров и ряд других.

Почти все упомянутые выше промышленники являлись предпринимателями-универсалами. Наряду с продажей древесины они осуществляли посреднические функции и вывозили на Запад смолу, хлеб, юфть, пушнину, звериные шкуры, сало. Все это ими закупалось у промысловиков Поморья, а также крестьян Поважья, Пинежья и Подвинья.

В-пятых, особенности торговли и производства диктовали свои законы в области их организации. Долгое время преобладающей формой объединения купеческих капиталов на Севере были небольшие семейные фирмы и торговые дома. Последняя форма оказалась при сравнительно небольших оборотах весьма живучей на Севере, так как она открывала ряд преимуществ для привлечения дополнительных капиталов и в то же время снижала степень государственного надзора, достаточно ощутимого по российскому законодательству в случае создания акционерного общества.

Полновесные акционерные компании впервые возникли в XIX веке на речном и морском транспорте, а позднее (в основном в XX веке) – в лесопилении.

На всем протяжении XVIII и XIX веков в Архангельске господствовал торговый капитал. Наиболее состоятельными людьми были купцы, имевшие собственные корабли, на короткое время выделилась группа владельцев сахарных заводов, а потом постепенно первенство перешло к собственникам лесопильных заведений.

Пример многих выходцев из северных деревень служит ярким доказательством, что русские люди, имея подчас минимальное образование или, получив его, как говорили в старину, “на медные деньги”, своим упорным трудом и дарованием оказались способными создать в трудных условиях Севера масштабное самостоятельное дело. В своей практической деятельности они не уступали иностранцам, обосновавшимся в Архангельске, и сравнительно быстро занима-

ли почетное место в архангельской торгово-промышленной и общественной среде.

Такими, например, были знаменитые создатели первой в России пильной мануфактуры и судостроительной верфи Баженины, купцы Крыловы, Поповы, Беляевские, Володины, Кыркаловы, Вальневы, крестьяне Щепоткины, А. Чудинов, И. Бурков и ряд других.

Опыт деятельности упомянутых выше северных купцов и промышленников разоблачает существующие и в наши дни версии о слабой, ни на что не способной русской буржуазии.

И как тут не вспомнить замечательные слова из книги П.А. Бурьшкина “Москва купеческая” об известной семье Боткиных, давших России выдающихся деятелей на самых разных поприщах. Говоря о знаменитом враче, лейб-медики Сергее Петровиче, он заметил: “С.П. Боткин происходил из чистокровной великорусской семьи, без малейшей примеси иноземной крови и тем самым служит блестящим доказательством, что если к даровитости славянского племени присоединяют обширные и солидные познания, вместе с любовью к настойчивому труду, то племя это способно выставлять самых передовых деятелей в области общеевропейской науки и мысли”⁴⁹⁰.

В-шестых, в архангельском предпринимательском мире, как и во всем российском купечестве, не сложилось династий, представители которых владели бы своим капиталом более двух-трех поколений. Для выяснения причин этого явления требуется конкретный анализ деятельности каждой купеческой семьи.

Особой страницей в истории торгово-промышленной жизни Архангельска является создание иностранцами отдельной поселенческой структуры – Немецкой слободы, где жили выходцы из западноевропейских стран.

Анализ жизни иноземцев, их взаимодействие с русской общиной показывает, что основным мотивом обоснования торговцев из западноевропейских стран на Севере являлся поиск экономической выгоды. Обладая навыками коммерческого дела, связями с родиной, необходимыми капиталами, многие иностранные купцы быстро приспособились к условиям России, успешно вели свои торгово-промышленные дела, оттеснив на долгое время своих русских коллег.

Деятельность поселенцев Немецкой слободы, участие их своим трудом и капиталами в торговле и развитии промышленности региона и города заслуживают положительной оценки. Они способствовали становлению производительных сил края, обучению местного купечества навыкам в коммерческих делах, а позднее и созданию совместных акционерных компаний и т.д. Часть русских купцов получила свое образование в немецкой школе.

Некоторые разбогатевшие иностранцы нашли применение своим капиталам за пределами Архангельской губернии. Наиболее ярко это проявилось в деятельности купцов 1-й гильдии Э.В. Брандта, Э.Е. Линдеса (во Владимирской губернии) и А.Ю. Суркова (в Вологодской губернии).

Таким образом, иностранные купцы и промышленники сыграли существенную роль в экономическом прогрессе Севера, как и всей России в целом.

Вместе с тем, по нашему мнению, нельзя считать, что иностранные инвестиции имели определяющее значение в экономическом развитии Севера. Получив первоначальный толчок от выходцев с Запада, северные предприниматели сравнительно быстро развернули бизнес в области внешней торговли и промышленности. Опираясь на собственные средства и банковские кредиты, архангельские купцы и крестьяне (Баженины, Крыловы, А. Чудинов, Беляевские, Володины, Макаровы, А.И. Костогоров, И.И. Бурков и многие другие) добивались поразительных результатов в своей деятельности. Можно сказать о том, что приток иностранцев, в особенности во второй половине XIX века, застал на Севере не целинное поле, а достаточно взрыхленную почву.

Обобщенные нами материалы свидетельствуют о том, что иностранные предприниматели постепенно интегрировались в окружающую экономическую и общественную среду. На грани XIX и XX вв. заметно усилилась тенденция к созданию акционерных компаний, где концентрировались средства русских предпринимателей и выходцев из Западной Европы или их потомков. Среди таких компаний можно указать на северодвинское пароходное общество, “Стелла Поларе” и ряд других.

При этом надо иметь в виду, что бывшие иностранцы вкладывали во вновь создаваемые или расширявшие свою деятельность заведения капиталы, созданные в России. Безусловно, подобная форма сотрудничества способствовала внедрению российских промышленников в мировую торговлю.

В своей книге мы впервые попытались осветить такую пока еще слабо изученную в отечественной литературе проблему, как благотворительность северных деловых людей.

Пожертвования купцов и промышленников на развитие образования, нужды церквей и монастырей, проявление заботы о больных, сиротах, престарелых, одним словом, стремление творить “благие дела” являлось одной из наиболее характерных особенностей жизни российского предпринимательского мира, в том числе и провинциального купечества.

Судя по документам, предприниматели Севера не отставали от своих собратьев и систематически делали различные по размерам и форме пожертвования на нужды Архангельска и всей губернии.

В числе крупных архангельских меценатов были П.К. Куйкин, А.В. Булычев, Я.А. Беляевский, П.П. Амосов, А.И. Костогоров, пинежские купцы Володины и многие другие.

С некоторой долей условности можно выделить **три** основных направления благотворительных деяний архангельских купцов: поддержка народного образования (сооружение школ, училищ, выделение специальных стипендий для нуждающихся), создание богаделен и разнообразная помощь церквям и монастырям.

Автор полагает, что одной из наиболее важных причин этого явления была повышенная религиозность купеческого сословия, в особенности первого поколения той или иной династии.

Благотворительность подогревалась также и честолюбием предпринимателей. Как правило, обязательным условием завещателя (после его кончины) являлись регулярные поминания во время церковных служб его имени, присвоение его тому или иному заведению: богадельне, приюту, а позднее библиотеке, картинной галерее, музею, больнице и т.д. Таковы в Архангельской губернии Булычевская и Андреевская богадельни, женское училище имени Петра Куйкина и мн. др.

Эта сторона деятельности купцов всячески поддерживалась светскими и духовными властями, учитывалась при награждении их орденами и медалями, а также присвоении званий почетных потомственных или почетных личных граждан, коммерции советника и т.д.

Попутно заметим, что российские историки, и в особенности публицисты и журналисты, в начальный период изучения истории купечества видели его главную заслугу в меценатстве и благотворительности. Они менее всего обращали внимание на профессиональную деятельность и деловые качества предпринимателей. Ясно, что требуется четкий и взвешенный подход к освещению той и другой стороны их реальных дел.

Читатель имел возможность убедиться в том, насколько тернистым был путь северного предпринимателя и как трагически он завершился в первые годы советской власти.

Разумеется, купеческое сословие России имело немалые слабости, объясняемые условиями своего времени. О них ярко поведали в своих произведениях А.Н. Островский, Максим Горький и многие другие художники слова. Но в деятельности того или иного человека или целого сословия нас привлекают прежде всего реальные дела во имя процветания своего родного края и всего Отечества. И в этом смысле позитивная роль архангельского купечества не вызывает никаких сомнений.

Трезвое осмысление этого богатого и далеко не однозначного, противоречивого исторического опыта поможет глубже понять природу и уроки деловой жизни прошлого, определить приемлемость минувшего в сегодняшней и грядущей хозяйственной практике.

Заключение

⁴⁸⁹См. Дитятин И. Устройство и управление городов России. Т. 1. Города России в XVIII столетии. СПб., 1875; Кизветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903; Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб. 1909.

⁴⁹⁰Бурышкин П.А. Указ. соч. С. 163.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	
Часть первая	
Деловой Архангельск в истории России.....	
Из истории российского купечества.....	
Рождение и становление архангельского купечества.....	
Сколько было в Архангельске торговых людей?.....	
Наказ города Архангельска.....	
Для пользы делового мира Поморья.....	
Из истории архангельских банков.....	
Первое окно в Европу.....	
Внешняя торговля.....	
Торговые пути-дороги.....	
Торговля на русских морских судах.....	
От торговли — к производству.....	
Купцы и промышленность.....	
Семейные фирмы, торговые дома, акционерные компании.....	
Ярмарки.....	
Немецкая слобода.....	
У истоков иноземного поселения.....	
Рождение Немецкой слободы.....	
Дела торговые.....	
Внедрение в промышленность.....	
На службе обществу.....	
Репрессии против жителей Немецкой слободы.....	
На заре XX века.....	
В период интервенции.....	
«Обратить в достояние Республики».....	
Трагедия деловых людей Севера.....	
Часть вторая	
Портреты северных негоциантов.....	
Купцы гостинной сотни Баженины.....	
Адмиралтейский комиссар Избрант.....	
Негоцианты Поповы.....	
Купец Ксенофонт Анфилатов	
Русский норвежец Ульсен.....	
Деловые люди уездов.....	
Торговый дом «Андрей и Яков Беляевские».....	
У Макарова Якова дела было всякого.....	
Поморский лишенец	
Лесопромышленник Андрей Чудинов	
Основатель целлюлозного производства на Севере Альберт Сурков.	
Первые кооператоры Севера.	
Купеческие завещания	
Меценаты и благотворители	
Заключение	